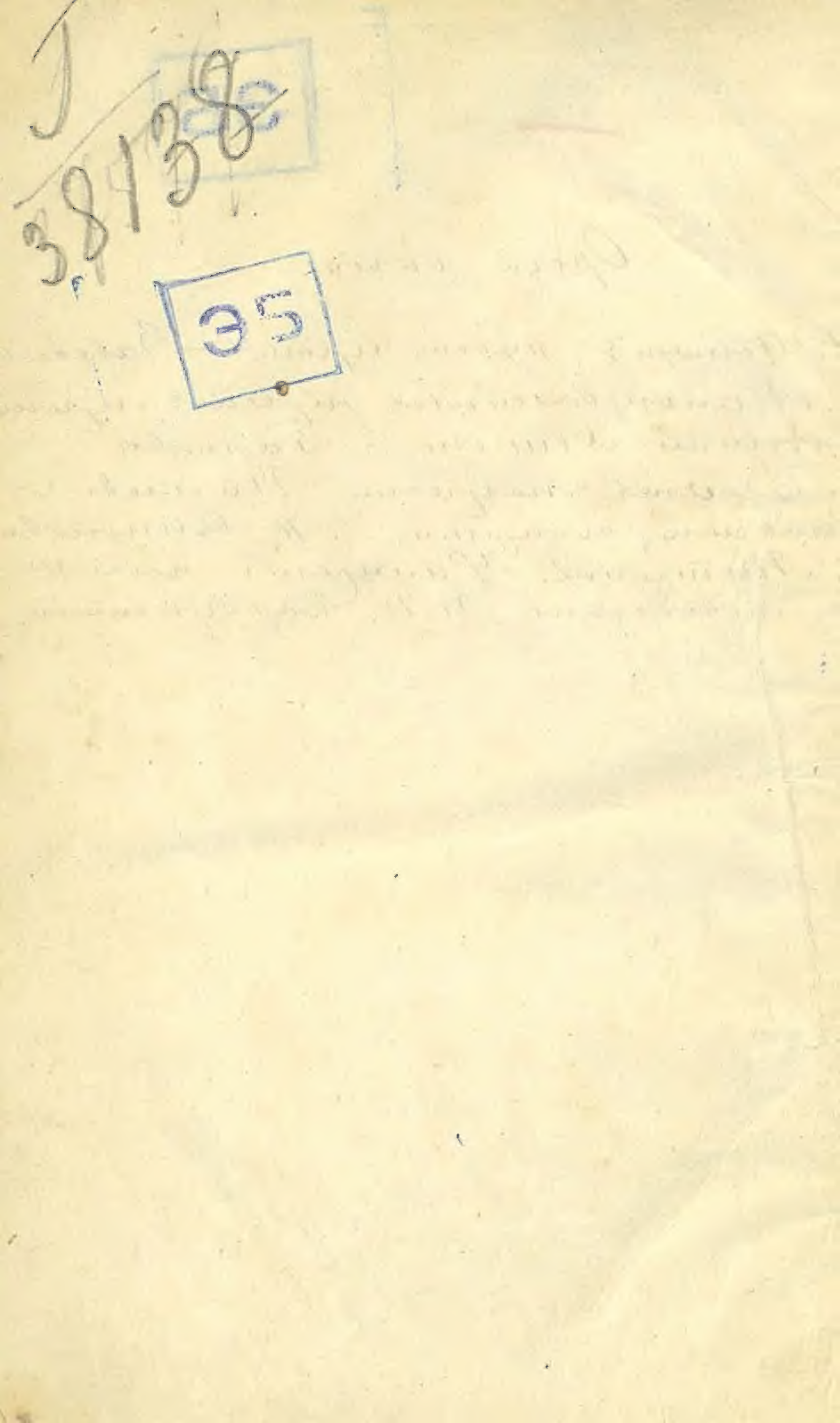


ИСТОРІЯ

РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА

отъ XVII вѣка до настоящаго времени.

составилъ

П. Заведеевъ, преподаватель Тульской Духовной Семинаріи.

ТУЛА.
Типографія Н. И. Соколова, Кіевская улица, домъ Козловыхъ.
1879.

От Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, февраля 22 дня 1879 года.

Цензоръ Священникъ Михаилъ Боголюбскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль нашего изданія состоитъ собственно въ томъ, чтобы восполнить пробѣлъ Исторіи Русскаго Проповѣдничества новаго періода, котораго не достаетъ въ имѣющихся у насъ разныхъ изданіяхъ по Исторіи Русскаго Проповѣдничества. Но я долженъ объяснить, почему начинаю свое изданіе не прямо съ третьяго періода, а съ XVII вѣка, то есть съ эпохи вліянія южно-русскаго проповѣдничества на сѣверно-русское.

Схоластическій періодъ дѣлится на двѣ эпохи: на эпоху юго-западнаго схоластическаго проповѣдничества и на эпоху сѣверно-русскаго проповѣдничества, которое находилось подъ вліяніемъ перваго. Но если вникнуть во внутренній и даже внѣшній характеръ проповѣдей обѣихъ эпохъ, то между ними окажется большое различіе. Проповѣдники юго-западнаго схоластическаго направленія создали для проповѣди одну внѣшнюю форму, проповѣдники же сѣверно-русскіе вложили въ эту форму жизнь. Они внесли въ сѣверную Россію просвѣщеніе и положили начало русской самостоятельной проповѣди. Хотя въ ихъ проповѣди и замѣтны слѣды ихъ прежняго воспитанія въ католическихъ школахъ, но эти слѣды были какъ капля въ морѣ. Жизнь русскаго общества, его стремленія освободиться отъ оковъ вѣковаго невѣжества, съ другой стороны разные недостатки простаго народа заставили просвѣтителей, прибывшихъ съ юга на сѣверъ отказаться отъ традицій схоластической гомилетики и внести въ свою проповѣдь элементъ жизненный, касавшійся интересовъ времени. Поэтому, если проповѣди сѣверно-русскихъ проповѣдниковъ по нѣкоторымъ пріемамъ и можно отнести къ періоду схоластическому, то по

внутреннему характеру и содержанію своему онѣ больше принадлежатъ къ новому періоду проповѣди самостоятельной, и многія изъ нихъ представляютъ въ этомъ отношеніи образцы, достойные подражанія. Они приготовили и проповѣдниковъ такъ называемаго новаго періода, которые хотя и избѣгали схоластическихъ пріемовъ и даже порицали своихъ предшественниковъ за употребленіе ихъ въ проповѣди(*); но вмѣстѣ съ тѣмъ они и подражали имъ, проповѣдуя сообразно съ обстоятельствами и потребностями времени; а нѣкоторые изъ проповѣдниковъ новаго времени не ускользнули и отъ схоластическаго вліянія проповѣди по тону и характеру своей рѣчи. Таковы напр. проповѣдники Елизаветинскаго періода. Значитъ между эпохой XVII вѣка и новымъ періодомъ есть связь, и многія явленія въ исторіи новаго періода не могли бы быть объяснены безъ изложенія эпохи предшествующей, которую, поэтому, правильнѣе назвать эпохою „переходною", отразившеюся и на хорошей и на дурной сторонѣ русской проповѣди 18-го вѣка. Вотъ почему мы начинаемъ свое изданіе съ этой эпохи.

Статьи наши были помѣщаемы въ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 1878 году.

(*) Феофанъ Прокоповичъ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА ОТЪ XVII ВѢКА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Эпоха вліянія южно-русскаго проповѣдничества на сѣверно-русское.

Стремленіе къ просвѣщенію на сѣверѣ Россіи; потребность въ книгахъ и образованныхъ людяхъ. Переходъ югозападной образованности въ Москву вмѣстѣ съ проповѣдничествомъ. Представители юго-западнаго схоластическаго проповѣдничества на сѣверѣ Россіи.

Въ половинѣ XVII вѣка, въ Москвѣ, особенно въ высшихъ слояхъ общества, замѣтно стало обнаруживаться стремленіе къ просвѣщенію, которому уже не могли удовлетворить туземные грамотники. На зовъ этого стремленія переходили съ юга въ Москву разныя книги, пріѣзжали ученые люди, которымъ поручалось устройство училищъ, переводъ и печатаніе книгъ. Въ числѣ первыхъ книгъ, перешедшихъ въ Москву еще въ началѣ XVII в. были: „Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона и Катихизисъ Лаврентія Зизанія. Первымъ вызовомъ ученыхъ изъ Кіева былъ вызовъ, сдѣланный Алексѣемъ Михаиловичемъ, по желанію боярина Ртищева въ 1649 г. для заведеннаго имъ училища въ андреевскомъ монастырѣ. Прибывшіе по этому вызову иноки составили ученое братство, которое трудилось не только въ училищѣ, но и при исправленіи богослужебныхъ книгъ, а также переводѣ и печатаніи отеческихъ сочиненій. Съ этого времени кіевскіе ученые составляютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, около котораго преимущественно сосредоточивается образованіе и литературная дѣятельность. Вмѣстѣ съ другими явленіями науки и образованности перешла въ Москву изъ юго-западной Россіи и проповѣдь. Собственной проповѣди въ Москвѣ давно уже не было. При совершенномъ упадкѣ просвѣщенія въ духовенствѣ, не только не было людей способныхъ учить народъ живымъ словомъ, но даже образовалось въ XVII в. странное мнѣніе, что проповѣдь ведетъ къ ереси. Когда одинъ священникъ города Орла пермской губерніи вздумалъ говорить проповѣди сво-

его сочиненія, то встрѣтилъ сильное противодѣйствіе во многихъ изъ своей паствы, которые говорили, „что онъ вводитъ новость, что-то странное, чего прежде не было“.

Вмѣсто проповѣдей, читались въ церквахъ избранныя слова изъ отцевъ церкви. Съ приходомъ съ Москву юго-западныхъ ученыхъ, явилась самостоятельная проповѣдь, которая вначалѣ малымъ чѣмъ отличалась отъ проповѣдей схоластическихъ; но впослѣдствіи времени, подъ вліяніемъ практическаго русскаго духа и разныхъ обстоятельствъ жизни русскаго общества и государства, она приняла болѣе практическое направленіе и сдѣлалась руководительницею русскаго общества. Представителями южно-русскаго направленія въ проповѣди XVII вѣка были въ сѣверной Россіи: Епифаній Славинецкій; менѣе его слѣдовалъ пріемамъ юго-западной проповѣди Симеонъ Полоцкій и еще менѣе— одинъ Орловскій священникъ, неизвѣстный по имени, который, сознавъ непригодность южно-русскихъ проповѣдей, какъ образцовъ для проповѣди невѣжественному народу, много и усердно трудился надъ измѣненіемъ пріемовъ, рекомендуемыхъ этими проповѣдями. Св. Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій внесли также много жизненнаго элемента въ свои проповѣди; но, какъ получившіе образованіе въ юго-западныхъ и заграничныхъ польскихъ школахъ, они не могли совершенно отрѣшиться отъ преданій южно-русской гомилетики и часто пользовались въ своихъ проповѣдяхъ тѣми пріемами, которые она рекомендовала. Новый совершенно практическій характеръ получаетъ проповѣдь съ Өеофана Прокоповича, начавшаго свою просвѣщенную дѣятельность при Петрѣ Великомъ.

Епифаній Славинецкій.

Его образованіе; вызовъ въ Москву. Литературныя работы; дѣятельность проповѣдническая. Слова къ священникамъ и монахамъ,—противъ раскольниковъ и о милосердіи. Внѣшняя сторона проповѣдей Славинецкаго.

Въ числѣ мужей, вызванныхъ съ юга Россіи просвѣщать сѣверное царство выдается своимъ значеніемъ, ученостію и трудолюбіемъ Епифаній Славинецкій. Получивъ образованіе въ кіево-могилянской коллегіи, онъ ѣздилъ учиться за границу и, по возвращеніи оттуда, сдѣланъ былъ учителемъ въ

кіевскомъ братскомъ училищѣ. Отсюда, вмѣстѣ съ другими учеными монахами, онъ вызванъ былъ въ 1649 г. въ Москву и для обученія русскаго народа свободнымъ наукамъ и для перевода греческихъ книгъ". По прибытіи въ Москву, Епифаній сдѣлался начальникомъ патріаршаго училища въ Чудовомъ монастырѣ и главнымъ справщикомъ книгъ. Трудился онъ въ Москвѣ для образованія общества около 26 лѣтъ.

Литературная дѣятельность Епифанія была обширна, разнообразна и плодовита: онъ занимался переводомъ отеческихъ греческихъ книгъ и исправленіемъ книгъ богослужебныхъ; кромѣ того онъ выпросилъ себѣ позволеніе исправить славянскій текстъ Библіи и хотѣлъ знакомить русское общество своими переводами съ разными сочиненіями по части свѣтской науки. Самостоятельное авторство Епифанія было дополненіемъ къ этой работѣ и обнаруживалось въ составленіи разныхъ теоретико—богословскихъ трактатовъ, историческихъ сочиненій и даже церковныхъ службъ. Епифаній былъ человѣкъ науки, а не жизни. Между тѣмъ патріархъ Никонъ сдѣлалъ его оффиціальнымъ проповѣдникомъ въ соборахъ, согласно существовавшему тогда обычаю на югѣ Россіи, и Епифаній долженъ былъ взять на себя эту обязанность, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ сочувствовалъ ей.

Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которыя были написаны, вѣроятно, не для произношенія съ каѳедры, а какъ образцы для общаго употребленія и руководства: таковы напр. три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. Слова эти признаются лучшими за ихъ сравнительно болѣе практическое направленіе.

На проповѣдяхъ Славинецкаго вполнѣ отразился его личный характеръ. Какъ самъ онъ былъ не практическимъ дѣятелемъ, а ученымъ, въ тиши монашеской кельи занимавшимся переводомъ и исправленіемъ книгъ, такъ и его проповѣди имѣютъ не практическій, а созерцательный характеръ, исключая словъ упомянутыхъ выше, которыя были написаны не для произнесенія съ церковной каѳедры и въ которыхъ представлялся Славинецкому случай говорить о тѣхъ занятіяхъ, которымъ онъ былъ преданъ.

Слова общеназидательныя, произнесенныя съ церковной каѳедры, содержатъ въ себѣ объясненія догматовъ православной вѣры, правилъ христіанской нравственности, раскрытіе разныхъ текстовъ Библіи и похвалу въ честь святыхъ. На первомъ планѣ во всѣхъ проповѣдяхъ этого рода стояла истина, а потомъ народъ, которому онъ говорилъ; и въ народѣ этомъ обращали на себя вниманіе проповѣдника потребности общехристіанскія, а не временныя нужды. По этому, на основаніи словъ Епифанія, нельзя составить характеристики времени и мѣста, въ которомъ онъ обращался при своей жизни. Почти всѣ его слова можно было произносить въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Общій предметъ теоретической мысли или признанное всѣми правило христіанской нравственности,—вотъ общая тема проповѣдей Епифанія. Въ словахъ историческихъ и похвальныхъ проповѣдникъ рисуетъ въ общихъ чертахъ добродѣтели и славу похваляемыхъ лицъ. Нравственныя приложенія къ слушателямъ у Епифанія есть почти въ каждой проповѣди, но эти приложенія, за не многими исключеніями, характера общаго. Въ заключеніи слова на „страсть Христову“ проповѣдникъ говоритъ: „раздеремъ жестокое сердецъ нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетасму... и злосмрадныя душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержимъ страсти, а отъ смерти грѣховныя освободимся, и воскреснемъ со Христомъ воскресшимъ, побѣдителемъ смерти побѣдоноснымъ, Ему же слава“. Въ заключеніи слова, сказаннаго при освященіи храма изъ текста: „быша же обновленія въ Іерусалимѣ, и зима бѣ“—Славинецкій говоритъ: „обновленіе сего храма празднующе, аще хощемъ новыя благодати Божія виномъ души наши напоити, не будемъ мѣхи ветхіи, извержимъ изъ сердецъ нашихъ смертоносную грѣхопаденій ветхость, облецемся въ новыя правды ризы, не прилагаимъ къ тѣмъ ветхаго неправды прилога, обновимся обновленіемъ добродѣтельныя жизни, отложимъ ветхаго человѣка, тлѣемаго по похотямъ лести, облецемся въ новаго человѣка, по Богу созданнаго, въ правдѣ преподобіи и истины, будемъ новіи мѣхи, да новымъ благодати Божія виномъ напоимъ души наша“...

Другой элементъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго составляютъ таинственныя и символическія толкованія. Склон-

ный къ отысканію во всемъ таинственнаго или преобразовательнаго смысла, Епифаній является тонкимъ совопросникомъ. Явленіямъ природы, событіямъ исторіи и тексту Библіи онъ даетъ вездѣ духовный, символическій высшій смыслъ. Символическія толкованія Епифанія часто занимательны и интересны и могутъ возбуждать человѣка къ благочестивымъ размышленіямъ, но никогда не имѣютъ въ виду никакихъ практическихъ примѣненій къ жизни христіанской. Въ словѣ изъ текста: „благословиши вѣнецъ благости твоея" проповѣдникъ предлагаетъ вопросъ: „что есть вѣнецъ благословенный"? и отвѣчаетъ: „благословенный и многоцѣнными одушевленными камнями удобренный Христа нашего вѣнецъ есть единая святая коѳолическая церковь, якоже Григорій Нисскій учительствуетъ". Другая проповѣдь представляетъ Христову церковь въ лицѣ „благообразной Рахили, которая пасла овецъ отца своего Лавана и украла его идоловъ".

При такомъ направленіи мысли Епифанія, его проповѣдь удовлетворяетъ больше пытливости христіанской, чѣмъ нравственной назидательности. Нерѣдко говоритъ проповѣдникъ въ своихъ поученіяхъ противъ такихъ лжеучителей, которые существовали во времена давно прошедшія и которые не смущали ни его совѣсти, ни совѣсти его слушателей. Онъ упоминаетъ о гностикахъ, манихеяхъ новатіанахъ и т. п. Въ такихъ проповѣдяхъ было больше интереса ученаго, историческаго, чѣмъ живаго назидательнаго.

Южно-русская проповѣдь часто для разъясненія извѣстныхъ священныхъ истинъ дѣлала указанія на лица и событія языческой исторіи. Въ словахъ Епифанія Славинецкаго постоянно встрѣчаются указанія на событія и лица языческой исторіи, изреченія мудрецовъ неизвѣстныхъ христіанству. Разительные факты изъ языческой и гражданской исторіи могутъ быть приводимы съ пользою въ церковномъ словѣ, если они нужны для болѣе нагляднаго подтвержденія какой нибудь истины; но если проповѣдникъ безъ нужды прибѣгаетъ къ истинамъ, не слышимымъ въ церкви, изъ желанія щегольнуть своею ученостію, то онъ можетъ повредить только впечатлѣнію. Для людей незнакомыхъ съ свѣтскою мудростію гораздо понятнѣе слова св. апостоловъ и отцовъ, чѣмъ мудрецовъ языческихъ. Между тѣмъ Епифаній на равнѣ—съ писаніями, принятыми и уважаемыми цер-

ковію, цитуютъ, напр. Одиссею. Въ словѣ о постѣ выставляется мнѣніе Епиктета, который говорилъ, что весь кругъ земной опустошаютъ двѣ тягчайшія злобы нетерпѣніе и невоздержаніе, и потому положилъ двѣ главныя заповѣди для человѣка: „терпи и воздержись: Онъ приводитъ свидѣтельства изъ Плутарха и другихъ языческихъ историковъ и философовъ, напр. Демокрита. Въ одномъ словѣ, убѣждая христіанъ заботиться о созиданіи и благолѣпіи храмовъ, онъ описываетъ храмъ, воздвигнутый въ Ефесѣ Артемидѣ и примѣромъ идолослужителей хочетъ пробудить христіанъ къ этому дѣлу.

Несравненно большій интересъ имѣютъ тѣ слова Епифанія Славинецкаго, которыя написаны были имъ по нуждамъ своего времени, но которыя по самому назначенію своему не могли всѣ произноситься съ церковной каѳедры. Таковы три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, одно противъ раскольниковъ и три слова о милосердіи. Эти проповѣди чужды отвлеченнаго характера и полны жизни. Три слова Епифанія къ священникамъ раскрываютъ ихъ пастырскія обязанности. При патріархѣ Никонѣ невѣжественный, до неразумія привязанный къ богослужебному обряду и къ книжной церковной буквѣ раскольническій духъ весьма сильно волновалъ русскій народъ и возобладалъ надъ многими малограмотными священниками, которые не хотѣли повиноваться разумно-дѣйствующей высшей церковной власти. Вотъ почему Славинецкій въ первомъ и третьемъ словѣ къ священникамъ съ новымъ ревніемъ учитъ ихъ благопокорливости и благопослушливости въ отношеніи къ архіереямъ богоизбраннымъ, бдящимъ о душахъ ихъ, совѣтуетъ пастырямъ церкви „иныя вяжуще, связать самихъ себя благоплетенною узою любви Божія, иныя рѣшающе, рѣшать злоплетенную пленицу своихъ грѣхопаденій". Всеобщее невѣжество народа было одною изъ главныхъ причинъ раскола. Епифаній, какъ ученѣйшій мужъ своего времени, болѣе другихъ сознавалъ это; и онъ убѣждаетъ священниковъ внушать на исповѣди духовнымъ дѣтямъ заботу объ устроеніи училищъ. „Пецыйся и промышляй всѣмъ сердцемъ и душею елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія еже устроити училища вездѣ, ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши остав-

леніе". Во второмъ словѣ Епифаній говоритъ о необходимости для церковнаго пастыря вести чистую непорочную жизнь.

Слово къ монахамъ требуетъ, чтобы монахъ въ своей жизни вполнѣ соотвѣтствовалъ идеалу подвижника. Постоянный плачъ о грѣхахъ, смиреніе и воздержаніе — вотъ добродѣтели, которыя должны украшать истиннаго монаха. «Ибо, спрашиваетъ Епифаній, кому подобны тѣ монахи, которые пренебрегши душеполезнымъ воздержаніемъ, наполняютъ чрево свое вкусными явствами, и которые презрѣвши приличную для монаховъ нестяжательность, стремятся къ пріобрѣтенію тлѣнныхъ богатствъ, одеждъ и другихъ подобныхъ мірскихъ вещей для своего удовольствія, — кому подобны сіи?... Далѣе онъ совѣтуетъ монахамъ чуждаться мірскаго общества и пребывать въ безстрастіи и послушаніи.

Три слова противъ раскольниковъ написаны съ цѣлію вразумить и направить на истинный путь тѣхъ ревнителей старины, которые шли противъ исправленія богослужебныхъ книгъ и которые по этому случаю стремились отдѣлиться отъ истинной православной церкви. Въ одномъ изъ этихъ словъ проповѣдникъ, послѣ раскрытія мысли о вѣчной враждѣ діавола противъ благодатнаго царства, при изъясненіи двухъ знаменій апокалипсиса о женѣ и о зміѣ, говоритъ, что жена—святая Божія церковь, а змій діаволъ. На семи главахъ змія было 7 вѣнцовъ, которые означаютъ «седмь главныхъ еретиковъ» (Арія, Македонія, Аполлинарія, Несторія и другихъ). Къ нимъ относятся раскольники и мятежники настоящаго вѣка, сами отторгающіеся отъ церкви Христовой и другихъ отторгающіе. Въ этомъ же словѣ проповѣдникъ развиваетъ мысль о значеніи и важности архіереевъ и священниковъ и убѣждаетъ повиноваться имъ; потомъ исторіею защищаетъ дѣло исправленія книгъ, указывая, между прочимъ на то, что самая божественная литургія нѣсколько разъ сокращалась и исправлялась.

Гораздо интереснѣе другихъ 3-е слово противъ раскола «на непокорники церкви отъ лица тоя», гдѣ сама церковь говоритъ своимъ возлюбленнымъ чадамъ увѣщательное слово: «До нынѣ я терпѣла лживоглаголющихъ, народно не говорила о нихъ; но молчала, ожидая ихъ обращенія и покаянія, но нынѣ зрю ихъ необращающихся, а лающихъ на

святыя таинства, и смущающихъ паству, и не терплю прочее, видя овчата восхищаема». Раскольники хотятъ казаться изряднѣйшими богословами и искусными сказателями сокровенныхъ таинствъ въ божественныхъ писаніяхъ, а на дѣлѣ они слѣпые невѣжды, едва письмена слагати навыкшіи, грамматическія же хитрости (не помяну риторскія философскія и богословскія, ими же все состоится божественное писаніе) ниже наченшіи вкушати. И такіе люди дерзаютъ, по своему невѣжеству, божественныя писанія толковати, паче же развращати, облуждати и осуждати богоискусныхъ мужей славенска и греческа языка... Не хотятъ видѣть они, что не вѣра въ догматахъ исправляется, а только нѣкоторыя рѣченія, измѣненныя то неудомѣніемъ и описками невѣжествующихъ писцовъ, то не призрѣніемъ и невѣжествомъ правителей типографіи, то потому, что не было у типографскаго правленія древнихъ рукописныхъ книгъ. И нынѣ такія погрѣшности по возможности исправляются въ древнихъ книгахъ... И такъ православно-россійскій народъ, не сомнися, обрѣтая въ новопечатныхъ книгахъ нѣкія перемѣны; то не суть превращанія, ниже развращенія, или ереси. Вѣруй мнѣ, матери своей.. я не дамъ вамъ камня, вмѣсто хлѣба, не подамъ змію и скарпію вмѣсто рыбы". Это говоритъ человѣкъ, защищающій отъ невѣжественныхъ людей дѣло исправленія книгъ, которое составляло существенную потребность времени, и которому онъ самъ былъ преданъ всецѣло.

Весьма также интересно слово Епифанія о милосердіи, представляющее обширное изслѣдованіе объ этой добродѣтели, въ которомъ много глубокихъ и свѣтлыхъ мыслей. Слово раздѣляется на три бесѣды. Въ первой бесѣдѣ показывается важность и великое значеніе милосердія, во второй говорится о лицахъ, которымъ прежде всего надобно благотворить, въ третьей о необходимости учрежденія „братства, или общества милосердія". „Милость, говоритъ Епифаній въ первомъ словѣ, есть сердечное и умное движеніе, сочувствіе нуждѣ человѣческой, выражающееся или однимъ желаніемъ помочь человѣку, или дѣятельною помощію". Вторая бесѣда научаетъ благоразумному подаянію милостыни, а не безъ разбора. „Если ты видишь просителя здороваго и не состарѣвшагося и даешь ему милостыню, то самъ дѣлаешься общникомъ грѣха. Стыдно смотрѣть, какъ размножились у насъ

скитающіеся гуляки, обманщики, какъ много таскается по улицамъ здоровыхъ женщинъ съ малыми дѣтьми, а еще болѣе дѣвицъ. Иные за деньги нанимаютъ малыхъ дѣтей и чрезъ нихъ собираютъ милостыню, а ночи проводятъ во всякомъ безчинствѣ". Проповѣдникъ совѣтуетъ прежде всего помогать тѣмъ бѣднымъ, которые, хотя сидятъ дома и не ходятъ по улицамъ за милостынею, но которые переносятъ такую великую нужду, какой нельзя встрѣтить на улицахъ. Къ такимъ онъ относитъ іереевъ и діаконовъ, служащихъ душамъ человѣческимъ, между тѣмъ не имѣющихъ никакихъ доходовъ или имѣющихъ малыя и скудныя, — вдовъ и сиротъ, странниковъ и пришельцевъ, разорившихся отъ болѣзни, пожара, кражи и наконецъ уже просителей народныхъ. Югозападныя «братства» внушили Славинецкому мысль для призрѣнія бѣдныхъ и для устраненія безчинства составить братство или общество милосердія. Эту мысль онъ высказываетъ въ третьей части своего слова. „Дѣло милости, говоритъ онъ, тогда будетъ имѣть хорошій успѣхъ, когда многіе совокупными усиліями будутъ стараться достигать одной цѣли .. Кто будетъ давать деньги, а кто помогать своимъ трудомъ. Каждое воскресенье будутъ братья сходиться для разсужденія между собою и выберутъ изъ среды своей десять распорядителей. Постоянные посѣтители будутъ приходить и извѣщать братію о человѣческихъ нуждахъ. Братія будетъ обсуждать: кому, чѣмъ и сколько помочь, смотря по надобности: инымъ бѣднымъ можно давать временное пособіе, другимъ постоянное—до самой смерти. Женщины могутъ составить свое общество милосердія и, собравши пожертвованія могутъ еженедѣльно отсылать въ главное всепріятилище". Наконецъ Епифаній предлагаетъ устроить кассу и давать изъ нея бѣднымъ взаймы, а если много будетъ денегъ въ кассѣ, то можно давать и имущимъ, но въ обоихъ случаяхъ безъ лихвы.

Внѣшній характеръ изложенія въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго соотвѣтствуетъ внутреннему характеру его мысли. Епифаній любилъ символизмъ, — подъ внѣшнимъ подразумѣвалъ внутреннее: поэтому и рѣчь его была полна метафорами, не для всякаго доступными, а съ другой стороны вычурными и натянутыми. Онъ постоянно рисуетъ образы, подбираетъ метафору къ метафорѣ и въ одномъ, напр. сло-

вѣ приглашаетъ слушателей „изсѣчь душевредное стволіе неправды богоизощреннымъ сѣчивомъ покаянія, искоренить изъ сердецъ пагубоносный волчецъ лукавства, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возрастить на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, цѣломудрія, милосердія, братолюбія, украсить благовонными цвѣтами всякихъ добродѣтелей“. Языкъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго — чистый славянскій(*).

Симеонъ Полоцкій.

Происхожденіе и образованіе Симеона Полоцкаго. Его значеніе при царскомъ дворѣ. Характеръ его литературной дѣятельности вообще. Проповѣдническая дѣятельность Симеона. Сборники его поученій. Практическое направленіе его проповѣди. Языкъ. Слѣды вліянія схоластической гомилетики на проповѣдь Полоцкаго.

Послѣ Епифанія Славинецкаго самымъ виднымъ представителемъ югозападнаго образованія въ Москвѣ былъ Симеонъ Полоцкій. Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситіановичъ Полоцкій родился въ апрѣлѣ 1629 года, въ Бѣлоруссіи. Образованіе получилъ въ знаменитой кіевской коллегіи и довершилъ его въ польскихъ католическихъ школахъ. Монашество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имя Симеона онъ принялъ въ Полоцкомъ Богоявленскомъ братскомъ училищѣ. Съ способностями живыми, съ словомъ легкимъ и свободнымъ, съ образованіемъ, удовлетворявшимъ широтѣ тогдашнихъ требованій, ему не трудно было пріобрѣсти себѣ славу много свѣдущаго человѣка и блестящаго оратора. Такому человѣку тѣсно было въ сферѣ провинціальной, въ партіи угнетенной, постоянно долженствовавшей отстаивать свои права отъ нападенія поляковъ. Когда Алексѣй Михайловичъ, во время похода въ Лифляндію (1656) былъ въ Полоцкѣ, Симеонъ постарался обратить на себя его вниманіе искусно и

(*) О Епифаніѣ Славинецкомъ см. Тр. К. Д. Акад. 1861 г. т. 2 и 3. Опис рук. синод. библ. отд. 11 ч. 3, № 217, стр. 199—206. Ист. р. слов. Порфирьева, стр. 551.

складно сказанною похвалою ему, какъ побѣдителю. Увѣрившись въ покровительствѣ царя, Симеонъ отправился въ Москву искать счастія и надежда не обманула его. Въ Москвѣ Полоцкій является наставникомъ царскаго наслѣдника Өеодора Алексѣевича, воспитателемъ и собесѣдникомъ другихъ членовъ семейства Алексѣя Михайловича и пріобрѣтаетъ такую силу, какою могли располагать самые приближенные придворные. Онъ пользуется особенными милостями государя по устройству своего внѣшняго положенія, пріобрѣтаетъ вліяніе на дѣла церковныя, не занимая высшихъ іерархическихъ степеней, и впослѣдствіи, когда Өеодоръ Алексѣевичъ сдѣлался царемъ, пользуется такимъ почтительнымъ уваженіемъ послѣдняго, какимъ обыкновенно пользуется вліятельный учитель у своего послушнаго ученика. Такому значенію при дворѣ Полоцкій былъ обязанъ сколько своимъ личнымъ заслугамъ для двора, по воспитанію царевича Өеодора, столько своему тонкому, изворотливому уму, благодаря которому, онъ всегда умѣлъ найдтись, чтобы сказать кстати, подѣйствовать на нужнаго человѣка, раздѣлить съ нимъ пріятное и полезное: онъ услаждалъ своими бесѣдами Өеодора Алексѣевича и самаго Алексѣя Михайловича; отъ него много узнала Софія Алексѣевна, и съ нею онъ устроялъ во дворцѣ драматическія представленія своего собственнаго сочиненія. Въ скучный древній теремъ его вліяніе вносило жизнь, разнообразное и скромное, возможное тогда, развлеченіе. Неудивительно, что къ нему привязались наши цари и царевны. Значенію Симеона много также содѣйствовала его обширная литературная дѣятельность, касавшаяся интересовавшихъ тогдашнее общество вопросовъ.

Литературная дѣятельность Полоцкаго представляетъ его не столько человѣкомъ сосредоточенной мысли, сколько даровитымъ общественнымъ писателемъ. Въ этомъ отношеніи замѣтно явное различіе между Епифаніемъ Славинецкимъ и Симеономъ Полоцкимъ. Симеонъ Полоцкій больше ораторъ, чѣмъ ученый, больше литераторъ, чѣмъ мыслитель. Онъ пишетъ много, и пишетъ скоро, почти по всѣмъ отдѣламъ литературы; но въ самыхъ ученыхъ его работахъ (Вѣнцѣ вѣры) мы видимъ готовые результаты, не добытые имъ самимъ, а занятые имъ изъ чужихъ трудовъ. Основаніемъ для «Вѣнца Вѣры», гдѣ онъ представилъ христіанамъ полную догмати-

ку, послужили тѣ уроки, какіе преподавалъ онъ своему питомцу Ѳеодору Алексѣевичу. Здѣсь много познаній, много начитанности, большое знакомство съ чужими мнѣніями, но нѣтъ оцѣнки и критики ихъ. Въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ раскольниковъ «Жезлѣ духовномъ» онъ является опять таки скорѣе общественнымъ писателемъ, нежели ученымъ изыскателемъ, человѣкомъ не науки, а жизни. Онъ былъ глашатаемъ новыхъ идей, передовымъ общественнымъ дѣятелемъ своего времени. Онъ стоялъ за образованіе и старался сломить тѣ препятствія, въ которыхъ цѣпенѣла тогда русская мысль. Поэтому литературный талантъ его могъ развернуться во всей силѣ своей только въ сочиненіяхъ общественныхъ, къ какимъ принадлежитъ и церковная проповѣдь.

И дѣйствительно главною литературною дѣятельностію Полоцкаго была дѣятельность проповѣдническая. Плоды этой дѣятельности составили содержаніе двухъ сборниковъ: «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной», въ которыхъ собраны слова на воскресные и праздничные дни и на дни многихъ святыхъ. Къ послѣднему сборнику присовокуплено нѣсколько словъ на особенные случаи, напр.: на погребеніе частнаго человѣка, на погребеніе человѣка военнаго, católicoвитаго, благоговѣйнаго архіерея и т. д.; а также нѣсколько словъ, говоренныхъ по особеннымъ временнымъ побужденіямъ, напримѣръ: противъ народныхъ суевѣрій, о божественномъ писаніи, о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ и слушаніи литургіи „о взысканіи мудрости“, отъ лица восточныхъ патріарховъ. «Обѣдъ душевный» вышелъ въ свѣтъ въ октябрѣ 1681 года; а «Вечеря» явилась въ началѣ 1683 года, послѣ смерти Полоцкаго. Названіе свое эти два сборника получили отъ того, что они изъясняютъ слово Божіе, которое есть пища для ума и сердца.

Общая мысль всѣхъ вообще проповѣдей Симеона Полоцкаго, находящихся въ первомъ сборникѣ,—это мысль о несоотвѣтствіи нашей жизни съ нравственнымъ закономъ, и о гибели, отсюда происходящей. Проникнутый ею, Полоцкій рѣдко остается въ области ученія; его направленіе нравственно практическое. Онъ старался проводить въ жизнь христіанскія правила и по возможности отвѣчать на ея запросы. Говоря, напримѣръ, о богоугодномъ освященіи воскреснаго

дня, онъ внушаетъ, между прочимъ, своимъ слушателямъ, что „не подобаетъ въ воскресные и праздничные дни прибытковъ искать куплями“, совѣтуетъ начальникамъ „во дни святые прогонять изъ торжищъ куплю дѣющихъ“, выставляетъ на видъ то, что не слѣдуетъ въ эти дни упиваться, „якоже обыкоша едва не всякихъ сановъ людіе въ праздники наипаче творити; не подобаетъ скакати и плясати, не подобаетъ и украшатися ризами паче обычая страны, выше званія своего и паче достойнаго, не подобаетъ и въ праздности тщетной въ день сей пребывати. Въ другой разъ, заговоривъ о храмѣ, онъ переходитъ къ мысли объ образѣ предстоянія въ немъ, нападаетъ на тѣхъ, которые въ церкви о купляхъ бесѣдуютъ и совѣщанія о нихъ дѣютъ, смѣхотворятъ, разглагольствуютъ и безчинствуютъ; касается безчинія женъ, уловляющихъ юношей вымышленіемъ суетныхъ ризъ и украшеній бѣлиломъ и червленіемъ и приводящихъ мужей своихъ въ обнищаніе. Практичность Полоцкаго видна не только въ выборѣ предметовъ для проповѣди, но и въ способѣ раскрытія ихъ. Говоря, напримѣръ, о милосердіи, Полоцкій разбираетъ тѣ извиненія, которыми оправдываютъ люди свое уклоненіе отъ христіанскаго долга.

„Вечеря душевная“ по преимуществу содержанія историческаго. Въ ней помѣщены проповѣди на дни святыхъ, на праздники Господни и Богородичны, и, сверхъ сего, нѣсколько словъ, вызванныхъ особенными обстоятельствами времени. И здѣсь, какъ и въ „Обѣдѣ душевномъ“ проповѣдникъ преслѣдуетъ практическія задачи. Говоря слово въ день, посвященный памяти извѣстнаго святаго, Симеонъ Полоцкій повѣствуетъ о христіанскихъ добродѣтеляхъ празднуемаго святаго и не останавливается на одномъ разсказѣ, но старается связать его съ теченіемъ жизни. Такъ въ словѣ на день памяти св. митропол. Филиппа, изобразивъ пастырскія доблести воспоминаемаго святителя, проповѣдникъ указываетъ качества истиннаго пастыря; въ словѣ на день Николая чудотворца онъ учитъ подражать добродѣтелямъ сего святителя.

Одною изъ задушевныхъ мыслей Симеона Полоцкаго было народное образованіе. Въ Вечерѣ Душевной есть нѣсколько проповѣдей, посвященныхъ раскрытію мысли о необходимости образованія. Въ недѣлю о блудномъ сынѣ онъ

говоритъ: „блудному сыну подобни сынове и днесь у многихъ родителей, безчинству вдающіеся и многу печаль со скорбію имъ приносящіи“. Въ словѣ проводится та мысль, что воспитываетъ дѣтей примѣръ, жизнь ихъ родителей и вообще среда окружающая. Поэтому родители и воспитатели должны быть чисты во всемъ: „отецъ долженъ быть въ дому, какъ солнце, мать какъ луна, а чада какъ звѣзды“. Воспитывая примѣромъ собственной жизни, родители въ то же время должны учить дѣтей: нужно учить дѣтей молитвѣ Господней, символу вѣры, заповѣдямъ Божіимъ, заставлять ходить въ церковь къ службамъ, исповѣдываться и пріобщаться, молиться дома утромъ и вечеромъ. Въ то же время должно учить рукодѣлію, или какому нибудь честному занятію, чтобы оставаясь въ праздности, дѣти не привыкали къ худымъ дѣламъ: „праздность есть мать всѣхъ худыхъ дѣлъ“. Въ другомъ словѣ на день св. Маѳы, къ примѣру собственной жизни, при воспитаніи дѣтей, онъ совѣтуетъ прилагать и наказаніе съ жезломъ: „снопа аще не млатиши, орѣха аще не разбіеши, не возмеши хлѣба и ядра, не пріимиши сытости и сладости, чадъ же аще не біеши, не сподобишися радости“. Воспитаніе и ученіе дѣтей должно начинать съ малыхъ лѣтъ: „что будетъ написано жезломъ на молодыхъ деревьяхъ, говоритъ онъ въ первомъ словѣ на день чудотворца Николая, то яснѣе и сильнѣе обозначается въ старыхъ; такимъ деревьямъ подобны юноши: что примутъ въ себя, какъ сѣмя, въ юности, то покажутъ, какъ плодъ въ старости. Въ словѣ, составленномъ и говоренномъ имъ на день Рождества Христова, отъ лица патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, пріѣзжавшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ, Симеонъ именемъ Божіей премудрости, рожденной въ Виолеемѣ, молитъ россіянъ изыскать научную премудрость, потому что она свѣтъ умныхъ очей и правило всему житію человѣческому, обращаясь отъ лица патріарховъ къ государю Алексѣю Михайловичу, онъ внушаетъ ему положить въ сердцѣ своемъ созидать греческія, славянскія и иныя училища, учениковъ умножить, своею милостію и вниманіемъ взыскать благоискусныхъ учителей, и всѣхъ поощрять на трудолюбіе(*). Въ

(*) Слово о взысканіи премудрости въ приб. къ Веч. 150—3.

словѣ на день Григорія Богослова онъ опредѣляетъ свойства истинной научной мудрости, которая состоитъ въ изученіи свободныхъ наукъ: грамматики, риторики, философіи и прочаго, что потребно въ гражданствѣ и способствуетъ достиженію духовной мудрости, и осуждаетъ ту мудрость, которая есть вражда на Бога и закону Божію не покоряется. Часто выхваляются въ „Вечерѣ“ святые, которые радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ или подавали примѣръ тщательнаго исканія мудрости.

Между поученіями, помѣщенными въ „прибавленіи къ Вечерѣ“ особеннаго вниманія заслуживаютъ слова: 1) о божественномъ писаніи; 2) поученіе отъ іереевъ къ сущимъ подъ ними въ паствѣ ихъ и 3) слово о суевѣріи или суечестіи. Въ первомъ словѣ очень картинно обрисованъ духъ пытливости, господствовавшій въ его время и нашедшій себѣ крайній исходъ въ образованіи раскольническихъ сектъ. „Разглагольствуютъ нынѣ, говоритъ Полоцкій, о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроцы, препираются на торжищахъ и скотопродателіе. Напослѣдокъ и буія женище словопреніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви пререкающе... учитися комуждо достоинъ -- и монаху и мірскому. Чтеніе божественныхъ писаній всякому полезно и мужу и женѣ: но учити тому прилично, ему же дадеся ключь разумѣнія и властъ ученія“(*). Второе и третье слово представляютъ много любопытныхъ данныхъ для исторіи народныхъ обычаевъ и суевѣрій, которыя обличаются Полоцкимъ отъ имени просвѣщенія и религіи. «Поученіе отъ іереевъ къ паствѣ»(**) назначалось священникамъ для чтенія прихожанамъ. Оно увѣщеваетъ пребывать въ благочестіи, не подражая тѣмъ людямъ, которые устами исповѣдуютъ истиннаго Бога; а дѣлами своими отвергаютъ Его, и чуждымъ богамъ, или лучше, бѣсамъ покланяются. Это—люди, предающіеся богомерзкимъ скаканіямъ, плясаніямъ, играніямъ; это прибѣгающіе за помощію къ діаволу, чародѣйствуя сами, или довѣряясь чародѣямъ; это почитатели чуждыхъ боговъ, хранители языческихъ обычаевъ. Въ словѣ «о суевѣріи» проповѣдникъ вооружается противъ суевѣрныхъ способовъ вра-

(*) Прибавл. къ Веч. душ. л. 5—7.
(**) — — — л. 15—23.

чеванія, каковы напримѣръ, ношеніе дѣтей въ баню и мазаніе ихъ грязью для того, чтобы предохранить отъ дурнаго глаза, ношеніе наузовъ (узловъ), записокъ съ заговорами, шептанія, дуновенія, произношенія непонятныхъ словъ и т. п. Онъ возстаетъ противъ гаданій, примѣтъ, противъ вѣры въ предвѣщательное значеніе встрѣчъ: волка, криваго или косаго человѣка, монаха, женщины и проч. Случится, говоритъ Полоцкій, человѣку обуваться и кашлянуть, или, выходя изъ дому споткнуться, онъ возвращается и не дѣлаетъ своего дѣла. Съѣдятъ ли мыши платье, суевѣръ боится грядущей бѣды и заранѣе оплакиваетъ свою судьбу, не жалѣя дѣйствительнаго убытка, причиненнаго ему мышами. Здѣсь же Полоцкій нападаетъ сильно на качели, находя въ нихъ слѣды древняго языческаго обычая. «Есть обычай богомерзкій въ странахъ нашихъ россійскихъ во градѣхъ же, въ селѣхъ и въ весѣхъ, еже висѣлицы нѣкія поставляти, именуемыя прости *рѣли* (качели), на нихъ же малiи и велицiи обыкоша колыхатися, съ великимъ бѣдствомъ здравія своего, многажды съ лишеніемъ живота, а всегда со грѣхомъ: ибо то древле идолослужители въ честь лжебогомъ своимъ творяху, а мы тажде содѣваемъ, аки боги ихъ знающе и чтуще». Возмущалъ Полоцкаго праздникъ „Купалы", совершаемый русскими на канунѣ Рождества Іоанна Предтечи, «когда разводили огонь и прыгали чрезъ него, называя это торжество «Купало»; язычники точно такимъ же образомъ чествовали своихъ боговъ». „Всю эту ночь нѣкоторые невѣжи проводятъ безъ сна, и наблюдаютъ, какъ будетъ восходить солнце, которое будто послѣ этой ночи восходя играетъ, скачетъ изъ мѣста въ мѣсто и измѣняется въ различные цвѣта. «Оле безумія! Оле суевѣрія, восклицаетъ Полоцкій, откуда сіе играніе солнца пріяша"? Въ св. писаніи этого нѣтъ, въ преданіяхъ св. отцевъ тоже; философы звѣздословы не знаютъ того, а невѣжды слышатъ другъ отъ друга и видятъ собственными глазами. Что же видятъ?... Какъ одна вещь двоится и троится въ глазахъ пьяницы, такъ и этимъ солнце—зрителямъ отъ излишняго смотрѣнія на солнце, отъ великаго движенія лучей его, поражающихъ глаза, представляется, что оно прыгаетъ и мѣняется цвѣтомъ и объемомъ».

Въ тотъ же день многіе собираютъ разныя травы и гадаютъ по нимъ о судьбѣ своей; если они въ одну ночь распустятся въ цвѣты, то радуются, ожидая исполненія своихъ желаній, а если нѣтъ, то плачутъ и ожидаютъ злоключенія. Иногда и сбыться могутъ, по слову Симеона, подобныя гаданія демонимъ дѣйствомъ. Всѣ эти и многія другія суевѣрія Полоцкій поражаетъ словомъ своимъ во имя вѣры и разума, какъ неприличныя христіанину, разуму противныя, наносящія грѣхи и душу погубляющія.

Всю вину пороковъ современнаго ему общества Полоцкій слагаетъ на священниковъ; потому что „велімъ нерадѣніемъ ихъ и всеконечнымъ небреженіемъ о чадѣхъ духовныхъ, премнози несмысленные людіе, аки безсловесныя овцы отъ пути праваго житія заблудиша, и въ пропасть погибельныя жизни уклонишася... Мнози невѣгласи, никогда же и нигдѣ же учениками бывше, учители нарицатися дерзаютъ... Суть же воистину не учителіе, но мучителіе. Тѣмъ же убо излиха умножися въ людехъ злоба и преуспѣ лукавство, волхвованіе, чародѣяніе, разбой, татьба, убійства, пьянство и нелѣпая игранія, грабленія, хищенія и иная тѣмъ подобная, напослѣдокъ и на обладающихъ возстаніе. Симъ же всѣмъ есть виновно наипаче отцовъ духовныхъ неискуство и нерадѣніе: яко не поучаютъ и не наказуютъ чадъ своихъ духовныхъ"... Такой іерей «есть и соль обуявшая, и солнце помраченное, и песъ нѣмый, не могущій лаяти, такіе іереи будутъ казнимы за беззаконія людей». Но болѣе всего возмущаетъ сердце Полоцкаго то, что въ его время въ православномъ государствѣ россійскомъ нашлись такіе беззаконные іереи, которые не только давали благословеніе измѣнникамъ на поднятіе оружія противъ благочестивѣйшаго самодержца, на убіеніе неповинныхъ, на мучительство и грабленіе, но и сами опорочили мечемъ и осквернили кровопролитіемъ свои освященныя руки, которыми держали тѣло и кровь Христову, сами назывались атаманами и были вождями убійцъ(*).

Въ предисловіи къ читателю въ „Обѣдѣ душевномъ" Полоцкій говоритъ, что его «Обѣдъ» нѣсть добре украшенъ,

---

(*) Слово въ день сошеств. св. Духа. Приб. къ [illegible] душ. л. 163—7.

яко иностранными зелiи, хитростьми витiйскими. Не украсивъ же, ово за скудость ума моего, ово яко удобѣе простое уразумѣваемо есть въ писанiи, неже красотами художественными покровенное". И дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношенiи взглядъ Полоцкаго на свои проповѣди можетъ считаться вѣрнымъ даже съ точки зрѣнiя настоящихъ понятiй о простотѣ. Языкъ его проповѣдей (церковно-славянскiй) простой, совершенно понятный и теперь; онъ не имѣетъ вычурной фигуральности. Рѣчь у него спокойная, близкая къ характеру собесѣдовательной рѣчи. Конструкцiя рѣчи естественная и удобопонятная. Мысль каждаго поученiя высказывается въ приступѣ опредѣленно; нѣтъ безцѣльныхъ отступленiй въ сторону, ни изысканныхъ примѣненiй. Сухимъ отвлеченностямъ, обременительнымъ для вниманiя, Полоцкiй предпочитаетъ описанiя и разсказы, которые наглядно представляютъ мысль и сообщаютъ проповѣди изобразительность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Симеонъ не былъ совершенно чуждъ влiянiя южно-русской схоластической гомилетики. Это влiянiе замѣтно: какъ въ названiи сборниковъ вычурными именами, такъ и въ искусственной связи, которую онъ указываетъ между ними. Въ предисловiи къ «Вечерѣ душевной» такъ объясняется связь обоихъ сборниковъ: „Обычай есть странствующимъ въ мiрѣ человѣкомъ общiй, еже не точiю обѣдомъ плоти своя учреждати, но къ тому и вечерями насыщати, дабы имъ чрезъ нощное поприще не прити во ослабленiе. И убо азъ въ предшедшее лѣто представивъ вамъ, православнымъ христiанамъ, обѣдъ душевный, судихъ въ настоящее лѣто предложити вечерю душевную". Полоцкiй метафорически выражаетъ наставленiе, какъ пастыри и пасомые должны пользоваться его проповѣдническими сборниками: „яждь обѣдъ, взимая руками ума твоето, прежуй зубами разсужденiя и поглощай въ устахъ памяти твоей". Въ сложныхъ словахъ, т. е. тѣхъ, которыя говорены были на дни, совмѣщающiе въ себѣ два или нѣсколько празднествъ, это влiянiе сказывается и въ построенiи рѣчи. Симеонъ въ словахъ на такiе дни старается не упустить изъ виду ни одного празднества и для этого совершенно искусственнымъ механическимъ образомъ соединяетъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ предметовъ. Кромѣ этого въ проповѣдяхъ Полоцкаго попадаются и другiе схоластическiе прiемы: толкованiе

имени, метафоры и аллегоріи; примѣры изъ древней языческой исторіи, и миѳологіи. Въ словѣ на день пророка Іоны проповѣдникъ, объяснивъ значеніе имени Іона (голубица), отыскиваетъ сходство между свойствами голубя и дарами св. Духа, и прилагая то и другое къ Іонѣ, находитъ, что Іона причастенъ всѣмъ семи дарамъ св. Духа. Въ словѣ на день апостоловъ Петра и Павла, рѣшая вопросъ, въ какомъ смыслѣ ап. Петръ называется камнемъ, уподобляетъ его тремъ камнямъ: кораллу, магниту и адаманту. Рядомъ съ отцами церкви Полоцкій ссылается и на языческихъ писателей — приводитъ изреченія и мнѣнія Платона, Аристотеля, Демосфена, Діодора Сицилійскаго и др. При всемъ томъ проповѣди Симеона Полоцкаго, по своимъ достоинствамъ, стоятъ гораздо выше проповѣдей современныхъ ему проповѣдниковъ; онѣ практичнѣе ихъ и обработаннѣе. Полоцкій не вымышлялъ предметовъ для своей рѣчи, а говорилъ о томъ, на что вызывали его дѣйствительныя потребности времени(*).

Орловскій Священникъ - проповѣдникъ XVII вѣка.

Происхожденіе проповѣдника и его первоначальныя занятія. Служеніе въ санѣ діакона и потомъ священника. Сборникъ проповѣдей его. Внутренній характеръ его проповѣдей; внѣшнія качества рѣчи и языка. Отношеніе слушателей къ его проповѣдямъ.

Въ то время, когда южные ученые поучали Москву своими краснорѣчивыми проповѣдями, въ далекой глуши Русскаго государства, въ городѣ Орлѣ пермской губерніи(**) одному приходскому священнику пришла въ голову мысль поучать своихъ прихожанъ живою, простою устною пропо-

---

(*) О Сим. Полоц. см. Древн. и Нов. Росс. 1875 г. № 9. Прав. Обозр. 1860 г. кн 3. Ист. Р. Слов. Галахова т. 1. слов. писат. дух. чина, м. Евген. Обз. Р. Дух. Литер. Филарета.

(**) Нѣкоторые смѣшиваютъ городъ Орелъ пермской губерніи съ орловымъ вятской. Орелъ пермскій въ XVII в. былъ самостоятельнымъ городомъ, занималъ мѣсто на правомъ берегу Камы, при самомъ впаденіи въ нее съ лѣва рѣки Яйвы, верстахъ въ 70 къ сѣверу отъ р. Чусовой. Въ этомъ городѣ былъ дворецъ знаменитаго пермскаго вотчинника Григор. Димитр. Строганова.—Кн. Бол. Черг. 150 стр.

вѣдію. Не много времени онъ проповѣдывалъ съ церковной каѳедры,—всего полтора года; но и въ это короткое время онъ успѣлъ произнести и записать болѣе 150 поученій, которыя вошли потомъ въ составъ его проповѣдническаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ „Статиръ“(*). Изъ двухъ предисловій къ „Статиру“, напечатанныхъ въ Дух. Бес. за 1858 г. т. 4, а также нѣкоторыхъ поученій изъ этого сборника, помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ, можно составить довольно полное понятіе какъ о жизни этого замѣчательнаго священника, такъ и о его достойной подражанія дѣятельности. Къ сожалѣнію остается скрытымъ для насъ его имя.

Во второмъ предисловіи къ сборнику высказывается вся чистая, добрая и откровенная душа проповѣдника. Онъ говоритъ здѣсь о своемъ низкомъ происхожденіи, о способѣ какимъ онъ писалъ проповѣди, выражаетъ свой личный взглядъ на ихъ достоинства и не скрываетъ отношенія къ нимъ нѣкоторыхъ изъ его собратій и слушателей. Поучительна жизнь этого, скрывшаго свое имя, служителя Божія въ XVII в.; поэтому мы передадимъ свѣдѣнія о ней нѣсколько подробнѣе, нежели передавали о жизни другихъ.

Онъ былъ поселянинъ и чернорабочій (навозогребъ). Родители его были правовѣрные, но люди самые простые, не происходившіе ни отъ священническаго, ни отъ какого либо знатнаго рода. Отецъ его былъ кожевникъ, дѣдъ портной, прадѣдъ пастухъ, а далѣе онъ не знаетъ. „Не въ поношеніе родившихъ меня, замѣчаетъ автобіографъ, говорю это, но свою худость изъявляю. Ибо они знали хотя какое нибудь ремесло и своими трудами зарабатывали хлѣбъ, а я и въ этомъ не сравнялся съ ними. Рубить дрова я слабъ, къ земледѣлію лѣнивъ, за соху взяться не умѣю, просить милостыню стыжусь. При такой неспособности моей и крайней грубости, я—поступилъ несмысленно—принялъ санъ діаконскій, и принялъ не съ тѣмъ, чтобы служить Богу, а для своего чрева и тунеядства, для прокормленія жены и дѣтей“... Пять лѣтъ онъ прожилъ въ санѣ діакона при пыскорскомъ

(*) Статиръ не былъ напечатанъ. Рукопись хранится въ Румянц. Музеѣ.

Спасопреображенскомъ монастырѣ(*), и тутъ потребовалъ читать священныя книги, не много узналъ законъ Божій(**) и «чуть чуть отсталъ отъ перваго скотомыслія». Начитавшись книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ способность и потребность учить другихъ и пожелалъ быть священникомъ. Вмѣстѣ съ этою потребностію у него соединялась и другая—выдти изъ послушанія и—повелѣвать самому. Но кажется, что первая цѣль у него преобладала надъ второю; потому что, когда онъ сдѣланъ былъ священникомъ при церкви Рождества Христова въ городѣ Соликамскѣ, то тотъ часъ же проникся сознаніемъ священныхъ обязанностей новаго пастырскаго служенія своего, въ особенности обязанности учить, наставлять; и чѣмъ глубже было сознаніе этой обязанности, тѣмъ труднѣе казалось выполненіе ея. Сознаніе трудности своей новой обязанности онъ высказалъ самъ въ своей автобіографіи. „Здѣсь (на должности священника) объяли меня бѣды, начали смущать помыслы и колебать бѣдную мою душу. Видя мою неспособность, я весьма раскаялся, зачѣмъ я вышелъ изъ обители Спасовой и повергъ себя въ затрудненіе. Самъ будучи убогъ, какъ подамъ другимъ слово утѣшенія? Самъ немощенъ и грѣхами разслабленъ, какъ буду врачевать недуги грѣховныя другихъ“?... Такое чувство всегда замѣчается у тѣхъ, кто искренно и усердно относится къ дѣлу своего служенія. Иначе, чѣмъ самъ священникъ, смотрѣли на него прихожане, оказывавшіе ему почтеніе, называвшіе его отцемъ духовнымъ, просившіе наставленія его въ духовныхъ нуждахъ. И тѣмъ замѣчательнѣе такое отношеніе прихожанъ къ своему пастырю, что онъ пробылъ у нихъ не болѣе двухъ лѣтъ. Въ это время онъ еще не проповѣдывалъ съ церковной каѳедры, а училъ и наставлялъ народъ въ частныхъ домашнихъ бесѣдахъ формѣ учительства гораздо болѣе обыкновенной въ древней Руси и гораздо болѣе до-

---

(*) Этотъ монастырь стоялъ на правомъ берегу Камы въ 15 верст. отъ Соликамска, внизъ по Камѣ.—Кн. Бол. Черт. 150 стр. - Основателемъ монастыря считается знаменитый родоначальникъ фамиліи Строгановыхъ, Аникій Строгановъ, въ монашествѣ Іосифъ.—Тр. К. Д Ак. 1861 г. т. 1, стр. 397. loco cit.

(**) Очень можетъ быть, что онъ сталъ засматриваться на этотъ источникъ уже въ санѣ діаконскомъ, такъ какъ предъ тѣмъ, по собственному признанію, думалъ только о прокормленіи себя, жены и дѣтей.

ступной для народа, чѣмъ проповѣдь. Однакожъ и это учительство такъ прославило священника, что самый знатный вотчинникъ Пермскій, Григорій Димитріевичъ Строгановъ приглашаетъ его къ новой своей церкви Похвалы Богородицы, принимаетъ его какъ отца, обезпечиваетъ въ матеріальномъ отношеніи, а главное поручаетъ ему «учить людей въ церкви Божіей». Повинуясь желанію своего покровителя, орловскій священникъ сталъ каждый воскресный и каждый праздничный день и на дни нѣкоторыхъ святыхъ говорить поучительныя бесѣды отъ священнаго писанія. Слышалъ онъ, что въ Россіи во многихъ городахъ умные священники говорятъ поученія наизустъ, а не по книгѣ читаютъ, и народъ весьма охотно слушаетъ ихъ,—рѣшился и самъ заучивать поученія на память, тѣмъ болѣе, что и Кириллъ Транквиліонъ, книгу котораго онъ читалъ съ особеннымъ усердіемъ, также хвалитъ въ книгѣ своей устное ученіе. Вначалѣ его проповѣдь имѣла мало самостоятельности; онъ произносилъ, большею частію, заученныя мѣста изъ поученій Кирилла Транквиліона и тѣмъ возбуждалъ не охоту къ слушанію въ своихъ прихожанахъ, изъ которыхъ многіе имѣли у себя эту книгу и читали дома. Первая неудавшаяся попытка не охладила ревности нашего проповѣдника къ дѣлу церковнаго учительства. Неограничиваясь первымъ пособіемъ и считая другое ходившее тогда по рукамъ пособіе—проповѣди Симеона Полоцкаго—невразумительнымъ для простыхъ людей, проповѣдникъ обращается къ древней отеческой письменности, особенно къ бесѣдамъ Златоуста и толкованіямъ Θеофилакта. Изъ нихъ онъ бралъ готовыя мысли, кратко излагалъ ихъ своими словами, располагая заимствованныя мѣста по своему, сообразно съ предметомъ и выражая приспособительно къ пониманію слушателей. Онъ сталъ относиться къ источникамъ болѣе свободно, нежели прежде, не буквально повторялъ заученныя мѣста изъ отеческихъ твореній, но произносилъ ихъ собственными выраженіями, съ прибавленіемъ иногда собственныхъ мыслей. Это, съ одной стороны, обусловливало живость и теплоту его слова, какъ увидимъ впослѣдствіи; съ другой—затрудняло для него дѣло церковнаго проповѣдничества. Не знала покоя душа моя, говоритъ онъ въ обращеніи къ читателю, пока я трудился въ написаніи книги сей; во время молитвы и священнослу-

женія рыскалъ умъ мой, сограждая рѣчи къ сочиненію поученій". При недостаткѣ научнаго образованія и приготовленности къ проповѣдничеству, священникъ взялъ на себя трудъ проповѣдывать во всѣ воскресные и праздничные дни и проповѣдывалъ полтора года, притомъ такъ, что свои проповѣди заучивалъ на память часто съ мыслями св. отцевъ для произнесенія въ церкви. Неудивительно, что во все это время поученія не сходили у него съ мысли, даже во время священнослуженія. Но кромѣ этой причины, затруднявшей священнику дѣло проповѣди, была и другая внутренняя причина, которую самъ проповѣдникъ изъяснялъ такъ: „Трудно было мнѣ. Хотя и написуется слово Божіе въ окаянной душѣ моей, но не вкореняется; потому что злохитра она и грѣхолюбива, возмущается отъ всякой страсти, сластолюбіемъ объята, бременемъ грѣховнымъ отягчена, потому и не можетъ она долго носить въ себѣ слова Божія, но, объятая смрадомъ грѣховнымъ, забываетъ его». Изъ приведенныхъ словъ проповѣдника видно, что онъ смотрѣлъ на проповѣдь не какъ на произведеніе отвлеченной мысли, а хотѣлъ, чтобы она была явленіемъ прочувствованнымъ, вылившимся прямо изъ сердца. Слово Божіе можетъ быть живо и дѣйственно для другихъ тогда только, когда оно живо и дѣйственно въ самомъ проповѣдникѣ; въ противномъ случаѣ какія бы истины не возвѣщалъ проповѣдникъ, онѣ останутся для слушателей безплодными, если самъ проповѣдникъ не будетъ сознавать ихъ жизненности и не согрѣетъ ихъ любовію сердца. Постигая нравственныя требованія въ проповѣдникѣ, орловскій священникъ сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти требованія еще не осуществились въ немъ; поэтому онъ, приступая къ составленію книги возлагаетъ все свое упованіе на „Смыслодавца Бога"... «И всесильная благодать не оставляетъ его и помогаетъ ему докончить книгу».

Такимъ образомъ орловскій священникъ имѣлъ всѣ главныя качества, потребныя для христіанскаго проповѣдника: живую искреннюю вѣру, пламенную ревность о просвѣщеніи и душевномъ спасеніи своей паствы, знаніе священнаго писанія и твореній отеческихъ, здравый умъ, живое воображеніе, теплое сердце. Познакомившись съ его проповѣдями, мы найдемъ въ нихъ и то благодатное одушевленіе, святое вдохновеніе, которое обозначаютъ словомъ помазаніе.

Книга, составленная орловскимъ священникомъ, называется «Статиръ». Самъ сочинитель, въ началѣ ея, объясняетъ, почему онъ далъ ей такое названіе. Основаніемъ ему послужило извѣстное евангельское событіе. Когда сборщики податей спросили учениковъ Іисуса Христа: не даетъ ли и Учитель ихъ дидрахмы, то Спаситель сказалъ Апостолу Петру: *шедъ на море, верзи удицу, и, юже прежде имешн рыбу, возми: и отверзъ уста ей, обрящеши статиръ: той веемъ даждь имъ за Мя и за ся* (Мѳ. 17, 27). Припоминая это событіе, сочинитель разсказываетъ, какъ онъ, будучи священникомъ, сначала мало зналъ законъ Божій, какъ тяготился сознаніемъ своего недостоинства. Но потомъ „рече ми Божія благодать: не унывай, человѣче! Что влаешися уныніемъ, яко безгласная рыба, въ мори непостояннаго вѣка? Верзи яко удицу ума твоего внутрь многомятежнаго смысла своего,—и обрящеши „Статиръ" даждь его во славу имене Моего и въ свое спасеніе"....

Названіе сборника «Статиромъ» указываетъ на общій у насъ тогда обычай давать духовнымъ сочиненіямъ образныя метафорическія названія. (Напр. зерцало Богословія, перло многоцѣнное Кирилла Транквилліона, Новое Небо Голятовскаго, Мечъ духовный Лазаря Барановича, Обѣдъ и Вечеря Симеона Полоцкаго и друг.). Названіе «Статиръ», данное орловскимъ проповѣдникомъ своему труду, выражаетъ ту мысль, что поступивъ въ духовный санъ почти безъ всякаго просвѣщенія, безъ мысли о его обязанностяхъ, съ цѣлію только прокормить себя и свое семейство, авторъ, по принятіи сана, нашелъ въ себѣ такой даръ,, какого не чаялъ самъ.

„Статиръ" раздѣленъ на двѣ части. Въ первой части его 111 поученій со дня св. Пасхи до великой субботы. Во второй—44 поученія на годовые праздники и на разные случаи. Въ немъ есть поученія на всѣ воскресные и праздничные дни цѣлаго года, поученія общія для праздниковъ въ честь святыхъ: святителей, преподобныхъ, мучениковъ и проч., наконецъ поученія на такіе случаи, какъ освященіе храма, бракосочетаніе, погребеніе умершихъ и проч.

Каждое поученіе состоитъ также изъ двухъ частей. Въ первой части изъясняются евангельскія слова и „неизречен-

ныя преславныя благодѣянія, явленные Сыномъ Божіимъ роду человѣческому». Во второй части „предлагаются нравоученія, приличныя евангелію, съ цѣлію искоренить въ родѣ человѣческомъ грѣховныя страсти, обличить злые обычаи и наставить слушателя на путь спасенія.

Поученія орловскаго священника не состояли изъ общихъ и отвлеченныхъ разсужденій объ истинахъ вѣры и дѣятельности христіанской, а направлялись непосредственно къ жизни, въ которую онъ хочетъ провесть эти истины, замѣчая и преслѣдуя то, что было несообразнаго съ ними въ мнѣніяхъ, нравахъ и обычаяхъ современнаго общества. Сознавая достоинство духовныхъ учителей, онъ глубоко огорчается тѣмъ, что это достоинство уронено въ лицѣ многихъ собратій его—священниковъ. Поэтому въ своихъ поученіяхъ онъ напоминаетъ имъ о ихъ званіи и обязанностяхъ, высказываетъ имъ тяжкія обличенія, не исключая изъ числа обличаемыхъ и себя.—„Я скрываю данный мнѣ талантъ въ сердцѣ невѣдѣнія моего, зарываю его лѣностію и нерадѣніемъ, сномъ неумѣреннымъ, объяденіемъ и пьянствомъ, любленіемъ жены и чадъ и прочихъ мечтательныхъ прелестей міра сего многомятежнаго, злорастворенннаго. Охъ, горе мнѣ! Какой отвѣтъ дамъ я страшному и праведному Судіѣ? Когда онъ спроситъ меня о данномъ мнѣ талантѣ, въ оный день, страшный и ужасный, предъ ангелами и архангелами и всею вселенною; тогда, если и праведникъ едва спасется, то я, грѣшный и нечестивый, гдѣ явлюся? И что скажу я въ свое оправданіе! Ничего не могу сказать, а если и скажу что, то это послужитъ къ моему осужденію и стыду. Когда небесный Царь спроситъ о погибшихъ овцахъ, то я долженъ буду сказать ему: я о женѣ попеченіе имѣлъ, дочерей наряжалъ, ходилъ на пиршества, чаши благословлялъ, на бракахъ веселился и первыя мѣста занималъ, друзья приходили ко мнѣ и я веселился съ ними. Въ это время разошлись овцы Твои по стремнинамъ и удоліямъ и тамо растерзаны были львами и расхищены волками. А я тогда покоился, упившись виномъ, сонъ одолѣлъ меня и погубилъ я таланты Твои(*).

(*) Поуч. въ нед. 16-ю по пятидесятницѣ. Дух. Бес. 1858 г. т. 3, стр. 284—285.

Нещадитъ проповѣдникъ въ своихъ поученіяхъ и людей начальныхъ, богатыхъ и сильныхъ, съ полною откровенностію выставляя черты современнаго ему русскаго барства: „ты день и ночь проводишь въ увеселеніяхъ съ подобными тебѣ пьяницами и сластолюбцами, смотришь на сатанинскія зрѣлища скомороховъ, слушаешь шумъ трубъ и гуденія, служеніе бѣсовское, и всѣмъ этимъ наслаждаешься и распутствомъ упиваешься. Или опять: ты сидишь въ высокихъ палатахъ, въ роскошныхъ одеждахъ; а нищіе и бѣдные повержены на гноищѣ у воротъ твоихъ,—и ты не подаешь имъ даже разорваннаго рубища. Ты во всегдашнемъ веселіи и ѣшь роскошную пищу; а нищіе въ послѣднемъ издыханіи, умираютъ отъ голода и жажды; а ты ни одного куска, оставшагося отъ трапезы твоей, не подашь имъ. Собаки имѣютъ у тебя помѣщенія закрытыя, лошадей золотомъ украшаешь, а члены Христовы умираютъ съ голода; безстыднымъ женщинамъ платишь тысячи, ласкателямъ даешь полъимѣнія, а убогому и рубля жалѣешь. О, человѣкъ, какая тебѣ изъ всего этого польза? Ты собралъ много, обогатился всякою неправдою, свободныхъ людей заставилъ работать на тебя, проливалъ кровь невинныхъ, у тебя множество слугъ, тунеядцевъ и ласкателей безъ числа, домъ твой наполненъ золотыми вещами, драгоцѣнными камнями и роскошными одеждами, разными припасами и напитками“(*). Обличаетъ проповѣдникъ и тѣхъ, которые, „имѣя отъ природы острый умъ, ясный голосъ и даръ слова, не пользуются данными имъ талантами, а устремляются на прелести міра сего: на барышничество, сутяжничество, подъячество, или на другія злобныя дѣянія: на лихоимство, разбой, кровопролитіе, на гуденія и пляски“. «Увы, восклицаетъ проповѣдникъ, о такомъ человѣкѣ надобно плакать». Вообще проповѣдникъ даетъ очень много практическихъ наставленій своимъ слушателямъ, убѣждая ихъ быть внимательными и къ самимъ себѣ и къ своимъ ближнимъ(**).

Рѣчь орловскаго священника проста. Правда встрѣчаются иногда въ его поученіяхъ образы и метафоры, но эти образы и метафоры просты и естественны. Онъ любитъ только

(*) Поуч. въ нед. 26 по пятидесятницѣ.
(**) См. поученіе въ недѣлю 16-ю по пятидесятницѣ.

сравненія, примѣры, діалогизмъ, что встрѣчается въ библіи и у отцевъ церкви, особенно у Іоанна Златоустаго. Нѣкоторыя сравненія и картины обличаютъ въ проповѣдникѣ вкусъ и живую впечатлительную фантазію. Такъ, напримѣръ, въ словѣ на Вознесеніе прекрасно начертана имъ картина обновляющейся весною природы, какъ символъ обновленія міра христіанствомъ, хотя картина эта имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ мѣстомъ въ проповѣди Кирилла Туровскаго въ недѣлю по Пасхѣ.

Языкъ орловскаго священника простой, церковно-славянскій, понятный для его современниковъ.

Теплое и назидательное слово орловскаго священника не у всѣхъ людей находило себѣ похвалу. Лучшіе люди по достоинству цѣнили его проповѣдь. Таковъ, напримѣръ, былъ бояринъ Строгановъ,—покровитель и благодѣтель составителя «Статира»,—который „весьма любилъ поученія отъ божественнаго закона; слаще меда и сота всякой сладости чувственной любилъ онъ внимать святому ученію". Напротивъ большая часть людей темныхъ въ вѣрѣ и слабыхъ въ благочестіи порицали и ненавидѣли проповѣдника за его проповѣдь. Причиною ненависти прежде всего было то обстоятельство, что „жители той страны исполнены были крайняго невѣжества". Они не считали нужными для себя чьихъ либо наставленій, особенно такихъ, въ которыхъ требуется отъ нихъ что либо новое, совершенно чуждое ихъ прежнимъ понятіямъ и привычкамъ. Поставляя сущность христіанской жизни въ наружныхъ дѣйствіяхъ, обрядовой набожности и измѣряя достоинство этой жизни днями поста, числомъ поклоновъ, мѣрою приношеній во храмъ, слушатели орловскаго священника очевидно не могли мириться съ проповѣдникомъ, когда онъ началъ говорить имъ о высшихъ и разнообразныхъ истинахъ вѣры и жизни христіанской и давалъ имъ чувствовать ихъ глубокое невѣжество въ этихъ предметахъ, научая ихъ и обличая за то, что видѣлъ дурнаго въ ихъ понятіяхъ и привычкахъ жизни. Такой проповѣдникъ не могъ нравиться своимъ слушателямъ, тѣмъ болѣе, что другіе священники, бывшіе прежде нашего проповѣдника въ орловскомъ приходѣ и современники его, поступавшіе въ священство изъ холопей, крестьянъ, сельскихъ невѣждъ, поступавшіе большею частію, ради льготной жизни, портили

народъ, прилаживались къ его обычаямъ и вкусамъ и были спокойными и довольными. «Были у насъ, говорили современники, и прежде священники добрые и честные, а такъ не дѣлали, жили по просту, и мы были въ изобиліи. А этотъ откуда вводитъ странное»? Не нравилось слушателямъ орловскаго проповѣдника, что этотъ бывшій мужикъ, является теперь учителемъ и обличителемъ ихъ.

И такъ главная причина досады на проповѣдь орловскаго священника заключалась не въ лицѣ проповѣдника, а въ характерѣ и духѣ его проповѣди, не мирившейся съ воззрѣніемъ слушателей. Послѣдніе имѣли такой взглядъ на священника, по которому въ „служителѣ Бога Вышняго они хотѣли видѣть покорнѣйшаго раба предъ ними до того, чтобы онъ самые церковные уставы, утренніа и вечерніа службы согласовалъ съ ихъ грубыми обычаями" (*).

Св. Димитрій Ростовскій.

Его происхожденіе и первоначальное воспитаніе; обученіе въ кіево-братскомъ училищѣ; дальнѣйшая жизнь и дѣятельность. Характеристика ростовской паствы времени св. Димитрія. Содержаніе поучительныхъ его проповѣдей. Характеръ проповѣдей къ слушателямъ образованнымъ и необразованнымъ. Изображеніе пороковъ современнаго ему общества. Тонъ обличенія. Обличеніе лютеранъ и раскольниковъ. Схоластическій элементъ въ его проповѣдяхъ.

Самымъ лучшимъ проповѣдникомъ въ XVII вѣкѣ былъ св. Димитрій Ростовскій. Проникнутое духомъ любви христіанской, проповѣдничество Ростовскаго, по внутреннимъ свойствамъ своимъ, можетъ служить образцемъ и руководствомъ для всякаго проповѣдника,—хотя оно и носитъ въ себѣ еще видные слѣды проповѣдничества схоластическаго.

Св. Димитрій родился въ 1651 году близъ Кіева въ мѣстечкѣ Макаровѣ отъ полковаго сотника Саввы Григорьевича Тупталы. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ отъ матери и трехъ старшихъ своихъ сестеръ, умственному вліянію которыхъ обязанъ тѣми мягкими и нѣжными чувствами,

(*) Объ орл. свящ. См. Тр. К. Д. Акад. 1861 г. т. 1,—Дух. Бес. 1858 г. т. 3 и 4.

той благочестивой, святой настроенностію, какими отличался святитель во всю свою жизнь. Десяти лѣтъ онъ отданъ былъ въ кіево-братское училище для образованія, но не окончилъ здѣсь полнаго курса, потому что училище было закрыто вслѣдствіе смутъ, происходившихъ тогда въ Малороссіи. По выходѣ изъ училища на 18 году своей жизни Димитрій принялъ монашество, на 25 году былъ посвященъ въ іеромонаха. Въ 1675 году онъ опредѣленъ былъ оффиціальнымъ проповѣдникомъ при черниговской каѳедрѣ и съ этихъ поръ начинается его славная проповѣдническая дѣятельность. Молодой проповѣдникъ скоро привлекъ къ себѣ всѣ сердца и умы и пріобрѣлъ себѣ еще въ Малороссіи своимъ проповѣдническимъ талантомъ такую славу, что цѣлые города стали спорить о счастіи слышать знаменитаго церковнаго витію. Послѣ Чернигова онъ съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ слово Божіе въ Вильнѣ, Слуцкѣ, Батуринѣ, Кіево-печерской лаврѣ, въ монастыряхъ Глуховскомъ и Елецкомъ. Слава его, какъ проповѣдника, и какъ составителя четіи—миней дошла и до Москвы, такъ что когда онъ, сопровождая гетмана, былъ въ Москвѣ, то милостиво и съ честію былъ принятъ патріархомъ Іоакимомъ и царями Петромъ и Іоанномъ. Въ 1701 году г. указомъ Петра былъ вызванъ въ Москву, гдѣ сказалъ краснорѣчивую привѣтственную рѣчь Петру Великому. Проповѣдуя въ церквахъ московскихъ св. Димитрій заслужилъ благоволеніе Петра Великаго и въ 1707 году назначенъ былъ митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, а въ слѣдующемъ году сдѣланъ былъ Ростовскимъ митрополитомъ. Въ первомъ словѣ, при вступленіи на ростовскую каѳедру, онъ говорилъ о мирѣ и любви, о томъ, что пришелъ къ паствѣ, какъ отецъ къ дѣтямъ, какъ братъ къ братьямъ, какъ другъ къ любезнымъ друзьямъ,—и далѣе словами полными сочувствія и кротости опредѣлилъ взаимныя отношенія пастыря и пасомыхъ. По вступленіи на каѳедру, святитель прежде всего обратилъ вниманіе на небрежное и невѣжественное духовенство; для поученія и исправленія его невѣжества онъ издалъ нѣсколько поученій къ іереямъ и устроилъ въ Ростовѣ училище для приготовленія священно-служителей. Въ то время въ ростовской епархіи сильно распространился расколъ, и св. Димитрій много потрудился къ искорененію его какъ личными убѣжденіями и

увѣщаніями, такъ и учеными трактатами. По посреди всѣхъ занятій проповѣдь онъ считалъ главнымъ своимъ дѣломъ. „Моему сану, говорилъ онъ, надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но и пишущею рукою; то мое дѣло, то мое званіе, то моя должность"(*). И дѣйствительно проповѣдническая дѣятельность его въ санѣ митрополита была весьма обильна; очень рѣдко церковная служба проходила у него безъ поученія и назиданія. Знаніе латинскаго, греческаго, еврейскаго и польскаго языковъ давало ему возможность заниматься и литературными трудами, по тому времени замѣчательными. Онъ составлялъ духовныя драмы, которыя представлялись въ ростовскомъ училищѣ: „Рождество Христово". „Воскресеніе Христово", „грѣшникъ кающійся" и др. Интереснѣе всѣхъ комедія на Рождество Христово. Но недолго великій мужъ церкви управлялъ ростовской паствой: изнуренный трудами, молитвой и постомъ, святитель скончался 28 октября 1709 года. Впослѣдствіи церковь причислила его къ лику святыхъ и мощи его были открыты 21 сентября 1752 года.

Проповѣди Димитрія Ростовскаго изданы въ трехъ томахъ, гдѣ помѣщено 120 словъ; но это далеко не все, что произнесено имъ съ церковной каѳедры. Сохранились только проповѣди, писанныя въ великой Россіи; а тѣ, которыя были произнесены имъ въ Малороссіи, за исключеніемъ не многихъ, утрачены(**).

Св. Димитрій жилъ среди грубой паствы, неученыхъ священниковъ, закоренѣлыхъ раскольниковъ и лжемыслящихъ лютеранъ. Нужно было научить и обличить однихъ, показать имъ уклоненіе ихъ отъ высокихъ требованій христіанскаго идеала и вести борьбу съ другими,—врагами православной вѣры и церкви, чтобы предохранить вѣрныхъ отъ увлеченія ихъ ученіемъ. Св. Димитрій хорошо понялъ свою задачу и въ своихъ поученіяхъ, то назидаетъ своихъ пасомыхъ, обличая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ уклоненіе отъ истинъ вѣры и доброй нравственности, то ведетъ строгую полемику съ еретиками и раскольниками, говоритъ похвальныя слова свя-

(*) Св. Дим. Ростовскій Горскаго стр. 63.
(** Житіе св. Д. Рост. при 1 т. его сочиненій, стр. 5, изд 1818 г.

тымъ и надгробныя рѣчи, изображая добродѣтели и заслуги героевъ и возбуждая слушателей къ подражанію этимъ добродѣтелямъ. Поэтому всѣ бесѣды Димитрія м. Ростовскаго могутъ быть раздѣлены: на право—обличительныя, на догматико-полемическія и на историко-похвальныя.

Раскрывая предметы, относящіеся къ христіанской дѣятельности, проповѣдникъ не ограничивался изложеніемъ однихъ общихъ христіанскихъ обязанностей, но старался возвести слушателей до истиннаго пониманія духа и характера христіанскаго благочестія. Побужденіями любить добродѣтель и ненавидѣть грѣхъ онъ представлялъ не одни внѣшнія благопріятныя и неблагопріятныя послѣдствія, но и чистую любовь къ Богу и Его святому закону и указывалъ на внутреннее безобразіе грѣха. Вѣра въ Спасителя и любовь къ Нему, любовь къ ближнимъ, даже ко врагамъ, умерщвленіе страстей и обновленіе духа при помощи благодати Божіей,—вотъ главные предметы, которые раскрывалъ св. Димитрій въ своихъ бесѣдахъ. При раскрытіи этихъ истинъ проповѣдникъ, большею частію, стоитъ въ отвлеченной сферѣ, на высотѣ пониманія ихъ высшаго смысла и мало говоритъ о примѣненіи ихъ къ жизни. Общность содержанія говоритъ о томъ, что проповѣди его не назначались для одного мѣста и времени, а могли быть произнесены при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи св. Димитрій имѣлъ двоякую цѣль: назидать слушателей и дать пищу читающимъ; значитъ, кромѣ нуждъ паствы, онъ имѣлъ въ виду общую нужду всѣхъ христіанъ. И въ этомъ состоитъ величайшая заслуга святителя. Во время его жизни и дѣятельности невѣжество священниковъ было общее, проповѣдей собственнаго составленія они не произносили, а изрѣдка читали своимъ пасомымъ прологи и житія святыхъ. Проповѣди же св. Димитрія, благодаря общему характеру, произносились въ церквахъ и читались въ домахъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ множество изданій ихъ и значительное количество рукописей. Но при всемъ томъ проповѣдникъ хорошо понималъ, что высокія богословскія истины, представленныя при томъ въ формѣ не привычной для его слушателей, не могутъ быть понятны для большинства; поэтому онъ иногда въ одномъ и томъ же словѣ употреблялъ двоякій способъ назиданія: одинъ для „книжныхъ“, а

другой для „не книжныхъ" людей. Такъ въ словѣ на свѣтлый понедѣльникъ и вмѣстѣ день Благовѣщенія, въ первой части, назначенной для книжныхъ слушателей, проповѣдникъ занимается приведеніемъ въ согласіе обоихъ праздниковъ. Согласіе дѣлается, однако, очень искусственно, тогда какъ вторая часть слова содержитъ краткое простое наставленіе. Проводя пареллель между двумя праздниками, проповѣдникъ двоякое празднество называетъ поясомъ, которымъ опоясывается невѣста Христова, Церковь. «Какъ поясъ имѣетъ два конца, далеко другъ отъ друга отстоящіе и когда кто имъ опояшется, оба конца сходятся во едино мѣсто и во единъ союзъ связуются; такъ и въ таинствѣ спасенія нашего суть яко два конца, два тыи праздника—благовѣщеніе и воскресеніе. Въ благовѣщеніи бо спасеніе наше начатся, яко же чтется въ тропари ономъ: *днесь спасенія нашего начатокъ*; въ воскресеніи же спасеніе наше конецъ свой благополучный получи, рекше на крестѣ Христу: «*совершишася*». (Іоанн. 19, 30). За тѣмъ указываются черты сходства въ этихъ двухъ праздникахъ. «Какъ въ благовѣщеніи воплощеніе Бога Слова, такъ и воскресеніе Христово произошли по благословенію Бога Отца, по дѣйствію святаго Духа и по соизволенію самаго Христа. Служителемъ чуда въ благовѣщеніи былъ ангелъ Гавріилъ... И воскресеніе Христово было не безъ ангельской службы: ангелъ Господень отвалилъ камень отъ гроба. Въ благовѣщеніи Пресвятая Дѣва изъявила свою цѣломудренную неповинность и мужеви непричастность: «како будетъ сіе, понеже мужа не знаю; въ Господнемъ прежде воскресенія страданіи Пилатъ свидѣтельствовалъ о неповинности Іисусовой» и т. д.(*).

Сознавая что такія разсужденія не принесутъ никакой пользы большинству слушателей, проповѣдникъ, послѣ замысловатыхъ сближеній говоритъ: «но еще не аминь, еще нѣчто къ простѣйшимъ реку, пользы ради; то бо, еже глаголахъ, глаголахъ книжныхъ ради, не хощу же и безкнижныхъ отпустити не попользовавъ». И потомъ онъ объясняетъ этимъ безкнижнымъ, чему поучаютъ оба праздника

(*) Т. 11 стр. 142—155.

благовѣщеніе и воскресеніе; это объясненіе составляетъ другую половину слова. Подобнымъ образомъ въ словѣ въ честь Донскія иконы пресв. Богородицы, послѣ аллегорическаго объясненія, почему Богоматерь называется взбранной воеводой, онъ для простыхъ слушателей прибавляетъ поученіе о томъ, чѣмъ можно заслужить ходатайство пресв. Дѣвы(*). Въ словѣ на пятую субботу великаго поста, указавъ, въ какомъ смыслѣ пресв. Богородица подобна царству небесному, онъ даетъ простое и краткое наставленіе о покаяніи людямъ некнижнымъ(**). Есть у него цѣлое слово, посвященное исключительно „препростому ростовскому народу". Слово это объясняетъ текстъ: „изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя"... (Лук. VIII, ст. 5). Слово это замѣчательно, какъ характеристика религіознаго состоянія ростовской паствы, въ которой не было не только доброй почвы для посѣва сѣмени; но даже и самыхъ сѣятелей добраго сѣмени; а были сѣятели злые, Брынскіе учители.

Вообще св Димитрій Ростовскій очень хорошо понималъ, что его манера проповѣдать въ духѣ югозападныхъ проповѣдниковъ, пускаться въ область отвлеченную, облекать мысль свою въ формы затѣйливыя вовсе не годится для его ростовцевъ и всячески старался избавиться отъ оковъ, наложенныхъ на него югозападною школою, чтобы быть полезнымъ своей паствѣ. Для этой цѣли, кромѣ упрощенія рѣчи, онъ прибѣгалъ къ примѣрамъ, подобіямъ, сравненіямъ и образамъ: «всякія вещи, говоритъ онъ, лучше разумѣются отъ образца, нежели отъ словесъ». Его примѣры заимствованы, по большей части, изъ св. писанія и житія святыхъ, они просты и безъискусственны, придаютъ проповѣди живость и удобопонятность. Обширное знакомство его съ житіямъ святыхъ давало ему возможность не только постоянно приводить ихъ въ примѣръ богоугодной жизни, подтверждать случаями изъ ихъ жизни многія нравственныя истины, но и раскрывать всю ихъ жизнь, какъ образецъ благочестивой христіанской дѣятельности. Таковы почти всѣ его бесѣды на дни святыхъ, таковы же и надгробныя рѣчи.

(*) Т. III, стр. 159—172.
(**) Т. II, стр. 73—91.

Назидая свою паству въ истинахъ вѣры и нравственности, проповѣдникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обличалъ слушателей въ тѣхъ порокахъ и недостаткахъ, какіе преимущественно въ нихъ замѣчались. Въ этомъ отношеніи многія слова св. Димитрія служатъ историческою картиною духовно-нравственнаго состоянія его ростовской паствы. Таково напр. слово въ недѣлю Мироносицъ, въ которомъ проповѣдникъ, отыскивая Христа въ разныхъ званіяхъ и состояніяхъ людей, обличаетъ пороки и заблужденія, свойственные тому или иному классу общества, именно нѣкоторыя раскольническія заблужденія, воровство, ханженство и лицемѣріе, честолюбіе и корыстолюбіе людей духовнаго сословія, высокомѣріе высшихъ сословій, лихоимство судей и т. под. Сначала Димитрій въ этомъ словѣ замѣчаетъ, что, при исканіи Христа, надо имѣть осторожность, чтобы вмѣсто истиннаго Христа не найдти ложнаго, какъ это случилось съ раскольниками, которые, „ища Христа и правой вѣры, оставляютъ свои дома и бѣжатъ въ лѣса брынскіе будто бы Христосъ и яже вѣра въ Него сѣдитъ нѣгдѣ въ лѣсу за колодою“. Затѣмъ, ища Христа, проповѣдникъ останавливается прежде всего на храмѣ. Храмъ и созидается для Христа, но христіане часто дѣлаютъ изъ него вертепъ разбойниковъ. „Соберутся люди въ церковь будто бы на молитву, а между собою молвятъ и празднословятъ о внѣшнихъ, или о куплѣ, или о бранехъ, или о пиршествахъ, или кого осуждаютъ, или ругаются кому и хульными словесы добрую ближняго славу разбиваютъ, и творятъ храмъ Божій не храмъ Божій, но вертепъ разбойникомъ“... Не находя Христа въ рукотворенныхъ храмахъ, проповѣдникъ ищетъ его потомъ въ храмахъ нерукотворенныхъ, т. е. въ душахъ христіанскихъ. „Но мнози суть крещеніемъ и правовѣріемъ просвѣщеннии, но мало тѣхъ, въ нихъ же бы Христосъ, яко въ истомъ своемъ обиталъ храмѣ; и воръ крещенъ, и тать, и разбойникъ, и прелюбодѣй, и кійждо злодѣй правовѣріемъ просвѣщенъ, но Христа въ немъ не спрашивай: „нѣсть здѣ“. „Поищемъ Христа въ чину духовномъ; но и въ тѣхъ мало Христа найдешь; ибо въ тѣхъ всякъ своихъ си ищетъ, себѣ добра желаетъ, а не людемъ; себе пасетъ, а не стадо Христово.... Пошли быхомъ въ монастыри искать Христа, но и въ тѣхъ нынѣ все попортилося: ничего не стало... Поищемъ ли Христа въ народѣ, но

гдѣ больше воровства, аще не въ народѣ?... Развѣ въ людехъ великихъ, въ бояреѣхъ и судіяхъ? Въ тѣхъ насилу когда и бывалъ Христосъ: понеже нынѣшнихъ временъ злыхъ и они злы сотворилися, и правда въ нихъ скудна, и милосердія ни мало.. Гдѣ убо Господа нашего обрящемъ"? спрашиваетъ проповѣдникъ въ концѣ слова. „Въ тѣхъ бѣдныхъ людяхъ, о которыхъ упомянулъ пророкъ Михей, съ которыхъ отъ неправедныхъ судей кожа содрана, кости истолчены и плоть раздроблена"... О, человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіе! Въ васъ Христосъ нынѣ яко въ членахъ своихъ обитаетъ, аще только съ благодареніемъ терпите(*). Въ поученіи на память св. великомученика Евстаѳія Плакиды, объясняя слова Евангелія: *подобно есть царство небесное сокровищу, сокровенну на селѣ* (Мѳ. 13, 44) св. Димитрій изображаетъ царствіе Божіе странствующимъ и ищущимъ себѣ мѣста въ мірѣ. Оно заходитъ въ палаты князей и бояръ и прочихъ могучихъ людей, потомъ въ ряды, гдѣ премногіе драгоцѣнные товары, въ приказы и ратуши, гдѣ судьи правду творить поставлены, заходитъ въ палаты вельможъ, но нигдѣ не находитъ себѣ мѣста. Встрѣтилъ его царь и пророкъ Давидъ и спросилъ: откуда ты царство небесное грядеши и камо идеши? Царство небесное сказало ему, что оно нигдѣ не находитъ для себя мѣста и намѣрено отправиться къ простому народу. „Не изыщеши мѣста и въ простомъ народѣ, сказалъ Давидъ; *ибо вси уклонишася, вкупѣ не потребни быша; нѣсть творяй благостыню. нѣсть до единаго.* (Пс. 52, 4). Не находя себѣ мѣста въ городѣ, даже въ храмѣ, царство небесное ушло изъ города въ село. При этомъ путешествіи царства небеснаго опять изображаются, чрезвычайно характеристично, картины жизни разнаго рода людей. „Пошло царство небесное, говоритъ проповѣдникъ, въ ряды, идѣже торговыхъ людей премногіе драгоцѣнные купеческіе товары, и помыслило въ себѣ: здѣ всякъ отъ своего труда имать, еже имать, нѣсть здѣ грабленія и обидъ; здѣ убо вселюся. Смотритъ царство небесное, какъ дѣлается продажа и купля; и се видитъ великую обману, и слышитъ многія ложныя чудеса, другъ друга обманываетъ, другъ другу лжетъ, худое вмѣсто

(*) Т. II. стр. 172—191. изд. 1833 г.

лучшаго продая, и большую паче подобающія цѣны уставляя, другъ другу клянется, ротится въ неправдѣ: не мѣшкая убо тамо, царство небесное прочь оттуда исходитъ(*).

Эти картины, въ которыхъ изображается исканіе Христа и путешествіе царства небеснаго, напоминаютъ стиль юго-западной проповѣди; но они являются вполнѣ умѣстными въ поученіяхъ св. Димитрія. Онѣ взяты не изъ греческой и римской миѳологіи и исторіи, какъ картины и разсказы юго-западныхъ проповѣдниковъ, но изъ современной повседневной жизни самихъ слушателей и рисуютъ эту жизнь самымъ нагляднымъ образомъ; онѣ употреблены св. Димитріемъ не для простаго ораторскаго эффекта; но для упрощенія высокихъ понятій, для болѣе яснаго представленія истинъ вѣры и благочестія.

Во всѣхъ проповѣдяхъ Димитрія Ростовскаго, обращенныхъ къ народу, мы замѣчаемъ выраженіе личныхъ свойствъ души проповѣдника. Имѣя отъ природы нѣжное сердце, кроткій нравъ, и воспитавъ въ себѣ эти качества подвижническою жизнію, св. Димитрій и проповѣдь свою запечатлѣлъ духомъ любви къ Богу и ближнему особенною искреннею простотою и сердечностію. Глубокая любовь къ Богу и ближнему выражается тономъ умиленія и духовной радости, когда проповѣдникъ обращаетъ свои мысли къ искупителю и тономъ кроткаго сожалѣнія и глубокой скорби, когда говоритъ о грѣхахъ и неправдахъ людей. Любовь къ Богу и ближнимъ заставляла говорить святителя языкомъ простымъ, языкомъ сердца и любви, который и дѣйствовалъ на сердца человѣческія. Таковъ характеръ проповѣдей, которыя говорилъ святитель Ростовскій для религіозно-нравственнаго просвѣщенія своей паствы, погрѣшавшей невинно, отъ недѣятельности и невѣжества своихъ пастырей.

Совершенно другой характеръ имѣютъ слова св. Димитрія, направленныя противъ лютеранъ и раскольниковъ. Для заклятыхъ враговъ церкви Божіей и христіанскаго благочестія недостаточно было одного сердечнаго пастырскаго увѣщанія; оно вызвало бы съ ихъ стороны однѣ только насмѣшки и глумленія и дало бы имъ, пожалуй, въ глазахъ неопытной паствы перевѣсъ надъ истиною. Нужно было об-

---

(*) Проп. Д. Рост. т. III, стр. 286 и др. изд. 1833 г.

стоятельно разоблачить всю фальшь ученія этихъ враговъ православія и потрясти ихъ упорство грознымъ обличительнымъ словомъ. Такъ и поступалъ святитель Ростовскій, когда ему приходилось говорить противъ открытыхъ враговъ церкви. Въ этомъ отношеніи замѣчательны „поученіе о поклоненіи святымъ иконамъ“, направленное противъ лютеранъ, непочитающихъ иконы, и „поученіе о четвероконечномъ крестѣ“ противъ раскольниковъ. Лютеране называли православныхъ идолопоклонниками, а иконы святыя идолами. Св. Дим. Ростовскій въ поученіи „о поклоненіи святымъ иконамъ“ доказываетъ, что велико различіе между иконою и идоломъ; иконы служатъ изображеніемъ истинныхъ вещей, а идолъ есть изображеніе прелести, лжи, обмана; указываетъ на древность изображенія иконъ и опровергаетъ неправильное пониманіе лютеранами заповѣди: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія“. Обличая заблужденіе лютеранъ, св. Димитрій называетъ ихъ „седмоглавыми зміями“, „порожденіемъ ехидновымъ“, „мерзкими, гноеименитыми копронимчиками“ и въ заключеніи поученія трижды съ святымъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ говоритъ имъ: „анаѳема!“

Такой же учено-полемическій и обличительный характеръ имѣетъ поученіе св. Димитрія „о четвероконечномъ крестѣ“, гдѣ онъ говоритъ противъ раскольниковъ, хулящихъ четвероконечный крестъ и принимающихъ осмиконечный. Въ поученіи въ недѣлю 21 по святомъ Духѣ(*) изъ текста: *изыде сѣяй сѣяти* сѣмена своя, *ово паде при пути, ово на камени, ово въ терніи*, проповѣдникъ обличаетъ раскольниковъ за то, что они въ своихъ брынскихъ скитахъ, въ бѣсовскихъ гнѣздахъ завели себѣ общихъ женъ, не вмѣняя это дѣло во грѣхъ блуда, но въ любовь Христову.

Онъ сравниваетъ ихъ съ николаитами и валаамитами(**), упоминаемыми въ апокалипсисѣ (гл. 1 ст. 16. 2 гл. 12 и слѣд. ст.) и грозитъ имъ сильнымъ гнѣвомъ Божіимъ, призывая вмѣстѣ съ тѣмъ къ покаянію, и совѣтуя православнымъ христіанамъ беречься прелестныхъ бѣсовскихъ птицъ, отъ брынскаго гнѣзда излетающихъ и доброе сѣмя позобаю-

(*) Пр. т. II, стр. 591 и др.
(**) Эти еретики отличались блудною жизнію и также имѣли общихъ женъ.

щихъ. Проповѣдникъ скорбитъ духомъ и о томъ, что въ тверской епархіи нѣтъ людей, которые могли бы сѣять доброе сѣмя.

Значитъ и въ этихъ грозныхъ обличительныхъ поученіяхъ св. Димитрій руководился не личною враждою противъ еретиковъ и раскольниковъ, не завистію противъ ихъ довольно видныхъ успѣховъ въ его паствѣ, а единственно ревностію по славѣ Божіей, любовію къ православной вѣрѣ и церкви и заботою о своихъ пасомыхъ, которые гибли, не имѣя у себя умныхъ руководителей. Его терпимость и доброе сердце сказались даже въ томъ, что онъ не лишаетъ раскольниковъ покаянія. Это былъ истинный образецъ пастыря церкви.

Не смотря на то, что св. Димитрій любилъ свое дѣло и свою паству, и эта любовь подсказывала ему, какою духовною пищею нужно питать ввѣренное ему стадо, однако онъ не могъ совершенно освободиться отъ оковъ схоластики, наложенныхъ на него югозападными школами. Правда схоластика оказала на него самое незначительное вліяніе, покрайней мѣрѣ меньше чѣмъ на другихъ его сотоварищей, прибывшихъ съ юга на сѣверъ Россіи; и мы вовсе не думаемъ причислять къ схоластическимъ проповѣдямъ тѣхъ поученій, гдѣ онъ путешествуетъ въ садъ божественныхъ писаній для того, чтобы найдти тамъ три полѣнца, или когда онъ путешествуетъ по разнымъ странамъ для того, чтобы доказать своимъ слушателямъ необходимость „помнить послѣдняя“. Нельзя согласиться и съ тѣми, которые называютъ схоластическими словами тѣ слова, гдѣ проповѣдникъ ищетъ Христа въ разныхъ сословіяхъ и не находитъ, или гдѣ царство Божіе, путешествуетъ по разнымъ мѣстамъ и также нигдѣ не находитъ себѣ мѣста, кромѣ села, гдѣ и останавливается между страждущими, угнетенными и бѣдными. Если этотъ пріемъ и взятъ изъ югозападныхъ проповѣдей, то значитъ и тамъ были хорошія стороны; а съ другой стороны у св. Димитрія Ростовскаго этотъ пріемъ является въ формахъ болѣе приличныхъ, смягченныхъ, нежели въ проповѣдяхъ юго-западныхъ,- такимъ пріемомъ, который дѣлалъ проповѣдь интересною и облегчалъ слушателямъ усвоеніе высокихъ истинъ, возвѣщаемыхъ проповѣдникомъ. Но тѣмъ не менѣе у него замѣчаются въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ и слѣды его воспитанія въ югозападныхъ школахъ. Особенно это замѣтно въ словахъ, говоренныхъ имъ въ Малороссіи. Къ такимъ словамъ

можно отнести слово на св. Троицу, сказанное въ Батуринѣ въ 1698(*). Все слово имѣетъ символическій характеръ и наполнено разными сближеніями новозавѣтныхъ писаній съ ветхозавѣтными, духовныхъ предметовъ съ предметами вещественными. Такой же характеръ имѣетъ слово на Благовѣщеніе въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы, какъ мы уже видѣли это. Въ поученіи въ недѣлю сыропустную изъ словъ пророка Давида: *пепелъ, яко хлѣбъ ядяхъ и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Пс. 101, 10) св. Димитрій готовящимся къ посту приготовляетъ трапезу. „Пожалуйте, говоритъ онъ, извольте кушать пепелъ, яко хлѣбъ и питіе съ плачемъ. Речете: не вкусно то трапезованіе. Отвѣщаю: не вкусно, но здорово". Потомъ онъ проводитъ параллель между покаяніемъ и пепломъ и находитъ между ими большое сходство(**). Итакъ символизмъ, аллегорія и искусственное сближеніе предметовъ были не чужды бесѣдъ св. Димитрія Ростовскаго. Есть въ проповѣдяхъ Димитрія затѣйливые вопросы и не менѣе затѣйливые отвѣты. Такъ, въ поученіи въ день чуда св. Архистратига Михаила, проповѣдникъ даетъ нѣсколько вопросовъ въ разрѣшеніе недоумѣнія, за что священное писаніе называетъ безгрѣшными и праведными Авраама, Исаака и Іакова (2 Парал. 36 гл.) „рекли быхомъ, яко созидоваху храмы Божія и украшаху та; но тогда еще храмовъ Божіихъ не бывало. Рекли быхомъ, яко умерщвляху тѣло пощеніемъ, всенощнымъ бдѣніемъ, многими поклонами; но того о нихъ не чтемъ. Рекли быхомъ, яко вся заповѣди Господни соблюдоша, но еще тогда законъ на скрижалѣхъ не данъ бѣ, ниже законодавецъ Моисей родился. Ниже дѣвство свое соблюдоша, ни міра отвергошася, ни на муки за Христа вдашася. Чимъ убо толь угодиша Богу, яко и покаяніе имъ, яко безгрѣшнымъ не положено; *не положилъ еси покаяніе праведнымъ твоимъ*, Аврааму и Исааку и Іакову, не согрѣшшимъ предъ Тобою(***)?

При объясненіи св. писанія, св. Димитрій пользовался также симфоніями и конкордаціями, которыя указываютъ иногда на сходство въ одномъ только словѣ; а онъ объеди-

---

(*) Сочин. св. Дим. т. 2, стр. 279—302 изд. 1833.
(**) Соч. т. 2, стр. 26—39.
(***) Соч. Дим. т. 3, стр. 215—216.

нялъ ихъ и по мысли, влагая очевидно въ нихъ свой собственный произвольный смыслъ. Такъ напр. въ словѣ на день Покрова Богоматери изъ текста: *азъ стѣна и сосца моя, яко столпъ* (Пѣсн. пѣсн. 8, 10), проповѣдникъ говоритъ о семи столпахъ, упоминаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ св. писанія и прилагаетъ ихъ къ разнымъ частямъ тѣла Богородицы и ея добродѣтелямъ(*).

Примѣры берутся имъ больше изъ исторіи; но часто приводятся и басни. „Воспомяну здѣ Еллинскую нѣкую баснь, говоритъ проповѣдникъ въ „поученіи на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи" и потомъ расказываетъ о собраніи еллинскихъ боговъ въ одно сонмище съ тѣмъ, чтобы похвалиться каждому своей силою и своимъ значеніемъ. Купидонъ всѣхъ побѣдилъ. То видяще друзіи извнѣ стоящіи, кликнуша: любви плотстѣй ничто же есть не преодолѣнно(**)".

Эти недостатки ставятъ проповѣди Димитрія Ростовскаго на рубежѣ между двумя другъ другу противоположными направленіями.

Митроп. Стефанъ Яворскій.

Происхожденіе и образованіе Стефана Яворскаго; принятіе монашества; проповѣдническая и учебная дѣятельность его въ Кіевѣ. Случай, доставившій ему знакомство съ Петромъ Великимъ. Счастливая эпоха жизни Стефана, подъ покровительствомъ Петра. Измѣненіе отношеній Петра къ Стефану Яворскому; причины этого. Историческое значеніе Стефана Яворскаго. Характеристика его проповѣднической дѣятельности.

Митрополитъ Стефанъ, въ мірѣ Симеонъ, родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ православныхъ родителей, не богатыхъ дворянъ. Испытывая, вмѣстѣ съ другими своими единовѣрцами, притѣсненіе отъ поляковъ за свое православіе, родители его переселились въ черноморскую область, недалеко отъ Нѣжина. Это новое мѣсто жительства, сдѣлавшись какъ бы новою родиною для Симеона, оставило въ немъ, по его отроческимъ воспоминаніямъ, глубокое впечатлѣніе, такъ что въ послѣдствіи онъ основалъ здѣсь собственнымъ ижди-

---

(*) Соч. Дим. т. 3, стр. 293 и др.
(**) Соч. Дим. т. 3, стр. 201—202.

веніемъ Благовѣщенскій монастырь, въ пользу котораго при своей кончинѣ отказалъ всю свою библіотеку.

Симеонъ началъ свое образованіе еще въ Галиціи, гдѣ, по словамъ біографіи при „Камнѣ вѣры", „онъ вданъ бысть въ наученіе книжное, въ немъ же и приспѣваше добрѣ, паче сверстникъ своихъ". По переселеніи въ Нѣжинъ, онъ отправился въ Кіевъ, который былъ центромъ южно-русской образованности и поступилъ въ тамошнюю могилянскую коллегію. Какъ во время пребыванія своего въ кіевской коллегіи, такъ и въ дальнѣйшей судьбѣ Яворскій находился подъ особеннымъ вліяніемъ Варлаама Ясинскаго, іеромонаха и проповѣдника Печерскаго монастыря, потомъ архимандрита и наконецъ митрополита кіевскаго. Слѣдя за ходомъ образованія Симеона въ академіи, Варлаамъ, еще до окончанія имъ полнаго курса наукъ, отправилъ его для дальнѣйшаго и окончательнаго образованія за границу, гдѣ Яворскій прослушалъ философію (въ львовской и люблинской школахъ) и богословіе въ познанской и виленской. Въ этихъ школахъ учителями и главными правителями были іезуиты, извѣстные своею ревностію къ папизму, которые соглашались допускать православныхъ къ слушанію высшихъ наукъ не иначе, какъ по отреченіи ихъ отъ православія и по взятіи съ нихъ клятвы въ вѣрности римскому престолу. Поэтому Яворскій, увлекаемый жаждою высшаго знанія и побуждаемый необходимостію, подобно всѣмъ другимъ кіевскимъ ученымъ, слушавшимъ науки въ заграничныхъ іезуитскихъ школахъ, принялъ на время католичество съ именемъ Станислава Симона и далъ притворную клятву въ послушаніи папѣ. Въ этихъ то школахъ Стефанъ Яворскій усвоилъ тѣ средневѣковыя воззрѣнія на природу, которыя онъ высказывалъ потомъ въ своихъ проповѣдяхъ и обогатилъ себя многими фактическими и діалектическими данными, которыми онъ воспользовался потомъ въ своей проповѣднической дѣятельности и вѣроисповѣдной полемикѣ.

По окончаніи своего образованія и по возвращеніи изъ за границы, Яворскій, по убѣжденію своего благодѣтеля Варлаама Ясинскаго, принялъ монашество, и имъ же постриженъ былъ въ кіево-печерской обители съ именемъ Стефана. Вмѣстѣ съ иноческимъ званіемъ Варлаамъ возложилъ на него должность публичнаго проповѣдника слова Божія въ Кіево-

Печерской лаврѣ и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ, которую онъ проходилъ „съ великою пользою и услажденіемъ слышащихъ". Обладая блестящимъ талантомъ и глубокимъ богословскимъ образованіемъ, Стефанъ вскорѣ составилъ себѣ репутацію замѣчательнаго проповѣдника. Онъ обыкновенно говорилъ проповѣди наизусть, владѣлъ прекраснымъ выразительнымъ голосомъ и для усиленія впечатлѣнія, употреблялъ эффектныя манеры, заимствованныя имъ у иностранныхъ католическихъ проповѣдниковъ. Вскорѣ Варлаамъ Ясинскій назначилъ Стефана учителемъ въ кіево-могилянской коллегіи съ оставленіемъ за нимъ и должности проповѣдника. Учебная дѣятельность Стефана при коллегіи продолжалась 6 лѣтъ—сначала въ званіи учителя риторики и витійства, потомъ префекта и профессора философіи и наконецъ богословія.

Въ 1697 г. Стефанъ былъ назначенъ игуменомъ монастыря Свято-Никольскаго и вскорѣ затѣмъ оставилъ учительскія занятія при коллегіи.

Еще будучи префектомъ коллегіи, Стефанъ исполнялъ большею частію церковно-административныя порученія, возлагаемыя не него начальствомъ. Когда онъ былъ сдѣланъ игуменомъ, число этихъ порученій увеличилось; онъ былъ посылаемъ митрополитомъ за многими дѣлами къ разнымъ лицамъ не только въ епархіи кіевской и въ малой Россіи, но и въ Москву; отношенія іерархическаго подчиненія кіевскаго митрополита московскому патріарху требовали въ то время частыхъ сношеній и умныхъ посредниковъ. Въ генварѣ 1700 г. митрополитъ отправилъ Стефана вмѣстѣ съ другимъ игуменомъ въ Москву для церковныхъ дѣлъ и послалъ съ нимъ къ патріарху Адріану письмо, въ которомъ онъ просилъ дозволить открыть переяславскую епархію, съ назначеніемъ въ переяславскіе епископы, въ помощь престарѣлому и немощному митрополиту одного изъ двухъ присланныхъ.. Въ ту пору скончался въ Москвѣ знаменитый военачальникъ бояринъ А. С. Шеинъ. Государь пожелалъ почтить покойнаго торжественнымъ погребеніемъ. Неизвѣстно по чьей рекомендаціи, составленіе надгробнаго слова было поручено Стефану. Проповѣдь Стефана на погребеніе Шеина очень понравилась Государю, и онъ оставилъ его въ Москвѣ. Въ томъ же 1700 году 7 апрѣля Стефанъ былъ

посвященъ въ митрополита рязанскаго и муромскаго; а потомъ, по смерти патріарха Адріана, назначенъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Съ этого времени, до конца своей жизни въ 1722 году, Стефанъ Яворскій занималъ первенствующее положеніе въ русской церковной іерархіи. Одиннадцать лѣтъ (1701—1712) продолжалась для м. Стефана эпоха полной, ничѣмъ не возмущаемой благосклонности къ нему Государя; эти одиннадцать лѣтъ были временемъ самой обширной и многосторонней дѣятельности м. Стефана, когда онъ дѣйствовалъ свободно, не зная соперниковъ. Занимаясь дѣлами церковно-административными и научными, онъ постоянно проповѣдывалъ, возбуждая своими живыми и блестящими бесѣдами любовь и удивленіе народа, а также уваженіе Царя и другихъ, которые даже лично не были къ нему расположены.

Кромѣ чисто пастырскихъ цѣлей митр. Стефанъ вынуждаемъ былъ къ обширной проповѣднической дѣятельности и тогдашними обстоятельствами. Это съ одной стороны расколъ, съ другой ересь лютеранская и протестанская и наконецъ событія политическія. Относительно раскольниковъ и лютеранствующихъ м. Стефанъ говорилъ не много проповѣдей, а писалъ по этому случаю много сочиненій. Относительно же дѣлъ политическихъ онъ говорилъ много проповѣдей, въ которыхъ восхвалялъ Петра за его побѣды, за построеніе Петербурга и за нѣкоторыя реформы внутреннія. Среди многочисленныхъ трудовъ, заботъ и огорченій, которыя приходилось Стефану испытывать съ одной стороны отъ людей стараго направленія, видѣвшихъ въ кіевскихъ ученыхъ вообще людей не твердыхъ въ православіи и потому относившихся къ нимъ далеко неблагосклонно, а съ другой—отъ лицъ, завидовавшихъ его чести и возвышенію, онъ находилъ утѣшеніе въ постоянной милости къ себѣ Государя. „Отъ самаго великаго государя Петра Алексѣевича“, говоритъ самъ преосв. Стефанъ, „многажды воспріяхъ за побѣдительныя проповѣди различнымъ временемъ овогда 1000 златницъ, овогда же меньши: тожде рещи и о прочихъ членахъ царскаго дома, отъ нихъ же многія многажды щедроты за литургисаніе и проповѣди слова Божія бываху ми“. Пользуясь милостями государя, м. Стефанъ искренно уважалъ въ немъ лучшія черты его характера, хотя въ глубинѣ души,

конечно, не соглашался съ нѣкоторыми его нововведеніями, особенно касавшимися положенія церкви и духовенства. Исполняя долгое время обязанности мѣстоблюстителя патріаршаго престола, м. Стефанъ естественно считалъ свое положеніе переходнымъ и, если вѣрить преданію, желалъ патріаршества и дѣлалъ объ этомъ тонкіе намеки государю. Такъ однажды, при посѣщеніи государемъ московскаго Успенскаго собора, м. Стефанъ замѣтилъ, что за отсутствіемъ патріарха, патріаршее мѣсто въ соборѣ стоитъ напрасно и лучше его вынести. Государь отвѣчалъ: „мнѣ этого мѣста не ломать, а Яворскому на немъ не сидѣть“. Въ слѣдующій періодъ Стефану было уже не до патріаршества.

Добрыя отношенія между государемъ и м. Стефаномъ не могли удержаться навсегда. Рано или поздно консервативныя стремленія одного должны были стать въ разрѣзъ съ преобразовательными планами другаго. Первый поводъ къ столкновенію между государемъ и м. Стефаномъ дало слово, произнесенное Стефаномъ въ Успенскомъ соборѣ во вторую недѣлю великаго поста, по случаю тезоименитства царевича Алексѣя (1712 г.). Стефанъ всегда былъ усерднымъ хвалителемъ царевича, между тѣмъ государь не имѣлъ расположенія къ своему сыну, за то что онъ не обладалъ никакими особенно великими качествами. Но Стефанъ не замѣчалъ этого и въ своей проповѣди, подвергнувъ строгой критикѣ недавнее учрежденіе фискаловъ и выразивъ свое недовольство современнымъ положеніемъ Россіи, пребываніе Алексѣя за границей сравнивалъ съ безпріютнымъ скитальческимъ житіемъ Алексѣя человѣка Божія, и называлъ царевича единою надеждою Россіи. Слушавшіе проповѣдь сенаторы нашли ее оскорбительною для царской чести, отобрали ее у митрополита и отправили государю; а Стефану запретили на будущее время проповѣдывать. Запрещеніе осталось до времени во всей силѣ.

Другое обстоятельство, послужившее къ столкновенію Стефана съ Петромъ 1, было слѣдственное дѣло о московскихъ еретикахъ. Въ началѣ XVIII в. въ Москвѣ и ея окрестностяхъ появились еретики, пропитанные реформаціоннымъ, протестантскимъ духомъ; во главѣ ихъ стоялъ лекарь Димитрій Тверитиновъ. Со стороны гражданской власти еретики пользовались полною терпимостію, потому что Петръ I

держался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ принципа свободы совѣсти, да кромѣ того и самъ былъ не чуждъ реформаціоннаго духа. Между тѣмъ духъ лютеранствующихъ еретиковъ, противный церковному преданію и церковному авторитету, былъ ненавистенъ для м. Стефана, строгаго блюстителя церковныхъ правъ и преданій и онъ поднялъ на нихъ слѣдственное дѣло въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Когда подсудимые были вызваны въ Петербургъ, Стефанъ писалъ государю, чтобы онъ „не попускалъ отъ малыхъ сихъ искръ большему возгнѣщатися жару, да не како малый сей ядъ великое убійство душъ вѣрному народу сотворитъ“. Вопреки желанію Стефана государь отнесся къ еретикамъ снисходительно и возвратилъ ихъ въ Москву къ м. Стефану для торжественнаго и всенароднаго провозглашенія ихъ вѣрности православной церкви. Но Стефанъ нашелъ возможнымъ снова раздуть затихавшее дѣло о еретикахъ и они были осуждены гражданскою властію, а одинъ изъ нихъ даже былъ казненъ смертію. Государь былъ недоволенъ дѣйствіями Стефана противъ еретиковъ и чрезъ посредство сената заявилъ митрополиту, что онъ позволилъ себѣ въ этомъ случаѣ превышеніе власти. Государь понялъ, что Стефанъ не можетъ быть ему надежнымъ сотрудникомъ въ замышляемыхъ имъ преобразованіяхъ по духовному вѣдомству и оставлялъ Стефана при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ только потому, что не нашелъ ему еще преемника. Въ 1715 г. Петръ объявилъ рѣшительную волю объ уничтоженіи патріаршества. Это конечно не могло быть пріятно Стефану. Въ 1718 г. онъ вызванъ былъ государемъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ почти до самой кончины своей, считаясь представителемъ церковнаго правленія только номинально и не пользуясь тою властію, которою онъ пользовался въ Москвѣ. Жизнь Стефана, доселѣ переполненная трудами, стала переполняться горестями и непріятностями; онъ замѣшанъ былъ въ дѣло о царевичѣ Алексѣѣ, но оправданъ былъ Петромъ, не нашедшимъ въ немъ никакой вины; онъ взошелъ въ разладъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, съ которымъ, хотя послѣ и примирился, благодаря посредничеству государя, но много перенесъ непріятностей отъ будущаго своего преемника. Ѳеофанъ Прокоповичъ не переставалъ нападать на Яворскаго и въ сочиненіяхъ своихъ и въ своихъ проповѣдяхъ; вездѣ, гдѣ го-

ворится о „папежскомъ духѣ“, о „казнокрадникахъ“ и проч. тамъ разумѣется Яворскій съ его проповѣдническими пріемами. Мало того, Прокоповичъ говорилъ также проповѣдь и о „фискалахъ“ прямо противъ Яворскаго, гдѣ онъ одобряетъ должность фискаловъ, говоря, что они нужны для того, чтобы „всякое злодѣяніе, яко въ земли ехидна, скрыться не могло“. Послѣднимъ ударомъ для Стефана было ослабленіе его іерархической власти учрежденіемъ 14 февраля 1721 г. Святѣйшаго Синода, гдѣ, хотя Стефанъ и былъ президентомъ, но онъ имѣлъ голосъ равный съ прочими членами, что для него было слишкомъ тяжело. Однакожъ онъ подчинился волѣ Петра и былъ президентомъ Синода до самой своей смерти, перенося разныя невзгоды, обвиненія и оскорбленія отъ враговъ своихъ. Въ ночь 24 ноября 1722 г. м. Стефанъ скончался въ Москвѣ на своемъ рязанскомъ подворьѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ мало занимался дѣлами литературными. [illegible]

Историческая заслуга Стефана Яворскаго въ Петровскую эпоху состояла въ томъ, что онъ въ своемъ духовномъ строѣ совмѣщалъ начала, с одныя древне-русской и ново-европейской цивилизаціи. Его ученость сближала его съ западомъ; его уваженіе къ преданію и авторитету съ древнею Русью. Народъ, запуганный реформами Петра и получившій нерасположеніе къ западной образованности, мирился съ нею, когда видѣлъ, что она въ лицѣ м. Стефана и людей, подобныхъ ему, не исключала ни благочестія, ни уваженія къ преданію, ни консерватизма. Великій реформаторъ, кажется, очень хорошо понималъ это; и потому предоставилъ высокое оффиціальное положеніе м. Стефану и людямъ одного съ нимъ направленія, не смотря на свое существенное съ ними разногласіе(*).

Достоинство проповѣдника состоитъ въ томъ, чтобы проповѣдь его была современна, согласовалась съ жизнію общества своего времени, отвѣчала на запросы современной среды, разнообразилась вмѣстѣ съ жизнію и освѣщала свѣтомъ вѣры текущія событія. Эпоха Петра 1-го, въ которую жилъ и проповѣдывалъ Стефанъ Яворскій, больше и лучше, чѣмъ

(*) Труды К. Д. Ак. 1864 г. т. I и 2-й.

всякая другая, могла дать проповѣднику возможность выполнить эту главную задачу проповѣди. Богатая событіями политическими, она представляетъ, въ то же время, сильное броженіе русскаго общества, броженіе умственное, нравственное и религіозное. Войны и побѣды Петра, его нововведенія, стремленія русскихъ къ европейской образованности, религіозныя и нравственныя колебанія въ обществѣ, ропотъ и неудовольствіе на распоряженія Государя, все это само собою должно было навязываться проповѣднику и давать богатый матеріалъ для его проповѣдей. Дурная и хорошая стороны реформы должны были вызывать проповѣдника на живое слово, порицать первую и защищать послѣднюю предъ людьми, непонимавшими ея пользы и значенія. Воспользовался ли Стефанъ Яворскій тѣмъ богатствомъ матеріала, которое представляла ему его эпоха и выразилъ ли онъ къ ней свое живое отношеніе?

Отвѣтъ на это мы найдемъ въ его проповѣдяхъ.

Въ сборникѣ проповѣдей Стефана Яворскаго помѣщено 56 словъ и бесѣдъ его, говоренныхъ имъ въ разное время на дни воскресные, праздники святыхъ и на разные случаи. Но въ 1867 году въ архивѣ Св. Синода найдено болѣе двухъ сотъ проповѣдей Стефана Яворскаго хранившихся въ рукописи и до толѣ неизвѣстныхъ; они печатаются въ трудахъ К. Дух. Академіи.

Всѣ слова и бесѣды Стефана Яворскаго можно раздѣлить на три отдѣла: 1) догматическія; 2) нравственныя; 3) слова, говоренныя на разные случаи: похвальныя торжественныя, благодарственныя и др. [illegible]

Предметами догматическихъ словъ Стефана служатъ: о молитвѣ и ходатайствѣ за насъ святыхъ, о священномъ преданіи, какъ источникѣ Богооткровеннаго ученія, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о таинствахъ. Причина выбора такихъ предметовъ для проповѣди понятна. Тверитиновъ и его сообщники, хотя и были осуждены, но послѣдователей ихъ ученія оставалось много; лютеранское ученіе проникало во всѣ слои общества, особенно высшаго, гдѣ любили оправдывать вольную и разнузданную жизнь, проповѣдуемую протестантами. Какъ ревностный пастырь, Яворскій со всѣмъ усердіемъ и строгостію обратилъ свое вниманіе съ церковной каѳедры на религіозное состояніе тогдашняго общества

и открыто полемизировалъ противъ лютеранскаго ученія и особенно тѣхъ его пунктовъ, которые были распространены въ русскомъ обществѣ.

Двѣ его проповѣди въ недѣлю 7 по Пасхѣ и въ недѣлю 2 по святомъ Духѣ исключительно посвящены: первая опроверженію лютеранскаго ученія о почитаніи святыхъ и ихъ молитвахъ, о ходатайствѣ за насъ предъ Богомъ(*); вторая — о священномъ преданіи. Въ обѣихъ проповѣдяхъ Яворскій раскрываетъ эти догматы съ православной точки зрѣнія и говоритъ о преданіи, какъ источникѣ Богооткровеннаго ученія(**). Обращаясь къ православнымъ, проповѣдникъ убѣждаетъ ихъ не входить въ общеніе съ протестантскими пропагандистами въ Россіи, а отступниковъ увѣщеваетъ покаяться и вновь соединиться съ православною церковію; а въ противномъ случаѣ грозитъ имъ праведнымъ гнѣвомъ Божіимъ. Направляя рѣчь свою противъ ученія Лютера и Кальвина и зараженныхъ ихъ вольномысліемъ русскихъ современниковъ своихъ, проповѣдникъ старается не столько разоблачить ложь своихъ противниковъ, сколько раскрыть положительное ученіе церкви православной о догматахъ, ими оспариваемыхъ. При раскрытіи догматовъ съ точки зрѣнія православной, онъ старается побѣждать противниковъ ихъ же оружіемъ св. писаніемъ, авторитетомъ котораго они только прикрывались въ своихъ заблужденіяхъ.

Послѣ догматовъ о почитаніи святыхъ и о священномъ преданіи видное мѣсто въ проповѣдяхъ Яворскаго занимаетъ православное ученіе о вѣрѣ съ добрыми дѣлами — вѣрѣ живой и дѣятельной. Давая широкое мѣсто этому догмату въ своихъ проповѣдяхъ, Яворскій, очевидно, имѣлъ въ виду противопоставить его протестантскому ученію о вѣрѣ, оправдывающей человѣка независимо отъ дѣлъ его. Слово въ недѣлю 24 по св. Духѣ(***) Яворскій исключительно посвящаетъ раскрытію этого догмата, касаясь его и въ другихъ словахъ.

(*) Проп. Стеф. Яворскаго, т. I, стр. 138—162.
(**) — — — т. II. стр. 26—49.
(***) Т. II, стр. 195—221.

По частямъ, то въ той, то въ другой проповѣди Стефанъ Яворскій касается почти всѣхъ пунктовъ ихъ заблужденій, которые могли быть ему извѣстны изъ слѣдственнаго дѣла и тетрадей Тверитинова. Тверитиновъ и его ученики отвергали догматъ о преложеніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы въ таинствѣ Евхаристіи и вслѣдствіе этого не считали нужнымъ причащаться св. Таинъ. Яворскій, пользуясь случаемъ, въ нѣсколькихъ проповѣдяхъ говоритъ объ Евхаристіи, какъ таинствѣ, о св. тайнахъ, какъ тѣлѣ и крови Христовой, и указываетъ гибель, какую готовитъ себѣ человѣкъ, пренебрегая Божественною трапезою(*). Часто проповѣдникъ говоритъ въ своихъ словахъ о необходимости и пользѣ поста.

Западно-европейская протестантская цивилизація отразилась и въ области нравственной русскаго общества. Протестантская мораль преслѣдуетъ суевѣріе и ханжество и проповѣдуетъ общественныя и гражданскія добродѣтели; таковы же были и нравственныя идеи Петра Великаго, усердно проводимыя имъ въ русскомъ обществѣ. Петръ былъ суровый гонитель суевѣрій; онъ вмѣнялъ въ обязанность духовенству строго наблюдать, чтобы не было юродивыхъ, ложныхъ чудесъ, несвидѣтельствованныхъ мощей, ложно чудотворныхъ иконъ и всякаго, какъ онъ выражался, богопротивнаго чествованія, которое, хотя совершенно чуждо духу православной церкви, но по малой развитости нашихъ предковъ, имѣло мѣсто въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Доброе по своему принципу гоненіе противъ суевѣрій не рѣдко доходило до крайностей, смѣшивало иногда съ суевѣріями и добрыя проявленія благочестія. Въ разныхъ мѣстахъ велѣно разорять часовни, съ иконъ снимать привѣски, запрещались публичныя хожденія по улицамъ съ образами и святой водой, отмѣнены нѣкоторыя крестные ходы. Часть общества, приверженная къ старинѣ, встрѣтила эти и подобныя распоряженія съ оппозиціей и въ большинствѣ случаевъ продолжала еще оставаться въ прежнемъ мракѣ суевѣрій, за то нашлось не мало и такихъ, особенно изъ высшаго образованнаго класса, которые отнеслись къ такимъ

(*) Пропов. Явор. т. II стр. 10.

распоряженіямъ сочувственно. Но одна крайность вызвала другую: во многихъ явился индиферентизмъ къ религіознымъ и благочестивымъ обязанностямъ православнаго христіанства вообще.

Противъ этого порока, распространеннаго особенно между людьми высшаго круга, вооружился Стефанъ Яворскій, проповѣдуя о святой православной вѣрѣ, какъ источникѣ небесной мудрости, безъ которой земная мудрость не приноситъ человѣку никакой пользы и есть не что иное, какъ юродство(*).

Реформа Петра, направленная на всѣ отрасли государственнаго устройства, не оставила безъ вниманія и семейный бытъ русскаго общества. Такъ государь вооружался противъ затворничества женщинъ и старался о развитіи общественной жизни. Съ этою цѣлію въ столицѣ заведены ассамблеи, которыя состояли въ томъ, что вельможи и другіе зажиточные люди должны были зимой, въ назначенные дни, принимать у себя гостей обоего пола званныхъ и не званныхъ. Кромѣ того Петръ, по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ, устроивалъ маскарады и процессіи, въ которыхъ шуты играли главную роль. Придворныя торжества и спуски новыхъ кораблей праздновались обыкновенно веселыми попойками, на которыхъ никто не имѣлъ права отказываться отъ безпрерывныхъ тостовъ. Такія и подобныя учрежденія государя, имѣвшія цѣлію сблизить русское общество между собою и поставить его наравнѣ съ обществомъ европейскихъ державъ, перешли въ свою очередь въ крайность. Они пріучили русскихъ къ роскоши, развили любовь къ пиршествамъ и увеселеніямъ. Женщины, освобожденныя Петромъ изъ своего терема, въ особенности увлекались этою роскошью и дорогими нарядами. Въ обществѣ распространилась привычка жить сверхъ своего состоянія; поэтому люди, получающіе, въ сравненіи съ расходами, очень ограниченное отъ казны содержаніе, стали пользоваться взяточничествомъ и незаконными поборами; а отсюда само собою происходили различныя несправедливости въ судахъ и расправахъ, и богатый давилъ и притѣснялъ бѣднаго. Такъ русское общество относительно нравовъ и обычаевъ воспользовалось нововведеніями государя односторонне и во зло употребляло намѣренія великаго преобразователя.

(*) Т. III, стр. 8 и др.

Недовольный близкимъ знакомствомъ русскихъ съ западомъ и скептически относившійся ко многимъ нововведеніямъ Петра, Стефанъ Яворскій тѣмъ болѣе не могъ равнодушно видѣть разныя злоупотребленія этимъ знакомствомъ. Поэтому, считая себя обязаннымъ слѣдить за чистотою нравовъ своихъ пасомыхъ, онъ очень часто въ своихъ проповѣдяхъ выступаетъ съ сильнымъ словомъ обличенія недостатковъ современнаго общества. Яворскій перебираетъ всѣ слои общества и не находитъ ни одного, гдѣ бы не было растлѣнія нравовъ(*). Испорченность нравовъ тогдашняго общества, по взгляду проповѣдника, дошла до того, что онъ опасается за прочность Россіи и боится, какъ бы она не упала подобно столбу Силоамскому(**).

Кромѣ общихъ указаній на испорченность нравовъ мы встрѣчаемъ указаніе и на всѣ частные недуги, которыми страдали его современники.

Примѣръ Петра, разведшагося съ своею первою супругой, вѣроятно, нашелъ себѣ многихъ подражателей; поэтому Яворскій съ большою силою возстаетъ противъ этого вреднаго обычая, особенно разводовъ незаконныхъ, сопровождающихся очень часто насиліемъ со стороны мужей(***). Стефанъ вооружается противъ властолюбія и тщеславія(****), противъ честолюбія, роскоши, пировъ и мотовства, какъ пороковъ въ его время болѣе распространенныхъ среди русскаго общества(*****). Обманы, лесть, вѣроломство друзей, происки, особенно обманы и неправда въ судахъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ защищать правду, также находили сильное обличеніе въ проповѣдяхъ Яворскаго(******).

Съ особенною энергіею и особенно часто обличаетъ Стефанъ своихъ современниковъ за ихъ холодность и невниманіе къ Богослуженію. Въ этихъ обличеніяхъ онъ касается, во первыхъ пастырей, обязанныхъ проповѣдывать, но нерадѣющихъ о своей обязанности; во вторыхъ пасомыхъ, не

(*) Христ. чт. 1867 г. ч. 1, 228 стр.
(**) Тамъ же стр. 816.
(***) Тамъ же стр. 833.
(****) Проп. Яворск. т. II, стр. 78—89.
(*****) — — т. I, стр. 282—83.
(******) — — т. III, стр. 15—19.

любящихъ слушать слово Божіе вообще и проповѣдей церковныхъ въ особенности(*).

Причину всѣхъ бѣдствій и несчастій, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, которыя тогда испытывала Россія, проповѣдникъ видитъ единственно въ нечестіи и въ нравственномъ упадкѣ своихъ соотечественниковъ(**).

Такимъ образомъ Стефанъ Яворскій, ограждая церковь православную отъ протестантскихъ религіозныхъ воззрѣній, въ тоже время зорко слѣдилъ и за нравственною жизнію своихъ пасомыхъ.

Предметами остальной части словъ и бесѣдъ Стефана Яворскаго богословскаго характера служатъ общія истины вѣры и нравственности христіанской: о воскресеніи мертвыхъ, о значеніи для насъ страданій Христовыхъ, о милосердіи Божіемъ, о любви къ Богу, о суетности и ничтожности земныхъ благъ и т. п. Въ словахъ похвальныхъ святымъ онъ восхваляетъ добродѣтели ихъ и разсуждаетъ о самыхъ добродѣтеляхъ.

Торжественныя слова и рѣчи Стефана Яворскаго, говоренныя имъ по разнымъ случаямъ, имѣютъ по преимуществу характеръ панегирическій. Такими случаями были наприм. объявленіе войны, побѣды, открытіе государственной измѣны и другія важныя для государства событія. Въ своихъ торжественныхъ проповѣдяхъ онъ говорилъ о высокихъ личныхъ качествахъ Петра Великаго, о блескѣ его внѣшнихъ дѣлъ и благотворности внутреннихъ реформъ, обличая только современниковъ, которые, не понявъ значенія реформъ Петра, или порицали ихъ, или злоупотребляли ими.

Въ личности Петра 1-го были привлекательныя стороны, которыя могли мирить народъ съ его крутыми мѣропріятіями. На эти привлекательныя стороны, Стефанъ Яворскій указываетъ въ своихъ проповѣдяхъ. Необыкновенная даровитость Петра и неустанное, ко всему прилагаемое, трудолюбіе, соединенное съ простотою дѣловаго человѣка, заботящагося только о дѣлѣ, а не объ этикетѣ, по достоинству были

(*) Проп. т. III, стр. 269—1, 272—273.
(**) Т. II, стр. 126—127. Христ: чт. 1867 г. ч. 1, стр. 833.

восхвалены Стефаномъ(*). Онъ хвалитъ даже его высокій благолѣпный ростъ. „Станетъ между нами, яко солнце между звѣздами, яко кедръ Ливанскій между древесами, яко орелъ между птицами, не только властію и почестію, но и возрастомъ честнѣйшій. Кто бы не зналъ его быти царемъ, отъ самаго благолѣпнаго возраста можетъ познавати"(**).

Внѣшнія дѣла Петра состояли почти исключительно въ войнахъ съ Швеціею и Турціею. Проповѣдникъ восхваляетъ военные успѣхи и въ войнѣ съ Турціею видитъ религіозный характеръ. Побѣды надъ врагами представляются Стефану слѣдствіемъ трудовой жизни русскихъ воиновъ, жизнь которыхъ была тягостная и многобѣдственная(***).

Въ пользу внутреннихъ реформъ Петра Великаго въ проповѣдяхъ м. Стефана мало находимъ панегирическихъ отзывовъ. Это объясняется тѣмъ, что а) въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка, когда особенно процвѣтала проповѣдническая дѣятельность м. Стефана, Петръ, озабоченный шведскою войною, мало занимался внутренними реформами; б) тѣ реформы, какія успѣвалъ совершать Петръ, мало пользовались сочувствіемъ м. Стефана, слѣд. мало представляли пищи для панегирическихъ отзывовъ. Довольно обширный панегирикъ м. Стефанъ произнесъ въ похвалу новой столицы С.-Петербурга. Есть также двѣ обширныя проповѣди въ похвалу флота и арміи.

Что касается внѣшней стороны проповѣдей Стефана Яворскаго, ихъ плана, источниковъ, изъ которыхъ они заимствовали свое содержаніе, тона и различныхъ пріемовъ, то въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ знакомыя уже намъ типическія черты южно-русской проповѣди.

Искусственность въ составленіи плана у Стефана Яворскаго поразительна. Части проповѣди основываются не на содержаніи избраннаго предмета, а на какомъ нибудь аллегорическомъ разъясненіи и разложеніи одного слова изъ темы или текста, или въ какомъ нибудь искусственно поставленномъ вопросѣ. Такъ напр. въ словѣ: „Рука Христова, Петру

(*) Хр. Чтен. 1867 г. т. 1, стр. 114—115. Неизданн. проп. м. Стеф.
(**) Тамъ же, стр. 118. Неизд. проп. Ст. Явор.
(***) Тамъ же, стр. 110, 119, 123.

россійскому простираемая"...проповѣдникъ употребляетъ такой пріемъ для раздѣленія проповѣди своей на части. „Рука человѣческая имѣетъ пять перстовъ. Первый перстъ нарицается крѣпкимъ; потому что онъ крѣпче всѣхъ перстовъ, какъ это каждый знаетъ по опыту. Второй называется указательнымъ; потому что тѣмъ перстомъ что нибудь указываютъ. Третій называется среднимъ. Четвертый перстеноснымъ; потому что на немъ перстни носятъ. Пятый, самый меньшій уховой; потому что имъ уши вычищаютъ"(*) Понятно отсюда, что проповѣдь будетъ состоять изъ пяти частей. Переводя представленіе о перстахъ руки Господней въ міръ отвлеченныхъ понятій, проповѣдникъ считаетъ эти персты символами крѣпости, вѣры, терпѣнія, любви къ ближнимъ и смиренія и раскрываетъ проявленія этихъ доблестей въ дѣятельности Петра 1-го и его сподвижниковъ. Другой пріемъ, употребительный при составленіи южно-русскихъ проповѣдей и состоявшій въ измышленіи затѣйливыхъ вопросовъ, также нашелъ себѣ мѣсто въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго. Такъ въ проповѣди на Срѣтеніе Стефанъ занимается такимъ вопросомъ: „о Іовѣ говорится въ самомъ началѣ его книги: бысть мужъ нѣкій именемъ Іовъ; а о Симеонѣ иначе сказуетъ евангеліе: бысть человѣкъ во Іерусалимѣ, ему же имя Симеонъ, а для чего такъ? Для чего Іова мужемъ, а Симеона человѣкомъ писаніе нарицаетъ?"(**)... Приводя слова Спасителя: поминайте жену Лотову, проповѣдникъ вопрошаетъ: „Какъ же ю, Спасителю мой, поминати? панихиду ли за ню пѣти? или въ эктеніяхъ ее поминати? не вѣдаемъ какъ ей имя"(***).

Источники, откуда бралъ Стефанъ содержаніе для своихъ проповѣдей, кромѣ Библіи и св. отцевъ, были и другіе, которыми пользовалась южно-русская проповѣдь.

Способъ пользованія Библіею состоялъ, большею частію, въ сопоставленіи разныхъ мѣстъ писанія по симфоніямъ и конкордаціямъ, такъ что выходила какая то мозаическая картина, которая ясно представляла то, что хочетъ сказать

(*) Р. д. с. паст. 1870 г. т. III, стр. 14.
(**) Цр. Ст. Яв. 1, 77.
(***) Хр. Чт. 1867 г. ч. 1, стр. 420.

проповѣдникъ, но чего тѣмъ не менѣе нѣтъ въ самой Библіи. Такъ напр. м. Стефанъ говоритъ проповѣдь въ Петербургѣ въ первое время послѣ его основанія и желаетъ похвалить приморское мѣстоположеніе города. Для этого проповѣдникъ пользуется всевозможными текстами писанія, которые по видимому подтверждаютъ его мысли о превосходствѣ низменныхъ мѣстъ и водной стихіи, но только по видимому(*). Проповѣдникъ обильно подтвердилъ библейскими текстами свою мысль о превосходствѣ и особенной близости къ Богу водной стихіи. Но для непропитаннаго схоластикою читателя ясно неправильное отношеніе проповѣдника къ св. писанію. Тексты подобраны до такой степени произвольно, что проповѣдникъ безъ труда могъ бы тѣмъ же способомъ хвалить огонь, воздухъ, горы и т. п. Другимъ источникомъ для проповѣдей м. Стефана служили творенія отцевъ церкви не только восточныхъ, но и западныхъ.

Исторія служила также любимымъ источникомъ, откуда онъ бралъ содержаніе своихъ проповѣдей. Примѣровъ, заимствованныхъ изъ дѣйствительной исторіи, въ особенности изъ исторіи церковной и житій святыхъ очень мало; большею частію онъ беретъ ихъ или изъ миѳологіи или изъ искаженныхъ преданій; нерѣдко приводитъ басни древнихъ баснописцевъ или разсказы о звѣряхъ и птицахъ, приписывая имъ такія свойства, какихъ они никогда не имѣли(**). Не говоря уже о неумѣстности такихъ разсказовъ на церковной каѳедрѣ, по самому характеру ихъ, они не могли служить для слушателей и средствомъ для лучшаго пониманія, предлагаемаго проповѣдникомъ ученія; потому что большая часть ихъ, заимствованная изъ миѳологіи и темныхъ преданій языческой древности, очевидно не могла быть понятна для простаго мало или вовсе необразованнаго класса. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи лучше и естественнѣе примѣры, приводимые имъ изъ жизни обыденной.

Подобно католическимъ польскимъ проповѣдникамъ Стефанъ Яворскій иногда допускаетъ слишкомъ фамильярнос

(*) Неизд. проп. Стеф. въ рукоп. Кіевск. Дух. Акад. № 7. л. 93—95. Рук. для сел. паст. 1870 г. ч. III, 24—27.

(**) Проп. Ст. Яв. т. II, стр. 100—102. Т. 1, 180. Т. II, стр. 216, 259, 260, 272, 143.

обращеніе съ святыми лицами и предметами. Чаще всего эта фамильярность проявляется въ выговорахъ и упрекахъ, которые дѣлаетъ священнымъ лицамъ по поводу тѣхъ или другихъ словъ ихъ или поступковъ. Вотъ какъ напр. Яворскій обращается въ одной проповѣди къ апостолу Петру: „Петре святый, прости мнѣ, что къ тебѣ стану глаголати: твое ли то дѣло творити сѣчи? тебѣ ли подобаетъ съ топоромъ бѣгати коло такихъ вещей, которыя твоему дѣлу не приличны“(*). Апостола Павла называетъ „казначеемъ небеснымъ“(**), Іисуса Христа „кавалеромъ небеснымъ“(***). Подобныя фамильярныя обращенія съ святыми лицами оскорбляютъ религіозное чувство и чистый вкусъ христіанина. При употребленіи ихъ имѣлась въ виду цѣль сдѣлать проповѣдь занимательною, сообщить ей болѣе живости и остроумія и этимъ заинтересовать вниманіе слушателей.

Съ этою же цѣлію проповѣдникъ иногда пускаетъ въ ходъ шутки и каламбуры и старается ими разсмѣшить своихъ слушателей. Такъ напр. въ словѣ на текстъ: „пріимите Духъ святъ“, Стефанъ, предложивъ простымъ людямъ Духа святаго въ образѣ воды, обращается къ нимъ съ такими словами: „чаю речете: о! сами хотятъ воспріяти Духа святаго въ образѣ вина, а намъ его даютъ въ образѣ воды!“(****) Прежнее названіе Шлиссельбурга Орѣшкомъ даетъ проповѣднику поводъ къ слѣдующему каламбуру: „Орѣшекъ претвердый! добрые то были зубы, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ“(*****).

Тонъ рѣчи Стефана Яворскаго въ различныхъ мѣстахъ различный. Въ проповѣдяхъ обличительныхъ, противъ еретиковъ и пороковъ современнаго общества онъ строгъ и рѣзокъ. Лютера и Кальвина онъ называетъ „скверными, Христоненавистными, треклятыми адскими гидрами, окаянными ересіархами“. Въ проповѣдяхъ, говоренныхъ по случаю побѣдъ тонъ Стефана отличается особенною торжественностію. „Ра-

(*) Труды Кіевск. Д. Акад. 1866 г. стр. 116.
(**) Пропов. т. 1 стр. 42.
(***) Проп. т. III, стр. 148.
(****) Проп. т. I, стр. 177.
(*****) т. III. стр. 169.

дуйтеся и веселитеся Христо-именитіи людіе, ликуй церковь Христова и православная великороссійская держава!" Такъ начинаетъ онъ слово по случаю побѣды подъ Полтавою(*). Въ проповѣдяхъ поучительныхъ можно много находить мѣстъ очень трогательныхъ, проникнутыхъ живымъ и глубокимъ чувствомъ; таково напр. заключеніе слова его въ недѣлю всѣхъ святыхъ(**) и друг. Вообще Яворскій умѣлъ сообщать своей проповѣди тонъ, сообразный съ обстоятельствами и содержаніемъ слова.

По своей внѣшней сторонѣ рѣчь Стефана отличается фигуральностію, образностію, сближеніями и уподобленіями. Рядъ восклицаній, вопросовъ и отвѣтовъ часто прерываетъ простое теченіе рѣчи. Повѣствовательная форма рѣчи иногда замѣняется драматическою: проповѣдникъ или самъ ведетъ съ кѣмъ нибудь бесѣду, предлагаетъ вопросы и отвѣты, или же влагаетъ рѣчь въ уста выведенныхъ имъ въ проповѣди лицъ. Такъ напр. онъ въ одной проповѣди заставляетъ Іоанна Крестителя вести продолжительную бесѣду съ Иродомъ(***), въ другой самъ вступаетъ въ разговоръ съ ангеломъ, принесшимъ книгу на съѣденіе Іоанну Богослову(****).

Языкъ проповѣдей Яворскаго есть языкъ церковно-славянскій, хотя по мѣстамъ встрѣчается нѣкоторое стремленіе приблизить его къ языку народному. Конструкція—свойственная языку латинскому.

Изъ представленной характеристики проповѣдей Стефана Яворскаго мы видимъ съ одной стороны, что въ нихъ нашли себѣ мѣсто всѣ черты проповѣди католической, особенно проповѣди польскихъ іезуитовъ XVII в., какъ болѣе ему знакомой. Но съ другой стороны своимъ содержаніемъ она совершенно отличалась отъ проповѣди схоластической, поставляя и развивая самые жизненные вопросы и рѣдко входя въ область отвлеченныхъ гаданій; поэтому-то исторія ставитъ Стефана Яворскаго на рубежѣ между двумя направленіями въ проповѣдничествѣ, старымъ схоластическимъ и новымъ жизненнымъ, начавшимся съ Ѳеофана Прокоповича.

(*) Проп. Ст. т. III, стр. 241.
(**) — т. I стр. 155—156.
(***) — т. II, стр. 138—139.
(****) — т. I, стр. 123.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Русская церковная проповѣдь съ характеромъ самостоятельности.

Эпоха публицистической проповѣди.

Петръ Великій хотѣлъ, чтобы церковная проповѣдь была средствомъ для примиренія народа съ его нововведеніями, значенія которыхъ большинство не понимало, и чтобы посредствомъ церковной проповѣди искоренялись и истреблялись тѣ предубѣжденія и темныя стороны русской жизни, которыя служили помѣхою его преобразовательнымъ планамъ. Знаменитые проповѣдники петровскаго царствованія Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій удовлетворяли требованіямъ Петра не вполнѣ; отчасти потому, что не всѣмъ дѣйствіямъ Петра сочувствовали, отчасти потому, что схоластическіе пріемы проповѣдей ихъ закрывали то содержаніе, которое требовалось отъ нея. Такъ митр. Стефанъ Яворскій, хотя и хвалилъ дѣла Петровскаго царствованія, но высказывалъ въ проповѣди также и взгляды, которые не могли нравиться Петру. Онъ осуждалъ, напр., брадобритіе, учрежденіе фискаловъ, разводъ Петра съ супругою Евдокіею, преслѣдовалъ протестантовъ и т. п. Точно также и св. Димитрій Ростовскій неодобрительно относился къ ослабленію поста въ войскѣ, къ запрещенію подавать милостыню, къ ассамблеямъ и высказывалъ это неодобреніе съ церковной каѳедры. При томъ и похвальныя проповѣди Стефана Яворскаго, какъ состоявшія изъ набора общихъ мѣстъ, мало могли выяснить сущность дѣла и поэтому не вполнѣ нравились Петру. Болѣе ревностнымъ исполнителемъ его воли явился Ѳеофанъ Прокоповичъ съ своими послѣдователями.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Его первоначальное образованіе въ кіевскихъ школахъ, продолженіе образованія въ польскихъ и завершеніе образованія въ Римѣ. Возвращеніе въ Кіевъ, принятіе монашества и учительство въ кіевской академіи. Случай, познакомившій его съ Петромъ Великимъ, вызовъ въ Петербургъ для проповѣданія слова Божія. Направленіе проповѣдничества Ѳеофана и содержаніе его проповѣдей. Внѣшняя сторона проповѣдей. Послѣдователи Ѳеофана Прокоповича.

Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ 7-го іюня 1681 г. До 18 лѣтняго возраста обучался онъ въ кіевскихъ школахъ и потомъ въ кіево-могилянской академіи, гдѣ поражалъ всѣхъ наставниковъ своими необыкновенными дарованіями, живымъ и острымъ умомъ и весьма привлекательною внѣшностію. Любознательность его, однако же, не могла удовлетвориться тѣмъ, что способна была доставить ему кіево-могилянская коллегія; и вотъ онъ, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ своего времени, отправляется за границу, въ польскія школы; а такъ какъ въ польскія школы не принимали никого изъ принадлежавшихъ къ восточному вѣроисповѣданію, то Ѳеофанъ вынужденъ былъ сдѣлаться уніатомъ. Достаточно уже образованный и твердый въ наукахъ, Ѳеофанъ и здѣсь оставался недолго, постоянно стремясь углубить и расширить кругъ своихъ свѣдѣній, и вскорѣ, чрезъ славянскія земли, чрезъ сѣверную Италію, пробрался въ отчизну искусствъ — въ Римъ. Здѣсь Ѳеофанъ поступилъ въ знаменитый коллегіумъ св. Аѳанасія, учрежденный папою Григоріемъ XIII съ тою спеціальною цѣлію, чтобы въ немъ могли получать образованіе молодые люди изъ грековъ и славянъ. Преподавателями тамъ были іезуиты, и Ѳеофанъ сдѣлался вскорѣ ихъ общимъ любимцемъ: его полюбили и за веселый, привлекательный характеръ и за способность къ наукамъ. Его отличали отъ всѣхъ товарищей его, открыли ему свободный доступъ во всѣ библіотеки, и Ѳеофанъ вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него древними классиками, съ которыми ему впервые удавалось въ ту пору познакомиться въ настоящихъ подлинникахъ, а не по школьнымъ, очищеннымъ и сглаженнымъ изданіямъ. Извѣстно, что іезуиты дѣлали неоднократно Ѳеофану весьма выгодныя предложенія, обѣщая ему блестящую

карьеру въ будущемъ, въ томъ случаѣ, если бы онъ вступилъ въ ихъ семинарію, или въ духовное званіе. Но Ѳеофанъ ловко отклонилъ всѣ подобныя предложенія и воспользовался своимъ пребываніемъ въ Римѣ только для того, чтобы съ любовію изучить безсмертныя сочиненія классиковъ и творенія отцевъ церкви римской и греческой. Здѣсь-то, въ Римѣ, центрѣ католическаго міра, запасшись громадною ученостію богословскою и окончательно усвоивъ себѣ блестящее классическое образованіе, Ѳеофанъ собралъ вмѣстѣ съ тѣмъ и драгоцѣннѣйшій матеріалъ для правдивой оцѣнки „папежскаго духа", проникавшаго къ намъ чрезъ польшу, и навѣки сдѣлался заклятымъ врагомъ Рима. Около 1702 года, претерпѣвъ множество разныхъ бѣдъ и лишеній на обратномъ пути своемъ въ Россію, Ѳеофанъ наконецъ возвратился въ Кіевъ, былъ разрѣшенъ отъ всякихъ связей своихъ съ уніей, постриженъ въ монахи и потомъ принятъ преподавателемъ въ кіевскую академію. Во время пребыванія императора Петра Великаго въ Кіевѣ въ 1706 году, Ѳеофанъ сказалъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой, не обращаясь ни къ какимъ библейскимъ или классическимъ сравненіямъ и „прикладамъ", ловко связалъ свой панегирикъ Петру съ воспоминаніями изъ отечественной исторіи о тѣхъ событіяхъ и лицахъ, для которыхъ кіевскіе памятники служили живою лѣтописью; въ концѣ рѣчи, еще болѣе ловко вставилъ Ѳеофанъ словечко и о неслыханной простотѣ жизни и одежды монарха, объ отвращеніи его къ пышности: „Пресвѣтлый монархо нашъ", такъ заключилъ Ѳеофанъ, „множае удивляемся величеству твоему, видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы видѣнъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрости и удивленія достойныхъ дѣлахъ...".

Другое торжественное поздравительное слово сказано было Ѳеофаномъ Петру въ 1709 году, черезъ двѣ недѣли послѣ полтавской побѣды, и такъ понравилось Петру, что тогда же было напечатано, по его приказанію, на славянскомъ и латинскомъ языкахъ. Всѣмъ особенно понравилось въ этомъ словѣ сближеніе съ библейской исторіей, сдѣланное ораторомъ; онъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что битва происходила въ день св. Сампсона, который растерзалъ

льва: и назвал виновников побѣды вторыми самсонами, растерзавшими челюсти льва свейскаго. Съ этихъ поръ, и особенно послѣ того, какъ Ѳеофану пришлось сопровождать царя въ несчастливо окончившійся турецкій походъ 1711 года, Петръ уже видимо благоволилъ къ Ѳеофану, видѣлъ въ немъ человѣка надежнаго и пригоднаго, и рѣшился приблизить его къ себѣ въ виду тѣхъ обширныхъ реформъ по устройству Русской церкви, которыя онъ готовился со временемъ привести въ исполненіе. По возвращеніи изъ похода Петръ возводитъ Ѳеофана въ званіе ректора, а въ 1716 году вызываетъ въ Петербургъ для проповѣданія слова Божія. Хотя Ѳеофанъ и не засталъ въ Петербургѣ государя, находившагося въ то время за границей, однакоже онъ немедленно вступилъ на тотъ путь, которымъ ему суждено было идти до самой смерти Петра.

Ѳеофанъ въ отсутствіе Петра, усердно принялся за дѣятельность ораторскую, и проповѣди его имѣли такое важное значеніе по отношенію къ современности, что каждая изъ нихъ тотчасъ печаталась и пересылалась государю за границу. Ѳеофанъ въ этихъ проповѣдяхъ является скорѣе свѣтскимъ ораторомъ, нежели духовнымъ лицемъ, и въ основу своей проповѣди избираетъ обыкновенно не поученіе нравственное, не разъясненіе догматовъ, а изложеніе и разъясненіе современныхъ политическихъ событій, дѣйствій правительства и даже видовъ его на будущее время: все это было излагаемо и изъясняемо съ правительственной точки зрѣнія, вполнѣ согласно съ воззрѣніями самаго Петра. Съ восторженными похвалами отзывался онъ о каждомъ дѣйствіи Петра, указывалъ на пользу путешествій государя за границу, приглашалъ всѣхъ къ подражанію ему и старался оправдать каждое его распоряженіе, каждое нововведеніе.

По возвращеніи государя изъ-за границы, Ѳеофанъ былъ посвященъ въ епископа псковскаго; незадолго передъ тѣмъ онъ сказалъ свою знаменитую проповѣдь „о власти и чести царской“, въ которой уже ясно видны намеки на подготовляемыя Петромъ важныя реформы въ церковномъ устройствѣ. Ѳеофанъ проводитъ въ этой проповѣди ту мысль, что всѣ сословія въ государствѣ должны быть подчинены и подсудны государю, и прибавляетъ: „многіе мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ должествомъ обязаны суть, но нѣкіе выклю-

чаются, именно же священство и монашество. Се тернъ. или паче рещи, жало, но жало се змiино есть, папежскiй се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающiй и касающiйся насъ: священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, *а не иное государство*".

Это живое современное политическое направленiе проповѣдей Ѳеофана Прокоповича отличало его отъ проповѣдниковъ схоластическихъ, которые, не обращая вниманiя на жизненные вопросы, витали, большею частiю, въ области отвлеченныхъ идей и занимались разрѣшенiемъ безсодержательныхъ вопросовъ; отличается онъ и отъ ближайшихъ къ нему четырехъ русскихъ проповѣдниковъ: Епифанiя Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго и Димитрiя Ростовскаго, проповѣдь которыхъ, хотя и касалась событiй современной жизни, но по внѣшнимъ прiемамъ недалеко стояла отъ схоластики. Ѳеофанъ отвергнулъ всѣ преданiя южно русской Гомилетики. Въ статьѣ „Духовнаго Регламента" и въ отдѣльномъ сочиненiи о проповѣди: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христiанскому проповѣдовати долженъ", указываетъ на св. писанiе, какъ на главный источникъ проповѣди, изъ котораго проповѣдникъ долженъ почерпать основу ея, стараясь истолковать тексты св. писанiя, самостоятельно, вникая въ глубокiй смыслъ ихъ и принимая за образецъ духовнаго краснорѣчiя слова Iоанна Златоустаго, а не тѣхъ „казнодѣйниковъ, легкомысленныхъ, каковые наипаче польскiе бываютъ". „Проповѣдывали бы проповѣдники, говоритъ Ѳеофанъ, твердо, съ доводовъ св. писанiя, о покаянiи, о исправленiи житiя, о почитанiи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Искореняли бъ суевѣрiе, вкореняли бъ въ сердца людскiя страхъ Божiй. Словомъ рещи: испытывали бъ отъ св. писанiя, что есть воля Божiя, святая угодная и совершенная и то говорили бы".

Это—новый образецъ проповѣдей, которому Ѳеофанъ и самъ старался и другимъ совѣтовалъ слѣдовать. Московскихъ и кiевскихъ приверженцевъ прежняго направленiя проповѣди Ѳеофанъ называлъ въ шутку *латинщиками* и весьма рѣзко осуждалъ то произвольное, натянутое развитiе темы, избранной для проповѣди, ту искусственность въ толкованiи текстовъ и то переполненiе проповѣди символическими и алле-

горическими прикрасами, которыя составляли главное характеристическое отличіе южно-русской проповѣди.

По содержанію проповѣди Өеофана Прокоповича могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на проповѣди похвальныя и обличительныя. Въ первыхъ онъ хвалитъ Петра и его реформы; во вторыхъ обличаетъ противниковъ петровой реформы и порицаетъ все то, чего Петръ не любилъ.

Такъ какъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ государственныхъ предпріятій Петровскаго царствованія была самодержавная воля Петра 1-го, то естественно Өеофанъ долженъ былъ восхвалить монархическій образъ правленія, и въ частности такого монарха, какимъ былъ Петръ 1-й. Въ словѣ на день рожденія царевича Петра Петровича Өеофанъ Прокоповичъ доказываетъ преимущество монархизма древностію и всеобщностію монархическаго образа правленія. Существовавшія и существующія республики не опровергаютъ его мысли о всеобщности монархическаго образа правленія; ихъ во первыхъ не много; онѣ составляютъ исключенія изъ общаго порядка государственнаго устройства; во вторыхъ, онѣ скорѣе доказываютъ нежели опровергаютъ превосходство монархическаго образа правленія предъ республиканскимъ. Возмемъ рѣчь посполитую польскую; „крѣпко это было государство, когда находилось въ строю монаршескомъ, когда жъ златыя оныя узы на себѣ растерзало, то начало оскудѣвати и утѣсняемо быти“; также и въ римской республикѣ „въ крайнихъ нуждахъ избираемы бывали цикташоры, власть всемощная и лютая, и паче монаршества страшнѣйшая“, а въ концѣ концовъ римская республика должна была обратиться въ монархію. Что же касается Венеціи, Генуи, Швейцаріи, Бельгіи, то благоденствіе этихъ государствъ, при республиканскомъ образѣ правленія, объясняется не обширностію этихъ политическихъ тѣлъ: „тутъ вкупѣ сенатъ, вкупѣ народъ, вкупѣ духъ, вкупѣ уды“. Доказавъ съ достаточною ученостію древность и почти всеобщность монархизма, проповѣдникъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе монархіи наслѣдственной предъ избирательною, потому что порфиродный государь съ малолѣтства изучаетъ науку царствовать, не надмѣвается царскимъ величіемъ, какъ уже привычнымъ и старается оставить государство въ добромъ порядкѣ своимъ наслѣдникамъ дѣтямъ. Избранные монархи не могутъ быть та-

ковь. Но самое страшное зло при избирательномъ образѣ правленія бываетъ тогда, когда умираетъ монархъ: тутъ вражда, интриги, подкупы, зависть, а иногда и оружіе начинаютъ играть самую видную роль, пока не появится на престолѣ новый монархъ.

Доказавъ превосходство монархизма историческими и политическими соображеніями, Ѳеофанъ подкрѣпляетъ свои выводы словомъ Божіимъ и въ проповѣди „о власти и чести царской" приводитъ изреченія ап. Павла о повиновеніи властямъ (Рим 13, 1—6)(*). Онъ находитъ въ св. писаніи много примѣровъ въ подтвержденіе и того, что нужно повиноваться не только добрымъ государямъ, но и злымъ. Такъ Давидъ приказалъ умертвить убійцу Саула за то, что тотъ посягнулъ на помазаннаго Господь повелѣваетъ Израилю у пророка Іереміи служить Навуходоносору, царю вавилонскому, апостолы Петръ и Павелъ учатъ служить Нерону за совѣсть(**).

Если священное писаніе повелѣваетъ повиноваться и дурнымъ государямъ, то тѣмъ болѣе подданные должны повиноваться такому безпримѣрному въ исторіи государю, каковъ Петръ 1-й. Ѳеофанъ хвалитъ Петра прежде всего за его личныя качества: за его необыкновенную даровитость, за остроту ума, силу разсужденія и остроту памяти(***), потомъ говоритъ о его религіозности, которая подвергалась сильнымъ сомнѣніямъ и нареканіямъ со стороны его подданныхъ. Въ доказательство религіозности Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ въ проповѣди на поминовеніе Петра представляетъ его законы и указы по отношенію къ раскольникамъ, суевѣрамъ, лицемѣрамъ, не причащающимся св. таинъ, относительно монашества, учрежденія Св. Синода и т. п., вообще всѣ тѣ законы и указы, которые подавали русскому большинству поводъ къ совершенно обратнымъ заключеніямъ о религіозности государя(****).

Изъ дѣлъ Петра 1-го останавливаютъ на себѣ вниманіе Ѳеофана какъ дѣла внѣшнія военныя, такъ и внутреннія

(*) Т. 1, 250.
(**) Т. 1, 255.
(***) Т. II, 159—162.
(****) Т. II, 154 стр. и слѣд.

преобразованія, дѣла гражданскія. Проповѣдникъ съ похвалою относится о тѣхъ и другихъ. Особенно долго останавливается ораторъ на Шведской войнѣ, которая тянулась 21 годъ, очень дорого стоила Россіи, взяла много силъ и денегъ, но которая все-таки была славная и полезная война. Въ похвальномъ словѣ Государю Петру Алексѣевичу, сказанномъ 1709 г. іюня 27 дня по случаю побѣды надъ „войсками свѣйскими", Ѳеофанъ отдаетъ честь въ этой побѣдѣ личнымъ доблестямъ Петра: твердости его характера, его храбрости, мужеству и неустрашимости. Король шведскій превосходилъ Петра своею силою, гордился и своею храбростію. При этомъ много было и внутреннихъ препятствій къ успѣшной борьбѣ съ Карломъ шведскимъ, въ особенности измѣна Мазепы. Но при всѣхъ этихъ „злоключеніяхъ" сердце Петра „не колебалось страхомъ, не унывало, не убоялось громовъ военныхъ". Онъ рѣшился сначала усмирить области запорожскія, возмущенныя Мазепой; а потомъ двинуть свои силы противъ главнаго врага, короля шведскаго. „Таковыя убо скорби и смущенія, таковые мятежи внутренніе со внутрь сущимъ супостатомъ связавшіеся! восклицаетъ проповѣдникъ. Кто исповѣсть, коликія труды и неудобства приложиша ко брани сей? Умъ воистинну смущается, помышляя толикая неудобства: обаче всѣмъ симъ и инымъ труднымъ дѣламъ и нуждамъ совершеннѣ удотворилъ еси премудрымъ твоимъ промысломъ и силою мужественнаго твоего воинства, Пресвѣтлѣйшій монархо".

Хвалитъ Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ за его храбрость и неустрашимость во время шведской войны, потому что онъ не только издавалъ повелѣнія и посылалъ полки на брань, но и самъ высокимъ лицемъ своимъ въ лице супостату противосталъ, самъ на первые мечи и копія и огни устремился. При этомъ онъ не былъ одѣтъ въ желѣзо, ни обложенъ твердою бронею, не имѣлъ ни щита, ни шлема мѣднаго, но „аки не рушимою стѣною и адамантовымъ забраломъ ограждено бяше царское лице не видимою силою Вышняго".... „Яко не иной ради вины попусти Господь видимой смерти приближитися ко главѣ твоей, но не коснутися: развѣ дабы извѣстно показалъ защищеніе свое, имъ же тебѣ и твое царство сохраняетъ"(*).

(*) Т. 1, стр. 21 и др.

Этими словами проповѣдникъ указываетъ на извѣстное обстоятельство, случившееся съ Петромъ во время битвы подъ Полтавою; на немъ была прострѣлена шляпа, а самаго его пуля не коснулась. Въ словѣ „о баталіи Полтавской“ Ѳеофанъ указываетъ на этотъ случай, какъ на доказательство мужества Петра и его пренебреженія смертію и потомъ обращаясь къ шляпѣ восклицаетъ: «О шляпа драгоцѣнная! не дорогая веществомъ, но вредомъ симъ своимъ, всѣхъ вѣнцовъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ историки, которые Россійское государство описуютъ, что ни на единомъ европейскомъ государствѣ не видѣти есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на монархѣ россійстѣмъ; но отселѣ уже не корону, а шляпу сію цареву разсуждайте и со удивленіемъ описуйте» (*).

Какъ бы въ дополненіе характеристики геройства и мужества Петра 1-го, Ѳеофанъ сравниваетъ его съ Сампсономъ, растерзавшимъ льва. „Яко убо иногда Сампсонъ въ растерзанномъ отъ себѣ львѣ обрѣтше пчелы и медъ, и усладився отъ него; подобно и тебѣ, Пресвѣтлѣйшій монархо, Божіимъ благословеніемъ случися. Растерзалъ еси, аки вторый Сампсонъ, растерзалъ еси мужественнѣ льва свѣйскаго... *Отъ ядущаго ядомое изыде*; отъ того, иже пожерлъ бяше твоя отеческія земли, имѣеши ядомое, плѣнъ воинства и вcѣ пребогатыя корысти; *отъ крѣпкаго изыде сладкое*; понеже крѣпкій сый и страшный, непобѣдимою твоею десницею побѣжденъ есть; того ради сладчайшая есть торжественная радость“.

Восхваляя воинскія доблести Петра и отдавая главную честь въ полтавской побѣдѣ лично ему, Ѳеофанъ Прокоповичъ не забываетъ и русскаго войска и по мѣстамъ приглашаетъ его радоваться и ликовать славѣ русскаго оружія „Красуйся и ликуй, говоритъ Ѳеофанъ въ первомъ словѣ(**), о мужественномъ твоемъ воинствѣ: (с видиши въ немъ великій плодъ установленнаго тобою рыцарскаго ученія. Соиграйте и вы, о крѣпкіи столпы и адамантовы щиты отечества нашего и православія, премудріи военачальницы и воины не-

(*) Т. 1 стр. 159.
(**) Т. 1 стр. 47.

побѣдимiи: облетитъ всю подсолнечную громогласная слава, гласящая вашу и царя вашего храбрость, и рекутъ странныи роды: достоинъ царь таковаго воинства, и воинство таковаго царя". Впрочемъ и въ этой похвалѣ воинству на первомъ планѣ выступаетъ личность Петра.

Слава побѣдъ прiятна; но война кромѣ славы должна приносить и существенную пользу, чтобы вознаградить за тяжелыя жертвы, которыхъ требуетъ. Въ особенности это ожидалось отъ шведской войны, которая и предпринята была во имя государственной пользы и такъ долго истощала силы русскаго народа, что возбуждала противъ себя всеобщiй ропотъ. Наконецъ миръ былъ заключенъ, и государь Петръ I указомъ своимъ 1721 года 22 октября, между прочимъ, повелѣлъ объяснять народу россiйскому, какiя въ этой войнѣ Богъ явилъ намъ милости свои и благословеннымъ миромъ заключилъ и запечатлѣлъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ не замедлилъ исполнить желанiе царя. Въ своемъ словѣ, сказанномъ, по случаю ништадскаго мира, 1722 г. 28 января(*), онъ прежде всего приглашаетъ всѣхъ, кто можетъ ясно сказать о богоданныхъ намъ въ прошедшей войнѣ успѣхахъ и благополучiяхъ,—и духовныхъ пастырей и мiрскихъ начальниковъ и другихъ—бесѣдами, разговорами, проповѣдями, пѣнiями и всякимъ образомъ толковать и изъяснять въ слухъ народа, что мы прежде войны сея были, и что нынѣ? Какова была Россiя и какова есть? Приступая затѣмъ къ объясненiю тѣхъ выгодъ, какiя принесла намъ шведская война, Прокоповичъ говоритъ сначала о необходимости самой войны. Необходимость эту онъ доказываетъ прекраснымъ примѣромъ спящаго, невооруженнаго человѣка, не чающаго никакой бѣды и его врага сильнаго, яростнаго и вооруженнаго. Шведъ былъ силенъ и хорошо вооруженъ; военная дисциплина была въ его войскѣ совершенная, частые походы и тягости походной жизни закалили его, какъ желѣзо. Опасно было уподоблятьcя спящему въ сосѣдствѣ съ такимъ могучимъ врагомъ. Съ другой стороны война была необходима и для того, чтобы „воинскiе совѣты помнились, искусство правителей не помрачалось и ученiе воинское не забывалось". Другихъ цѣлей не

(*) Т. II стр. 73 и др.

было: „богатствъ своихъ довольно, оружія и войска было также много, да притомъ войска единоземнаго, единовѣрнаго и единодушнаго, превосходящаго во всѣхъ отношеніяхъ войско наемное". Но какъ проповѣдникъ Христовой религіи, религіи мира, Θеофанъ чувствовалъ несостоятельность приведенныхъ доказательствъ необходимости войны; поэтому онъ въ другихъ своихъ словахъ о томъ же предметѣ, напр. въ похвальномъ словѣ о баталіи Полтавской говоритъ, что война шведская вызвана завистію шведовъ къ процвѣтанію Россіи и возвышенію ея могущества и разнаго рода съ ихъ стороны притѣсненіями(*). Но больше всего Θеофанъ останавливаетъ свое вниманіе на той пользѣ, какую принесла шведская война русскому государству. Война эта заставила хорошо обучить наше воинство, по образцу европейскому, устроить артиллерію и флотъ и доставила намъ водный путь къ пользѣ и славѣ нашего отечества.

Внутреннія преобразованія Петра тѣмъ болѣе требовали восхваленія и разъясненія ихъ пользы, чѣмъ болѣе возбуждали противъ себя въ народѣ недоразумѣній и ропота.

Восхвалялъ Θеофанъ Прокоповичъ счисленіе поволѣтія съ 1-го генваря, а не съ 1-го сентября, введенное Петромъ «лучшаго ради сословія съ народами европейскими въ трактатахъ и контрактахъ, такожъ и для порядку чиновъ государства своего, наипаче же для исчисленія лѣтъ отъ пришествія въ міръ Сына Божія, доказывая, что гораздо приличнѣе и отраднѣе начинать счетъ дней не съ сентябрскихъ календъ Константиновыхъ, служившихъ срокомъ взноса податей, а съ того времени, когда пришелъ въ міръ Избавитель человѣчества отъ всѣхъ даней, наложенныхъ грѣхомъ(**). Обращая вниманіе на административныя преобразованія Петра, Θеофанъ Прокоповичъ съ похвалою говорилъ „о новомъ сенаторовъ и губернаторовъ санѣ, въ совѣтахъ высокомъ, въ правосудіи не умытномъ, страшномъ злодѣяніямъ"(***). Восхвалялъ Прокоповичъ и плоды западноевропейской цивилизаціи, пересаживаемые Петромъ на русскую почву и вы-

(*) Т. I, стр. 145 и др.
(**) Т. II, 116 стр. , и друг.
(***) Т. I, стр. 110.

ражалъ радость, что „уже и свободныя ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имяху“(*).

Съ большимъ вниманіемъ останавливался Θеофанъ Прокоповичъ на заведеніи Петромъ флота и устроеніи новой столицы. Онъ объясняетъ значеніе флота(**), пользу и преимущества новой столицы: красоту ея положенія, удобство для внѣшней торговли и стратегическую важность(***).

Обличеніе въ проповѣдяхъ Θеофана Прокоповича было направлено противъ враговъ петровой реформы и тѣхъ сторонъ народной жизни, которыя несоотвѣтствовали нравственнымъ идеаламъ Преобразователя. Онъ обличаетъ раскольниковъ за ихъ недовольство перенесеніемъ новолѣтія съ 1-го сентября на 1-е января, за ихъ жалкое и смѣшное богословствованіе „что любо, и что не любо Богу, и что хранити надобно къ счастію, и что къ сбереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому и кія къ другому дѣлу угодные и которые псалмы или молитвы сильнѣйшія“(****). Обличаетъ и православныхъ: духовныхъ и міранъ; первыхъ за то, что многіе изъ нихъ роптали на учрежденіе монастырскаго приказа и другія стѣснительныя для нихъ распоряженія по дѣламъ церковнаго управленія; вторыхъ за то, что они роптали на тягости, не разлучныя съ реформою(*****).

Обличалъ Θеофанъ Прокоповичъ и тѣ пороки, которые были распространены въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, которые не любилъ Петръ и которые были противны христіанству. Онъ обличалъ лицемѣріе, которое ненавидѣлъ Петръ особенно въ жизни религіозной, порицалъ ханжей и ложно юродивыхъ, а также и невѣжество общества, которое эксплуатируется этими хитрецами(******).

Обличенія Θеофана Прокоповича не могли, конечно, нравиться тѣмъ, противъ кого они направлялись. Еще при жизни Петра составилась противъ Θеофана партія не довольныхъ, которая, послѣ смерти Петра Великаго, покровителя

(*) Т. 1, стр. III.
(**) Т. II, 52 стр. и слѣд.
(***) Т. I, стр. 112–113.
(****) Т. II, стр. 114–115 и 245–246.
(*****) Т. I, 262–263, 241–242, 257–260.
(******) Т. I, 217, 11, 16, 66.

Ѳеофана, едва не погубила его; и только благодаря обширности и изворотливости ума своего онъ остался цѣлъ и невредимъ. Къ чести его нужно сказать, что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, не перемѣнилъ своихъ убѣжденій: при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ онъ былъ тотъ же, что и при Петрѣ I, и нельзя не признать, что только благодаря своему широкому гибкому и изворотливому уму, Ѳеофанъ сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь нашу, но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія.

Ѳеофанъ Прокоповичъ положилъ своими проповѣдями начало новаго направленія, создалъ новую эпоху въ исторіи русскаго проповѣдничества. Построеніемъ своимъ проповѣди его существенно разнятся отъ проповѣдей югозападныхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ католическихъ образцевъ, хотя нѣкоторыми чертами и напоминаютъ прежнюю школу. Развитіе выбраннаго текста состоитъ у Ѳеофана въ указаніи его прямаго смысла. Раздѣленіе слова на части условлено самимъ содержаніемъ; каждая часть наполнена матеріаломъ, дѣйствительно ей принадлежащимъ. Ораторъ не отбивается отъ своей задачи въ сторону, не дѣлаетъ никакихъ курьезныхъ вопросовъ, не прибѣгаетъ къ аллегоріямъ, и ни на минуту не теряетъ изъ виду предположенной цѣли: отсюда единство взгляда, и представленіе предмета ему свойственными чертами. Доказательства заимствуются преимущественно изъ св. писанія, а также изъ исторіи церковной и гражданской: нѣтъ обстановки слова астрономическими свѣдѣніями и описаніями естественныхъ предметовъ, столь частыми въ проповѣди югозападной. Художественный элементъ въ словахъ Ѳеофана мало развитъ: образовъ, фигуръ не много; драматизма почти вовсе нѣтъ. Преобладаніе разсудка надъ чувствомъ и фантазіей, стремленіе къ анализу, къ критикѣ мысли были причиною, что изложеніе проповѣдника отличается правильностію и логичностію постройки, связью началъ съ выводами и простотою внѣшней формы. Тонъ его рѣчи ровный: сильныхъ ораторскихъ движеній мало.

Но значеніе Ѳеофана неограничивается только реформою прежней методы проповѣданія. Проповѣди его не похожи на югозападныя и по своему содержанію; они имѣли самое

живое отношеніе къ своему времени. Ѳеофанъ не просто проповѣдникъ, а проповѣдникъ Петрова времени. Онъ служитъ дѣлу реформы, возбуждая къ ней сочувствіе, утверждая сознаніе ея необходимости и пользы. Этою цѣлію обусловлено содержаніе его словъ: они или подготовляютъ слушателей къ мѣрамъ преобразованія, объясняя ту выгоду, какую онѣ имѣютъ принести отечеству, или оправдываютъ мѣры, указывая выгоды, уже принесенныя ими. Въ томъ и другомъ случаѣ, исходнымъ пунктомъ своихъ доводовъ Ѳеофанъ выбираетъ вѣроученіе. Какъ пастырь церкви, онъ имѣлъ обязанностію прежде всего утвердить согласіе дѣлъ Петровыхъ съ духомъ священнаго писанія и съ тѣмъ, что есть непремѣннаго въ уставахъ церкви. Это согласіе было существеннымъ и для самой паствы, которая въ новыхъ явленіяхъ боялась видѣть измѣну Закону Божію. Очистивъ правительственныя мѣры отъ всякаго противорѣчія религіозному чувству, Ѳеофанъ раскрывалъ затѣмъ ихъ общественную и частную пользу. Здѣсь выступали практическіе результаты реформы, наиболѣе способные помирить съ нею недовольныхъ.

Другіе проповѣдники времени Петра Великаго слѣдовали направленію, указанному Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Таковы были: Симонъ Кохановскій и Гавріилъ Бужинскій. Слово въ день Благовѣщенія, произнесенное Симономъ Кохановскимъ въ Ревелѣ (1720), замѣчательно силою полемики. Оно осуждаетъ ханжество, лицемѣріе и наружное благочестіе тѣхъ, которые «отъ честнаго гражданскаго сожительства» бѣгутъ въ лѣса и пустыни не ради душевнаго спасенія, возможнаго и въ мірѣ, а ради только того, чтобы избыть служебныхъ трудовъ. Затѣмъ проповѣдникъ ратуетъ противъ раскола съ его „мужицкой богословіей", противъ суевѣрія или злочестія, причисляя къ нему сказки бездѣльныя.

Гавріилъ Бужинскій, епископъ рязанскій (1731) былъ также «глашатаемъ дѣлъ Петровыхъ. Служа оберъ-іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя государю въ походахъ, Бужинскій большею частію говорилъ слова на событія изъ эпохи преобразованія, напр.: на побѣды при Полтавѣ и Гангудѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы.

Замѣчательные проповѣдники въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны.

Направленіе ихъ проповѣди; тонъ и характеръ.

Послѣ смерти Петра Великаго настало смутное время для государства русскаго и для церкви православной. При дворѣ стала усиливаться нѣмецкая партія, которая заботилась исключительно о своихъ матеріальныхъ и религіозныхъ интересахъ въ ущербъ благоденствію Россіи; особенно эта партія сдѣлалась господствующею въ царствованіе Анны Іоанновны: Биронъ, Минихъ, Остерманъ дѣлали все, чтобы уничтожить православіе и русскую народность: они послѣдовательно уменьшали духовное сословіе, оставляли храмы безъ причтовъ, православную паству безъ всякихъ средствъ къ религіозно-нравственному воспитанію и удовлетворенію духовныхъ нуждъ. Храмы пустѣли и закрывались, училища оставлялись безъ поддержки и уничтожались; книги, составленныя въ защиту православія, запрещались и отбирались; поборники православія подъ ничтожными предлогами лишались мѣстъ и даже жизни.

При такихъ условіяхъ, естественно, не могла процвѣтать церковная проповѣдь. И дѣйствительно, ея почти не было. Одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ продолжалъ хвалить правительство; но едва ли эти похвалы были убѣдительны.

Въ 1741 году, въ ночь съ 24 на 25 ноября совершился переворотъ, возведшій на русскій тронъ Елизавету Петровну и устранившій отъ дѣлъ правленія всѣхъ враговъ православія и народности: Бирона, Миниха, Остермана и графа Головкина. Простое, очень естественное чувство ненависти къ иновѣрцамъ, захватившимъ въ свои руки значительную часть управленія, имѣвшимъ вліяніе даже на церковныя дѣла; наконецъ раздраженіе, вызванное полемикой съ католическимъ и лютеранскимъ ученіями: все это не мало содѣйствовало тому, что перемѣна правительствующаго лица, обѣщавшаго положить конецъ прежнему порядку вещей, встрѣчена была расположеніемъ со стороны духовенства. И дѣйствительно, въ большей части проповѣдей, произнесенныхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, не трудно замѣтить подъ торжественнымъ, оффиціальнымъ покровомъ церковнаго красно-

рѣчія радостное чувство побѣды. Духовные ораторы пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать это чувство, а нерѣдко и требованія, внушаемыя имъ: проходитъ пять, шесть, десять лѣтъ послѣ 25 ноября 1741 года, и не смотря на такое разстояніе, въ годину переворота, или въ день коронованія императрицы, ея имянинъ и рожденія, проповѣдникъ считаетъ своею обязанностію возвратиться воспоминаніемъ къ столь счастливому, по его мнѣнію, событію, указать на его общественное значеніе. Съ своей стороны Елизавета Петровна не остается равнодушною слушательницею такихъ панегириковъ: въ ея правленіе мы видимъ цѣлый рядъ указовъ, обнаруживающихъ особенную заботливость и попечительность правительства о церкви, ея служителяхъ, монастыряхъ, о распространеніи православія среди иновѣрцевъ, на востокѣ Россіи и въ Сибири.

Сочувствіе Елизаветы къ самому дѣлу проповѣдничества выразилось въ томъ, что она въ первый годъ своего царствованія Высочайшимъ указомъ Св. Синоду повелѣла: „въ придворной Ея Императорскаго Величества церкви по вся воскресные дни духовнымъ персонамъ чинить Слова Божія проповѣдь". Иногда Императрица сама назначала проповѣдника на извѣстный день. Во все продолженіе царствованія Елизаветы мы видимъ цѣлый рядъ лицъ, назначенныхъ для придворной проповѣди. Кромѣ того при дворѣ говорили проповѣди при разныхъ случаяхъ многіе епископы и архимандриты, вызывавшіеся для того въ С.-Петербургъ или Москву, а въ знатнѣйшіе торжественные праздники сами синодальные члены. Въ то же время епархіальнымъ архіереямъ предписано было, чтобы въ высокоторжественные дни проповѣди сказываемы были непремѣнно учеными лицами въ каѳедральныхъ соборахъ и монастыряхъ. Изъ ряда многочисленныхъ проповѣдниковъ временъ Елизаветы Петровны выдавались: Димитрій Сѣченовъ, митрополитъ новгородскій, Симонъ епископъ псковскій, Амвросій Юшкевичъ, арх. новгородскій, Кириллъ Флоринскій, ректоръ московской академіи, другой Амвросій архіепископъ новгородскій, занявшій каѳедру оставшуюся свободною по смерти Ѳеофана Прокоповича и любимый проповѣдникъ Елизаветы Гедеонъ Криновскій.

Вступленіе на престолъ Елизаветы привѣтствуется проповѣдниками съ живѣйшимъ восторгомъ. Они видятъ въ ней

продолжательницу дѣлъ Петровыхъ и олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей, изъ которыхъ съ особенною подробностію описываютъ ея мужество, смиреніе и терпѣніе, глубокую религіозность и точное соблюденіе всѣхъ церковныхъ обрядовъ и установленій. Въ день рожденія императрицы Елизаветы 18 декабря, спустя три недѣли послѣ ноябрьскаго переворота, Кириллъ Флоринскій, московскій проповѣдникъ, сказалъ слово изъ текста: „сильно на землѣ будетъ сѣмя его". Въ этомъ словѣ онъ объясняетъ права Елизаветы на престолъ, называетъ ее законною наслѣдницею престола отеческаго и правовѣрною хранительницею благочестія. Желая видѣть въ ней продолжательницу дѣлъ Петровыхъ, онъ заставляетъ императрицу припомнить эти дѣла и разсказать исторію ихъ: „не мой ли отецъ?... не отецъ ли мой?" Такими словами начинается каждое новое исчисленіе заслугъ Петра. Проповѣдникъ даже увѣренъ, что царствованіе Елизаветы какъ сѣмени Петра, будетъ для всѣхъ отрадно и благодѣтельно; винитъ себя и другихъ за то, что прежде не обратили вниманія на созрѣвшее сѣмя Петрово. „Вси мы чрезъ десятилѣтіе и болѣе нечувственная древеса бѣхомъ, не примѣчая, какое созрѣвше сильное сѣмя Петрово; запамятовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣше насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, одебѣлу, ожелтѣлу, не отесану, ни на каково дѣло неудобну, своими руками коль въ красные статуи передѣлалъ, да еще и не бездушные. Почто же мы отъ кончины блаженнаго мужа Петра Великаго, Екатерины и Петра втораго, очи смежа, дремлюще ходихомъ? Почто на Петрово сѣмя, еже въ крайнемъ уничтоженіи озлобленіи и смиреніи бяше, ни возарѣхомъ, ни подъ сѣнію витахомъ? О пречудная вещь! возрасте сѣмя Петрово, подобно зерну горушну евангельскому, подъ его же вѣтвями намъ, россіянамъ, отраду и прохлажденіе давно надлежало пріяти; но мы.... дремлюще, благосѣнно-лиственнаго сего не видѣхомъ древа".

Выражая надежду, что Елизавета, какъ сѣмя Петрово будетъ продолжать и дѣла Петровы, проповѣдники любили останавливаться на ея личныхъ качествахъ, которыя также служили залогомъ ея будущихъ дѣлъ. „Видимъ въ душѣ дѣвической дивная дѣла Божія, говорилъ Амвросій Юшкевичъ въ молитвѣ предъ началомъ литургіи 25 апрѣля, въ

день коронованія Елизаветы, обращаясь къ Богу отъ лица всего народа, видимъ непобѣдимое мужество, сердце героическое, премудрость высокую, храбрость неустрашимую, любовь и милосердіе къ отечеству безприкладное (безпримѣрное). И кое жъ большее можетъ быть великодушіе какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компаніи на очевидное здравія своего опасеніе, не пожалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеромъ воинства, идти грудью противъ непріятеля и, сѣдящихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго, нощныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побѣдить, и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать, и сыновъ россійскихъ изъ неволи высвободить". Въ тоже самое время, какъ въ Москвѣ совершался обрядъ коронованія, въ петербургской придворной церкви говорилъ проповѣдь священникъ петропавловскаго собора Петръ Гребневскій. Называя враговъ Елизаветы гробами повапленными, лисами прехитрыми, ковчегами позлащенными, квасъ фарисейскій въ себѣ содержащими, о самой Елизаветѣ выражается въ такихъ словахъ: „она едина аки солнце, которое темными облаками окружаемо бываетъ, но не помрачается. Она едина, аки корабль, который волнами обуреваемъ бываетъ, но не погружается; а паче отъ всѣхъ возносится, она едина, аки кедръ ливанскій....."

Выставляя геройство и храбрость Елизаветы, проповѣдники хвалили ее за ея смиреніе и терпѣніе, которое она высказала во время владычества ея враговъ, „когда она многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости претерпѣвала, когда отъ всезлобныхъ людей въ монастырь побуждаема была: что ѣстъ, что пьетъ, что дѣлаетъ, куда ѣздитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными неусыпными шпіонами назираема, не унывала, не изнемогала, не малодушествовала" (*).

Придворная проповѣдь отзывалась благодарностію на указы, запрещающіе народные разговоры въ церквахъ во время

(*) Изъ слова Стефана Калиновскаго на новый годъ 1742 г.

службы. Такъ Евставій Могилянскій говорилъ, что „въ церквахъ не голуби торжниковъ, но словесные разговоры продающихъ и купующихъ указами монаршими очищаются". Димитрій Сѣченовъ благодаритъ Императрицу за всегдашнее желаніе слышать проповѣдниковъ; ибо примѣръ ея дѣйствуетъ на другихъ(*).

Тоже говорили проповѣдники Троицкой Лавры о путешествіи Елизаветы въ ихъ монастырь(**).

Вообще проповѣдники приписывали Елизаветѣ Петровнѣ всевозможныя качества: природное остроуміе, проницательность, разсудительность, милость, неописанную кротость, непреоборимое великодушіе. Но болѣе всего проповѣдники старались выставить, что новая Императрица —дочь Петра; поэтому дѣла великаго преобразователя постоянно служили предметомъ ихъ краснорѣчія.

Восхваляя монархиню за благочестіе, за освобожденіе Россіи „отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ", т. е. отъ нѣмецкой партіи, проповѣдники вмѣстѣ съ тѣмъ воспоминаютъ замыслы протестантизма и скорбь, нанесенную имъ православію и его служителямъ. „Нынѣ совершилось наше спасеніе!" говоритъ одна изъ рѣчей на коронованіе: „низложенъ сатана и всѣ его аггелы!"....„Ты принесла намъ въ гостинецъ истинную, православную, каѳолическую церковь!" Общія причины недовольства церкви указаны Димитріемъ Сѣченовымъ, митрополитомъ новгородскимъ въ его словѣ изъ текста: „благовѣствуй, земле, радость велію". „Было то не благополучное время, когда враги наши до того вознесли свою главу, что дерзнули порочить догматы святой вѣры"…. Догматы христіанскіе, отъ которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ: Ходатаицу нашего спасенія на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменемъ креста святаго гнушались; преданія апостоловъ и святыхъ отцевъ отвергали; добрыя дѣла, которыми снискивается вѣчная мзда, отметали; въ святые посты пожирали мясо, а объ умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли, надъ поминовеніемъ усопшихъ смѣялись; существованію геенны не вѣрили",

(*) Слово 8 іюня 1742 г.
(**) Слово 5 іюля 1744 г.

Отъ лютеранскихъ притязаній на русскую церковь проповѣдники часто переходятъ ко вреду, причиненному иностранцами Россіи вообще: религіозная ревность находила новую пищу въ патріотизмѣ. Слово Юшкевича въ день рожденія Елизаветы (1741) раскрываетъ эту „ухищренную политику пришлецевъ, губителей отечественнаго счастія. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитекторъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать, подъ интересъ подвести и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что архитекторъ, что ученикъ Петра Великаго.. Всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали... Только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали". Проповѣдь Кирилла Флоринскаго, ректора московской академіи, произнесенная по тому же поводу, въ разсказѣ о прошедшихъ событіяхъ идетъ дальше: она указываетъ прямо на лица, называя ихъ собственными именами—Остерманомъ, Минихомъ. „Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и изъ кореня истребятъ".

Кромѣ общихъ причинъ недовольства, проповѣди воспоминаютъ частныя, собственно къ духовному чину относившіяся въ то „желѣзное время, когда неправда царствовала, а

правда за карауломъ сидѣла". „Коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей!" восклицаетъ Сѣченовъ: „архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому то благодать мученичества посылается".

Почти всѣ проповѣдники сходились въ своихъ требованіяхъ мести людямъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе государствомъ до 25 ноября 1740 года, всѣ предлагали наказать измѣнившихъ прародительскимъ, стариннымъ правамъ и преданіямъ. Такъ Маркеллъ Радышевскій обращался къ Елизаветѣ съ совѣтами такого рода: „утоли языки скверные ихъ, гробы ихъ гортани затвори, уста съ языкомъ хульнымъ заключи; а снять ихъ съ мѣста не худо", и просилъ казни жесточайшей и неослабной иновѣрцамъ, распространяющимъ свое ученіе. Иннокентій Пасковичъ прямо выразилъ мысль, что „нейтралитета Христосъ нашъ не любитъ"(*).

Такимъ образомъ обычай проповѣди, объясняющей современность, развившійся при Петрѣ, но забытый при его преемникахъ, возникъ съ новой силой съ первыхъ дней царствованія Елизаветы Петровны. Скоро онъ сдѣлался какъ бы оффиціальною принадлежностію придворной жизни, и каждое воскресенье, каждый праздникъ слышалось во дворцѣ слово какого нибудь новаго оратора. Въ этомъ отношеніи слова проповѣдниковъ временъ Елизаветы Петровны могутъ быть сравнены съ словами Ѳеофана Прокоповича: тоже живое отношеніе къ современности, та же яркая картина текущихъ или недавно протекшихъ событій. Что же касается тона рѣчи въ проповѣдяхъ, постройки и пріемовъ, то въ этомъ отношеніи они не похожи на проповѣди Ѳеофана, а скорѣе напоминаютъ проповѣдь схоластическую. Стоя за общерусское дѣло и кромѣ того вовлеченный въ него личными побужденіями, пастырь церкви всенародно изливалъ ропотъ,

---

(*) Слова 1 и 11 іюля 1749 года.

который долго таился въ его душѣ и въ душѣ его слушателей и не скупился на крупные эпитеты врагамъ. Остерманъ и Минихъ называются „дьявольскими эмиссарами, влѣзшими съ своимъ сонмищемъ въ Россію“; «человѣкоядными птицами, начавшими бить и терзать сѣннолиственное древо, что возрасло изъ Петрова сѣмени»; „златыми кумирами, которымъ ихъ кліенты не устыдились покланяться, какъ болванамъ“: „скудельными идолами ихъ же сокрушилъ Господь“; „образами и жрецами ваала“; „чадами и наслѣдниками геены“; „душепагубными министрами беззаконія“. Особенно возбуждалъ негодованіе проповѣдниковъ Остерманъ „за злодѣйское укрывательство тестамента Екатерины 1-й“; проповѣдники уподобляютъ его „Хрисаноію евнуху, еретику хитрокозненному, окаянному Симону волхву, хромому душею, совѣстію и ногами“ (намекъ на подагру Остермана). Такія рѣзкія обличенія и суровыя фразы напоминаютъ намъ времена западнаго схоластическаго проповѣдничества, стиль проповѣдей, въ постройкѣ и пріемахъ, южно-русскій: тоже смѣшеніе наивнаго съ серьезнымъ, возвышеннаго съ тривіальнымъ. Схоластическая теорія духовнаго ораторства наложила печать свою даже на частности, каковы, напримѣръ, распространеніе проповѣди чрезъ толкованіе именъ, чрезъ сближеніе временъ событій. Развивая мысль, что „Богъ еще въ рожденіи Елизаветы опредѣлилъ ей державу“, Юшкевичъ основываетъ одинъ изъ аргументовъ на томъ, что въ этотъ день (18 декабря) церковь празднуетъ память св. мученика Севастіана, „а это греческое имя толкуется на нашемъ языкѣ: „достоинъ чести“. Слово Флоринскаго находитъ знаменательнымъ день воцаренія „Петровой“ дочери (25 ноября), когда церковь совершаетъ память священномученика Петра Александрійскаго. Встрѣчается также безразборчивое употребленіе иностранныхъ словъ вмѣсто русскихъ или церковно-славянскихъ. Сѣченовъ назвалъ Іоанна Дамаскина „философіи и богословія прехрабрымъ кавалеромъ, монашескихъ ликовъ генераломъ“.

Изъ политическихъ событій обращали на себя вниманіе проповѣдей: война и примиреніе съ Швеціей, льготы, данныя Малороссіи, переселеніе въ южную Россію Сербовъ и Хорватовъ. „Мироломные Свеи, иконоборные супостаты, злобный левъ свейскій“ обвиняемы были съ каѳедры придвор-

ной церкви въ нарушеніи мирныхъ условій; пересчитаны были пріобрѣтенія, которыя сдѣлала Россія вслѣдствіе войны съ ними; потомъ оцѣнены были благопріятныя послѣдствія отъ родственныхъ отношеній наслѣдника русскаго престола съ шведскимъ домомъ.

Была и другаго рода связь тогдашней проповѣди съ современною ей эпохою. Сюда относятся тѣ случаи, когда проповѣдники, оставляя политическую сторону жизни, говорили объ общественномъ бытѣ, когда слово ихъ облекалось въ форму обличительной рѣчи. Такъ Димитрій Сѣченовъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ словъ. „Осмотримся же какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у мене въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запанки, пряжки, табакирки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла: а страшныя Христовы тайны крашенинныкъ покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь ничего не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и нощь легко, не скучно....иные за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церквей не знаютъ. Вся наша любовь къ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанные репетиціи: здравствуй, здравствуй, а сердцемъ— хотя бы и на свѣтѣ не было... Люблю ближняго; а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимымъ, защитить правду; сего и не мыслитъ и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ. Правосудіе ли тамъ присмотрится: въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра приди, больше не жди; милости ли сыскать, съ ногъ до головы обдерутъ, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то

и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь“. Въ другомъ поученіи Сѣченовъ описываетъ безпечность христіанъ о душѣ и ихъ заботливость о тѣлѣ: „Поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ; а мы за чарку винца, за ласкательство, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копейку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ“.

Проповѣдники елизаветинскаго времени, большею частію, достигали того, чего они или прямо или косвенно требовали въ своихъ проповѣдяхъ отъ императрицы Елизаветы. Они требовали полнаго удаленія той эпохи, когда, по выраженію Амвросія Юшкевича, „весь обще чинъ духовный равно съ простымъ народомъ вмѣняли и почитали, ни единаго въ немъ посвященія и характеру пастырскаго не признавали. Когда монаховъ мучили, на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашей разстригали и въ солдаты отдавали“, и это требованіе было быстро исполнено: Остерманъ, Минихъ, Головкинъ, Левенвальдъ и другіе были осуждены особою коммиссіею и отъ дѣлъ удалены. Слово Димитрія Сѣченова, обличающее недостатокъ въ людяхъ любви ко Христу, между прочимъ коснулось того, что „церкви Христовы безъ покрова погнили и снабжены самыми скудными принадлежностями“. Слово это было сказано 8 іюля 1742 года; а 9 октября изданъ указъ о дозволеніи помѣщикамъ строить церкви вмѣсто обветшалыхъ въ томъ лишь случаѣ, когда они обяжутся снабдить оныя всѣми потребностями.

Въ какомъ отношеніи ко всѣмъ этимъ хвалебнымъ и поучительнымъ проповѣдямъ стояли современники, объ этомъ мало извѣстно. Извѣстно только, что больше всѣхъ пользовался уваженіемъ и любовію какъ самой императрицы, такъ и всего общества Гедеонъ Криновскій, котораго Сумароковъ называетъ „россійскимъ Флешьеромъ, мужемъ великаго во краснорѣчіи достоинства“. Благодаря всему этому мы имѣемъ полное изданіе словъ Гедеона Криновскаго.

Эпоха нравственно-практическаго направленія въ проповѣди во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Условія, благопріятствующія развитію проповѣди въ эту эпоху. Нравственно-практическое направленіе, какъ ея отличительная особенность со стороны внутренняго характера. Особенности во внѣшней формѣ проповѣди. Характеристическія черты религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества въ эту эпоху, какъ начала опредѣляющія направленіе проповѣди: господство разума въ теоретической области вѣры и эгоизма—въ практической. Мистицизмъ, какъ реакція матеріализму: его теоретическое и практическое значеніе.

Съ конца царствованія Елизаветы Петровны до начала царствованія Александра Благословеннаго идетъ новая эпоха въ исторіи развитія русскаго проповѣдничества. Проповѣдь въ это время входитъ въ разрядъ обыкновенныхъ явленій и становится необходимою существенною принадлежностію богослуженія. Теперь стали говорить проповѣди не въ однихъ только придворныхъ церквахъ, но и въ монастыряхъ, соборныхъ и приходскихъ церквахъ, какъ Петербурга, такъ и другихъ городовъ. Что же касается селъ, то Св. Синодъ, имѣя въ виду доставить сельскимъ священникамъ возможность къ болѣе точному исполненію ихъ пастырской обязанности, въ 1775 году издалъ нарочно съ этою цѣлію „Сборникъ поученій различныхъ авторовъ на весь годъ“. Такимъ образомъ и сельскія церкви стали оглашаться проповѣдію. Причины, способствовавшія развитію русской проповѣди, лежали, конечно прежде всего въ развившемся въ то время у насъ образованіи, которое получалось въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этому дѣлу много содѣйствовала любовь Высочайшихъ особъ къ проповѣди Слова Божія, а также ревность высокопоставленныхъ архипастырей, которые заставляли священниковъ и діаконовъ, получившихъ образованіе, говорить проповѣди.

Проповѣдь указанной эпохи не похожа, ни по содержанію своему, ни по характеру внутреннему и внѣшнему, на проповѣди предшествующаго времени: не событія политическія теперь занимаютъ ее, не интересы двора, а вопросы нравственно-практическіе. Такое направленіе отвѣчало требованію времени: потому, во первыхъ, что всѣ реформы Екатерины II имѣли въ виду не только развитіе холоднаго раз-

судка, но и развитіе сердца; онѣ направлялись не только къ увеличенію матеріальныхъ выгодъ государства, но вмѣстѣ и къ развитію нравственной личности; съ другой стороны наплывъ разныхъ неправославныхъ ученій къ намъ въ Россію, отвергавшихъ нѣкоторые догматы православной церкви и такимъ образомъ вредившихъ чистотѣ нравственности русскаго общества, а также появленіе разныхъ западныхъ ученій, большею частію, отрицавшихъ всякую вѣру, и проповѣдующихъ нравственную распущенность, требовали и отъ проповѣди элемента нравственно практическаго.

По внѣшней сторонѣ проповѣдь этой эпохи отличалась отъ проповѣди предшествующаго періода большею простотою и безъискусственностію.

Характеристическую черту разсматриваемой эпохи составляетъ философское направленіе. Деистическая и матеріалистическая философія запада, проникшая къ намъ въ Россію еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, съ теченіемъ времени пускала все болѣе и болѣе глубокіе корни въ нашемъ отечествѣ и наконецъ въ царствованіе Екатерины II, эта философія охватила почти всѣ слои русскаго общества, разрушила всѣ старыя вѣрованія и традиціи, ниспровергла религію и нравственныя воззрѣнія на личность человѣка, какъ на образъ и подобіе Божіе. Человѣкъ былъ сведенъ на одинаковую ступень со всѣмъ міромъ органическихъ существъ, руководимыхъ инстинктомъ и находящихъ свою цѣль въ наслажденіи чувственными благами. А при такомъ воззрѣніи на нравственную личность человѣка, конечно, не могло быть и рѣчи о тѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, которыя построяются на началахъ безкорыстной любви и самоотверженія въ пользу ближнихъ.

Такое ученіе, какъ уничтожающее все завѣтное и святое для человѣка, не могло, очевидно, долго держаться въ обществѣ, и въ сознаніи мыслящихъ людей явилось стремленіе къ противодѣйствію этому направленію, къ возстановленію нравственныхъ началъ, раздавленныхъ эпикурейской философіей. Наступаетъ эпоха реакціи, начинается борьба, которая имѣетъ свою длинную исторію. Германскій идеализмъ, занесенный въ Россію пріѣзжими профессорами, встрѣчаетъ ласковый пріемъ среди людей, не поддавшихся потоку эпикурейства, и полагаетъ начало новому направленію въ рус-

скомъ обществѣ, такъ называемому мистицизму, нашедшему свое выраженіе въ дѣятельности „дружескаго общества“ и учрежденіи „масонскихъ ложъ“.

Въ общихъ чертахъ мистицизмъ есть вѣра въ существованіе въ мірѣ таинственныхъ законовъ, доступныхъ пониманію однихъ избранныхъ, которымъ дано находить смыслъ и значеніе предметовъ, непостижимыхъ для простаго разсудка. Познаніе это основывается на возможности входить въ непосредственное отношеніе съ Божествомъ и получать отъ него озареніе. Ясно, что мистицизмъ становился прямо противъ философіи 18 в. Философія, во имя разума, отвергала все, несовмѣстимое съ его положеніями, и стремилась къ положительному и естественному, разумѣя подъ „тайною“ единственныя явленія, еще не поддавшіяся изслѣдованію науки или сужденію здраваго смысла. Мистицизмъ требовалъ цѣльнаго настроенія духа; онъ призывалъ для преслѣдованія истины совокупное дѣйствіе мысли и внутренняго чувства, иногда предоставляя послѣднему больше значенія и силы, тогда какъ энциклопедисты руководствовались исключительно разсудкомъ, устраняя чувство отъ всякаго участія въ сферѣ знанія и еще болѣе устраняя возможность какихъ либо таинственныхъ, недоступныхъ разсудку откровеній. Но идя противъ энциклопедистовъ и становясь въ этомъ отношеніи на сторонѣ духовенства, масонъ самъ далеко не былъ православнымъ. Онъ выходилъ не изъ началъ христіанской религіи, которая открыла все, что нужно и что можно знать человѣку, а изъ начала разума, изъ начала всемірныхъ, каждому народу присущихъ религіозныхъ вѣрованій. Масонъ вѣровалъ въ Бога и молился ему; но онъ былъ индифферентистъ: онъ одинаково молился и въ церкви католической и въ храмѣ протестантскомъ и у подножія алтарей греко-русскихъ; но ко всѣмъ этимъ вѣроисповѣданіямъ мистизмъ имѣлъ отрицательное отношеніе, такъ какъ его религіозное сознаніе не ограничивалось никакими формами, никакою догмою и уносилось въ область квіэтизма Исканіе премудрости и божественнаго свѣта, все это дѣло фантазіи и отнюдь не вяжется съ истиннымъ духомъ христіанства, которое, хотя есть служеніе Богу въ духѣ, но тѣмъ не менѣе требуетъ и прославленія Бога внѣшнимъ образомъ. Въ мистицизмѣ заслуживаетъ уваженія только его нравственно-практическая сторона, тѣ симпатіи къ людямъ, которыми отличалось это общество.

Крайности философскихъ партій нашли достаточно сильную оппозицію въ современномъ имъ проповѣдничествѣ. Замѣчательными проповѣдниками этой эпохи были: Гедеонъ Криновскій, епископъ Псковскій, Георгій Конисскій, епископъ Бѣлорусскій, св. Тихонъ, еписк. Воронежскій, Платонъ, митрополитъ Московскій, Анастасій Братановскій. Въ проповѣдяхъ этихъ проповѣдниковъ, съ одной стороны, можно найдти всѣ главныя черты, которыми отмѣчена была эпоха второй половины минувшаго столѣтія. Съ другой стороны проповѣдь ихъ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ; одно и тоже нравственно-практическое направленіе.

Въ противоположность отрицанію вѣры въ Бога, во Святую Троицу, въ воплощеніе Сына Божія, въ будущую блаженную жизнь, въ безсмертіе, въ промыслъ Божій и въ другіе догматы православной вѣры, проповѣдники доказывали вольнодумцамъ, что немыслимо совершенное невѣріе въ обществѣ, и раскрывали значеніе вѣры въ нашей настоящей жизни, какъ частной, такъ и общественной.

Въ параллель съ ходячими вопросами о морали и соціальныхъ отношеніяхъ проповѣдь ставитъ своей задачей уяснить идеалъ нравственности человѣка, подорвать ложныя основы эгоизма, который просвѣчивалъ въ мнимогуманныхъ цивилизаторскихъ стремленіяхъ коноводовъ общественнаго мнѣнія, и построить прочную, твердо обоснованную, систему соціальныхъ и гражданскихъ отношеній, пробудить ревность къ самопожертвованію, къ безкорыстному служенію цѣлямъ общества и государства. У нѣкоторыхъ, впрочемъ, проповѣдниковъ была и другая связь съ жизнію того общества и народа, среди котораго они жили и дѣйствовали.

Гедеонъ Криновскій, епископъ Псковскій.

Жизнь Гедеона Криновскаго и его проповѣдническіе труды. Обстоятельства, опредѣляющія содержаніе и характеръ его проповѣдей. Борьба съ атеистами и деистами; борьба съ протестантами и кальвинистами. Тонъ обличеній. Наставленіе пасомыхъ въ истинахъ вѣры и доброй нравственности. Обличеніе ихъ за увлеченіе ложными ученіями, сказавшееся въ холодности вѣры и отсутствіи доброй нравственности. Побужденія къ покаянію и рѣшеніе вопросовъ, возбуждаемыхъ современниками Гедеона относительно нѣкоторыхъ догматовъ вѣры. Внѣшнія качества проповѣдей Гедеона.

Самымъ виднымъ проповѣдникомъ въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны былъ Гедеонъ Криновскій (1726--1763). Родился онъ въ Казани; учился въ тамошней семинаріи и, по окончаніи курса, сдѣланъ былъ въ ней учителемъ. Потомъ для окончанія богословскаго образованія онъ поступилъ въ московскую академію. Здѣсь, бывши студентомъ, онъ сказалъ однажды проповѣдь, которая привела всѣхъ въ такое умиленіе, что его съ тѣхъ поръ стали назначать для проповѣданія слова Божія чаще другихъ, не по очереди. Слава его, какъ проповѣдника, сдѣлалась извѣстною и за стѣнами академіи: въ воскресные и праздничные дни его приглашали для проповѣди разные монастыри и церкви приходскія. Эта слава дошла потомъ и до Петербурга. Въ бытность Двора въ Москвѣ, онъ потребованъ былъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и, по ея желанію, сказалъ въ придворной церкви такую замѣчательную проповѣдь, которая рѣшила его дальнѣйшую судьбу. Онъ заслужилъ этою проповѣдію благоволеніе императрицы и былъ опредѣленъ ко Двору проповѣдникомъ. Императрица любила слушать проповѣди Гедеона, хвалила и награждала его. Скоро онъ получилъ санъ архимандрита и сдѣланъ членомъ Св. Синода, потомъ былъ переведенъ въ Троицкую лавру, гдѣ пробывъ съ небольшимъ три года, былъ посвященъ въ епископа псковскаго и тамъ скончался въ 1763 году, къ общему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, имѣя отъ роду только 40 лѣтъ.

Проповѣди Гедеона Криновскаго изданы въ двухъ томахъ(*). Въ первомъ томѣ напечатано 66 поучительныхъ

(*) Первое изданіе сдѣлано въ 1759 г., а второе въ **1760 г.**

словъ на всѣ недѣли въ году; на нѣкоторыя недѣли есть по два, даже по три слова. Во второмъ томѣ находится 36 словъ, сказанныхъ на господскіе и нарочитыхъ святыхъ праздники, а также на высокоторжественные дни и другія времена о разныхъ матеріяхъ.

Содержаніе проповѣдей Гедеона Криновскаго опредѣляется различными религіозными заблужденіями и нравственными пороками, развившимися между современниками Гедеона, въ слѣдствіе ложнаго ученія протестантовъ и кальвинистовъ, проникшихъ въ Россію еще при Петрѣ 1, и въ слѣдствіе распространенія между высшимъ русскимъ обществомъ модныхъ антирелигіозныхъ идей деизма, натурализма и масонства, появившихся въ Россіи, къ концу царствованія Елизаветы Петровны. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ направленій въ русскомъ обществѣ стало замѣчаться холодное отношеніе къ религіи, отрицаніе христіанскихъ основъ нравственной дѣятельности, склонность къ чувственности и пристрастіе ко всему земному, отсутствіе потребности въ высшихъ духовныхъ благахъ, грубый животный эгоизмъ, доходящій до отверженія добродѣтелей и даже издѣвательства надъ ними, отрицаніе необходимости борьбы съ своими пороками, гордость, зависть, стремленіе къ почестямъ и недобросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, различные грубые обычаи и пороки. Въ одномъ изъ своихъ поучительныхъ словъ проповѣдникъ прямо даетъ знать, что причина религіозно-нравственнаго паденія русскаго общества заключается не въ немъ самомъ, а въ постороннемъ вліяніи натуралистовъ и безбожниковъ. „Столько народа съ нами едва имя Христово знающихъ; столько о спасеніи своемъ нерадящихъ; столько натуралистовъ и фармазоновъ и ожесточенныхъ безбожниковъ со дня на день прозябаетъ; а мы спимъ и не чувствуемъ, какъ сіе вражіе сѣмя, какъ плевелы сатанинскіе въ земли корени свои распускаютъ, а пшеница, терніемъ столь многочисленныхъ ересей подавляема, мало по малу истребляема бываетъ(*)“.

Всѣ эти обстоятельства вызывали проповѣдника, съ одной стороны, на борьбу съ врагами православія и церкви, съ

(*) Поуч. слова іер. Гедеона т. 1, стр. 89—90.

другой —на увѣщанія, обличенія и угрозы паствы, увлекавшейся враждебными христіанству ученіями. Этими же обстоятельствами объясняется и различіе тона въ его поучительныхъ словахъ. Обличенія паствы проникнуты духомъ любви. Онъ часто грозитъ ей гнѣвомъ Божіимъ; но въ то время и смягчаетъ свои угрозы, призывая ее къ покаянію и возбуждая надежду на милость Божію. Въ борьбѣ же съ злонамѣренными врагами христіанства тонъ его рѣчи рѣзкій, строго обличительный, не допускающій даже возможности покаянія съ ихъ стороны.

Враги православія и вообще христіанства поднимали различные вопросы, касающіеся догматовъ православной вѣры и христіанской нравственности, и рѣшали ихъ по своему, не на основаніи откровенія, а на основаніи своего узкаго смысла. Ихъ рѣшеніями увлекалось и русское общество. Первый и самый трудный вопросъ для человѣческаго разума былъ вопросъ о существѣ Бога и троичности Лицъ. „Атеисты и матеріалисты, говоритъ Гедеонъ Криновскій, ничего не хотятъ принимать, чего не могутъ постигнуть своимъ разумомъ. Они спрашиваютъ, что такое Богъ, какая Его сила, какая премудрость, какъ Онъ одинъ можетъ управить вселенною, какъ Онъ родилъ Сына безъ жены?“ Отвѣчая на эти вопросы, проповѣдникъ прямо говоритъ, что ни умомъ понять, ни языкомъ исповѣдать существо Божіе не возможно. Но когда мы съ усердіемъ будемъ размышлять о Богѣ, то увидимъ, что нѣтъ ничего Его понятнѣе. Куда бы ни обратились, куда бы ни посмотрѣли, вездѣ увидимъ изображенными слѣды Божіи. Если взыдемъ съ Давидомъ на небо, Онъ есть. Ежели снидемъ во адъ, Онъ есть. Ежели возмемъ крилѣ наши рано, и вселимся въ послѣднихъ моря, и тамо ощутимъ Его руку. Поэтому и не было ни одного народа, который бы не признавалъ въ мірѣ никакого божества За тѣмъ проповѣдникъ описываетъ словами псалмопѣвца величіе Божіе, могущее возбуждать только удивленіе въ человѣкѣ, но не могущее быть познаннымъ и изглаголаннымъ (*). Разсуждая далѣе о трехъ ипостасяхъ Божіихъ, о предвѣчномъ рожденіи отъ Отца единороднаго Сына Божія и о во-

(*) Поучит. слова іером. Гедеона. Т. 1, стр. 281—293.

площеніи Его отъ Дѣвы во времени, а также о безначальномъ происхожденіи отъ нѣдръ отеческихъ Святаго Духа,—догматахъ, отвергаемыхъ деистами(*), Гедеонъ говоритъ, что „никакой умъ не можетъ вмѣстить, какъ три лица едино существо имѣютъ, какъ едино и три богословствуются; или какъ два естества и два хотѣнія во единомъ лицѣ Христовомъ живописуются. Во истину во всѣхъ сихъ и подобныхъ вещахъ и премірный всякъ умъ, яко не умный является". Для подтвержденія своихъ мыслей проповѣдникъ ссылается на авторитетъ блаженнаго Августина и Амвросія Медіоланскаго. „Никто больше не написалъ книгъ о Троицѣ, какъ Августинъ, но и онъ отказывается объяснить тайну Святыя Троицы. Ты испытываешь, говоритъ онъ меня, какъ единымъ именемъ три называются: не знаю и охотно исповѣдую мое незнаніе. Что Христосъ благоволилъ объявить, то знаю: въ томъ есмь христіанинъ, что единаго Бога въ Троицѣ признаю. Также и Амвросій въ первой своей книгѣ о вѣрѣ говоритъ: мнѣ невозможно таинство рожденія знать, мысль оскудѣваетъ, гласъ престаетъ, и не мой только, но и ангельскій; да и ты руку ко устамъ приложи: вышнихъ таинъ испытывать неудобно". „Видите ли, слушатели, продолжаетъ проповѣдникъ, какъ скуденъ и безсиленъ умъ человѣческій, чтобы познать Божественное естество и всѣ тайны Его. Что жъ тутъ сильно? Вѣра. Вѣра въ познаніи таинъ царствія Божія столько можетъ, сколько хочетъ. Она и невидимое существо Божіе видитъ, она и Троицу въ единицѣ исчисляетъ. Она Бога и во чревѣ дѣвичьемъ на земли, купно и на престолѣ на небеси ясно зритъ. Она и вся та блага, о которыхъ Павелъ не зналъ что сказать, удобно объемлетъ собою. Словомъ, чего всѣ ангельскіе и человѣческіе умы, во едино собранные, не могутъ, она едина все то постигнуть можетъ. И сея то ради причины утаилъ свои тайны Богъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, и выбралъ къ наученію своему, какъ Христосъ говоритъ, младенцевъ"... Въ заключеніе слова(**), проповѣдникъ на возраженіе совопросниковъ—„почему премудрость Божія, минувъ премудрыхъ

(*) Поуч. сх. іер. Гед. Т. 1, стр. 294—299, 322.
(**) Въ недѣлю пятидесятницы.

и разумныхъ, призывала къ себѣ неразумныхъ и младенцевъ: ежели ей нужна вѣра, то не лучше ли ся ученію могутъ вѣрить разумные, нежели неразумные и младенцы", — отвѣчаетъ, что „къ познанію премудрости призываются не младенчествующіе плотію, но младенцы духовные, то есть, тѣ люди, которые ничего о себѣ высокаго не помышляютъ, не надѣются на силы разума своего, но просятъ просвѣщенія отъ Бога, и что Онъ благоволитъ открыть имъ, всѣмъ сердцемъ послушаютъ и вѣруютъ Ему. Что же касается премудрыхъ и разумныхъ, то Богъ отвергаетъ не тѣхъ, которые похвальную имѣютъ въ себѣ мудрость, какъ-то философское, медицинское или механическое искусство, но мудрость вѣка сего, излишнюю и неподобающую въ вещахъ божественныхъ курьезность. Богъ утаилъ отъ такихъ мудрецовъ то, что открылъ младенцамъ, не потому, что не хотѣлъ принять ихъ къ себѣ; но потому, что они сами не хотѣли и, по огрубѣлости своего сердца, не могли уразумѣть тайнъ Божіихъ. Не умомъ, а чувствомъ можно только постигать Божественное"

Излагая православное ученіе о Богѣ, единомъ по существу, и троичномъ въ Лицахъ, Гедеонъ часто говоритъ объ отношеніи Бога къ міру, — о сотвореніи Имъ міра, управленіи міромъ и промышленіи о мірѣ. Философы энциклопедисты говорили, что міръ этотъ образовался изъ атомовъ, самъ собою и случайно, а не Богомъ сотворенъ. Криновскій предостерегаетъ своихъ слушателей отъ этого пагубнаго ученія и учитъ вѣровать, что Богъ есть премудрый Творецъ всего міра, всѣмъ управляетъ и все содержитъ въ порядкѣ. Онъ обращаетъ вниманіе слушателей на постоянное и неизмѣнное обращеніе міра, на ежегодное повтореніе астрономическихъ явленій и отсюда выводитъ заключеніе, что есть такое существо, которое всемъ этимъ управляетъ и во всемъ дѣйствуетъ, иначе не могло бы и существовать такого порядка(*).

Особеннымъ камнемъ претыканія для вольномыслящихъ философовъ былъ промыслъ Божій. „Между ними были такіе, которые, хотя вѣровали, что есть Богъ; но не могли слышать, что Богъ промышляетъ о мірѣ, что Его промысломъ

(*) Поуч. слова придворн. пропов. архим. Гедеона т. 2 стр. 5.

одни возвышаются, а другіе унижаются, что по Его повелѣнію иногда ведро стоитъ, а иногда безведріе, земля иногда изобильные плоды родитъ, а иногда пустые стебли, что Его помощію всякій грѣшникъ исправляется, и Его благодатію всякій праведникъ въ добродѣтели укрѣпляется и проч. Уподобляя міръ сей часамъ, заведеннымъ на нѣсколько времени или на цѣлый вѣкъ, вольнодумцы говорятъ, что Богъ теперь о насъ не промышляетъ; а какія дѣлаются въ насъ перемѣны, онѣ дѣлаются случайно. Когда же кто имъ укажетъ на евангельскія слова: „Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю", или на другія подобныя, то они отвѣчаютъ: „не всему можно вѣрить, что написано" (*). Атеисты оправдывали даже свое отрицаніе Бога тѣмъ, что они не видѣли Его дѣйствій въ мірѣ, Его промысла. „Если бы, говорили они, былъ Богъ, то промышлялъ бы о насъ; а если бы промышлялъ, то конечно бы злые люди не преимуществовали предъ добрыми. Но такъ какъ мы, большею частію, видимъ противное; то слѣдовательно нѣтъ промысла Божія въ мірѣ, а слѣдовательно и нѣтъ Бога" (**). Проповѣдникъ отвѣчаетъ атеистамъ, что „судьбы Божіи бездна многа" (Пс. 35), „кто изслѣдитъ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть". „Довольно одно неизмѣняемое доселѣ теченіе звѣздъ небесныхъ, довольно постоянное расположеніе частей времени, довольно состояніе земнаго круга ни на чемъ висящаго, довольно самое зачатіе всѣхъ человѣкъ одинаковое во утробѣ матерней доказываетъ, что есть Богъ, есть промыслъ Его въ мірѣ. Если же многія намъ тайны Его не открыты, то уже ли ради этого намъ совсѣмъ нужно Его опровергать Не знаемъ, почему Богъ то и то дѣлаетъ; слѣдовательно нѣтъ Бога. Къ чему годны такіе аргументы. Дѣло не спорно, что часто здѣсь добрые люди бѣдствуютъ, а злые напротивъ живутъ благополучно. Но есть на то у Бога и резоны, хотя мы совершенно о нихъ не знаемъ. Впрочемъ, если разсуждать объ этомъ, то можно представить нѣсколько резоновъ. Во первыхъ Богъ безпримѣрно милосердъ есть и потому иног-

(*) Поуч. слова придв. проп. іером. Гедеона т. 1, стр. 322.
(** Поуч. слова придв. пропов. архим. Гедеона т. 2, стр. 14.

да жалуетъ здѣсь и самыхъ злѣйшихъ людей: „дождитъ на праведныя и на неправедныя" (Мат. 5). Во вторыхъ Богъ праведенъ и потому беззаконниковъ, недостойныхъ блаженной вѣчной жизни, за нѣкоторыя, можетъ быть, ихъ малыя добродѣтели награждаетъ временными благами; а праведниковъ, приготовляя ихъ къ вѣчной жизни, за ихъ также малые грѣхи, наказываетъ. Въ третьихъ, иногда Богъ посылаетъ несчастія праведникамъ, чтобы испытать ихъ постоянство въ добродѣтели: а грѣшникамъ подаетъ милость свою, чтобы привести ихъ въ чувство и обратить ихъ на путь истины"(*).

Догматъ воплощенія былъ также предметомъ отрицанія натуралистовъ и атеистовъ, а также предметомъ сомнѣній современныхъ Гедеону Криновскому христіанъ. Первые отрицали фактъ воплощенія потому, что онъ противорѣчитъ законамъ естества, и всѣ пророчества объ этомъ событіи и самое событіе, описанное въ евангеліи, считали баснями. Проповѣдникъ говоритъ, „что воплощеніе Сына Божія есть тайна, есть чудо: а всякое чудо выше разумѣнія человѣческаго. Если бъ мы могли понять, какъ истканалась во утробѣ дѣвической Божественная плоть Его безъ сѣмени мужескаго, или какъ соединилось два существа неслитно во единой упостаси, то какая бы это была тайна, какое чудо?" Противъ невѣрія противниковъ въ свидѣтельства св. писанія о воплощеніи Бога Слова проповѣдникъ ведетъ рѣчь объ истинности свидѣтельствъ Св. Писанія и искуснымъ вопросомъ: почему они вѣрятъ разнымъ языческимъ исторіямъ баснословнаго характера, а исторіямъ, описаннымъ въ св. писаніи не хотятъ вѣрить, даетъ особенную силу своимъ словамъ противъ отрицающихъ истину показанія евангельской исторіи. Обращаясь къ слушателямъ, проповѣдникъ разъясняетъ имъ, почему необходимо было воплощеніе Сына Божія. Во первыхъ потому, что нужно было удовлетворить разгнѣванной правдѣ Божіей за грѣхи людей; а этого никто не могъ сдѣлать, кромѣ самого Бога: обида была безконечная: поэтому и жертва должна быть безконечная, т. е. только безконечное существо могло удовлетворить этой правдѣ, соединившися съ человѣ-

(*) Тамъ же.

чествомъ. Во вторыхъ воплощенія Сына Божія требовала и милость Божія къ падшему человѣку, котораго нужно было вывести изъ бездны паденія и поставить на прямую дорогу. А этого никто не могъ сдѣлать кромѣ Самаго Бога; поэтому и пришелъ Іисусъ Христосъ, показалъ намъ истиннаго Бога, способъ, какъ Его почитать и тѣмъ животъ вѣчный наслѣдовать" (*).

Догматы о смерти и воскресеніи Іисуса Христа, о будущей жизни и воскресеніи всѣхъ умершихъ, о будущемъ судѣ, о наградахъ праведнымъ и о безконечномъ мученіи грѣшниковъ подвергались не только отрицанію со стороны невѣрующихъ, но даже порицанію и насмѣшкамъ. „Вольно кому было, говорили атеисты, выдумывать такія сказки; еще съ того свѣта никто сюда не приходилъ съ извѣстіемъ; почему же намъ знать, что тамъ дѣлается" (**). Они спрашивали также: гдѣ находится адъ и какимъ образомъ въ немъ вещественный огонь невещественный духъ палить можетъ, и гдѣ столько дровъ на вѣчную поддержку огня возмется (***). На первое возраженіе атеистовъ проповѣдникъ отвѣчаетъ словами Авраама, который на просьбу мучащагося во адѣ грѣшника послать Лазаря къ братьямъ его, чтобы объяснить, какія казни уготованы по смерти грѣшникамъ, сказалъ: „имутъ Моисеа и пророки: да послушаютъ ихъ. Онъ же рече: ни, отче Аврааме: но аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ нимъ, покаются. Рече же ему: аще Моисеа и пророковъ не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры (Лук. 16, 29—31). На другія возраженія отрицавшихъ будущую жизнь Гедеонъ Криновскій прежде всего говоритъ, что эти возраженія безполезны, хотя и можно дать на нихъ нѣкоторые отвѣты. „Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія можно примѣчать, что адъ въ самой нижайшей части, въ центрѣ земли учиненъ". Впрочемъ проповѣднику нравится мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что гдѣ восхощетъ Богъ грѣшника вѣчной предать казни, на землѣ, на воздухѣ, въ огнѣ, или въ водѣ, тутъ и адъ ему будетъ. На второй вопросъ, то есть, какимъ образомъ огонь вещественный демо-

---

(*) Поуч. слова архим. Гед. Крин. т. 2. стр. 73—77.
(**) Поуч. слова Гед. Крин. т. 1, стр. 480.
(***) Тамъ же стр. 503.

новъ и осужденныя души палить будетъ, проповѣдникъ отвѣчаетъ уклончиво, давая съ своей стороны противникамъ множество неразрѣшимыхъ вопросовъ и заканчивая свою рѣчь указаніемъ на всемогущество Господа, который все можетъ сдѣлать. Отвѣчая на третій вопросъ, проповѣдникъ говоритъ, что огнь геенскій не требуетъ, чтобъ его поджигали; онъ самъ по себѣ не угасимый; а если это не хочешь принять, прими въ отвѣтъ сіе, что вмѣсто дровъ самыя тѣла осужденныхъ ему будутъ поддержкою. На вопросъ, какъ можетъ статься, чтобы мягкая плоть горѣла и не сгарала, проповѣдникъ опять ссылается на всемогущество Божіе и указываетъ на легендарное сказаніе о Саламандрѣ, которая въ огнѣ живетъ, на „купину огнемъ горящу, но не сгарающу"(*).

Ревность проповѣдника въ борьбѣ съ атеистами и другими хулителями Бога доходитъ до того, что онъ приглашаетъ православныхъ христіанъ, властей и пастырей возстать на защиту православія и наказать безбожниковъ. Онъ указываетъ въ примѣръ язычниковъ, которые за непризнаніе нѣкоторыхъ боговъ ссылали въ ссылку, изгоняли изъ городовъ, а за совершенное отрицаніе боговъ казнили смертію. Обличаетъ хладнокровіе къ вѣрѣ христіанъ, которые въ этомъ случаѣ хуже язычниковъ. „Кто бъ пожелалъ вооружиться ножемъ Иліинымъ противъ нынѣшнихъ жрецовъ Ваала; дадите, дадите, или признайте со мною веліе въ семъ случаѣ снисхожденіе властей, несмѣлость пастырей и наше общее всѣхъ нерадѣніе. Но худо, и паки говорю, худо снисходить властямъ, гдѣ Богъ безчествуется. Милость похвальна, но не вездѣ. Худо не смѣть пастухамъ поднимать жезла своего, когда волки являются внутрь ихъ стада. Худо и весьма не прилично не радѣть о такой вещи, для которой мы всѣ сотворены. Встанемъ убо, о христіане! встанемъ и ополчимся, колико можемъ, противу ополчающихся на величество и славу Бога нашего, да возможемъ непостыдно говорить предъ нимъ съ Давидомъ: „Не ненавидящія ли тя Господи возненавидѣхъ, и о вразѣхъ твоихъ истаяхъ; совершенною ненавистію возненавидѣхъ я; во враги быша ми" (Пс. 138). Особенно власти, которымъ Богъ вручилъ мечъ,

(*) Поуч. сл. іер. Гед. Т. 1, стр. 481 и 503—504.

не на что другое, какъ на защищеніе славы Вручившаго имъ, должны обращать свой мечъ. Не должны также дремать и тѣ, которымъ Господь сказалъ: „Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ“(*).

Такіе то плевелы посѣяло племя сатанинское; среди православнаго русскаго общества. Православному проповѣднику предстоялъ трудъ исторгнуть эти плевелы, насадить и возрасти въ сердцахъ россіянъ доброе сѣмя православнаго ученія и обличить ихъ за ихъ отступленіе отъ древняго православія и за увлеченіе неразумнымъ новшествомъ. Гедеонъ Криновскій прежде всего старается оживить въ сердцахъ своихъ современниковъ правую вѣру и добрую нравственность, помраченную и искаженную въ нихъ разными безбожными ученіями. Онъ отличаетъ ихъ отъ атеистовъ, которые не имѣли никакой вѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ и въ нихъ истинной вѣры, соединенной съ добрыми дѣлами. „Есть люди, которые не имѣютъ никакой вѣры, ни зрительной, ни дѣятельной; таковы атеисты; но есть и такіе, которые хотя вѣруютъ во Христа; но не послѣдуютъ самымъ дѣломъ Ему, или что нибудь противное Ему дѣлаютъ. Истинными же христіанами могутъ назваться только такіе, у которыхъ вѣра зрительная соединена съ дѣятельною. Разсмотримъ же, слушатели, есть ли въ насъ такая вѣра? Боюсь сказать, что нѣтъ. Самое знаменіе креста святаго, которое мы на себѣ изображаемъ, самое имя христіанское, которымъ души наши запечатлѣны, самое наконецъ исповѣданіе вѣры православной, которое повседневно у насъ читается, даетъ всякому ясное свидѣтельство, что мы отъ числа вѣрующихъ. И если бы не мѣшали евангельскія слова: „не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное“; то бы кажется и довольно было сего показать, что мы прямые и совершенные христіане, но такъ какъ на дѣлѣ мы видимъ противное, то не поскучайте, возлюбленные слушатели, когда я вамъ предложу вопросы. Ежели въ насъ есть вѣра; то откуда въ насъ многіе невѣрные, развѣ только пристойные, взошли обычаи; ежели въ насъ есть вѣра, то почто язычески,

---

(*) Поуч. слова ієром. Гедеона т. 1, стр. 327—32[illegible].

а не христіански жительствуемъ; ежели есть вѣра, то откуда свары, раздоры, клеветы, зависти, осужденія, неправды, студодѣянія; да и ближае приступлю: ежели вѣруемъ мы, что Богъ истиненъ есть по существу своему, то какъ смѣемъ въ словахъ Его, то есть священномъ писаніи, многія находить сумнительства и неисправности; ежели подлинно содержимъ мы, что Богъ всемогущъ есть, то почто мимо Бога къ Ваалу, къ подобострастнымъ намъ людямъ и другимъ слабымъ защищеніямъ во время нуждъ и бѣдъ нашихъ прибѣгаемъ; если не сомнѣнно, что Богъ милосердъ есть, то откуда уныніе и отчаяніе происходитъ; если вѣримъ, что Онъ праведенъ, то для чего ропщемъ, когда Онъ посылаетъ намъ несчастія; если не за басню у насъ ставится, что есть блаженство вѣчное по смерти святымъ пріуготовано и геенна огненная грѣшникамъ не кающимся, то почто святыхъ слѣдамъ не подражаемъ, почто безъ покаянія во грѣхахъ нашихъ чрезъ всю жизнь валяемся, если вѣришь ты, христіанине, что въ святѣйшей евхаристіи самое есть пречистое тѣло и кровь Христа Господа твоего, то какже ты, не примирившись съ братомъ твоимъ, не омывши теплыми слезами скверну души твоей, дерзаешь приступать причащатися страшной тайны сей; или какъ ты, причастившись ея и сдѣлавшись какъ бы во едину плоть со Христомъ, смѣешь творить уды Христовы блудными, растлѣвать храмъ Божій и всякихъ нечистотъ новымъ быть вмѣстилищемъ. Все сіе и подобное весьма малую вѣру въ насъ доказываютъ"(*).

Изъ этихъ словъ Гедеона Криновскаго видно, что если въ современникахъ его и была вѣра, то вѣра эта была сухая, холодная, чуждая любви къ Богу и ближнимъ; поэтому почти во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ онъ внушаетъ слушателямъ любовь къ Богу и не разрывную съ этою любовью любовь къ ближнимъ. Побужденіемъ любить Бога онъ представляетъ во первыхъ то, что Богъ есть высшая красота, благо и истина. „Мы любимъ обыкновенныя вещи за ихъ красоту и доброту. Какъ же не любить Бога, который есть пресовершенная красота и доброта, которою во всю вѣчность нельзя

(*) Поуч. слова іер. Гедеона т. 1, стр. 85—90.

насытиться?“ Во вторыхъ, мы должны любить Бога за Его къ намъ благодѣянія. Здѣсь проповѣдникъ картинно изображаетъ благодѣянія Божіи къ человѣку, явленныя въ твореніи міра, въ дарованіи бытія человѣку, въ попеченіи о немъ и въ искупленіи его отъ грѣха и смерти. Въ третьихъ, мы должны любить Бога всѣмъ сердцемъ, а не частію его, то есть любя Бога, мы не должны любить въ то же время міръ; потому что любовь къ міру не соединима съ любовію къ Богу. Для болѣе сильнаго возбужденія такой горячей любви къ Богу, Гедеонъ приводитъ теплыя и задушевныя слова, обращенныя къ Богу блаженнымъ Августиномъ: „О, огню, всегда горящій и никогда не угасающій! О, любы, всегда палящая и никогда въ пламени своемъ не ослабѣвающая! воспламени меня и воспламенюсь: воспламенюсь, да весь возлюблю Тебе единаго... Не любитъ тотъ Бога, кто съ Нимъ другое что любитъ“(*).

Мысль о любви къ единому Богу, о постоянномъ стремленіи къ Нему и вѣчному блаженству, о презрѣніи благъ настоящей жизни и даже самой жизни развивается проповѣдникомъ во многихъ его поучительныхъ словахъ. Вездѣ онъ старается убѣдить своихъ слушателей, что блага настоящей жизни не могутъ доставить человѣку полнаго счастія и радости, и только чистая непорочная совѣсть наша предъ Богомъ можетъ доставить намъ радость и покой души. Во 2-мъ словѣ въ недѣлю 10 по сошествіи Св. Духа(**), проповѣдникъ доходитъ до того въ порицаніи благъ міра сего, что хвалитъ обычай древнихъ жителей Ѳракіи плакать, когда у нихъ рождался младенецъ, и радоваться, когда онъ умиралъ. „Не могу я теперь безъ похвалы обойти, говоритъ проповѣдникъ, разумный нѣкоторыхъ Ѳракійскихъ жителей обычай. Они, когда младенецъ у нихъ родился, обсѣдше кругомъ его плакали, приводя себѣ во умъ, на коликія бѣды, скорби и печали пришелъ въ міръ человѣкъ той. А когда умиралъ кто, съ сапѣльми и гудками на погребеніе его относили, радуясь о томъ, что толикихъ золъ свободенъ онъ явился“.

(*) Поуч. слова іером. Гедеона т. 1, стр. 405—412.

(**) Т. 1, стр. 360. См. также слово въ недѣлю о Самарянинѣ. Т. 1, стр. 250 и др.

Чѣмъ же можетъ человѣкъ выразить свою любовь къ Богу? Совершеннымъ самоотреченіемъ, преданіемъ себя волѣ Божіей, дѣланіемъ того, чего Богъ требуетъ и возможнымъ для человѣка подражаніемъ высочайшимъ свойствамъ Божіимъ. „Богъ милосердъ и постоянно посылаетъ намъ свои благодѣянія, не смотря на оскорбленія Ему съ нашей стороны, и мы должны быть милостивы ко всѣмъ безъ исключенія. Милосердіе есть величайшая изъ всѣхъ добродѣтелей. Самъ Богъ не гнушается принимать Себѣ титулъ этой добродѣтели: въ священномъ писаніи Онъ называется Отцемъ щедротъ, Богомъ милости и человѣколюбія. Поэтому если бы кто изъ васъ, слушатели, захотѣлъ найдти средство, чрезъ которое можно бы уподобиться Богу, то это средство есть милосердіе. Оно не толькоименованіе Богу даетъ, но и насъ дѣлаетъ Ему подобными. Не мнѣ вѣрьте, вѣрьте единородному Сыну Его, который возбуждая насъ къ милости, говоритъ: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть" (Лук. 6, 36). Изображая далѣе плоды, которые приноситъ милосердіе человѣку въ сей жизни и будущей, проповѣдникъ говоритъ, что милость можетъ сдѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать никакая хитрость человѣческая, ни оружіе воинское, ни сила и крѣпость царская. Она можетъ сдѣлать врага другомъ и пріятелемъ тебѣ. Подними на врага оружіе, устреми мечи и копія, употреби противъ его всѣ силы твои, ничего не успѣешь, развѣ еще болѣе подвигнешь его на ярость и сопротивленіе тебѣ: обратись къ тому жъ врагу милостію, яви ему любовь твою, покажи, сколько можешь благодѣяній: увидишь, какъ онъ скоро весь твой сдѣлается". Особенно онъ убѣждаетъ начальствующихъ и тѣхъ, которые стоятъ близко къ начальствующимъ, въ рукахъ которыхъ и законъ можетъ быть волею, но иногда и волю свою они могутъ обратить въ законъ—быть милосердыми. Соблюдая правду, они должны быть и милостивыми, помня, что будетъ „судъ безъ милости не сотворившему милости" (Іак. 2, 13)(*). Въ другомъ словѣ, говоря о той же добродѣтели, проповѣдникъ внушаетъ своимъ слушателямъ быть милостивыми не только къ добрымъ людямъ, но и злымъ,

(*) Поуч. сл. іер. Гед. т. 1, стр. 330—336.

указывая на слова Евангелія (Мат. 5, 45), что „Богъ дождитъ на праведныя и неправедныя, сіяетъ солнце свое на благія и злыя“, и на то, что Онъ не пощадилъ возлюбленнаго Сына Своего, который пострадалъ и умеръ не за однихъ праведниковъ, но и за грѣшниковъ. Богъ возлюбилъ человѣка, такъ что изъ любви и состраданія къ нему не пожалѣлъ Своего возлюбленнаго Сына. И мы должны любить ближнихъ нашихъ, изъ любви къ Богу и изъ подражанія Ему, не различая ни чина, ни званія, лишь бы только человѣкъ былъ одной съ нами вѣры и одного крещенія(*).

Вообще Гедеонъ Криновскій старается облагородить сердце своихъ слушателей внушеніемъ имъ христіанской кротости, смиренія, терпѣнія, чистоты сердца. Въ словѣ изъ текста: „радуйся зѣло дщи сіоня, проповѣдуй дщи іерусалимля: се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ“ проповѣдникъ примѣромъ дщерей іерусалимскихъ внушаетъ своимъ слушателямъ уготовить путь Господень въ сердца наши уничтоженіемъ горъ и холмовъ превознесенной гордыни, болотъ сластолюбія и другихъ препятствій, какія мѣшаютъ шествію гостя въ сердце христіанское. А главное, чтобы мы не мѣшали Царю кроткому войдти въ наши сердца своимъ безчеловѣчіемъ и жестокостію, не имѣли бы свары, междоусобныя брани, но были бы мирны и кротки другъ съ другомъ. Особенное внушеніе дѣлаетъ проповѣдникъ начальникамъ относительно кротости. „Верховный всѣхъ Господинъ и управитель кротокъ и смиренъ сердцемъ: стыдно вамъ низшимъ властямъ не быть таковыми(**). Въ словѣ 1-мъ въ недѣлю третью великаго поста онъ приглашаетъ слушателей къ терпѣнію, къ безропотному несенію креста, который данъ Богомъ. „Какой же крестъ взять христіанину приказывается? Крестъ страданій за Христа, крестъ умерщвленія плоти, крестъ всѣхъ золъ приключающихся въ сей жизни крѣпкаго и непоколебимаго терпѣнія... Напримѣръ, обидѣлъ ли кто тебя, стерпи ты сію обиду безъ отмщенія. Поругалъ ли кто имя твое, ты его имя напротивъ благословляй вездѣ; труды тебѣ тяжки наложены отъ церкви и отечества, неси ихъ безропотно.... и ты возмешь крестъ свой“(***).

(*) Тамъ же стр. 415 на обор.
(**) Поуч. слова архим. Гедеона. Т. 2, стр. 58 59.
(***) Поуч. слова іером. Гедеона. Т. 1, стр. 121.

Раскрывая истины христіанской вѣры и нравственности, рисуя идеалъ истиннаго христіанина, проповѣдникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обличаетъ своихъ слушателей за ихъ уклоненіе отъ этого идеала и за увлеченіе ложными ученіями. Прежде всего онъ обличаетъ ихъ за ихъ неправильные взгляды на вѣру, которая будто можетъ спасти человѣка и безъ добрыхъ дѣлъ, и указываетъ на нѣкоторыя мѣста свящ. писанія (Мат. 7, 21. Іак. 2, 14), которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что однимъ исповѣданіемъ Господа безъ добрыхъ дѣлъ нельзя спастись. Но зараженные лютеранскимъ и кальвинскимъ ученіемъ отвѣчали ему, что дѣла не имѣютъ никакого отношенія до вѣры, и свидѣтельство книги Іакова объ этомъ предметѣ не имѣетъ никакого значенія; потому что книга эта — апокрифъ. Въ подтвержденіе своихъ лжеученій зараженные протестантизмомъ ссылались на слова апостола Павла къ Евреямъ (11, 1), гдѣ онъ говоритъ, что „вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, обличеніе вещей невидимыхъ“, а также къ Галатамъ, гдѣ онъ проповѣдуетъ, что «не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона, но только вѣрою Іисусъ Христовою» (гл. 2, ст. 16). Къ чему же дѣла, когда одна вѣра оправдаетъ человѣка. На первое доказательство проповѣдникъ отвѣчаетъ, что если вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, то чтожъ это такое уповаемое? Развѣ не воскресеніе мертвыхъ, не судъ послѣдній, не жизнь вѣчная и мука безконечная. А развѣ для всего этого не нужны добрыя дѣла? Самъ Христосъ сказалъ, что изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда“ (Іоан. 5, 29), слѣдовательно кто желаетъ получить блаженную жизнь, тотъ долженъ жить добродѣтельно. На второе доказательство Гедеонъ отвѣчаетъ, что апостолъ подъ дѣлами закона разумѣетъ не дѣла любви, но церемоніи, жертвы, обрѣзаніе и прочее въ законѣ Моисея завѣщанное(*). Чтобы придать еще болѣе силы своимъ доказательствамъ и вывести своихъ слушателей изъ самообольщенія, будто они спасутся одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, безъ любви къ ближнимъ, проповѣдникъ говоритъ, что хотя бы они исполняли всѣ церковные

(*) Поуч. слова іер. Гед. т. 1, стр. 312 - 313.

обряды и постановленія, хотя бы были усердными посѣтителями храма Божія и усердствователями ѳиміама, свѣчей и других вещей въ церкви, хотя бы они усердно молились и исполняли строго всѣ посты, ничто не спасетъ ихъ, если они не будутъ любить ближнихъ. Между тѣмъ въ числѣ современниковъ Гедеона были такіе, у которыхъ имѣніе моль поѣдала; деньги въ сундукахъ и кладовыхъ ржавѣли, хлѣбъ въ житницахъ мыши поѣдали; но которые, не смотря на это, не хотѣли, чтобъ добромъ ихъ ближній пользовался(*). Особенно живо и картинно изображаетъ проповѣдникъ равнодушное отношеніе богачей къ положенію бѣдныхъ и разныхъ властей къ своимъ подчиненнымъ въ словѣ въ недѣлю блуднаго сына. „Я бы охотно умолчалъ о семъ (объ исполненіи долга любви къ ближнимъ); я бы и самъ радъ былъ прикрыть такой стыдъ нашъ; но бѣдные просители никакого удовольствія отъ властей своихъ не получающіе, но нищіе, помилованія нималѣйшаго отъ изобилующихъ во всемъ не имѣющіи, но народъ во тмѣ невѣжества заблуждающій и должнаго просвѣщенія ко спасенію отъ своихъ пастырей не находящій, не молчатъ объ этомъ. Тѣ говорятъ, что намъ прибыли во властяхъ нашихъ, когда они слезъ нашихъ не отираютъ, воздыханій не слушаютъ, прошеній не пріемлютъ. Другіе вопіютъ: увы намъ Господи! Кому Ты повѣрилъ имѣніе Твое, кому поручилъ снабдѣвать нашу бѣдность. Воззри на сотрясаемые отъ лютаго мраза уды наши, воззри на изсушенныя гладомъ и жаждою кости наши, воззри на терзаемую на правежахъ плоть нашу. Третьи, болѣзненно воздыхая, жестоко противъ своихъ приставниковъ душевныхъ протестуютъ, что никакого почти попеченія о душахъ ихъ не имѣютъ: ни учатъ ихъ, ни посѣщаютъ, ни въ страданіяхъ утѣшаютъ, ни въ благополучіи утверждаютъ; но оставляютъ ихъ блудить по расколамъ и ересямъ.“(**)

(*) Поуч. слова іером. Гедеона т. 1, 312—315 стр. снес. стр 358 на обор., гдѣ проповѣдникъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ за лучшаго постника почелъ бы того, который хотя рыбою, да не до удовольствія своего аппетита, насыщается, нежели того, который капустою или подобнымъ чѣмъ по скотски пресыщается.

(**) Поуч. слова іер. Гедеона т. 1, стр. 50—51.

Примѣромъ скорбной жизни Спасителя, лежавшаго въ ясляхъ, висѣвшаго на крестѣ, пившаго желчь и оцетъ проповѣдникъ обличаетъ роскошную жизнь своихъ современниковъ, покоившихся на мягкихъ одрахъ, наслаждавшихся всѣми благами міра сего, одѣвавшихся въ богатыя одежды и не желающихъ съ терпѣніемъ переносить никакихъ несчастій, не оставляющихъ безъ отмщенія малѣйшихъ оскорбленій(*). Обличаетъ онъ также ихъ за страсть къ разнымъ шумнымъ удовольствіямъ не христіанскимъ, совершавшимся при томъ въ непристойное для этого время. Говоря о страшномъ судѣ въ словѣ въ недѣлю мясопустную, проповѣдникъ замѣчаетъ: „Подлинно не знаю, какимъ сердцемъ вы примете вѣсть о страшномъ судѣ... Кажется матерь наша церковь не въ весьма пристойное время напоминать намъ о такой вещи опредѣлила, то есть, когда маскарады, когда театральныя увеселительныя представленія, когда конскія ристанія, когда пиршества и другія, какъ публичныя, такъ и приватныя забавы ежегодно, съ особенною отмѣною отправляются у насъ. Когда Бахусу и Венерѣ, то есть бѣсамъ пьянства и несытнаго плотоугодія, толь многіе жертвенники пріуготовлены стоятъ.“(**)

Гордость, зависть и злословіе, какъ необходимыя спутницы эгоизма, также весьма часто обличаются въ проповѣдяхъ Гедеона Криновскаго. Первая называется проповѣдникомъ самымъ неразумнымъ порокомъ души человѣческой(***). О второй же говоритъ, что „она всѣмъ добродѣтелямъ врагъ и всякому добру.. Тяжестенъ очамъ ея высокій, честію почтенный человѣкъ, не сносенъ богатый; рвется сердцемъ, когда разумнѣйшій ея кто показывается; таетъ удами, когда, хотя мало благополучна кого видитъ“(****). Съ завистію идетъ рука объ руку и злословіе ближнихъ, а при этомъ хитрость и лицемѣріе, чтобы скрыть свои дѣйствительныя чувства и не показать себя вреднымъ, зложелательнымъ. „Умѣютъ они, говоритъ Гедеонъ о людяхъ злоязычныхъ, добродѣтели дѣ-

(*) Ів. стр. 187.
(**) Поуч. слова Гедеона т. 1, стр. 61—62.
(***) Ів. т. 1, стр. 28.
(****) Поуч. сл. Гед. Т. 1, стр. 102.

лать пороками, а пороки добродѣтелями. Напр. кто даетъ многую милостыню они хвастовству его приписываютъ; кто кротокъ душей, или часто въ церковь ходитъ, ханжею зовутъ; кто должность свою исправляетъ ревностно, они говорятъ, что не отъ усердія къ славѣ Божіей, или къ пользѣ ближняго то дѣлаетъ, но изъ желанія чрезъ то знатный чинъ себѣ достать."(*)

Обличая современниковъ за разные пороки, Гедеонъ Криновскій постоянно приглашаетъ ихъ къ покаянію, къ борьбѣ со страстями, къ самоотверженію и преданію себя волѣ Божіей, и по мѣстамъ касается кальвинскихъ взглядовъ на исповѣдь. „Мню бо, говоритъ проповѣдникъ во второмъ словѣ въ первую недѣлю великаго поста, что иные теперь помышляютъ, что ежели восхощетъ Богъ, отпуститъ имъ грѣхи и безъ исповѣди, по милости Своей. Но если больной не хочетъ лѣчиться и не признаетъ въ себѣ никакого недуга, то могутъ ли что съ нимъ сдѣлать даже самые знаменитые врачи. Такимъ же образомъ и грѣшникъ, хотя бъ учители церковные ясно въ немъ болѣзнь его доказали, и Богъ бы Самъ облегченія отъ той болѣзни ему всячески хотѣлъ, выздоровѣть, то есть получить отпущеніе грѣхамъ своимъ отъ Него не можетъ, ежели самъ не исповѣдуетъ себя быти грѣшника"(**). Обличаетъ проповѣдникъ и тѣхъ, которые, хотя не отрицали необходимости покаянія, но отлагали его до старости. „Молоды еще; зачѣмъ же цвѣтъ юности нашей воздержаніемъ помрачать; зачѣмъ имѣнія наши на нищихъ расточать; самимъ жить надо. Придетъ старость, покаемся: о грѣхахъ поболимъ, имѣнія вдовицамъ раздадимъ... Такую безпечность проповѣдникъ обличаетъ грознымъ словомъ Господа, сказаннымъ скупому богачу: „Безумне въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже собралъ еси кому будутъ."(***)

Чтобы призвать всѣхъ къ истинному покаянію, Гедеонъ указываетъ своимъ современникамъ, кромѣ мученій въ будущей жизни и на несчастія въ здѣшней жизни, какъ на слѣдствія гнѣва Божія за наши грѣхи. Замѣчательное слово,

(*) Поуч. слова Гед. ч. 1. стр. 23 на обор.
(**) Поуч. сл. іер. Гед. т. 1, стр. 96—97.
(***) Поуч. слова іером. Гедеона. Т. 1, стр. 222.

въ которомъ раскрывается эта мысль, было произнесено по случаю лиссабонскаго землетрясенія въ 1755 году. Оно также направлено противъ деистическихъ взглядовъ на это событіе. Вольтеръ написалъ по случаю землятресенія, бывшаго въ 1755 году въ Африкѣ и Испаніи поэму, въ которой провелъ ту мысль, что источникомъ всѣхъ явленій въ мірѣ, равно какъ и этого, служатъ непреложные законы, естество. Проповѣдникъ слова Божія взглянулъ на ужасы природы въ духѣ религіознаго ученія. Различныя бѣдствія, равно какъ и всѣ другія явленія въ жизни человѣка и вещественнаго міра имѣютъ источникомъ не естество, а противохристіанское поведеніе наше. Такова тема слова. Гедеонъ, подобно Златоусту, объятъ страхомъ не ради землетрясенія, а ради вины землетрясенія; онъ боится не того, что разрушаются города и гибнутъ люди, а того, что Богъ гнѣвается на землю: ибо вина землетрясенія есть гнѣвъ Божій, а вина гнѣва Божія наши грѣхи. «Не надобно, говоритъ онъ, совсѣмъ отвергать естественныхъ силъ. Но почему жъ не прежде; а въ это самое время, не въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура. Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ. Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли.... Нѣтъ, слушатели, не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждяй зло, по писанію, главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною.» (*) Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ переходитъ къ мысли о страшномъ судѣ, которому они служатъ какъ бы предвѣстниками.

Гедеону приходилось отвѣчать въ своихъ проповѣдяхъ на нѣкоторыя, по видимому ходячія въ то время, возраженія противъ христіанской морали. Такъ, нѣкоторые говорили, что священное писаніе налагаетъ на человѣка иго неудобоносимое и что законъ Божій, проповѣдуемый служителями алтаря, невозможно исполнить человѣку, живя въ мірѣ: чтобы исполнить его, нужно прекратить всякую связь съ міромъ и идти въ монастырь.(**) Другіе же, основываясь на лож-

(*) Поуч. слова архим. Гедеона, т. 2, стр. 215.
(**) Поуч. слова іером. Гед. т. 1, стр. 119—125.

номъ пониманіи ученія о предопредѣленіи, говорили, что напрасно и безполезно человѣку предпринимать что нибудь для своего спасенія; потому что предопредѣленіе Божіе не можетъ быть измѣнено никакими человѣческими усиліями; что Богъ каждому предопредѣлилъ, то и будетъ.(*) Противъ первыхъ проповѣдникъ вооружается сильнымъ словомъ своимъ, называетъ ихъ клеветниками на Бога; потому что если бы Богъ приказывалъ намъ дѣлать невозможное да еще бъ и наказывалъ за то, то Онъ былъ бы жесточайшій и неправеднѣйшій всякаго тирана: а мыслить такъ о благости Божіей ужасно. Что же касается того, будто можно исполнить волю Божію только монаху и отшельнику, проповѣдникъ говоритъ на это слѣдующее; „ап. Павелъ считаетъ послѣдователями Христовыми (Гал. 5 гл.) людей не по званію, или одеждѣ, или мѣсту, но по отверженію страстей и похотей. Ежели кто, хотя обрѣзалъ волосы (монахъ), а не обрѣзалъ воли своей, тотъ еще не отвергся себя. Напротивъ у кого, хотя и не обрѣзаны волосы, да обрѣзано сердце, тотъ, какого бы онъ званія ни былъ, прямой есть ученикъ и послѣдователь Христовъ. Напр. когда царь, ради покоя своихъ подданныхъ, презираетъ свой покой, — отвергся онъ себе самаго, и есть истинный послѣдователь Христовъ. Когда судья, ради любви Божіей, не беретъ взятковъ, не дѣлаетъ обидъ и всякихъ неправдъ,—отвергся онъ себе. Когда купецъ имѣетъ случай обманывать, но не обманываетъ приходящихъ къ нему для торгу, а безгрѣшные прибытки дѣлитъ съ бѣдными,—отвергся онъ себе и есть истинный послѣдователь Христовъ. Стало быть, во всякомъ званіи можно исполнять законъ Христовъ, а не въ одномъ только монашескомъ.“(**) Противъ вторыхъ проповѣдникъ доказываетъ и развиваетъ ту мысль, что предвѣдѣніе и предопредѣленіе Божіе не уничтожаетъ свободы воли человѣческой.(***)

Назидая самъ свою паству въ истинахъ православной вѣры и нравственности и обличая ее за уклоненіе отъ христіанскаго долга, Гедеонъ Криновскій приглашаетъ къ тому же

(*) Т. 1, стр. 230.
(**) Т. 1, стр. 120—121.
(***) Т. 1, стр. 231—240.

дѣлу пастырей церкви и совѣтуетъ имъ чаще говорить народу проповѣди; онъ укоряетъ ихъ за холодность и безжизненность ихъ проповѣдей, не рѣдко—за отсутствіе въ нихъ правды или боязни, или лести ради; убѣждаетъ ихъ защищать правду, безъ всякаго опасенія, потому что правда въ порфирѣ нынѣ предходитъ; потому что мы имѣемъ такую монархиню, желаніе которой видѣть и слышать въ своихъ подданныхъ одно добро.(*)

Онъ обращается къ родителямъ и воспитателямъ и внушаетъ имъ, чтобы они заботились о насажденіи добрыхъ началъ въ своихъ питомцахъ съ ихъ младенчества: потому что „привычка въ естество превмѣняется:" Кому внушены были добрыя правила съ дѣтства, тотъ останется съ ними на всю жизнь. Но людямъ времени Гедеона, кажется, неизвѣстна была сила этого закона. „Многіе родители не только отвращали своихъ дѣтей отъ праздности, дающей поводъ къ грѣхамъ, и отъ дурныхъ забавъ: но даже совѣтовали имъ это, чтобъ цвѣтъ юности ихъ отъ трудовъ не увядалъ. Другіе, хотя и отдавали своихъ дѣтей въ науки, да въ какія? Въ такія, что и стыдно поминать о нихъ. Не евангеліе, не законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества вдирали. Не правдѣ и благочестію; но ябедамъ и обманамъ учили. И чего жъ ожидать, говоритъ проповѣдникъ, отъ такихъ дѣтей? Волковъ хищныхъ, пардовъ лютыхъ, медвѣдей невоздержныхъ, либо какихъ другихъ скотовъ и звѣрей безчеловѣчныхъ." (**)

Красота слога, ясность рѣчи, живость воображенія и счастливый даръ произношенія составляютъ характеристическія черты проповѣднической дѣятельности Гедеона Кринovскаго. Чтобы сдѣлать мысль свою понятною для всѣхъ и живо напечатлѣть ее въ сердцахъ своихъ слушателей, онъ прибѣгаетъ къ примѣрамъ, сравненіямъ и картиннымъ изображеніямъ. Примѣры заимствуются имъ и изъ св. исторіи, и изъ исторіи гражданской, и изъ религіи языческой, и изъ исторіи естественной (***) Онъ не пренебрегалъ никакими средст-

[*] Т. 1, стр. 225—227.
[**] Т. 1, стр. 140—145.
(***) См. т. 1, стр. 97—98.

вами, дозволенными церковному оратору чтобы сдѣлать мысль свою ясною и убѣдительною для слушателей. О произношеніи его свидѣтельствуетъ митрополитъ Платонъ: „Гедеонъ такъ пріятно и сладостно произносилъ слова свои, что всѣ слушатели бывали какъ бы внѣ себя и боялись, чтобъ онъ не переставалъ говорить. Свойства онъ былъ горячаго сердца открытаго, говорилъ всегда свободно, обличалъ смѣло. чѣмъ и нажилъ себѣ недоброжелателей и подвергъ себя многимъ бѣдствіямъ. Истинною похвалою ему служитъ то обстоятельство, что даже тѣ, которые не любили его за свободу словъ, хвалили его за добросердечіе.“

Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій.

Жизнь Георгія Конисскаго; его историческое значеніе. Содержаніе и характеръ его проповѣдей: а) догматико-полемическихъ; б) нраво-обличительныхъ и в) политическихъ съ рѣчами привѣтственными. Языкъ и рѣчь [illegible] его проповѣдей. [illegible]

Георгій Конисскій родился въ 1717 году 20 ноября въ городѣ Нѣжинѣ. Родители его принадлежали къ старинной дворянской фамиліи. При крещеніи онъ названъ былъ Григоріемъ. Лѣта дѣтства онъ провелъ въ домѣ своихъ родителей, и получивъ отъ нихъ первоначальныя познанія въ наукахъ, на одиннадцатомъ году отъ рожденія былъ отправленъ въ кіевскую академію, при Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Здѣсь въ продолженіи пятнадцати лѣтняго курса ученія, Конисскій оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ богословскихъ и философскихъ, въ краснорѣчіи и стихотворствѣ, также въ исторіи и физикѣ. Кромѣ латинскаго языка, онъ изучилъ основательно языки: греческій, еврейскій и нѣмецкій. Окончивъ ученіе съ успѣхомъ, Конисскій, на 27 году отъ рожденія, рѣшился поступить въ иноческое званіе; и въ 1744 г. 11 августа. пострижень въ монахи и нареченъ Георгіемъ, по собственному его желанію, въ память того, что св. Георгій побѣдоносецъ почитаемъ былъ покровителемъ его родины. Въ 1745 г. Георгій былъ опредѣленъ учителемъ поэзіи въ кіевской академіи. Наставляя учениковъ своихъ

въ правилахъ стихотворства, онъ самъ въ часы досуга, упражнялся въ сочинении стиховъ, какъ на русско-славянскомъ языкѣ, такъ и на латинскомъ и польскомъ; писалъ драмы, сюжетомъ которыхъ были догматы православной вѣры, и давалъ ихъ для представленія ученикамъ академіи. Такъ, будучи уже іеромонахомъ, онъ въ 1747 г. написалъ драму: "Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, постраждущимъ неповинно въ вѣцѣ семъ, блаженно; а обидящимъ гибельно," въ пяти дѣйствіяхъ, въ пользу чающимъ онаго. Вскорѣ онъ сдѣланъ былъ профессоромъ философіи и префектомъ академіи; въ это время онъ написалъ полную систему науки философіи на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ Георгій возводится въ санъ архимандрита кіевскаго Богоявленскаго братскаго монастыря, назначается ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Трудясь для пользы науки, Георгій Конисскій говорилъ иногда въ Кіевѣ проповѣди, хотя и рѣдко, на дни и случаи, большею частію, торжественные. Изъ проповѣдей, говоренныхъ Конисскимъ въ Кіевѣ, извѣстны: одна на св. Пасху (1749 г.), двѣ въ пятокъ страстной седмицы, и одно надгробное слово, при погребеніи кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго (1747 г.), въ которомъ онъ трогательно описалъ добродѣтели этого святителя. Въ 1754 г. скончался могилевскій епископъ Іеронимъ Волчанскій, и на его мѣсто въ 1755 г. 20 августа произведенъ былъ Георгій Конисскій. Не смотря на запрещеніе папы и интриги Полоцкаго архіепископа, клонившіяся къ устраненію „схизматика" отъ могилевской каѳедры, Георгій получилъ отъ польскаго короля Августа III, еще прежде посвященія своего въ санъ епископа, подтвердительную грамату на бѣлорусскую епископію, со всѣми принадлежащими къ ней вотчинами и угодьями, что служило знакомъ особеннаго благоволенія къ нему короля. Принимая святительскій жезлъ, Георгій конечно зналъ, какіе великіе труды, опасности, гоненія предстояли ему на новомъ поприщѣ, въ краю чужомъ, отъ враговъ православія, сильныхъ числомъ, могуществомъ и ожесточеніемъ. Но, будучи одаренъ проницательнымъ умомъ, характеромъ рѣшительнымъ и осторожнымъ, ревнуя по вѣрѣ и твердо уповая на всесильный Промыслъ, защищающій право..., Георгій смѣло вступилъ на подвигъ служенія воинствующей бѣлорусской церкви.

Въ то время православная бѣлорусская церковь, состоя подъ владычествомъ короля польскаго и рѣчи Посполитой, испытывала самое жалкое положеніе. Римское и уніатское духовенство, опираясь на силу и своевольство гордыхъ магнатовъ, польскихъ и литовскихъ, стѣсняло православныхъ подданныхъ польскаго королевства до послѣдней крайности. Тысячи православныхъ жителей бѣлорусскихъ всѣхъ сословій принимали унію, будучи вынуждаемы къ тому разными обольстительными обѣщаніями, насиліемъ и даже мученіемъ. Православные храмы запрещено было возобновлять. Православнымъ епископамъ безъ одобренія вотчинниковъ и безъ согласія короля не дозволялось никого рукополагать во священники; а такъ какъ одобреніе давалось только тѣмъ, которые рѣшались быть уніатами, то, понятно, послѣдніе принимали рукоположеніе отъ полоцкаго уніатскаго архіерея. Пастыри, твердые въ вѣрѣ, изгонялись изъ приходовъ и домовъ своихъ, лишались всего имущества и принуждены были скитаться съ семействами, безъ крова и пропитанія. «Молчу, говоритъ преосвященный Георгій, о пастыряхъ бѣдныхъ, священствѣ нашемъ. Сколь многіе изъ нихъ изгнаны изъ домовъ, сколь многіе въ тюрьмахъ, въ ямахъ глубокихъ, въ псарняхъ вмѣстѣ со псами заперты были, гладомъ и жаждою моримы, сѣномъ кормлены; сколь многіе биты и изувѣчены, а нѣкоторые и до смерти убиты!» Стѣсняемые въ религіозномъ отношеніи, православные бѣлоруссы стѣсняемы были и въ ихъ гражданскихъ правахъ, хотя, по силѣ конституціи 1569 года, они должны были пользоваться всѣми правами свободныхъ подданныхъ. Вотъ въ какихъ разительныхъ чертахъ представляетъ Георгій безправное состояніе православныхъ бѣлоруссовъ: „Дворянству прегражденъ путь къ чинамъ и достоинствамъ; отняты у него вотчины, которыя были пожалованы ему за службу. Граждане изъ уряду гражданскаго выключены; излишними податями и другими тягостями не равно обременены; за тѣмъ всѣ вообще до послѣдней нищеты пришли. Духовные, властію и силою мірскою укрѣпляяся, гонятъ православный народъ, какъ овецъ не имущихъ пастыря, или до костеловъ, или до уніатскихъ церквей, гонятъ не точію изъ домовъ, но изъ самыхъ церквей нашихъ. И если поселяне или граждане слушать ихъ ученія и отъ вѣры своей отступить не хотятъ, тутъ они чинятъ ужасныя

угрожепія п страхованія: ставятъ висѣлицы, вкапываютъ столбы, возгнѣщаютъ костры; розги, тернія и другія мучительныя орудія представляютъ. Многіе разореніе домовъ и побои мучительные, другіе самую смерть претерпѣли.“ Среди такихъ опасностей Георгій принялъ управленіе Бѣлорусскою епархіею. Вступленіе свое онъ ознаменовалъ мудрыми пастырскими распоряженіями. Онъ нашелъ большую часть духовныхъ на весьма низкой степени просвѣщенія и зная, что просвѣщеніе духовенства всегда было вѣрною подпорою церкви, онъ обратилъ прежде всего свое вниманіе на устройство въ Могилевѣ семинаріи съ низшими классами; испросилъ для этого у русскаго правительства пособіе для содержанія наставниковъ и питомцевъ по 400 р. въ годъ, которое и производилось до того времени, когда устроилась настоящая семинарія. Для наученія и наставленія самихъ священниковъ, Георгій Конисскій напечаталъ „Катихизисъ или Сокращенное Христіанское ученіе“ Ѳеофана Прокоповича съ своими дополненіями, и книжку эту разослалъ во всѣ православныя церкви своей епархіи при окружной граматѣ. Въ этомъ пастырскомъ наставленіи онъ весьма трогательно убѣждаетъ духовенство поучать народъ истинамъ вѣры христіанской и вести жизнь богоугодную. Преосвященный старался всѣми мѣрами сохранить и церковныя имущества отъ похищенія врагами и корыстолюбивыми гонителями православія. Католики и уніаты, обращая православныя церкви въ католическія, первымъ долгомъ воимъ считали захватить письменные документы на церковныя угодья, чтобы гонимые не могли потомъ помышлять о возвращеніи отнятаго. Георгій Конисскій устроилъ при архіерейской каѳедрѣ особый архивъ и собралъ въ него значительное число разныхъ старинныхъ актовъ въ подлинникахъ и спискахъ. Такимъ образомъ онъ сберегъ ихъ отъ похищенія и потери,—сберегъ и интересы православныхъ церквей.

Между тѣмъ, какъ преосвященный Георгій прилагалъ такія попеченія объ устройствѣ и охраненіи своей паствы, враги православія не переставали дѣлать насилія и гоненія бѣлоруссамъ. Нужно было положить конецъ этому насилію и Георгій рѣшился прибѣгнуть къ заступленію могущественнаго двора Россійскаго. Онъ обращался нѣсколько разъ съ просьбою о помощи къ Елисаветѣ Петровнѣ и Петру III,

и они своими рескриптами и чрезъ посланниковъ внушали польскому двору, чтобы онъ не нарушалъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ народа бѣлорусскаго, и грозили такими мѣрами, которыя могутъ быть для поляковъ тягостны. Но Провидѣніе предоставило Великой Екатеринѣ совершить великое, спасительное дѣло освобожденія единовѣрныхъ, гонимыхъ въ Польской державѣ и положить конецъ страданіямъ ихъ. Въ 1772 году сентября 18 дня былъ подписанъ первый раздѣлъ Польши между Россіею, Пруссіею и Австріею, и Бѣлоруссія, въ которой было семь провинцій съ 1.360.000 жителей, присоединена была къ Россіи. Такимъ образомъ судьбы Всевышняго положили предѣлъ терпѣнію и страданіямъ православныхъ жителей Бѣлоруссіи, и Георгій, ревностный пастырь, мужественный подвижникъ Христовой церкви, окончивъ тяжкую, продолжительную борьбу «съ волками», сталъ отдыхать спокойно съ «овцами».

Но въ это время отдохновенія Георгій не переставалъ заботиться объ устройствѣ своей епархіи: а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ сочинилъ вмѣстѣ съ смоленскимъ преосвященнымъ Парѳеніемъ книгу „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ,“ которая, по изданіи въ свѣтъ, признана классическою, занимался также исторіею Малой Россіи и Бѣлоруссіи. И къ этимъ занятіямъ постоянно присоединялъ ревностное проповѣданіе слова Божія. Среди заботъ и попеченій о благосостояніи паствы своей, преосвященный не переставалъ заботиться и о просвѣщеніи духовнаго юношества. Въ 1780 году онъ построилъ новое огромное зданіе для семинаріи и открылъ въ ней каѳедры для наукъ философскихъ и богословскихъ, а также для языковъ еврейскаго и греческаго. За двадцати восьми лѣтніе труды въ пользу бѣлорусской церкви Георгій въ 1783 г. пожалованъ Императрицею въ архіепископы и члены Св. Синода. Въ 1787 году, во время путешествія Императрицы Екатерины въ Тавриду, онъ привѣтствовалъ ее прекрасною, неподражаемою рѣчью: „Оставимъ астрономамъ доказывать....“ за что получилъ отъ нея 2300 р. на устройство могилевскаго православнаго собора, монастыря и архіерейскаго дома. Послѣ этого онъ не видалъ больше Высочайшую покровительницу его паствы и доживалъ мирно дни свои, ведя простую и однообразную жизнь, соблюдая строгую умѣрен-

ность въ пищѣ и питіи и дѣлая ежедневныя уединенныя прогулки. Проживъ въ святительскомъ санѣ 40 лѣтъ, послѣ тяжкой продолжительной болѣзни, преосвященный Георгій скончался 1795 года февраля 13 дня.

Такимъ образомъ жизнь и дѣянія Георгія Конисскаго занимаютъ видное мѣсто въ исторіи русской церковной іерархіи. Его неусыпной пастырской ревности обязана Бѣлоруссія не только сохраненіемъ своей православной вѣры, но и освобожденіемъ ея отъ тяжелаго польскаго ига. Ему также принадлежитъ начало того великаго дѣла, которое недавно такъ счастливо кончилось для церкви,— разумѣемъ возвращеніе въ лоно православной церкви насильно отторгнутыхъ въ унію членовъ ея. Но не этимъ только Конисскій снискалъ себѣ историческую извѣстность и признательность потомства. Славный своимъ умомъ, извѣстный своею ученостію, онъ въ тоже время пріобрѣлъ себѣ и славу знаменитаго церковнаго оратора, восхищавшаго слушателей своими умными и трогательными проповѣдями и удивлявшаго иногда своимъ краснорѣчіемъ даже иностранцевъ.(*)

Содержаніе и характеръ проповѣдей Георгія Конисскаго опредѣляется временемъ, въ которое онъ жилъ, а также и особенными обстоятельствами, среди которыхъ жило въ его время бѣлорусское общество. Духъ невѣрія, проникшій съ запада въ такъ называемое образованное общество нашихъ столичныхъ городовъ, успѣлъ заразить и образованное общество бѣлорусское, которое, охотно подчиняясь вліянію антирелигіозныхъ идей модной философіи, проводило въ жизнь новыя начала, несогласныя съ ученіемъ христіанскимъ. Съ другой стороны религія народа подвергалась опасности быть уничтоженною хитростію, интригами и насиліемъ іезуитовъ и уніатовъ. Тому же подвергалась честь, свобода и жизнь народа. Всѣ эти событія и явленія, совершавшіяся вокругъ Георгія Конисскаго, чутко отзывались въ душѣ его и находили для себя то или другое сужденіе въ его проповѣдномъ словѣ.

Сообразно съ предметами, которыхъ касался Георгій Ко-

(*) Смотр. приложеніе къ 1 ч. поучительныхъ словъ архіепископа Георгія Конисскаго.

нисскій въ своихъ проповѣдяхъ, послѣднія могутъ быть раздѣлены на три категоріи: а) на слова догматико-полемическія; б) нраво-обличительныя слова и в) рѣчи политическія и рѣчи привѣтственныя.

Распространеніе невѣрія и вольнодумства въ тогдашнемъ бѣлорусскомъ образованномъ обществѣ сильно поражало Конисскаго. Онъ скорбѣлъ объ этомъ и своимъ проповѣднимъ словомъ старался содѣйствовать охраненію вѣры и противодѣйствовать разливу новаго невѣрующаго направленія. Но онъ, подобно Гедеону Криновскому, не пускался въ полемику съ ложными воззрѣніями, а довольствовался простымъ, удобопонятнымъ раскрытіемъ евангельской истины и тѣмъ побѣждалъ умы, возносящіеся на разумъ Божій. Всѣ почти догматы христіанскіе подвергались сомнѣнію или отрицанію со стороны вольнодумцевъ. Промыслъ Божій, тайна искупленія, безсмертіе души, вѣчныя награды и наказанія и другіе догматы, какъ непонятные для человѣческаго ума, отвергались и ниспровергались раціоналистами; особенно камнемъ претыканія былъ для тогдашнихъ вольнодумцевъ догматъ объ искупленіи міра смертію Сына Божія. Георгій возвышалъ свой голосъ истины противъ криковъ неправды. Въ словѣ въ день св. апостоловъ Петра и Павла, выходя изъ текста: „кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго“ (Мат. 16, 13), проповѣдникъ такъ начинаетъ свою проповѣдь: „Не вопрошай нынѣ, Христе Спасителю, кого тебе быти глаголютъ нынѣшняго вѣка человѣцы. Конечно, на такой вопросъ худшій получиши отвѣтъ, нежели отъ Твоихъ апостоловъ. До того мы, христіане, дожили, что въ самый полдень свѣта не видимъ... Когда свѣтъ ученія Христова началъ только, какъ заря утренняя, показываться, и тогда человѣцы называли Христа — одни Іоанномъ Крестителемъ, другіе Иліею, третіе Іереміею, иные однимъ изъ пророкъ (Мѳ. 16, 14). Теперь же, облиставшей проповѣди евангельской во весь міръ, изшедшу вѣщанію апостольскому во всю землю и во всѣ концы вселенныя глаголамъ ихъ, растлѣнные вѣка сего человѣцы, среди христіанства родившіеся и млекомъ матери — церкви православныя отдоенные, богохульными устами своими дерзаютъ нарицать Христа единымъ не отъ пророкъ, но отъ лжепророкъ, и научившись отъ христоубійцъ іудеевъ, часто вмѣстѣ съ ними приговари-

ваютъ: „сей аще не бы былъ злодѣй, не бы былъ преданъ Пилату на смерть“ (Іоанн. 18. 30) (*) Основанія, на которыхъ опирались вольнодумцы изъ паствы Георгія Конисскаго для отверженія Іисуса Христа, какъ Сына Божія, были тѣже самыя, что и въ петербургскомъ столичномъ обществѣ, которое обличалъ Гедеонъ Криновскій: отверженіе подлинности ветхаго и новаго завѣта, непризнаніе событій чудесныхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ напр., воплощенія Сына Божія, Его чудесъ и воскресенія Его изъ мертвыхъ; а также перехода израильтянъ чрезъ чермное море, изведенія воды изъ камня и т. п. Проповѣдникъ говоритъ, что новозавѣтная проповѣдь апостольская убѣдила весь міръ вѣровать во Христа ни чѣмъ другимъ, а чудесами. За отверженіе подлинности ветхаго и новаго Завѣта онъ называетъ вольнодумцевъ «невѣждами.» (**) Не признавая въ лицѣ Іисуса Христа Божественнаго посланника, вольнодумцы отрицали самую нужду искупленія на томъ основаніи, что будто Богъ, по своему безконечному милосердію, можетъ и безъ того простить согрѣшившихъ. Но Конисскій доказываетъ имъ, что совершенства Божіи всѣ равны между собою, — ни милость не больше правды, ни всемогущество не выше премудрости, что всѣ онѣ согласуются между собою во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. „Въ противномъ бо случаѣ, милость Божія, безъ правды разсуждаемая, представитъ тебѣ не Бога истиннаго, но потатчика беззаконія; напротивъ, правда безъ милости вообразитъ тебѣ тирана вмѣсто Бога.“ (***)

Обличаетъ Георгій Конисскій изъ своихъ современниковъ тѣхъ, которые держались протестантскаго мнѣнія, что спасеніе предопредѣлено и благовѣствуется не для всѣхъ людей, а только для избранныхъ Божіихъ. Также направляетъ свое слово противъ современнаго ему іудейства, съ его обрядами и обычаями, и противъ магометанъ. Въ словѣ на Благовѣщеніе Пресв. Богородицы Конисскій изъясняетъ многіе тексты св. писанія, доказывающіе всеобщность спасенія, кратко излагаетъ исторію благовѣстія отъ Адама до апостоловъ, прошедшихъ съ проповѣдію Евангелія весь міръ и указы-

(*) Поучит. слова Георг. Конисск. т. 1 224—226 стр. Изд. 1835 г.
(**) Собр. соч. ч. 1, стр. 100, 223.
(***) Ч. 1 стр. 59.

ваетъ многія мѣста въ Азіи и Африкѣ и разные острова, гдѣ была проповѣдуема вѣра христіанская послѣ апостоловъ и гдѣ теперь проповѣдуется европейскими миссіонерами (*) Іудействующихъ современниковъ проповѣдникъ обличаетъ за то, что они приносятъ въ очищеніе грѣховъ своихъ жертву, подобно іудеямъ. „На праздникъ, бываемый у нихъ въ сентябрь мѣсяцѣ, они покупаютъ пѣтуховъ, индѣ бѣлыхъ, а здѣ у насъ черныхъ, и оборотивъ ихъ около головы съ нашептываніемъ грѣховъ своихъ, варятъ оные и ѣдятъ.“ Изрядная жертва! — говоритъ проповѣдникъ; стоитъ предложена быть правдѣ Божіей, огнемъ на грѣшники взирающей! Сами пѣтухи оные, когда бъ могли заимствовать гласа человѣческаго, какъ ослица Валаамова, сказали бъ предъ судомъ Божіимъ: да они жъ, Господи, нашептавъ на насъ грѣхи, съ грѣхами своими и поѣли насъ.“ За тѣмъ проповѣдникъ приводитъ на судъ магометанъ и показываетъ тщетную надежду ихъ на пророка Магомета.(**)

Кромѣ вольнодумства и невѣрія, господствовавшаго преимущественно въ образованномъ кругу бѣлорусскаго общества, была еще опасность для православной церкви со стороны католичества. Католическая пропаганда употребляла всевозможныя усилія, какъ мы видѣли въ обозрѣніи жизни Конисскаго, чтобы подавить православіе въ могилевской епархіи, которая одна только въ областяхъ подвластныхъ польши оставалась вѣрною древнему благочестію. Георгій не велъ нарочитой полемики съ католичествомъ, считая лучшимъ не раздражать жестокихъ враговъ православія рѣзкимъ словомъ обличенія; но для предохраненія своихъ пасомыхъ слегка указывалъ на несостоятельность нѣкоторыхъ пунктовъ ученія римской церкви. Такъ онъ говоритъ объ уклоненіи католиковъ отъ никейскаго символа въ прибавленіи „отъ Сына,“ противъ главенства папы и т. п (***) Вообще же въ своихъ обличеніяхъ католиковъ Конисскій сдержанъ и остороженъ, тогда какъ въ обличеніяхъ противъ вольнодумцевъ бранчивъ и рѣзокъ; послѣднихъ онъ называетъ «скотскими философами», „студомъ и мерзостію рода человѣческаго.“ „хви-

(*) Ч. 1 стр. 135—137.
(**) Рук. д. с. паст. 1871 г. т. 2, стр. 507 (изъ рукоп. кіевск. акад.).
(***) Собр. соч. Кон. ч. 2, стр. 102.

лозопами“ (невѣждами), «безмозглыми мудрецами» и т. п.(*)

Нравственныя проповѣди Георгія Конисскаго проникнуты такимъ же обличительнымъ характеромъ, какъ и догматическія его проповѣди. Жизнь современнаго ему общества почти на каждомъ шагу указывала большіе недостатки и рѣзкія отступленія отъ требованій истиннаго христіанскаго долга и требовала исправленія. Послабляющая мораль модной философіи XVIII в. много содѣйствовала ослабленію добрыхъ привычекъ и усиленію безнравственности въ обществѣ. Современники Георгія мечтали, что безъ исполненія Божественнаго закона можно быть высоконравственнымъ человѣкомъ, повинуясь одному голосу совѣсти и требованію духовной природы,—и вотъ естественная честность и благородство сдѣлались главными руководительными началами человѣческой жизни и дѣятельности. Предписанія положительнаго закона уступили мѣсто понятію чести и приличія; но это понятіе, слишкомъ неопредѣленное само по себѣ, въ жизни вело къ жалкимъ результатамъ.

Основной мотивъ нравственныхъ проповѣдей Георгія Конисскаго,— общій съ другими проповѣдниками нравственнаго направленія. Мотивъ этотъ можно выразить такъ: все, что здѣсь насъ занимаетъ и за чѣмъ мы гоняемся, все это— одна тѣнь, которая не можетъ удовлетворить нашего духа; наше истинное бытіе на небесѣхъ, и та дѣйствительность, которою болѣе всего мы должны интересоваться— это будущія награды и наказанія. Поэтому проповѣдникъ, то грустить, когда видитъ, что слушатели гоняются за суетою міра, то обличаетъ и угрожаетъ страшнымъ судомъ, когда замѣчаетъ въ нихъ пороки.

Сильно оскорбляла благочестивое чувство пастыря «застарѣлая язва» лихоимства и неправды въ судахъ. Не говоря уже о томъ времени, когда Бѣлоруссія находилась въ угнетеніи подъ властію польскаго правительства, когда бѣдному человѣку искать судебнаго удовлетворенія значило искать того, чего нельзя найдти; но и послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи и послѣ водворенія въ ней лучшаго порядка, по прежнему «олтари святые Божіи», т. е. судеб-

*) Рук. д. с. Пост. 1871 г. г. 2, стр. 311 (изъ рук. Кіев. Акад.).

ныя мѣста, говоритъ Конисскій, — „въ пещеры разбойниковъ" превращаются, мѣсто самаго Бога лихоимцы засѣли; вопіетъ разоренный неправедно, а разоритель пляшетъ. Не смѣетъ вдовица, не смѣетъ церковникъ обиженный приступити къ „язвинамъ симъ разбойническимъ," и обиду свою не инако, какъ на судъ Божій возлагаетъ."(*) Георгій обличаетъ въ лихоимствѣ не только мелкихъ взяточниковъ, но безбоязненно обращаетъ слово свое и къ лицамъ высокопоставленнымъ, которые „гремятъ указами" о храненіи государственнаго, а при томъ имѣютъ „искустныхъ кондукторовъ, которыми сіи громы и молніи низводятся, но не въ воду, а въ карманы ихъ, и тамъ непримѣтно изчезаютъ."(**)

Конисскій не могъ равнодушно смотрѣть также на чрезмѣрную роскошь аристократіи и крайнюю бѣдность и униженіе простаго народа, страдавшаго преимущественно отъ тяжести крѣпостнаго рабства. Помѣщики считали себя вправѣ распоряжаться самовластно, не только собственностію своихъ крестьянъ, но даже и жизнію ихъ, и потому обращались съ ними какъ хотѣли. Конисскій, желая облегчить участь своего народа, часто направлялъ свое сильное слово противъ жестокаго обращенія господъ съ своими подданными. Въ проповѣди на Рождество Христово онъ сравниваетъ бѣлорусскій народъ съ младенцами виѳлеемскими, отъ Ирода избіенными; «о вопляхъ этого народа можно смѣло сказать оное евангельское и пророческое слово, что и въ нашихъ селахъ, какъ древле въ Виолеемѣ, слышится плачь и рыданіе и вопль многъ. Рахиль—нація наша, плачущися чадъ своихъ, отъ глада, отъ притѣсненія и нужды тысячами умирающихъ, не хощетъ утѣшитися, яко не суть."(***)

Болѣе всего оскорбляло благочестивую душу Георгія нарушеніе святости брака и пренебреженіе къ требованіямъ цѣломудрія; потому что этотъ порокъ болѣе другихъ былъ распространенъ въ современномъ ему бѣлорусскомъ обществѣ. Люди, преимущественно высшаго класса, такъ свыклись съ этимъ порокомъ, что уже не стыдились; а готовы были, пожалуй, хвалиться имъ. „Гдѣ нынѣ сыскать цѣломудріе, —го-

---

[*] Собр. соч. Кон. ч. II, стр. 107—119.
[**] Ч. 2, стр. 168.
[***) Рукоп. кіевск. акад. слово 21.

воритъ Конисскій въ проповѣди на день св. великом. Екатерины, -гдѣ сыскать сего феникса, сію птицу прерѣдкую, и какъ бы лебедя чернаго и ворона бѣлаго, въ нашемъ вѣкѣ среди самаго христіанства? Не одно-ль перье златозарное видится на насъ?(*)

Въ особенности невыгодно смотритъ Конисскій на нравственность большихъ городовъ, которые представляются ему главными притонами и разсадниками разврата. „Подлинно, нѣтъ мѣры, нѣтъ числа и конца студодѣяніямъ нашимъ! Теперь и у насъ стало, что улица — то блудница, что домъ— то Содомъ, что дворъ—то Гоморръ.(**) „О св. Давиде! ты въ свое время, обходя города, видѣлъ въ нихъ беззаконіе и пререканіе (ис. 54, 11). Когда бъ ты въ нашъ Могилевъ зашелъ, ты удесятирилъ бы жалобную пѣснь твою; ты сказалъ бы, что въ городѣ нѣтъ уголка, въ коемъ не было бы блуда, насилія и неправды, лихоимства и обмана."(***)

Жизнь простыхъ сельскихъ людей, вдали отъ большихъ городовъ, представлялась ему гораздо чище, чѣмъ жизнь горожанъ. „Въ селахъ совсѣмъ другое,— говоритъ онъ. Блудъ тутъ тайный и рѣдкій; а когда сіе случится, то бракоокрадованную невѣсту, послѣ брака, не священникъ руками священными украшаетъ „наметкою" (головная повязка замужнихъ женщинъ), но послѣдній изъ громады вилами навозными знакъ бракоокраденія на нее накидаетъ,"(****) (обычай, существовавшій въ Бѣлоруссіи). Торговыя и хозяйственныя сношенія сельскихъ жителей съ городскими давали возможность первымъ знакомиться съ дурными привычками последнихъ. „Привозятъ поселяне въ городъ пшеницу, - говоритъ Конисскій, —а отвозятъ отъ насъ въ свои домы мерзостные примѣры необузданнаго разврата.... И такъ, о Давиде! хотя бы ты въ нынѣшнія времена(*****) пристроилъ себѣ и крилѣ голубинѣ, и захотѣлъ вылетѣть изъ города, то и въ селахъ не найдешь себѣ покоя. И села уже беззаконіями начинаютъ превращаться въ города, и земля прежде благо-

(*) Ч. II, стр. 95.
[**] Ч. 1, стр. 249.
(***) Ч. 1, стр. 172.
(****) Ч. 1, стр. 173.
(*****) 1810 г.

плодная, вмѣсто пшеницы, приноситъ нынѣ терніе и волчецъ."(*)

Не щадилъ Георгій Конисскій и священниковъ, когда замѣчалъ отступленіе и неправильность въ отправленіи ими своихъ пастырскихъ обязанностей. Прежде всего онъ замѣтилъ, что большая часть священниковъ пренебрегаютъ обязанностію церковнаго учительства, никогда не проповѣдуютъ народу слова Божія, главнымъ образомъ потому, что сами были крайними невѣжами въ предметахъ вѣры и «ни членовъ вѣры христіанской не знали, ни силы закона Божія не разумѣли.»(**) Крайнее невѣжество священниковъ побудило Георгія позаботиться объ образованіи ихъ. Съ этою цѣлію онъ напечаталъ катихизисъ Ѳ. Прокоповича со многими собственными дополненіями, и разослалъ эту книгу во всѣ православныя церкви своей епархіи, при особомъ пастырскомъ наставленіи, въ которомъ, какъ мы уже замѣчали, весьма трогательно убѣждаетъ духовенство поучать народъ истинамъ вѣры христіанской и по вѣрѣ вести жизнь благоугодную. Кромѣ невѣжества Георгій обличаетъ въ священникахъ страсть къ корыстолюбію; въ словѣ на текстъ: «и овцы своя глашаетъ по имени (Іоанн. 3, 2), онъ спрашиваетъ: «знаемъ-ли, о братія—пастыри, по имени овецъ, намъ порученныхъ? Знаемъ, конечно, хотя не всѣхъ. А для чего не всѣхъ? И по коимъ примѣтамъ однѣхъ знаемъ, а другихъ знати не хотимъ? Удобный отвѣтъ: «знаемъ жирнѣйшую, молоко дающую и волну приносящую, знаемъ, гогорю, прихожанина не скудно живущаго и попу отъ имѣнія своего удѣляющаго, «но нищетнаго», съ коего ни волны, ни молока добиться нельзя, такого и знати не хотимъ.»(***) Обличалъ Георгій Конисскій пастырей и за небрежность ихъ въ отправленіи самаго Богослуженія.(****)

Изъ историческихъ рѣчей Георгія Конисскаго извѣстны тѣ, которыя онъ говорилъ предъ высочайшими особами, изображалъ бѣдственное положеніе бѣлорусскаго народа и просилъ у нихъ защиты этому народу. Такъ 22-го сентяб-

---

(*) Ч. 1, стр. 176.
(**) Ч. II, стр. 132.
(***) Рук. Кіев. акад. слов. 53.
(****) Собр. соч. Кон. ч. 1, стр. 202.

ря 1762 г., присутствуя въ Москвѣ при коронованіи Импер. Екатерины, Георгій Конисскій сказалъ рѣчь предъ трономъ Императрицы. Въ этой рѣчи онъ изобразилъ бѣдствія своей паствы и, умоляя ее о защитѣ, какъ бы пророческимъ духомъ предвѣщалъ близкую отраду и избавленіе.(*) Екатерина милостиво внимала жалобамъ Георгія и, одушевляемая благочестивою ревностію по вѣрѣ, твердо рѣшилась принять гонимыхъ подъ свою защиту. Другая замѣчательная рѣчь въ защиту бѣлоруссовъ сказана Георгіемъ предъ Станиславомъ Понятовскимъ, вступившимъ на польскій престолъ послѣ смерти Августа III. Рѣчь эта сказана на латинскомъ языкѣ.(**) Станиславъ, тронутый разительнымъ изображеніемъ страданія своихъ подданныхъ, хотѣлъ помочь несчастнымъ, но его намѣреніе встрѣчено было на сеймѣ сильнымъ негодованіемъ и сопротивленіемъ со стороны католическаго духовенства и католической шляхты: жестокости и насилія продолжались по прежнему. Тогда Екатерина велѣла войскамъ двинуться въ польскія области. Русскіе полки прошли Варшаву и заставили смириться непокорныхъ магнатовъ, которые на сеймѣ положили возвратить диссидентамъ всѣ прежнія права и обезпечить неприкосновенность этихъ правъ особыми постановленіями. Всѣ православные исполнились радостною, надеждою скораго избавленія и благодарностію къ своей покровительницѣ. Эти чувства нашли себѣ выраженіе въ церковномъ словѣ Конисскаго, произнесенномъ въ день рожденія Императр. Екатерины II (21 апр. 1767 г.) изъ текста: «благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ» (Лук. 1, 68). Въ этомъ словѣ, онъ, по обычаю, изображаетъ полуторастовѣковое страданіе бѣлоруссцевъ подъ властію поляковъ; изображеніемъ дѣлъ Екатерины и похвалою ей оканчиваетъ свое замѣчательное историческое слово. Въ 1772 году, когда, по первому раздѣлу Польши, Бѣлоруссія возвращена была Россіи и страданія православныхъ прекратились, Конисскій отправился въ Петербургъ и сказалъ предъ лицемъ Екатерины прекрасную рѣчь, въ которой каждая мысль, каждое слово дышало чувствованіями благоговѣнія и благодарности (***)

(*) Ч. 1, стр. 286—289.
(**) Ч. II, стр. 120—130.
(***) Ч. 1, стр. 290—294.

Кромѣ дѣла освобожденія бѣлоруссовъ, Екатерина совершила много другихъ дѣлъ, не менѣе важныхъ означеннаго, Но у Конисскаго мы не находимъ похвалъ Екатеринѣ за каждое ея учрежденіе и дѣйствіе. Въ своихъ привѣтственныхъ рѣчахъ онъ хвалитъ величіе ея характера и необыкновенныя качества ея души и сердца.

Преосвященный Тихонъ, епископъ Воронежскій и Елецкій.

Происхожденіе Тихона. Первоначальное воспитаніе его въ домѣ отца. Печальная судьба Тихона до поступленія въ школу. Первоначальное пребываніе въ школѣ; поступленіе на казенное содержаніе. Успѣхи его въ школѣ. Преподаваніе риторики по окончаніи курса въ новгородской семинаріи. Принятіе монашества. Архимандритство и ректорство въ тверской семинаріи. Тихонъ—епископъ Ладожскій, потомъ Воронежскій и Елецкій. Заслуги его по устройству воронежской епархіи и по религіозному просвѣщенію ея. Дѣятельность Тихона на покоѣ въ задонскомъ монастырѣ. Любовь его къ бѣднымъ и другимъ несчастнымъ. Смерть Тихона. Значеніе жизни Св. Тихона; любовь къ нему паствы. Проповѣдническая дѣятельность преосв. Тихона. Содержаніе, внѣшнія и внутреннія качества проповѣдей Тихона.

Преосвященный Тихонъ родился въ 1724 г. въ новгородской губерніи, валдайскаго уѣзда отъ дьячка Саввы Кириллова и при крещеніи названъ былъ Тимоѳеемъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ родительскомъ, гдѣ оставался до 14 лѣтъ; потому что отецъ его былъ бѣденъ и не могъ отдать его въ училище. Между тѣмъ въ 1737 году послѣдовалъ указъ Императрицы Анны Іоанновны, которымъ повелѣвалось сдѣлать церковно служительскимъ дѣтямъ разборъ, и лишнихъ, особенно не учащихся, отдать въ военную службу. Это обстоятельство заставило тогда церковно-служителей на послѣднія свои крохи отдавать своихъ дѣтей въ бывшую тогда при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ духовную славянскую школу; потому что полной семинаріи въ Новгородѣ еще не было. Но мать Тимоѳеева, (отецъ его умеръ) по бѣдности своей, не могла этого сдѣлать и чтобы сбыть его съ рукъ, для облегченія собственнаго пропитанія, привезла его въ Новгородъ на разсмотрѣніе начальства, которое назначило его къ исключенію изъ духовнаго званія и къ опредѣленію въ военную ариѳмети-

ческую школу. Но провидѣнію угодно было направить его на другой путь. Старшій братъ Тимоѳея, бывшій тогда дьячкомъ въ Новгородѣ, сжалясь надъ участію своего младшаго брата, при всей своей бѣдности, употребилъ всѣ средства, чтобы опредѣлить его въ духовное училище, куда Тимоѳей и поступилъ 11 декабря 1738 г. Тимоѳей, учась въ школѣ, упражнялся и дома подъ надзоромъ брата въ чтеніи полезныхъ книгъ, а въ свободные часы пріобрѣталъ самъ себѣ пропитаніе, нанимаясь у огородниковъ копать гряды. Въ 1740 г., когда въ Новгородъ переведенъ былъ вологодскій епископъ Амвросій Юшкевичъ, начала устроиваться семинарія и приводиться въ порядокъ всѣ школы. Всѣхъ учениковъ въ школѣ при архіерейскомъ дворѣ было до тысячи. По устройствѣ семинаріи въ нее взяты были только, надежные; а лучшіе изъ нихъ 200 человѣкъ получили казенное содержаніе. Въ томъ числѣ былъ и Тимоѳей Соколовъ. Въ семинаріи Тимоѳей Соколовъ обучался синтаксису, поэзіи, риторикѣ, греческому языку, философіи и богословію; былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ и пріобрѣталъ любовь и уваженіе какъ семинарскихъ начальниковъ и наставниковъ, такъ и архипастыря, которымъ тогда былъ Стефанъ Калиновскій. Въ 1750 году ему, еще бывшему въ богословскомъ классѣ, поручено было преподавать греческій языкъ въ семинаріи, и онъ велъ это дѣло четыре года (тогда богословскій курсъ былъ четырегодичный) съ полнымъ успѣхомъ. По окончаніи курса, онъ опредѣленъ былъ учителемъ риторики. Еще на школьной скамьѣ Тимоѳей Соколовъ почувствовалъ склонность къ монашеству; но разныя обстоятельства мѣшали ему нѣкоторое время привести въ исполненіе свое желаніе; съ одной стороны родные не желали, чтобы онъ былъ монахомъ, съ другой въ то время новгородская паства не имѣла епископа и была безъ пастыря четыре года. Въ 1757 году назначенъ былъ въ Новгородъ архіепископомъ рязанскія епископъ Димитрій Сѣченовъ и Тимоѳей немедленно заявилъ ему о своемъ давнемъ желаніи принять монашество. Желаніе его было исполнено: въ 1758 году онъ былъ постриженъ въ монахи и нареченъ Тихономъ. Въ томъ же году онъ получилъ степень іеродіакона, а потомъ іеромонаха. Въ слѣдующемъ году онъ переводится въ Тверь въ помощники преосвященному Аѳанасію и возводится въ санъ архимандрита съ опре-

дѣленіемъ на должность ректора тверской семинаріи и учителя богословія. Въ 1761 году былъ хиротонисанъ во епископа ладожскаго съ тѣмъ, чтобы быть викаріемъ новгородскаго архіепископа Димитрія Сѣченова, который, находясь постоянно въ Петербургѣ, не могъ самъ заниматься дѣлами епархіи. Такимъ образомъ на 37 году своей жизни Тихонъ получилъ жезлъ пастырства и началъ пасти словесное стадо Христовыхъ овецъ наставленіемъ и примѣромъ. Въ 1762 г., когда Св. Синодъ для совершенія коронованія Императрицы Екатерины II отправился изъ С.-Петербурга въ Москву, преосвященному Тихону Высочайше повелѣно было председательствовать въ этой конторѣ и поэтому онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Отсюда въ 1763 году, по смерти воронежскаго епископа Іоанникія, Тихонъ былъ назначенъ епископомъ воронежскимъ и елецкимъ.

Какъ воронежская паства тогдашняго времени была совершенно непросвѣщенная, не знакомая съ самыми первоначальными истинами православной вѣры и всецѣло преданная старымъ языческимъ обычаямъ и привычкамъ, такъ и пастыри ея не многимъ чѣмъ отличались отъ своего народа по всѣмъ означеннымъ свойствамъ. Въ Воронежѣ въ то время еще не было семинаріи и священниками дѣлались часто самоучки, плохо бредущіе по церковнымъ книгамъ; даже предшественникъ Тихона преосвященный Іоанникій былъ самъ изъ неучившихся въ школѣ. Трудно было ожидать отъ такихъ сѣятелей какого нибудь добраго сѣмени. Почва была совершенно непочатая и преосв. Тихону предстоялъ не человѣческій трудъ, чтобы поднять эту почву и посѣять въ ней доброе сѣмя. Онъ взялся за это дѣло, и неусыпно работалъ надъ нимъ до самой своей смерти, даже и тогда, когда былъ на покоѣ. Первымъ дѣломъ преосвященнаго Тихона было приготовить для паствы хорошихъ священниковъ. Поэтому онъ поспѣшилъ устроить семинарію, хотя это ему стоило большихъ хлопотъ и трудовъ; потому что на содержаніе семинаріи не полагалось тогда никакихъ штатовъ; и только въ 1765 году, когда воронежская семинарія снабжена была по штатамъ годовымъ жалованьемъ въ 653 р. 55 к., преосв. могъ привести дѣло устройства семинаріи къ окончанію. Онъ вызвалъ хорошихъ учителей изъ кіевской академіи и харьковскаго коллегіума для семинаріи и неусыпно

заботился объ устройствѣ въ ней порядка преподаванія. Для просвѣщенія народа и семинаристовъ онъ учредилъ съ 1765 года „катихизическія поученія“ въ соборѣ по воскреснымъ днямъ. Дѣло это было поручено діакону собора, бывшему студенту московской академіи. Кромѣ этого онъ писалъ и разсылалъ какъ священникамъ, такъ и народу разныя наставленія: первымъ относительно ихъ нравственныхъ и пастырскихъ обязанностей; вторымъ о ихъ христіанскихъ обязанностяхъ. Въ 1765 году, напримѣръ, имъ издано было «наставленіе священнослужителямъ, предостерегающее ихъ отъ пьянства, увѣщаніе къ непраздномыслію, къ братолюбію и прощенію обидъ, къ достойному приуготовленію себя на священнослуженіе, къ надлежащему продолженію онаго, къ внимательному чтенію Евангелія и посланій, къ прилежному исповѣданію грѣшныхъ, къ утѣшенію въ болѣзни лежащихъ и т. п.“ Въ руководство духовныхъ правленіи онъ сочинилъ увѣщаніе о сохраненіи правосудія и присяги. Наставленія, написанныя для народа, онъ приказалъ священникамъ чаще прочитывать въ церквахъ и напоминать о написанномъ въ нихъ при всякомъ случаѣ. Кромѣ общихъ наставленій, разсылаемыхъ народу, неусыпный пастырь не рѣдко посылалъ по церквамъ поученія и по какимъ нибудь случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ зорко слѣдилъ онъ за своею паствою. Поучая свою паству чрезъ проповѣдническія посланія, преосвященный Тихонъ въ то же время поучалъ собственно воронежскую паству проповѣдями съ церковной каѳедры. Къ сожалѣнію здѣсь онъ говорилъ больше импровизаціи и записанныхъ проповѣдей изъ сказанныхъ имъ на церковной каѳедрѣ воронежскаго каѳедральнаго собора дошло до насъ только 10.

Между тѣмъ здоровье преосвященнаго Тихона отъ такихъ трудовъ и ревности къ исправленію своей паствы начинало слабѣть. Онъ отъ природы былъ чувствительнаго сердца и дѣятельнаго духа. Неутомимость его простиралась до того, что онъ часто проводилъ цѣлыя ночи безъ сна и не могъ успокоиться, пока не окончитъ своего дѣла. Вмѣсто отдыха онъ занимался чтеніемъ святыхъ отцевъ, въ особенности, Златоуста, который былъ самымъ любимѣйшимъ его учителемъ. Поэтому-то Златоустовъ духъ и слогъ повсюду отзываются во всѣхъ его сочиненіяхъ. Для собесѣдованія

съ пріѣзжающими къ нему меньше всего употреблялъ онъ времени. Самыя свои собесѣдованія съ ними онъ наполнялъ больше благочестивыми и нравоучительными разсужденіями. Но людямъ бѣднымъ и нищимъ былъ всегда къ нему свободный доступъ. Чувствительное сердце его никакимъ предметомъ столь страстно не занималось, какъ вспоможеніемъ бѣдности и утѣшеніемъ скорби. Не довольствуясь частымъ принимамеіемъ нищихъ въ своемъ домѣ, онъ имѣлъ еще обыкновеніе каждый праздникъ Пасхи, Рождества Христова и въ иные нѣкоторые случаи разсылать по нѣскольку денегъ въ богадѣльни, въ острогъ и къ другимъ заключенникамъ на милостыню. Иногда даже самъ, переодѣвшись въ простое монашеское платье, по вечерамъ въ помянутые дни пріѣзжалъ въ жилища ихъ, и, подавая милостыню, дѣлалъ имъ наставленія къ терпѣнію, увѣщанія и утѣшенія.

Съ такимъ настроеніемъ сердца, при пастырскихъ трудахъ и подвигахъ и многихъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ съ разныхъ сторонъ въ исполненіи имъ своихъ намѣреній и начинаній, преосв. Тихонъ получилъ расположеніе къ нервнымъ болѣзнямъ и впалъ въ совершенную ипохондрію. Частая безсонница и тревоги начали останавливать дѣла его, такъ что онъ рѣшился лучше не занимать мѣста пастыря, чѣмъ упускать свои обязанности. Въ половинѣ 1767 года онъ послалъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности и о дозволеніи для покоя избрать себѣ монастырь въ той же епархіи. Его желаніе было исполнено и онъ получилъ увольненіе съ пенсіею по 500 р. въ годъ. Такимъ образомъ воронежская паства пользовалась примѣромъ и ученіемъ этого пастыря только 4 года и 7 мѣсяцевъ и разлучилась съ нимъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1767 года.

По оставленіи епархіи, онъ поселился сначала въ заштатномъ Толшевскомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ Воронежа верстъ на 40. Монастырь этотъ стоитъ одиноко, не окруженъ никакими селеніями. Съ восточной стороны этого монастыря протекаетъ р. Усмань, которая въ то время была окружена непроходимыми лѣсами. Въ это-то мѣсто и удалился преосв. Тихонъ, надѣясь въ безмолвіи и отъ вліянія природы получить облегченіе въ своихъ немощахъ. Но онъ ошибся: избытокъ сырости отъ густоты лѣсовъ, болота, иловатость р. Усма-

ни еще больше разстроили его здоровье и усилили нервные припадки. Поэтому въ 1769 году онъ выпросилъ себѣ мѣсто для пребыванія въ Задонскомъ монастырѣ, лежащемъ на возвышенномъ мѣстѣ близъ рѣки Дона и при подошвѣ своей изобилующемъ чистыми ключами. Здѣсь онъ поправился не много своимъ здоровьемъ и, наскучивъ праздною жизнію, снова взялся за просвѣщеніе народа и за благотворительность. Здѣсь онъ написалъ систему нравственнаго богословія подъ заглавіемъ: «о Истинномъ христіанствѣ», «Сокровище духовное отъ міра собираемое», писалъ краткія «нравоучительныя слова» для братіи монастырской и собиравшагося въ церковь народа и заставлялъ ихъ прочитывать въ монастырской церкви по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Случаевъ благотворительности его, во время пребыванія въ задонскомъ монастырѣ, перечислить невозможно; онъ считалъ потеряннымъ тотъ день, когда ему не приходилось сдѣлать какого нибудь добраго дѣла. Благотворительность его имѣла самые широкіе размѣры: онъ помогалъ бѣднымъ, нищимъ, защищалъ угнетенныхъ и невинныхъ, ходатайствовалъ за неправильно обвиненныхъ и наказанныхъ, утѣшалъ страждущихъ, словомъ онъ былъ отецъ, защитникъ и помощникъ всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся около Задонска. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ велъ больше келейную жизнь, потому что выѣзды разстроивали его, когда онъ, опровергая въ бесѣдахъ съ своими друзьями и знакомыми какіе нибудь ихъ неправильные взгляды, затрогивалъ только ихъ самолюбіе, а исправленія не достигалъ. За три года до своей смерти онъ пересталъ даже выходить изъ своей кельи и посвятилъ весь остатокъ жизни своей уединенному богомыслію. Нищіе получали пособіе чрезъ его келейниковъ, а нуждающіеся въ совѣтахъ чрезъ письма. Силы его съ каждымъ днемъ слабѣли, нервные припадки, безсонница и обмороки усиливались. За годъ съ небольшимъ до смерти у него онѣмѣла лѣвая щека, лѣвая сторона языка и лѣвая нога. Достойнымъ образомъ, приготовившись къ смерти, преосв. Тихонъ 13 августа 1783 года въ 7 часовъ утра закрылъ глаза и тихо заснулъ вѣчнымъ сномъ праведника на 59 году жизни.

Мы не будемъ долго останавливаться на томъ впечатлѣніи, какое произвела смерть преосв. Тихона на всю воронежскую паству. Монастырь полонъ былъ стекшимся от-

всюду народомъ. Не слезы и плачь служили выраженіемъ народной любви къ почившему святителю, а вопль и крикъ отчаянія оставшихся безъ отца безпомощныхъ дѣтей. Но онъ и по смерти не хотѣлъ оставить своихъ дѣтей безъ утѣшенія. Предъ смертію онъ написалъ прекрасное духовное завѣщаніе, которое и было прочитано, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ тѣла на погребеніи, вслухъ всего народа іеродіакономъ Митрофаномъ. Въ этомъ завѣщаніи святитель славитъ и благодаритъ Бога за всѣ его милости и благодѣянія, которыми онъ пользовался отъ Него въ теченіе своей жизни; прощается съ своею паствою въ надеждѣ увидѣться съ нею въ обителяхъ Отца небеснаго, гдѣ люди сіяютъ, какъ солнце, гдѣ истинная жизнь, истинная честь и слава, истинная радость и веселіе, истинное блаженство, и все вѣчное безконечное. Онъ благодаритъ своихъ благодѣтелей, прощаетъ всѣмъ, которые его обидѣли чѣмъ нибудь; проситъ и себѣ прощенія. Во время чтенія этого завѣщанія и самъ читавшій и слушатели прерывали его рыданіемъ. Въ 1861 г. преосв. Тихонъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Такъ поучительна жизнь Воронежскаго святителя Тихона для тѣхъ, кто хочетъ быть истиннымъ пастыремъ своей паствы. Не менѣе того можетъ быть поучительна и его проповѣдническая дѣятельность.

Проповѣди его во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны пастыря—проповѣдника. Онѣ въ ряду проповѣдей XVIII вѣка составляютъ явленіе выдающееся и выражаютъ святость души и чистое глубоко-христіанское чувство проповѣдника.

Въ собраніи сочиненій преосвященнаго Тихона (изд. 1825 г.) помѣщено 13 разныхъ проповѣдей, которыя говорены имъ были съ каѳедры воронежскаго каѳедральнаго собора, 27 краткихъ нравоучительныхъ словъ, которыя онъ писалъ въ Задонскѣ, и кромѣ этого „увѣщаніе жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго празднества, называвшагося Ярило,“ а также „увѣщаніе жителямъ города Воронежа о хожденіи на катихизическое ученіе въ соборъ.“ Такимъ образомъ всѣхъ говоренныхъ и писанныхъ святителемъ для говоренія въ церкви словъ дошло до насъ 42. Но извѣстно, что святитель не всѣ свои проповѣди записывалъ и

часто говорилъ импровизаціи; поэтому естественно заключить, что не все то дошло до насъ, что онъ говорилъ съ церковной каѳедры. Общее содержаніе проповѣдей святителя Воронежскаго было полнымъ выраженіемъ его христіанскихъ убѣжденій и святой богоугодной жизни; на внѣшнемъ и внутреннемъ характерѣ проповѣдей отпечатлѣлась простая благочестивая душа и теплое, глубоко любящее сердце проповѣдника.

Жизнь и убѣжденія св. Тихона представляютъ совершенное исполненіе воли Божіей и заповѣдей Христовыхъ; онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ добродѣтели въ строгомъ единствѣ. Умъ его былъ постоянно обращенъ къ созерцанію предметовъ божественныхъ; воля къ дѣланію добра людямъ ради славы Божіей; сердце его жило и питалось любовію къ Богу. Онъ не имѣлъ привязанности къ этой суетной жизни и искалъ себѣ утѣшенія въ размышленіи о будущей жизни. Такое настроеніе святителя Тихона отразилось и въ содержаніи его проповѣдей, въ которыхъ онъ постоянно приглашаетъ своихъ слушателей полюбить блага вѣчныя и не привязываться къ жизни. Въ своихъ поученіяхъ онъ постоянно говоритъ о любви къ Богу и ближнему, объ испытаніи себя, о жизни духовной и о борьбѣ со страстями, о покаяніи, о соблюденіи всѣхъ обѣтовъ, данныхъ въ крещеніи, о смерти, о страшномъ судѣ, о вѣчности, о грѣхѣ. Словомъ онъ стремится возвести своихъ слушателей на ту высоту нравственнаго совершенства, на которой стоялъ самъ. Въ словѣ на Воздвиженіе Честнаго Креста(*) проповѣдникъ весьма опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на настоящую жизнь желая, чтобы и слушатели послѣдовали его взгляду. Говоря о мудрости плотской и духовной, проповѣдникъ слѣдующими чертами характеризуетъ духовную мудрость. „Духовная мудрость не гордится, не величается, но смиренномудрствуетъ; она пребываетъ въ нищетѣ, любитъ воздержаніе, постится и о грѣхахъ сѣтуетъ, любитъ враговъ, добро творитъ ненавидящимъ, раздаетъ свое другимъ, во всемъ слѣдуетъ волѣ Божіей и стремится къ вѣчнымъ благамъ, трудится къ расширенію славы Божіей и пользы ближняго, наградъ за свои

* Т. III стр. 60 и др.

труды чаетъ не въ здѣшнемъ мірѣ, но въ будущемъ.... Плотскій человѣкъ опасается лишиться чести, богатства и изгнаннымъ быть; но духовный на вся сія съ охотою, или великодушіемъ покажетъ. Плотскій человѣкъ не хочетъ съ свѣтомъ симъ разстаться; но духовный съ радостію желаетъ разрѣшиться отъ тѣлесныхъ узъ" и т. д. Вотъ какихъ людей проповѣдникъ хотѣлъ видѣть между живущими въ мірѣ семъ; посему и питалъ постоянно души ихъ поученіями о смерти, о будущемъ судѣ, о покаяніи и т. п., направляя ихъ умъ и сердце къ вѣчному, божественному. Замѣтно, что слушателямъ святителя такія требованія казались не исполнимыми для живущихъ въ мірѣ; они говорили, что эти требованія можетъ выполнить только монахъ и пустынножитель, а не человѣкъ мірской, связанный многими семейными и другими обязанностями. Но проповѣдникъ настаиваетъ, что эти подвиги принадлежатъ всѣмъ христіанамъ; всѣмъ званіямъ и чинамъ, всѣмъ поламъ и всѣмъ возрастамъ—старымъ и младымъ. „Труденъ, признаюсь я, говоритъ проповѣдникъ, труденъ подвигъ сей, слышателю! Но славная побѣда."(*) Такой взглядъ на жизнь св. Тихонъ проводитъ во всѣхъ своихъ поученіяхъ и наставленіяхъ.

Всѣ проповѣди Тихона Воронежскаго можно раздѣлить на два рода: на слова нравоучительныя и проповѣди нравообличительныя.

Въ первыхъ онъ раскрываетъ своимъ слушателямъ положительное христіанское ученіе, поставляя его въ связь съ жизнію и заставляя слушателей самихъ вдумываться въ это ученіе. Такъ въ словѣ „о спасительномъ Божіемъ къ роду человѣческому смотрѣніи" проповѣдникъ знакомитъ прежде всего свою непросвѣщенную паству съ исторіею домостроительства нашего спасенія. Говоритъ о созданіи Богомъ Адама и Евы, о заповѣди, данной имъ отъ Бога; о первородномъ грѣхѣ, которому должно подвергнуться все человѣчество, о милости Бога къ людямъ, явленной въ обѣщаніи Его послать имъ избавленіе; о явленіи въ мірѣ избавителя. Проповѣдникъ знакомитъ своихъ слушателей, „Кто этотъ Избавитель", излагая кратко и просто ученіе церкви, извле-

(*) Т. III стр. 70—71.

ченное изъ Евангелія, о святой Троицѣ и выдѣляя лице Сына Божія, пришедшаго въ міръ для избавленія рода человѣческаго. За тѣмъ въ краткомъ очеркѣ онъ передаетъ всю исторію жизни Спасителя отъ дня Его рожденія до вознесенія на небо; говоритъ о посланіи Св. Духа на апостоловъ, „которымъ они укрѣпившеся, по всему міру разошлися, идолопоклонство, прелесть бѣсовскую упразднили и пришествіе Сына Божія въ міръ, страданіе, смерть и воскресеніе проповѣдали: и такъ научили всѣхъ, какъ ихъ самихъ научилъ Христосъ и Духъ Святый, въ нихъ живущій тогда наставлялъ, ученіе которыхъ церковь святая и до нынѣ содержитъ, и тѣмъ наставляема спасается." Задавши далѣе вопросъ: «кто же Избавитель нашъ, и какимъ образомъ избавилъ Онъ насъ» и давши на него краткій отвѣтъ, св. Тихонъ переходитъ къ назиданію своихъ слушателей такимъ образомъ: „что жъ намъ такъ милостивому избавителю, такъ чудному любителю воздать? Послушай, я тебѣ скажу... «Возлюби его всѣмъ сердцемъ твоимъ: не выпускай никогда благодѣянія Его изъ памяти твоей, воспоминай всегда имя Его пресвятое съ благодарными слезами, хвалися неизреченнымъ Его милосердіемъ и любовію, прославляй имя Его сладчайшее предъ всѣми. Ради Его имени люби враги твоя, добро твори ненавидящимъ тебе, благослови клянущія тя; ради Его имени просящему у тебя дай; ради Его имени алчущаго напитай, жаждущаго напой, нагаго одѣй, страннаго введи въ домъ, болящему послужи, въ темницѣ сѣдящаго посѣти, печальнаго утѣшь, страждущему состражди; ради Его имени всякія бѣды съ охотою и благодарнымъ сердцемъ претерпи, да при томъ и берегись Его прогнѣвлять, но во всемъ тщися ему угождать: угождать будешь, когда заповѣди Его съ любовію будешь исполнять."(*) Подобный же учительно—наставительный характеръ заключаютъ въ себѣ его «краткія правоучительныя слова», которыя онъ писалъ въ Задонскѣ, но не произносилъ самъ съ церковной каѳедры. Только въ этихъ словахъ св. Тихонъ, раскрывая ученіе о какомъ нибудь предметѣ не самъ дѣлаетъ выводы, а приглашаетъ своихъ слушателей къ самоиспытанію, и заставляетъ

(*) Сов. преосв. Тихона т. III стр. 1—19. Изд. 1825 г.

ихъ самихъ вывести заключеніе изъ ученія вѣры. Въ словѣ „о испытаніи себе самаго“ св. Тихонъ указываетъ на главные догматы христіанской вѣры и объясняетъ, что только исповѣдующіе эти догматы могутъ назваться истинными христіанами. За тѣмъ обращается къ слушателямъ и приглашаетъ ихъ самихъ осмотрѣться и испытать себя, точно ли они христіане. Въ облегченіе слушателей онъ предлагаетъ нѣсколько частныхъ вопросовъ, на которые они должны дать отвѣтъ, чтобы рѣшить, истинные они христіане или нѣтъ. „Имѣемъ ли внутри себе истинное христіанство, творимъ ли дѣла сообразныя вѣрѣ, распяли ли плоть свою со страстьми и похотьми?.. Сія и прочая разсмотримъ и осмотримся, како живемъ, како обращаемся, како мыслимъ, како говоримъ, како дѣлаемъ, каковымъ сердцемъ предъ Богомъ вся видящимъ обращаемся, и каковымъ другъ съ другомъ обходимся, и тако разсмотрѣвше исправимъ себе, да не только именемъ, но и истинною будемъ христіане“.(*) Такимъ же путемъ ведетъ проповѣдникъ свою паству къ самопознанію и въ другихъ нравоучительныхъ словахъ. Говоритъ онъ, напр., о таинствѣ крещенія, его силѣ, дѣйствіи и плодахъ, совѣтуетъ слушателямъ осмотрѣться, „достойно ли они живутъ святаго крещенія, чтобы то самое крещеніе не было въ осужденіе въ день страшнаго суда Христова, гдѣ судится всякое дѣло и помышленіе законопреступное.... показываютъ ли они плоды новаго рожденія, живутъ ли такъ, какъ требуетъ новое рожденіе.“(**) Вотъ какимъ разумнымъ путемъ велъ св. Тихонъ своихъ слушателей къ нравственному усовершенствованію; онъ не сообщалъ имъ только требованій христіанства; но заставлялъ ихъ самихъ поразмыслить о значеніи этихъ требованій, облегчая самое размышленіе. Его безконечною любовію и снисходительностію къ своей слабой въ нравственномъ отношеніи и необразованной паствѣ объясняется и то, что онъ не рѣдко нравственныя правила раскрывалъ примѣнительно къ различнымъ сословіямъ и состояніямъ. Такъ въ словѣ на освѣщеніе храма во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла въ городѣ Воронежѣ, онъ такъ изла-

(*) Т. III стр. 171—173.
(**) Т. III стр. 176, 185.

гаетъ наставленія о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ: «мужичекъ пахарь! перестань думать о земледѣліи, выбрось изъ головы твоей сѣнокосъ, не броди мыслями по полямъ, по степямъ, по лѣсамъ, по хуторамъ; не на то ты мѣсто пришелъ: «мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть.» Купецъ! не торгуйся здѣ, не уговаривайся о цѣнѣ, не пекись о продажѣ, выбрось изъ головы твоей лавки, торгъ, товаръ; не купли мѣсто здѣ, здѣ ни купуютъ, ни продаютъ: «мѣсто бо на немъ же стоиши земля свята есть.» Воинъ! не помышляй о ружьѣ, о брани, о побѣдѣ здѣ, не приготовляй къ сраженію себе, не готовься на корабль; не брани мѣсто здѣ... Подъячій и секретарь! не пекися о дѣлѣ твоемъ, не слагай опредѣленій, не заготовляй промеморій, не пиши допросовъ; не тое мѣсто здѣ... А судія здѣсь не суди, ибо нечего здѣсь судить, нѣтъ здѣсь ссоръ, никто здѣсь не челобитчикъ; не судебное мѣсто сіе: «мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть."(*) Въ словѣ о страшномъ судѣ проповѣдникъ также обращается къ разнымъ грѣшникамъ и должностнымъ лицамъ, не добросовѣстно исполнявшимъ свои обязанности, и картинно изображаетъ судъ Божій надъ каждымъ изъ нихъ. „Блуднику и всякому сквернителю представятся на судѣ вси скверныя его мечтанія, слова, взоры и дѣла.. Злобному представится, кого и чѣмъ повредилъ, когда и кому ядомъ растворенную чашу подалъ, кого и предъ кѣмъ клеветою обезславилъ. Беззаконному купцу покажется, какіе товары безсовѣстно продавалъ и людей обманывалъ, какія гнилыя вещи за здоровыя и дешевыя за дорогія продавалъ, сколько воды въ вино мѣшалъ. Лукавецъ и льстецъ увидитъ вси коварные свои замыслы предъ собою положенные. и обличится, когда, кого и чѣмъ обманывалъ и прельщалъ, и кому льстилъ языкомъ своимъ. Хульнику и ругателю представятся всѣ хулы его, которыя онъ на Бога своего Создателя, и на святыхъ угодниковъ Его отрыгалъ. Начальнику нечестивому представится нерадѣніе его о подначальныхъ, насилія, озлобленія людей, ему порученныхъ. Пастырю нерадивому покажется небреженіе его о стадѣ Христовомъ и прочіе его грѣхи. Судія мздоимецъ увидитъ клят-

---

(*) Т. III стр. 309—310.

вы и присяги преступленіе и попраніе правды Суда Божія и прочія беззаконія, предъ собою положенныя. Родитель небрежливый увидитъ нерадѣніе свое о воспитаніи дѣтей своихъ. Господину беззаконному представятся всѣ его наглости, насилія и озлобленія, которыя онъ рабамъ своимъ показывалъ, и ихъ или безчеловѣчно мучилъ, или несносными работами обременялъ.... Представятся и вамъ, міролюбцы и прихотливцы, представятся вамъ банкеты ваши, оперы ваши, пиршества ваши, маскарады ваши, танцы ваши, картежныя игры ваши, собачья охота ваша, и прочія ваши забавы, яко вы отвратили сердце ваше отъ Бога, котораго исповѣдывали, и не къ Богу и царствію Его, но къ прелести міра желаніе свое обращали, и въ томъ утѣшеніе и веселіе свое находили. Картина поразительная. Здѣсь разобранъ каждый съ своими пороками и ни чье сердце не могло успокоиться мыслію, что это не меня разумѣютъ, а потому сердце каждаго должно было содрогнуться въ предчувствіи будущаго суда.

Обличительныя проповѣди Тихона Воронежскаго представляютъ намъ полную и живую картину религіозно-нравственнаго состоянія современнаго проповѣднику воронежскаго общества, какъ высшаго, такъ и низшаго. Всѣ пороки, которые проповѣдникъ обличаетъ преимущественно въ высшемъ и среднемъ обществѣ указаны въ приведенной выше картинѣ страшнаго суда. Здѣсь мы представимъ нѣкоторыя выдержки изъ его обличительныхъ проповѣдей только для того, чтобы видѣть самый характеръ его обличеній, его глубокую скорбь, теплоту и задушевность его слова. Въ словѣ изъ текста: „Блюдите, како опасно ходите.“—Ефес. 5, 15, проповѣдникъ, высказавъ мысль, что Богъ наказываетъ даже друговъ своихъ за малое преступленіе, какъ, напр., наказалъ Моисея „за нѣкоторое преступленіе“ и не допустилъ его до земли обѣтованной, обращается къ современникамъ съ слѣдующими словами: „Вы безстрашно и явно противу Божія закона дерзающіи, что думаете; вы, которые чуждаго ложа беззаконно касаетеся; вы, которые кровь братнюю проливаете; вы, которые кровавыя слезы вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ пьете: вы, которые хульными устами на небесномъ тронѣ сѣдящаго касаетеся, что вы о себѣ думаете; думаете

ли, что убѣжите праведнаго суда Божія?"(*) Въ словѣ о «хищеніи», проповѣдникъ обличаетъ картежниковъ, судей и приказныхъ. Онъ доказываетъ, что картежникъ такой же хищникъ, какъ и всякій другой. «Спроси всякаго картежника, ради чего онъ начинаетъ играть; не для того ли, чтобы чужимъ добромъ покорыстоваться, чтобъ ближняго добро присвоить: а когда такъ, то и занято сердце его страстію хищенія».(**) Въ словѣ на Введеніе Пресвятыя Богородицы, св. Тихонъ обличаетъ пьянство. „Скаредный и вредительнѣйшій порокъ есть пьянство, многихъ золъ тѣлесныхъ и душевныхъ виновное. Тѣло лишаетъ естественныя крѣпости и всякимъ болѣзнямъ подвергаетъ; душу ни что такъ, какъ пьянство, не погубляетъ. Отъ пьянства ссоры, драки, сквернословія, кличи безчинные, богомерзкія пѣсни, разженія плотская, студная плотоугодія и прочіе соблазны происходятъ."(***) Въ рѣдкой проповѣди изъ говоренныхъ самимъ проповѣдникомъ воронежской паствѣ не касается онъ разныхъ пороковъ и заблужденій своей паствы. Но обличая пороки и угрожая за это гнѣвомъ Божіимъ, св. Тихонъ, какъ любвеобильный отецъ, не лишаетъ свою паству и надежды на помилованіе Божіе, подъ условіемъ исправленія. Какъ на средства для исправленія онъ указываетъ на покаяніе, на постоянное памятованіе о смерти и на страшный судъ, а также на добрыя дѣла. „Вотъ тебѣ средство и способъ, хищниче, которымъ ты отъ грозящаго тебѣ вѣчнаго несчастія избавленъ быть можешь. Разсѣки истиннымъ покаяніемъ узелъ грѣховъ твоихъ. Отдай всѣмъ все, у кого ты неправедно что присвоилъ. Лучше есть убогу и нищему въ царствіе небесное внити, нежели богату страдати въ пламени геенскомъ. Надобно будетъ всякому попрощаться съ вотчинами, которыя какимъ нибудь неправеднымъ способомъ себѣ присвоилъ; надобно оставить тѣ отягощенные сундуки, которые отъ слезъ братіи своей наполнилъ; надобно совлещись тѣхъ виссоновъ, которые изъ неправды сшилъ, едина только срачица, ради прикрытія наготы, единъ гробъ, едины три аршина земли нужны будутъ. О семъ всегда помыш-

(*) Т. III, стр. 75—76.
(**) — стр. 128.
(***) — стр. 138.

ляй, думай и старайся. А когда теперь о томъ не попечешься и не ускоришь, то будетъ время, когда и пожалѣешь, и сокрушишься, и восплачешь, да безъ пользы, то есть, когда время покаянію пройдетъ."(*)

Изъ обличительныхъ словъ Тихона Воронежскаго, обращенныхъ къ народу, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія: „Увѣщаніе жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго празднества, называвшагося «Ярило» и «о сырной седмицѣ». Въ Воронежѣ изстари праздновался языческій праздникъ, называвшійся „Ярило." Онъ начинался ежегодно въ среду или пятокъ по сошествіи Св. Духа и оканчивался въ понедѣльникъ Петрова поста. Въ эти дни весь городской, а также и сельскій окрестный народъ съѣзжался на прежде бывшую за старыми московскими воротами въ Воронежѣ площадь и составлялъ родъ ярмарки. На площади избирался міромъ человѣкъ, котораго обвязывали всякими цвѣтами и лентами и обвѣшивали колокольчиками. На голову надѣвали ему высокій бумажный, съ пѣтушинымъ султаномъ, колпакъ, который раскрашивался фантастическими изображеніями и обвязывался лентами; лице его чернили или наводили румянами, въ руки ему давали разныя побрякушки и колотушку.

Въ такомъ шутовскомъ нарядѣ онъ ходилъ и плясалъ, подъ именемъ Ярилы, на площади, въ сопровожденіи народа обоего пола. Онъ былъ средоточіемъ соблазнительныхъ игръ.(**) Въ 1765 году съ 25 мая началось такое же торжество на воронежской площади. Нѣкоторые благонравные граждане увѣдомили объ этомъ своего пастыря, святителя Тихона. Обезпокоенный такимъ извѣстіемъ святитель пять дней ничего не предпринималъ; но 30 мая, въ послѣдній и самый азартный день праздника преосв. Тихонъ пріѣхалъ на площадь и увидалъ „множество мужей и женъ, старыхъ и молодыхъ и малыхъ дѣтей. Одни изъ нихъ были безчувственно пьяны; другіе ссорились, иные дрались и между ними мно-

---

(*) Т. III, стр. 133.

(**) Думаютъ, что Ярило—представлялъ Перуна—бога громовника, какъ оплодотворителя природы. Корень яр совмѣщаетъ въ себѣ понятія, неразлучныя съ представленіемъ весны и ея грозовыхъ явленій—понятія свѣта, теплоты, ярой стремительной силы, любовной страсти и плодородія.

го раненыхъ и окровавленныхъ; замѣтилъ онъ плясанія женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями“ и проч.

Онъ въѣхалъ въ средину безчинствующей толпы и началъ обличительно—трогательное слово къ народу. Одушевляемый пастырскою ревностію, онъ обличалъ, умолялъ, совѣтовалъ, и потомъ съ угрозою отлучить отъ церкви, приказалъ прекратить игрище. Многіе отъ стыда разбѣжались по домамъ, другіе сгорали отъ угрызеній совѣсти. Наконецъ, по его приказанію, разрушены были игрищные и торжищные палатки. На другой день онъ созвалъ къ себѣ въ загородный домъ все городское духовенство и лучшихъ гражданъ. Онъ доказывалъ имъ безобразіе праздника; умолялъ оставить его на всегда и получилъ отъ нихъ обѣщаніе. Въ слѣдующій воскресный день въ Благовѣщенскомъ соборѣ, при всеобщемъ собраніи народа, онъ сказалъ свое увѣщаніе противъ праздника Ярилы въ третій разъ. Здѣсь онъ описалъ безчинства праздника и прибавилъ, что христіанамъ неприлично праздновать такой праздникъ уже потому, что онъ соединенъ съ богомерзкими дѣлами: пьянствомъ, плясками, играми, безчинными играми, воплями богомерзкими, сквернословіемъ, ссорою, дракою и проч. Кромѣ того праздникъ этотъ есть праздникъ языческій и бѣсовскій; поэтому онъ христіанамъ неприличенъ. Чрезъ сравненіе съ плѣненіемъ израильскимъ, описаннымъ у Іереміи (Плач. 9 и 5), живо и съ глубокою скорбію описываетъ порабощеніе чрезъ этотъ праздникъ душъ христіанскихъ отъ діавола. Потомъ съ отеческимъ увѣщаніемъ обращается къ священникамъ, судіямъ, господамъ командующимъ, къ честнымъ отцамъ и матерямъ; господамъ вотчинникамъ, къ гражданамъ, украшеннымъ честною сѣдиною и непорочнымъ житіемъ и проситъ всѣхъ не допускать впередъ не христіанскихъ игрищъ. „Въ сей горести и болѣзни сердца обращаю мое слово ко всѣмъ живущимъ въ градѣ семъ, и съ плачемъ молю истребите зло сіе изъ среды васъ.“ Послѣ этого онъ опровергаетъ то извиненіе, что этотъ праздникъ не новый, а давно существующій у народа и въ заключеніе увѣщеваетъ предать этотъ праздникъ забвенію; «потому что имъ имя Христово хулится, вѣра порочится и безчестится, городъ обезславливается и терпитъ укоризну пастырь церкви». «Ахъ беззаконный праздникъ! о студное имя Ярило, мерзкое имя Ярило, гнустное

имя Ярило, слуха цѣломудреннаго недостойное имя Ярило! О, когда бы и не слыхивать имени того! Разрушьте, молю и прошу, разрушьте сонмище сіе; не попускайте впредь быть сему беззаконному собранію. Предайте забвенію праздники сіи; а за то, что благость Господа досель беззаконными сими праздниками прогнѣвляли, покайтеся, жалѣйте и къ благоутробію Его съ сокрушеніемъ сердца и со слезами прибѣгните. Онъ, какъ Отецъ многомилостивый, кающихся пріиметъ васъ и грѣхи ваша вамъ оставитъ и помилуетъ по велицей Своей милости.(*)

Всѣ присутствующіе въ церкви рыдали и рыданіями заглушали слово святителя. Многіе изъ гражданъ потомъ приходили къ святителю Тихону и просили у него прощенія. Безчинный праздникъ на всегда оставленъ въ Воронежѣ. Такое же дѣйствіе имѣло, сказанное имъ въ томъ же году, слово о пресѣченіи безчинствъ, бывавшихъ «въ сырную седмицу». Въ этомъ словѣ онъ говоритъ сначала о своихъ обязанностяхъ обличать безпорядки въ христіанахъ; потомъ просто, но картинно описываетъ народное масляничное торжество: «варятъ пива, меды, покупаютъ вино. Украшаются въ лучшее платье; женщины поргятъ свое лице различными красками; приготовляютъ богатое кушанье: пироги, конфекты и всякія закуски, которыми украшаютъ столы. Зовутъ другъ друга въ гости: тутъ слѣдуетъ испраздненіе бутылокъ, стаканы и бокалы никогда не изсыхаютъ. Не держится зло между стѣнами, не сокрывается въ людяхъ: выходитъ на публику, является по улицамъ, по стогнамъ, дорогамъ и бываетъ зло соблазнами. Тогда непрестанное на конехъ ристаніе; тутъ возносятся кличи, пѣсни, а индѣ кулачные бои произносятся, индѣ драки, брани, сквернословія слышатся». Объяснивъ, для чего установлена церковію сырная седмица, проповѣдникъ обличаетъ христіанъ, празднующихъ безчинно эту седмицу, сравниваетъ ихъ празднованіе съ языческими вакханаліями, въ честь бога Вакха (Діонисія) изобрѣтателя вина. Напоминаетъ читанное въ мясопустную недѣлю Евангеліе о страшномъ судѣ и разительнымъ образомъ описываетъ самый судъ; описываетъ паденіе праотцевъ и заклю-

---

(*) Т. III, стр. 322 и слѣд.

часть слово отеческими увѣщаніями провождать сырную седмицу, сообразно уставамъ церкви.(*)

Проповѣди св. Тихона являются въ различныхъ формахъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ форму словъ, въ которыхъ предметъ раскрывается съ достаточною полнотою и мысли излагаются въ строгомъ порядкѣ. Такой характеръ имѣютъ проповѣди, произнесенныя воронежской паствѣ. Другія проповѣди, писанныя святителемъ Тихономъ въ Задонскѣ имѣютъ форму бесѣдъ и краткихъ наставленій. Нравоученія въ проповѣдяхъ Тихона краснорѣчивы, назидательны и трогательны. Слогъ простой и ясный. Иногда проповѣдникъ, чтобы сдѣлать свою рѣчь болѣе наглядною и осязательною, раскрываетъ истину примѣрами, сравненіями и сопоставленіями, употребляетъ такія доказательства, которыя могутъ быть убѣдительны даже для чувственныхъ сердецъ его слушателей. «Представьте человѣка, говоритъ св. отецъ Тихонъ въ словѣ изъ текста: «Блюдите, како опасно ходите». Еф. V, 15, который бы, возсѣдая на преукрашенномъ престолѣ, имѣя въ рукахъ всѣ удовольствія, въ то же время видѣлъ подъ собою пламенѣющій огонь, надъ головою простертый мечь, повѣшенный на самой тончайшей питкѣ, и со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ вооруженными врагами. Разсудите слушатели! Среди такихъ опасностей, среди ужаса, всѣ удовольствія и утѣхи доставятъ ли спокойствіе человѣку? Отвсюду грозитъ ему смерть: сверху смерть, снизу смерть, со всѣхъ сторонъ смерть! опасность и страхъ не подавятъ ли всякое чувство удовольствія? – Когда раскроемъ умственныя очи наши, слушатели, и внимательно всмотримся въ обстоятельства нашей жизни, то непремѣнно найдемъ близкое сходство съ состояніемъ вышеизображеннаго человѣка, и никакая красота міра сего не можетъ прельстить и увеселить насъ. Увидимъ надъ собою Бога, претящаго намъ мечемъ правды; увидимъ подъ собою ровъ адскій, уготованный грѣшникамъ; увидимъ созади грѣхи наши, непрестанно мучащіе насъ чрезъ совѣсть; увидимъ предъ собою смерть, непрестанно къ намъ приближающуюся; увидимъ по правую и по лѣвую сторону враговъ душъ нашихъ, которые строятъ намъ

[*] Т. III 46.

козни и ищутъ погибели».(*) Въ словѣ о любви къ Богу, св. Тихонъ говоритъ: „истинный другъ въ несчастіи познается. Тотъ намъ истинный другъ и любитель, который въ несчастіи насъ не оставляетъ. Такъ и истиннымъ любителемъ Христа можетъ назваться только тотъ, который и здѣсь въ мірѣ со Христомъ пребываетъ, Ему сердцемъ прилѣпляется, и Крестъ съ Нимъ безропотно претерпѣваетъ и съ Нимъ въ будущемъ вѣкѣ не разлучно быть желаетъ; а „иже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, говоритъ Спаситель, нѣсть Мене достоинъ. Мтѳ. гл. 10, ст. 38.(**) Указывая на побужденія любить Бога, проповѣдникъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на такое, которое могло быть убѣдительнымъ даже для грубаго, чувственнаго сердца. «Какъ намъ не любить Бога? Богъ любитъ насъ и любовь Свою къ намъ выражаетъ въ различныхъ благодѣяніяхъ; должны и мы любить Его; потому что за любовь ничѣмъ инымъ, какъ любовію и благодарностію воздается.“(***)

По внутреннимъ качествамъ слово святителя Тихона можетъ служить образцемъ глубоко-трогательнаго и убѣдительнаго краснорѣчія, предъ которымъ падали въ прахъ и разрушались такія исконныя суевѣрія и застарѣлые остатки языческихъ празднествъ и буйныхъ потѣхъ, каковъ былъ праздникъ въ честь Ярилы. Слова его запечатлѣны высокимъ даромъ благодатнаго помазанія и могутъ служить назидательнымъ и плодотворнымъ чтеніемъ для русскаго православнаго народа вообще и однимъ изъ лучшихъ пособій для служителей алтаря въ дѣлѣ проповѣди слова Божія въ разныхъ случаяхъ жизни, потому что это богатѣйшій источникъ нравственно-религіозныхъ уроковъ и душеполезныхъ наставленій, исходившихъ изъ глубоко любящаго и скорбящаго о своей паствѣ сердца пастыря.

(*) Т. III 75.
(**) Т. 10 стр. 275.
(***) Стр. 270.

Платонъ, митрополитъ Московскій.

Жизнь митр. Платона; его духовныя качества и стремленія. Проповѣдническіе труды Платона: а) катихизическія поученія; задача ихъ: б) поучительныя слова, ихъ направленіе, въ связи съ обстоятельствами тогдашняго времени; взглядъ Платона на воспитаніе; в) рѣчи привѣтственныя и надгробныя. Характеръ тѣхъ и другихъ.—Внѣшнія качества проповѣдей Платона и вліяніе ихъ на современниковъ.

Лучшимъ представителемъ нравственнаго направленія въ проповѣди былъ Платонъ, митрополитъ Московскій. Въ мірѣ имя его было Петръ. Родился онъ въ 1737 году, въ селѣ Чашниковѣ, что на большой петербургской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Отцемъ его былъ причетникъ, а воспріемникомъ - крестьянинъ. Родители его были люди благоразумные, разсудительные, набожные, а вмѣстѣ съ тѣмъ простосердечные и откровенные. Всѣ эти свойства родителей переданы были и сыну. Послѣ домашняго обученія, Петръ Даниловъ отданъ былъ въ коломенскую семинарію, а оттуда, по просьбѣ отца, который уже былъ московскимъ священникомъ, онъ переведенъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію, гдѣ принялъ фамилію Левшина. Кромѣ предметовъ обязательныхъ, входившихъ въ программу курса славяно-греко-латинской академіи, Левшинъ занимался и другими необязательными предметами: географіею, исторіею; много читалъ, а нѣкоторыхъ классиковъ даже выучивалъ наизусть. За два года до окончанія четырехъ лѣтняго курса Богословія, Левшинъ, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, былъ сдѣланъ учителемъ піитическаго класса въ московской академіи. Въ духовной академіи, почти съ самаго основанія ея, былъ установленъ обычай говорить послѣ обѣдни одному изъ двухъ очередныхъ проповѣдниковъ катихизическое поученіе. На это поприще вступилъ и Левшинъ. Обладая внѣшними и внутренними качествами витіи, Левшинъ умѣлъ заслужить всеобщее удивленіе и любовь, и даже успѣлъ возбудить сочувствіе и восторгъ въ Москвѣ, гдѣ его называли: то *вторымъ Златоустомъ*, то *Московскимъ Апостоломъ*. Нѣкоторые изъ его слушателей приводили къ каѳедрѣ дѣтей своихъ съ тѣмъ, чтобъ они такого учителя слушали и помнили; многіе добивались его знакомства и почитали себѣ за счастіе посѣщеніе его, стараясь на перерывъ оказать ему свое усердіе и уваженіе. Это время жизни своей онъ всегда почи-

талъ счастливѣйшимъ. Уже оканчивался годъ толкованію Левшинымъ катихизиса, какъ неожиданно онъ получилъ изъ С.-Петербурга отъ придворнаго проповѣдника, знаменитаго Гедеона Криновскаго, архимандрита троицкія лавры, приглашеніе въ учители риторики въ троицкую семинарію, а въ слѣдъ за тѣмъ и указъ Св. Синода, утверждающій его въ этой должности. Левшинъ долженъ былъ разстаться съ Москвою и отправиться въ троицко-сергіеву лавру 19-го іюня 1758 года. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Гедеона письмо, въ которомъ тотъ предлагаетъ ему принять „монашескій образъ.“ Не смотря на склонность и приготовленіе свое къ монашеству, Петръ Егоровичъ Левшинъ не могъ не поколебаться духомъ, взволнованнымъ мыслію о трудности и важности принимаемыхъ имъ на себя обѣтовъ. Всю ночь онъ провелъ въ борьбѣ съ самимъ собою, и наконецъ рѣшился принять образъ иноческій съ именемъ Платона.

Спокойный духомъ, довольный своимъ состояніемъ, юный инокъ жилъ въ любимомъ уединеніи, проходя учительскую и катихизаторскую должность. Пять лѣтъ своего учительства въ троицкой семинаріи Платонъ почиталъ счастливѣйшими въ своей жизни. Въ 1759 г. онъ былъ посвященъ въ іеромонаха и сдѣланъ префектомъ семинаріи, въ 1761 занялъ мѣсто ректора. Въ 1764 году 22 сентября, когда Императрица Екатерина, послѣ коронаціи своей, прибыла въ обитель преподобнаго Сергія, то Платонъ встрѣтилъ ее торжественнымъ словомъ, въ которомъ поздравлялъ и благодарилъ ее за посѣщеніе. Во время другаго посѣщенія Императрицею Троицкой Лавры, Платонъ, который былъ уже намѣстникомъ Лавры, снова привѣтствовалъ ее рѣчью; а на другой день, въ присутствіи Государыни, сказалъ проповѣдь „о пользѣ благочестія“ (*), представивъ самую Императрицу примѣромъ сей основы всѣхъ добродѣтелей. И проповѣдь и проповѣдникъ столько ей понравились, что послѣ она изъявила ему свое благоволеніе въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; слово его тогда же велѣла напечатать, а его удостоила пригласить къ обѣденному столу своему, что обнаружило особенное вниманіе Государыни и высокую милость для под-

(*) Т. 1 стр. 9. изд. 1780 г.

даннаго—монаха. Вскорѣ, послѣ этого обстоятельства, Платонъ былъ приглашенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ учители Богословія къ наслѣднику престола Павлу Петровичу; онъ оправдалъ свое высокое назначеніе. Занимаясь воспитаніемъ и обученіемъ своего питомца въ духѣ благочестія, Платонъ въ то же время постоянно проповѣдывалъ въ придворной церкви, удивляя всѣхъ талантомъ своего краснорѣчія и вызывая не рѣдко слезы умиленія въ самой Императрицѣ. Кромѣ этого на него возлагались и другія не легкія обязанности, которыя онъ исполнялъ всегда съ честію: онъ просматривалъ въ числѣ другихъ, «Наказъ» для Коммиссіи Уложенія, составленный самою Императрицею; написалъ, по порученію Св. Синода, „Увѣщаніе раскольникамъ," которые въ самоубійствѣ искали мнимой славы мученичества и это увѣщаніе нашло себѣ доступъ къ сердцамъ многихъ, желавшихъ познать истину.

За успѣшное и ревностное исполненіе возложенныхъ должностей, Іеромонахъ Платонъ, по Именному повелѣнію, посвященъ былъ въ архимандрита троицкой лавры.

Дворъ для Платона былъ новымъ училищемъ, гдѣ онъ почерпнулъ важныя для проповѣдника познанія о свѣтѣ и людяхъ, замѣтныя въ его проповѣдяхъ. Тамъ онъ окруженъ былъ разными людьми, особенно учеными иностранцами, съ которыми любилъ бесѣдовать для пользы испытательнаго ума своего. Вредъ проникшаго тогда въ Россію ученія энциклопедистовъ онъ первый понялъ и въ письмѣ графу Остерману, между прочимъ, сказалъ: „Вновь проникшія философскія правила, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всеприлежной осторожности."

На 30 году своей жизни Платонъ наименованъ былъ членомъ Св. Синода, въ 1770 г. нареченъ архіепископомъ тверскимъ съ оставленіемъ за нимъ званія архимандрита троицкой лавры. Въ 1775 г. онъ былъ переведенъ въ московскую епархію. Тяжело было Платону разстаться съ тверскою епархіей, составлявшею предметъ его попеченій; онъ сокрушался душею и горько плакалъ. Къ его прискорбію объ этой разлукѣ присоединился страхъ—вступить на іерарпескій престолъ, обагренный кровію Амвросія, который сдѣлался жертвою своей сильной ревности по истинѣ, въ борьбѣ

съ суевѣріемъ, предразсудками и злоупотребленіями; также извѣстно было разстройство дѣлъ епархіальныхъ въ многолюдной столицѣ. Все это заставило Платона просить Императрицу объ увольненіи его отъ московской епархіи; но Государыня возвратила эту просьбу съ собственноручною надписью: «Держусь моего указа». Занимаясь въ Москвѣ устройствомъ дѣлъ епархіальныхъ и учебныхъ, какъ директоръ славяно-греко-латинской академіи, Платонъ исполнялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разныя порученія Императрицы Екатерины II. Такъ онъ пересматривалъ напечатанныя въ типографіи извѣстнаго масона Новикова книги и далъ о нихъ Императрицѣ свой отзывъ. Безъ его „цензуры и аппробаціи“ ни одно сочиненіе Волтера не печаталось, продолжалъ бороться съ раскольниками. За всѣ труды и заслуги свои Платонъ въ одномъ 1775 году получилъ 20 Высочайшихъ наградъ, которыя всѣ записаны въ его памятной книжкѣ. Утомленный дѣлами, Платонъ нѣсколько разъ просилъ Императрицу и великаго князя уволить его отъ епархіи и дозволить жить въ Троицкой лаврѣ на покоѣ; но просьба не исполнялась и Императрица на его просьбу отвѣтила, что онъ и безъ увольненія можетъ быть свободнымъ и предоставила его волѣ пребываніе въ троицкой лаврѣ, а управленіе епархіею предоставить викарію. Между тѣмъ какъ Платонъ озабоченъ былъ устроеніемъ себѣ временнаго и вѣчнаго пріюта, въ 1787 году, во время Божественной литургіи въ большомъ московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ присутствовала Государыня съ двумя своими внуками, Платонъ былъ провозглашенъ митрополитомъ московскимъ. Живя въ лаврѣ митрополитъ Платонъ не переставалъ заниматься важнѣйшими дѣлами по епархіи; не пропускалъ случая и проповѣдывать, поражая словомъ буйное невѣріе и своеволіе, заражавшее тогда умы современниковъ. Такъ жилъ Платонъ во время царствованія Павла и частію Благословеннаго Александра. Короновалъ послѣдняго; при коронованіи перваго только участвовалъ, по случаю болѣзни. Сказалъ, при короновании Благословеннаго знаменитую рѣчь, которая, по Высочайшему повелѣнію, была переведена на языки: латинскій, греческій, италіанскій, французскій и нѣмецкій и которую прочла вся Европа. Остатокъ своей жизни онъ провелъ частію въ путешествіи по Россіи; частію въ келейной жизни на Перервѣ, занимаясь обрабатываніемъ сада и ведя самую простую жизнь. Но при всемъ

томъ онъ не переставалъ заботиться о благѣ отечества, скорбѣлъ душей о постигшемъ Россію несчастіи, велъ съ Государемъ переписку, въ которой съ честною смѣлостію высказывалъ свои взгляды на тильзитскій миръ съ Франціей и находилъ нужнымъ войну съ французами. Въ 1811 году митрополитъ Платонъ былъ уволенъ отъ епархіи; но онъ доживалъ послѣдній годъ своей жизни, годъ тяжелый для всей Россіи и также для него. Онъ постоянно скорбѣлъ и плакалъ о несчастіи народномъ и, когда 11 октября 1812 года получилъ извѣстіе объ изгнаніи враговъ изъ древней столицы, отъ радости заплакалъ и перекрестясь сказалъ: «Слава Богу, Москва свободна и я умру теперь спокойно». 12 ноября онъ скончался. Такова была многотрудная и многоплодная жизнь Платона, митрополита Московскаго!

Въ добавленіе этого очерка жизни Платона скажемъ нѣсколько словъ о его духовныхъ качествахъ и стремленіяхъ, которыя отразились какъ на всей его дѣятельности, такъ и на дѣятельности проповѣднической. Главная добродѣтель, которая освѣщала всю его жизнь и дѣятельность—было благочестіе и набожность. Воспитанный отъ младенчества на этихъ твердыхъ правилахъ, онъ всю жизнь свою былъ вѣренъ апостольскому православію безъ примѣси суемудрія и во всю жизнь былъ проповѣдникомъ истиннаго благочестія и блюстителемъ чистоты вѣры. Смѣло опровергая вольнодумство и кощунство, возставалъ противъ суевѣрія и ханжества, полагая, что «ничѣмъ столько не унижается истина вѣры, какъ примѣсью лжей суевѣрныхъ», внутреннюю же свою набожность, сколько возможно, скрывалъ, дабы она извѣстна была единому сердцевѣдцу, вѣруя, что „во всѣхъ искушеніяхъ и превратностяхъ ничто столь человѣка не можетъ утѣшить, какъ простое и чистосердечное упражненіе въ благочестіи.“ При Богослуженіи онъ былъ примѣромъ благочестія: самъ читывалъ на первой недѣли канонъ покаянный, нерѣдко пареміи въ великую субботу каѳизмы за всенощною и утренею, часы и апостолы за обѣднею; часто пѣвалъ съ монахами на клиросѣ. Почти всякій разъ при пѣніи Символа Вѣры и молитвы Господней заливался слезами отъ душевнаго умиленія. Столь глубоко проникнутъ былъ его духъ священными и высокими истинами христіанскаго исповѣданія и молитвы Спасителя.(*)

(*) Жизнь митр. Платона И. М. Снегирева.

Памятникомъ церковнаго краснорѣчія Платона служатъ катихизическія поученія, проповѣди поучительныя, привѣтственныя и надгробныя рѣчи, которыя, вмѣстѣ съ другими его разными сочиненіями, составляютъ двадцать томовъ.

Катихизическая дѣятельность Платона относится къ самому раннему періоду его жизни, когда онъ былъ учителемъ піитики въ московской славяно-греко-латинской академіи. Дѣятельность эта была непродолжительна, (съ сентября 1757 по 15 іюля 1758 года), но чрезвычайно плодотворна, какъ мы уже имѣли случай замѣтить при описаніи его жизни. Въ катихизическихъ поученіяхъ онъ раскрываетъ всю полноту догматическаго православнаго ученія, поучая вѣрныхъ и предостерегая ихъ отъ господствующихъ тогда лжеученій. Во вступительномъ словѣ своемъ къ поученіямъ Платонъ самъ опредѣляетъ двоякую задачу своихъ поученій. «Хотя я еще молодъ; но промыслу Божію угодно, чтобы я на сѣдалищѣ старцевъ сидѣлъ, возвѣщалъ имя Господне братіи моей, и посредѣ церкви воспѣвалъ Его». „Таинства, открывшіяся намъ вѣрою Христовою, плотскому міру кажутся или безуміемъ, или за соръ вмѣняются, или, по крайней мѣрѣ, за такое, что не согласно съ ихъ собственными понятіями и не нравится имъ“.... „Говорятъ, будто бы смерть Христова для насъ не полезна, будто бы заслуги Христовы не дѣйствительны, будто бы инаго намъ надобно искать Искупителя. Намъ сіе не только что принять, но и anaоемою съ Павломъ отразить будетъ надобно. Намъ смерть Іисусова есть первая похвала и мы паче египетскихъ сокровищъ почитаемъ поношеніе Христово.“ (*).

Порядокъ изложенія предметовъ въ катихизическихъ поученіяхъ Платона слѣдуетъ порядку членовъ символа вѣры; но прежде изъясненія символа, онъ рѣшаетъ нѣкоторые общіе вопросы о церкви, какъ религіозномъ единеніи людей, излагаетъ ученіе церкви о христіанскихъ догматахъ, опредѣляетъ, что такое катихизисъ, почему его нужно знать и въ заключеніе рисуетъ картину состоянія человѣка прежде паденія, —состояніе грѣховное послѣ паденія, говоритъ объ избавленіи рода человѣческаго отъ грѣховнаго состоянія чрезъ

(*) Т. 8, стр. 3—8,

Христа, о нашемъ оправданіи чрезъ вѣру, о договорѣ, данномъ между Богомъ и человѣкомъ послѣ оправданія.(*) При объясненіи символа вѣры, проповѣдникъ доказываетъ бытіе Божіе противъ нѣкоторыхъ безбожниковъ, которые не признаютъ Бога и говорятъ, что міръ сдѣлался, безъ всякаго художника, изъ первобытной матеріи—Хаоса;—о единствѣ Божіемъ противъ язычниковъ, многобожниковъ и еретиковъ манихеевъ, признающихъ два начала (доброе и злое);—о непостижимости Бога по существу Его и о возможности познать Его свойства, сколько Онъ самъ открылъ о Себѣ въ Своемъ словѣ. Подробно говоритъ проповѣдникъ о свойствахъ Божіихъ и переходитъ къ изложенію ученія о Святой Троицѣ, отвѣчая на вопросъ: какъ Богъ есть единъ, и въ трехъ лицахъ? Изложивъ православное ученіе о Богѣ единомъ по существу, но троичномъ въ лицахъ, и сдѣлавъ назиданіе слушателямъ, что о Божіихъ вещахъ плотскимъ умомъ разсуждать нельзя, а надобно особое имѣть понятіе, и духовнаго держаться разума, катихизаторъ говоритъ о сотвореніи Богомъ міра, опровергая мнѣніе о вѣчности міра, между прочимъ тѣмъ, что сколько ни есть исторій, нѣтъ ни одной, которая бы выше семи тысячъ лѣтъ восходила. Далѣе излагается ученіе о Промыслѣ Божіемъ и любви Божіей къ намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, опровергается и мнѣніе древнихъ эпикуровъ и новыхъ натуралистовъ, что промысла нѣтъ. Такъ ведетъ свои объясненія катихизаторъ до конца символа, излагая ученіе церкви, низлагая противниковъ этого ученія и дѣлая назиданія слушателямъ.

Въ своихъ поучительныхъ словахъ Платонъ говорилъ болѣе всего о различныхъ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ Богу, къ церкви и къ ближнимъ. Его наставленія касались тѣхъ обязанностей, которымъ должны слѣдовать люди въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; его совѣты, предостерегая добродѣтель отъ преткновеній и соблазновъ, подавали къ достиженію ея благоуспѣшныя средства. Основу для личнаго и общественнаго благополучія онъ поставляетъ единственно въ вѣрѣ въ Бога и добрыхъ дѣлахъ, не придавая почти никакого значенія всякимъ изобрѣтеніямъ ума человѣче-

---

(*) 2 Кор. гл. 6 ст. 16; гл. 7, ст. 1.

скаго, не просвѣщеннаго свѣтомъ христіанской религіи, невѣрующаго въ духовный міръ и слѣдующаго однимъ законамъ естества. Дѣйствительно, когда невѣріе въ западной Европѣ довело натуралистовъ и атеистовъ до явнаго возстанія противъ добродѣтелей, предписанныхъ словомъ Божіимъ; когда во имя равенства, братства и свободы, подъ предлогомъ возстановленія правъ человѣчества, полились потоки крови человѣческой во Франціи; когда алтарь Христовъ и престолъ Государевъ были низпровергнуты,— тогда проповѣднику необходимо было, главнымъ образомъ раскрывать высоту нравственнаго ученія, вникать въ жизнь человѣческую и разнообразныя ея отношенія, согрѣть невѣрующее сердце къ добру, которое составляетъ цѣль жизни, и такимъ путемъ подавить сѣмена лжемудрованія. Поэтому Платонъ въ своихъ поученіяхъ обличаетъ всѣхъ, кто бѣгаетъ за благами міра сего: ищетъ чести, богатства, патроновъ, удовольствій и т. п., называя все это не прочнымъ, не могущимъ доставить спокойствія душѣ и полное блаженство поставляетъ въ познаніи Бога, любви и въ добродѣтели. «Одна только добродѣтель не оставляетъ любителя своего; она съ нимъ въ морѣ плаваетъ, въ странствованіи путешествуетъ, въ темницѣ утѣшаетъ, ободряетъ въ напастяхъ. Когда другіе волнуются, съ верху въ низъ опровергаются, сокрушаются, добродѣтельный въ тихомъ своемъ пристанищѣ спокоенъ, и въ сладкихъ ся нѣдрахъ опочиваетъ».(*)

Воздавъ хвалу добродѣтели, проповѣдникъ обращается къ своимъ современникамъ и не находитъ въ нихъ этого неоцѣненнаго дара. Главнымъ двигателемъ въ современномъ ему обществѣ былъ эгоизмъ; каждый заботился только о своихъ личныхъ благахъ, не помышляя о нуждахъ ближняго. Безцѣльное накопленіе богатствъ, неправосудіе въ судахъ, недобросовѣстное исполненіе обязанностей, пиры и забавы и совершенное хладнокровіе къ положенію несчастныхъ, —вотъ пороки, которыхъ не касается вождь благочестія въ рѣдкомъ изъ своихъ поученій. „Прошли тѣ златыя времена, въ которыя не было во употребленіи сихъ словъ, „мое да твое,“

(*) Поуч. слов. т. 1 стр. 139—149. Слово въ недѣлю 5 поста изъ текста: „не вѣете чего просите.“—т. 4, стр. 54.

но было все общее, да еще и единая душа оживотворяла всѣхъ. Изсякла любовь, которая есть союзъ совершенства.(*) Проповѣдникъ не щадитъ и высокопоставленныхъ лицъ; онъ обличаетъ ихъ, на равнѣ съ другими за ихъ холодное отношеніе къ подчиненнымъ и за дурную жизнь. Въ словѣ, говоренномъ на освященіе храма, въ присутствіи Императрицы Екатерины II и придворныхъ изъ текста: «Господи! кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ» (Пс. 14, 1), сказавъ о томъ, что человѣкъ только съ чистою совѣстію можетъ дерзновенно приступать къ престолу благодати, продолжаетъ: „но когда совѣсть зазираетъ намъ, когда обиженные нами проливаютъ предъ Богомъ цѣлые источники слезъ, когда за большее почитаемъ прибытокъ и чревоугожденіе, нежели сохраненіе правды, то какъ дерзнемъ войти въ священное мѣсто сіе и приступить къ трапезѣ, на которой мирная совершается жертва, и при которой молимся о мирѣ всего міра?.. Мы говоримъ къ Отцу небесному: Отче нашъ, остави долги наша; но обиженные съ другой стороны вопіютъ: чтобъ долги наши намъ были удержаны, пока мы не оставимъ своихъ должникомъ нашимъ.“ Въ томъ же словѣ проповѣдникъ говоритъ: „Какой тотъ будетъ поклонникъ, который въ увеселеніяхъ день и ночь проводитъ, у котораго на языкѣ не слышно любезное имя Господне, но скверныя имена забавныя Венеры гремящаго Юпитера, которому благочестивый человѣкъ есть сувѣръ, а пустыхъ разговоровъ ненавидящій— лицемѣръ.“(**)

Во многихъ своихъ поученіяхъ проповѣдникъ борется съ этимъ опаснымъ для общественнаго благосостоянія порокомъ, указываетъ его вредъ и приглашаетъ всѣхъ къ братскому единству. «Человѣкъ одинъ безъ помощи другихъ жить не можетъ. Такое состояніе было бы состояніе дикихъ. Наше благополучіе состоитъ въ томъ, чтобы другіе спосиѣшествовали нашимъ недостаткамъ и нуждамъ, какъ и мы имъ взаимно».(***) Отсюда является необходимымъ общество, соединенное единствомъ вѣры, любви и закономъ гражданскимъ. Не можетъ быть общество, не утвержденное на основаніи

(*) Т. 1 стр. 74 изъ слова въ нед. 25 по сошеств. Св. Духа.
(**) Т. 1, стр. 26—30.
(***) Т. 4, стр. 360.

богопочтенія; не можетъ быть гражданинъ, чтобы не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія; не могутъ общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣпляемы тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсть и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ отдать отчетъ не человѣку только, но и Богу.... Въ союзѣ общества потребно, чтобы всѣ члены его считали себя обязанными другъ другу помогать, чтобъ одни къ другимъ были искренни, чтобы ложь не служила покрываломъ къ закрытію вредныхъ намѣреній, чтобъ хранимы были правила совершенной справедливости, чтобъ въ случаѣ выбора собственной пользы и общественной, общественная собственной предпочитаема была, и общему благу всякъ бы преданъ былъ съ искренностію и ревностію. Вѣра предписываетъ, чтобы человѣкъ заботился больше объ интересахъ ближняго, нежели своихъ, при томъ такъ, чтобы, въ случаѣ нужды, человѣкъ готовъ былъ положить жизнь за братію свою. „Сіи то суть златые узы, которыми общество всякое связуется; сіи то суть божественныя жилы, по коимъ течетъ священная кровь, хранящая въ себѣ жизнь и благосостояніе общества..."(*)

Отсюда видимъ, что обязанности гражданина и христіанина должны быть тѣсно соединены между собою. Одно другому служитъ основаніемъ: и не возможно, чтобъ кто нибудь былъ добродѣтельнымъ гражданиномъ, когда сердце его не управляемо благочестіемъ. Страшенъ для насъ будетъ такой другъ, товарищъ, сосѣдъ, сотрудникъ, котораго совѣсть страхомъ Божіимъ не обуздана. Мы должны быть увѣрены, что когда насъ въ чемъ обманутъ, или причинятъ намъ вредъ, будутъ имѣть мстителями не насъ только, но и того, который испытуетъ сердца и утробы (Пс. 7 ст, 10)(**). «Неосновательно и смѣха достойно умствованіе мудрецовъ вѣка сего, «что какъ бы ни думать, хорошо ли, худо ли, только поступай хорошо, будь хорошимъ исправнымъ гражданиномъ». Такое мнѣніе раздѣляетъ на двѣ части человѣка и предполагаетъ, что будто онъ можетъ что нибудь по наружности дѣлать, въ чемъ внутреннее чувство не будетъ принимать

(*) Т. II, стр. 361—375.
(**) Слово въ день царевича Димитрія. Т. 4, стр. 362.

никакого участія. Но такое дѣйствіе не будетъ человѣческое, какъ не имѣющее разумнаго основанія; да и никакимъ дѣйствіемъ почесться не можетъ, а будетъ только одна тѣнь дѣйствія, ничего не означающая.... Не основательно и тѣ думаютъ, которые говорятъ, что можно дѣлать добро безъ всякаго закона откровеннаго, а на основаніи законовъ естественныхъ, присущихъ человѣческой природѣ. Но законъ естественный не иное что утверждаетъ, какъ-то, что дѣла наши не могутъ быть не порочны. Исторія(*), которая подала случай къ празднственному воспоминанію нынѣшняго дня представляетъ множество примѣровъ этому. Дерзнули бъ когда нѣкоторые изверги быть предателями отечества, если бъ въ сердцѣ ихъ былъ страхъ Божій? Были законы гражданскіе, которые все то воспрещали подъ смертною казнію; но ни мало сіе не удержало порочнаго стремленія, когда «не искусиша Бога имѣти въ разумѣ». (Римл. гл. 1 ст. 28) (**).

Такимъ образомъ проповѣдникъ,—признавая необходимость жизни общественной, вытекающую изъ нуждъ, опредѣляющихъ личное состояніе каждаго, отдѣльно взятаго человѣка,— основою и сущностію этой жизни признаетъ взаимную, безкорыстную и самоотверженную христіанскую любовь. Всякая другая любовь, основанная на естественномъ влеченіи человѣка къ человѣку, не прочна; «потому что страсти, воюющія въ насъ, раздираютъ человѣка на двѣ противоположныя части, такъ что принуждены бываемъ съ Павломъ вопить: «Не еже хощу, сіе творю, но еже не навижу, то содѣловаю: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю». (Римл. 7, 18) (***).

Такъ искусно направляетъ проповѣдникъ свое слово противъ деистовъ, которые, хотя признавали нужду добрыхъ дѣлъ и любили добродѣтель, какъ нравственную красоту: но добродѣтель ихъ основывалась не на требованіяхъ откровеннаго закона, а только на коренныхъ началахъ нашего естества. Энциклопедистамъ и матеріалистамъ, отвергавшимъ вѣчную жизнь, а потому естественно полагавшимъ все благо своей жизни въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не обращая вниманія на нужды

(*) Убіеніе царевича Димитрія.
(**) Т. 4, стр. 364, 365.
(***) Т. 1, стр. 89.

другихъ, проповѣдникъ даетъ совѣты сообразно ихъ точки зрѣнія, чтобы доказать имъ нелѣпость ихъ воззрѣній. „Общее добро нужно почитать паче собственнаго своего. Ибо мы всѣ союзомъ общества связаны, и на семъ основано благополучіе наше: почему, когда общую пользу не сохранимъ, то и свою потеряемъ." «Когда человѣкъ, занимаясь собою, не уважаетъ союза, разстроиваетъ твердость зданія и теряетъ свою пользу; при разстройствѣ цѣлаго состава, часть не останется цѣлою и человѣкъ вредитъ себѣ».(*)

Вообще митрополитъ Платонъ въ своихъ поученіяхъ началамъ деизма противополагаетъ истину откровенной религіи, законамъ естества пути провидѣнія, матеріалистическому взгляду на мораль, приводимую въ движеніе единственно эгоизмомъ строгость христіанской морали, основанной на самоотреченіи.

Чтобы предостеречь вѣрныхъ отъ увлеченія ложными ученіями и искоренить зло, начавшее проникать почти во всѣ слои русскаго общества, митрополитъ Платонъ прибѣгаетъ для этой цѣли къ различнымъ средствамъ. Онъ поставляетъ ложь передъ истиною, указываетъ признаки мудрости плотской, мірской и мудрости духовной; увлекательными чертами изображаетъ послѣднюю, чтобы заставить слушателей полюбить ее и въ такомъ некрасивомъ видѣ представляетъ мудрость плотскую, отвергающую откровеніе, что въ слушателяхъ должно было явиться къ ней недовѣріе. «Плотская мудрость, говоритъ проповѣдникъ, во многихъ умствованіяхъ не полезныхъ упражняется, и въ нѣкоторыя входитъ тонкости, которыя настоящую истину только что потемнять способны... Но премудрость духовная дѣлами, а не словами философствуетъ. Она тогда почитаетъ, что рѣшила труднѣйшій вопросъ, когда успокоитъ смущеніе совѣсти нашей и покажетъ дорогу изъ лабиринта страстей, насъ выводящую. Плотская мудрость не имѣетъ твердаго основанія, и на подобіе трости колеблется: но духовная премудрость тверда, несомнительна, закрѣпленная свидѣтельствомъ совѣсти. Плотская мудрость высокомѣрна, надменна и презрительна; ду-

(*) Слово въ день Казанскія Божія матери. Т. III, стр. 115, и—въ день Св. царевича Димитрія стр. 35.

ховная же премудрость кротка и человѣколюбива. Плотская мудрость малодушна и лицемѣрна; но такое ли дѣйствіе премудрость духовная имѣла въ своихъ христіанахъ? лицемѣрили ли они, когда приводимы были предъ тираномъ? Показавъ различіе между мудростію плотскою и духовною, проповѣдникъ говоритъ: «отсюда мы можемъ заключить, слушатели, сколь одна премудрость человѣку полезна, а другая суетна и вредна; ибо какая польза человѣку, ежели онъ будетъ только прилежный испытатель натуры, искуснѣйшій наблюдатель теченій небесныхъ, и высоковитійствующій словесникъ; но со всѣмъ тѣмъ не почерпнетъ живой воды богопознанія изъ источниковъ Израилевыхъ, и не будетъ знать тѣхъ таинъ, которыя показываютъ путь къ вѣчному счастію? Сколь мы блаженны, что намъ, вѣрующимъ во Іисуса Христа, сія божественная мудрость всегда въ Евангеліи благовѣствуется, и оную драгайшій нашъ учитель намъ дать обѣщаетъ. «Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ» (Лук. 21, 15). (*) Указавъ различіе истинной мудрости и ложной, проповѣдникъ въ другихъ словахъ(**) совѣтуетъ слушателямъ удаляться отъ иноплеменниковъ, «яко вредныхъ и мерзкихъ членовъ общества, не слушать ихъ разговоровъ, соблазна исполненныхъ, не читать сочиненій и стишковъ развратомъ, а иногда и хуленіемъ на вѣру дышущихъ, а возымѣть святое честолюбіе, возгорѣть огнемъ ревности, изобличить вредную ложь, постыдить наглость и сохранить честь своей вѣры, ея святую древность и ея св. законы, чтобы не иноплеменники намъ были наставниками, а у насъ бы научились вѣрѣ въ Бога и добрымъ дѣламъ.

Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для уничтоженія въ Россіи „иноплеменнаго“ зла, разрушавшаго православную вѣру и колебавшаго основы нравственности, митрополитъ Платонъ находитъ нравственное воспитаніе, и изъятіе русскихъ юношей изъ рукъ европейскихъ выходцевъ, вводившихъ въ систему воспитанія разрушительныя начала. Нуж-

(*) Т. 1. стр. 48. Также: поучит. слова при Высочайш. дворѣ учит. іеромон. Платона (особое изданіе 1764 г.), стр 3—15.

(**) Т. 1, стр. 73. Т. 12, стр. 18—19.

но замѣтить, что митрополитъ Платонъ не былъ одинокъ въ своемъ желаніи. Желаніемъ Императрицы Екатерины II и всѣхъ лучшихъ людей ея времени было положить нравственное воспитаніе въ основу гражданскаго устройства, создать чрезъ такое воспитаніе новую породу людей, которая бы соединяла въ себѣ ученость съ добродѣтелію. Эта мысль высказана ею и въ „Наказѣ.“ Митрополитъ Платонъ въ своихъ поученіяхъ весьма часто проводитъ въ сознаніе общества это желаніе лучшихъ людей, говоритъ о необходимости воспитанія, его значеніи и характерѣ. Въ словѣ на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы(*) проповѣдникъ примѣромъ Іоакима и Анны,—которые, когда ихъ дочери было только три года, приводятъ ее въ храмъ и вручаютъ воспитателямъ, въ благоразуміи и благонравіи просвѣщеннымъ учителямъ, чтобъ посѣяли на сердце ея сѣмена добродѣтели, насадили бъ въ ней страхъ Божій, научили бъ ее правиламъ честности, — убѣждаетъ родителей заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей также съ раннихъ лѣтъ и вселять въ нихъ чрезъ воспитаніе добрые нравы; обличаетъ ихъ за то, что они не имѣютъ радѣнія о дѣтяхъ своихъ, подобнаго радѣнію Іоакима и Анны: поручаютъ любезный залогъ людямъ неизвѣстнымъ, пришельцамъ, никакихъ въ себѣ слѣдовъ честности не имѣющимъ; и чему они обучаютъ? Говорить иностранными языками, пласанію, какъ обращать мечь, чтобъ въ случаѣ страстнаго жара могъ его употребить на пронзеніе другаго. А обученіе закону гдѣ? А изъясненіе существенныхъ понятій добра и зла гдѣ? А выразумѣніе настоящаго человѣческаго благополучія и несчастія гдѣ? Сіе предоставляется судьбѣ. А въ домахъ родительскихъ что увидятъ дѣти, что услышатъ? Увидятъ роскошь безпредѣльную, праздность всегдашнюю, ревнованіе, какъ одному другаго превзойдти въ мотовствѣ. Услышатъ разговоры безбожіемъ смердящіе. А гдѣ дѣти насъ сидятъ, гдѣ находятъ?... На зрѣлищахъ, на конскихъ ристаніяхъ, или охотахъ, въ сборищахъ нечестіемъ прикрытыхъ и подозрительныхъ». Подобную же заботу о воспитаніи дѣтей митрополитъ Платонъ внушаетъ въ „Словѣ въ недѣлю четвертую великаго по-

(*) Т. 4, стр. 163—167.

ста.(*) Здѣсь онъ совѣтуетъ начинать воспитаніе младенца, когда онъ еще въ колыбели. Подробно стараться ничего предъ нимъ не дѣлать и не говорить, чтобъ могло дать худое впечатлѣніе его мысли. Надобно ихъ предостерегать потомъ отъ сообщества съ дурными. Находить благоразумныхъ и честныхъ учителей, которые бы дѣтямъ открыли истинное просвѣщеніе, да и добрымъ примѣромъ, то бы утвердили. Здѣсь же онъ рѣшаетъ вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе? Узнать Бога и себя, знать, что есть общество и связь его, въ чемъ состоитъ истинная слава, что есть честность и какъ ее къ себѣ приводить, чтобы корысть скупую не преодолѣла. Такъ заботливо проводилъ Платонъ между своими современниками мысль о необходимости воспитанія, и при этомъ онъ вездѣ опредѣлялъ, въ чемъ состоитъ существенная сила воспитанія, какой долженъ быть характеръ его.

«Воспитаніе есть приготовленіе къ добродѣтели, говоритъ Платонъ въ словѣ о воспитаніи при заложеніи императорской академіи художествъ (1765 г. іюля 7 дня),(**) и потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли, а больше ничего. А состоитъ оно, чтобы познать Создателя своего, познать себя и конецъ созданія своего. На семъ и незыблемомъ утвердясь основаніи, душу свою такъ приготовить, чтобъ возлюбить благочестіе, снискать къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ низшимъ снисхожденіе, съ равнымъ усердіе, къ родителямъ, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; въ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну. Въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила.

Въ томъ же словѣ проповѣдникъ указываетъ и способы, какими можно достигнуть такого идеала воспитанія. Первый и наилучшій, по его мнѣнію, способъ въ воспитаніи есть добрый примѣръ. Онъ всегда дѣйствителенъ для всѣхъ; а

(*) Т. 4, стр. 298—305.
(**) Т. 1, стр. [illegible]

въ особенности для младенческаго возраста. Младенцы управляются почти одними чувствами; и ежели, что видятъ, что слышатъ, тѣмъ поражаются, то крѣпко напечатлѣваютъ въ памяти. Сія укрѣпленныя въ младенчествѣ добрыя или худыя впечатлѣнія во все будущее время будутъ имъ служить основаніемъ во всякихъ дѣлахъ... Поэтому если не хочешь, чтобъ младенецъ развращенъ былъ, не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ зерцаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему онъ подражать долженъ. Сія, можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе той многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ: а сердце имѣть привязанное къ страстямъ земнымъ?

Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели честностію дѣлъ не будутъ препровождаемы.“ Въ словѣ „о пользѣ ученія“, сказанномъ въ придворной церкви 1765 г. сентября 29 дня, митрополитъ Платонъ говоритъ о различныхъ плодахъ образованія и обученія наукамъ; но въ заключеніи слова все таки напоминаетъ, что лучшій плодъ всѣхъ ученій есть честность и добродѣтель(*).

Вообще митр. Платонъ хотѣлъ, чтобы благочестие проникало во всю частную и общественную жизнь русскаго народа: и въ дѣла общенародныя (сѣнокошеніе, огороды и другія работы), и въ дѣла духовныя и дѣла гражданскія, военныя и въ занятія наукою.

Въ рѣчахъ привѣтственныхъ митр. Платонъ былъ высокимъ безъ напыщенности и трогательнымъ безъ притворства. Изъ нихъ превосходнѣйшею считается «рѣчь по совершеніи коронованія Александра I-го.» Въ напоминаніе священныхъ обязанностей повелителя народа, Платонъ между прочимъ сказалъ: „Предстанетъ лицу твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія, каковую едва ни когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія со гласомъ отъ

(*) Т. 1, стр. 357, 358.

Судіи неба и земли: „да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ тебѣ народамъ. Достигнутъ бо Престола твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, стѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ, мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную Державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ общій Отецъ, на права человѣчества! мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ, благочестію Твоему предстанетъ и церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная во одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія, и къ тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко первородному Сыну своему, прострѣтъ руки свои, и ими объявъ твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши не для себя товмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія!“

Лучшею изъ его надгробныхъ рѣчей признается рѣчь, сказанная въ вѣчную память Петра 1. Рѣчь эта заслужила благоволеніе Императрицы, удивленіе Двора и народа. Одержавши надъ турецкимъ флотомъ блистательную побѣду, Императрица Екатерина повелѣла совершить поминовеніе въ Петропавловскомъ соборѣ при гробѣ основателя Россійскаго флота. По окончаніи заупокойной литургіи, Платонъ съ каѳедры произноситъ въ вѣчную память Петра 1-го слово, въ которомъ, исчисливъ труды и побѣды Преобразователя Россіи, вдругъ неожиданно сходитъ съ каѳедры, приближается къ его гробницѣ, и коснувшись покрова ея, восклицаетъ: «Возстань теперь, великій Монархъ, отечества нашего Отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе Твое: оно не истлѣло отъ времени и слава его не помрачилася. Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ! флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ черномъ, не на океанѣ сѣверномъ. Но гдѣ? онъ на морѣ средиземномъ, въ странахъ

восточныхъ въ архипелагѣ, близъ стѣнъ константинопольскихъ, въ тѣхъ, то есть, мѣстахъ, куда ты не рѣдко око свое обращалъ и гордую намѣревалъ смирить Порту. О какъ бы Твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши! мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ; слыши, флотъ твой въ архипелагѣ, близъ береговъ азійскихъ, оттоманскій флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы торжествуя, именемъ твоимъ весь востокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны византійскія.

Столь внезапный переходъ рѣчи, столь смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразили слушателей изумленіемъ и даже невольнымъ страхомъ; стоявшій близъ гробницы правнукъ Петра 1-го Павелъ испугался, какъ онъ самъ сказалъ послѣ Платону, что «прадѣдушка встанетъ».

Построеніе проповѣдей митрополита Платона самое простое, не замысловатое. Онъ беретъ текстъ, коротко разъясняетъ смыслъ его, или всего евангелія, когда это нужно, и потомъ краткою молитвою къ Богу или обращеніемъ къ слушателямъ переходитъ къ раскрытію самаго предмета. Заключеніе краткое, иногда не больше 4 или 5 строкъ. Вообще для читающаго проповѣди Платона не представляютъ никакого затрудненія, чтобъ сразу понять ихъ содержаніе и ходъ мыслей.

Рѣчь его поученій простая, ясная; слогъ представляетъ средину между славянскимъ и русскимъ языкомъ. Рѣчи привѣтственныя отличаются большимъ краснорѣчіемъ и настроены на возвышенный тонъ; но этого требовали всѣ обстоятельства, при которыхъ произносились эти рѣчи: отборные слушатели, торжественная обстановка. Самъ Платонъ смотрѣлъ на „витійственный и испещренный слогъ,“ какъ на неприличный для церковной каѳедры: „Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна.“ Особенно находилъ Платонъ не умѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго словолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ. „Витійство полезно, чтобъ истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишне, но и вредно.

Излишне: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо дастъ подозрѣніе, что защитникъ побѣждаетъ, можетъ быть не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только тономъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія.(*)“ Прочитавъ проповѣди одного изъ проповѣдниковъ, Мельхиседека Заболоцкаго, Платонъ писалъ къ преосв. Августину: „скажите, чтобъ онъ өеоретическихъ и догматическихъ мыслей подалѣе себя велъ, чтобъ не заблудиться, а болѣе держаться нравоученія.“

О вліяніи проповѣди Платона на его современниковъ можно судить уже по тому сочувствію, какое оказывали его торжественнымъ рѣчамъ государя и придворные; но есть факты, которые говорятъ, что не одни торжественные рѣчи производили удивленіе въ слушателяхъ, а всѣ его слова безъ исключенія,—и не одно только удивленіе; но умиленіе и слезы. Однажды Императрица Екатерина, внимая поученію законоучителя въ день рожденія и причащенія св. тайнамъ великаго князя, разстрогалась до слезъ и сказала послѣ: «Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали—мы плачемъ». А вотъ отзывъ старожиловъ о проповѣди Платона: „Бывало, какъ взойдетъ онъ на амвонъ,—собою такой лѣпообразный, среброволосый, съ лицемъ сіяющимъ добротою, кротостію, мудростію и умиленіемъ; да какъ окинетъ всѣхъ своимъ умнымъ и проницательнымъ взоромъ, тутъ изъ глазъ его такъ струею и побѣжитъ какая-то обаятельная, притягивающая и располагающая къ нему сила. Вотъ и заговоритъ онъ—святитель нашъ—сначала тихо, но слышно было ясно каждое его слово, такъ ужъ умѣлъ онъ говорить. Тогда всѣми слушателями овладѣвало какое-то неизъяснимое благоговѣйное состояніе, и мы, съ трепетомъ сердечнымъ ловили каждое слово его. Наконецъ святитель начинаетъ мало по малу возвышать свой голосъ, (а онъ у него былъ звучный, полный, серебряный), и заговоритъ такъ складно, такъ убѣдительно, съ такою силою, съ такимъ одушевленіемъ, что глаза его вдругъ заблестятъ священнымъ огнемъ, лице горитъ неземнымъ восторгомъ,

(*) Т. V, стр. 172.

рѣчь, какъ потокъ лавы, льется съ необыкновенною силою, и въ это время онъ весь пылаетъ вдохновеніемъ пророка. Тутъ, кажется, всю жизнь слушалъ бы его!... И воспомянутся, бывало, всѣ прегрѣшенія, нажитыя нами въ омутѣ житейскомъ, и станетъ горько, больно сердцу; грустно потупишь глаза, и готовъ бы, кажется, тутъ же броситься къ ногамъ святителя, покаяться искренно ему во всѣхъ прегрѣшеніяхъ, и дать клятвенное слово не грѣшить болѣе, и наплачемся-то, бывало мы до сыта, слушая его поученія, и молимся послѣ поученія умильнѣе и горячѣе, и какъ будто перерождимся отъ его благодатнаго слова въ новую жизнь свѣтлую и отрадную... Великій человѣкъ былъ митрополитъ Платонъ, истинный архипастырь, высокопочтенный мужъ.

Анастасій Братановскій.

Его жизнь и общественная дѣятельность. Поучительныя слова Анастасія Братановскаго, говоренныя въ С.-Петербургѣ при Высочайшемъ Дворѣ и другихъ мѣстахъ, въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ и въ Астрахани. Направленіе и характеръ его проповѣдничества. Главное содержаніе словъ: указаніе источниковъ невѣрія; доказательства безсмертія души; обличеніе невѣрія въ Промыслъ Божій. Обличеніе эгоистическихъ стремленій вѣка и ученіе о необходимости общественной жизни съ верховною властію. Рѣшеніе вопроса о счастіи. Замѣчаніе о степени вліянія поученій Братановскаго на его современниковъ.

Въ то время, когда раздавалось могучее пастырское слово митрополита Платона, когда вся Москва стремилась услышать изъ устъ знаменитаго пастыря слово назиданія,—въ уединенныхъ стѣнахъ вологодской семинаріи скромно подвизался на поприщѣ проповѣдничества новый Платонъ. Это былъ извѣстный впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, а потомъ астраханскій Анастасій Братановскій. Родился онъ 16 октября 1761 года въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Барышевкѣ,(*) гдѣ родитель его Симеонъ Кондратьевичъ былъ

(*) Полт. губ. Переясл. у.

протоіереемъ церкви Рождества Богоматери. Для образованія въ наукахъ Андрей(*) отданъ былъ родителемъ въ переяславскую семинарію. Хорошіе успѣхи и честное его поведеніе пріобрѣли ему вскорѣ благосклонность начальниковъ и учителей. По окончаніи ученія въ переяславской семинаріи, Андрей Братановскій приглашенъ былъ въ 1782 году учителемъ въ сѣвскую семинарію, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ въ низшихъ классахъ. По вызову дяди своего, преосвященнаго Вологодскаго Иринея, Андрей Братановскій изъ Сѣвска перешелъ въ Вологду, гдѣ опредѣленъ былъ учителемъ семинаріи сначала по предметамъ поэзіи и ариѳметики, а потомъ риторики, исторіи и географіи. Ученики его вспоминали послѣ о своемъ учителѣ съ глубокимъ чувствомъ благодарности. Въ Вологдѣ онъ прожилъ пять лѣтъ отъ 1784 до 1789 года. Въ это время Андрей почувствовалъ желаніе къ жизни тихой и спокойной—къ монашеству и заявилъ объ этомъ своему дядѣ. Дядя, видя еще незрѣлыя лѣта своего племянника, не одобрялъ его намѣренія и подъ разными предлогами отклонялъ его отъ исполненія этого намѣренія. Съ этою цѣлію, между прочимъ, онъ отпустилъ его для преподаванія во вновь устроившуюся тогда семинарію при Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Новг. губ.), надѣясь, что, перемѣнивъ мѣсто и занявшись дѣлами во вновь устроенной семинаріи, племянникъ перемѣнитъ принятое намѣреніе. Но здѣсь тишина и спокойствіе, окружающія уединенный монастырь, обращеніе съ людьми, которыхъ единственное наслажденіе состояло въ жизни безмятежной, бесѣда умнаго и добродѣтельнаго старца, архимандрита Іоакинеа, которому принадлежитъ честь устройства семинаріи и по желанію котораго былъ присланъ учителемъ въ эту семинарію Андрей Братановскій, развили въ послѣднемъ до крайней степени желаніе поступить въ монашество. По прошествіи года, дядя опять потребовалъ его къ себѣ въ Вологду для преподаванія въ семинаріи риторики и кромѣ того возложилъ на него обязанность изъяснять въ церкви по воскреснымъ днямъ Священное Писаніе, а иногда и сказывать проповѣди. Здѣсь онъ имѣлъ случай въ первый разъ

(*) Мірское имя Анастасія

обнаружить свои проповѣдническія дарованія, которыя доставили ему удивленіе и почтеніе отъ всего города Онъ былъ любимъ учениками, потому что много трудился надъ ихъ просвѣщеніемъ и образованіемъ; любимъ былъ и обществомъ, потому что, при посредствѣ своего дяди, часто дѣлалъ добро людямъ, дѣлалъ то, чего умъ и знаніе были достойны. Но никогда онъ не гордился своими преимуществами; въ немъ не было надменности; а это то и привлекало къ нему сердца всѣхъ. Преосвященный Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій, узнавшій о дарованіяхъ Братановскаго, упросилъ Иринея отпустить опять своего племянника въ его епархію для преподаванія въ Кирилло-Бѣлозерской семинаріи. Съ прискорбіемъ выѣхалъ Андрей изъ Вологды въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, потому что дядя его сталъ слабъ силами и находилъ въ немъ хорошаго себѣ помощника. Въ Бѣлозерскомъ монастырѣ Андрей Братановскій не пробылъ и года; митрополитъ Гавріилъ вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ учителемъ въ александроневской семинаріи. Здѣсь онъ принялъ монашество; руководимый митрополитомъ Гавріиломъ, и наименованъ былъ «Анастасіемъ». Это было въ 1790 г. 26 іюня.

Кромѣ учительства въ невской семинаріи и произношенія катихизическихъ поученій по воскреснымъ днямъ, онъ въ субботу, послѣ обѣда, преподавалъ Законъ Божій юнымъ питомцамъ гвардіи измайловскаго полка; 28 январа 1792 года опредѣленъ былъ въ Шляхетный Кадетскій корпусъ законоучителемъ. Любовь и уваженіе вездѣ слѣдовали за нимъ. Ученики обожали своего учителя за его прекрасныя нравственныя наставленія, за его обхожденіе съ ними; начальство почитало его за отличный умъ, прилежаніе и за его добродѣтели. Возвышаясь въ своихъ іерархическихъ степеняхъ, Анастасій въ 1792 г. 8 сентября возведенъ былъ въ санъ архимандрита. Въ этомъ санѣ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ (1793, 94, 95) исправлялъ въ Петербургѣ чреду священнослуженія и сказывалъ при Дворѣ и въ другихъ мѣстахъ „Слова поучительныя,“(*) Эти поученія и составили, главнымъ образомъ, славу Анастасія. Великія нравственныя

(*) Печатаны въ I и II т. его проповѣдей.

истины, которыми наполнены онѣ, убѣдительное краснорѣчіе и искусный выборъ матерій, пріобрѣли ему славное имя российскаго массильона. Великая Екатерина неоднократно изъявляла ему свое особенное благоволеніе за его проповѣди; изъ нихъ нѣкоторыя были перечитываемы, по ея желанію, въ другой разъ въ ея кабинетѣ, и она произнесла о проповѣдяхъ Анастасія такое сужденіе: „Анастасію или должно подражать, или превзойдти его: но то и другое невозможно.“ Въ 1794 году Анастасій приглашенъ быть членомъ Императорской Россійской Академіи. Въ 1796 году назначенъ настоятелемъ первокласснаго Ставропигіальнаго московскаго Ново-Спасскаго монастыря и выѣхалъ въ Москву; въ томъ же году указомъ Павла 1 пожалованъ въ члены Святѣйшаго Синода и опять вызванъ былъ въ Петербургъ съ возвращеніемъ ему законоучительской должности въ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1797 году Анастасій пожалованъ во епископа Бѣлорусскаго и Могилевскаго. По прибытіи изъ Петербурга въ Могилевъ 31 января 1798 года, онъ встрѣченъ былъ всѣмъ обществомъ съ усердіемъ и любовію, которыя выразились въ привѣтственной рѣчи, сказанной отъ лица всей Бѣлорусской церкви. Бѣлорусская епархія была въ то время еще крайне разстроенною. Георгій Конискій успѣлъ возстановить права Бѣлоруссовъ и многихъ изъ нихъ возвратить въ лоно православной церкви; но не успѣлъ еще сообщить вновь образовавшейся церкви внутренняго порядка, единства и спокойствія. Въ епархіи происходили постоянныя ссоры между духовенствомъ разныхъ вѣроисповѣданій и производили великій безпорядокъ во всѣхъ частяхъ епархіальнаго управленія. Анастасій Братановскій съ тактомъ и умомъ взялся за дѣло устройства внутренняго порядка: обличая неправыхъ, онъ мирилъ стороны, поселялъ между ними согласіе и терпимость своею кротостію и справедливостію рѣшеній. Устроивъ дѣла епархіи Анастасій обратилъ вниманіе и на устройство семинаріи. Онъ далъ ей новый видъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вызвалъ лучшихъ учителей изъ разныхъ мѣстъ, далъ имъ хорошее жалованье, увеличилъ число научныхъ предметовъ. Кромѣ того онъ увеличилъ число казенныхъ воспитанниковъ, – и бѣдные священно-церковно-служители имѣли утѣшеніе видѣть дѣтей своихъ пользующимися и ученіемъ и содержаніемъ. На свой счетъ онъ воспитывалъ четы-

рехъ лучшихъ учениковъ изъ духовнаго званія и десять молодыхъ бѣдныхъ людей не изъ духовнаго званія. Онъ давалъ имъ содержаніе, квартиру, одежду, учителей и, по окончаніи ихъ образованія, опредѣлялъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Онъ учредилъ при семинаріи больницу, чего прежде не было. Убѣдилъ могилевское общество учредить общественную больницу и самъ помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ дѣлъ благотворительности, Анастасій говорилъ поученія въ праздничные дни(*), онъ всякій воскресный день толковалъ въ церкви евангеліе; въ свободные же дни занимался сочиненіями и переводами.

1801 года сентября 15 дня, во время коронаціи Александра 1, Анастасій былъ пожалованъ въ архіепископы: а въ 1805 году вызванъ изъ Могилева въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ написалъ планъ для преобразованія духовныхъ училищъ, за что награжденъ былъ панагіей, осыпанной бриллiантами.

Отъ усиленныхъ трудовъ и отъ простуды въ Анастасіѣ показались признаки наслѣдственной въ его родѣ болѣзни — чахотки. Это заставило его перейдти изъ Могилева въ Астрахань для поправленія въ тепломъ климатѣ разстроеннаго своего здоровья. 1806 года 7 февраля онъ прибылъ въ Астрахань, а 9 декабря того же года скончался. Въ короткое время управленія астраханскою паствою Анастасій пріобрѣлъ любовь и уваженіе не только духовныхъ, но и свѣтскихъ особъ. При всемъ упадкѣ силъ, онъ успѣлъ сказать одиннадцать поученій въ соборѣ и другихъ приходскихъ церквахъ(**).

Анастасій былъ человѣкъ простой, благодѣтельный. Никогда не заставлялъ онъ долго ждать себя въ передней. Разговаривалъ съ ввѣренными пастырству его не голосомъ гордаго начальника, но голосомъ дружества, снисходительности, или, когда требовалъ случай, голосомъ увѣщанія, затрогивающимъ сердца. Въ бесѣдѣ друзей онъ былъ другъ въ полномъ смыслѣ этого слова: его умные, живые разговоры и

(*) Печатаны въ III т. его проповѣдей.
(**) Напечатаны въ IV томѣ.

остроты возбуждали удовольствіе и радость въ дружескомъ обществѣ. Отъ природы былъ онъ нрава веселаго, и хотя заботы, сопряженныя съ его званіемъ, уменьшали его веселость, однако лице его никогда не показывало угрюмости и важности, которыя производятъ въ другихъ непріятныя чувствованія. Благотворительность была отличительною чертою его характера; никогда бѣдный не отходилъ отъ него безъ удовольствія, никогда не оставлялъ онъ страждущаго человѣка, не подавъ ему помощи.

Съ живою вѣрою въ искупителя, въ сладостной надеждѣ на будущую жизнь, Анастасій предалъ свою душу въ руцѣ Бога живаго. Уже когда глаза его закрывались, члены холодѣли, онъ не переставалъ поучать окружающихъ его смертный одръ; онъ говорилъ имъ о тѣхъ истинахъ, о которыхъ проповѣдывалъ во всю свою жизнь: объ искупителѣ, о вѣрѣ, о жизни будущей.... Предстоящіе рыдали... Но Анастасій замолкъ.

Отъ Анастасія Братановскаго дошло до насъ нѣсколько оригинальныхъ сочиненій и переводныхъ съ французскаго; но славу его составляютъ: „Поучительныя слова,“ говоренныя имъ въ Петербургѣ при Дворѣ и другихъ мѣстахъ, Москвѣ, въ Могилевѣ и Астрахани. Всѣхъ проповѣдей его дошло до насъ 74. Онѣ сказаны были въ промежутокъ времени отъ 1792 г. до 1806 включительно.

По своему главному направленію Анастасій принадлежитъ къ категоріи проповѣдниковъ разсматриваемой нами эпохи. Онъ также, какъ и его предшественники, въ своихъ проповѣдяхъ воспроизводитъ нравы современниковъ и съ пастырскою ревностію обличаетъ тѣ крайности въ умственномъ и особенно въ нравственномъ направленіи, которыя шли въ разрѣзъ съ евангельскимъ ученіемъ. Онъ говоритъ „о подчиненіи разума вѣрѣ и обузданіи чувственности,“ „о безсмертіи души, о промыслѣ Божіемъ“ и т. п. Невѣріе представляется у Анастасія плодомъ естественной испорченности человѣческаго разума и гордаго, самолюбиваго желанія ограничиться въ жизни руководствомъ этого, по выраженію проповѣдника «малонадежнаго орудія».

„Безвѣрный, говоритъ Анастасій, опираясь всею крѣпостію ума и сердца своего на естество природы, хочетъ разить однимъ ударомъ всѣ обличенія, дѣлаемыя противъ

его.(*) „Но что твой умъ,“ восклицаетъ проповѣдникъ, между миллiонами умовъ толико превосходнѣйшихъ тебя? Что твои свѣдѣнiя правъ Божественныхъ, естественныхъ и политическихъ? Что твое ученiе предъ облакомъ, засвидѣтельствовавшимъ всю ученость громомъ и молнiею славы.(**)

Но излишняя вѣра въ разумъ—не единственный источникъ невѣрiя. Вторымъ источникомъ, порождающимъ его, служатъ плотскiя стремленiя, какъ силы, заглушающiя внутренний голосъ души. Необходимымъ результатомъ такого направленiя жизни является въ болѣе или менѣе сознательномъ человѣкѣ желанiе оправдать свое поведенiе посредствомъ придуманной теорiи, отрицающей всякое значенiе духовныхъ потребностей, прикрыть безнравственность маскою научнаго принципа и убѣжденiя. «Начало и основанiе всему нравственному злу есть развращенное человѣческое сердце... Развратный и невѣрующiй человѣкъ подобенъ гордому тщеславцу, старающемуся прикрасить безобразное пятно на лицѣ своемъ, обмануть зрителей и себя самаго; тако безвѣрный тщится оправдать растлѣнiе своего сердца фальшивыми средствами и отвергаетъ спасительное врачество.(***) „Ни разсудокъ, ни совѣсть, ни стыдъ не полагаютъ предѣловъ въ стремленiяхъ невѣрующаго къ удовлетворенiю страстей, и привязанный къ разнаго рода удовольствiямъ, роскоши и сладострастiю, онъ безбоязнено проповѣдуетъ, будто вѣра, евангелiе и законъ связываютъ человѣческую свободу и дѣлаютъ его невольникомъ и рабомъ.“(****)

Гдѣ жъ причина невѣрiю и нечестiю? «Въ худомъ воспитанiи,—отвѣчаетъ проповѣдникъ.(*****) Мысль о дурномъ воспитанiи и послѣдствiяхъ его развивается во многихъ проповѣдяхъ Анастасiя. «Наставники, наставники! ежели вы напечатлѣнное самимъ Богомъ въ сердцахъ человѣческихъ желанiе познать истиннаго Бога изглаживаете своимъ небреженiемъ, или своемудрiемъ,—то вы Богоубiйцы. Учители, учители! ежели вы естественный законъ,—дѣйствующiй въ

(*) Т. 2, стр. 6.

(**) Т. 4. стр. 69. Здѣсь изображаются явленiя природы, среди которыхъ Богъ начерталъ законъ Израилю.

(***) Т. 2. стр 5.

(****) — 10.

(*****) Ibid,

совѣстяхъ человѣческихъ къ добротворенію, къ Богослуженію,—развращаете или суетными преданіями, или закоренѣлыми привычками; вы человѣкоубійцы».(*) Послѣдствія дурнаго воспитанія проповѣдникъ изображаетъ такимъ образомъ: «Невѣрующій еще отрокъ сый, но уже старческимъ нечестіемъ зараженный, оную кротость и смиреніе, которыя для родителей составляютъ наиприятнѣйшее удовольствіе, имѣетъ обращенными въ буйство вольнодумства, и тѣми нѣжными устами, на которыхъ не изсякло еще матернее млеко, уже отрыгаетъ богохульство, то имя Божіе въ клятвахъ сквернословныхъ безчестя, то ругаясь надъ ученіемъ вѣры, то все Божественное отвергая».(**) Въ виду этого не нормальнаго строя въ воспитаніи, Анастасій рекомендуетъ полагать въ основу его страхъ Божій. «Безъ страха Божія искусный математикъ есть наибольшій безбожникъ; глубокій историкъ есть дерзостнѣйшій безвѣръ; а тонкій литераторъ есть распутнѣйшій нечестивецъ. И для сего ли воздвигаются святилища наукъ? На каждомъ изъ таковыхъ храмовъ должно положить сію надпись: «Начало премудрости есть страхъ Господень». Надпись должна быть напечатлѣна въ умахъ и сердцахъ учащихъ и учащихся».(***) Нѣтъ надобности доказывать, что эти обличенія и наставленія имѣли почву въ системѣ тогдашняго воспитанія, которымъ заправляли французскіе педагоги и гувернеры.

Въ другихъ словахъ Анастасій полемизируетъ противъ общаго современнаго направленія чрезъ раскрытіе тѣхъ истинъ христіанства, авторитетъ которыхъ подвергался сомнѣнію. Онъ говоритъ о безсмертіи души, о промыслѣ, о высшемъ благѣ, или истинномъ счастіи и т. п. Образцемъ разсужденій Анастасія въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи души могутъ служить слова его, сказанныя при погребеніи Бецкаго(****) и Шувалова.(*****) Представивъ въ первомъ изъ нихъ образъ добродѣтельнаго человѣка и указавъ на то, что добродѣтель, по самому свойству своему, не имѣетъ ничего

(*) Т. 4, стр. 5. См. т. 2, стр. 9.
(**) Т. 4, стр. 34.
(***) Т. 4, стр. 93. Изъ слова при открытіи астраханской гимназіи. См. также слово въ великій пятокъ. Т. 1, стр. 44.
(****) Т. 1, стр. 194. (*****) Т. 2, стр. 187.

соотвѣтствующаго, что бы могло служить для нея достаточною наградою въ здѣшней жизни, проповѣдникъ приходитъ къ заключенію о безсмертіи человѣка. Доказывая свое основное положеніе, Анастасій отвергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположныя ему понятія. Какъ проповѣдникъ нравственно практическій, Анастасій при выборѣ доказательствъ, избѣгаетъ отвлеченныхъ разсужденій, а обращается къ нравственному чувству и здѣсь находитъ подтвержденіе того, что цѣль человѣка заключается въ небѣ. Нравственное чувство не можетъ быть удовлетворено никакими земными удовольствіями, значитъ «не для земли, — для неба, не для тварей, — для Бога сотворенъ человѣкъ. Богъ его есть и желаній конецъ и любви предметъ».(*)

Невѣріе въ промыслъ Божій Анастасій обличаетъ слѣдующимъ образомъ: «Я изъ бѣднаго и низкаго рода пробиваюсь сквозь толпу неизвѣстности, выхожу на театръ просвѣщеннаго свѣта, сыскиваю друзей и благодѣтелей, поступаю на степени чести, получаю уваженіе и довѣренность, слава и богатство текутъ ко мнѣ рѣкою, и — кажется, все убѣждаетъ меня признать преображеніе предо мною промысла Божія. Но тутъ же и осѣняетъ облако самохвальства, облако величанія, облако гордости, облако презрѣнія другихъ, облако дерзости гремящія: гдѣ есть Богъ? Не азъ ли градъ мой соорудихъ сею хитростію ума моего, сею крѣпостію руки моея».(**)

Направляетъ Анастасій свое слово и противъ эгоистическихъ стремленій, доказываетъ необходимость взаимныхъ услугъ и общественности. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его слова: въ день рожденія Императрицы Екатерины, въ который кадетскій корпусъ праздновалъ 25 лѣтній юбилей(***) и слово въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.(****) Противъ мнѣнія политиковъ, которые основываютъ начало обществъ на насиліи, хитростяхъ, обманѣ и корысти, Анастасій выводитъ, подобно Платону, необходимость общества изъ природы человѣка, изъ его внѣшнихъ и

(*) Т. 1, стр. 15—17.
(**) Т. 4, стр. 78.
(***) Т. 1, стр. 1—10
(****) Т. III, стр. 111.

внутреннихъ потребностей. Основу и сущность общественной жизни поставляетъ въ пожертвованіи личными благами благу общества.(*) Жизнь, основанная на такихъ началахъ, говоритъ проповѣдникъ, будетъ подобна жизни людямъ во дни Соломона. «И поживетъ кійждо подъ смоковницею (3 цар. 4, 25) своихъ благословенныхъ трудовъ, и подъ виноградомъ удовольствія, какое получаетъ сердце творящее другому добро».(**) Порукою прочности такого общества и надеждъ на всегдашнее общее благоденствіе онъ признаетъ Монарха, въ которомъ живетъ Духъ Божій(***) и который совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели истиннаго христіанина. Идеалъ такого монарха онъ указываетъ обществу въ Государѣ Александрѣ Благословенномъ, котораго называетъ мудрымъ законодателемъ, начертавшимъ законы съ мудрымъ пониманіемъ человѣчества во всѣхъ его способностяхъ и недостаткахъ, совершенствахъ и слабостяхъ, нуждахъ и избыткахъ,—праведнымъ судіею, суды котораго истинные, не по общей только идеѣ законовъ, но и по вникавію въ разбирательство самыхъ началъ, причинъ, побужденій человѣческихъ, дѣяній, подвергающихся суду,—патріотомъ, любовь котораго всеобъемлющая, для просвѣщенія умовъ, сердецъ, нравовъ, онъ съ пламенною ревностію вездѣ ищетъ людей и нося въ сердцѣ своемъ незыблемость и совершенства общаго благоденствія, всего себя для него истощаетъ. Его престолъ составленъ изъ сердецъ вѣры и любви; Его величество—милость и судъ, истина и мудрость, кротость и великодушіе; царствованіе Его есть царствованіе не страха, но совѣстей; есть царствованіе радостей каждаго о состояніи своемъ и къ присному объ общемъ благоденствіи радованію незыблемыхъ надеждъ порука».(****)

Такимъ образомъ проповѣдникъ, хотя и признавалъ нравственныя христіанскія начала необходимою основою общественнаго единодушія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошо понималъ, что пока человѣкъ находится въ здѣшней жизни, онъ не можетъ достигнуть полнаго совершенства въ своихъ

(*) Т. 3, стр. 177—190.—Т. 1, стр. 1—10.
(**) Т. 3, стр. 115.
(***) Т. 4, стр. 116.
(****) Т. 3, стр. 174.

добродѣтеляхъ; страсти подъ различными условіями здѣшней жизни должны будутъ пробуждаться въ однихъ и возбуждать ихъ въ другихъ, нарушая миръ и спокойствіе; поэтому онъ считаетъ необходимымъ, чтобы надъ всякимъ обществомъ царилъ помазанникъ Божій, который бы, наставляемый и подкрѣпляемый силою Духа Божія, соблюдалъ самъ завѣщанныя ему отъ Бога добродѣтели, и поддерживалъ ихъ въ другихъ, усмиряя страсти и награждая добродѣтель.

Въ словахъ и рѣчахъ къ могилевской паствѣ «по полученіи извѣстія о короновапіи Императора Александра 1-го» и «при возстановленіи въ бѣлорусскомъ Могилевѣ губерніи» и другихъ Анастасій, во имя Бога и во имя любви къ государству, старается внушить своимъ слушателямъ любовь и полную преданность своему Государю и подражать его дѣламъ: «Истинные любители государства! вы нынѣ не имѣете потребы, да кто учитъ васъ священному долгу вашему. Самъ помазанникъ Божій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій Александръ 1-й высокомонаршими доблестями учитъ, како любити государство». Проповѣдникъ указываетъ тѣ доблести, которыя указаны выше.(*)

Въ неразрывной связи съ вопросомъ объ обществѣ и общественномъ благосостояніи стоитъ вопросъ и о личномъ счастіи человѣка и причинахъ неравномѣрнаго распредѣленія благъ земныхъ. Вопросъ этотъ одинъ изъ неотвязчивыхъ человѣческихъ вопросовъ. Въ немъ заключается тревожная задача для нашего сознанія: ища удовлетворительнаго рѣшенія его, человѣкъ ищетъ разгадки своего существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ возможнаго утѣшенія, такъ необходимаго для него среди тревогъ и печалей настоящей жизни. Этимъ объясняется то, почему еще въ древнія времена философы предлагали посильное утѣшеніе человѣку, невидѣвшему въ жизни исполненія своихъ желаній и не могущему согласовать съ своими требованіями печальную картину нашего существованія.

Въ XVIII вѣкѣ рѣшала этотъ вопросъ философія деистическихъ оптимистовъ, господствовавшая въ то время въ Ев-

*) Т. 8, стр. 164—190.

ропѣ и имѣвшая не мало послѣдователей у насъ въ Россіи. Въ связи съ этимъ стоятъ и проповѣдническія разсужденія о счастіи — у Анастасія. Но рѣшеніе этого вопроса въ проповѣди Анастасія не совпадаетъ съ рѣшеніемъ его философами. Тогда какъ философія пыталась достигнуть этого рѣшенія путемъ теоретическихъ изслѣдованій и обосновать счастіе человѣка на его естественныхъ силахъ, проповѣдникъ рѣшаетъ его положительно съ точки зрѣнія нравственно-христіанской. По мнѣнію Анастасія, философія не даетъ никакихъ прочныхъ основъ для счастія, такъ что одинъ слабый ударъ несчастія можетъ разбить въ дребезги эту шаткую теорію: «Разумъ никогда не перестаетъ искать счастія, но онъ, не будучи воскрешенъ вѣрою, носится токмо надъ поверхностію земною, и далѣе чувственныхъ благъ взоръ его не устремляется...

Когда не управляетъ дѣйствіями его небесная мудрость, онъ изъ одной крайности повергается въ другую. Скоро чувственныя прелести возлагаютъ оковы на всѣ его желанія. Онъ дѣлается плѣнникомъ страстей. Въ такомъ усыпленіи постигнувъ его несчастія громъ, вдругъ и устрашаетъ, и разитъ, и убиваетъ... Такимъ образомъ, онъ въ счастіи есть трость, колеблемая вѣтромъ противодѣйствующихъ страстей, а въ несчастіи—прахъ, восхищаемый отчаянія вихремъ»...(*) «Что можетъ утѣшить въ прискорбныхъ случаяхъ того, который никогда не полагалъ Бога помощникомъ себѣ? Терпѣніе, мужество, великодушіе, надежда. Вотъ щиты, которыми философія противу превратностей и бѣдствій вооружаетъ человѣка! Тщетныя вооруженія, слабыя защиты, если онѣ не укрѣплены твердымъ упованіемъ на провидѣніе и порученіемъ себя правленію Божію... Такой безбожный мудрецъ будетъ оплакивать безутѣшно судьбу свою, и прерывающимися смертными воздыханіями гласомъ вопить: «Обыде мя послѣдняя бездна, и нѣсть избавляяй мя».(**) «Счастливъ только истинный христіанинъ, который не плѣняется совершенствами своего ума и сердца, и во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ полагается на промыслъ Божій,—который

(*) Т. 1, стр. 119—120.
(**) Т. 1, стр. 57.

преданъ добродѣтели, съ готовностію исполняетъ всѣ возложенныя на него нравственныя и общественныя обязанности» (*)

Таковъ характеръ міровоззрѣнія Анастасія Братановскаго и другихъ проповѣдниковъ второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Они не подчиняли христіанскія истины контролю холоднаго разсудка; но съ ораторскимъ одушевленіемъ, съ глубокимъ чувствомъ вѣры въ эти истины и любви къ нимъ, раскрывали значеніе ихъ въ настоящей жизни человѣка. Эти качества проповѣдей были тѣми могущественными орудіями, при посредствѣ которыхъ проповѣдники увлекали своихъ слушателей и вызывали у нихъ слезы сердечнаго сокрушенія (**) Натуры цѣльныя и даже увлеченныя потокомъ общаго крайняго направленія, но еще сохранившія въ себѣ задатки нравственнаго чувства и душевной теплоты, не могли устоять противъ обаятельнаго вліянія проповѣдниковъ. Человѣкъ же односторонне развитый, привыкшій всякое непосредственное убѣжденіе чувства подчинять контролю холоднаго разсудка, могъ спорить съ проповѣдниками нравственнаго направленія и не убѣдиться ихъ доводами. Въ слѣдствіе этого въ исторіи русскаго проповѣдничества должна была появиться новая проповѣдническая эпоха, представители которой опровергали теоретическія заблужденія современниковъ строго-логическимъ путемъ.(***)

(*) Т. 1, стр. 59—60.

(**) Отзывъ Импер. Екатер. II о проповѣдяхъ Платона.

(***) Источники: Поучит. слова преосв. Анастасія 4 тома; изд. 1814 г. съ приложеніемъ къ первому тому начертанія жизни преосв. Анастасія. Странникъ 1876 г. т. 1, статья II. Покровскаго

Эпоха созерцательно-богословскаго направленія въ проповѣди, отъ конца прошедшаго до половины настоящаго вѣка.

Причины появленія этого направленія.

Хотя проповѣдники нравственнаго направленія успѣли сдѣлать многое для искорененія господствующаго невѣрія въ нашемъ отечествѣ, но они искоренили его тамъ, гдѣ атеизмъ не свилъ еще себѣ прочнаго гнѣзда, гдѣ идеи запада были однимъ только увлеченіемъ, а не сознательнымъ усвоеніемъ разума. Что же касается такъ называемаго высшаго общества, то оно, живя умственною, разсудочною жизнію, не могло удовлетвориться отвѣтами проповѣдниковъ предшествующаго періода; въ ихъ мысли происходило постоянное броженіе, и они спрашивали о всемъ: такъ ли это, почему такъ, точно ли это есть основаніе? и т. д. Такими вопросами задавалась тогда большая часть цивилизованнаго русскаго общества. Нужно было отвѣчать на эти вопросы; но отвѣчать такъ, какъ отвѣчала на подобные же вопросы проповѣдь предшествущей эпохи,—добрыми совѣтами и наставленіями, проникнутыми горячимъ религіознымъ чувствомъ, изложеніемъ одного нравственнаго христіанскаго ученія и указаніемъ его превосходства въ жизни предъ ученіемъ естественнымъ,—теперь было нельзя. Такими разъясненіями умилялось сердце, но умъ не удовлетворялся. Ему хотѣлось понять основу, сущность всего, что такъ привлекательно рисуется проповѣдниками; слѣдовательно нужно было говорить разсудку отъ разсудка, а не отъ сердца. Теоретическому убѣжденію, хотя бы основанному на ложномъ философскомъ принципѣ, нужно было противопоставить другой философскій принципъ, основанный на истинѣ, поразить ихъ тѣмъ же орудіемъ, которымъ они боролись, опровергнуть философское невѣріе путемъ строго логическаго разоблаченія его несостоятельности. Представителями новаго направленія въ проповѣди были: Ѳеофилактъ Русановъ, Экзархъ Грузіи, Филаретъ, митрополитъ московскій и херсонскій архіепископъ Иннокентій.

Θеофилактъ Русановъ, Экзархъ Грузіи.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Θеофилакта Русанова. Обзоръ проповѣдей Θеофилакта. Ученый характеръ ихъ. Способъ рѣшенія вопросовъ объ источникахъ невѣрія и послѣдствіяхъ его. Отношеніе Θеофилакта къ мистицизму. Рѣшеніе вопросовъ о соціальныхъ отношеніяхъ членовъ общества. Историческій элементъ въ проповѣди Θеофилакта и ея вліяніе на слушателей.

Θеофилактъ Русановъ, землякъ Ломоносова, дѣлается извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ 1788 году въ число учениковъ С.-Петербургской Александроневской семинаріи, гдѣ, окончивъ курсъ, поступилъ въ монахи и сталъ заниматься преподаваніемъ Закона Божія въ кадетскомъ корпусѣ. Здѣсь только, когда Θеофилактъ имѣлъ возможность сблизиться съ свѣтскимъ обществомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости дополнить свое скудное семинарское образованіе. Тогдашнее образованіе въ семинаріяхъ подчинено было схоластическому методу; свѣтскія науки — математика исторія, географія и новые языки совсѣмъ не входили въ програму семинарскаго образованія. Θеофилактъ понялъ недостаточность подобнаго образованія и принялся за изученіе новыхъ языковъ, и особенно французскаго, который въ то время былъ гораздо употребительнѣе въ обществѣ, чѣмъ другіе языки и имѣлъ обширную литературу. Благодаря этому средству, Θеофилактъ изучилъ свѣтскія науки въ томъ видѣ, какъ они существовали тогда въ Европѣ; особенно изучилъ философію, эстетику и исторію. Умѣнье правильно говорить по французски обратило на него вниманіе свѣтскаго общества и Императора Павла. Въ 1795 году онъ сталъ архимандритомъ; чрезъ три года, будучи еще въ санѣ архимандрита, онъ назначенъ былъ членомъ Св. Синода; въ 1799 году посвященъ былъ въ санъ епископа калужскаго. Въ Калугѣ онъ обратилъ вниманіе на образованіе духовенства и устроилъ семинарію, произнесъ съ каѳедры нѣсколько замѣчательныхъ проповѣдей. Скоро онъ вызванъ былъ въ Петербургъ для принятія участія въ коммиссіи по составленію «плана къ усовершенію духовныхъ училищъ и содержанія духовнаго причта». Здѣсь онъ окончилъ дѣло, — начатое прежде его, — по учебной и административной части духовныхъ училищъ ;а сторона экономическая этого дѣла, разработанная Анастасіемъ Братановскимъ, исправлена была Сперанскимъ.

По рекомендаціи Сперанскаго, бывшаго товарищемъ по школѣ Ѳеофилакту и Галицына, Императоръ Александръ оказывалъ Ѳеофилакту знаки особеннаго благоволенія. Уставъ духовныхъ училищъ утвержденъ Императоромъ 26 іюня 1808 года, а въ 1809 году начато было его введеніе въ петербургскомъ учебномъ округѣ. Прежде другихъ преобразована была с.-петербургская духовная академія: открытіе ея послѣдовало 17 февраля того же 1809 года.

Въ преобразованной академіи Ѳеофилактъ Русановъ былъ сдѣланъ профессоромъ словесности. Періодъ академической дѣятельности Ѳеофилакта былъ блестящимъ періодомъ въ его жизни: онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и въ академіи, и въ Синодѣ, и при Дворѣ и въ обществѣ: въ академіи онъ славился, какъ хорошій профессоръ, въ Синодѣ, какъ дѣятельный и энергическій членъ, при Дворѣ, какъ умный человѣкъ, въ обществѣ, какъ отличный проповѣдникъ. Но этотъ же самый періодъ былъ вмѣстѣ и началомъ паденія Ѳеофилакта. Причина этого паденія заключалась въ измѣнившихся къ нему личныхъ отношеніяхъ Сперанскаго, Голицына и митрополита Амвросія и ближайшій толчекъ къ этому былъ данъ извѣстною исторіею съ Фесслеромъ. Преподаваніе еврейскаго языка въ академіи, за недостаткомъ хорошихъ преподавателей въ Россіи, шло весьма неудовлетворительно. Вслѣдствіе этого рѣшено было пригласить на каѳедру этого языка кого нибудь изъ за границы По рекомендаціи одного профессора академіи Лодія,—изъ австрійскихъ славянъ,—вызванъ былъ Сперанскимъ на каѳедру еврейскаго языка извѣстный оріенталистъ, докторъ философіи Игнатій Фесслеръ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Фесслеръ немедленно завелъ у себя домашнюю масонскую ложу. Сперанскій былъ принятъ въ эту ложу, но посѣтилъ ее только два раза. Съ перваго раза личность эта возбудила подозрѣніе въ Ѳеофилактѣ и подозрѣнія его оправдались. Фесслеръ, пользуясь авторитетомъ европейскаго ученаго, сталъ вмѣшиваться въ занятія студентовъ, не относящіяся къ области его преподаванія, и проводилъ въ среду студентовъ свои собственныя философскія воззрѣнія. Митрополитъ Амвросій, изъ угожденія Сперанскому и Голицыну, терпѣлъ Фесслера и даже предложилъ ему преподаваніе философіи. Ѳеофилактъ вооружился противъ этого и представилъ фактическія осно-

ванія, по которымъ Фесслеръ не долженъ былъ считаться человѣкомъ, годнымъ для воспитанія духовнаго юношества. Онъ указалъ во первыхъ на разборъ одного изъ сочиненій Фесслера, подъ заглавіемъ «Терезія», гдѣ сказано было, что авторъ прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и знаній, потерялъ первую, отринулъ послѣднія и сдѣлался идеалистомъ; а во вторыхъ—на составленную Фесслеромъ для академическихъ чтеній программу философіи, начала которой Ѳеофилактъ называетъ разрушительными, а не созидательными. Онѣ подрываютъ религію и совершенно ниспровергаютъ самую философію. Цѣль Ѳеофилакта была достигнута: Фесслеръ удаленъ изъ академіи.

Но устранивъ Фесслера, Ѳеофилактъ самъ подвергся опалѣ. Фесслеръ былъ вызванъ въ академію по инициативѣ Сперанскаго и сверхъ того онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ какъ со стороны Сперанскаго, такъ и Голицына за свои масонскія убѣжденія, которыхъ держались оба названныя лица. Такимъ образомъ, налагая тѣнь подозрѣнія на личность Фесслера и его религіозныя убѣжденія, Ѳеофилактъ затронулъ и убѣжденія представителей гражданской и духовной власти; Сперанскій и Голицынъ разошлись съ нимъ. Въ то же время и митрополитъ Амвросій, держась партій Голицына и находясь въ частыхъ столкновеніяхъ съ Ѳеофилактомъ по дѣламъ академіи, подалъ противъ него свой голосъ. Участь Ѳеофилакта была рѣшена. Оставалось найти благовидный предлогъ, чтобы удалить его на всегда изъ Петербурга. Случай скоро представился. Ѳеофилактъ, занимаясь съ студентами словесностію, знакомилъ ихъ и съ иностранною литературою и по временамъ рекомендовалъ имъ дѣлать переводы лучшихъ изъ иностранныхъ сочиненій. Въ 1811 году, студенты подъ его руководствомъ сдѣлали переводъ одного сочиненія Ансильона, подъ заглавіемъ: «эстетическія разсужденія Ансильона». Переводъ признанъ былъ не православнымъ; Ѳеофилактъ обвиненъ въ вольномысліи и въ 1813 году отправился въ свою рязанскую епархію, куда онъ назначенъ былъ еще въ 1809 г., состоя членомъ Св. Синода.

Главнымъ предметомъ его дѣятельности въ Рязани, также какъ и въ Калугѣ, была семинарія. До него рязанская семинарія не имѣла порядочнаго помѣщенія. Воспитанники

жили въ грязныхъ и душныхъ конурахъ, гдѣ на ряду съ классною мебелью помѣщались рукомойники и лохани. Въ учебномъ отношеніи семинарія представляла смѣсь схоластики и суевѣрія. Въ административномъ отношеніи — грубый деспотизмъ, соединенный съ истязаніями учениковъ. Такъ было вездѣ; такъ было и въ рязанской семинаріи. Преосвященному Ѳеофилакту много предстояло трудовъ, чтобы сколько возможно поднять умственный и нравственный уровень семинаристовъ. Онъ началъ съ того, что построилъ для семинаріи удобное помѣщеніе, воспользовавшись для этого богатыми средствами мѣстныхъ монастырей; за тѣмъ положилъ конецъ суровой семинарской дисциплинѣ. Онъ былъ далекъ отъ того суроваго аскетизма, которымъ проникнута была система тогдашняго воспитанія; онъ смотрѣлъ на жизнь, не какъ не юдоль страданія и слезъ, а какъ на поприще нравственной дѣятельности, гдѣ на ряду съ потребностями духа стоятъ потребности тѣла, въ качествѣ необходимыхъ условій для цѣлей духовныхъ. Это начало цѣльности Ѳеофилактъ старался внести и въ воспитаніе семинаристовъ. Онъ самъ вмѣстѣ съ ними предпринималъ прогулки, рекомендовалъ имъ гимнастическія упражненія и разрѣшалъ игру на музыкальныхъ инструментахъ, которая до него преслѣдовалась, какъ нѣчто непозволительное. Разсказываютъ, что онъ самъ нерѣдко приходилъ въ комнаты семинаристовъ для того, чтобы принять участіе въ ихъ музыкальныхъ увеселеніяхъ и былъ при этомъ на столько простъ, что заставлялъ ихъ играть народныя пѣсни. «Сыграйте-ка что нибудь повеселѣе», говаривалъ преосвященный, когда семинаристы по старой привычкѣ затягивали въ присутствіи его какую-нибудь монотонную церковную мелодію, — и веселая стройная пѣсня одушевляла все собраніе молодежи. Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ, какая искренность и любовь къ ученикамъ семинаріи проглядывали въ душѣ Ѳеофилакта.

Та же искренность и любовь проглядывали въ его отношеніяхъ къ духовенству и обществу. Онъ любилъ принимать у себя гостей и самъ охотно ѣздилъ въ гости. Каждое воскресенье и праздникъ публика толпами стремилась въ покои гостепріимнаго владыки; оживленная бесѣда, которую всегда съ тактомъ могъ поддерживать гостепріимный хозяинъ, считалась лучшимъ времяпрепровожденіемъ для рязанскихъ горожанъ.

Но недолго пользовалось рязанское духовенство такимъ мудрымъ, полезнымъ и добрымъ начальникомъ, а общество пріятнымъ и вмѣстѣ полезнымъ собесѣдникомъ. Внѣ всякаго ожиданія, Ѳеофилактъ назначенъ былъ экзархомъ Грузіи. Тяжело было ему разставаться съ любимою паствою, а еще тяжелѣе было для паствы лишиться такого архипастыря. Слезы ручьями текли изъ глазъ Ѳеофилакта, когда онъ прощался съ рязанцами; плакали и рязанцы, провожая его съ городской площади.

Новую среду, новыя лица, новые нравы и обычаи, новый климатъ нашелъ Ѳеофилактъ, прибывъ въ Грузію. Полный произволъ грузинскихъ архіересвъ при опредѣленіи кандидатовъ на священническія мѣста, нерадѣніе о своихъ прямыхъ обязанностяхъ всѣхъ вообще священно-церковно-служителей, недостатокъ образованія,—все это съ перваго же раза обратило на себя вниманіе Ѳеофилакта, и онъ съ обычною энергіею принялся за исправленіе порядковъ края. Стоило ему большаго труда подчинить своей власти мѣстное духовенство, которое привыкло, вдали отъ начальства, жить и дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію; но рѣшимость Ѳеофилакта и здѣсь одержала верхъ: дисциплина введена, вакантныя каѳедры замѣщены отчасти болѣе или менѣе образованными туземцами, отчасти—прибывшими съ Ѳеофилактомъ изъ Рязани семинаристами.

Не смотря, однакожъ, на обширное поприще, которое представляла для дѣятельности Ѳеофилакта Грузія, онъ чувствовалъ себя здѣсь не особенно хорошо. Ему не доставало общества, не доставало образованныхъ людей, которые бы могли понять и оцѣнить его. Почти единственнымъ развлеченіемъ его была бесѣда и игры съ маленькими пѣвчими, прибывшими съ нимъ сюда изъ Рязани. Къ скукѣ присоединились еще климатическія неудобства. Рѣзкая смѣна жаркой температуры дня—холодною ночью вредно подѣйствовала на его тучную натуру. Ѳеофилактъ началъ болѣть, и во время обозрѣнія своей епархіи въ 1821 году онъ получилъ сильную простуду, и 9 іюля того же года скончался къ общей горести всѣхъ знавшихъ его.

Проповѣдническая дѣятельность Ѳеофилакта началась въ С.-Петербургѣ и продолжалась въ Калугѣ. Результатомъ этой дѣятельности былъ одинъ томъ его проповѣдей, раздѣлен-

ныя на двѣ части. Въ составъ этого тома вошли проповѣди, говоренныя въ Петербургѣ и Калугѣ на одни праздничные, высокоторжественные и на особенные случаи (отъ 1796—1806 г.). Отъ времени его остальной жизни въ Рязани и Грузіи не осталось памятниковъ его проповѣднической дѣятельности, отъ того ли, что онъ дѣйствительно не проповѣдывалъ въ этихъ мѣстахъ, или отъ небрежности издателей его проповѣдей,—рѣшить трудно.

Въ выборѣ предметовъ для своей проповѣди Ѳеофилактъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ проповѣдниками предшествующей эпохи. Онъ такъ же, какъ и они, любилъ обращаться къ современному философскому направленію съ его безусловнымъ довѣріемъ къ разуму, и онъ также, даже съ большею охотою, занимается рѣшеніемъ соціальныхъ вопросовъ. Но какъ человѣкъ, отлично знакомый съ требованіями вѣка, онъ старается дѣйствовать на него его же оружіемъ. «Разсмотримъ,—говоритъ онъ нерѣдко въ началѣ проповѣди,—сію истину очами *здраваго разсудка*».(*) Такой способъ доказательствъ Ѳеофилакта былъ особенно пригоденъ для тѣхъ слушателей, которые индефферентно, или даже враждебно относились къ религіи не по причинѣ увлеченія чувственностію, но во имя философскаго принципа, во имя знанія.

Соотвѣтственно такому характеру доказательствъ Ѳеофилакта, невѣріе разсматривается въ его проповѣди не какъ плодъ увлеченія чувственностію, не какъ плодъ страсти, а какъ результатъ стремленія ума преступить свои естественные предѣлы, включить въ тѣсныя рамки естественнаго пониманія то, что по самой природѣ своей стоитъ выше разума, какъ плодъ пристрастія къ выводамъ, основаннымъ на очевидности. «Откуда,—спрашиваетъ проповѣдникъ,—происходитъ въ людяхъ гордое безвѣріе, невоздержанное любытство? — Отъ того, что, желая переступить предѣлы, кои Богъ положилъ изслѣдованіямъ человѣческимъ, предаются они, по писанію, въ неискусенъ умъ творити неподобная (Римл. 1, 28); —отъ того, что у разума требуютъ больше, нежели что можетъ имъ дать»...(*) Величайшій умъ, равно какъ и са-

(*) Ч. 2, стр. 52. Изд. 1823 г. [illegible]
(*) Ч. 1, стр. 100.

мый обыкновенный, имѣетъ свои предѣлы, коихъ преступить никакъ не можетъ... Познанія наши суть тоже, что слабые огни среди густаго мрака.(*)

Разсуждая такъ, Ѳеофилактъ не отрицаетъ однако же значенія разума въ дѣлѣ вѣры и спасенія; онъ только благоразумно относится къ этому вопросу, желая ограничить излишнюю пытливость современниковъ, отвергающихъ все, что для нихъ не понятно, признающихъ только то, что имѣетъ такую же очевидность, какъ дважды два = четыре и высшіе вопросы нашего духа, признающіе достояніемъ однихъ скудо-умныхъ людей.(**) «Я не хочу, — говоритъ проповѣдникъ, — поселять въ васъ недовѣрчивость къ уму. Сію отличительную способность человѣка приводящіе въ безславіе сами себя безславятъ. Напротивъ того желать и молиться надобно, чтобы милліоны людей, стенающихъ подъ игомъ чувствъ, воображенія и страстей, были по крайней мѣрѣ здравому смыслу послушны. Это необходимо, когда нѣтъ лучшаго руководителя, а гдѣ и есть онъ, по благодати Господней, то и тамъ всегда надлежитъ совѣтоваться съ здравымъ смысломъ въ вещахъ, принадлежащихъ къ его вѣдомству.(***) Указавъ на значеніе разума въ дѣлѣ спасенія, онъ признаетъ его не нужнымъ и даже опаснымъ въ этомъ дѣлѣ, если не будетъ участвовать здѣсь другая существенная способность нашего духа — чувство, сердце, если вѣрованіе сердца человѣкъ не можетъ согласить съ разумомъ.(****) «Одинъ разумъ необходимъ только въ наукахъ естественныхъ». О значеніи разума въ наукѣ говорятъ въ проповѣди Ѳеофилакта тѣ картины, въ которыхъ проповѣдникъ изображаетъ плоды человѣческаго просвѣщенія: «Сколь ни длинна цѣпь вѣковъ прошедшихъ, но человѣка умъ вдругъ обозрѣваетъ ее, и сколь ни мрачна будущность, а любопытное око его предвидитъ судьбы наиотдаленнѣйшаго потомства. Природа, кажется, совершенно возбранила ему касаться крайностей ея, но онъ чрезъ искусство свое, подобно отважнымъ мореходцамъ, до-

(*) Ч. 1, стр. 81.
(**) Ч. 1, стр. 158.
(***) Ч. 1, стр. 206. Ср. стр. 170.
(****) Ч. 1, стр. 158. Ч. 2, стр. 47—48.

стигъ до береговъ невидимыхъ и видимыхъ ужасно отдаленныхъ міровъ».(*)

Въ доказательство того, что для рѣшенія религіозныхъ вопросовъ Ѳеофилактъ признавалъ необходимыми два начала, лежащія въ существѣ человѣческаго духа: разумъ и чувство, и не давалъ никакого значенія первому, дѣйствующему въ разладѣ съ чувствомъ и послѣднему, полагающему себя въ основу всего, чего не можетъ анализировать разумъ, мы укажемъ на нѣкоторыя мѣста въ проповѣдяхъ Ѳеофилакта, гдѣ его взглядъ на этотъ предметъ высказывается очень ясно. Такъ, характеризуя матеріализмъ, онъ указываетъ на его внутреннее противорѣчіе съ влеченіями сердца, безплодность его изслѣдованій и сопоставляетъ его съ доктриной древнихъ еретиковъ. «Патріархъ нынѣшнихъ вольнодумцевъ—знаменитый Баиль (+1706 г.) гораздо откровеннѣе своихъ послѣдователей: дарованіе мое, говоритъ онъ, состоитъ только въ томъ, чтобы производить сомнѣнія, и они остаются для меня не болѣе, какъ сомнѣніями же. Модные философы! рѣдкіе и высокіе умы, кои нарицаете себя свѣтильниками, солію земли! вотъ на что разрѣшаются всѣ ваши изслѣдованія, всѣ ваши мудрованія! вы не согласуетесь ни другъ съ другомъ, ни съ самими собою... Матеріалистъ никакъ не можетъ вѣрованіе своего сердца согласить съ разумомъ».(**) Въ другомъ мѣстѣ, показавъ безбожія въ древнемъ мірѣ и прослѣдивъ кратко его исторію, проповѣдникъ говоритъ: «и вотъ нынѣшніе матеріалисты всѣ не больше значатъ, какъ ученики языческой школы... Нисходя къ первымъ временамъ христіанства, раскрываемъ писанія церковныхъ учителей и усматриваемъ, что они на всякой почти страницѣ занимались или опроверженіемъ заблужденій ересеначальниковъ, посрамленіемъ невѣрцевъ. Такимъ образомъ нынѣшніе изувѣры и вольнодумцы принадлежатъ или къ сумасброднымъ сектамъ Марціоновъ, Цельсовъ, Парфиріевъ, или къ злодѣйскимъ вертепамъ Іуліановъ Спинозъ, Баилей, которыхъ мрачныя системы праведно могутъ назваться по-

---

(*) Ч. 1, стр. 146—147.
(**) Ч. 2, стр. 47—48.

гребалищемъ—какъ для здраваго смысла, такъ и для благонравія».(*)

Изображая шаткость и непослѣдовательность системы невѣрія и матеріализма, проповѣдникъ указываетъ средства, которыми пользовались атеисты для униженія вѣры христіанской. И хотя эти средства, по видимому, ничтожны, пусты и не заслуживають никакого вниманія, тѣмъ не менѣе проповѣдникъ даетъ имъ значеніе. «Возмутители прошедшаго вѣка», —говоритъ онъ, —«распростерли такое мрачное покрывало сомнѣнія на всѣ начала христіанства, что истина казалась быть изгнанною изъ свѣта. Сихъ возмутителей народнаго спокойствія отличительное свойство есть —осмѣивать все святое, несчастныхъ лишать послѣдняго утѣшенія въ ихъ горестяхъ, съ сильныхъ и богатыхъ снимать единственную узду прещенія небесъ и въ тоже время выдавать себя за просвѣтителей и друзей человѣчества! Посрамленіе святыни есть для христіанина гоненіе, опаснѣйшее всякаго притѣсненія. Когда Юліанъ говорилъ безъ шутокъ, тогда св. Кириллъ торжествовалъ надъ нимъ, но коль скоро Государь началъ изъясняться языкомъ ироніи, то патріархъ терялъ(?) уже плоды своея бесѣды. Юліаны снова возродились въ прошедшемъ столѣтіи, которые еще полновластнѣе господствовали надъ умоположеніемъ народа. И мущины, и женщины, и просвѣщенные, и невѣжды учредили при себѣ училища безвѣрія; за стыдъ почитали быть и называться христіанами и ублажали участь свою, что родились въ вѣкъ безбожниковъ деистовъ, которые мечтали всю мудрость букварнымъ порядкомъ сгромоздить въ энциклопедіи».(**) Изъ приведенныхъ словъ нельзя не видѣть, что Өеофилактъ понималъ смыслъ и опасность тогдашняго невѣрія для полуобразованнаго, и невѣжественнаго русскаго общества, когда указывалъ на саркастическій характеръ невѣрія. Такое общество, не имѣющее никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій, мало мыслящее, а принимающее на вѣру все, что ему говорятъ люди больше его развитые, очевидно, не могло устоять, когда стали издѣваться надъ его вѣрованіями, освященными вѣка-

---

(*) Ч. 2, стр. 262—263.
(** Ч. 2, стр. 175—176.

ми, и рѣшилось лучше отказаться отъ своихъ прежнихъ вѣрованій, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ.

Вредъ деистическаго направленія Өеофилактъ доказываетъ живымъ, совершившимся у всѣхъ на глазахъ, фактомъ французской революціи: «мы видѣли, и теперь еще видимъ,— въ какую бездну злоключеній,— низпала и какими злодѣйствами обезславила себя просвѣщенная нація, какъ скоро предпочла обманчивый блескъ философіи свѣту ученія Христова. Мы видѣли опытное подтвержденіе сей истины, что превращеніе въ нравственномъ мірѣ неизбѣжно влечетъ за собою превращеніе и въ политическомъ, и что безвѣріе рано, или поздно,—но всегда оканчивается паденіемъ царствъ земныхъ и погашеніемъ нравственнаго чувства. Время, наконецъ, время, слушатели, изъ чуждыхъ бѣдствій познать, ежели кто имѣлъ несчастіе сомнѣваться доселѣ, что съ христіанскими правилами и земная жизнь счастлива» и т. д.(*)

Өеофилактъ, обличая безусловное невѣріе, возстаетъ также противъ убѣжденія относительно равноправности религій;(**) опровергаетъ воззрѣніе на религію, какъ на фактъ, имѣющій свое основаніе въ естественныхъ силахъ человѣка,(***) и наконецъ порицаетъ индифферентизмъ и холодное равнодушіе къ религіи, страсть къ роскоши, забавамъ, баламъ, небрежность въ воспитаніи дѣтей, поручаемыхъ обыкновенно наемнымъ наставникамъ.(****)

Обращаемся къ другому роду проповѣдей Өеофилакта,— гдѣ онъ трактуетъ о соціальныхъ и нравственныхъ вопросахъ. Большая часть проповѣдей падаетъ на высокоторжественные дни, когда всего естественнѣе было говорить объ условіяхъ благоденствія общества или государства, о взаимныхъ отношеніяхъ властей и подчиненныхъ и т. п. И здѣсь ясно высказывается критическій тактъ проповѣдника и его тонкое наблюденіе надъ идеалами либеральныхъ современниковъ. Онъ знакомъ былъ съ соціальными теоріями, развившимися въ его время на западѣ, особенно въ эпоху революціи, зналъ, что онѣ стояли въ тѣснѣйшей связи со всею

(*) Ч. 2, стр. 176—177.
(**) Ч. 2, стр. 48.
(***) Ч. 1, стр. 71, 160—161.
(****) Ч. 1, стр. 67.

системою тогдашней философіи и что, съ перенесеніемъ на русскую почву этихъ философскихъ началъ, проникли въ нее и западно-европейскія соціальныя тенденціи. Такое положеніе дѣла вызывало проповѣдника на сравненіе началъ общественной жизни — по евангелію съ началами, предлагаемыми философіей.

Говоря о существенной основѣ общественной жизни, Θеофилактъ указываетъ на нравственныя начала христіанства, которыя служатъ краеугольнымъ камнемъ общественнаго блага и которыя не только не налагаютъ никакихъ стѣснительныхъ узъ на естественныя стремленія людей къ наукѣ, искусству и т. п., но на оборотъ возвышаютъ эти стремленія.(*) Благочестіе и общественное благоденствіе такъ тѣсно связаны между собою, какъ душа и тѣло. «Нѣтъ такой въ христіанство обращенной страны, гдѣ бы не болѣе благоденствовали люди и не болѣе отличались общественными дѣяніями, нежели у самыхъ знаменитыхъ народовъ языческихъ, кои по временамъ блистали добрыми гражданами, но скоро и теряли сей блескъ своею несправедливостію и непризнательностію къ ихъ заслугамъ».(**) На ряду съ своими убѣжденіями проповѣдникъ ставитъ убѣжденія «мірскихъ нравоучителей», которые важнѣйшимъ двигателемъ общественнаго благостоянія признаютъ страсти, и разбирая этотъ принципъ, доказываетъ его несостоятельность. «Страсти въ человѣкѣ или низки и подлы, или законопреступны: каковы — ненависть, гнѣвъ, честолюбіе, любостяжаніе.(***) Отъ чего вражда, хищеніе, грабежи, убійство? - Отъ соударенія страстей и слабости. Отъ чего междоусобныя войны, потрясенія алтарей Господнихъ и престоловъ царскихъ? Отъ того, что одни, стеня подъ бременемъ властолюбія и корыстолюбія, силятся поработить своимъ страстямъ страсти другихъ».(****) Фактическое подтвержденіе этой мысли Θеофилактъ видитъ во французской революціи(*****). Совершенно ясно, что Θеофилактъ выясняетъ идеалъ общественнаго благоденствія, имѣя

(*) Ч. 1, стр. 41—43.
(**) Ч. 2, стр. 153—154.
(***) Ч. 1, стр. 36—46.
(****) Ч. 1, стр. 77.
(*****) Ч. 2, стр. 117.

въ виду опровергнуть ложное понятіе объ источникахъ этого благоденствія.

Общество, построенное на началахъ христіанскихъ, необходимо предполагаетъ равенство членовъ, исключаетъ всѣ проявленія эгоизма, проглядывающаго въ тѣхъ обществахъ, которыя не нравственными началами евангелія одушевляются, а сплачиваются при посредствѣ внѣшней силы или придуманныхъ теорій.(*) Но говоря о равенствѣ членовъ, Ѳеофилактъ разумѣетъ только одно равенство нравственное, а отнюдь не политическое. Такое нравственное равенство не исключаетъ отношеній подчиненности между членами общества, не исключаетъ, и скорѣе требуетъ признанія власти Государя, въ лицѣ котораго сливаются и находятъ свой центръ частные интересы членовъ государства.(**) На этотъ разъ мы находимъ у Ѳеофилакта стройную схему управленія, построенную на подчиненіи низшихъ властей высшимъ, на взаимномъ довѣріи и любви начальствующихъ и подчиненныхъ— въ противоположность идеѣ о республиканской формѣ управленія.(***)

Перенося, въ противоположность философамъ теоретикамъ, вопросъ объ общественномъ благоустройствѣ на почву христіанскую—практическую и вполнѣ понимая духъ этого учрежденія, Ѳеофилактъ не позволялъ себѣ того,—простирающагося не рѣдко до аскетизма,—увлеченія, которое замѣтно у проповѣдниковъ моралистовъ, обыкновенно разсыпающихъ громы на все, что только ведетъ къ внѣшнему благополучію человѣка, или общества. Ѳеофилактъ смотритъ на общество прежде всего, какъ на организмъ, въ которомъ весьма важную роль играетъ и его внѣшняя сторона. Онъ не переноситъ человѣка прямо на небо, не хочетъ видѣть въ немъ безстрашнаго, безплотнаго духа, равнодушнаго ко всѣмъ благамъ земли, но, вполнѣ понимая смыслъ тѣснаго соединенія души съ тѣломъ, даетъ надлежащую оцѣнку и земному поприщу человѣка. Проповѣдникъ отрицаетъ ту, излюбленную столь многими моралистами мысль, «что мы должны непрестанно думать о смерти и такъ бы поступать и дѣй-

(*) Ч. 2, стр. 282—283. Ч. 1, стр. 77.
(**) Ч. 2, стр. 165.
(***) Ч. 2, стр. 91, 133 и др.

ствовать, какъ бы ежеминутно мы готовились умирать.— «Нѣтъ», говоритъ онъ, «таковая мысль, если будетъ не отлучна отъ насъ, отравитъ всѣ невинныя удовольствія жизни, поселитъ въ насъ пагубную безпечность объ успѣхѣ общественныхъ обязанностей»...(*)

Наконецъ къ характеристикѣ проповѣдей Өеофилакта можно прибавить, что онъ не рѣдко въ нихъ любилъ выказать свою обширную эрудицію. Разсуждая объ истинахъ, представляющихъ живой интересъ и прибѣгая для подкрѣпленія ихъ къ разсудочнымъ соображеніямъ, онъ въ тоже время обращался къ даннымъ исторіи древней и новой и отсюда почерпалъ новыя доказательства и разъясненія своихъ положеній. У него находятся такія проповѣди, которыя представляютъ громадный подборъ историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ древности, такъ что проповѣдь его въ такомъ видѣ является ученымъ историческимъ изслѣдованіемъ. Образцами въ этомъ родѣ могутъ служить слова его: «на день Рождества Пресв. Богородицы;(**) на день Вознесенія Господня;(***) на день преподобнаго Алексія—человѣка Божія и др. Нѣтъ у Өеофилакта глубокаго чувства, нѣтъ у него той энергіи и воодушевленія, которыми отличались проповѣдники—моралисты; но за то у него - глубокая мысль, изслѣдованная со всѣхъ сторонъ. Само собою понятно, что проповѣдь съ подобными свойствами дѣйствуетъ прежде всего на мыслительную способность слушателей и только путемъ логическаго убѣжденія вліяетъ на нравственное существо человѣка, на его практическую дѣятельность. Но проповѣди эти произносились не предъ простыми слушателями, а или при Императорскомъ Дворѣ, или въ невской лаврѣ, или же въ соборной церкви въ Калугѣ; поэтому пріемы Өеофилакта можно назвать цѣлесообразными. Къ этому еще нужно прибавить отсутствіе искусственнаго построенія, чистый русскій языкъ, почти безъ всякой примѣси славянизмовъ, и тогда понятно будетъ то дѣйствіе, какое производила эта проповѣдь на слушателей. По крайней мѣрѣ из-

(*) Ч. 1, стр. 49, 86 и др.
(**) Ч. 1, стр. 58. (***) Ч. 1, стр. 171.

вѣстно, что въ Петербургѣ народъ толпами собирался на набережной Васильевскаго острова, гдѣ было калужское подворье, и ожидалъ проповѣди этого ученаго проповѣдника.(*)

Филаретъ, митрополитъ Московскій.

(1782 г. 26 декабря — 1867 г. 19 ноября).

Рожденіе, воспитаніе и служеніе въ званіи учителя троицкой семинаріи; первые проповѣдническіе опыты. Принятіе монашества. Переходъ Филарета въ С.-Петербургъ; его служеніе тамъ при семинаріи, духов. академіи и александроневскомъ училищѣ. Слава Филарета, какъ проповѣдника. Приглашеніе ко Двору; впечатлѣніе, произведенное словомъ во второй день праздника Р. Христова на Импер. Марію Феодоровну. Борьба съ іезуитами: богословско-литературная дѣятельность Филарета. Епископское служеніе Филарета въ Петербургѣ, Твери, Ярославлѣ, Москвѣ; возведеніе въ санъ митрополита московскаго. Занятія митр. Филарета въ Москвѣ: устройство академіи, дѣла епархіальныя и проповѣдничество. Участіе въ рѣшеніи вопросовъ, въ которыхъ нужды церкви соприкасались съ дѣлами государства. 50-ти лѣтній юбилей епископскаго служенія митр. Филарета. Его кончина.

Святитель московскій Филаретъ родился въ г. Коломнѣ 1782 г. 26 декабря. Въ крещеніи дано ему имя Василій. Отецъ его Михаилъ Θеодоровичъ Дроздовъ былъ тогда діакономъ, потомъ сдѣланъ былъ священникомъ. Въ домашнемъ кругу особенно благодѣтельно было для Василія вліяніе его доброй и благочестивой матери. Въ 1791 году, девяти лѣтъ отъ роду, послѣ домашняго воспитанія, онъ отданъ былъ въ коломенскую семинарію. Озадаченный варварскими пріемами школьныхъ учителей того времени, онъ долго не могъ привыкнуть къ школѣ и часто роднымъ приходилось его отыскивать скрывшагося гдѣ нибудь въ баркахъ на рѣкѣ Окѣ По упраздненіи въ 1799 г. коломенской семинаріи, Василій Дроздовъ перешелъ въ троицкую лаврскую семинарію и поступилъ въ философскій классъ. Скоро въ лаврской семинаріи онъ обратилъ на себя доброе вниманіе начальства, и, по окончаніи богословскаго курса, сдѣланъ былъ въ 1803 г. учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Въ январѣ 1806 г. Василій Михайловичъ Дроздовъ пріобрѣтаетъ извѣ-

---

(*) Смотри статью: „Экзархъ Грузіи, Θеофилактъ Русановъ и его проповѣди.“ Н. В. Покровскаго. Странникъ 1877 г. январь и мартъ.

стность и какъ проповѣдникъ. 12 января, въ день освобожденія обители преподобнаго Сергія отъ нашествія враговъ (поляковъ и литовцевъ) онъ сказалъ проповѣдь, которая по распоряженію митр. Платона была напечатана. Потомъ онъ говорилъ, по назначенію Платона, и еще проповѣди, которыя произвели такое впечатлѣніе на митрополита, что онъ отдалъ молодому проповѣднику первенство надъ собою. Въ августѣ 1806 года Василій Михайловичъ былъ опредѣленъ учителемъ поэзіи и назначенъ быть проповѣдникомъ при троицкой лаврѣ, съ тѣмъ, чтобы говорить проповѣди въ воскресенье и въ праздники. Продолжительная разлука съ семьею и сосредоточенныя занятія Св. Писаніемъ и отцами церкви, расположили его къ отреченію отъ міра – къ монашеству. Въ 1808 году 16 ноября Василій Михайловичъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Филарета, а 21 ноября Платонъ посвятилъ его въ іеродіакона. Въ концѣ того же года, когда предположено было открыть петербургскую академію, Филаретъ вызванъ былъ въ наставники академіи къ великому огорченію Платона. Платонъ скорбѣлъ о разлукѣ съ Филаретомъ и просилъ Св. Синодъ возвратить его въ троицкую семинарію, гдѣ онъ можетъ лучшій успѣхъ оказать для общей пользы. Но Св. Синодъ отказалъ Платону въ его просьбѣ и свой отказъ объяснилъ тѣмъ, что Филаретъ предназначенъ въ академію баккалавромъ богословскихъ наукъ и вслѣдствіе назначенія къ такой важной должности уволенъ быть не можетъ.

Въ Петербургѣ новыя обязанности потребовали отъ него новыхъ усилій къ самообразованію и вмѣстѣ открыли ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности. Это время посвящено было имъ здѣсь, главнымъ образомъ, на образованіе духовнаго юношества и ученымъ занятіямъ богословскою наукою. За всѣ свои труды онъ быстро возвышался по лѣстницѣ іерархическихъ степеней и разныхъ почетныхъ должностей: 23 февраля 1809 г. Филаретъ опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и профессоромъ философскихъ наукъ, съ званіемъ академическаго баккалавра; 28 марта того же года былъ рукоположенъ въ іеромонаха и назначенъ ректоромъ александроневскаго училища, съ оставленіемъ въ прежней должности. При всей многосложности и трудности служебныхъ обязанностей Филаретъ не оставлялъ

здѣсь и дѣла проповѣди слова Божія. Съ этого времени начинается громкая извѣстность его, какъ проповѣдника. Какъ проповѣднику, выдававшемуся изъ другихъ своими дарованіями, ему назначали въ Петербургѣ говорить проповѣди при какихъ либо особенныхъ случаяхъ. Такъ слово его раздается при освященіи Казанскаго собора, при погребеніи первыхъ государственныхъ лицъ—графа А. С. Строганова, графа П. В. Завадовскаго, князя Кутузова-Смоленскаго. Его на перерывъ приглашаютъ для служенія и проповѣди въ домовыхъ церквахъ знатнѣйшіе вельможи и оберъ-прокуроръ Св. Синода. 30 іюня 1811 г. Филаретъ получаетъ отъ Государя наперстный крестъ съ драгоцѣнными камнями, а 8 іюля возводится въ санъ архимандрита и получаетъ должность ректора академіи. Въ 1813 году онъ сопричисленъ къ ордену св. равноапостольнаго князя Владиміра второй степени большаго креста «за неусыпные труды въ образованіи духовнаго юношества и за назидательныя поученія». Слава Филарета открыла ему путь къ каѳедрѣ придворной церкви. Однажды, въ отсутствіе Императора Александра, Императрица Марія Ѳеодоровна пригласила Филарета сказать слово въ придворной церкви на второй день праздника Рождества Христова 1814 г. Филаретъ сказалъ вдохновенно суровое и обширное слово о любви къ міру. Начертанная въ этомъ словѣ смѣлою рукою животрепещущая картина придворнаго быта вообще не понравилась Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ, вѣроятно потому, что она приписывала Филарету намѣреніе изобличить придворную суету сует. Тотчасъ, послѣ богослуженія, Государыня подошла къ князю А. Н. Голицыну и, какъ будто требуя у него отчета въ подозрѣваемомъ умыслѣ, сказала: «Я право, не знаю, чего хотѣлъ о. Филаретъ. Не можете ли, вы объяснить мнѣ, къ чему клонилось его слово»? «Неизвѣстно»,—отвѣтилъ ей оберъ-прокуроръ. Но послѣ этого Филаретъ во Дворцѣ уже не проповѣдывалъ. Конечно, это не печалило его и не ослабляло его энергіи и усердія, которыя такъ необходимы были ему для исполненія своихъ многосложныхъ обязанностей.

Въ то время проникли въ Россію іезуиты и явились крайне вредными для православія. Не успѣвъ склонить Императора Павла на соединеніе церквей, они скоро пустили въ ходъ обыкновенную свою мѣру,—предложили свои услуги

при воспитаніи дѣтей, проникли въ лучшіе дома и сдѣлались воспитателями нашего барства; ловко посѣянные ими плевелы стали оказывать и плоды. Начались явныя совращенія нашихъ бояричей, питомцевъ іезуитской коллегіи; во всѣхъ гостиныхъ смѣло витійствовали въ пользу латинства. Синодъ, Дворъ и оберъ-прокуроръ встрепенулись. Обратились къ архимандриту Филарету и предложили ему написать поскорѣе полное опроверженіе латинскихъ притязаній и догматовъ, что и выполнилъ онъ превосходно въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: «разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной, греко-россійской церкви».(*) Немедленно сочиненіе это было напечатано по распоряженію Св. Синода. Но этого было недостаточно для противодѣйствія іезуитамъ, которые распространяли свои заблужденія вездѣ, гдѣ только представлялась возможность къ тому, и Филаретъ выступилъ противъ нихъ съ живымъ устнымъ словомъ. Въ 1816 году іезуитовъ выслали изъ Петербурга, а потомъ въ 1820 году совсѣмъ изъ Россіи. 1816 годъ является годомъ усиленной литературной дѣятельности о. Филарета. Такъ въ этомъ году выходитъ въ свѣтъ «начертаніе церковно-библейской исторіи», «записки на книгу бытія». Кромѣ этого онъ назначается однимъ изъ первыхъ членовъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Но главное и неусыпное вниманіе его было обращено на ввѣренную ему академію. Онъ заботился о лучшей постановкѣ учебнаго курса; зорко слѣдилъ за дѣятельностію самихъ наставниковъ и дѣлалъ имъ замѣчанія, хотя между ними были и епископы. Таковы были труды Филарета въ теченіе семи лѣтъ его служенія въ академіи до каѳедры епископской. Митрополитъ петербургскій Амвросій, любившій о. Филарета, какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощника епископскаго служенія. Ученость, дарованія и неутомимое трудолюбіе Филарета хорошо были извѣстны вниманію Императора, и онъ 23 іюля 1817 г. утвердилъ его избраніе въ званіе викарія с.-петер. епархіи, съ наименованіемъ епископомъ ревельскимъ и съ оставленіемъ въ долж-

(*) Подъ испытующимъ разумѣется молодой Голицынъ, совращенный въ латинство, а подъ увѣреннымъ самъ Филаретъ, обращавшій Голицына въ православіе.

ности ректора академіи. 13 марта 1819 года, Филаретъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа тверскаго и въ томъ же году назначенъ членомъ Св. Синода. Только годъ управлялъ преосв. Филаретъ тверскою епархіею; въ 1820 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Ярославль; въ слѣдующемъ году былъ возведенъ на каѳедру первопрестольной Москвы съ саномъ же архіепископа и священно-архимандрита троицкой сергіевой лавры. Съ этихъ поръ святитель до конца дней своихъ оставался въ Москвѣ, отправляясь въ Петербургъ только въ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Въ Москвѣ онъ обращалъ особенное вниманіе на воспитаніе и образованіе духовенства, занимался вмѣстѣ съ другими переводомъ св. писанія на русскій языкъ, составилъ катихизисъ. Къ этому же времени его жизни относится знаменательный фактъ написанія проекта манифеста о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича. Когда онъ находился въ Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ, ему было передано письмо цесаревича Константина Павловича къ Императору, отъ 14 января 1822 г., содержащее въ себѣ торжественное отреченіе отъ престола, и повелѣно было, на основаніи этого письма, написать означенный проектъ, что и было исполнено. Объ этомъ секретѣ знали въ то время только пять человѣкъ: Аракчеевъ, Голицынъ, Карамзинъ съ женой и преосв. Филаретъ. Во всемъ этомъ сильно сказалось и довѣріе и высокое вниманіе Императора къ преосв. Филарету. Въ 1826 году преосв. Филаретъ привѣтствовалъ Императора Николая рѣчью при вступленіи въ Успенскій соборъ для совершенія коронованія, и въ этотъ день былъ возведенъ въ санъ митрополита московскаго. Въ Москвѣ онъ занимался устройствомъ духовной академіи, дѣлами епархіальными и проповѣдничествомъ. Всѣ важнѣйшіе вопросы о преобразованіяхъ не только по духовному вѣдомству, но даже въ государствѣ, всегда были провѣряемы его сознаніемъ, какъ духовнаго представителя православной Россіи. И пастырь стада Христова являлся мужемъ государственнымъ, когда былъ призываемъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, въ которыхъ нужды церкви соприкасались съ дѣлами государства, или когда довѣріемъ самодержцевъ русскихъ поручаемы были ему особенно важныя дѣла. Его могущественному вліянію и заботамъ Россія обя-

зана водвореніемъ начала мира и единенія московскихъ старообрядцевъ съ православною церковію. Въ 1854 г. на рогожскомъ кладбищѣ были освящены часовни въ единовѣрческіе храмы. Его рукою писанъ былъ Высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 года, возвѣстившій міру о дарованіи свободы 23 милл. русскихъ людей. 5 августа 1867 г. минуло 50 лѣтъ служенія его въ епископскомъ санѣ. И церковь православная, и государство русское почтили пастыря за долгую и великую службу его празднованіемъ 50-ти лѣтняго юбилея его епископскаго служенія. Но вскорѣ послѣ этого юбилея, именно 19 ноября, въ день кончины Александра 1-го, митр. Филаретъ, послѣ литургіи, скончался.

Вотъ какія мысли и чувства выразило общество при первой вѣсти о кончинѣ митр. Филарета. «Митрополита Филарета не стало!.. Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу, —сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ... Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая... прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствовавшаго до конца духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка, и болѣе полувѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха»...(*)

(*) Тр. К. Д. Акад. 1867 г. т. 4.

Проповѣдническая дѣятельность митрополита Филарета.

Проповѣдническая плодовитость Филарета. Случаи, по которымъ чаще говорилъ митр. Филаретъ. Характеристика жизни русскаго общества и народа въ періодъ его дѣятельности. Появленіе въ Россіи разныхъ системъ невѣрія, католичества и раскола. Чѣмъ опредѣляется содержаніе и характеръ словъ Филарета, говоренныхъ имъ въ С.-Петербургѣ. Проповѣди противъ невѣрія. Отрицаніе значенія одного ума въ познаніи высшихъ истинъ христіанства. Проповѣди Филарета „о милосердіи,"—о разныхъ не благовидныхъ обычаяхъ общества,—о необходимости образованія. Борьба съ католичествомъ и старообрядчествомъ. Ознакомленіе слушателей съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ государствахъ. Характеръ проповѣдей Филарета.

Широка и разностороння была литературная дѣятельность святителя московскаго; но мы остановимся на той части его дѣятельности, которая сдѣлала его извѣстнымъ и популярнымъ для всего русскаго общества, считавшаго его преимущественно проповѣдникомъ. Во всѣхъ трехъ томахъ словъ и рѣчей митрополита Филарета находится 371-но названіе. Въ первомъ томѣ 90 словъ; во второмъ 122 слова. Въ этихъ томахъ заключается слова и рѣчи, обнимающія періодъ въ 35 лѣтъ, отъ 1811 до 1846 года. Третій томъ, обнимающій періодъ въ 15 лѣтъ, отъ 1847—1861 заключаетъ въ себѣ 159 словъ и рѣчей; цифры очень краснорѣчивыя; онѣ говорятъ, что Филаретъ подъ старость проповѣдывалъ гораздо больше, нежели въ первое время своего служенія, что этотъ свѣтильникъ подъ конецъ своего горѣнія горѣлъ и свѣтилъ еще ярче, нежели въ началѣ. Кромѣ того въ изданіяхъ словъ митр. Филарета 1848 и 1861 годовъ пропущено 74 слова, которыя находятся частію въ рукописяхъ, частію въ отдѣльныхъ брошюркахъ, ходившихъ по рукамъ; стало быть, всего произнесено было высокопреосв. владыкою московскимъ 445 словъ, рѣчей и бесѣдъ.

Изъ обозначенія словъ, рѣчей и бесѣдъ его годами видно, что архипастырское слово его въ пятидесятые годы лилось обильнѣе, чѣмъ во всѣ другіе. Нельзя не замѣтить, что въ тоже время и самый характеръ проповѣди его становится проще, чѣмъ прежде; доселѣ преобладали слова, съ 1853 года являются преимущественно бесѣды, собственно же рѣчи не смолкаютъ во весь періодъ его московскаго святительствованія.

Присматриваясь къ случаямъ, по которымъ сказаны были слова и рѣчи митрополита Филарета, видимъ, что всего чаще говорилъ святитель при освященіи храмовъ (66) и на царскіе дни (57); потому что въ эти дни наиболѣе стекалось въ храмы все избранное и мыслящее общество, которое владыка питалъ словомъ о любви небесной. Далѣе святитель Алексій и преподобный Сергій каждый годъ возбуждали его святолюбивую душу къ высокой беседѣ (22 слова до 1859 г.). За тѣмъ посѣщенія Москвы членами Царскаго Дома вызывали его на сжатыя и сильныя привѣтствія. Богородичные праздники служили для него источ и всегдашнихъ вдохновеніемъ. Наконецъ слѣдуютъ бесѣды на разные случаи изъ жизни: рѣчи рукополагаемымъ епископамъ; слова во время губительной болѣзни; о разныхъ предметахъ ученія христіанскаго; на дни воскресные и праздники Господни и послѣ всего — слова надгробныя, которыя за все время своего служенія митрополитъ произносилъ очень рѣдко и (какъ самъ онъ говоритъ) только покоряясь необходимости: для усопшихъ нужны, по его слову, не повѣсть жизни ихъ и похвала, а исключительно — молитва; для окружающихъ же гробъ, смертные останки вразумительнѣе всякаго слова.

Жизнь русскаго общества и народа въ періодъ дѣятельности преосвященнаго Филарета обусловливала содержаніе и характеръ проповѣдей этого великаго учителя. Обладая обширнымъ умомъ и проницательностію, Филаретъ съ удивительною вѣрностію постигъ немощи народа своего времени, созналъ опасности, грозящія чистотѣ его вѣры, и выступилъ на помощь ему съ живымъ сильнымъ словомъ. Филаретъ касается различныхъ сторонъ жизни русскаго общества и народа, и въ особенности тѣхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ уклоненія отъ духа христіанскаго. Такъ какъ эти уклоненія были результатомъ непониманія христіанскихъ догматовъ, то само собою понятно, что нужно было ознакомить слушателей съ ученіемъ христіанскимъ, съ христіанскими догматами и нравственными истинами, а за тѣмъ, съ указаніемъ ихъ пороковъ и уклоненій, указать средства къ исправленію. Такъ дѣйствительно и дѣлалъ митр. Филаретъ. Раскрывая и изъясняя догматы православной вѣры, убѣждая умъ въ истинахъ священнаго писанія и приготовляя сердце слушателей къ принятію благодати, онъ прямо или косвенно об-

личаетъ современные ему пороки общества, предлагая средства къ искорененію ихъ.

Съ другой стороны чистотѣ православія русскихъ людей вредили тогда несогласныя съ духомъ православія идеи, разсѣваемыя на Руси, какъ отдѣльными личностями, такъ и цѣлыми обществами. Были тогда въ Россіи: деизмъ и натурализмъ, съ ихъ отрицаніемъ промысла Божія, необходимости молитвы, съ ихъ ученіемъ о самодвижномъ ходѣ міровой машины; масонство съ его индифферентизмомъ—«какую бы религію не исповѣдывать, лишь бы быть честнымъ, никого не обижать»; іезуиты и расколъ, которые терпѣлись во имя господствовавшаго тогда ученія о полной свободѣ мысли и просторѣ всякаго развитія; гегелизмъ, который, выходя изъ понятія о духовности религіи, не хотѣлъ подчиняться власти ея учрежденій; матеріализмъ съ его отрицаніемъ нетлѣнія мощей, загробной жизни, воскресенія мертвыхъ. Были и другія подобныя направленія. Филаретъ въ своихъ словахъ обличаетъ сѣятелей неправославныхъ идей и предостерегаетъ слушателей отъ увлеченія такими идеями, раскрывая всю опасность и пагубность ихъ.

Умственнымъ состояніемъ тогдашняго цивилизованнаго общества объясняется и самый характеръ проповѣдей митр. Филарета, большая часть которыхъ состоитъ изъ теоретическаго, философски-догматическаго раскрытія истинъ. Въ ту эпоху, въ которую проповѣдывалъ митр. Филаретъ, русское общество уже начало жить (со временъ Екатерины) умственною, разсудочною жизнію. Оно перестало теперь довольствоваться авторитетами, которымъ слѣдовало прежде безсознательно, автоматически. Все что прежде принимаемо было съ вѣрою, теперь подвергается изслѣдованію. Явились вопросы: такъ ли это? Почему это такъ? Вѣрно ли то, во что прежде вѣровали, что принимали за истину? «Въ наше время, говоритъ Филаретъ въ одной проповѣди,(*) когда люди болѣе прежняго *взыскаша помысловъ многихъ* (Екк. 7, 30), когда съ раннихъ лѣтъ жизни стараются возбуждать и усиливать мысленную дѣятельность, когда въ разнообразіи помысловъ многихъ ищутъ мнимаго образованія, изящества,

(*) Слова и рѣчи. Ч. 3, стр. 57.

удовольствія, корысти, славы, когда посему души ихъ такъ легко засѣваются мыслями плевельными,—особенно нужно воззывать людей къ размышленію основательному, чистому, возвышенному, благочестивому». Отсюда видно, что самъ проповѣдникъ характеристическою чертою своихъ проповѣдей ставитъ разсудочность; проповѣди свои онъ называетъ не иначе, какъ «разсужденіями», «изслѣдованіями», «размышленіями». Онъ приглашаетъ своихъ слушателей «вникнуть» въ его слова; «послѣдовать за нимъ окомъ ума» и т. д. Впрочемъ нужно замѣтить, что при такомъ своемъ характерѣ слова митр. Филарета не чужды и сердечности; а многія изъ нихъ совершенно лишены умозрительно-богословскаго характера. Все это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Изучая проповѣди митр. Филарета въ хронологическомъ порядкѣ, нельзя не замѣтить той особенности, что проповѣдникъ въ первую четверть настоящаго столѣтія—время преимущественнаго господства деизма, мистицизма, масонства и другихъ направленій, занимается преимущественно раскрытіемъ созерцательныхъ истинъ христіанскаго ученія и ведетъ слушателя къ самоуглубленію, самоиспытанію, самоусовершенію. Онъ любитъ часто говорить о молитвѣ, о промыслѣ Божіемъ, благодѣющемъ надъ вселенною и человѣкомъ, о необходимости благодати Божіей для нашего спасенія, о возможности воздѣйствія Божія на человѣка при существованіи въ немъ свободы, о неповинномъ страданіи, о счастіи, о нетлѣніи мощей, о воскресеніи мертвыхъ, о происхожденіи зла въ мірѣ, о необходимости священно-таинственныхъ установленій христіанской церкви, о томъ, что христіанство не есть сила, задерживающая истинное развитіе человѣчества. Откуда въ проповѣдникѣ предпочтеніе къ этимъ темамъ? Самъ проповѣдникъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «такъ учатъ наши запоздалые философы»,—«этого желаютъ сыны вѣка сего»,—«таковъ нынѣшній образъ мыслей» и т. п. Но и безъ этихъ замѣчаній преосвященнаго Филарета можно узнать въ избираемыхъ имъ темахъ тѣ модныя и довольно распространенныя въ нашемъ образованномъ обществѣ идеи, которыми увлекались и по сіе время увлекаются и старые и малые? Эти темы, очевидно для каждаго, направляются противъ деизма, фатализма, индифферентизма, гегелизма и матеріализма.

Почти во всѣхъ проповѣдяхъ своихъ, гдѣ говоритъ Филаретъ о догматахъ православной вѣры, онъ старается внушить своимъ слушателямъ, что для познанія этихъ истинъ недостаточно одного «естественнаго разума, безъ высшаго управленія откровеніемъ». «Пусть покажутъ, если могутъ, говоритъ проповѣдникъ, общественное дѣйствіе такого разума къ совершенству и блаженству рода человѣческаго... По истинѣ, довольно печальныхъ опытовъ для удостовѣренія, что самоспасеніе человѣчества естественными средствами и усиліями разума, есть не болѣе, какъ мечтаніе и болѣзненный бредъ духовно недугующаго человѣчества. Лучшій и дѣйствительно спасительный подвигъ разума человѣческаго къ совершенству и блаженству человѣчества можетъ состоять только въ томъ, чтобы безпристрастно изслѣдать и измѣрить свои силы, средства, недостатки, для сей великой цѣли; понять возможность, признать потребность откровенія свыше».(*)

Въ словѣ въ недѣлю шестую по 50-цѣ,(**) митр. Филаретъ характеризуетъ свое время, сравнивая его съ обстоятельствами событія, случившагося во время жизни І. Христа на землѣ, когда Онъ сначала простилъ грѣхи разслабленному, а потомъ исцѣлилъ его. Указавъ на это событіе, проповѣдникъ обращаетъ вниманіе слушателей на различныя сужденія людей о дѣйствіяхъ Христа Спасителя. Одни изъ народа, «видѣвше это, чудишася, и прославиша Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ». Другіе говорили: «сей хулитъ». И чье жъ это сужденіе? Книжниковъ, людей, которыхъ, по нынѣшнему, надлежало бы назвать образованными, просвѣщенными, учеными?.. Не могутъ ли встрѣтиться и нынѣ люди, которые не называются, правда, и, вѣроятно, не пожелали бы назваться книжниками, но которые, надъ какою нибудь темною книгою, въ туманѣ воображенія, увидѣвъ призракъ истины, вслѣдствіе того почитаютъ себя способными произносить судъ надъ таинствами вѣры, надъ мудростію церкви, надъ дѣлами провидѣнія Божія въ родѣ человѣческомъ?—Что подобныя опасенія не излишни, и внушаемая ими осторожность благопотребна, въ томъ увѣряетъ

(*) Ч. 1, стр. 152.
(**) Ч. 1, стр. 105.

меня апостольское слово. Не къ іудейскимъ книжникамъ, но къ христіанскимъ уже мудрствователямъ, слѣдственно и ко мнѣ и къ вамъ, простираетъ апостолъ увѣщаніе: *глаголю благодатію, давшеюся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, то есть, съ благоразумною осторожностію, не выходя изъ предѣловъ смиренномудрія, коемуждо яко же Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры* (Римл. 12, 3).

Доказывая недостаточность одного, такъ называемаго, свѣтскаго образованія для достиженія познаній высшихъ религіозныхъ истинъ, проповѣдникъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ безсиліе такого образованія доставить человѣку помощь и утѣшеніе въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. «Утверждаю, говоритъ Филаретъ, что какъ въ болѣзняхъ, такъ вообще въ несчастьяхъ никакія средства и пособія недостаточны безъ религіи. Одна религія, и при томъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Когда бѣда и зло у насъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ, одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце.. Если трудно быть зрителемъ дѣйствій, то, конечно, еще труднѣе испытывать оныя на самомъ себѣ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ, то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними... Изыщите же средства утѣшенія. Здѣсь то желалъ бы я испытать сію гордую философію, которая думаетъ не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ сдѣлать человѣка благополучнымъ, независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее напр. въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему? «Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звѣномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ»... Будетъ ли отъ того болному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли онъ, напротивъ, себя болѣе прежняго отягченымъ узами причинъ и законовъ?.. Что еще можетъ сказать страждущему философія? «Терпи; если не врачеваніе, то смерть прекратитъ твои страданія». Но если на семъ она остановится,— а она принуждена остановиться на семъ; потому что не видитъ далѣе: то скорѣе при-

зоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, мудрость Божія; помоги божественная религія».(*)

Раскрывая истины христіанской церкви противъ невѣрія, проповѣдникъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на ихъ отношеніе къ ближнимъ и выясняетъ имъ эти отношенія. Особенно любимыми темами для него дѣлаются темы «о человѣколюбіи, о милосердіи, о справедливости, преимущественно же о любви къ бѣднымъ, больнымъ, обиженнымъ».(**) Проповѣдникъ любилъ говорить объ этихъ предметахъ особенно въ царскіе дни, когда, почти обязательно, слушаетъ его вся интеллигенція столицы. Мы хорошо поймемъ проповѣдника и значеніе его проповѣдей, если всмотримся въ эпоху 20 и 30 годовъ. Либерализмъ и религіозная экзальтація временъ Александра Благословеннаго въ ту пору уже достаточно были придавлены, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Стѣснена была свобода печати, появилась строгая цензура, умолкли въ печати голоса, не довольные дѣйствіями разныхъ властей, крѣпостнымъ правомъ и т. п. Одинъ былъ въ то время классъ, которому не оставалось желать ничего лучшаго,—это наша интеллигенція и бюрократія. Для прочихъ классовъ общества это время было временемъ опеки и бюрократическихъ притѣсненій. Вотъ откуда въ проповѣдникѣ особенная любовь въ это время къ проповѣди о человѣколюбіи и вообще о христіанскомъ отношеніи къ ближнимъ, при томъ о человѣколюбіи въ проповѣдяхъ, говоренныхъ преимущественно въ царскіе дни. Такимъ чувствомъ любви къ ближнимъ и угнетеннымъ проникнуты, напримѣръ, три слова митр. Филарета при избраніи судей. Въ одномъ изъ нихъ онъ примѣромъ Моисея, просившаго Господа послать другаго для изведенія Израиля изъ Египта, учитъ искателей права начальствовать, чтобы они заботливо подумали, способны ли они начальствовать, или судить; а также внушаетъ благороднымъ людямъ, что неприлично, неблагородно предпочитать свои личные инте-

(*) Ч. 2, стр. 28.

(**) См. напр. слова: ч. 2, стр. 154, 158, 160 и другія, говоренныя при открытіи богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній.

ресы интересамъ общественнымъ и убѣгать отъ дѣлъ общественныхъ къ своимъ личнымъ и домашнимъ. Избирателямъ проповѣдникъ внушаетъ узнать между избираемыми Моисея и отличить отъ него Корея. Въ другомъ словѣ по тому же случаю на текстъ: *руки скоро не возлагай ни на когоже*, проповѣдникъ также совѣтуетъ избирателямъ быть осторожными въ избраніи должностныхъ лицъ и не руководиться въ этомъ дѣлѣ ни желаніемъ чьимъ нибудь, ни знакомствомъ, а единственно общественною пользою. «Если потомъ, говоритъ проповѣдникъ, вслѣдствіе невнимательнаго и небезпристрастнаго избранія, избранный вами служитель правосудія возмятетъ правду и судъ, станетъ оправдывать неправды богатыхъ и сильныхъ; а не будетъ внимать суду вдовицъ и сирыхъ; блюститель земскаго порядка и спокойствія, вмѣсто того, чтобы облегчать и разрѣшать затрудненія смиренныхъ земли, сдѣлается для нихъ ярмомъ связующимъ и гнетущимъ...; то позвольте вамъ сказать, что въ такомъ случаѣ ваши гладкіе избирательные шары превратятся въ рукахъ вашихъ въ острыя стрѣлы, которыя уязвятъ общественное благосостояніе». Третье слово проповѣдникъ обращаетъ къ новоизбраннымъ судьямъ и рѣшаетъ вопросъ: чѣмъ главнымъ образомъ должны руководствоваться новоизбранные судьи при исполненіи своихъ судебныхъ обязанностей? Указавъ на законы и здравый разумъ, какъ на ближайшіе источники для руководства при исполненіи обязанностей, проповѣдникъ находитъ, однакожъ, что эти источники не могутъ избавить судью отъ погрѣшности и только постоянная мысль о Богѣ, о томъ, что онъ взыщетъ за неправые суды, можетъ предохранить судію отъ неправыхъ рѣшеній и приговоровъ.(*)

Проповѣди Филарета знакомятъ читателя и съ разными другими сторонами жизни его современниковъ, - съ ихъ обычаями, правилами приличій, или, какъ самъ проповѣдникъ называетъ, съ ихъ «нездравыми понятіями и неправыми правилами». Проповѣдникъ говоритъ, что многіе изъ его слушателей не благовременно являются къ богослуженію потому только, что отнятое у богослуженія время «посвящали тѣлу, изъ котораго въ это время творили «кумиръ», что для

(*) Ч. 2, стр. 222, 225, 227.

многихъ храмъ не мѣсто молитвы, а мѣсто «свиданій, разговоровъ, даже распрей», такъ что «грѣховный шумъ празднословія нерѣдко сражается съ церковными звуками церковнаго чтенія и пѣнія».(*) Онъ вооружается противъ обычая устроять около церквей въ дни храмовыхъ праздниковъ балаганы — «оныя не добрыя скиніи, приготовляемыя для служенія лакомству или піянству, для суетныхъ зрѣлищъ, для игръ, свойственныхъ дѣтямъ, но которыя не дѣти учреждаютъ, и которыми не дѣти занимаются». «Если въ день праздничный церковь полна, домы пусты, улица и торжище безмолвствуютъ: вотъ прекрасный видъ христіанскаго града»(**) Филаретъ въ своихъ словахъ доказываетъ святость и необходимость посѣщенія храма, безполезность занятій во дни, посвященные исключительно на служеніе Богу (***) Онъ обличаетъ заботы мужей, которые большую часть времени проводятъ въ томъ, чтобы пріобрѣсть себѣ тѣмъ или другимъ путемъ тысячи, которыя ихъ жены тратятъ на украшенія къ вечеру. Ему непріятно смотрѣть, какъ многіе люди зрѣлаго возраста, оставляя своихъ дѣтей на попеченіе наемщиковъ—наставниковъ, посвящаютъ время «мірскимъ зрѣлищамъ, гдѣ игрушка - вещь, или игрушка—человѣкъ играютъ вниманіемъ ихъ ума и движеніями сердца, гдѣ разновидно олицетворенныя страсти и пороки оспариваютъ у нихъ похвалы, берутъ у нихъ деньги,—можетъ быть,—тѣ деньги, въ которыхъ отказано бѣдному».(****) Онъ осуждаетъ христіанъ и христіанокъ, идущихъ на поприще искусства танцованія, уже по тому одному воспоминанію, непріятному для размышляющаго, что это искусство награждено нѣкогда въ лицѣ Иродіады усѣченною главою проповѣдника покаянія и цѣломудрія, и вообще искусство, не заслуживающее уваженія, какъ игра недружная съ тихимъ и безмолвнымъ житіемъ».... «Почтенный въ обществѣ званіемъ начальника, или судіи, нерѣдко потому только, чтобы міръ не уничтожилъ его благородной бѣдности, отверзаетъ свою руку для даровъ благо-

(*) Слово по освящ. храма Іоанна Богослова. Ч. 2, стр. 73.
(**) Слово по освящ. градо клинскаго собора храма пресв. Троицы. Ч. 2, стр. 44.
(***) Тамъ же т. 2.
(****) Т. 1, стр. 47—48.

дарности, а за симъ трудно ручаться и за то, что онъ не отверзаетъ ее для мзды неправедной».(*)

Считая причиною всѣхъ неурядицъ въ Россіи недостатокъ правильнаго воспитанія, Филаретъ принималъ горячее участіе въ устройствѣ дѣла улучшенія образованія и, сколько возможно, помогалъ ему. Образованіе русскаго общества въ концѣ прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія основывалось на самыхъ шаткихъ началахъ. Общество получало образованіе не въ правильно организованныхъ школахъ, а посредствомъ переводной литературы. Послѣдняя не столько удовлетворяла любознательность, сколько любопытство, сообщая свѣдѣнія сбивчивыя и смѣшанныя, она налагала тѣнь сомнѣнія на Божественное откровеніе, располагала къ неуваженію правилъ христіанской нравственности и установленій церковныхъ. Такое образованіе, такая литература вносили разладъ не только въ нравственную и религіозную жизнь, но и въ общественную, государственную жизнь русскаго народа. Образованіе, состоявшее въ автоматическомъ усвоеніи иностранныхъ идей, не могло доставить Россіи хорошихъ общественныхъ дѣятелей, которые бы дѣйствовали приспособительно къ нуждамъ и условіямъ ея. Безполезность и даже пагубность такого образованія вполнѣ была сознана лучшими людьми своего времени еще до дѣятельности Филарета, но старанія такихъ людей на первыхъ порахъ мало могли помочь дѣлу. Впослѣдствіи, особенно въ царствованіе Александра 1, приняты были болѣе рѣшительныя мѣры къ улучшенію образованія. Начали умножаться училища, въ которыхъ положено было воспитывать юношество въ духѣ евангельскомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ увеличены были средства для содержанія этихъ училищъ; способнымъ людямъ поручено было приготовить учебныя книги, примѣнительно къ новому характеру образованія. Филаретъ вполнѣ сочувствовалъ дѣлу улучшенія образованія и составленіемъ хорошихъ руководствъ для изученія Закона Божія помогалъ этому дѣлу. Кромѣ того въ своихъ словахъ и бесѣдахъ Филаретъ опровергаетъ мысль, что воспитаніе исключительно должно быть направлено къ образованію ума, къ обогащенію его людски-

(*) Ч. 1, стр. 245.

ми мудрованіями, не основывающимися на словѣ Божіемъ. Усиленные укоры невѣжеству и похвалы неопредѣленно понятому просвѣщенію посѣяли въ нѣкоторыхъ людяхъ одностороннія мысли, что воспитаніе, достойное своего имени, есть только ученое, что воспитывать, значитъ преподавать науки, что воспитаннымъ надо почитать того, кто прошелъ нѣсколько поприщъ уроковъ. Это значитъ воспитывать болѣе голову, нежели сердце и всего человѣка. Счастливъ воспитываемый, если наставникъ въ ученіи вѣры умѣетъ глубже посѣять въ немъ сѣмя духовнаго ученія, нежели другіе наставники сѣмена мірскихъ ученій. Ученіе божественное очиститъ, утвердитъ, освятитъ ученія человѣческія и сдѣлаетъ ихъ употребительными на пользу частную и общественную. Но если благочестіе въ самой душѣ воспитываемаго не положится въ основаніе мірскихъ ученій, то они не будутъ истинно основательны; ученія неосновательныя не благоустрояютъ жизни, а между тѣмъ обыкновенно надмеваютъ; надменный мнимымъ знаніемъ и образованностію всего чаще ставитъ себя выше своего состоянія. Такъ происходятъ люди, которые не сохраняютъ умѣренности въ изобиліи, алчутъ возвышенія, блеска, наслажденія... Любятъ перемѣны и, преслѣдуя мечты, разстроиваютъ дѣйствительность настоящаго и будущаго» (сл. по осв. храма Маріи Магдалины). Много и другихъ словъ посвящаетъ митр. Филаретъ доказательству недостаточности, неприложимости къ жизни, неспособности принести пользу обществу и государству такого образованія, въ основѣ котораго не будутъ лежать истины религіи. «Нашъ умъ требуетъ познанія истины... Что жъ, удовлетворяетъ-ли природа требованію нашей разумной природы? Спросимъ основательныхъ искателей знанія, спросимъ любомудрствующихъ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ довѣрія между ними признался, что усиленіемъ любомудрствованія онъ достигъ одного только познанія,—что «ничего не знаетъ». Если же такъ, то благоразуміе требуетъ, чтобы мы, какъ можно дѣятельнѣе, какъ можно вѣрнѣе послѣдовали воззванію Христову: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ.* И такъ, души жаждущія пріидите ко Христу. Онъ одинъ можетъ утолить вашу жажду истины; ибо самъ есть истина».(*)

(*) Слово по освящ. храма Пр. Богородицы.

Не менѣе атеистовъ тревожили Россію іезуиты и раскольники. Вызванные въ Россію еще въ царствованіе Екатерины, іезуиты прочно утвердились въ ней, и стали ревностно дѣйствовать въ пользу папскаго престола. Они завели училище, въ которое всѣми мѣрами стали привлекать русское юношество. Знатнѣйшіе и богатѣйшіе дворяне и даже князья отдавали въ іезуитское училище своихъ дѣтей, откуда эти послѣднія выходили болѣе склонными къ латинству, нежели къ православію. Филаретъ весьма хорошо зналъ силу вліянія на юношество іезуитскаго образованія, тѣмъ болѣе, что ему приходилось возстановлять въ православіи одного изъ воспитанниковъ іезуитской школы— Голицына, совращеннаго въ латинство. Занявшись перевоспитаніемъ этого юноши въ духѣ православномъ, по просьбѣ дяди его, Филаретъ написалъ: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной греко-россійской церкви» въ опроверженіе заблужденій латинянъ. Но этого было недостаточно для противодѣйствія іезуитамъ, и Филаретъ выступилъ противъ нихъ съ живымъ устнымъ словомъ. Какъ ревностные слуги и поклонники папы, іезуиты, прежде всего, старались навязать догматъ о главенствѣ папы тому, кого надѣялись совратить въ латинство. Несостоятельность этого догмата и раскрываетъ Филаретъ въ одномъ изъ своихъ словъ.(*) Здѣсь онъ опровергаетъ ученіе запада о видимой главѣ церкви и словомъ Божіимъ, и ученіемъ церкви, и путемъ историческимъ. Обличаетъ Филаретъ заблужденіе латинянъ и относительно причащенія мірянъ и въ частности младенцевъ, вѣроятно, оставшееся не безъ вліянія на русскій народъ. «Господь не сказалъ о таинственномъ хлѣбѣ ядите вси, ибо нѣкоторые не могутъ ясти, напр. младенцы. Но о таинственной чашѣ сказалъ: піите отъ нея вси. Примѣчайте же, какъ отступаютъ отъ точности заповѣди тѣ, которые не допускаютъ до св. таинъ младенцевъ и малолѣтнихъ до извѣстнаго возраста».(**)

Впрочемъ у митрополита Филарета не много словъ направлено къ обличенію латинянъ: іезуиты скоро были изгнаны изъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилась и опасность ув-

(*) Слово по освящ. храма Благов. Пр. Богород., въ каѳедр. Чуд. мон. Ч. 2, стр. 96.
(**) Ч. 2, стр. 49.

леченія православныхъ латинскимъ ученіемъ Къ болѣе сильной дѣятельности вызывалъ Филарета расколъ. Преосвященный Филаретъ предпринялъ всѣ мѣры, чтобы предохранить православныхъ отъ уклоненія въ расколъ и самихъ раскольниковъ возвращать въ лоно церкви. Съ этою цѣлію написано имъ сочиненіе, извѣстное подъ именемъ: «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу». Доказывая въ немъ зыбкость и недостаточность тѣхъ основъ, которыми защищали раскольники свои заблужденія, авторъ раскрываетъ неистинность ихъ новой вѣры, которую они считаютъ за старую и исторически доказываетъ древность православной вѣры. Кромѣ этого онъ обличенію раскола посвящаетъ большинство своихъ проповѣдей, произнесенныхъ при освященіи храмовъ. Проповѣдникъ въ своихъ словахъ опровергаетъ мнѣніе раскольниковъ объ оскудѣніи въ церкви благодати,—основанное на томъ, что теперь нѣтъ чудесъ въ церкви и говоритъ, что „отсутствіе чудесныхъ знаменій“ еще нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу раскольническаго мнѣнія объ оскудѣніи въ церкви благодати. „Не то уже время, говоритъ проповѣдникъ, когда надлежало слабое растеніе вѣры сохранить и оживить силою внѣшнихъ чудесъ: въ наше же время нужно вѣрѣ живой въ І. Христа укрѣпляться и производить чудесные плоды безъ внѣшнихъ подпоръ.“(*) Проповѣдникъ убѣждаетъ далѣе, что благодать не только не оскудѣла, а напротивъ преизбыточествуетъ въ каждомъ христіанскомъ храмѣ. Заблужденія раскольниковъ, судя по проповѣдямъ Филарета, состояли въ удаленіи ихъ отъ церкви и ея пастырей, въ отверженіи или искаженіи ими таинствъ вообще и въ особенности брака и евхаристіи. Источникомъ всѣхъ заблужденій раскольниковъ митр. Филаретъ признаетъ ихъ невѣжество.(**)

Слѣдя за теченіемъ жизни своихъ соотечественниковъ, Филаретъ касался въ своихъ словахъ событій и вообще положенія дѣлъ и въ другихъ государствахъ, сосѣднихъ Россіи и не безъизвѣстныхъ ей. Дѣлалъ онъ это для того, чтобы, чрезъ сравненіе положенія Россіи въ гражданскомъ

(*) Т. 2, стр. 15, сл. по освящ. храма Св. Троицы.
(**) Т. 2, стр. 112, 113.

и церковномъ отношеніяхъ съ другими государствами и народами, возбуждаетъ въ слушателяхъ любовь къ Богу и внушаетъ имъ благодарность къ своимъ правителямъ. Онъ сравниваетъ состояніе православной русской церкви съ другими церквами, особенно восточными, и дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Тогда какъ иныя церкви и чада ихъ подвизаются въ скорбяхъ, въ тѣснотахъ и лишеніяхъ, насъ ничто не препятствуетъ совершати торжество вѣры, пользоваться открытыми сокровищами и утѣшеніями благодати.(*)

Наконецъ въ своихъ словахъ, произнесенныхъ при освященіи храмовъ, Филаретъ касался чисто политическихъ явленій не только отечественныхъ, но иностранныхъ, и выводилъ изъ нихъ приличныя назиданія для своихъ слушателей. Его время было временемъ страшныхъ смутъ и переворотовъ почти во всей западной Европѣ, произведенныхъ главнымъ образомъ французской революціей 1848 г. На такое состояніе западной Европы указываетъ Филаретъ въ бесѣдѣ своей, произнесенной при освященіи храма св. архистратига Михаила, вмѣстѣ съ открытіемъ втораго морскаго кадетскаго корпуса. Въ этомъ словѣ онъ возбуждаетъ въ слушателяхъ благодарность и любовь къ Императору, усиливающему средства общественной защиты и безопасности, раскрываетъ въ чемъ заключается сила войска христіанскаго и яркими красками рисуетъ воина христіанина (**)

Такимъ образомъ преосв. Филаретъ по содержанію своихъ проповѣдей былъ «всѣмъ вся».

Что касается способа раскрытія истинъ, то и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ удовлетворялъ потребностямъ и стремленіямъ общества своего времени. Съ одной стороны: точность, отчетливость, основательность,- съ другой: простота и ясность суть основныя, характеристическія черты проповѣдей митр. Филарета.

Отличительную черту словъ митрополита Филарета составляетъ глубокомысліе въ изъясненіи св. писанія, сколько развитое обширною богословскою эрудиціею, столько и обличающее природную глубокость ума его. Въ подтвержденіе это-

(*) Слово по освящ. храма св. Филиппа на іерусал. в Москвѣ подворьѣ. Ч. 3, стр. 153.

(**) Т. 3. 143.

го приведемъ несколько примѣровъ изъ словъ митр. Филарета. Вотъ какъ глубокомысленно митр. Филаретъ объясняетъ текстъ св. писанія: *она же абіе оставльше корабль и отца своего, по немъ идоша.* «Чего долженъ былъ ожидать Іисусъ, призывающій Петра и Андрея? Если не отказа, то раздумья, нерѣшимости, колебанія, борьбы между необыкновеннымъ призваніемъ и привязанностію къ обыкновенному быту, между желаніемъ неизвѣстнаго, великаго и опасностію потерять извѣстное малое. Что же вышло? готовность полная, послѣдованіе неотразимое. Призываемые не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти; они ихъ просто бросили! Подобнымъ образомъ Іисусъ зоветъ Іакова и Іоанна; дѣйствіе оказывается еще болѣе удивительное, призываемые должны оставить отца, что дороже рыболовныхъ сѣтей, - но и любовь къ отцу, съ прочими естественными привязанностями, не устояли противъ зова Спасителя. Что же это за сила, которая дѣйствуетъ такъ побѣдоносно надъ всѣми привязанностями человѣческими? Сила божества, сотворившая міръ. Она призываетъ, и тварь неудержимо движется по гласу Творца, человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ, рыбарь дѣлается апостоломъ».(*)

Но есть и цѣлыя слова, поражающія читателя глубокомысліемъ; лучшее изъ нихъ самое богатое мыслями, есть слово на благовѣщеніе, изъ текста: *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.* Въ этомъ словѣ раскрыта оригинальная мысль, что безпрекословная вѣра Богоматери удивительной вѣсти архангела о рожденіи отъ нея Сына, безъ мужа, составляетъ необыкновенный нравственный подвигъ, потому что и великіе праведники не сразу вѣрили удивительнымъ вѣстямъ отъ Бога; за тѣмъ проповѣдникъ объясняетъ причину поздняго пришествія Спасителя въ міръ; причина та, что міръ въ пять тысячъ лѣтъ не могъ дождаться дѣвы, достойной необыкновенной вѣсти о рожденіи Спасителя въ мірѣ.(**)

Такимъ же разсудочнымъ и аналитическимъ характеромъ запечатлѣна и другая половина содержанія проповѣдей прео-

(*) Слово въ недѣлю 2-ю по 50 цѣ.
(**) Ч. 1, стр. 177.

священнаго Филарета, когда онъ обращается къ своимъ слушателямъ къ ихъ недостаткамъ. У него нѣтъ общей морали. Онъ подробно старается разобрать то или другое нравственное состояніе слушателя, старается разъяснить откуда возникло оно и чѣмъ поддерживается, старается осмыслить такія состоянія, которыя часто каждымъ чувствуются только, но ясно не сознаются. Мы не станемъ приводить на это особыхъ подтвержденій. Ихъ можно найти въ каждой проповѣди митр. Филарета.

Это одна изъ главныхъ чертъ, характеризующихъ раскрытіе содержанія проповѣдей митр. Филарета. Она въ высокой степени рекомендуетъ умственную сторону личности проповѣдника. Это умъ высокій, смѣлый, мощный, гибкій, развитый, обладающій богатствомъ свѣдѣній. Проповѣдникъ является въ своихъ проповѣдяхъ знаменитымъ богословомъ, проповѣди котораго заключаютъ въ себѣ полноту русской богословствующей мысли о всѣхъ существенныхъ предметахъ христіанскаго ученія,—психологомъ, прекрасно понимающимъ сердце человѣческое, богатымъ душевными опытами, глубокимъ экзегетомъ, философомъ.

Отсюда однако не слѣдуетъ заключать, будто въ проповѣдяхъ митр. Филарета нѣтъ сердечности, что называется—души, теплоты чувства. Разсудочный характеръ его проповѣди вовсе не въ ущербъ сердечности и чувства. Правда, при чтеніи проповѣдей митр. Филарета не бываетъ того быстро возникающаго и еще быстрѣе исчезающаго чувства, которое источникомъ своимъ имѣетъ громкія фразы и чувствительныя тирады, возбуждающія, но не питающія сердце слушателя. Чувство, выражающееся въ самыхъ проповѣдяхъ митр. Филарета, имѣетъ своимъ источникомъ тотъ тонкій анализъ, то глубокое и основательное понимапіе христіанскихъ истинъ, словомъ ту разсудочность, о которой мы и говорили выше. «Убѣжденіе ума проповѣдника», употребимъ его выраженіе, «само собою перерождается въ немъ въ живое чувство сердца, и по той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце».(*) Въ его словѣ, слышится краснорѣчіе сердца,

(*) Сл. и р. Ч. 1, стр. 292.

искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ дознавшаго ея божественную силу. Умъ и сердце проповѣдника дѣйствуютъ гармонично, взаимно питаясь одно другимъ. Каждый моментъ въ исторіи домостроительства человѣка вызываетъ глубокое, живое чувство проповѣдника. Такъ напр., упомянувъ о благовѣщеніи пресвятой Дѣвѣ архангеломъ Гавріиломъ о зачатіи Ею отъ Духа Св. — Спасителя міра, онъ невольно останавливается надъ этимъ важнымъ моментомъ, надъ «*главизною*» — началомъ нашего спасенія: перенесясь мыслію къ тому времени, онъ самъ хочетъ какъ бы пережить его, прочувствовать его за тогдашній безчувственный, распущенный міръ... «Дивны Твоя тайны, Богородице»! восклицаетъ проповѣдникъ. Кто слышитъ Твой тихій глаголъ въ Твоеи затворенной молитвенной храминѣ? Кто провидитъ, какія огромныя дѣла ведетъ за собою Твое малое слово? Міръ ощущаетъ ли сію минуту, въ которую дѣлается переломъ всецѣлой судьбы его, въ которую измѣняются отношенія между небомъ и землею? Знаетъ ли мечтающій о всемірномъ владычествѣ Римъ, что въ одной изъ дальнихъ областей его, нищая дщерь царей, называющая Себя рабою Господнею, изрекла приговоръ, который готовитъ міру новаго, лучшаго, вожделѣннаго Владыку, а Риму разрушеніе гордаго и своенравнаго владычества? Гадаютъ ли славныя прорицалища языческихъ народовъ, что изъ устъ безвѣстной Дѣвы излетѣло прорицаніе, которое заставитъ ихъ умолкнуть, низринетъ кумиры и капищницы, прекратитъ кровавыя жертвы, уничтожитъ кровожадныхъ жрецовъ? Домышляются ли мудрецы міра, что на гласъ евреянки сходитъ съ неба невѣдомая до нихъ поръ премудрость, которая *обуитъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергнетъ* (1 Кор. 1, 19), но младенцамъ откроетъ тайны, для мудрецовъ непостижимыя. (Мат. 11, 25)? Что я говорю! Іерусалимъ и колѣна Израилевы, которыя отъ дальнихъ предковъ знаютъ и хранятъ обѣтованіе Божіе о великомъ Избавителѣ и Умиротворителѣ, и безпрестанно *день и нощь служаще надѣются дойти* (Дѣян. 26, 7) до исполненія, — дослужились ли они до познанія, что, пройдя обширную область обѣтованія, въ сей день, или въ сію ночь, внезапно приближались они къ предѣлу исполненія, и что предѣлъ сей поставленъ въ Назаретѣ? Книж-

ники, которые столько разъ читали въ книгѣ Исаіи (7. 14): *се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*, и едва ли не столько же разъ недоумѣвали о семъ, думаютъ ли они, что предизбранная Дѣва, и уже уразумѣла сіе пророчество и готовится исполнить оное? Знаетъ ли хотя праведный Іосифъ, уже не совсѣмъ чуждый тайнамъ Приснодѣвы, какъ обручившій Ее себѣ, съ тѣмъ, чтобы Ей пребыть Дѣвою, знаетъ ли, что въ слѣдъ за симъ Она обручается Духу Святому, чтобы содѣлаться Матерію Господа? Въ цѣломъ мірѣ никому, кромѣ единыя, невѣдомо благовѣщеніе Архангелово, когда оно совершается; и оно долженствуетъ огласить весь міръ, когда совершится. И сказавъ рано простыя, по видимому, слова благовѣщенія Маріина: *се раба Господня; буди мнѣ по глаголу твоему*, какою потерялъ бы весь ихъ разумъ, ощутивъ бы [illegible] силу? А ихъ разумъ сливается съ безднею разума Божія и обнимаетъ время и вѣчность; ихъ [illegible] сопрягаетъ [illegible] Вышняго, и преобразитъ землю и начертаетъ небо. (*) Это [illegible] голосъ сердца, у проповѣдника *отъ избытка сердца уста глаголютъ*: это ораторство сердца.

Благодаря этимъ характеристическимъ чертамъ, которыми [illegible] раскрытіе предмета проповѣдей митр. Филарета, благодаря этому гармоническому ихъ сочетанію, проповѣди преосвящ. Филарета производятъ неотразимое сильное вліяніе на слушателя, особенно читателя ихъ. Начавшій слушать или читать проповѣдь митр. Филарета не можетъ оставить ее, не выслушавъ или не дочитавъ всего до конца. Умъ его невольно слѣдитъ за смѣлымъ полетомъ мысли проповѣдника и покоряется ей. Сердце согрѣвается и услаждается созерцаніемъ небесной истины.

Въ заключеніе отдѣла о характерѣ раскрытія митрополитомъ Филаретомъ предмета своихъ проповѣдей мы должны сказать, что у него не всѣ проповѣди проникнуты богословско-созерцательнымъ характеромъ. Таковы его слова: «во время губительной болѣзни», «противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ», «Бесѣда на сырной недѣли противъ невоздержанія» и другія. Въ нихъ нѣтъ ни богословскихъ, ни фи-

(*) Сл. и р. Т. 1, стр. 154.

лософскихъ созерцаній. Это простыя, теплыя, общія наставленія и убѣжденія слушателей къ добродѣтели, нравственности, покаянію. Проповѣдникъ не приглашаетъ своихъ слушателей «послѣдовать за нимъ окомъ ума». Онъ ясно видитъ, что теперь не кстати богословствовать; что онъ и не способенъ теперь богословствовать, а слушатели неспособны внимать богословствованію. «И въ день Господень, въ домѣ Божіемъ», говоритъ онъ, «не свободно богословствовать: потому что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби, и заботливые помыслы прерываютъ нить размышленія и слова».(*) Отсюда ясно, что если проповѣдникъ въ другое время старается богословствовать въ своихъ проповѣдяхъ, то очевидно, онъ дѣлаетъ это не по привычкѣ только разсуждать, изслѣдовать, но по сознанію настоятельной необходимости разсуждать со слушателями о христіанскомъ ученіи... Такимъ образомъ, какъ въ выборѣ предметовъ для своихъ проповѣдей, такъ и въ характерѣ раскрытія ихъ, митр. Филаретъ является проповѣдникомъ въ высокой степени современнымъ.

Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

(1800—1857 г.).

Первоначальное образованіе Иннокентія. Высшее образованіе въ кіевской дух. академіи и самообразованіе. Поступленіе на службу въ Петербургѣ. Переходъ въ Кіевъ на должность ректора академіи. Оживленіе богословской науки. Награды и повышенія. Назначеніе епископомъ Вологодскимъ и архіепископомъ Харьковскимъ и Херсонскимъ.

Иннокентій въ мірѣ назывался Иваномъ Борисовымъ; онъ былъ сынъ священника города Сѣвска, орловской епархіи, Алексѣя Борисова; родился въ 1800 г. Первоначальное образованіе Иванъ Борисовъ получилъ въ воронежскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ перешелъ въ орловскую семинарію, находившуюся тогда въ Сѣвскѣ. Уже тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе товарищей и профессоровъ своими сочиненіями. Высшее образованіе Иванъ Борисовъ получилъ въ кіевской духовной академіи, гдѣ онъ преимущественно зани-

---

(*) Ч. 2, стр. 119.

мался чтеніемъ и проводилъ надъ книгами цѣлыя ночи. Обладая блестящими способностями, онъ не довольствовался лекціями профессоровъ и развивался не столько въ классѣ, сколько собственно чтеніемъ, размышленіями о прочитанномъ и наконецъ практическими упражненіями; изъ прочитанныхъ книгъ онъ дѣлалъ извлеченіе. Весьма часто, окруженный товарищами, онъ разсказывалъ о томъ, что читалъ, и нерѣдко излагалъ имъ цѣлую систему какого нибудь философа. Классные уроки Иванъ Борисовъ обыкновенно прочитывалъ передъ экзаменомъ и отвѣчалъ всегда лучше всѣхъ. Способностями и знаніями превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей. На 23 году онъ окончилъ курсъ съ ученою степенью магистра и тогда же былъ опредѣленъ профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка и вмѣстѣ инспекторомъ С.-Петербургской семинаріи; а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ — ректоромъ с.-петерб. александроневскаго училища, и здѣсь въ декабрѣ 1823 г. принялъ монашество, съ именемъ Иннокентія. 10 декабря 1824 года отецъ Иннокентій назначенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ и чрезъ семь мѣсяцевъ инспекторомъ въ петербургскую академію, гдѣ Филаретъ былъ нѣкогда ректоромъ (съ 1812—1819). Какъ профессоръ богословія, онъ затмилъ всѣхъ своихъ товарищей; записки, составляемыя студентами съ его устныхъ лекцій, разошлись во множествѣ по семинаріямъ. Тогда издавался журналъ «Христіанское Чтеніе», который уже падалъ: Иннокентій своимъ участіемъ, при сотрудничествѣ двухъ достойнѣйшихъ сотоварищей своихъ (Г. П. Павскаго и В. Б. Бажанова), поддержалъ его; онъ сталъ печатать въ немъ свои превосходныя историческія сочиненія: «Жизнь св. Апостола Павла» и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» и другія. Благодаря появленію этихъ и другихъ статей Иннокентія въ «Христіанскомъ Чтеніи», журналъ этотъ началъ быстро распространяться. Въ 1830 г. Иннокентій былъ переведенъ ректоромъ въ кіевскую духовную академію, нѣкогда воспитавшую его. Понятно, что онъ обратилъ на нее все свое вниманіе; десять лѣтъ (отъ 1830—1840 г.), которыя онъ пробылъ въ ней ректоромъ, считаются лучшимъ періодомъ въ исторіи этого учебнаго заведенія. Иннокентій преобразовалъ его, оживилъ и далеко подвинулъ его впередъ. Онъ ввелъ въ академію преподаваніе новыхъ

наукъ и, чтобы поддержать энергію профессоровъ, весьма часто посѣщалъ ихъ лекціи и не рѣдко самъ излагалъ предметъ, о которомъ говорилъ профессоръ. Во время экзаменовъ Иннокентій говорилъ неумолчно, предлагалъ студентамъ цѣлый рядъ вопросовъ, бесѣдовалъ съ ними и такимъ образомъ оживлялъ скучные часы экзамена. Темы для сочиненія давалъ съ разборчивостію, бралъ для нихъ самые занимательные предметы. Особенное вниманіе онъ обращалъ на проповѣди студентовъ: послѣ прочтенія профессоромъ, самъ разсматривалъ ихъ, призывалъ къ себѣ проповѣдника и нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ нимъ о предметѣ его сочиненія, о важности проповѣданія, и тотъ выходилъ отъ ректора совершенно обновленнымъ. Въ отношеніи къ студентамъ Иннокентій былъ ласковъ, благороденъ, вѣжливъ, снисходителенъ къ ихъ проступкамъ, если они происходили не отъ злонамѣренности, а вслѣдствіе увлеченія, столь свойственнаго ихъ молодости; исправлялъ онъ ихъ не угрозами и наказаніями, а увѣщаніями, кроткими словами. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь: его называли незабвеннымъ отцемъ-ректоромъ.

Въ то же время Иннокентій самъ занимался ораторствомъ, самъ произносилъ проповѣди въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ кіево-печерской лаврѣ и училищномъ кіево-братскомъ монастырѣ, и своимъ краснорѣчіемъ привлекалъ несмѣтныя толпы: онъ говорилъ всегда на память, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ сильно дѣйствовалъ на слушателей и приводилъ ихъ въ восторгъ. Въ это-то время были имъ произнесены и потомъ напечатаны «Страстная» и «Свѣтлая седмица». Тѣ, которые были современниками появленія ихъ на свѣтъ, помнятъ, съ какою нетерпѣливою жадностію ожидали они выхода въ печать или произнесенія новыхъ произведеній проповѣдника, который сдѣлался извѣстнымъ во всей Россіи.

Иннокентій трудился съ необыкновенною ревностію, какъ педагогъ и какъ ораторъ. Однажды онъ невольно сознался въ этомъ студентамъ: «Я удивляюсь», сказалъ онъ имъ, «какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете: прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю Великаго поста я написалъ около 80 листовъ». Чтобы дать больше развитія религіозному образованію русскаго народа, Иннокентій сталъ издавать

духовный журналъ «Воскресное Чтеніе», который имѣлъ такъ много читателей, что вскорѣ потребовалось второе изданіе, и до сихъ поръ тѣ номера журнала, которые вышли при ректорѣ Иннокентіѣ, считаются самыми интересными.

За труды по образованію въ академіи и вообще за свою дѣятельность Иннокентій былъ награжденъ не бывалымъ до того времени отличіемъ. «Во вниманіе къ отличнымъ трудамъ,—сказано въ Указѣ Св. Синода, отъ 27 января 1836 г.—присвояется ему лично степень первокласснаго архимандрита, съ первостояніемъ предъ всѣми прочими архимандритами первоклассныхъ монастырей, находящихся въ вѣдомствѣ кіевскаго учебнаго округа.(*) 3 октября того же 1836 г. Иннокентію Высочайше повелѣно было быть викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ Чигиринскимъ. Для принятія рукоположенія во епископа онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Къ началу 1837 г. Иннокентій возвратился въ Кіевъ. Теперь обязанности его усложнились: оставаясь ректоромъ и профессоромъ, онъ долженъ былъ заниматься дѣлами по званію викарнаго архіерея. Впрочемъ скоро Иннокентій сложилъ съ себя званіе профессора богословскихъ наукъ, поселился въ кіево-михайловскомъ монастырѣ и сталъ заниматься учено-литературными трудами. 10 октября 1839 г. Иннокентій получаетъ увольненіе отъ должности ректора академіи; а 1 марта 1841 г. назначается епархіальнымъ архіереемъ въ Вологду.

Въ томъ же году онъ переведенъ былъ въ Харьковъ, гдѣ оказалъ много услугъ, такъ напр.: возобновлялъ монастыри, устроивалъ крестные ходы и поучалъ паству. Послѣднее время своей жизни онъ былъ архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, жилъ въ городѣ Одессѣ; во время войны Россіи съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею, онъ явился пламеннымъ патріотомъ и великимъ пастыремъ церкви. Когда въ великую субботу (10 апрѣля 1854 г.) архипастырь совершалъ литургію, французы и англичане бомбандировали Одессу. Богослуженіе приходило къ концу;... вдругъ страшный взрывъ! крѣпкія соборныя стѣны поколебались, стекла задрожали, хвалебное пѣніе умолкло и изумленный и

(*) Истор. Кіевск. Дух. Акад., стр. 152.

устрашенный народъ повалился на церковный помостъ.... моментъ былъ роковой: всѣмъ казалось, что громадный куполъ собора отъ сильнаго сотрясенія рушится... Одинъ архипастырь среди подобной катастрофы остался непоколебимымъ; терпѣливо выждавъ, пока испуганный народъ пришелъ къ чувству самосознанія, онъ, исполненный молитвы и крѣпкой вѣры, вышелъ изъ алтаря и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ началъ бесѣду слѣдующими словами: «Вы устрашились сего браннаго звука, произведеннаго враждебной рукой и, стоя на молитвѣ, не устыдились по своему маловѣрію, пасть на землю; но какой страхъ и ужасъ объиметъ грѣшную душу, когда архангельскій звукъ трубы воззоветъ насъ на всеобщій судъ»!.. Народъ въ безмолвіи слушалъ любимаго своего святителя; на колокольнѣ пробило пять часовъ, но громъ пушекъ, взрывъ гранатъ и бомбъ все еще продолжались и многія изъ нихъ ложились у самыхъ дверей церковныхъ. Наконецъ божественная служба кончилась; народъ крестясь и молясь спѣшилъ подъ кровъ простреленныхъ своихъ домовъ. 14 числа, въ 7 часовъ утра, флотъ снялся съ якоря и ушелъ въ открытое море; народъ съ отраднымъ взоромъ слѣдилъ за уходившимъ непріятелемъ, отъ души желая, чтобъ онъ не возвращался... Иннокентій по этому поводу произнесъ въ церкви проповѣдь и примѣнилъ къ состоянію жителей Одессы церковный стихъ: «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ». Не довольствуясь проповѣдями въ Одессѣ, онъ отправился на самое мѣсто побоища русскихъ съ непріятелями и совершалъ богослуженіе въ лагерной церкви, во время пушечной пальбы, укрѣпляя своимъ великимъ словомъ защитниковъ Севастополя.—На обратномъ пути Иннокентій тяжко заболѣлъ и въ Симферополѣ служилъ послѣднюю литургію. Въ Одессу возвратился онъ уже совершенно изнуренный болѣзнію. Предъ смертію Иннокентій любилъ слушать чтеніе духовныхъ книгъ, а въ особенности проповѣдей московскаго митр. Филарета и жизни митр. Платона.

Иннокентій умеръ въ 1857 году въ Одессѣ, въ день сошествія Св. Духа, въ тотъ самый праздникъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ въ первый разъ совершалъ здѣсь литургію. Смерть застигла его среди заботъ и трудовъ. Онъ далеко не все сдѣлалъ, чего желалъ. Онъ думалъ собрать

древности Крыма; имѣлъ намѣреніе отправиться въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню, заботился объ изданіи церковнаго архива, т. е. древнихъ документовъ, касающихся православной церкви.

Проповѣдническая дѣятельность Иннокентія.

Перечень проповѣдей Иннокентія. Планъ богословской системы, котораго онъ держался. Взглядъ его на значеніе проповѣди. Оригинальность темы. Ораторскіе пріемы. Красота и художественность слова. Содержаніе проповѣдей Иннокентія. Признаки общественнаго элемента въ проповѣдяхъ его. Обстановка при произношеніи. Дѣйствіе проповѣдей его на слушателей и читателей.

Проповѣди, дошедшія до насъ отъ преосвященнаго Иннокентія, носятъ разныя названія: 1) Слова и бесѣды на праздники Господни (съ нами Богъ!) и на воскресные дни; 2) Слова на Богородичны праздники, на дни святыхъ, на разные случаи и на высокоторжественные дни; 3) Бесѣды на св. четыредесятницу. Великій постъ.—Изъясненіе великопостной молитвы св. Ефрема Сирина: Господи и Владыко живота моего! О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ.—О смерти; 4) Первая седмица великаго поста.—Страшная седмица.—Свѣтлая седмица; 5) Слова при посѣщеніи паствъ.—Слова и рѣчи при избраніи въ общественныя должности, при открытіи общественныхъ учрежденій, надгробныя и къ отдѣльнымъ лицамъ; 6) Три слова о веснѣ.

Въ своихъ лекціяхъ и проповѣдяхъ Иннокентій не отступалъ отъ плана богословской системы, прежде начертаннаго митрополитомъ Филаретомъ; но онъ сосредоточивалъ свое главное вниманіе на такихъ вопросахъ, которые открывали поле для свободныхъ построеній мысли и для сужденій естественнаго соображенія. При разборѣ такихъ вопросовъ, благодаря широкимъ и остроумнымъ аналогіямъ и сближеніямъ, предъ слушателями открывался новый горизонтъ; они знакомились съ результатами современной науки и увлекались картинностію представленій, какими разсыпалась предъ ними роскошная мысль, всегда ведшая за собою игривое воображеніе. Все это возбудительно дѣйствовало на умы, и прола-

гало пути для болѣе широкаго воздѣлыванія науки и сердечной нивы: сила возбужденія—главное, что отличаетъ и возвышаетъ Иннокентія предъ другими дѣятелями науки и церковнаго слова.

Слово Иннокентія отличается и по характеру своему отъ слова Филарета. Иннокентій желаетъ затронуть проповѣдью чувство слушателей, а Филаретъ дѣйствуетъ преимущественно на разумъ. Иннокентій самъ опредѣляетъ характеръ своего слова, при вступленіи на харьковскую паству, говоря, «что *слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы: да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ* (1 Кор. 2, 1, 2, 4, 5). «Горе было бы, братіе мои, и вамъ и намъ, если бы св. вѣра наша не имѣла другаго основанія и опоры, кромѣ ума и мудрости человѣческой! Тогда и она подлежала бы тѣмъ же жалкимъ превратностямъ, коимъ всегда подлежали и всегда будутъ подлежать произведенія дѣятельности человѣческой. Тогда вмѣсто того, чтобы служить незыблемою опорой и успокоеніемъ для души нашей во всѣхъ искушеніяхъ жизни, св. вѣра сама была бы непрестанно обуреваема недоумѣніями, колеблема возраженіями и спорами, и имѣла бы нужду въ защитѣ отъ навѣтовъ того же разума, который и во всѣхъ случаяхъ, тѣмъ паче въ дѣлахъ вѣры, гораздо способнѣе сомнѣваться и вопрошать, нежели отвѣчать и рѣшать сомнѣнія. Чтобы убѣдиться въ семъ совершенно, вспомнимъ судьбу вѣры въ древнемъ мірѣ языческомъ.—Велемудрая Греція, съ ея Сократами и Платонами, основывала, какъ извѣстно, свою религію на умѣ человѣческомъ: и, не смотря на всю образованность свою, многаго ли достигла?—Того, что среди столицы тогдашняго всемірнаго просвѣщенія явился алтарь «невѣдомому Богу»!—Гордый Римъ, съ его Катонами и Цицеронами, клалъ въ основаніе своихъ вѣрованій умъ и краснорѣчіе; и что вышло изъ сего? то, что въ римскомъ Пантеонѣ оказалось наконецъ столько же боговъ, сколько страстей въ сердцѣ человѣческомъ. И, вотъ почему премудрость Божія, какъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, видя, что міръ не только ничего не успѣваетъ въ дѣлахъ вѣры посредствомъ своей мудрости, а напротивъ, обольщаясь ею, превращаетъ и губитъ все благое въ сердцахъ человѣче-

скихъ,—положила спасти людей уже не премудростію слова, а буйствомъ проповѣди; и чтобы первая, по сродной ей самонадѣянности и страсти всюду мѣшаться, снова не покусилась на владычество и распоряженіе въ дѣлахъ вѣры, положила отвергнуть и погубить ее. *Погублю*, сказано, *премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну;* и что сказано, то и сдѣлано: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего»* (1 Кор. 1, 2)?...(*) Да, братіе мои, когда вы видите предъ собою проповѣдника христіанскаго, то не мните, чтобы онъ вѣщалъ къ вамъ одинъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ всегда присутствуетъ невидимо и дѣйствуетъ другой, высшій наставникъ—самъ Духъ Святый. Безъ него все наше краснорѣчіе и всѣ наши убѣжденія были бы *яко мѣдь звенящая и кимвалъ звяцаяй* (1 Кор. 13, 1); а съ Нимъ самая простота и безъискусственность—всесильны. Кромѣ сего въ самыхъ истинахъ и таинствахъ вѣры христіанской заключается такая внутренняя мощь и жизнь, что онѣ вполнѣ могутъ замѣнить собою всякое искусство проповѣдника, тогда какъ ихъ ничто замѣнить не можетъ».(**)

Вотъ въ чемъ заключалась сила проповѣдническаго таланта архіепископа Иннокентія; онъ не надѣялся на мудрость человѣческую въ рѣшеніи истинъ и таинствъ вѣры христіанской, а на силу и мудрость Духа Божія, Который устами проповѣдника возвѣщалъ тайны религіи христіанской всему міру и дѣлалъ эти тайны понятными и обаятельными для чувства,—сердца человѣческаго. Только натуры, богато надѣленныя духовными дарами, способны дѣйствовать на другія менѣе сильныя личности, въ своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ ними. Это богатство живой натуры дѣлало преосв. Иннокентія чуждымъ всякаго рода схоластики. Вотъ первое качество, которое встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ Иннокентія! Въ лучшихъ своихъ проповѣдяхъ онъ никогда не довольствуется просто однимъ изложеніемъ христіанскихъ истинъ, которыхъ область ему была вполнѣ извѣстна, какъ отличному богослову своего времени. Какъ богослову, ему,

(*) Т. 5, стр. 84—85.
(**) 16, стр. 87.

безъ сомнѣнія, онѣ были хорошо извѣстны и теоретически имъ изучены, но, можетъ быть, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ были ему доступны, какъ вообще человѣку. Схоластика въ проповѣдяхъ именно тѣмъ и обнаруживается, что иной берется говорить о предметахъ, не справившись предварительно съ своимъ умомъ, и особенно сердцемъ, въ какой мѣрѣ ему доступно жизненное ихъ разумѣніе. Отъ этого проповѣдь иногда не болѣе, какъ отдѣлъ изъ догматическаго, или нравственнаго богословія, только разжиженный въ потокѣ школьнаго краснорѣчія. Этотъ недостатокъ не въ характерѣ дарованій преосв. Иннокентія. Почва, на которой движется его мысль, — это сама жизнь съ ея неизбѣжными требованіями. То, что онъ говоритъ о христіанскихъ обязанностяхъ и самыхъ догматахъ, является на этой почвѣ необходимымъ дѣломъ человѣческой жизни. Отсюда тонъ живой бесѣды, который не оставлялъ архипастыря и на церковной каѳедрѣ и въ обыковенныхъ разговорахъ, когда ихъ содержаніемъ были христіанскія истины.

По требованію таланта преосвященнаго Иннокентія, непремѣнно надобно было какое-либо опредѣленное положеніе, данное въ жизни, или только возможное въ ней, - случай, дѣйствительно готовый, или же случай въ раскрытіи и ходѣ духовно-нравственной жизни человѣка — христіанина. До тѣхъ поръ, пока чувство его не ощутитъ и не найдетъ среди всеобщихъ истинъ такого положенія, со всею его жизненною обстановкою, — мысль его не развивается. Такое исканіе почвы помогаетъ ему устанавливать тему, задавать вопросъ, который онъ и рѣшаетъ въ проповѣди. Въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, проповѣдникъ начинаетъ: «На самой срединѣ жизни, проводимой въ строжайшемъ исполненіи Закона Божія, предъ самымъ пришествіемъ царствія Божія въ силѣ, для коего всѣ ветхозавѣтные праведники готовы были возстать изъ гробовъ, вдругъ лишиться жизни и проч.» Положеніе — способное возбудить рядъ въ высокой степени важныхъ вопросовъ. Еще примѣръ въ словѣ въ день архистратига Михаила: «на праздникахъ обыкновенно предлагается посѣтителямъ какое либо утѣшеніе отъ празднующихъ. На праздникъ въ честь безплотныхъ силъ должно быть и утѣшенію не плотяному, а духовному».... За тѣмъ слѣдуетъ проповѣдь весьма любопытная, кромѣ содержанія, и по своей

формѣ. Самыя обыкновенныя мысли и замѣчанія при этомъ кажутся новыми, поразительными, особенно для слушателей. Таково положеніе, которое онъ создалъ для своей второй проповѣди къ паствѣ вологодской; послѣ перваго своего служенія въ вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ, онъ для втораго служенія своего избираетъ кладбищенскую церковь, и начинаетъ слово такъ: «Можетъ быть для нѣкоторыхъ кажется не совсѣмъ обыкновеннымъ, что мы не осмотрѣвшись еще, такъ сказать, на мѣстѣ новаго служенія нашего въ градѣ семъ, поспѣшили на служеніе сюда къ послѣднему мѣсту всѣхъ и каждаго: но для насъ это было естественно. Ибо на пастырѣ церкви лежитъ долгъ пещись не о живыхъ только, но и объ умершихъ» (*). Здѣсь этотъ проповѣдническій пріемъ достигаетъ полнаго совершенства, степени, на которой проповѣдничество и пастырство совпадаютъ не раздѣльно. Здѣсь верхъ его искуства. Не можемъ не указать на другой подобный случай, произведшій необыкновенно сильное впечатлѣніе своею жизненною обстановкою, и вмѣстѣ показывающій даровитость проповѣдника, который въ самомъ обыкновенномъ обстоятельствѣ умѣлъ усмотрѣть стороны, дающія ему особенный высшій смыслъ. Такова проповѣдь преосв. Иннокентія въ великій пятокъ, въ которой онъ воспользовался священнымъ церковнымъ обыкновеніемъ постилать среди храма въ этотъ день плащаницу и на ней евангеліе. Проповѣдь начинается такими мыслями: надо узнать послѣднюю волю умершаго, какъ то всегда дѣлаютъ. Онъ оставилъ намъ завѣщаніе. «Дерзнемъ же разгнуть сію священную книгу, которая заключаетъ въ себѣ это завѣщаніе». Проповѣдникъ раскрываетъ евангеліе и читаетъ: «миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ».... Впечатлѣніе, произведенное этимъ дѣйствіемъ, говорятъ, было удивительно сильное (**).

Изъ того, что сказано о характерѣ почвы, на которой раскрывался талантъ Иннокентія, можно видѣть, что она не могла быть мѣстомъ для преобладающаго дѣйствованія силы разсудочной, для которой стѣснительна такая сфера. У преосвященнаго Иннокентія, какъ проповѣдника, мы не находимъ того глубокомыслія, какое встрѣчаемъ въ произведеніяхъ великихъ учителей церкви, раскрывавшихъ противъ ере-

(*) Т. 5, стр. 10.
(**) Т. 4, стр. 243.

тическихъ мудрованій тайны божественной мудрости въ искуплени человѣка. Онъ любитъ схватывать самыя характерныя отношенія и свойства предметовъ, — дѣлать остроумныя сближенія: впечатлѣніе умной остроты усиливается неожиданностію. Удачное сближеніе фактовъ, подобно молніи, часто однимъ словомъ освѣщаетъ предметъ размышленія. Оно встрѣчается почти во всѣхъ проповѣдяхъ преосвященнаго Иннокентія, хотя иногда въ цѣлой проповѣди бываетъ одинъ такой блестящій оборотъ, одинъ громовый ударъ въ началѣ, или въ концѣ проповѣди, какъ лучшее ея украшеніе. Таковы начала многихъ его проповѣдей: «Наконецъ братіе мои, насъ всѣхъ учитъ само небо»!(*) Слышали ль вы громъ? видѣли ль молнію? Эта молнія сверкнула здѣсь; этотъ громъ прогремѣлъ въ семъ храмѣ» — разумѣется слово апостола: «аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ (1 Кор. 16, 22). «Развращенное и не раскаянное сердце есть такая тяжесть, которой и всемогущество не можетъ поднять на высоту»! Обращаемъ вниманіе на эти замѣтки, поражающія неожиданностію и остроуміемъ, не ради ихъ внѣшнихъ достоинствъ, а потому, что онѣ дѣйствительно заставляютъ задумываться надъ сочетаніемъ понятій. Вполнѣ понятнымъ дѣлается, при этомъ, какое дѣйствіе производили проповѣди Иннокентія на людей хотя и образованныхъ, мыслящихъ, но не направлявшихъ своихъ мыслей къ предметамъ религіознымъ. Кто хочетъ возбудить въ себѣ чувство покаянія, пусть читаетъ слово преосв. Иннокентія во вторникъ 1-й недѣли великаго поста изъ текста: «помилуй мя, Боже, помилуй мя». Здѣсь вы увидите и почувствуете не учителя, а такогоже грѣшнаго человѣка, какъ и всѣ люди.

Что касается плана и расположенія поученій преосв. Иннокентія, то во многихъ изъ нихъ нѣтъ надобности искать строгаго аналитическаго раскрытія мыслей. Умъ его далекъ отъ подобныхъ склонностей къ систематическому строю и ладу, отличающему многихъ даровитыхъ проповѣдниковъ; тѣмъ не менѣе проповѣдь его всегда представляетъ одно законченное цѣлое. Онъ убѣждаетъ слушателя не силою и достоинствомъ неумолимой логики, предъ которою разлетают-

(*) Т. 1. стр. 653.

ся въ прахъ возраженія и предубѣжденія. Сила его—въ обаяніи живой правды, непосредственно дѣйствующей на душу. Онъ не философъ, а художникъ въ дѣлѣ проповѣди. Часто, поэтому, проповѣди его представляютъ рядъ художественныхъ картинъ, тѣмъ болѣе увлекательныхъ, что онѣ посвящаютъ читателя въ тайны духовной жизни. Таковы его проповѣди въ недѣлю св. праотецъ и св. отецъ. Это рядъ мастерскихъ, хотя и краткихъ, біографій; сюда же должны быть отнесены многія проповѣди историческаго содержанія изъ собранія проповѣдей: «съ нами Богъ» и др. Есть слова, отличающіяся образцовою выдержанностію. Таковы слова, помѣщенныя въ «Седмицахъ». Три седмицы—первая великаго поста, страстная и свѣтлая—изложены въ стройномъ порядкѣ, какъ нѣчто цѣлое, выражающее наше спасеніе. Рядомъ одушевленныхъ словъ первая седмица выражаетъ нашу временную жизнь, какъ приготовленіе къ смерти и вѣчности, при чемъ нашъ духъ наиболѣе освящается исповѣдію и причастіемъ. «Въ суды мірскіе, говоритъ проповѣдникъ, являются для того, чтобы оправдаться; и кто больше устранилъ обвиненій, тотъ болѣе правъ. Здѣсь, въ судъ духовный, являются для того, чтобы обвинить себя, и кто болѣе призналъ свою виновность, тотъ наиболѣе свободенъ». Страстная седмица выражаетъ страданіе Господа, открывающее намъ доступъ къ вѣчности, при чемъ семь словъ со Креста символически указываютъ на наше соединеніе съ Богомъ, Въ первомъ словѣ выражено прощеніе врагамъ и намъ, всѣмъ; во второмъ утѣшеніе матери и любимому ученику; въ третьемъ словѣ изображено принятіе въ рай разбойника и съ нимъ всего кающагося человѣчества; въ четвертомъ—томленіе Спасителя отъ жажды,—духовной жажды нашего спасенія; въ пятомъ выражено духовное страданіе—оставленіе Спасителя Отцемъ небеснымъ за наше недостоинство; шестое слово заключается въ одномъ словѣ: «совершилось» и одна вѣчность раскроетъ смыслъ этого слова, содержащаго всю будущность христіанства; въ седьмомъ словѣ раскрыто соединеніе Сына съ Отцемъ и соединеніе съ Отцемъ всего человѣчества. Показывая силу этихъ словъ, проповѣдникъ научаетъ насъ жертвовать всѣмъ для Господа, жить и умирать для него. Свѣтлая седмица—пасха—есть осуществленіе нашихъ надеждъ, нашей вѣры и нашей любви. Одни мы

несемъ Крестъ и празднуемъ воскресеніе. Гдѣ столько жизни, какъ въ христіанствѣ? Какое великое счастіе быть христіаниномъ»!

Какія истины любилъ особенно проповѣдывать преосвящ. Иннокентій? Искупленіе человѣка, спасительная сила страданій Сына Божія, ставшаго Сыномъ человѣческимъ, приведеніе человѣка отъ тьмы къ свѣту, отъ жизни по духу міра къ святости. Въ чемъ состоитъ спасеніе наше? Что нужно для того, чтобы спастись? Вотъ вопросы, которые онъ выбиралъ изъ круга догматическихъ истинъ, и разсматривалъ въ своихъ проповѣдяхъ, тѣ именно вопросы, которые пригодны были для современнаго общества. Понимая современное положеніе религіозныхъ вопросовъ и ихъ рѣшеніе въ Германіи, онъ часто направлялъ свои проповѣди противъ бродившихъ и въ нашемъ обществѣ, заимствованныхъ оттуда, мнѣній, чтобы представить православное ученіе въ его превосходствѣ предъ ними. Въ словахъ его на великіе, такъ называемые, праздники господскіе, особенно Рождества Христова, легко различать, какія лжеученія проповѣдникъ имѣлъ въ виду, излагая противъ нихъ ученіе православной церкви(*). Онъ однако жъ не столько вдается въ изслѣдованія теоретическія, сколько занимается практическою стороною догмата, показывая его соотвѣтствіе съ нашими духовными нуждами(**). Живое пониманіе христіанскихъ истинъ сказалось какъ въ академическихъ лекціяхъ, такъ и въ проповѣди преосв. Иннокентія, и его имя занимаетъ въ этомъ отношеніи почетное мѣсто въ числѣ лицъ, которыя своими произведеніями могутъ служить руководителями въ новѣйшемъ періодѣ духовной литературы. У преосвященнаго Иннокентія можно встрѣчать превосходныя замѣтки касательно внутренней христіанской жизни, ея начала и преспѣянія; его нравоученіе постоянно оживлено психологическимъ анализомъ. «Начните чаще думать о какомъ угодно предметѣ, говоритъ проповѣдникъ, этотъ предметъ будетъ все ближе и ближе къ вамъ; потомъ онъ взойдетъ въ вашу душу, наполнитъ ее собою, вытѣснитъ всѣ прочіе предметы, обратится въ управляющее начало всѣхъ вашихъ дѣйствій»...

(*) Т. 1, стр. 78, 79.
(**) Т. 1, стр. 82, 84, 85, 89, 90.

Сфера слушателей дѣло весьма важное для проповѣдника. Надобно близко изучать ту среду, въ которой проповѣдникъ поставленъ дѣйствовать, смотрѣть на нее, какъ на ту почву, которая должна принимать сѣемое слово. Иннокентій угадалъ среду, въ которой онъ дѣйствовалъ; поэтому слово его было плодотворное.

Прибавимъ къ этому отличное знакомство преосв. Иннокентія съ предметами общаго образованія, которое дѣлало его интереснымъ собесѣдникомъ для людей самаго разносторонняго развитія и специальной учености(*). По роду своего дарованія онъ умѣлъ въ каждомъ тѣсномъ кругѣ знанія указывать общезанимательныя стороны и задавать вопросы не только любопытные для каждаго, но и способные возбуждать умъ указаніемъ для него новыхъ задачъ и идей — Къ такимъ словамъ, гдѣ проповѣднику приходилось пользоваться громаднымъ запасомъ научно естественныхъ знаній, относятся: три слова его о веснѣ, слово по случаю землетрясенія въ Кіевѣ, (бывшаго 1838 года), слова о громѣ, молніи, электричествѣ,— особенно нѣкоторыя изъ произносимыхъ имъ въ минувшую войну, которая, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ предѣлахъ его паствы. Во всѣхъ этихъ словахъ проповѣдникъ развернулъ свой талантъ во всемъ его блескѣ, обрисовывая предметы кистію живописца и сообщая имъ краски своего роскошнаго воображенія. Въ словахъ о веснѣ(**) проповѣдникъ съ необыкновеннымъ остроуміемъ провелъ параллель между днями творенія міра и днями весенняго обновленія природы. Какъ тамъ, говоритъ онъ, свѣтъ былъ, такъ сказать, главною причиною организаціи міра и развитія безконечной цѣпи существъ, такъ и здѣсь. Сначала солнце увеличиваетъ свѣтъ и теплоту, бросая лучи на землю почти вертикально; вслѣдствіе этого таютъ снѣга, и воды уходятъ въ океанъ; земля, освободившись отъ водъ, произращаетъ всякую траву, а вода и воздухъ наполняются безчисленными обитателями. Все въ природѣ возрождается,

---

(* Онъ зналъ, кромѣ богословскихъ предметовъ, анатомію, военное искусство, политическую экономію; былъ не только богословъ, но и просвѣщенный человѣкъ, стоявшій на равнѣ съ вѣкомъ. Одесск. Вѣстн. ст. Погодина.

(**) Воскр. Чт. 1843—44 г.

вездѣ, на поляхъ. въ лѣсу, на водѣ и въ воздухѣ проявляется жизнь, все движется, поетъ, радуется, даже камни безчувственные орошаются и украшаются мхомъ; не достаетъ только господина, для котораго приготовлена разнообразная природа, какъ сцена его дѣйствія и развитія. Наконецъ, какъ бы въ заключеніе творенія, появляется среди природы и человѣкъ, вышедши изъ заключенія въ четырехъ стѣнахъ и сбросивъ съ себя звѣриныя кожи, въ которыхъ прятался отъ стужи». Поученія преосв. Иннокентія о веснѣ представляютъ образецъ общехристіанскаго созерцанія природы и возвышеннаго, духовнаго наслажденія ея красотами и измѣненіями. По случаю землетрясенія въ Кіевѣ Иннокентій задавалъ вопросы на каѳедрѣ: «откуда подана жалоба на нашъ городъ? въ какомъ мѣстѣ переполнилась мѣра беззаконія, что земля трясется, не можетъ вынести гнѣвнаго взора Владыки»? Или, по случаю грома: «слышали вы громъ? видѣли вы молнію»? При описаніи жизни преосв. Иннокентія мы видѣли, что онъ, во время осады Одессы союзными войсками въ великую субботу (10 апрѣля 1854 г.), находился въ церкви и проповѣдывалъ, убѣждая слушателей быть мужественными въ настоящей опасности и не бояться смерти; говорилъ проповѣдь по удаленіи флота союзниковъ, укрѣплялъ своимъ словомъ защитниковъ Севастополя(*). Здѣсь мы приведемъ еще одинъ отрывокъ изъ его слова, говореннаго въ церкви во время осады Одессы. «И такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятся надъ главами вашими. Привѣтствуемъ васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ мироносицъ, кои также, среди не малыхъ страховъ и опасеній отъ іудеевъ, погребали учителя и Господа своего. Вы не оставили Его теперь; Онъ, преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя небеса *мимо идутъ съ шумомъ*, самыя *стихіи, сжигаемы, разорятся, а земля и, яже на ней, дѣла сгорятъ*. Но будемъ ли мы унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ! у живоноснаго гро-

(*) Слова эти помѣщены въ 5 т. сочиненій Иннокентія на стр. 257—272

ба Спасителя для христіанина не страшенъ самый адъ; а это развѣ одна слабая тѣнь его. Если же необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ у Его животворящаго Креста и живоноснаго гроба. *Аще бо*, говоритъ апостолъ, *съ нимъ умрохомъ, то съ нимъ и оживемъ: аще терпимъ съ нимъ, воцаримся*. Въ такомъ случаѣ, хотя бы кто изъ насъ лишился нынѣ самой жизни, то при живой вѣрѣ въ силу Креста Христова, онъ ничего не потеряетъ; ибо и ему будетъ сказано: *«днесь со мною будеши въ раи»!*

Находимъ мы въ проповѣдяхъ преосвящ. Иннокентія рѣзкія, хотя вполнѣ справедливыя, обличенія своей паствы. Для примѣра стоитъ указать на извѣстное всѣмъ слово въ недѣлю православія о почитаніи святыхъ иконъ (къ харьковской паствѣ), гдѣ проповѣдникъ обличаетъ моду, по которой многіе стыдятся оставить иконы въ домахъ, а вмѣсто иконъ украшаютъ стѣны портретами знаменитыхъ людей. Гдѣ лучше слово, сказанное противъ ушедшихъ на зрѣлище наканунѣ Св. Троицы (въ Одессѣ). Это слово слишкомъ напоминаетъ собою знаменитое слово св. Златоуста противъ ушедшихъ на зрѣлище въ великій пятокъ, которое начинается словами: «можно ли это снести? можно ли стерпѣть? Подобное же начало имѣетъ слово Иннокентія и показываетъ сродство таланта его съ талантомъ св. Златоуста, которому онъ часто подражалъ въ своихъ проповѣдяхъ. Упреки, которые проповѣдникъ влагаетъ въ уста иностранцевъ-туристовъ, и [illegible] до того наглядны и естественны, что [illegible] сказать. «Были мы въ странѣ, славящейся просвѣщеніемъ, видѣли нравы ея жителей, и не знали, что подумать о нихъ! Что есть худшаго, отъ чего мы стараемся освободиться, то все есть у нихъ и считается за совершенство. Въ высшемъ классѣ особенно трудно узнать, какой они вѣры? Ибо судите, что случилось въ одномъ изъ значительныхъ городовъ. Наступалъ праздникъ св. Троицы; церковь употребила все съ своей стороны, чтобы собрать ихъ на вечернее богослуженіе, отличающееся торжественностію. Мы съ своей стороны не употребили особенныхъ средствъ, а только разбросали, по обыкновенію, нѣсколько объявленій, что въ сей же вечеръ будетъ игра и пѣніе. Въ нашихъ странахъ мы остались бы безъ слушателей и принуждены бы пѣть однимъ стѣнамъ; у нихъ —

напротивъ. Не знаемъ, много ли было въ церкви, но нашъ домъ, не смотря на обширность, до того былъ полонъ, что намъ было совѣстно, что мы отняли столько людей у храма Божія. Намъ не пришло бы и на мысль спорить съ церковію, если бы нѣкоторые изъ нихъ же не указали на это время и не взялись помогать намъ. Мы увлеклись мнѣніемъ ихъ благородныхъ людей»(*).

Приведемъ еще одинъ образчикъ его манеры въ обличеніи. «Недугующіе расколомъ чада церкви ревнуютъ конечно не по разуму, привязая спасеніе къ кресту осьмиконечному; но не хорошо и то, что у нѣкоторыхъ христіанъ крестъ сдѣлался, можно сказать, вовсе безконеченъ, такъ что не знаешь, какое дать названіе той несчастной линіи, которую они чертятъ на себѣ вмѣсто знаменія крестнаго». Всѣ указанныя качества его проповѣдей дѣлали его популярнымъ въ образованномъ кругу нашего общества; проповѣди его отличались живымъ и жизненнымъ характеромъ; общественный элементъ не чуждъ былъ имъ, но только этотъ элементъ, по обстоятельствамъ тогдашняго времени, не могъ получить въ нихъ полнаго своего раскрытія. Тогда вообще мало или совсѣмъ не занимались въ литературѣ общественными вопросами. Честь и слава преосвящ. Иннокентію, что онъ все-таки любилъ затрогивать ихъ, хотя общественное значеніе его проповѣдей точно такое же, какъ и догматическое. Какъ тамъ, въ догматическомъ отношеніи, его богословскія умосозерцанія не раскрылись въ полноту богословской науки, а ограничились отдѣльными очерками, такъ и здѣсь у него нѣтъ цѣльнаго воззрѣнія на общественныя отношенія христіанина. Однакожъ и въ этомъ отношеніи наша новѣйшая духовная литература, обращающая особенное вниманіе на общественный элементъ въ жизни религіозной, можетъ считать преосвящ. Иннокенія своимъ предшественникомъ и отчасти руководителемъ: слово «современность» не было чуждо для Иннокентія: умѣнье нашего проповѣдника удовлетворять потребностямъ и ожиданію слушателей вызывало безусловныя похвалы и изумленіе.

(*) Т. 1, стр. 195—196.

При произношеніи слова, Иннокентій всегда наблюдалъ торжественность: діаконъ предносилъ евангеліе, при осѣненіи налоя рипидами; изъ евангелія проповѣдникъ прочитывалъ текстъ, чтобы показать предстоящему народу, что проповѣдь составлена на основаніи слова Божія, а не человѣческихъ умствованій. Этими необыкновенными качествами слова, затрогивающими чувство чудеснаго, Иннокентій произвелъ громадное впечатлѣніе на Россію и другія націи. Слова архіепископа Иннокентія стали выписывать, читать и заучивать во всѣхъ концахъ Россіи, и вся Россія единогласно признала Иннокентія славянскимъ Златоустымъ; духовно-учебныя заведенія признали его слова за образецъ церковнаго краснорѣчія, которому подражали; академія наукъ и разныя ученыя общества признали Иннокентія своимъ членомъ; Греція перевела слова Иннокентія на свой языкъ и въ благодарность за художественное изложеніе ихъ удостоила проповѣдника ордена Спасителя первой степени. Французская и другія литературы украсились переводами словъ Иннокентія. Такою авторитетностію преосвящ. Иннокентій возбудилъ дарованія проповѣдниковъ и, хотя самъ онъ не произвелъ эпохи въ наукѣ и проповѣди, за то далъ сильный толчекъ новому пластическому, жизненному направленію въ проповѣди(*).

Много было отзывовъ о проповѣдническомъ талантѣ архіепископа Иннокентія нашихъ ученыхъ іерарховъ и свѣтскихъ людей; одни изъ этихъ отзывовъ были вполнѣ сочувственные, другіе менѣе сочувственны; но всѣ почти отзывы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, согласны въ томъ, что Иннокентій былъ человѣкъ геніальный: «высокій, свѣтлый, проницательный умъ, всегда неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова—все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ преосв. Иннокентіѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе,—зналъ весьма многія свѣтскія науки и былъ геніаль-

(*) Вѣнокъ на могилу преосв. Иннокентія. Біограф. записки преосвящ. Макар. Дух. Бес. 1858 г., № 21.
(**) Обзоръ Дух. Лит. Ч. II, стр. 283—284.

ный ораторъ на церковной каѳедрѣ. Но по самому складу своихъ способностей онъ не могъ произвести эпохи въ наукѣ, которую преподавалъ»(*).

Подобный же отзывъ сдѣлалъ о «седмицахъ» Иннокентія И. В. Кирѣевскій. «Читая преосв. Иннокентія, вы чувствуете, что ему не безъизвѣстны ваши мысленныя волненія, что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще не знакомаго его многопотрудившейся мысли, еще не побѣжденнаго вѣрою въ глубинѣ внутренняго сознанія. Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго: это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія, оторвавшейся отъ неба науки»(**).

Совершенно противные отзывы о талантѣ Иннокентія мы встрѣчаемъ въ обзорѣ рус. дух. литерат. преосв. Филарета Черниговскаго и другаго Филарета, митрополита московскаго. Первый осуждаетъ Иннокентія за многословіе; а второй, прочитавъ «Страстную Седмицу», хотя и отозвался объ авторѣ ея, что «въ немъ отлично много способности»; но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, «чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло». Особенно не понравилась ему коротенькая проповѣдь, произнесенная въ пятницу страстной недѣли, гдѣ высказана мысль, что при распятіи І. Христа на Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23, 48); поэтому,—подражая одному благочестивому пустыннику (Макарію велик.), который своей братіи, ожидавшей отъ него наставленія, сказалъ: «Братіе, станемъ плакать», и всѣ пали на землю и пролили слезы,—и мы начнемъ молиться и плакать». Филаретъ осуждаетъ Иннокентія за то, что не вѣрно и не полно пересказана проповѣдь пустынника и что на Голгоѳѣ не было проповѣди. «Какъ

(*) Отзывъ архіеп. Макар. привед. въ „Русск. проповѣдн." изд. 1871 г., стр. 258.

(**) Полн. собр. сочин. Кирѣевскаго 1861 г. Т. 2, стр. 205 и слѣд.

легко остроуміе убиваетъ истину! — восклицаетъ Филаретъ и, съ примѣсью нѣкоторой ироніи, доказываетъ, что на Голгофѣ была проповѣдь... «И сотникъ сказалъ свою проповѣдь: «воистину Божій Сынъ бѣ сей». Проповѣдь сія не много короче разбираемой, и развѣ потому только не проповѣдь, что сотникъ не былъ докторъ богословія и произнесъ ее безъ аналоя и каѳедры(*).

Напрасно великій мыслитель и богословъ указываетъ Иннокентію на то, что на Голгофѣ была проповѣдь. Семь словъ на крестѣ, которыя такъ картинно и плодотворно раскрылъ Иннокентій въ той же страстной седмицѣ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Иннокентій зналъ о проповѣди на Голгофѣ; только въ данномъ случаѣ онъ не хотѣлъ повторять ихъ, а какъ изобрѣтательный художникъ хотѣлъ подѣйствовать на сердца своихъ слушателей другимъ способомъ. Слушатели пустынника всѣ пали ницъ и пролили слезы, того же хотѣлось въ данномъ случаѣ и Иннокентію.

Иннокентій, подобно многимъ лицамъ, возвышающимся надъ уровнемъ обыкновенной среды, служилъ предметомъ споровъ и пререканій. Но при всемъ томъ несомнѣнно, что онъ, какъ церковный ораторъ, преимущественно предъ всѣми заставлялъ современное ему русское общество полюбить свою русскую проповѣдь и шире всѣхъ распространялъ просвѣтительное вліяніе ея на общество.

Эпоха жизненно-практическаго направленія въ проповѣди.

Характеристическія черты этого направленія сравнительно съ предшествующею формально-догматическою проповѣдію: рѣшеніе вопросовъ текущей общественной жизни; направленіе ложной и ненормальной жизни на путь истинный, христіанскій; черты индивидуальности, по которымъ можно опредѣлить: гдѣ, при какихъ условіяхъ произнесена была проповѣдь. Предшественники этого направленія проповѣди и главный творецъ, создавшій эпоху жизненно-практическаго направленія въ проповѣди.

Характеристическія черты новаго направленія проповѣди касаются, прежде всего, выбора предметовъ для проповѣди. Проповѣдники новаго направленія взглянули гораздо шире

(*) См. письма митр. Филар. къ А. Н. Муравьеву, 1869 г. стр. 21—22

на проповѣдь, нежели ихъ предшественники. Они поняли, что нельзя ограничивать ее кругомъ предметовъ отвлеченнаго міросозерцанія, кругомъ догматическихъ и общихъ христіанскихъ истинъ, въ большей части своей съ дѣтства уже извѣстныхъ слушателямъ образованнымъ изъ катихизисовъ и библейской исторіи. Они взглянули на проповѣдь, какъ на общественную силу, захватывающую и нравственно-регулирующую весь строй общественной, государственной, личной и домашней жизни. Современная проповѣдь, сблизившись съ дѣйствительною жизнію во всѣхъ сферахъ ея направленія, ставитъ задачей своей, разоблачивъ несостоятельность, ненормальность ложнаго направленія жизни, указать путь истинный, какимъ можно спастись, и въ средѣ бытовой-общественной жизни, показать и научить, какъ должно и какъ можно жить по христіански и въ той самой обстановкѣ, при тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ, силою естественнаго хода вещей, поставлены слушатели. Всѣ эти особенности современной проповѣди въ своей сложности сообщаютъ ей тотъ жизненный колоритъ, ту особенную печать, по которымъ всегда можно узнать: гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ была произнесена проповѣдь.

Жизненный элементъ сказался,—какъ мы видѣли,—прежде другихъ въ проповѣдяхъ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, производившаго художественностію слова громадное впечатлѣніе на своихъ современниковъ; но, подъ вліяніемъ тогдашнихъ условій жизни, элементъ этотъ не получилъ въ проповѣдяхъ Иннокентія надлежащаго развитія. Иннокентій одною стороною примыкаетъ къ господствующему въ то время формально-догматическому направленію проповѣди, съ другой онъ оживляетъ ее своими ораторскими пріемами и практическими вопросами. Поэтому Иннокентій стоитъ, какъ бы на срединѣ, между двумя направленіями, но не создаетъ новой эпохи. Онъ служитъ, вмѣстѣ съ другими нѣкоторыми проповѣдниками, только предшественникомъ того жизненно-практическаго направленія, которое во всей широтѣ сказалось въ проповѣдяхъ Іоанна, епископа Смоленскаго.

Послѣ Иннокентія замѣчателенъ по своему практическому направленію въ проповѣди архіепископъ Пареенiй Иркутскій, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ преосвященному Ин-

покентію,— какъ ученикъ его, какъ служившій подъ его начальствомъ и пользовавшійся его личными указаніями и руководствомъ. Горячее усердіе въ проповѣданіи слова Божія, глубокое всестороннее знаніе св. писанія, серьезное изученіе современнаго движенія науки и жизни, живость чувства и драматичность изложенія, поставляютъ преосв. Парѳенія въ рядъ лучшихъ современныхъ намъ проповѣдниковъ. Какъ на образцовыя, можно указать здѣсь на слѣдующія его слова: на слово, сказанное имъ по случаю землетрясенія, бывшаго въ Иркутскѣ. Въ этомъ словѣ, вопреки обычнымъ взглядамъ изслѣдователей природы, объясняющихъ всѣ явленія ея дѣйствіемъ физическихъ законовъ, проповѣдникъ доказываетъ, что одними физическими законами нельзя объяснять несчастій, причиняемыхъ намъ природою; ибо физическіе законы созданы для порядка и счастія человѣка, а потому, если они обнаруживаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ безпорядокъ и вредъ, то намекаютъ на нравственные безпорядки, которыхъ не терпитъ высшій разумъ (*). Въ другомъ словѣ—о вліяніи моды на воспитаніе, сказанномъ въ институтѣ, проповѣдникъ въ чрезвычайно живыхъ чертахъ изобразилъ деспотизмъ и насиліе моды въ цивилизованномъ мірѣ. Онъ доказываетъ въ немъ, что мода, сдѣлавшись рычагомъ, приводящимъ въ движеніе плантаціи, фабрики, магазины, общества, журналы, животныхъ, стихіи и сокровенныя силы природы, и обратившая все вниманіе на одну внѣшнюю обстановку и удобство жизни, тѣмъ самымъ разстроиваетъ нравственно-религіозное воспитаніе(**). Въ третьемъ словѣ – противъ цирка, воздвигнутаго въ городѣ однимъ французомъ въ неурожайный годъ, проповѣдникъ съ неотразимою силою доказываетъ всю пустоту развлеченій, доставляемыхъ циркомъ, когда нужда страны, голодъ и вопіющіе недостатки города указываютъ на болѣе лучшее употребленіе денегъ и лошадей. По мастерству изложенія и драматической формѣ, слово это заслуживаетъ особеннаго вниманія.

«Вотъ у насъ на площади нарочно выстроено огромное зданіе; для какой то особенной цѣли, и для чего? А это,

---

(*) Иркутск. Епарх. Вѣд. 1863 г., № 5.
(**) Иркутск. Епарх. Вѣд. 1862 г., № 52.

говорятъ, прибыла издалека, изъ страны передовой по цивилизаціи, труппа людей искусниковъ; и эта труппа привела къ намъ особаго рода лошадей, какихъ у насъ нѣтъ, и съ которыми можно дѣлать удивительныя вещи. Великій трудъ и внимательность къ нашей отдаленной странѣ, нуждающейся въ цивилизаціи, показала эта труппа людей искусниковъ и великія понесла издержки. Какое же эта труппа съ лошадьми предпринимаетъ сдѣлать для насъ одолженіе? Не выдумано ли въ цивилизованной странѣ, откуда прибыли наши гости, какого облегчительнаго способа перевозить на этихъ лошадяхъ тяжести по нашимъ городамъ; въ чемъ наша страна, далекая отъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, великую имѣетъ нужду, особенно по дороговизнѣ провоза? Нѣтъ, говорятъ, не то! вы не о томъ говорите. Такъ что же? Не придумано ли въ странахъ, гдѣ въ такомъ ходу попечительные комитеты о животныхъ, гуманнаго способа облегчать труды человѣка, пробѣгать на этихъ лошадяхъ наши сибирскія неизмѣримыя пространства, легкимъ способомъ взбѣгать на горы, переноситься по тундрамъ, безъ изнуренія силъ, безъ ослабленія животныхъ? Нѣтъ, говорятъ, вы совсѣмъ не съ той стороны смотрите на предметъ! Такъ для чего же предприняла такую дорогу изъ цивилизованной страны эта труппа людей искусниковъ, съ животными, на которыя мы смотримъ, какъ на полезныя существа, на созданія, приготовленныя на службу человѣка? Какая, говорятъ, тамъ служба! Эта труппа прибыла совсѣмъ не для службы, а просто давать представленія, да сбирать деньги со всего города. И эти господа разсчитываютъ получить съ нашего города тысячи, даже десятки тысячъ, по самому умѣренному счету. Тысячи? десятки тысячъ? Да у насъ нынѣ всѣ жалуются на оскудѣніе денегъ, на нужды, на голодъ, такъ что и пожертвованія на храмы нынѣ стали уже не такъ щедры, какъ это прежде бывало. Вѣрно же городъ нашъ разсчитываетъ получить отъ этихъ представленій великую пользу для улучшенія общественной жизни! Какая, говорятъ, тамъ польза! пользы нѣтъ! Эта труппа не научилась приносить пользу, и дѣлать что либо полезное; а просто будетъ давать представленія въ циркѣ, да деньги собирать со всего города. Только! А можно бы кажется принести нашему городу пользу, хотя не большую, при множествѣ искусниковъ и удиви-тель-

ныхъ лошадей. Если бы эта труппа помогла намъ перевести дрова и камни для общественныхъ построекъ, чѣмъ нашъ городъ нынѣ озабоченъ! Можно бы еще съ большею пользою вывести подалѣе отъ города разныя нечистоты, которыхъ такъ много скопляется къ веснѣ, и которыя вредно дѣйствуютъ на здоровье жителей»(*).

Слово это произвело сильное впечатлѣніе на иркутское начальство, и, по его распоряженію, циркъ былъ закрытъ.

Гораздо больше находятъ общественнаго элемента въ проповѣдяхъ Григорія, митрополита с. петербугскаго. Онъ прежде всѣхъ сталъ проповѣдывать противъ вреднаго направленія цивилизаціи и излишнихъ заботъ о земныхъ интересахъ и удовольствіяхъ. Этотъ положительный умъ съ сильнымъ характеромъ вступилъ на первопрестольную каѳедру въ то время, когда литература наполнялась разнаго рода потѣшными журналами и иллюстраціями, съ цѣлію развлечь публику во время постовъ. Какъ ревностный пастырь, онъ счелъ обязанностію вооружиться противъ потѣшныхъ журналовъ и иллюстрацій и сталъ проповѣдывать объ этомъ съ каѳедры. Своимъ вѣскимъ словомъ онъ убилъ сразу многіе забавные журналы и иллюстраціи; ихъ перестали выписывать. Приведемъ отрывокъ изъ одного его слова по этому предмету: «Братъ и сестра! помните, что время жизни безцѣнно и старайтесь употреблять его во благо. Стараніе нужно тѣмъ сильнѣе, что теперь очень многіе злоупотребляютъ временемъ. Ибо злой духъ времени подвигнулъ многихъ тратиться и печатать такія изданія, каковы: Весельчакъ, явившійся на первой недѣлѣ великаго поста,—смѣхъ, явившійся на крестопоклонной недѣлѣ, пустозвонъ, явившійся на страстной недѣлѣ, потѣха, явившаяся на святой недѣлѣ и проч. Таковыя изданія явно разстроиваютъ умъ, развращаютъ волю, искореняютъ христіанскія чувствованія и производятъ забвеніе обязанностей св. вѣры. Да еще явились въ такое время, когда св. церковь старается наиболѣе просвѣтить умъ, исправить волю, возбудить христіанскія чувства, направить всѣхъ къ усердному исполненію добродѣтелей. Будемъ всевозможно стараться проводить жизнь земную не

(*) Иркут. Епарх. Вѣд. 1869 г., № 1.

такъ, какъ провождаютъ многіе, но какъ располагаетъ апостолъ: «не якоже не мудри, т. е. глупо или безумно, но якоже премудри»(*).

Но особенно проповѣдникъ обратилъ свое вниманіе на общее направленіе столичной жизни, на равнодушіе къ вѣрѣ и дѣлу спасенія, на погоню за одними удовольствіями земными, съ полнымъ забвеніемъ о будущей жизни.... Слово о суетѣ земной, о ничтожествѣ наукъ и искусствъ сдѣлалось всегдашнею любимою темою проповѣдника. Онъ сводилъ свое слово при всякомъ случаѣ на эту тему. Вотъ, напр., говоритъ онъ слово въ великій вторникъ «о самопознаніи» и въ этомъ словѣ обличаетъ художниковъ, которые доводятъ свое художество до изумительнаго искусства, между тѣмъ о душѣ своей ничего не знаютъ. Посмотрите на ученыхъ: иной занимается астрономіей, предметъ которой: солнце, луна, звѣзды: иной физикою, химіею, механикою, медициною, изслѣдываетъ силы натуры, соединяетъ и раздѣляетъ ихъ, ослабляетъ и усиливаетъ, чтобы лучше удовлетворить житейскимъ потребностямъ. Иные занимаются геометріею, алгеброю и другими простѣйшими науками, каковыхъ въ наше время очень много. Занимаются они очень ревностно, но своею душою не занимаются и не стараются узнать, что они сами? Не близки ли къ порчѣ и чѣмъ отвратить порчу? Они изобрѣтаютъ философскія системы, сочиняютъ разныя статьи для журнала, пишутъ какой-нибудь романъ, составляютъ какіе-нибудь стихи, способствующіе къ развращенію нравовъ, къ погибели времени; но чтобы подумать о себѣ, къ этому они не способны, да на это у нихъ нѣтъ времени. Романисты прекрасно отгадываютъ сердце человѣка, а въ отношеніи себя они невѣжественны и другихъ ведутъ къ невѣжеству сочиненіями(**).

Но болѣе другихъ находятъ практическаго элемента въ проповѣди епископа смоленскаго Іоанна, котораго всѣ единогласно признаютъ творцемъ жизненно-практическаго направленія въ проповѣди, новаторомъ церковнаго слова, основателемъ новой эпохи. Іоаннъ первый съ блистательнымъ

(*) Дух. Бес. 1858 г. № 10.
(**) Дух. Бес. 1858 г. № 11.

успѣхомъ привилъ нашей церковной проповѣди публицистическій элементъ; вдунулъ въ нашу проповѣдь дыханіе жизни, влилъ въ нее струю свѣжей силы, полноты жизни и духа. По его уже почину, по его слѣдамъ наша церковная проповѣдь стала болѣе и более оживляться, вслѣдствіе сближенія ея съ явленіями дѣйствительной жизни и мысли, вслѣдствіе стремленія къ удовлетворенію современныхъ потребностей общества. Всѣ лучшія проповѣди, которыя стали появляться у насъ съ начала 60 годовъ съ новымъ болѣе свѣжимъ жизненнымъ направленіемъ, могутъ считаться прекрасными отзвуками на тотъ проповѣдническій тонъ, который данъ былъ преосвященнымъ Іоанномъ; поэтому мы и остановимъ на немъ свое главное вниманіе.

Преосвященный Іоаннъ, епископъ Смоленскій.

Его происхожденіе и образованіе. Прохожденіе различныхъ ученыхъ и начальническихъ должностей; ученые труды его. Назначеніе епископомъ на смоленскую каѳедру. Смерть его. Характеръ его обширнаго ума и личный характеръ по отношенію къ подчиненнымъ и обществу.

Іоаннъ, епископъ Смоленскій, былъ сынъ московскаго священника и, до постриженія въ монашество, назывался Владиміромъ Соколовымъ. По окончаніи курса въ московской духовной семинаріи въ 1838 г., онъ поступилъ въ московскую духовную академію. Предъ окончаніемъ академическаго курса въ 1842 г., онъ постриженъ въ монашество. Въ томъ же году онъ опредѣленъ баккалавромъ въ московскую, а черезъ два года въ с.-петербургскую духовную академію на каѳедру „церковнаго законовѣдѣнія.“ Въ томъ же году опредѣленъ членомъ комитета, учрежденнаго въ С.-Петербургѣ для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ. Въ 1850 г., указомъ Св. Синода, назначенъ для занятій по предмету переводовъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ, а вмѣстѣ и членомъ особаго комитета для разсмотрѣнія программы философскихъ и богословскихъ наукъ для высшихъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1851 г. утвержденъ въ должности инспектора с.-петербургской дух. академіи и

сопричисленъ къ ордену св. Анны 2 степ. Въ томъ же году возведенъ въ званіе экстра-ординарнаго, а въ 1852 г., въ званіе ординарнаго профессора академіи. Въ 1853 г., за изданное имъ сочиненіе «опыть курса церковнаго законовѣдѣнія» возведенъ на степень доктора богословія. Въ 1855 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ с.-петербургской дух. семинаріи. Въ 1856 г. былъ членомъ синодальной конторы, по случаю отбытія членовъ Св. Синода въ Москву (съ 25 іюля по 1-е сент.). Въ 1857 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ казанскую духовную академію и въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. Въ 1860 г., по представленію синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Государю Императору его сочиненія „о монашествѣ епископовъ", онъ награжденъ изъ кабинета Его Величества наперстнымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Въ 1864 г. перемѣщенъ на должность ректора с.-петербургской дух. академіи. Въ 1865 г. хиротонисанъ въ епископа выборскаго, викарія с.-петербургскаго. Въ 1866 г. назначенъ епископомъ въ смоленскую епархію, въ которой онъ прослужилъ два года и три съ половиною мѣсяца и 1869 г. 17 марта скончался(*).

Преосвященный Іоаннъ Смоленскій замѣчателенъ, прежде всего, какъ человѣкъ, въ высшей степени, даровитый: глубокій, свѣтлый, проницательный и гибкій умъ, богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, тонкій и правильный художественный вкусъ, удивительная сила творчества, изобрѣтательности и оригинальности, — все это счастливымъ образомъ, въ чудной гармоніи, совмѣщалъ въ себѣ покойный Іоаннъ Смоленскій, что выпадаетъ на долю слишкомъ не многихъ выдающихся талантовъ. Ему принадлежитъ заслуженная слава знаменитаго русскаго ученаго творца системы церковнаго законовѣдѣнія, блестящаго, и неподражаемаго церковнаго оратора, талантливѣйшаго публициста и глубокаго мыслителя(**).

Что касается личнаго характера преосвященнаго Іоанна Смоленскаго, то онъ, съ этой стороны, представляетъ собою

(*) Странн. 1869 г. Апрѣль [illegible]
(**) Христ. Чт. 1876 г. ч. 1, стр. 541.

замѣчательный, своеобразный типъ. Онъ, большею частію, былъ сухъ и даже суровъ въ оффиціальныхъ своихъ отношеніяхъ. Онъ подъ часъ не былъ многорѣчивъ даже тамъ, гдѣ нужно было его слово. Такъ однажды, онъ, въ бытность ректоромъ семинаріи, представляя въ первый разъ молодаго наставника воспитанникамъ, ограничился только слѣдующими словами: „вотъ вамъ новый наставникъ; онъ будетъ вамъ говорить, а вы будете его слушать", и затѣмъ вышелъ изъ класса. Впрочемъ, сколько извѣстно, онъ не слишкомъ и домогался чужихъ симпатій: прощаясь, напримѣръ, съ студентами с.-петербургской духовной академіи, при отправленіи своемъ на смоленскую епископію, онъ сказалъ имъ слѣдующее: „я, господа, составилъ себѣ самое хорошее понятіе о васъ; а какъ вы будете думать обо мнѣ, — для меня все равно; надѣюсь, что вы извините моимъ слабостямъ". Нѣкоторые любили Іоанна за его умъ и любезность. Въ Смоленскѣ любили его исключительно какъ проповѣдника. Имя Іоанна было для смольнянъ синонимомъ ихъ знаменитаго церковнаго оратора. Сила привычки въ смольнянахъ видѣть въ лицѣ Іоанна прежде всего и главнымъ образомъ своего любимаго проповѣдника ярко обнаружилась въ томъ, что даже его бѣлой съ золотой сѣткой митрѣ, въ которой онъ неизмѣнно являлся на церковной каѳедрѣ, простодушіе смольнянъ усвоило названіе „шапка говорунъ." (*)

Проповѣдническая дѣятельность Іоанна Смоленскаго.

Іоаннъ Смоленскій былъ всесторонній человѣкъ, обладающій глубокимъ, всепроникающимъ умомъ и тонкимъ чувствомъ: онъ былъ и ученый мужъ и полезный, увлекательный, а вмѣстѣ и осторожный профессоръ; но для насъ онъ важенъ, какъ проповѣдникъ, создавшій новую эпоху въ проповѣди, проложившій новый путь для назиданія общества истинами вѣры, заставившій краснѣть и стыдиться общество своихъ грѣховъ; поэтому мы и остановимся на этой его послѣдней

(*) См. предисловіе къ 1 изданію проповѣдей Іоанна 1871 г.

дѣятельности, какъ могущей служить, лучше всякихъ руководствъ, руководствомъ для проповѣдника, поставленнаго не только среди образованнаго общества, но и среди народа.

Къ сожалѣнію, не всѣ труды Іоанна собраны въ одно полное изданіе: проповѣди, говоренныя имъ въ Петербургѣ и Казани, разсѣяны по разнымъ духовнымъ журналамъ, и только тѣ, которыя говорены въ Смоленскѣ и печатались первоначально въ тамошнихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, собраны однимъ уважающимъ Іоанна лицомъ и изданы подъ именемъ: „Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго“. Этотъ сборникъ изданъ въ первый разъ въ 1871 г., съ предисловіемъ издателя, потомъ въ 1876 г., безъ предисловія.

Въ первомъ изданіи помѣщено 28 словъ; а второе изданіе дополнено двумя проповѣдями, произнесенными—одна въ Смоленскѣ („Бесѣда въ день Рождества Христова. 25 декабря 1866 года“),—другая въ С.-Петербургѣ (Слово, сказанное при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ, 27 февраля 1866 г.“). Такимъ образомъ въ новое изданіе вошло только 30 проповѣдей. Кромѣ того извѣстны слѣд. проповѣди Іоанна: „слово въ недѣлю православія и на день торжественнаго вступленія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича“, произнесенное въ Казанскомъ соборѣ 24 февраля 1856 года, въ бытность Іоанна ректоромъ с. петербургской семинаріи. Это былъ первый опытъ проповѣди Іоанна въ томъ родѣ, какой впослѣдствіи составилъ его славу; слово объ освобожденіи крестьянъ, произнесенное имъ въ Казани 19 февраля 1859 г., напечатанное въ Православн. Собесѣдникѣ того же года т. 1; наконецъ такъ называемое «загородное поученіе», которое произнесено имъ было въ селѣ Гостилицахъ С.-Петербургской губерніи.

Проповѣди преосвященнаго Іоанна знакомятъ насъ съ духомъ современной мысли и жизни, съ болѣе или менѣе рельефными оттѣнками религіознаго сознанія и настроенія общества, съ его выдающимися нравственными недугами и недостатками, съ господствующими литературными и научными вкусами, съ современнымъ просвѣщеніемъ и дѣлами. Проповѣдникъ съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ проникаетъ во внутреннюю жизнь современнаго общества,—въ со-

стояніе его духа, опредѣляемое характеромъ современныхъ лжеученій, отрицающихъ значеніе и цѣль жизни, и говоритъ объ условіяхъ истиннаго счастія, о законахъ нравственной жизни человѣка. Какъ проповѣдникъ—публицистъ, Іоаннъ разсуждаетъ о разныхъ вопросахъ государственной и общественной жизни, о просвѣщеніи народа, о злоупотребленіи цивилизацией, о свободѣ политической и гражданской, о свободѣ совѣсти и мысли, о женской эманципаціи и т. п. Мало того, Іоаннъ даже историческія истины христіанства, ограниченныя предѣлами одного только извѣстнаго времени, съ удивительнымъ тактомъ, находчивостію и остроуміемъ воплощаетъ въ духъ, нравы и лица своего времени и выражаетъ въ формахъ современной жизни.

Рѣшая въ своихъ проповѣдяхъ тотъ или иной общественный или соціальный вопросъ, Іоаннъ исчерпываетъ его вполнѣ, не оставляя ничего недосказаннаго и невыясненнаго не порождая въ умѣ слушателей никакихъ недоумѣній и сомнѣній. Близко знакомый съ современными интеллектуальными и соціальными интересами, онъ какъ бы чутьемъ отгадываетъ потребность раскрытія слушателямъ въ данную минуту именно тѣхъ мыслей, которыя только находятся въ умахъ слушателей лишь въ видѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ понятій, не имѣющихъ формы, но ожидающихъ, чтобы кто нибудь нашелъ приличное слово для ихъ выраженія и уяснилъ ихъ сознанію слушателей. Преосвященный Іоаннъ не только даетъ этимъ неопредѣленнымъ понятіямъ опредѣленную форму, облекаетъ ихъ въ точное слово, но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ ихъ смыслъ и значеніе, при помощи тонкаго психологическаго анализа выясняетъ слушателямъ ихъ собственное душевное состояніе, и за тѣмъ указываетъ исходъ и направленіе ихъ дальнѣйшаго пути по руководству церкви и по началамъ христіанскаго ученія. Такимъ образомъ проповѣдникъ является по отношенію къ своей паствѣ не обличителемъ, а руководителемъ, предостерегающимъ паству отъ увлеченій западными теоріями отрицанія и невѣрія. И всѣ укоры и рѣзкія обличенія его касаются общаго направленія интеллигентнаго общества, а не его паствы, среди которой, безъ сомнѣнія, были интиллигентные люди, и, можетъ быть, увлекались западными идеями; но, во всякомъ случаѣ, не до такой степени, въ какой пред-

ставляетъ это увлеченіе проповѣдникъ и мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что проповѣдникъ клеймитъ въ своихъ проповѣдяхъ, главнымъ образомъ, западъ и отчасти интеллигентное русское общество, съ которымъ онъ познакомился въ Петербургѣ. Выборъ же предметовъ для проповѣдей къ смоленской паствѣ опредѣляется, съ одной стороны, наплывомъ съ запада всевозможныхъ теорій отрицанія и невѣрія, съ другой — цѣлымъ рядомъ введенныхъ у насъ государственныхъ реформъ, направляющихъ русскую жизнь на новую, лучшую дорогу. Чтобы предохранить общество отъ увлеченія современными соблазнительными теоріями, враждебными духу христіанства Іоаннъ, Смоленскій счелъ необходимымъ коснуться въ проповѣдяхъ самыхъ основъ этихъ теорій, показать ихъ шаткость и несостоятельность и раскрыть тѣ вредныя послѣдствія, которыя неизбѣжно влекутъ за собою эти ученія. Съ другой стороны Іоаннъ, какъ проповѣдникъ публицистъ, счелъ своимъ долгомъ раскрыть и уяснить сознанію народа истинный смыслъ и значеніе благихъ реформъ, съ тѣмъ, чтобы привить ихъ къ жизни.

Любимымъ предметомъ проповѣдника была характеристика современнаго общества и тѣхъ заблужденій, которыми оно увлекается.

„Наше время, говоритъ проповѣдникъ, такое время, — когда умы свободно мыслящіе, съ своимъ отрицаніемъ вѣковыхъ идей и самыхъ священныхъ убѣжденій человѣчества въ вопросахъ вѣры, жизни, духа, въ вопросахъ о началѣ, существѣ и концѣ всего существующаго, сами наконецъ не знаютъ, куда идти и чѣмъ замѣнить эти убѣжденія, когда даже умы серьезно мыслящіе въ проницаніи этой тьмы и въ борьбѣ со всѣми заблужденіями вѣка какъ бы теряютъ собственныя силы и, останавливаясь въ изумленіи передъ непрестанно возрастающею силою лжи, готовы придти въ отчаяніе, гдѣ найдти свѣтъ, откуда провести путеводный лучъ въ этотъ мракъ и борьбу умовъ? чѣмъ поддержать надежду добраго ума и сердца, что истина еще не потеряна въ человѣчествѣ, что она всегда жива, тверда и неизмѣнна, что ложь и заблужденіе не восторжествуютъ?(*) На эти воп-

(*) Бес., поуч. и рѣчи, стр. 10.

росы, пришедшихъ въ отчаяніе современниковъ проповѣдника, отъ безсилія рѣшить высшіе вопросы человѣческаго духа и сознанія, проповѣдникъ отвѣчаетъ, что «одна только истина Христова одолѣваетъ, покоряетъ, плѣняетъ человѣческій разумъ, какъ скоро онъ возвышается надъ сферою временности и чувственныхъ предметовъ; она дѣйствуетъ въ мірѣ убѣжденіемъ сердецъ, противъ которыхъ всякія умозаключенія безсильны, открываетъ совсѣмъ особый, необыкновенный для естественныхъ познаній путь просвѣщенія нравственный, нравственнымъ возвышеніемъ и очищеніемъ человѣка, очищая и возвышая его разумъ, который наконецъ приведетъ человѣка къ ясному и полному сознанію истины Христовой». „Современныя же лжеученія - все это понятія частныя, идеи измѣнчивыя, умозаключенія поверхностныя, ограниченныя тѣснымъ кругомъ преходящей видимости и временной жизни человѣка"... „Ихъ безумство только закрываетъ, но не уничтожаетъ истины, и показываетъ только, что самъ человѣкъ еще не вошелъ въ полный свѣтъ истины; они совершатъ свой кругъ, созрѣютъ и перезрѣютъ и отпадутъ сами собою".(*)

Вотъ въ какомъ отношеніи стояло современное образованное общество, по изображенію проповѣдника, къ основнымъ существеннымъ вопросамъ нашего сознанія, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ все направленіе нашей жизни, вся наша практическая дѣятельность. Это было колебаніе изъ стороны въ сторону, бѣганіе за вѣтромъ и не имѣвшее въ себѣ ничего прочнаго, ничего стойкаго, на чемъ бы можно основать свою дѣятельность. При такомъ отсутствіи началъ для жизни, при открытой враждѣ человѣка съ Богомъ и явнаго попранія людьми всѣхъ законовъ Божескихъ, при отрицаніи догматическаго ученія церкви, понятно, современное общество не можетъ быть нравственнымъ. „Злой духъ времени думаетъ восторжествовать надъ церковію, раздѣливъ ея силы; онъ отдѣляетъ ея догматическое ученіе отъ нравственнаго ученія христіанства, и повидимому благоговѣя предъ послѣднимъ, отрицаетъ первое. Но онъ ошибается: нравственность христіанства есть выводъ изъ его вѣрованій. Отни-

(*) Б, Ц и Р. стр. 11—12.

мите догматы — и останется нравственность какая нибудь языческая, может быть мусульманская, и во всякомъ случаѣ житейская, только не христіанская. Увы, даетъ себя знать эта новая нравственность безъ вѣры, отъ нея плачутъ семейства, страдаютъ общества, бѣдствуютъ въ своей гражданской жизни народы. Въ наше время на верху самыхъ развитыхъ обществъ, въ полномъ цвѣтѣ современной образованности, въ прекраснѣйшихъ, по видимому, созданіяхъ просвѣщеннаго вѣка, являются такъ не рѣдко образцы дикой безнравственности. Значитъ нѣтъ въ душѣ идеала чистой нравственности, нѣтъ на совѣсти узъ высшей правды, нѣтъ другихъ глубочайшихъ основъ добродѣтели, кромѣ мірскихъ измѣнчивыхъ понятій".(*)

Еще картиннѣе и грустнѣе изображаетъ проповѣдникъ нравственную физіономію современнаго образованнаго общества въ другомъ мѣстѣ. «Пусть соберутся, говоритъ проповѣдникъ, теперь всѣ мудрецы вѣка оптимисты, прогрессисты, всѣ болѣе вѣрующіе въ человѣчество, чѣмъ въ Бога, и пусть докажутъ намъ и всѣмъ имѣющимъ очи видѣти и умъ разумѣти, что мы не видимъ, не слышимъ, не знаемъ, не понимаемъ того, что дѣлается нынѣ въ мірѣ, что мы смотримъ на него неправильно; иначе и яснѣе сказать: пусть убѣдятъ насъ, что видимое нами въ мірѣ беззаконіе есть законность, безсовѣстность — совѣстность, вопіющая неправда — справедливость, эгоизмъ — самоотверженіе, жестокосердіе — любовь, низость и безчестіе — благородство и честность, развратъ — цѣломудріе, распущенность нравовъ въ семейной и общественной жизни — скромность и благоприличіе; словомъ, пусть докажутъ, что зло есть добро, порокъ — добродѣтель, полная безнравственность — чистая нравственность.... Всѣ ухищренія современной образованности, все искусство вѣка направляется нынѣ уже не къ тому, чтобы прикрыть безобразіе нравственной жизни, а напротивъ, чтобы разукрасить, не скрывая его, чтобъ сдѣлать порокъ болѣе привлекательнымъ для глазъ, для чувства, для воображенія; и всякое зло, всякая мерзость является незастѣнчиво, во очію всѣхъ и каждаго, во всей наготѣ, во всемъ своемъ отвратительномъ ви-

---

(*) Бес., поуч. и рѣчи, стр. 53.

дѣ, даже съ нахальствомъ, даже съ самохвальствомъ. Можно ли идти далѣе? Нельзя, отвѣчаетъ чистое христіанское чувство; можно, отвѣчаетъ духъ времени: можно, напримѣръ, явное и самое тяжкое преступленіе извинить состояніемъ духа преступника: можно предоставить ему самому защищать себя откровеннымъ заявленіемъ, что онъ преступленіе по своему разуму и совѣсти не признаетъ преступленіемъ; можно гласно защищать его мнѣніемъ, что и другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. И это называется уваженіемъ къ свободѣ убѣжденій и къ праву защиты. Довольно! право можно подумать, что міръ какъ будто наконецъ отчаявается за самаго себя, какъ будто уже самъ не надѣется и не желаетъ себѣ лучшаго". (*)

Вотъ какими печальными и грустными чертами изображаетъ проповѣдникъ нравственную испорченность современно-общественныхъ вкусовъ и стремленій. Но можетъ быть мы найдемъ отраду и утѣшеніе въ области современной науки, въ состояніи нынѣшняго просвѣщенія, хотя еще несовершеннаго, но представляющаго задатки всего лучшаго въ будущемъ? На этотъ вопросъ проповѣдникъ отвѣчаетъ. «Наше время такъ высоко цѣнитъ свое просвѣщеніе, такъ много полагается на него, что во имя его готово отринуть самую искупительную жертву Богочеловѣка за міръ. (**) Но я уже не говорю о томъ, что никакое человѣческое просвѣщеніе не спасаетъ отъ ошибокъ и заблужденій, что всякія ошибки и заблужденія требуютъ для своего исправленія жертвъ. Наше ли время не требуетъ очистительной жертвы? Это стремленіе основать всякое познаніе разума на началахъ физическихъ, опытныхъ, даже вещественныхъ, помимо началъ вышечувственныхъ, это направленіе всякаго научнаго познанія къ отрицанію чисто духовныхъ сторонъ въ существѣ и бытіи міра и человѣка, это намѣреніе затемнить, спутать, сгладить, и наконецъ какъ бы вовсе исторгнуть изъ сознанія человѣческаго самую идею Верховнаго существа и Его вседержительныхъ отношеній къ міру, это усиліе всѣ важ-

(*) Бес., поуч. и рѣч., стр. 155—6.
(**) Стр. 145.

нѣйшіе вопросы духа и жизни рѣшать безъ участія религіи и самую религію подчинять свободѣ человѣческаго ума и совѣсти, эта соединенная работа современныхъ умовъ, явная и тайная, надъ предположенною задачею переработать основныя, самыя жизненныя убѣжденія цѣлаго человѣчества, религіозныя, нравственныя; и въ замѣнъ ихъ положить новыя, совсѣмъ другія, ужъ вовсе не религіозныя основы для его нравственнаго развитія и дѣятельной жизни: пройдетъ ли все это даромъ? Не вызоветъ ли рано или поздно, въ наше время или послѣдующее, сильныхъ потрясеній въ жизни обществъ и народовъ»?(*).

Изобразивъ нравственность и просвѣщеніе современнаго общества, проповѣдникъ находитъ нужнымъ сказать и о дѣлахъ человѣческихъ. «Да не возглаголютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ, сказалъ бы я теперь, и мысль о нихъ скрылъ бы въ душѣ своей, чтобы горечи мысли и чувства не увеличивать еще горечью слова. Но въ виду страданій Спасителя, можно ли не говорить о дѣлахъ человѣческихъ, которыя вызвали всю жестокость этихъ страданій»?(**) «При тѣхъ нравственныхъ понятіяхъ нашего времени, о которыхъ мы говорили, и которыя, какъ мы видѣли, далеко не проникнуты чистымъ, строгимъ духомъ истиннаго христіанства, что сказать о дѣлахъ? Каковы дѣла нашего времени»? «Вотъ мы проповѣдуемъ Евангеліе язычникамъ и магометанамъ. Лучшіе изъ нихъ научаются изъ Евангелія цѣнить и чтить дивную личность нашего Спасителя. Оставался бы имъ одинъ шагъ къ христіанству; но они останавливаются и говорятъ намъ: „Покажите вашу вѣру въ дѣлахъ вашихъ; покажите намъ ту чистоту сердца, ту правду, ту любовь, то милосердіе, то смиреніе, то самоотверженіе, словомъ тѣ высокія добродѣтели, которымъ такъ хорошо училъ вашъ Іисусъ; покажите тѣ совершенства, какихъ нѣтъ и не можетъ быть у язычниковъ и магометанъ; докажите у себя отсутствіе тѣхъ недостатковъ, страстей и пороковъ, какіе господствуютъ у нихъ. А вотъ мы видимъ у васъ все тоже, что и у насъ; ваше ученіе лучше нашего, но жизнь не лучше.

---

*) Бес., поуч. и рѣч., стр. 140.
(**) Бесѣда на утрени вел. пятницы, при чтеніи XII Евангелій, стр. 151.

И если мы не спасемся въ своей религіи, то спасемся ли съ вами? Ясно, что ученіе и жизнь у васъ не одно и то же, что Евангеліе не сильно въ васъ дѣйствуетъ: что же спасетъ васъ самихъ»? — Что намъ сказать на все это? Неправда? Но дѣла говорятъ сами за себя, жизнь рѣшаетъ вопросы этого рода лучше всякихъ словъ» (*).

И такъ картина современно общественной жизни, даже въ лучшихъ ея сферахъ не утѣшительна. Посмотримъ какими выдающимися чертами характеризуется личная жизнь нашего времени? Существуетъ ли по крайней мѣрѣ въ душѣ современнаго человѣка спокойствіе, счастіе и благополучіе? Проповѣдникъ усматриваетъ въ душѣ частнаго человѣка ту же нестройность, ту же дисгармонію, какъ и въ цѣлой общественной жизни. «Такъ какъ внутренняя жизнь современныхъ людей характеризуется отсутствіемъ мысли въ головѣ, чувства въ сердцѣ, дѣла въ рукахъ, самосознанія въ духѣ, убѣжденія въ характерѣ, религіи въ совѣсти, правилъ въ нравственности, цѣли въ жизни» (**), и такъ какъ «наше время всецѣло предается одной всепоглощающей неограниченной потребности внѣшняго, вещественнаго благосостоянія и ей подчиняетъ всѣ другія и важнѣйшія заботы и цѣли жизни» (***), то какова можетъ быть гармонія, каково благополучіе въ душѣ такого человѣка. «Когда бываютъ въ жизни такого человѣка тяжелыя минуты, — минуты душевнаго разлада, когда душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое значеніе; онъ самъ себя спрашиваетъ: «зачѣмъ дана ему жизнь? ужели только на муку и казнь»? Умъ, терзаемый всеотрицаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее ко всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ: какое это ужасное состояніе! Тогда адъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшею смертію вдвойнѣ — нравственною и физическою» (****). «Сообразите, — въ под-

---

(*) Стр. 153.
(**) Стр. 32.
(***) Стр. 165—6.
[****] Стр. 31.

твержденіе своихъ словъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ проповѣдникъ, — сообразите нынѣшнее болѣе и болѣе усиливающееся равнодушіе къ жизни и смерти, это, въ продолженіе всей жизни, почти совершенное отсутствіе думы о смерти, это повсюду увеличивающееся въ страшныхъ размѣрахъ число самоубійствъ, это крайнее ослабленіе въ умахъ идеи безсмертія, вѣры въ будущее воскресеніе, страха или надежды вѣчной жизни; не замѣчаете ли вы, что это послѣдніе шаги заблуждающаго человѣка надъ пропастію, гдѣ онъ долженъ пасть и погибнуть безвозвратно(*). Что можетъ спасти тогда человѣка? Вспомни тогда, что онъ христіанинъ; сквозь мракъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души; тамъ скрытъ забытый въ суетахъ жизни, заслоненный лживыми образами міра, подавленный страстями, но никогда не угасающій, мирный, благодатный свѣтъ христіанства. Внеси въ этотъ свѣтъ свои думы, свои чувства и страданія; тогда освѣтится все, и душа и жизнь; тамъ примиришься съ жизнію и поймешь ея высокій смыслъ и назначеніе»(**).

Характеризуя внутренній духовный строй жизни высшихъ слоевъ общества и въ смѣлыхъ, энергичныхъ выраженіяхъ обличая нравственно-религіозные недостатки въ убѣжденіяхъ, взглядахъ и практической жизнедѣятельности людей этихъ классовъ, проповѣдникъ совершенно въ другомъ тонѣ, съ иной точки зрѣнія и другимъ языкомъ обращается въ своихъ проповѣдяхъ къ низшимъ, необразованнымъ сословіямъ — простолюдинамъ. Изображая жизнь образованныхъ людей зараженною нравственно разрушительною болѣзнію „злаго духа времени“, Іоаннъ обращается къ средѣ простыхъ людей, крестьянъ, и въ чистой и пламенной вѣрѣ и религіи этихъ людей онъ видитъ какъ бы отрадный якорь спасенія среди опасныхъ волнъ современнаго невѣрія и крайняго религіознаго индеферентизма. И потому, насколько строго, смѣло и энергично его слово обличенія къ первымъ, на столько же нѣжно, кротко и любвеобильно его слово назиданія къ простолюдинамъ. По своему тону и характеру проповѣди Іоанна къ простолюдинамъ напоминаютъ чисто-семейныя, искрен-

(*) Стр. 168.
(**) 31 стр.

нія наставленія отца—христіанина своимъ дѣтямъ, наставленія простыя, безъискусственныя, но полныя крѣпкой любви и отеческихъ благожеланій, и потому наставленія трогательныя, убѣдительныя, глубоко западающія въ душу и сердце. Видно, что проповѣди этизнаменитаго оратора какъ бы невольно изливались изъ его духа и сердца. „Утѣшительно для меня, братія мои, начинаетъ проповѣдникъ одну изъ бесѣдъ своихъ съ простолюдинами—утѣшительно видѣть васъ собранными въ храмѣ Божіемъ, къ которому и я, по крайней мѣрѣ на это лѣто, принадлежу какъ вашъ соприхожанинъ(*); съ душевною радостію участвую въ вашемъ храмовомъ праздникѣ памяти св. князя Владиміра, и дорого цѣню ваше усердное желаніе почтить этотъ праздникъ архіерейскимъ священнослуженіемъ; спокойно отдыхаю духомъ и тѣломъ... около вашего селенія, въ которомъ вижу тишину, миръ, добрый порядокъ жизни. Теперь, братія мои, если вы ожидаете отъ меня поученія, то откуда я могу взять лучшее поученіе, какъ не изъ жизни того св. князя, котораго память мы нынѣ празднуемъ?.. Жизнь его, сама по себѣ весьма поучительная, должна быть хорошо извѣстна и памятна всякому русскому человѣку, потому что онъ сдѣлалъ великое, во вѣки незабвенное благодѣяніе всей Руси, просвѣтивъ ее вѣрою Христовою. Владиміръ былъ великимъ княземъ Руси въ самое древнее время, когда она еще не была святою, т. е. христіанскою, православною. Русскіе люди жили тогда въ язычествѣ, яснѣе сказать, Бога истиннаго не знали, а покланялись идоламъ, истуканамъ: каменнымъ, деревяннымъ и всякимъ другимъ. Такъ и великій князь Владиміръ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ русскимъ былъ язычникъ, покланялся идоламъ, даже оказывалъ имъ особое усердіе, умножалъ ихъ на землѣ русской, украшалъ золотомъ и серебромъ и приносилъ имъ всякія жертвы, даже готовъ былъ приносить въ жертву и самыхъ людей. Не страшно ли это? И жилъ онъ также по язычески, предавался самымъ грубымъ страстямъ, любилъ плотскія наслажденія, любилъ веселья .. Но отъ природы онъ былъ умный князь

(*) Бесѣда эта произнесена въ сельской церкви на Дреснѣ, гдѣ преосвящ. Іоаннъ жилъ лѣтомъ 1867 г., стр. 197.

и имѣлъ душу добрую и не долго онъ проводилъ жизнь въ такихъ страстяхъ и наслажденіяхъ.... Умомъ и сердцемъ князь понялъ, что нѣтъ у него свѣта и добра, оттого, что онъ и всѣ русскіе люди еще не знаютъ истиннаго Бога, что идолы нелѣпость, что все язычество—одно заблужденіе и зло. И въ самомъ дѣлѣ, братіи мои, какой же свѣтъ, какое утѣшеніе, какое добро можетъ быть тамъ, гдѣ люди не знаютъ истиннаго Бога? Вѣдь душа наша создана по образу и подобію Божію: поэтому она можетъ быть свѣтла, т. е. можетъ познавать истину.... быть довольна и счастлива, когда знаетъ Бога ... И сталъ Владиміръ думать крѣпкую думу, какъ ему познать истиннаго Бога и гдѣ и какъ найти правую вѣру? Разные народы имѣютъ разныя вѣры, которая же лучше?... Владиміру не полюбилась вѣра ни жидовская, ни магометова, ни латинская, ложно толкующая ученіе Евангелія.... Только когда ученые греки изложили ему свое вѣроученіе, то Владиміръ принялъ это къ сердцу и подумалъ: не это ли и есть истинная вѣра? Вотъ, братіе, и здѣсь есть урокъ; напр. хотя вы и исповѣдуете христіанскую православную вѣру, но и къ вамъ могутъ приходить разные учители съ разными ученіями и станутъ говорить одинъ то, другой другое о вѣрѣ и спасеніи души Не слушайте всѣхъ и каждаго, а испытывайте, какъ говоритъ св. писаніе, *„аще отъ Бога суть“*.... И если бы случилось, что они стали бы вамъ говорить что нибудь несогласное съ словомъ Божіимъ, съ ученіемъ нашей православной вѣры, выдавать себя за учителей, лучше вашихъ законныхъ пастырей и учителей, то не слушайте ихъ и объясняйте имъ рѣшительно, что вы не будете слѣдовать ихъ ученію“.

Такою же простотою и теплотою чувства, такимъ же неподражаемымъ умѣньемъ приспособить предметъ своего поученія къ потребностямъ и степени пониманія своихъ слушателей - простолюдиновъ отличаются и другія проповѣди Іоанна къ простымъ, необразованнымъ слушателямъ. Въ доказательство этому приведемъ выдержку изъ другой проповѣди Іоанна, подъ заглавіемъ: *„загородное поученіе“*, которое произнесено имъ было въ одномъ селѣ (Гостилицахъ) С.-Петербургской губ. «Если такой роскошный городъ, какъ Петербургъ, —говоритъ Іоаннъ — ищетъ себѣ лѣтомъ отрады и въ такой не роскошной природѣ, какъ петербургская, то

не истинно ли даръ Божій у васъ, владѣтели этой прекрасной мѣстности? Необыкновенная въ нашемъ краѣ свѣжесть и пріятность воздуха, зеленѣющая, густая, вѣковая растительность съ тѣнистыми аллеями, обиліе самой чистой, прозрачной воды, которая бьетъ живыми ключами и разливается потоками, шумными каскадами, фонтанами, рѣчками и озеромъ, давая въ себѣ приволье множеству рѣзвящейся рыбы, живописныя возвышенности съ широкими и разнообразными видами, наконецъ на всемъ этомъ—характеръ самой естественной простоты, чуждой всякой искусственности..... Не сокровище ли это для духа и тѣла, въ особенности изможденныхъ городскою жизнію. Какая восхитительная картина, скажетъ всякій, смотря на это мѣсто. Нѣтъ, скажу я: это еще не картина; это только рама, а настоящая картина—внутри. Здѣсь, среди этой прекрасной природы, живетъ еще прекраснѣйшій духъ, которому я не найду лучшаго имени, какъ духъ—*христіанскій*. Ахъ, съ какою любовію и утѣшеніемъ сердца описалъ бы я всѣ свѣтлыя черты этого духа, если бы не боялся нарушить почтительной скромности предъ самымъ лицомъ его, въ сію минуту такъ просто сердечно ко мнѣ обращеннымъ, если бы передъ глубиною смиренія, которое есть по истинѣ вѣнецъ его, не сдерживались самые сильные порывы моего слова... Здѣсь жаждутъ *поученія*, и среди всѣхъ удовольствій привольной жизни здѣсь не хотѣли оставить случайнаго появленія пастыря безъ того, чтобы не получить отъ него назиданія. Вотъ она настоящая почва для духовнаго сѣянія: она сама о себѣ скажетъ: лишь не будь лѣнивъ сѣятель".(*)

Задачей и существеннымъ мотивомъ простонародныхъ бесѣдъ Іоанна служитъ его истинно пастырское стремленіе оградить отъ зараженія болѣзнію духа времени и сохранить во всей евангельской чистотѣ и невинности простыя, часто не сознаваемыя отчетливо, но тѣмъ не менѣе въ основѣ глубоко-религіозныя убѣжденія простаго народа. Эта основная точка зрѣнія, характеризующая отношеніе Іоанна, какъ проповѣдника, къ простолюдинамъ, всецѣло проникаетъ его проповѣди къ простому народу, даже подъ часъ съ оттѣн-

(*) См. Христ. Чтеніе, 1866 г. ч. 1 стр. 489.

комъ легкой ироніи на счетъ религіознаго легкомыслія образованныхъ классовъ общества. Вотъ, напр. одна изъ самыхъ типичныхъ, въ этомъ отношеніи, бесѣдъ Іоанна, бесѣда, произнесенная имъ въ Смоленскѣ въ день явленія иконы Смоленской Божіей Матери—Одигитріи. «Нынѣшній праздникъ нашъ принадлежитъ къ числу мѣстно-народныхъ. Здѣсь не церковная только святыня, а и народная, здѣсь не церковь только празднуетъ, а и народъ. Какое поучительное зрѣлище представляетъ въ православной Россіи почитаніе народной святыни, усердіе къ ней народа, его молитвы предъ нею! Пройдите по всѣмъ концамъ Россіи: въ рѣдкомъ городѣ и селеніи не найдете вы исторической или чудотворной святыни, особенно чтимой мѣстнымъ населеніемъ и признаваемой непосредственнымъ его покровомъ и прибѣжищемъ. Вы увидите, какъ въ дни празднованія этой святыни подиимается все населеніе мѣстное и окрестное и даже отдаленное, и толпами, какъ волнами приливаетъ къ ней; какъ сельскіе жители несутъ свои послѣдніе трудовые гроши или скудныя домашнія издѣлія своихъ рукъ, чтобы положить ихъ къ подножію святыни. Какая сила такъ привязываетъ народъ къ его святынѣ? Какое чувство и стремленіе движетъ тутъ духомъ народнымъ? Тотъ ошибется, кто припишетъ это только силѣ преданія, обычая, духу стариннаго воспитанія, еще болѣе ошибется тотъ, кто все это отнесетъ къ одному народному суевѣрію. Мало ли въ народѣ преданій, обычаевъ, своеобразныхъ правилъ воспитанія? Да нѣтъ въ нихъ той души, какая видна въ усердіи народа къ святынѣ. Мало ли въ народѣ суевѣрій? Да нѣтъ въ нихъ той, душу успокоивающей, силы, какая здѣсь открывается. Скажите вы, люди образованные и несуевѣрные, что заставляетъ васъ съ вопросами вашей души и жизни обращаться помимо чистой, прямой вѣры въ Бога къ искусственнымъ средствамъ, чтобы вызвать какія то таинственныя откровенія, или мнимочудесныя силы? Скажите также и то, что вы тогда чувствуете?... Вотъ оно истое суевѣріе... А посмотрите на душу простую, необразованную, когда она спѣшитъ къ своей родной святынѣ и передъ ней изливаетъ свои чувства и желанія, вы увидите тутъ ясность мысли, спокойствіе преданнаго Богу сердца, твердость убѣжденія, безбоязненное упованіе.... Нѣтъ, это не суевѣріе. Это глубокая сила духа,

сила правственная, столько же религіозная, сколько и народная, народная не потому только, что принадлежитъ массѣ народа, но и потому, что основана на народной совѣсти, на убѣжденіяхъ народнаго духа».(*)

Подъ этимъ же характернымъ угломъ зрѣнія Іоанна, съ одной стороны, на образованные классы общества, какъ на печальное изображеніе отрицательнаго духа времени, съ другой — на простой народъ, какъ на представителя въ настоящее время нравственно-религіозной силы, какъ на *ниву Божію*, обильную здоровыми соками для воспитанія въ себѣ плодовъ христіанской вѣры, Іоаннъ, какъ проповѣдникъ— публицистъ, обсуждалъ въ свое время и такъ называемый „крестьянскій вопросъ".

Нужно замѣтить, что Іоаннъ зорко слѣдилъ за всѣми новыми, выдающимися явленіями и движеніями въ литературѣ и жизни русскаго общества, уже при немъ пережившаго тревожное время разнаго рода реформъ въ области государственной и общественной жизни. И вотъ, когда «крестьянскій вопросъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ разрѣшенъ Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля, едва лишь зарождался въ правительственныхъ сферахъ и когда въ обществѣ существовало лишь смутное предчувствіе близкой реформы; Іоаннъ, по поводу этого вопроса о новомъ преобразованіи, произнесъ блестящее энергичное слово, обнаружившее благородную рѣшимость проповѣдника сказать отъ имени церкви съ каѳедры свое смѣлое, правдивое слово по самому жгучему и щекотливому вопросу времени. Слово это, подъ заглавіемъ: „слово въ недѣлю крестопоклонную и предъ началомъ выборовъ въ дворянствѣ С.-Петербургской губ." произнесено было Іоанномъ, въ бытность его ректоромъ с.-петербургской семинаріи, въ Казанскомъ соборѣ (въ Петербургѣ) 10 марта 1857 года. Приводимъ изъ него выдержку: „Прекрасная и добрая мысль просвѣтить тьму невѣдѣнія, предразсудковъ, въ которыхъ представляется погруженнымъ простонародный бытъ. Но какъ просвѣтить? Теменъ для него умозрительный свѣтъ науки: ему нуженъ дѣятельный свѣтъ жизни. Гдѣ же проводникъ для него такого свѣ-

(*) Стр. 208.

та? Безъ сомнѣнія въ свѣтильникѣ его,—въ лицѣ и жизни владѣльца. А если бы еще возникъ вопросъ—какъ и владѣльцу просвѣтить подвластныхъ, то на это отвѣтъ простой: какъ свѣча освѣщаетъ домъ. Она сама горитъ. Пусть же благородство происхожденія и званія соединяется съ ревностію о собственномъ просвѣщеніи, только истинномъ, а не ложномъ, основательномъ, а не поверхностномъ; пусть благородное сословіе не лишнимъ для себя считаетъ тверже, яснѣе и полнѣе усвоить себѣ тѣ познанія, особенно близкія къ уму и сердцу поселянъ, изъ которыхъ они съ дѣтства привыкаютъ почерпать все свое просвѣщеніе, именно познанія своей вѣры и церкви; глубже, глубже надобно черпать въ этомъ источникѣ, въ немъ жизнь и сила русскаго народа!... *Вы свѣтъ* своему *міру! Аще же*, скажемъ словами Спасителя, *свѣтъ тьмы есть, то тьма кольми*. Если свѣтъ просвѣщенныхъ людей не безъ тьмы худыхъ мнѣній и страстей, то чего ожидать, чего и требовать отъ людей, которые въ свое оправданіе называютъ сами себя темными. Не правду ли мы скажемъ, что все образованіе поселянина должно заключаться въ сердцѣ его? На что ему высокое образованіе ума, широкія познанія, глубокія идеи? Онъ долженъ быть развитъ нравственно»(*). Какъ ни отрывочна эта выдержка, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть изъ нея, какъ вѣренъ и строго послѣдователенъ Іоаннъ своей основной, характерной точкѣ зрѣнія на высшіе классы общества съ одной стороны и на простой народъ—съ другой. Съ большимъ сочувствіемъ и радостію относясь къ самой *идеѣ* новой реформы о народномъ образованіи, Іоаннъ съ нѣкоторою, по своему основанію и причинамъ уже понятнымъ намъ, недовѣрчивостію, съ нѣкоторою колеблемостію, опасеніемъ и даже съ нѣкоторой дозой замѣтнаго сожалѣнія относится къ самымъ *средствамъ* осуществленія этой реформы, находя эти средства не совсѣмъ благонадежными. «Прекрасная и добрая мысль просвѣтить народъ, но *какъ просвѣтить?*» какъ бы недоумѣвая, спрашиваетъ Іоаннъ. „Если *свѣтъ просвѣщенныхъ людей не безъ тьмы худыхъ мнѣній и страстей, то чего ожидать, чего и тре-*

(*) См. Христ. Чтеніе, 1870 г. ч. 1 стр. 561.

бовать отъ простыхъ людей?" За тѣмъ, когда крестьянскій вопросъ сдѣлался уже фактомъ, Іоаннъ въ послѣдующихъ проповѣдяхъ своихъ на тему о народномъ образованіи продолжалъ развивать туже основную мысль, что для благоденствія недостаточно успѣховъ цивилизаціи, а нужна христіанская вѣра и добрая нравственность. Такъ въ одной изъ самыхъ блестящихъ ораторскихъ проповѣдей своихъ,—въ проповѣди, надѣлавшей много шума въ свое время, подъ заглавіемъ: «слово при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ», (27 февраля 1866 г.), Іоаннъ со всею широтою своего сильнаго и оригинальнаго богословско-философскаго ума, со всею энергичностію и смѣлостію въ выраженіяхъ и съ свойственнымъ ему искусствомъ въ діалектикѣ, раскрываетъ мысль о злоупотребленіи цивилизаціей. «Преобразованія, говоритъ проповѣдникъ, конечно должны вести народъ къ лучшему. Но что такое это *лучшее?* Какія тутъ идеи, какія начала, какія цѣли? Какой духъ и силы тутъ дѣйствуютъ? Вы укажете на народное просвѣщеніе, цивилизацію, силу общественнаго мнѣнія, свободу мысли и слова, развитіе народной самодѣятельности и т. д.; а мы скажемъ: если все оно не основано на началахъ строго-нравственныхъ, не проникнуто чистымъ духомъ нравственнымъ, если при этомъ не имѣется въ виду нравственная жизнь народа, съ ея потребностями и законами, тогда все это пустоцвѣтъ, гниль; скажемъ болѣе все это легко обращается въ ложь и зло. Неужели же безнравственность можетъ быть добромъ и къ добру? А нравственности нѣтъ, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога. Народъ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать, какъ машину. Только нравственною силою, нравственными средствами, при нравственныхъ цѣляхъ и можно дѣйствовать на него къ лучшему. Никакія мѣры улучшенія не будутъ успѣшны и плодотворны, если не сопровождаются развитіемъ нравственнаго сознанія въ народѣ, если не будутъ имѣть корня и силы въ народной нравственности... Что сдѣлала Европейская цивилизація съ первобытными народами, необразованными, но патріархальными, когда пришла къ нимъ безъ религіи и нравственности? Она ихъ погубила. Есть въ жизни народной стороны, не подлежащія преобразованію. Это именно христіанская вѣра и нравственность. Но духъ времени посягаетъ и на это. Ему

кажется, что люди будутъ умнѣе и просвѣщеннѣе, если не будутъ обязаны вѣровать въ Бога и Христа, что народы будутъ счастливѣе, если не религія, а что нибудь другое напр. соціализмъ, будетъ опредѣлять для нихъ правила нравственности... И увы! это у насъ въ Россіи нынѣ проповѣдуется и печатается. Нѣтъ! Не дастъ русскій народъ преобразовать свою вѣру, вѣру православную и соединенное съ нею ученіе нравственное. Это его духовная сила; это корень его внутренней жизни и духъ его жизни исторической. И горе тому, кто посягнулъ бы на эту святыню народа! Народъ русскій не можетъ быть не православнымъ, иначе онъ пересталъ бы быть русскимъ; отнять у него вѣру, въ которой онъ и одной буквы перемѣнить не позволяетъ, значило бы со дна возмутить всю его жизнь, значило бы отнять у него душу. Кто отважится на такое душегубство?»(*) Къ этому же разряду проповѣдей относится и знаменитое слово Іоанна объ освобожденіи крестьянъ, произнесенное имъ въ Казани 19 февр. 1859 г. Основною мыслію, предметомъ и задачею этого, весьма обширнаго по объему, слова служитъ раскрытіе съ религіозно-христіанской точки зрѣнія смысла и значенія понятія *свободы*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этой проповѣди, для характеристики ея. „Мы слышимъ разсужденія о новомъ устройствѣ крестьянскаго быта. Разсужденія касаются обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ. О выгоды! все выгоды и выгоды! А помнится ли самая главная выгода, основаніе и залогъ всѣхъ другихъ: благо нравственное? Какъ бы утвердить новый бытъ крестьянъ на началахъ строго-нравственныхъ? Какъ бы оградить свободу ихъ предѣлами нравственными, не нарушающими, а охраняющими свободу истинную? Какъ бы новыя отношенія самихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ опредѣлить не въ полицейскихъ только, а преимущественно нравственныхъ видахъ?.. Надобно, надобно думать объ этомъ и думать много, серьезно. Иначе, мимо началъ нравственныхъ, или при слабости этихъ началъ, великій государственный вопросъ рѣшится только въ половину, или рѣшится на началахъ только преходящихъ, измѣнчивыхъ, не вѣрныхъ, каковы начала исклю-

(*) Бес., поуч. и рѣч. Іоанна (2 изд.), стр. 236.

чительно—житейскія. А если мы думаемъ, что свобода крестьянъ сама собою разовьетъ въ нихъ всѣ добродѣтели, это ошибка!... Можетъ ли быть благонадежна свобода, предоставленная самой себѣ?... Будемъ помнить, что свобода есть древо добра и зла: изъ него можетъ выйти равно и то и другое, смотря по тому, какъ человѣкъ къ нему относится: а чтобы онъ относился къ этому древу вѣрно и безопасно, нужна *заповѣдь*, строгая, точная, положительная заповѣдь.» Въ этомъ же словѣ Іоаннъ раскрываетъ смыслъ и значеніе свободы въ практической жизни. «Новое состояніе ваше,—обращается Іоаннъ къ людямъ, ожидавшимъ свободы,—принесетъ вамъ новыя заботы и обязанности. Трудитесь! трудитесь тѣмъ съ большею охотою, что будете трудиться свободно, для себя. Свобода безъ труда есть только лѣность и праздность, предосудительная, вредная, грѣшная. Только трудомъ нелѣностнымъ, трезвымъ, разумнымъ вы сдѣлаете свободное состояніе свое благополучнымъ, безъ нуждъ и скорбей, отъ праздности происходящихъ. Если даруется вамъ свобода, это не значитъ, что вы уже не обязываетесь никому служить. И своя нужда заставитъ служить другимъ. А въ общежитіи человѣческомъ необходимы слуги, и всегда были и будутъ на свѣтѣ люди богатые и бѣдные, высшіе и низшіе, образованные и необразованные, и послѣдніе всегда были и будутъ слугами первыхъ. И Божіе слово, хотя и учитъ, что во Христѣ по благодати всѣ равны, но не отрицаетъ служенія однихъ людей другимъ, а еще утверждаетъ это, какъ обязанность, и повелѣваетъ служить по совѣсти, Господа ради, даже не кроткимъ только людямъ; но и строптивымъ»(*).

Мы нарочно остановились съ такою подробностію на самой существенной части въ проповѣдяхъ Іоанна Смоленскаго—ихъ публицистическомъ элементѣ, чтобы вмѣстѣ съ однимъ, главнымъ и преобладающимъ признакомъ современной практической проповѣди—пластичной характеристикой нравственной физіономіи общества, подмѣтить и прослѣдить, въ тѣсной связи съ первымъ стоящій признакъ новаго направленія проповѣди—особенную постановку нравственно-рели-

(*) Правосл. Собесѣди. 1859 г., ч. 1, стр. 351.

гіозныхъ вопросовъ въ органически—живомъ соотношеніи съ вопросами и явленіями дѣйствительной жизни на всѣхъ ступеняхъ ея развитія и во всѣхъ сферахъ ея направленія. Изъ представленныхъ нами выдержекъ изъ проповѣдей Іоанна можно видѣть, какою удивительною владѣлъ проповѣдникъ способностію формулировать религіозно-догматическіе вопросы въ связи съ современными задачами чисто-практической жизни, какимъ замѣчательнымъ отличался онъ умѣньемъ въ приспособленіи и примѣненіи вѣчныхъ идей христіанства и истинъ Евангелія къ тѣмъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ, фактамъ и явленіямъ, въ которыхъ выражалась жизнь именно современнаго проповѣднику общества, которыми характеризуется именно настоящій вѣкъ, духъ нашего времени. Поднимается ли государственно реформенный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, Іоаннъ устанавливаетъ истинную точку зрѣнія на свободу, раскрываетъ и уясняетъ смыслъ и значеніе свободы на ея настоящей почвѣ нравственно-духовной; обосновываетъ понятіе свободы на началахъ нравственно-христіанскихъ, на Евангеліи, по которому «только усвоеніемъ духа Христова упрочивается свобода въ человѣкѣ: аще слово Мое соблюдете, сказано Спасителемъ, во истину будете Мои ученицы и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы». Зараждается ли въ обществѣ и правительствѣ новый вопросъ о народномъ образованіи при главномъ участіи дворянскихъ сословій, Іоаннъ смѣло и обстоятельно обсуждаетъ съ церковной каѳедры мѣры и средства лучшаго и вѣрнѣйшаго достиженія цѣли этой благой реформы, указываетъ на различныя препятствія и злоупотребленія, которыя могутъ при этомъ встрѣтиться, помѣшать успѣху народнаго образованія и направить его на ложный путь, въ худую сторону; доказываетъ необходимость нравственнаго самообразованія для самихъ учительныхъ сословій—дворянъ, которымъ общество и правительство вручаетъ и довѣряетъ дѣло народнаго образованія. „Вы свѣтъ своему міру, говоритъ Іоаннъ словами Спасителя, выбраннымъ дворянамъ. *Аще же свѣтъ тьма есть, то тьма кольми.* Если свѣтъ просвѣщенныхъ людей не безъ тьмы худыхъ мнѣній и страстей, то чего ожидать, чего и требовать отъ простолюдиновъ?„

Замѣчается ли въ образованныхъ слояхъ общества увлеченіе новомодною, выступившею на литературную очередь

доктриною о такъ называемой „женской эмансипаціи,“ о возвышеніи правъ и расширеніи свободы дѣятельности женской половины, Іоаннъ не стѣсняется говорить съ церковной каѳедры по поводу современнаго женскаго вопроса. Онъ указываетъ на самое начало и причины униженія и порабощенія женщины, разоблачаетъ всю ложность и неестественность положенія женщины въ высшихъ кругахъ современнаго общества. «Потерявъ, говоритъ Іоаннъ о современной женщинѣ, - нравственную силу и въ ней залогъ своего высокаго достоинства и своей разумной свободы, и своевольно выступивъ изъ области сердца, въ которомъ чисто нравственнымъ союзомъ была соединена съ своимъ мужемъ и была столько же нравственно свободна и счастлива, сколько невинна, жена уже слишкомъ далеко зашла во внѣшній міръ, захотѣла войти и въ мужескіе нравы, стала раздѣлять ихъ грубыя или пожалуй утонченныя, но тѣмъ не менѣе испорченныя стремленія и прихоти, и потерявъ чистоту любви и искренность уваженія другаго пола, и полная страстей, стала игралищемъ страстей мужскихъ. Она порабощена, потому что поработила саму себя; она унижена, потому что унизилась; она стѣснена въ своихъ правахъ, потому что сама ими пожертвовала. И ѳиміамъ, по видимому воскуряемый предъ нею и въ образованномъ обществѣ, очень напоминаетъ тотъ ѳиміамъ, который язычники курили предъ своими обожаемыми статуями, обожая въ нихъ не ихъ самихъ и не воображаемыя въ нихъ вышнія существа, а собственныя страсти, въ нихъ олицетворенныя. Что же говорить о расширеніи свободы и возвышеніи правъ»?(*) За тѣмъ Іоаннъ представляетъ истинныя средства возвышенія женщины изъ созданнаго ею самою униженія, указывая на высочайшій идеалъ и первообразъ женщины въ христіанствѣ Пресвятую Дѣву Марію, — на совершенство ея нравственной чистоты.

Но мало того. Не только идеи общерелигіозныя и истины отвлеченно-догматическія, но даже историческія истины христіанства, — истины ограниченныя предѣлами одного и только одного извѣстнаго времени и фактически уже не повторяющіяся ни въ какое другое время, Іоаннъ съ уди-

(*) „Бес., поуч. и рѣч. Іоанна“, стр. 194.

вительнымъ тактомъ, находчивостію и остроуміемъ воплощаетъ въ духъ, нравы и лица своего времени и выражаетъ въ выпукло опредѣленныхъ формахъ современной жизни. Читая или слушая его проповѣди, мы какъ бы самолично испытываемъ и переживаемъ тѣ отрадныя или потрясающія событія христіанской исторіи, которыя совершились уже болѣе 18-ти столѣтій назадъ. Вотъ напр. страшная картина голгоѳскихъ страданій Спасителя, со всѣми ужасами предварительнаго осужденія Христа на смерть! Что это за картина? Простое воспоминаніе о дѣлахъ и событіяхъ давно минувшихъ дней? Мысленное только представленіе историческаго факта осужденій Христа на смерть и — Его страданій? Или воображаемое только созерцаніе мрачныхъ сценъ и дѣйствій одной изъ самыхъ разительныхъ и ужаснѣйшихъ трагедій, когда либо отъ самаго сотворенія міра совершившихся на землѣ, отъ которой *вся тварь, видѣвше* виновника міра *на крестѣ висима, ужасомъ многимъ содрагашеся?* — Нѣтъ, это не похоже на воспоминаніе и воображеніе. Проповѣдникъ не отсылаетъ нашихъ мысленныхъ взоровъ, нашихъ чувствъ и сердца къ началу христіанской вѣры, на самое мѣсто происшествія страшнаго событія, совершившагося уже почти 19 столѣтій назадъ. Напротивъ, съ чувствомъ переполненной тоски, съ трогательнымъ соболѣзнованіемъ любящаго сердца Іоаннъ въ самомъ началѣ проповѣди обращается къ намъ лично съ начальнымъ вопросомъ: „не были ли вы сами при страданіяхъ Спасителя? Не были ли при Его осужденіи, поруганіи и распятіи? «Мы сначала недоумѣваемъ, о чемъ спрашиваетъ насъ проповѣдникъ. Мысленно вдаемся въ различныя предположенія, уклоненія въ сторону, разъясняемъ себѣ вопросъ его метафорически. Іоаннъ проникаетъ въ нашу душу, слѣдитъ за процессомъ нашей мысли, обнаруживаетъ наше недоразумѣніе и выражаетъ свой вопросъ еще прямѣе и опредѣленнѣе. «Вы, конечно, скажете, - продолжаетъ Іоаннъ, что слушая съ глубокимъ вниманіемъ и чувствомъ описаніе Христовыхъ страданій, мы можемъ такъ живо представить ихъ себѣ, какъ будто сами ихъ видѣли, и конечно при событіи и зрѣлищѣ, совершившемся почти за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, и можно присутствовать только мыслію, воображеніемъ, чувствомъ. О такомъ ли присутствіи вопросъ? Нѣтъ, братія; я ставлю вопросъ

прямо и не только повторяю его опредѣлительно, но еще хочу усилить его другимъ вопросомъ: не участвовали ли вы въ осужденіи Спасителя? Да, скажете вы, всѣ мы своими грѣхами внесли горькія доли въ чашу скорбей Христовыхъ, всѣ мы повинны въ Его смерти. Но опять у меня не о томъ рѣчь. Я васъ спрашиваю, не были ли вы сами лично, дѣйствительнымъ образомъ, если не въ числѣ судей, то обвинителей или свидѣтелей противъ Христа, или наконецъ въ толпѣ народа, который кричалъ: „распни Его?“(*)

За тѣмъ кистью истинно геніальнаго художника и нераздѣльно мыслителя и богослова Іоаннъ изображаетъ новый процессъ суда надъ Христомъ, во всей его ужасающей полнотѣ, со всѣми его потрясающими подробностями. Іоаннъ выводитъ предъ нами новаго измѣнника и предателя Христа, показываетъ намъ новый современный синедріонъ и среди его лжесвидѣтелей противъ Спасителя, и наконецъ униженнаго и поруганнаго Христа предъ ожесточенною современною толпою, неистово испускающею дикій вопль: *«распять Его»!* «Едва Христосъ въ страдальческомъ, достойномъ слезъ, видѣ является предъ этою толпою, едва легкомысленные судьи Его высказываютъ мысль о возможности освободить Его, какъ существо безвредное, толпа мятется и раздражается, «освободить лучше разбойника! «кричитъ она въ безуміи и самозабвеніи.—«Но это учитель истины», возражаетъ судья разсѣянно, полусерьезно, полунасмѣшливо, это царь духовнаго царства»!—„Не нужно намъ никакого учителя истины, отвѣчаетъ толпа; нѣтъ истины безусловной, мы не знаемъ и не хотимъ никакого духовнаго царя и духовнаго царства. Мы граждане міра.“ „Что же дѣлать со Христомъ?“—Смятеніе увеличивается, бѣшенство толпы возрастаетъ.—„Смерть Ему! Конецъ христіанству!“ вдругъ раздается возгласъ изъ толпы: „не нужно намъ Христа и христіанства и никакой религіи. Распять Его“!.. И Христосъ распинается нынѣ среди образованнаго христіанскаго міра“(**).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о внѣшней формѣ проповѣдей Іоанна. Говоримъ: *нѣсколько словъ*, по-

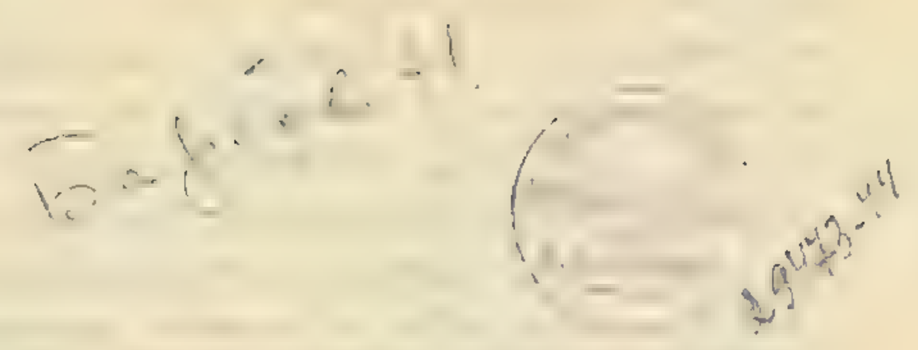
(*) Стр. 105.
(**) Ibid. стр. 131.

тому что вопросъ о внѣшней формѣ проповѣдей преосв. Іоанна всего менѣе можетъ быть предметомъ серьезнаго сужденія, по крайней мѣрѣ по тому значенію, какое придавалъ самъ Іоаннъ внѣшней формѣ своихъ проповѣдей. Мы уже имѣли случай замѣтить выше, что проповѣдники новаго направленія не стѣсняются внѣшними пріемами и формою проповѣди. И если нужно охарактеризовать публицистическую проповѣдь со стороны ея внѣшней формы, то мы должны назвать ее *смѣшанною*: въ ней найдемъ по частямъ всѣ виды прежнихъ формъ проповѣди — слова, поученія, бесѣды и рѣчи. Въ формѣ слова Іоанномъ написано только нѣсколько проповѣдей, произнесенныхъ имъ въ С.-Петербургѣ и Казани. Проповѣдь же его на Смоленской каѳедрѣ постоянно являлась въ формѣ бесѣды или поученія. Опытный ораторъ видѣлъ, что мысль его не укладывается въ тѣсную форму слова, требующаго по своему характеру раскрытія со всею полнотою и законченностію одного избраннаго предмета. Въ высокой степени проницательный и плодовитый умъ и богатое воображеніе Іоанна находили въ избранномъ предметѣ поученія нѣсколько сторонъ, изъ которыхъ каждая могла составить тему для отдѣльной бесѣды. Вслѣдствіе этого, смотря по тому какъ позволяло ему располагать своимъ матеріаломъ время, онъ или раскрывалъ на церковной каѳедрѣ свою тему со всѣхъ сторонъ или останавливалъ вниманіе слушателей на одной какой нибудь частной ея мысли, оставляя раскрытіе другихъ до другаго, удобнаго времени.

Въ первомъ случаѣ онъ говорилъ рядъ бесѣдъ, въ послѣднемъ одно поученіе или одну бесѣду на одну частную мысль(*).

(*) Источники: Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна Смоленскаго. Изд. 2-е 1876 г., Странникъ 1869 г. т. 2. Апрѣль, стр. 43. Христ. Чтеніе 1872 г. т. 3, стр. 420. Русское Проповѣдничество. 1871. стр. 261 и 320. Воронежск. Епарх. Вѣдом. 1877 г., №№ 18 и 19.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



МАЛОИЗВѢСТНЫЕ РУССКІЕ ПРОПОВѢДНИКИ

XVIII столѣтія.

Матеріалы для исторіи русскаго проповѣдничества.

Въ кратковременное царствованіе императора Петра II, alma mater великорусскаго просвѣщенія—московская славяно-греко-латинская академія удостоилась чести обратить на себя такое вниманіе высшаго гражданскаго правительства, какого, по видимому, не знала ни прежде того, ни послѣ. Прошло не болѣе мѣсяца со времени вступленія на престолъ молодаго императора (7 мая 1727 года), какъ Верховный Тайный Совѣтъ, управлявшій государствомъ отъ его имени, обративъ вниманіе на полученное Святѣйшимъ Синодомъ донесеніе ректора академіи, архимандрита Гедеона Вишневскаго, о томъ, что Высочайшій указъ 1723 года [1] о высылкѣ въ академію для ученія молодыхъ монаховъ изъ монастырей всей Россіи остается безъ выполненія, что только изъ смоленской епархіи были доставлены два іеродіакона, да и изъ тѣхъ одинъ бѣжалъ, а изъ прочихъ епархій и изъ московскихъ монастырей, хотя въ нихъ и довольно молодыхъ и къ ученію способныхъ монаховъ, никто не присылыванъ,—

(1) Пол. собр. зак. №№ 2186, 2308, 2778 и 3718.

строжайше предписалъ привести означенный указъ въ исполненіе повсемѣстно, безъ замедленія ([1]). Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ того, въ первыхъ числахъ іюня 1728 года, Верховный Тайный Совѣтъ предписалъ Синоду представить ему «немедленно» вѣдомость о томъ, «имѣющаяся въ Новоспасскомъ монастырѣ школа съ котораго времени началась, откуда и чѣмъ довольствовалась, и съ начала той школы сколько въ ней было учениковъ, изъ какихъ они были чиновъ и до какой науки тѣ ученики обучались, и куда отбыли, также и нынѣ въ той школѣ сколько обучено поповыхъ дѣтей, и какими науками, и куда тѣ поповы дѣти отбыли, и нынѣ въ той школѣ сколько на лицо учениковъ, и въ какихъ наукахъ имѣется». Не успѣлъ еще Св. Синодъ собрать необходимыя свѣдѣнія по этому дѣлу и представить въ Верховный Тайный Совѣтъ свое донесеніе, какъ синодальный оберъ-прокуроръ Алексѣй Баскаковъ 9 іюля 1729 года словесно объявилъ Синоду, что 7-го сего іюля онъ былъ призванъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, и приказано ему отъ высокосіятельныхъ господъ министровъ предложить Св. Синоду между прочимъ слѣдующее: 1) «во всѣ степенные въ Москвѣ и близъ Москвы мужскіе монастыри проповѣдниковъ чего для не опредѣлено? 2) Въ Москвѣ, ко всѣмъ генерально церквамъ по силѣ именнаго 1718 года указа въ священники и діаконы производить школьниковъ достойныхъ, не взирая на приходскихъ людей выборы, и дворы имъ окупать изъ церковныхъ денегъ. 3) Въ вѣдомости, поданной изъ академіи московской славяно-греко-латинской, о школьникахъ, которые

([1]) Пол. собр. зак. № 5091.

произошли въ мірское священство и діаконство, а именно о тридцати четырехъ человѣкахъ, показать, кто именно изъ какихъ чиновъ, и въ которыхъ годѣхъ и къ которымъ церквамъ и кѣмъ произведены. 4) Нынѣ въ той академіи обрѣтающихся школьниковъ и впредь принимаемыхъ священническихъ, дьяконскихъ и дьяческихъ дѣтей отнюдь безъ собственнаго школьнаго опредѣленія никуда не отпускать, а кто доволенъ будетъ во ученіи, и тѣхъ бы ректоръ представлялъ Святѣйшему Синоду для дѣйствительнаго опредѣленія къ мѣстамъ при доношеніяхъ своихъ безъ упущенія времени, а которые будутъ остропонятны во ученіи, и надежды въ нихъ къ тому не будетъ, о таковыхъ взносить въ Синодъ рапорты при окончаніи каждаго года или вакаціи. Также объявить указомъ всѣмъ московскимъ священникамъ съ причетниками, дабы они дѣтей своихъ мужескаго пола всѣхъ безъ изъятія отдавали для науки въ оныя школы безъ всякаго замедленія, а ежели отдавать не будутъ, то по смерти ихъ, или по отлученіи отъ мѣстъ, тѣ ихъ неучащіеся дѣти не токмо до священства, но ни до какой церковной службы въ чины допускаемы не будутъ, а будутъ опредѣляемы на тѣ мѣста изъ вышеозначенныхъ учившихся въ школахъ по достоинству съ разсмотрѣнія синодальнаго. 5) Сколько человѣкъ въ спасскую школу опредѣлено было для ученія—поповскихъ, дьяконскихъ, дьяческихъ и пономарскихъ дѣтей, и такъ ли ихъ учатъ, какъ указомъ опредѣлено. и сколько кто учился времени, и нынѣ они въ той ли школѣ или куда отбыли, и сколь давно, и для чего, и нынѣ гдѣ, и кто въ какихъ чинахъ, ежели посвящены въ попы и діаконы, то кѣмъ»?

Не довольствуясь и этимъ, Верховный Тайный Совѣтъ, неизвѣстно—какимъ образомъ узнавъ, что въ словено-греко-латинской академіи учится монахъ Іосифъ Скрипицынъ, обратилъ на безвѣстнаго инока-студента свое особенное вниманіе, и въ томъ же докладѣ Святѣйшему Синоду, который мы только что привели, оберъ-прокуроръ Баскаковъ предлагалъ относительно Скрипицына слѣдующіе вопросы: «давно-ль тотъ монахъ въ Чудовѣ монастырѣ обрѣтается, и какимъ опредѣленіемъ, и чѣмъ его велѣно довольствовать, и то исполняется-ль, и въ томъ монастырѣ проповѣднику по штату что въ годъ жалованья положено, и такой проповѣдникъ былъ-ли (прежде) и кто именно, и жалованье ему давано-ль, и съ котораго до котораго времени, и нынѣ въ томъ монастырѣ проповѣдникъ есть-ли, а буде нѣтъ, давно-ли, и куда отбылъ, и по какому указу, и чего для нынѣ проповѣдника тамъ не опредѣлено, и проповѣдническое жалованье куда нынѣ происходитъ, или имѣется на лицо, и коликое число, и для чего по указу и по даннымъ пунктамъ отъ онаго оберъ-прокурора въ томъ монастырѣ исполненія нынѣ не чинятъ» (¹)?

Во всѣхъ этихъ предписаніяхъ и запросахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта видна одна забота высшаго государственнаго управленія по отношенію къ академіи: спеціализировать ее въ чисто-духовную, церковную школу, которая главною, если не единственною, цѣлію имѣла бы подготовлять образованныхъ священнослужителей и проповѣдниковъ слова Божія, а также учителей для основывавшихся, во исполненіе извѣстныхъ постановленій духовнаго регла-

(¹) Архивъ Св. Синода, дѣло № 306, 1729 года.

мента, при всѣхъ архіерейскихъ домахъ школъ. До сего времени академія чрезвычайно мало удовлетворяла этому главнѣйшему своему назначенію. Доставленныя въ Св. Синодъ, вслѣдствіе приведенныхъ выше запросовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, донесенія и отчеты представляютъ краснорѣчивое тому доказательство. Изъ донесенія ректора академіи, напримѣръ, мы прежде всего узнаемъ о крайней патріархальности и простотѣ тогдашнихъ академическихъ порядковъ. Отвѣчая на первый вопросъ—«съ котораго времени та школа началась», ректоръ говоритъ, что въ славяно-греко-латинской академіи имѣющіяся школы заведены еще при святѣйшихъ патріархахъ, а въ которомъ году, и съ начала тѣхъ школъ сколько было учениковъ, и изъ какихъ чиновъ, и до какой науки тѣ ученики дошли, *о томъ въ оной академіи невѣдомо, понеже записки о томъ въ академіи никакой не имѣлося»* (1). По видимому, въ академію безъ всякихъ формальностей и опросовъ принимали всякаго приходящаго, равно какъ и оставляли академію ученики безпрепятственно во всякое время, когда хотѣли. Только за годъ до возникновенія настоящей переписки, т. е. въ 1728 году, вслѣдствіе особаго нарочитаго предписанія Св. Синода «имѣть записныя книги—кто изъ какихъ чиновъ приняты въ ученье, и сколько времени учиться будутъ, и куда кто и по какому указу произведется», — училищное начальство

---

(1) Это заявленіе ректора, архимандрита Германа, представляется не совсѣмъ понятнымъ, такъ какъ предмѣстникъ его архим. Гедеонъ только что составилъ въ 1727 году историческую записку объ академіи, въ которой, въ общихъ чертахъ, излагается исторія ея до 1727 года. Она напечатана Новиковымъ въ XVI томѣ Россійской Вивліоѳики.

озаботилось завести запись съ указанными рубриками, на основанiи которой и собрало свѣдѣнiя, препровожденныя теперь въ Св. Синодъ (¹). Скудость свѣдѣнiй о состоянiи академiи до 1728 года въ отчетѣ ректора восполняется свѣдѣнiями, доставленными коммиссiей экономiи (со времени учрежденiя Синода замѣнившей при немъ прежнiй монастырскiй приказъ), на основанiи матерiаловъ, имѣвшихся въ экономическихъ отчетахъ академiи монастырскому приказу. Школа началась, по свѣдѣнiямъ коммиссiи, въ 1701 году, въ которомъ послѣдовалъ именной высочайшiй указъ— «для ученiя всякаго чина людей дѣтей быть учителямъ и давать имъ жалованье по росписи, каково пришлетъ преосв. Стефанъ, митрополитъ рязанскiй, которое имъ и давано, учителямъ восьми человѣкамъ по 100 рублей, ученикамъ богословiи и философiи по 4 копѣйки на день, а прочимъ школьникамъ по три копѣйки на день, да въ словено-россiйскихъ школахъ (приготовительныхъ классахъ академiи) учителямъ двумъ по 6 копѣекъ на день». Жалованье выдавалось изъ суммъ монастырскаго приказа, а потомъ изъ коллегiи экономiи, на основанiи особаго регламента, состоявшагося въ 1710 году. О томъ, въ какой мѣрѣ возрастало число

(¹) Изъ этого послѣдняго распоряженiя Св. Синода для насъ становится понятнымъ, почему Ломоносовъ встрѣтилъ тѣ затрудненiя при поступленiи въ академiю, о которыхъ разсказываетъ Штелинъ и въ правдоподобiи которыхъ нѣкоторые сомнѣвались. Разсказы безвѣстнаго юноши о самомъ себѣ, при той требовательности, которая была только что узаконена, могли быть заподозрѣны, при недостаткѣ документальныхъ данныхъ, которыми онъ могъ бы удостовѣрить свою личность. Извѣстно, что, прибывши въ Москву, Ломоносовъ не имѣлъ при себѣ какого либо увольнительнаго свидѣтельства отъ общества, а лишь билетъ на проѣздъ до Москвы и обратно. См. Пекарскаго, М. В. Ломоносовъ (Исторiя Академiи наукъ, т. II. 1873 г.).

учащихся въ академіи съ этого времени, видно изъ того, въ какой пропорціи возрастали изъ года въ годъ расходы на содержаніе академіи,—при чемъ ассигновалось по прежнему на каждаго ученика по 4 копѣйки. Въ 1714 году на содержаніе академіи издержано 2.439 рублей; въ 1715—уже 2.938 рублей, въ 1720 г.—3.314 р., въ 1721—3.566 р., въ 1724 году—4.467 р. и въ 1727 году 4.936 р., т. е., въ теченіе четырнадцати лѣтъ бюджетъ академіи болѣе чѣмъ удвоился, пропорціонально возрастанію числа учениковъ въ академіи.

Но, какъ видно изъ той же вѣдомости, контингентъ учащихся въ академіи составлялся главнымъ образомъ отнюдь не изъ дѣтей священнослужителей и церковничьихъ, а изъ дѣтей всѣхъ возможныхъ классовъ народа, что̀, конечно, и имѣлось въ виду при учрежденіи академіи, какъ мы видѣли выше. Такъ въ 1727 году изъ числа 259 человѣкъ учащихся въ академіи, священнослужительскихъ и церковничьихъ дѣтей было всего 63 человѣка, т. е. менѣе четвертой части всѣхъ учащихся. Въ 1728 году изъ 360 учащихся, дѣтей священнослужителей и причетниковъ было 109,—остальные же всѣ были дѣти разночинцевъ, именно: 1 сынъ капитана, 1—переводчика при типографіи, 2 лекарскихъ дѣтей, 3 иноземца (вѣроятно изъ славянъ), 7 польской націи, 5 изъ шляхетства, 1 малороссіянецъ, 2 дѣтей учениковъ математической школы (на Сухаревой башнѣ), 1 сынъ денежнаго мастера, 2 посадскихъ, 1 сынъ типографскаго наборщика, 5 дѣтей монастырскихъ служителей, 1 сынъ архіерейскаго служки, 1 сынъ пѣвческій, 3 дѣтей сторожей, 2 дѣтей богадѣленныхъ нищихъ, 15 дѣтей мастеровыхъ, 9 купецкихъ дѣтей, 22 подья-

ческихъ дѣтей, 25 дѣтей дворовыхъ людей и 121 человѣкъ дѣтей солдатскихъ. При такомъ составѣ учащихся въ академіи, нѣтъ ничего удивительнаго, что, оставляя академію, рѣдко по окончаніи въ ней полнаго курса, а большею частію изъ философіи, риторики и даже піитики, ученики ея рѣдко опредѣляли себя для духовнаго званія, а громадное большинство поступало или въ с.-петербургскую аптекарскую науку, или въ московскій госпиталь, для обученія хирургической наукѣ, или же въ разные свѣтскіе чины и достоинства. Такъ въ томъ же отчетѣ академіи мы находимъ слѣдующія любопытныя цифры. Со времени основанія академіи изъ ея учениковъ въ 1728 году состояло: трое архіереями, трое архимандритами, четверо игумнами, двѣнадцать іеромонахами, шесть іеродіаконами, восемь монахами, двадцать пять (по другому свѣдѣнію—тридцать четыре) священниками, девять діаконами; всего, значитъ, поступившихъ на служеніе церкви 70—79 человѣкъ. Между тѣмъ поступившихъ въ госпиталь для ученія хирургической наукѣ значится 63,—въ с.-петербургскую аптекарскую науку—45, въ разные свѣтскіе чины и достоинства—28, въ московскую главную аптеку—1, въ полковые писари—4, въ справщики типографіи—3, въ переводчики—6, и въ учителя въ Сербію и въ губерніи Россіи—11,—всего 161 человѣкъ,—т. е. на служеніе гражданскому обществу академія въ показанный срокъ выпустила почти втрое больше, чѣмъ сколько дала для церкви. Отсутствіе всякой разборчивости при пріемѣ въ академію было причиной того, что чрезвычайно много учениковъ было исключаемо начальствомъ академіи, а многіе «самовольно предавались бѣгству» изъ

нея. Такъ 18 іюня 1728 года, послѣ годичныхъ испытаній учениковъ, изъ академіи было «отставлено» 46 человѣкъ изъ боярскихъ и подъяческихъ дѣтей, «которые въ ученіи непонятны и злонравны и злодѣи». Затѣмъ «бѣжали» изъ академіи въ теченіе года: четверо поповскихъ и діаконскихъ дѣтей—на Сухареву башню; двое піитовъ—въ преображенскій полкъ писарями; одинъ—въ допмочную канцелярію, гдѣ его сдѣлали подъячимъ; одинъ—Сѣрковъ—«бѣжалъ» даже почему-то въ Сибирь; шестеро «бѣжали-жъ и по Москвѣ гуляютъ праздно». Опредѣлено же на мѣста къ церквамъ Москвы: священниками—двое: Антипъ Леминовъ, учившійся въ академіи двѣнадцать лѣтъ,—къ Пятницѣ, что за Москвою-рѣкою, и Иванъ Змилевскій,—польской націи, учившійся шесть лѣтъ, къ домовой церкви князя Черкасскаго; сверхъ того опредѣлены четверо въ діаконы, да четверо-жъ въ причетники—въ Москвѣ (1).

Еще менѣе, до приведеннаго выше указа, служила академія дѣлу проповѣди: на вопросъ о томъ, сколько въ академіи учится человѣкъ, могущихъ быть проповѣдниками слова Божія, въ отчетѣ показано тридцать восемь человѣкъ учениковъ, имѣвшихъ духовный санъ—іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ, священниковъ и діаконовъ; но изъ числа ихъ только восемь (2) помѣчено «проповѣдывать слово Божіе мо-

(1) Архивъ Св. Син., дѣло № 306, 1729 г. Сообщаемъ эти свѣдѣнія объ академіи между прочимъ и потому, что въ печатныхъ сочиненіяхъ о ней, какъ напримѣръ въ исторіи академіи г. С. Смирнова, этихъ свѣдѣній не находится.

(2) То были: іеромонахи—Іероѳей Іозефовичъ, Варѳоломей Филевскій; монахи: Симеонъ Ярмирковскій, Андрей Гамертовскій, Алексѣй Голенищевъ, Михаилъ Сладскій, Яковъ Буявинскій, Антипъ Пещуровъ.

гущими»,—объ остальныхъ замѣчено: «проповѣдывать слово Божіе не могутъ»,—или: «проповѣдывать слово Божіе могутъ-ли—неизвѣстно».

Наконецъ, что касается до училищъ при архіерейскихъ домахъ, то спросъ для нихъ учителей, обращаемый къ академіи, весьма нерѣдко оставался безъ удовлетворенія. Такъ въ 1733 году архангельскій преосвященный Германъ (бывшій ректоръ академіи) обращался съ просьбою въ академію выслать ему учителей изъ Москвы или Кіева,—но его просьба осталась безъ удовлетворенія по неимѣнію годныхъ на то людей (1). Подобнымъ же образомъ позже, въ 1745 году, преосв. бѣлорусскій Іеронимъ писалъ Св. Синоду, что «великую нужду терпитъ въ учительныхъ людяхъ, ибо ни одного не имѣетъ къ правленію и помощи дѣлъ епархіескихъ, наипаче для проповѣди слова Божія»; такого человѣка онъ нашелъ не въ Москвѣ или Кіевѣ, а въ Смоленскѣ,—префекта тамошней семинаріи, іеромонаха Варлаама Иваницкаго, который былъ «проповѣдникомъ быть весьма способенъ, наипаче въ Бѣлорусскомъ краѣ, понеже былъ родимецъ польскій, искусный въ діалектѣ Бѣлорусскомъ» (2).

Въ виду приведенныхъ фактовъ для насъ становится понятною та заботливость правительства о дѣлахъ церковныхъ, краснорѣчивое доказательство которой представляютъ приведенные выше указы. И

Въ этотъ счетъ не вошли трое, во время составленія отчета состоявшіе уже въ должности проповѣдниковъ, а не въ ученикахъ академіи: Макарій Любицкій, Дамаскинъ Данилевичъ и Іосифъ Скрипицынъ.

(1) Архивъ Св. Син., дѣло № 335, 1733 года.

(2) Архивъ Св. Син., дѣло № 398, 1745 г.

мы видимъ, что послѣдствія оправдали эту заботливость.

Что касается до Петербурга, то тамъ еще во времена Петра Великаго, кромѣ проповѣдниковъ по профессіи, изъ монаховъ, проповѣдниковъ — архіереевъ, каковы были: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Гавріилъ Бужинскій и другіе,—были приходскіе священники, настолько образованные, что ихъ считали достойными и способными проповѣдывать не только для своихъ прихожанъ, въ своихъ церквахъ, но и въ высочайшемъ присутствіи, хотя въ послѣднемъ случаѣ они и не всегда оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды. Такъ въ 1724 г., когда Св. Синодъ вмѣстѣ съ дворомъ былъ въ Москвѣ, и синодальными дѣлами управляли синодальные ассессоры: архимандритъ Аѳанасій (Кондоиди) и протопопъ Петръ Григорьевъ,— эти послѣдніе распорядились, чтобы при возвращеніи ихъ Величествъ въ Петербургъ была произнесена торжественная предика, каковую указомъ синодальнымъ велѣно было изготовить успенскому протопопу Симеону Ярмерковскому, священникамъ: самсоніевскому Терлецкому и успенскому — Венгриновскому,—всѣ трое, какъ можно догадываться по фамиліямъ, южно-руссы и воспитанники кіевской или московской академіи. Терлецкій, призванный въ присутствіе Св. Синода, объявилъ, что «опредѣленіе синодальное исполнить готовъ, только проситъ у Св. Синода отъ того свободности, понеже онъ, Терлецкій, предъ Его Императорскимъ Величествомъ скудоумія ради своего предиковать не можетъ, да и потому, что откуда взять матерію для предики, никакого вѣдѣнія и довольнаго числа потребныхъ

книгъ, кромѣ самыхъ къ служенію нужныхъ, не имѣетъ, также ради многаго и едва не ежечаснаго при той церкви священныхъ потребъ исправленія, ему, Терлецкому, такихъ предикъ затверживать весьма невозможно, и о семъ-де онъ доноситъ сущую правду, а не для какого-либо вымышленнаго отбывательства, а буде впредь неправда явится, то повиненъ онъ тяжкому оштрафованію (1). Въ александро-невскомъ монастырѣ, при установленіи для него штата, учреждена была и особая должность штатнаго проповѣдника. Въ 1746 году, марта 3-го, Св. Синодъ спрашивалъ, почему въ александро-невскомъ монастырѣ нѣтъ проповѣдника, тогда какъ ему слѣдуетъ тамъ быть по штату монастыря. Монастырь отвѣчалъ, что хотя по штату, учиненному Св. Синодомъ, и къ аппробаціи въ бывшій кабинетъ взнесенному, и слѣдуетъ въ немъ быть проповѣднику, но за неконфирмованіемъ и неприсылкою онаго штата—штатнаго проповѣдника въ монастырѣ не имѣется; что проповѣди, тѣмъ не менѣе, въ монастырѣ сказываются во всѣ воскресные, праздничные и викторіальные дни «самоохотно» того жъ монастыря ректоромъ и префектомъ, безъ награжденія изъ монастырской казны, которая расходуется на содержаніе какъ монастыря, такъ и семинаристовъ, а равно разныхъ лицъ изъ разныхъ націй, въ монастырь присылаемыхъ для наставленія христіанскому закону. И если не будетъ отъ Св. Синода особаго жалованья на содержаніе особаго штатнаго проповѣдника при монастырѣ, то содержать таковаго на свой счетъ мона-

(1) Арх. Св. Синода, дѣло № 320, 1724 г.

стырю не чѣмъ [1]. Наконецъ со времени учрежденія въ Петербургѣ шляхетнаго кадетскаго корпуса проповѣданіемъ въ высокоторжественные и праздничные дни въ каѳедральномъ соборѣ, по назначенію отъ Св. Синода, занимались также законоучители этого корпуса. Такъ изъ дѣлъ мы видимъ, что на новый 1745 годъ назначенъ былъ Св. Синодомъ говорить проповѣдь въ каѳедральномъ соборѣ законоучитель корпуса, іеромонахъ Гавріилъ Краснопольскій, который, впрочемъ, отъ этого назначенія отказался, понеже, какъ писалъ онъ въ Св. Синодъ, «въ слабосиліи очесномъ и въ болѣзни грудей» находился. Преосвященный Никодимъ, епископъ с.-петербургскій, назначилъ, въ замѣнъ его, отъ себя проповѣдникомъ на этотъ день іеромонаха Гавріила, ректора александро-невской семинаріи [2]. Вообще въ Петербургѣ, по видимому, ни одинъ высокоторжественный день, ни одинъ праздникъ не обходился безъ проповѣданія въ каѳедральномъ петропавловскомъ соборѣ.

Тотъ порядокъ вещей, въ отношеніи къ церковному проповѣдничеству, который въ Петербургѣ имѣлъ мѣсто едва не съ самаго дня основанія его, въ Москвѣ получилъ начало не раньше, какъ послѣ приведенныхъ нами въ началѣ статьи запросовъ и предписаній Верховнаго Тайнаго Совѣта. Прежде всего здѣсь проповѣдничество прочно утвердилось при славяно-греко-латинской академіи въ заиконоспасскомъ монастырѣ. Здѣсь были учреждены сначала одна, а потомъ и двѣ штатныхъ должности проповѣдника,

---

[1] Арх. Св. Син., дѣло № 299, 1746 года.

[2] См. въ дѣлахъ арх. Св. Син. за 1744 г.

и если въ какое воскресенье или праздникъ не сказывалась проповѣдь въ монастырской церкви, то это было рѣдкимъ исключеніемъ и случалось не иначе, какъ по какой-либо благословной винѣ. Въ должности проповѣдниковъ при академіи перебывали почти всѣ, сдѣлавшіеся впослѣдствіи извѣстными, лица изъ монашествующаго духовенства, переходившіе отсюда на должность придворныхъ проповѣдниковъ, а иногда и на архіерейскія каѳедры. Въ 1751 году указомъ Св. Синода велѣно быть проповѣдникомъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ присланному изъ Кіева митрополитомъ Тимоѳеемъ іеромонаху Бонифатію Борецкому. По штату въ это время въ монастырѣ полагалось быть двумъ проповѣдникамъ; но втораго въ монастырѣ не было, и Бонифатію не съ кѣмъ было чередоваться въ сказываніи проповѣдей въ монастырской церкви. Академическое начальство озаботилось пріисканіемъ ему сотрудника: нашли на эту должность прибывшаго изъ Тобольска іеромонаха Владиміра Зеленскаго, бывшаго сначала префектомъ переяславской семинаріи во время управленія переяславскою епархіею преосвященнымъ Никодимомъ, а потомъ состоявшаго при преосвященномъ Веніаминѣ (Краснопѣвковѣ) въ Нижнемъ-Новгородѣ, и наконецъ въ Тобольскѣ, откуда преосвященнымъ Сильвестромъ іеромонахъ Владиміръ былъ отпущенъ въ Москву «по своему обѣщанію». До тѣхъ поръ, пока не состоялось утвержденія его въ этой должности, проповѣди говорить велѣно было игумену серпуховскаго владычняго монастыря Іосифу Золотому. Указъ предписывалъ ему сказывать проповѣди чрезъ воскресенье не отмѣнно, подъ опасеніемъ штрафа; буде же

за болѣзнію или другою благословною виною сказывать проповѣдь нельзя будетъ, то чтобы за себя нанимывалъ. Іосифъ донесъ московской Св. Синода конторѣ, что онъ-де ѣхалъ въ Москву съ проповѣдью, но въ десяти верстахъ отъ города Серпухова, лошади, неизвѣстно чего испугавшись, понесли и вывалили его изъ саней, съ полверсты волокли его по дорогѣ,—отчего ему, игумену, учинилось не малое поврежденіе,—руку въ лѣвомъ плечѣ весьма повредило, и пока-де не придетъ въ здравое состояніе, ѣхать ему въ Москву никакъ невозможно (1).

Наконецъ по немногу, по мѣрѣ того, какъ воспитанники словено-греко-латинской академіи стали занимать священническія мѣста въ Москвѣ, въ первопрестольной столицѣ стали появляться проповѣдники и внѣ академіи, при приходскихъ церквахъ и наконецъ—позже всего—при успенскомъ каѳедральномъ соборѣ. 1-го сентября 1739 года канцелярія московскаго синодальнаго правленія вошла въ Св. Синодъ доношеніемъ, въ которомъ объясняла, что такъ какъ успенскій соборъ изъ всѣхъ россійской имперіи церквей есть первѣйшая и знатная церковь, въ которой какъ въ великопраздничные и воскресные, такъ и въ высокоторжественные дни знатныхъ лицъ и народнаго собранія бываетъ довольно, то весьма потребно, дабы въ ономъ соборѣ въ таковые дни были проповѣди слова Божія, и для того надлежало-бъ въ томъ соборѣ священнослужителямъ быть добрѣ въ школьныхъ наукахъ обученымъ и предики сказывати могущимъ, противу того, какъ въ С.-Петер-

(1) Архивъ Св. Синода, дѣло № 224, 1751 г.

бургѣ въ петропавловскомъ соборѣ учреждено. Такъ какъ наличный составъ духовенства успенскаго собора не только не соотвѣтствовалъ изложеннымъ требованіямъ, но многіе изъ нихъ «и состоянія нечестнаго суть», то московское синодальное правленіе предложило на благоусмотрѣніе Св. Синода, не сочтетъ ли оно полезнымъ обратиться въ Малую Россію, гдѣ протопоповъ, священниковъ и діаконовъ ученыхъ и достойныхъ довольно находится, и изъ нихъ опредѣлить къ успенскому собору въ высшихъ академическихъ наукахъ довольно обученыхъ и предики сказывати могущихъ, честныхъ и достойныхъ мужей. Въ отвѣтъ на это доношеніе, Св. Синодъ распорядился, чтобы, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія, предики въ успенскомъ соборѣ сказывали обрѣтающіеся въ Москвѣ архимандриты и игумены и архангельскаго собора священникъ Мартиніановъ, произведенные въ свои чины за то, что учились въ школахъ. На имѣющія упраздниться при соборѣ мѣста опредѣлять впредь только ученыхъ; недостойные изъ наличныхъ должны быть немедленно устранены и замѣнены достойными, которые учены, и въ нотномъ пѣніи искусны, и не весьма худогласны. Въ силу этого указа, канцелярія московской синодальной конторы немедленно отрѣшила отъ должности священника Петра Иванова, замѣченнаго въ весьма непорядочныхъ поступкахъ (29 мая сего (1739) года во время вечерняго пѣнія въ соборѣ пьяный произнесъ нѣкія продерзостныя слова, за которыя отосланъ былъ въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, и послѣ нещаднаго плетьми наказанія, отосланъ въ николаевскій, на Угрѣши, монастырь, и потомъ въ Саввинъ—сторожевскій, подъ

началъ на мѣсяцъ) и на его мѣсто, равно какъ на мѣсто умершаго священника Симеона Яковлева, определилъ бывшихъ учениковъ славяно-греко-латинской академіи, церкви преображенія, что за петровскими воротами, Стефана Александрова, да церкви Василія Кесарійскаго священника Константина Иванова,—понеже тѣ священники сказками показали, что они проповѣдь слова Божія сказывать могутъ. Чрезъ два года (9-го января 1741 года), въ силу того же указа, на мѣсто престарѣлаго и ослабѣвшаго священника Тихона Леонтьева, канцелярія опредѣлила священника домовой церкви князя Черкасскаго, Ивана Змилевскаго, который, какъ намъ уже извѣстно, также учился въ славяно-греко-латинской академіи и въ сказкѣ показанъ, что проповѣдь слова Божія сказывать можетъ. Наконецъ 3-го февраля того же года, послѣ того, какъ священникъ Иванъ Яковлевъ, опредѣленный къ успенскому собору изъ обучавшихся въ академіи, произносить проповѣди отказался, подъ тѣмъ предлогомъ, что за недалолѣтствомъ (ему было 43 года) памятію недоволенъ, — на его мѣсто былъ опредѣленъ діаконъ церкви Іоанна воинственника Николай Ефремовъ, обучавшійся также въ Академіи и изъявившій готовность сказывать предики неупустительно. Не оправдалъ надеждъ синодальной канцеляріи и другой, вновь опредѣленный къ успенскому собору священникъ-проповѣдникъ Константинъ Ивановъ, оказавшійся «въ проповѣди недостаточенъ и крайне малогласенъ». Канцелярія опредѣлила на его мѣсто изъ студентовъ «Бѣлгородской академіи» харьковской епархіи, впослѣдствіи сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Петербургѣ, священника Евстаѳія Могилянскаго, за котораго ру-

чался префектъ академіи, Кириллъ Флоринскій, что онъ состоянія добраго и проповѣди сказывать достаточенъ ([1]).

Вообще же болѣе замѣчательные успѣхи сдѣлала русская проповѣдь въ XVIII столѣтіи въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Вскорѣ послѣ вступленія ея на престолъ — въ началѣ 1742 года — высочайшимъ указомъ Святѣйшему Синоду повелѣно было, чтобы въ высочайшемъ присутствіи въ придворной и другихъ церквахъ, гдѣ случится быть Высочайшимъ особамъ, по вся воскресные и праздничные дни нарочитымъ духовнымъ персонамъ чинить проповѣданіе слова Божія. Вслѣдствіе этого указа у насъ возникъ особый классъ священнослужителей, дотолѣ несуществовавшій въ Россіи,—особая придворная должность—придворные проповѣдники. Въ должность эту были избираемы наиболѣе даровитыя и образованныя лица изъ рядоваго, бѣлаго и чернаго, духовенства: члены Святѣйшаго Синода и вообще архіереи, жившіе въ столицахъ, могли по своему усмотрѣнію, проповѣдывать, когда хотѣли,—но къ тому не обязывались. Число придворныхъ проповѣдниковъ, сдѣлавшихся извѣстными лично императрицѣ, было довольно значительно. Такъ изъ архивныхъ документовъ Святѣйшаго Синода мы видимъ, что во время высочайшаго присутствія въ Москвѣ въ 1742 году, тамъ проповѣдывали: нарочно для того вызванный изъ Кіева архимандритъ Сильвестръ Кулябка, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; архимандриты Иларіонъ Савинскій, Аѳанасій

([1]) Архивъ Св. Синода, дѣло № 464, 1739 года.

Антоновичъ, Германъ Барушевичъ, Платонъ Малиновскій, Іеронимъ Волчанскій, Антоній Нарожницкій,— лица, впослѣдствіи сдѣлавшіеся епископами разныхъ епархій; кромѣ того въ это же время въ высочайшемъ присутствіи въ Москвѣ проповѣдывали около двѣнадцати приходскихъ и полковыхъ священниковъ и протопоповъ, и даже одинъ діаконъ—Стефанъ Савицкій. Съ переѣздомъ двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ обнаружилась трудность въ пріисканіи способныхъ проповѣдниковъ на мѣстѣ. Когда Св. Синодъ представилъ объ этомъ императрицѣ, она указала вызвать въ Петербургъ учителя московской академіи Арсенія Могилянскаго, произведеннаго по этому случаю въ архимандрита Троицко-Сергіевой лавры и въ члены Св. Синода,—впослѣдствіи митрополита кіевскаго; брата его священника успенской церкви въ Москвѣ Евстаѳія Могилянскаго; іеромонаха Симона Тодорскаго, избраннаго въ законоучителя къ великому князю, наслѣднику престола; архимандрита Амвросія Зертисъ-Каменскаго, знаменитаго впослѣдствіи московскаго архіепископа. Изъ духовенства собственно петербургскаго проповѣдывали въ это время въ присутствіи императрицы: архимандритъ александроневскаго монастыря Гавріилъ Кременецкій; законоучитель шляхетнаго кадетскаго корпуса Гавріилъ Краснопольскій, священники и даже діаконъ петропавловскаго каѳедральнаго собора—Флеровъ.

Кромѣ этихъ лицъ по указаніямъ библіографіи изъ временъ императрицы Елизаветы извѣстны проповѣди слѣдующихъ лицъ: саввинскаго архимандрита Иларіона Григоровича, впослѣдствіи епископа крутицкаго и члена Св. Синода; іеромонаха Іоасафа Хотун-

цевскаго; архимандрита Аѳанасія Топольскаго, ректора харьковскаго коллегіума; Арсенія Мацѣевича, впослѣдствіи митрополита ростовскаго (¹); священниковъ: Іоанна Козловича, І. Комаровскаго, Михаила Красильникова; Гедеона Антонскаго и Іоанникія Скобовскаго, архимандрита Платона Петрункевича. Всего по библіографическимъ указаніямъ извѣстно до сорока лицъ, занимавшихся проповѣданіемъ слова Божія въ Петербургѣ и Москвѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны; число же проповѣдей, большею частію, по обычаю времени, весьма обширныхъ, съ 1741 по 1754 годъ доходитъ до ста двадцати. По высочайшему повелѣнію всѣ проповѣди, говоренныя въ высочайшемъ присутствіи, а также и изъ прочихъ болѣе замѣчательныя, печатались, большею частію немедленно по произнесеніи, отдѣльными брошюрами на казенный счетъ, при чемъ авторамъ, по опредѣленію Св. Синода, выдавалось по пятидесяти экземпляровъ (²).

Не всѣ изъ исчисленныхъ лицъ, имѣвшихъ высокую честь проповѣдывать въ присутствіи императрицы, оказывались достойными этой чести. Евстаѳій Могилянскій былъ даже удаленъ, по недовольству

(¹) Проповѣдническая дѣятельность Арсенія Мацѣевича относится главнымъ образомъ ко времени пребыванія его въ Ростовѣ въ санѣ митрополита. Въ библіотекѣ ярославской семинаріи хранится двѣнадцать, весьма объемистыхъ рукописныхъ томовъ in 4⁰ проповѣдей преосвященнаго Арсенія. Большею частію это, впрочемъ, черновыя наброски, содержащія не столько мысли самого проповѣдника, сколько—рядъ выписокъ изъ твореній отеческихъ, относящихся къ избранной проповѣдникомъ темѣ. По предмету—это большею частію объясненія воскресныхъ и праздничныхъ евангелій и апостоловъ, или же—катихизическія поученія, объясняющія символъ вѣры, заповѣди, и проч.

(²) Архивъ Св. Синода, дѣло за 1726 г. дек. 31.

высочайшаго двора, въ свою епархію, въ Полтаву; діаконъ Савицкій также былъ отставленъ отъ своей должности по личному словесному приказу императрицы [1]. Но изъ ряда этихъ же лицъ вышли и та-

[1] Арх. Св. Синода, дѣло № 509. 1747 г. Дѣло началось прошеніемъ Савицкаго объ увольненіи въ отпускъ на родину къ умирающей матери, письмо которой въ копіи приложено къ прошенію. Вмѣсто отвѣта на это прошеніе, адресованное чрезъ Св. Синодъ на высочайшее имя, духовникъ императрицы іерей Ѳеодоръ Дубянскій объявилъ въ Синодѣ, что Ея Императорское Величество изустнымъ указомъ повелѣть соизволила: діакона Савицкаго, уволеннаго отъ двора Ея Императорскаго Величества, опредѣлить куда пристойно, по усмотрѣнію Св. Синода. Въ дѣлѣ есть чье-то письмо на имя секретаря Св. Синода, Леванидова, о томъ, что Савицкій «докучаетъ въ конторѣ». Узнавъ о высочайшей резолюціи, Савицкій вошелъ въ Синодъ прошеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что такъ какъ онъ уволенъ отъ двора не по какимъ-либо преступленіямъ, а единственно по собственному его желанію и прошенію, то онъ, Савицкій, справедливую имѣетъ причину надѣяться, за вышеписанное, правильно и безпорочно, болѣе полшеста года, понесенное проповѣдническое при дворѣ служеніе, съ повышеніемъ чина и съ прибавленіемъ содержанія къ пристойнѣйшему мѣсту опредѣленія. Именно онъ проситъ предоставить ему мѣсто или директора московской синодальной типографіи, съ новоучиненнымъ окладомъ, или—въ коллегію экономіи, съ чиномъ и окладомъ по усмотрѣнію Св. Синода. Въ отвѣтъ на это ему предложено было діаконское мѣсто при успенскомъ соборѣ. Савицкій въ новомъ прошеніи докладывалъ, что «онъ, Савицкій, къ церкви себя привязать не можетъ, въ дьяконскомъ и прочемъ священническомъ или монашескомъ санѣ быть не желаетъ, понеже неженатымъ быть не можетъ, а желаетъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, а въ какомъ чину, въ томъ полагаетъ себя на волю Св. Синода. Св. Синодъ постановилъ «опредѣлить его въ донскомъ монастырѣ при славяно-греко-латинской академіи библіотекаріусомъ, а послушаніе ему отправлять—быть при переводѣ книгъ св. отецъ, съ жалованьемъ учительскимъ по 150 р. въ годъ. Ректоръ академіи, Порфирій Крайскій, предлагалъ помѣстить его при самой академіи; но Св. Синодъ строжайше предписалъ помѣстить его въ донскомъ монастырѣ, хотя бы для этого понадобилось вывести изъ него нѣсколько монаховъ въ приписные монастыри. Савицкій жаловался, что его край-

кія знаменитости, какъ *Кириллъ Флоринскій*, ректоръ московской академіи и архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры († 1742), *Амвросій Юшкевичъ*, умершій въ 1745 г. въ санѣ митрополита, *Дмитрій Сѣченовъ*, впослѣдствіи также митрополитъ, и *Гедеонъ Криновскій*, умершій въ санѣ епископа псковскаго,—личности, сообщившія русской проповѣди замѣчательный публицистическій характеръ и значительно—высокую степень ораторскаго совершенства, и вообще сдѣлавшіяся украшеніемъ своей эпохи. Дѣятельность ихъ и значеніе въ исторіи обслѣдованы и оцѣнены у насъ довольно обстоятельно (¹), и мы на этотъ разъ не намѣрены на ней останавливаться: мы хотимъ здѣсь познакомить читателей съ дѣятельностію и судьбою проповѣдниковъ малоизвѣстныхъ или и вовсе неизвѣстныхъ, но тѣмъ не менѣе замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи. Такими намъ представляются

не стѣсняетъ жизнь монастырская, каковую онъ не обязалъ вести, не будучи монахомъ; но Св.Синодъ не уважилъ его просьбы. Тогда онъ объявилъ, что за болѣзнію не можетъ исправлять должности библіотекаря и хочетъ принять монашество, по обѣщанію, въ кіево-печерскомъ монастырѣ. Отпущенный въ Кіевъ, онъ сказалъ тамъ, по желанію преосв. Тимоѳея, нѣсколько предикъ, за тѣмъ уѣхалъ въ деревню къ своей матери, откуда прислалъ преосв. Тимоѳею доношеніе, что монашество принять не желаетъ, да и діаконскій санъ снять съ себя желаетъ, понеже никогда не чувствовалъ призванья къ духовному званію и посвященъ въ діаконы преосв. Амвросіемъ Юшкевичемъ почти насильно, еще въ отрочествѣ, что правила церковныя воспрещаютъ, дозволяющія, для пользы церкви, въ такихъ случаяхъ снимать санъ. Чѣмъ окончилось дѣло—неизвѣстно.

(¹) См. статью Н. А. Попова въ «Лѣтописяхъ русской литературы» Тихонравова: «Придворные проповѣдники въ царствованіе Елизаветы Петровны», также статью священника М. И. Соколова о томъ же предметѣ въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1872 годъ, къ сожалѣнію не оконченную авторомъ.

напримѣръ архимандритъ Владимiръ Каллиграфъ и игуменъ Патрикiй, разсказъ о которыхъ за симъ слѣдуетъ.

I. *Архимандритъ Владимiръ Каллиграфъ* (¹).

Въ 1754 году, сентября 29, въ московской славяно-греко-латинской академiи сдѣлались вакантными должность префекта и преподавателя богословiя и должность проповѣдника. По обычаю, усвоенному академiею съ самаго ея основанiя, начальство ея обратилось за кандидатами для замѣщенiя вакантныхъ должностей въ Кiевъ, прося преосвященнаго Тимоѳея, тогдашняго митрополита кiевскаго, выслать въ Москву на должность префекта и профессора богословiя—архидiакона Манассiю, посвятивъ его во iеромонаха, а на должность проповѣдническую—кого либо иного, «и на высшее послушанiе впредь способнаго», по усмотрѣнiю преосвященнаго Тимоѳея. Доношенiемъ отъ 31 января слѣдующаго года преосвященный кiевскiй отвѣчалъ, что на должность проповѣдника въ московской академiи онъ назначилъ iеромонаха Иринея Братановича, а на должность префекта и профессора богословiя учителя риторики въ кiевской академiи, iеромонаха Владимiра Каллиграфа.

Прибывши въ Москву, кiевляне были удержаны отъ вступленiя въ свои должности, такъ какъ еще не получена была о нихъ резолюцiя Св. Синода. Iеромонахъ Владимiръ жилъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ «праздно», залечивая больную ногу, которую сломалъ въ дорогѣ. Не раньше августа 1756 года

(¹) Архивъ Св. Синода, дѣло № 348, 1757 года.

состоялось опредѣленіе Св. Синода, которымъ, за увольненіемъ ректора, архимандрита Іоасафа, и за перемѣщеніемъ на его должность учителя философіи и префекта іеромонаха Геннадія, іеромонахъ Владиміръ утвержденъ въ званіи префекта и учителя философіи. 30 апрѣля 1757 года, за происшедшими въ академическомъ служебномъ персоналѣ новыми перемѣщеніями, іеромонаху Владиміру поручено было преподаваніе богословія. Но едва успѣлъ онъ вступить въ новую должность, какъ обрушилась надъ нимъ бѣда, которая имѣла рѣшительное вліяніе на его судьбу и безвременно свела его въ могилу.

Независимо отъ проповѣдыванія въ церкви заиконоспасскаго монастыря каждый воскресный и праздничный день, каковая обязанность лежала на штатномъ проповѣдникѣ академіи, всѣ члены академической корпораціи, имѣвшіе духовный санъ, обязаны были отъ времени до времени сказывать проповѣди въ приходскихъ церквахъ Москвы. Новому префекту академіи поручено было произнесть слово 21 мая, въ день срѣтенія чудотворной иконы Божіей матери Владимірскія, въ церкви, посвященной этому празднику. Въ блестящемъ, по тому времени, смѣломъ и энергическомъ словѣ проповѣдникъ коснулся самаго больнаго мѣста тогдашней русской жизни, религіозныхъ суевѣрій русскаго общества, нарисовалъ ѣдкую картину пороковъ русскаго общества и между прочимъ выражался такимъ образомъ: «пускай, кому угодно, различныя суевѣрія вымышляетъ, пускай на однихъ святыхъ, на иконы ихъ или и на Богоматерь всю надежду свою полагаетъ; однако твердо такому скажу, что ежели въ немъ не будетъ мудрствоваться

тоже, что во Христѣ Іисусѣ, его вѣчная мука ожидаетъ». «Украсъ, какъ хочешь, икону Богоматерню, кричи, сколько у тебя мочи: радуйся благодатная Марія, Господь съ тобою, а самъ о той Божіей благодати не старайся; промели на всякъ день по десять или по двадцать кратъ акаѳистъ Богородицѣ, а самъ Сына Ея возлюбленнаго грѣхами второе распинай,—никакой не получишь пользы». Такое смѣлое, оригинальное слово оказалось явленіемъ необычайнымъ въ Москвѣ и привело всѣхъ «въ крайнее сумнительство». Проповѣдь стала ходить по рукамъ, и списки ея распространились далеко за предѣлы Москвы,—достигли до Ярославля и Ростова... Все это побудило московскую Святѣйшаго Синода контору имѣть о кіевскомъ выходцѣ экстренное «сужденіе», при чемъ мнѣнія членовъ конторы раздѣлились. Разсмотрѣвъ означенную проповѣдь, синодальные члены—преосвященный Амвросій, епископъ переяславскій и архимандритъ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря, и архимандритъ новоспасскій, Мисаилъ, пришли къ заключенію, что іеромонаху Каллиграфу преподавать богословское ученіе не слѣдуетъ дозволять, понеже та проповѣдь паче чаянія всей православной церкви ученію противная, ибо какъ волкъ подъ овчею кожею, такъ онъ, Каллиграфъ, подъ нарочно-умышленными претекстами весь ядъ иконоборческій во многихъ тоя проповѣди мѣстахъ скрывая, объявилъ, отчего какъ тогда слышавшіи, такъ и нынѣ о томъ же разглагольствующіи и разсуждающіи изъ знатныхъ лицъ и изъ общенародія многіе въ крайнемъ негодованіи и соблазнѣ находятся, и для такой оказавшейся чрезвычайности, по мнѣнію ихъ, ко обученію богословію допускать его,

Каллиграфа, не слѣдуетъ, а надлежитъ его исправить, какъ правила святыхъ отецъ повелѣваютъ и обычай церковный. Синодальный членъ Иларіонъ, епископъ крутицкій, да засѣдающій въ конторѣ Гавріилъ, архимандритъ симоновскій, находили, напротивъ, что въ той проповѣди формально и явственно, если брать во вниманіе не отрывочныя мѣста изъ нея, а вмѣстѣ начало, средину и конецъ, не усматривается никакой противности православной вѣрѣ, точію простому народу за необъясненіемъ или невыполненіемъ въ оной проповѣди принадлежащихъ терминовъ, нѣкоторый соблазнъ могъ нанестись. Призванный въ присутствіе конторы Святѣйшаго Синода, іеромонахъ Каллиграфъ объяснилъ, что та его неисправность отъ его недоразумѣнія учинилась, безъ умыслу, въ каковой своей погрѣшности онъ, Каллиграфъ, въ конторѣ Святѣйшаго Синода предъ собраніемъ просилъ прощенія, объявляя, что какъ напредь сего не имѣлъ, такъ и нынѣ не имѣетъ никакой православной церкви противности, и съ клятвою обѣщался впредь во всѣхъ положенныхъ на него должностяхъ поступать съ крайнимъ осмотрѣніемъ и опасностію. По мнѣнію преосвященнаго Иларіона и архимандрита Гавріила, іеромонаху Каллиграфу, чтобы не привесть его въ крайнюю конфузію, означенную его погрѣшность слѣдуетъ простить, и преподавать ему богословіе позволить, обязавъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ подпискою, чтобы богословіе преподавалъ и случайныя проповѣди говорилъ во всемъ православной церкви согласно и несоблазненно, и надъ нимъ бы во всемъ томъ имѣлъ присмотръ оной академіи ректоръ.—Оба мнѣнія членовъ московской Святѣйшаго Синода конторы, вмѣ-

стѣ съ копіею злополучной проповѣди, были препровождены въ Святѣйшій Синодъ, который, по разсмотрѣніи всего дѣла, положилъ на немъ такую резолюцію: «хотя бы съ онымъ іеромонахомъ Каллиграфомъ и слѣдовало поступить такъ, какъ преосвященный переяславскій съ новоспасскимъ архимандритомъ разсуждаютъ, но понеже онъ, Каллиграфъ, предъ собраніемъ Святѣйшаго Синода конторы объявилъ, что въ той проповѣди неисправность учинилась по его неразумію, безъ умысла, въ чемъ онъ и просилъ прощенія, объявляя, что какъ напредь сего, такъ и нынѣ никакой противности святой церкви не имѣетъ, обѣщаясь при томъ съ клятвою впредь во всѣхъ положенныхъ на него должностяхъ поступать съ крайнимъ осмотрѣніемъ; того ради, согласно съ мнѣніемъ преосвященнаго Иларіона и архимандрита симоновскаго, Святѣйшій Синодъ приказали оному іеромонаху Владиміру простить, и префектомъ и учителемъ богословія оставить, обязавъ его съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ подпискою, чтобы впредь какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ урокахъ богословія страннаго и святой церкви противнаго ученія отнюдь не было бы; а если паче чаянія, хотя мало въ чемъ неосмотрительное и соблазнительное и церкви противное за нимъ усмотрѣно будетъ, то уже безъ всякаго снисхожденія по правиламъ святыхъ отецъ жесточайше сужденъ и истязанъ будетъ непремѣнно». А чтобы изгладить то неблагопріятное впечатлѣніе, какое произвела его проповѣдь въ народѣ, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ, чтобы въ одинъ изъ ближайшихъ богородичныхъ праздниковъ, когда многонародное собраніе въ той владимірской церкви бываетъ, онъ сказалъ проповѣдь о

необходимости для насъ грѣшныхъ призывать на помощь святыхъ, а наипаче пресвятую Богородицу, а равно и о почитаніи иконъ,—которую проповѣдь потомъ препроводить въ Святѣйшій Синодъ на аппробацію.

Указъ Святѣйшаго Синода съ изложенною резолюціею состоялся 30-го сентября, а 21-го ноября того же года, въ день введенія во храмъ пресвятыя Богородицы, іеромонахъ Владиміръ уже произнесъ требуемую проповѣдь на текстъ: *се отнынѣ ублажатъ Мя вси роди*. Бывъ препровождена въ Святѣйшій Синодъ, проповѣдь эта вполнѣ удовлетворила его членовъ. Но за всѣмъ тѣмъ, дѣло о первой его проповѣди не прекратилось. Видно, соблазнъ, произведенный ею въ Москвѣ, не прошелъ: въ слѣдующемъ 1758 году, 29-го апрѣля, Святѣйшій Синодъ, разсуждая о замѣщеніи праздныхъ настоятельскихъ вакансій въ разныхъ монастыряхъ, вспомнилъ о Владимірѣ Каллиграфѣ и рѣшился «по причинѣ происходящаго о немъ отъ сказанной имъ проповѣди въ прошломъ году соблазна отъ Москвы въ другое мѣсто отдалить».

Ректоръ академіи Геннадій назначенъ настоятелемъ въ Іосифовъ волоколамскій монастырь, а на его мѣсто опредѣленъ іеромонахъ троицкой лавры Гедеонъ Слонимскій, «яко по довольно употребленномъ имъ при библейномъ исправленіи и нынѣ въ троицкой семинаріи продолжаемомъ довольномъ трудѣ къ ректорской должности и преподаванію богословія достаточный», а Владиміру выпалъ въ удѣлъ отдаленный и ничтожный монастырь въ Устюгѣ, гдѣ преосвященнымъ Варлаамомъ онъ и былъ произведенъ въ архимандрита. Но на этотъ разъ не суждено было зате-

ряться даровитому проповѣднику. Въ царствованіе Елизаветы Петровны высоко цѣнились «ученыя духовныя персоны», особенно проповѣдники, и видно въ 1758 году не особенно много было такихъ персонъ въ Петербургѣ: Святѣйшій Синодъ вспомнилъ о Каллиграфѣ и двумя указами—отъ 5-го октября и 3-го декабря—настоятельно требовалъ отъ преосвященнаго Варлаама присылки его въ столицу, «для исправленія въ С.-Петербургѣ годовой чреды священнослуженія и проповѣданія слова Божія». Въ Петербургѣ архимандритъ Владиміръ пробылъ всего полгода (прибылъ 5-го января); 26-го іюля Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ его, «яко учительнаго и ректорское послушаніе понести могущаго», перемѣстить въ ростовскую епархію, гдѣ была семинарія, остававшаяся къ этому времени безъ ректора.

Здѣсь выступаетъ на сцену историческая личность преосвященнаго Арсенія Маціевича, тогдашняго митрополита въ Ростовѣ. Назначеніе Владиміра въ семинарію его епархіи состоялось безъ его вѣдома. И вотъ, едва прибылъ Каллиграфъ въ Ростовъ, въ качествѣ настоятеля спасо—ярославскаго монастыря, какъ нашелся вынужденнымъ обратиться въ Святѣйшій Синодъ съ такимъ «доношеніемъ». «Прошедшаго 1759 года іюля послѣднихъ чиселъ, Вашего Святѣйшества указомъ опредѣленъ я, нижайшій, ростовской епархіи въ спасо-ярославскій монастырь архимандритомъ. По которому указу когда я прибылъ въ Ростовъ къ преосвященному Арсенію, то его преосвященство, по причинѣ Вашему Святѣйшеству извѣстной говоренной въ церкви Владимірскія Божіей матери (яко бы еретической) моей проповѣди, опасаясь, какъ

его преосвященство сказывалъ, дабы я въ его преосвященства паствѣ невѣдомо какихъ ересей невсѣялъ, и требуя, чтобы я отъ показанной проповѣди публично отрицался, и оную за еретическую призналъ, сначала не хотѣлъ въ свою епархію допустить; однакожъ потомъ разсуждая, что помянутому Вашего Святѣйшества указу противиться нельзя, принужденъ былъ меня въ спасо-ярославскій монастырь отправить по надлежащему, — въ которомъ монастырѣ я до сихъ поръ живучи думалъ, что его преосвященство прежнее свое требованіе совсѣмъ оставилъ. А сего мая 22-го числа, не вѣдаю по какой причинѣ, еще крѣпчайше прежняго принуждалъ меня къ признанію той проповѣди за еретическую, и хотя я съ почтеніемъ его преосвященству представлялъ, что понеже дѣло объ оной проповѣди въ Святѣйшемъ Синодѣ рѣшено, и отъ меня никакого отрицанія не требовано, то и теперь я того учинить не долженъ; однако его преосвященство, не взирая на то, чрезъ архидіакона своего Игнатія объявить мнѣ приказалъ, что его преосвященство изъ епархіи своей меня увольняетъ; только я безъ указу Вашего Святѣйшества того сдѣлать не смѣю, а и жить мнѣ въ здѣшнемъ монастырѣ, по причинѣ неблаговоленія его преосвященства (ибо его преосвященства архидіаконъ объявилъ мнѣ, что его преосвященство не велѣлъ мнѣ съ собою служить и не велѣлъ къ себѣ ѣздить) кажется не безопасно. Того ради Ваше Святѣйшество всенижайше прошу меня или съ милостивымъ респектомъ отъ ростовской епархіи уволить, или указнымъ Вашего Святѣйшества повелѣніемъ въ томъ же монастырѣ утвердить и милостиво защитить».

Одновременно съ этимъ доношеніемъ въ Святѣйшій Синодъ поступилъ и репортъ преосвященнаго Арсенія, въ которомъ онъ излагаетъ обстоятельства дѣла съ своей точки зрѣнія, и, главное, предлагаетъ подробную рецензію злополучной проповѣди, въ которой, по его мнѣнію, проповѣдуется жидовство и кальвинство.

Считаемъ не лишнимъ привести, хотя не въ полномъ составѣ, и этотъ весьма характеристичный документъ. «Прошедшаго сентября 25-го дня 1759 года, пишетъ преосвященный Арсеній, явился ко мнѣ опредѣленный отъ Вашего Святѣйшества въ спасо-ярославскій монастырь архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ. Я спросилъ его о говоренной имъ въ Москвѣ соблазнительной проповѣди, которая у насъ по рукамъ ходитъ и у меня копія имѣется. Архимандритъ Владиміръ не восхотѣлъ признать въ ней никакой погрѣшности, выправляя себя тѣмъ, будто Ваше Святѣйшество ту проповѣдь аппробовали. Я ему на то отвѣтствовалъ: ежели бы аппробовали, то для чего тебѣ другое поученіе велѣно въ опровержепіе прежняго говорить? Онъ на сіе сказалъ: это-де для простыхъ. И я ему больше не прекословилъ, а по указу Вашего Святѣйшества отправилъ въ спасо-ярославскій монастырь. Будучи въ монастырѣ, оный архимандритъ занемогъ и отпросился для излеченія въ Москву, въ которую его отлучность получилъ я съ указу, присланнаго о немъ въ синодальную контору копію, изъ которой видно, что не токмо аппробаціи Вашего Святѣйшества не имѣется, но еще и обязанъ онъ за ту соблазнительную проповѣдь крѣпкою подпискою, что ежели впредь, паче чаянія, хотя мало въ

чемъ соблазнительное за нимъ усмотрѣно будетъ, то безъ всякаго снисхожденія по правиламъ святыхъ отецъ жесточайше истязанъ будетъ. А сего мая 20-го онъ, Каллиграфъ, изъ Москвы въ Ярославль возвратился, и меня тутъ улучилъ; *мнѣ же невозможно было и нестерпимо на совѣсти* о той его проповѣди паки ему не воспомянуть, и когда я ему возобличеніе сказалъ, что аппробаціи Вашего Святѣйшества о его прежней проповѣди отнюдь не имѣется, и многое въ той его проповѣди писанію и ученію церкви противное и самое жидовство заключается, то онъ и тутъ сталъ въ крайнемъ упрямствѣ, и погрѣшность свою признавать крайне отказался. Того ради я его съ такою резолюціею отпустилъ: когда ты, говорю, своей погрѣшности не признаешь, то я тебя не признаю за христіанина. И далъ ему на волю: или въ моей епархіи жить, или вспять возвратиться. Однако онъ, архимандритъ, архидіакону моему объявилъ, что какъ онъ по указу сюда присланъ, такъ безъ указу не будетъ возвращаться. И я паки ему объявилъ, что по силѣ указа пусть онъ архимандритомъ настоящимъ въ монастырѣ, до крайняго рѣшенія Вашего Святѣйшества будетъ, токмо со мною пусть не служитъ и ко мнѣ впредь не является». За тѣмъ преосвященный излагаетъ свои замѣчанія на нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій проповѣди (о которыхъ мы скажемъ ниже), и заключаетъ свое доношеніе такимъ образомъ: «показаннаго въ указѣ Вашего Святѣйшества своего обязательства онъ, архимандритъ, отнюдь не хранитъ, понеже не токмо предо мною, но и предъ прочими, какъ-то предъ учительми семинаріи моей, овую свою соблазнительную проповѣдь всегда за не-

порочную признаетъ... Хотя онъ и сочинилъ другое, въ опровержение прежняго, поучение, однако по большей части притворно сие дѣлалъ; слѣдовательно такова его совѣсть является, какова была у нѣкоего изъ дворянъ, Возницына, котораго во время государыни императрицы Анны Іоанновны смертію казнили за то, что поѣхавши за рубежъ, въ Слуцкѣ обрѣзался и жидомъ сталъ, и жидомъ паки въ домъ возвратился, и субботствовалъ и прочіи ихъ празднованія и моленія отправлялъ, и тайнамъ святымъ наругался, о чемъ жена его самой Государынѣ доносила, и когда на истязаніе былъ взятъ, и на очной ставкѣ съ жидомъ обличенъ, что подлинно обрѣзанъ, такожъ и лѣкари и перекрестъ нѣкакой объ обрѣзаніи его подлинно утверждали,—однакожъ отъ всего того отпирался, и когда въ покаянную былъ посаженъ, и я, сколько могъ, увѣщевалъ его исповѣдать грѣхъ свой и повиниться, то онъ того ниже слышать хотѣлъ, но все утверждалъ, что не былъ жидомъ и не обрѣзывался,— я-де и нынѣ христіанинъ, хочу исповѣдываться и пріобщаться. И ведомый на смерть, не покаялся, и въ своемъ упрямствѣ чуждъ христіанства остался и погибъ... По моему усмотрѣнію оный архимандритъ совѣстію своею и состояніемъ совсѣмъ почти сходенъ съ онымъ Возницынымъ: понеже говоритъ, что точно признаетъ, яко надлежитъ иконы почитать и святыхъ призывать, какъ его второе поученіе гласитъ; а перваго своего поученія, не токмо клевещущаго на призываніе святыхъ, но и жидовство коварнымъ образомъ вводящаго, онъ не порочитъ и не отвергаетъ, но паче выправляетъ и защищаетъ... Прошу убо покорно Вашего Святѣйшества отъ таковаго волка и

врага Божія какъ меня, такъ и епархію мою свободить».

Не дождаясь, впрочемъ, резолюціи Св. Синода, которой испрашивалъ, преосвященный нашелъ возможнымъ распорядиться по настоящему дѣлу «собственною властію архіерейскою, отъ Бога и отъ Ея Императорскаго Величества ему данною». «Принужденъ я нынѣ, пишетъ снова въ Синодъ архимандритъ Владиміръ, трудить Ваше Святѣйшество новымъ доношеніемъ. Сего іюня 18 го, послѣ вечерни, присланъ отъ его преосвященства секретарь Иванъ Волковъ, съ указомъ въ спасо-ярославскій монастырь, келарю іеромонаху Іосифу Манзѣ, да казначею іеромонаху Пимену съ братіей, съ котораго по объявленіи онаго безъ меня всей братіи и служителемъ копію мнѣ дали, каковую при семъ всепочтеннѣйше Вашему Святѣйшеству предлагаю. Ваше Святѣйшество изволите въ оной копіи милостиво усмотрѣть, какія нападки я терпѣть и въ какихъ опасныхъ обстоятельствахъ находиться принужденъ, и что какъ прежде въ моемъ доношеніи не безосновательно я объ опасности моей представлялъ, такъ и теперь явно видно, что мнѣ здѣсь жить никакъ нельзя. Того ради повторительно Ваше Святѣйшество всенижайше прошу, или меня отъ здѣшней епархіи милостиво уволить, или утвердить и защитить». Въ указѣ ростовской консисторіи, приложенномъ въ копіи при доношеніи архимандрита Владиміра, содержится слѣдующая резолюція преосв. Арсенія: «наше архіерейство, имѣя разсужденіе о семъ, что отъ насъ архимандриту Владиміру, по усмотрѣнію въ немъ церкви святой противности, служить съ нами запрещено, и являться къ намъ не ве-

лѣно, о которой противности его мы писали и въ Св. Синодъ; въ указѣ же Св. Синода въ контору синодальную точное объ ономъ архимандритѣ опредѣленіе имѣется таково, что ежели впредь хотя мало въ чемъ неосмотрительное и соблазнительное и церкви святой противное за нимъ Каллиграфомъ усмотрѣно будетъ, то безъ всякаго снисхожденія по правиламъ св. отецъ жесточайше сужденъ и истязанъ будетъ непремѣнно,— котораго Св. Синода опредѣленіе донележе пріидетъ въ силу, наша совѣсть архіерейская не терпитъ его содержать настоятелемъ монастыря спасо ярославскаго. Того ради властію нашею архіерейскою, отъ Бога и отъ Ея Императорскаго Величества намъ данною, отрѣшаемъ онаго архимандрита отъ власти и настоятельства въ ономъ монастырѣ и вручаемъ всю власть монастырскаго правленія тамошнему келарю и казначею, которымъ какъ вся братія, такъ и служители и крестьяне монастырскіе должны повиноваться; а оному архимандриту знать келію да церковь, и ни въ какое дѣло монастырское не мѣшаться, но ожидать рѣшенія отъ Св. Синода, и въ церкви на мѣстѣ не стоять, ниже служить, ниже на молебны и панихиды облачаться. Повелѣваемъ же келарю и казначею давать оному архимандриту надлежащее пропитаніе...»

Пославши этотъ указъ въ спасо-ярославскій монастырь, преосвященный, однако, нашелъ необходимымъ донести о своемъ распоряженіи и Св. Синоду. «Минувшаго 24-го мая, писалъ онъ, Святѣйшему Синоду представлено отъ меня о оказавшейся по усмотрѣнію моему въ архимандритѣ Владимірѣ церкви святой противности, а наипаче о жидовствѣ его обстоятельно доношеніемъ съ требованіемъ резолюціи,

которой и ожидаю. А понеже въ указѣ Вашего Святѣйшества въ контору синодальную точное о немъ опредѣленіе прописано таковое, что ежели впредь хотя мало въ чемъ соблазнительное и церкви святопротивное за нимъ, Каллиграфомъ, усмотрѣно будетъ, то безъ всякаго снисхожденія по правиламъ св. отецъ жесточайше сужденъ и истязанъ быть имѣетъ непремѣнно. И донележе оное Вашего Святѣйшества опредѣленіе придетъ въ дѣло, совѣсть моя архіерейская за той самый пунктъ жидовства не стерпѣла его содержать настоятелемъ въ монастырѣ спасо-ярославскомъ. Того ради властію моею архіерейскою отъ Бога и отъ Ея Императорскаго Величества мнѣ данною въ здѣшнюю епархію, сего іюня 18 го отрѣшилъ я онаго архимандрита отъ власти и настоятѣльства...»

Святѣйшій Синодъ, въ составѣ членовъ: Димитрія, архіепископа новгородскаго, Сильвестра, архіепископа с.-петербургскаго, Веніамина, епископа псковскаго, Порфирія, епископа коломенскаго и Гедеона, Свято-Троицкія лавры архимандрита, разсмотрѣвъ совмѣстно доношенія какъ преосв. Арсенія, такъ и архимандрита Владиміра, прежде окончательнаго рѣшенія постановилъ 1) поручить преосвященному Дамаскину, епископу костромскому, архіерею ближайшей къ Ростову епархіи, архимандрита ростовскаго спасскаго, что на Пескахъ, монастыря, Илларіона, въ присутствіи котораго, какъ доносилъ преосв. Арсеній, происходило первое объясненіе архимандрита Владиміра съ преосвященнымъ Арсеніемъ, а также учителей ростовской семинаріи, предъ которыми, по тому же доношенію, архимандритъ Владиміръ настаивалъ на православіи своей проповѣди,—«самопер-

сонально допросить по самой сущей справедливости и по ихъ монашеской совѣсти: архимандритъ Каллиграфъ свою упомянутую проповѣдь правильною и непорочною предъ его преосвященствомъ признавалъ ли, и будто Святѣйшій Синодъ ту проповѣдь аппробовалъ, говорилъ-ли, и все то какимъ образомъ происходило и въ какое время? 2) Допросить и архимандрита Каллиграфа: помянутую свою проповѣдь, что она правильная и непорочная, утверждалъ-ли, и будто Святѣйшій Синодъ оную аппробовалъ, говорилъ-ли, и ежели все сіе происходило, то для каковыхъ резоновъ, а ежели онаго ничего не было, то чѣмъ онъ въ томъ себя очистить можетъ? 3) Хотя преосвященный Арсеній проповѣдь архимандрита Каллиграфа еретичествомъ и жидовствомъ смердящею почитаетъ, а его, Каллиграфа, волкомъ и врагомъ Божіимъ поставляетъ: однако по прописанному въ его преосвященства доношеніи на его, Каллиграфа, проповѣдь, возраженію и по приводимымъ имъ резонамъ, также и по самой той проповѣди (кромѣ только нѣкотораго, заключающагося въ ней соблазна) такъ его архимандрита почитать, какъ его преосвященство поставляетъ, никакого законоправильнаго винословія Святѣйшій Синодъ нынѣ не усматриваетъ; того ради его преосвященству, ежели что сверхъ вышепреставленнаго въ томъ доношеніи возраженія точное къ еретичеству и жидовству заключающееся въ немъ, Каллиграфѣ, его преосвященство усматриваетъ, о томъ бы представилъ Святѣйшему Синоду, съ таковымъ подробнымъ обстоятельствомъ, чтобъ ни въ чемъ сомнѣнія и затрудненія быть не могло; 4) доколѣ-же всѣ означенныя извѣстія Святѣйшему Синоду присланы будутъ, и по

нимъ надлежащее разсмотрѣніе послѣдуетъ, оному Каллиграфу быть въ спасо-ярославскомъ монастырѣ во всемъ какъ настоятелю неотмѣнно; точію до времени отъ священнослуженія ему удержаться».

При такомъ правдивомъ и безпристрастномъ отношеніи со стороны Святѣйшаго Синода къ дѣлу архимандрита Владиміра, можно было надѣяться, что послѣднее возъимѣетъ благопріятное для злополучнаго проповѣдника рѣшеніе. Но, совершенно неожиданно, развязка дѣла послѣдовала раньше, чѣмъ окончено было слѣдствіе. Страдая съ давнихъ поръ водянкою, архимандритъ Владиміръ отправился для излеченія болѣзни въ троицкую сергіеву лавру, гдѣ имѣлся хорошо устроенный лазаретъ и особый штатный лаврскій врачъ. Здѣсь онъ, 9 августа 1760 года, въ десятомъ часу утра скоропостижно скончался отъ апоплексическаго удара. Донося о его смерти въ ростовскую консисторію, лаврское начальство спрашивало: какъ поступить съ оставшимся послѣ покойнаго имуществомъ, состоявшимъ: изъ двухъ черныхъ рясъ, подбитыхъ голубою тафтою, кафтана бѣлаго, подбитаго синею крашениною, кафтана голубаго, подбитаго черною крашениною, шубы лисьей, полушубка, фуфайки и пояса, клобука, посоха съ костяными зелеными яблоками, мѣднаго таза и двухъ погребцовъ съ пустыми штофами,—главнымъ же образомъ изъ библіотеки въ 80 слишкомъ названій (свыше 100 томовъ) избранныхъ сочиненій по богословію, философіи и словесности, на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и славянскомъ языкахъ. Составъ этой библіотеки любопытенъ для насъ въ томъ отношеніи, что до нѣкоторой степени объясняетъ происхожденіе того

белирализма, въ которомъ заподозривали проповѣдника, того «жидовства и кальвинства», которое усматривалъ въ словѣ на день Владимірской Божіей матери преосвященный Арсеній. Между сочиненіями, составлявшими эту библіотеку, значатся ученыя изданія библіи, католическія и протестантскія, сочиненія *Erasmi Rotterd.* (Epistolae et caet.), *Buddaei* (Theologia moralis, isag. histl theologia et caet.), *Dieterici* (Analysis evangeliorum dominicalium, institutiones cathecheticae), *Reinchlini* (Bibia hebraica.), Adami *Scherzeri* (Colloquium antisocinianum, systema theologica), *Salomonis Glossii* (Philologia sacra), *Baumeysteri* (Institutiones metaphisicae et caet.), *Aegidii* (Thesaurus evangelicus, thesaurus apostolicus), *Valteri* (Harmonia biblica), *Gernardi* (Theologia), *Lactantii* (Opera òmnia), *Epicteti* (Enchiridion graico-latinum), *Cantis* (Philosophia fundamentalis), *P. Cunaci* (Orationes), *J. Baptistae* (Opera philosophica), *Stoccii* (Clavis linguae sacrae), *Buchneri* (Epistolae), *Horatii* (Poëmata) и пр. и пр. По составу библіотеки и по содержанію проповѣди архимандрита Владиміра, мы можемъ заключать, что это былъ одинъ изъ числа тѣхъ православныхъ, свободно-мыслящихъ богослововъ, рядъ которыхъ открываетъ собою Ѳеофанъ Прокоповичъ. Кромѣ имущества, найденнаго при покойномъ, вскрыты были принадлежавшіе ему сундуки, остававшіеся въ спасо-ярославскомъ монастырѣ, въ которыхъ оказалось всего имущества, по оцѣнкѣ, «на рубль съ небольшимъ». Святѣйшій Синодъ постановилъ: книги продать съ публичнаго торга и изъ вырученной суммы часть отдать въ троицко-сергіеву лавру за медикаменты, израсходованные на больнаго изъ лаврской аптеки, часть-же отдать келейнику по-

койнаго, Тимоѳею Иванову, который входилъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніемъ о вознагражденіи его за девятилѣтнюю службу при покойномъ архимандритѣ. Находившіеся же въ спасо-ярославскомъ монастырѣ пожитки одни отдать неимущей монастырской братіи, а ларчикъ и погребецъ причислить къ монастырской казнѣ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію двухъ «словъ» архимандрита Владиміра, представляющихъ характерные образчики русскихъ проповѣдей половины прошлаго столѣтія: обѣ онѣ заслуживаютъ того, чтобы познакомиться съ ними поближе. Мы не будемъ винить проповѣдника за смѣлый аподиктическій и ригористическій тонъ проповѣди, за полную, иногда излишнюю непринужденность выраженія, — все это общія типическія черты проповѣди того времени, которыми щеголяютъ лучшіе проповѣдники елизаветинскаго царствованія, каковы: Сѣченовъ, Флоринскій и Юшкевичъ,—и въ этомъ отношеніи о. Владиміръ слѣдовалъ лишь обычаю времени. Но затѣмъ—оригинальность и блескъ мыслей, ихъ философски стройное и послѣдовательное развитіе, сила аргументаціи, черты русскихъ нравовъ того времени, набросанныя яркими красками, или обличеніе общечеловѣческихъ современныхъ пороковъ (таково, напримѣръ, обличеніе натурализма, въ началѣ проповѣди, также нѣкоторыя другія мѣста, которыя ниже мы отмѣчаемъ курсивомъ)—это индивидуальныя свойства нашего проповѣдника, которыя далеко выдвигаютъ его изъ обыкновеннаго уровня. Проповѣдь такъ длинна что мы утомили бы вниманіе читателя, если бы стали приводить ее въ полномъ составѣ. Но

передавая ея содержаніе въ выдержкахъ, мы удержимъ общій ходъ мыслей проповѣдника и сохранимъ неприкосновенными болѣе характерныя мѣста самой проповѣди.

Слово въ день срѣтенія чудотворныя Богоматере иконы Владимірскія.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже во Христѣ Іисусѣ. Фил. II, 5.

«Такъ то Духъ Святый предвидѣвъ, что многіе по развращеннымъ страстямъ своимъ ходить, въ различныя заблужденія впадать, а тѣмъ самымъ вѣчнаго блаженства лишены и въ безконечныя мученія ввержены быть имѣютъ, — все сіе, сказую, Духъ Святый предвидѣвъ, черезъ апостола Павла вся неправедныя мнѣнія отвергая, самое сильнѣйшее къ полученію милосердія Божія средство всѣмъ намъ объявляетъ сими словами: сіе да мудрствуется въ васъ... Видѣлъ Духъ оный, который испытуетъ сердца и утробы, предъ которымъ и помышленія наша утаитися не могутъ, видѣлъ Онъ, что въ послѣдняя времена, многіе, скотомъ уподобившеся, или, паче и самыхъ скотовъ, знающихъ ясли господина своего, безумствомъ превозшедши, въ страшная оная и погибельная впадутъ мнѣнія: нѣтъ Бога,—зналъ Онъ, что другіе, будто мало поумнѣе тѣхъ, хотя природнымъ своимъ умомъ и познаютъ и увѣрятъ, что есть непремѣнно Богъ, однако на свой высокоумный или паче безумный разумъ полагаясь, все слово Божіе, все священное писаніе, чрезъ пророки и апостолы данное, волю Отца небеснаго и самонужнѣйшій путь ко спасенію показующее, за басни почитать, кни-

гамъ, въ которыхъ неоцѣненное оное сокровище содержится, то есть ветхому и новому завѣту нечестиво посмѣватися и оныя, какъ непотребныя, безбожно отвергать, а тѣмъ самымъ Христа Спасителя и Искупителя нашего отвергать не устыдятся и никакъ не устрашатся, и никакъ не вострепещутъ, — не утаилось предъ Нимъ, что иніи, разумѣюще Бога, не какъ Бога почтутъ, но осуетятся помышленіи своими и омрачится неразумное ихъ сердце, и измѣнятъ славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка, и птицъ, и четвероногъ, и гадъ, и почтутъ и послужатъ твари паче Творца,—извѣстно Ему было и тое, что другіе, Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную, хотя устами православно исповѣдывать и не отрекутся, однако различныя суевѣрія помышляя, а паипаче на святыхъ угодниковъ Божіихъ, на иконы ихъ, на Богоматерь всю надежду полагая, о живой и спасительной во Христа вѣрѣ, о добродѣтельномъ и богоугодномъ житіи и подумать не похотятъ,—вѣдалъ Духъ оный Святый, что вси таковіи различнымъ образомъ заблудятъ, да равно отъ пути спасительнаго удалятся; различными дорогами, да въ одну и туже вѣчную погибель устремятся. Какъ же бы Ему всѣхъ насъ отъ толикаго заблужденія избавить? Самое первѣйшее основаніе нашего спасенія показуетъ помянутыми словами: сіе да мудрствуется въ васъ. . Симъ, симъ путемъ токмо кто будетъ ходить. тотъ вѣчнаго мученія убѣжитъ, а кто другимъ станетъ бродить, тому нельзя гнѣва Божія свободну быть. Пускай, кто хочетъ, не боится Бога отрицатись, да надобно ему непремѣнно въ руки Бога

жива попастись. Пускай другой природнымъ своимъ умишкомъ хвастаетъ, будто ему во Христѣ никакой нужды нѣтъ; да пріидетъ неминуемо время, когда принужденъ онъ будетъ вѣчно горѣть. Пускай иной въ идолахъ и въ ложныхъ своихъ богахъ помощи ищетъ, да въ страшный оный послѣдній день никакой пользы не сыщетъ. Пускай, наконецъ, кому угодно, различныя суевѣрія вымышляетъ, пускай за однихъ токмо святыхъ, на иконы ихъ или и на Богоматерь всю надежду свою полагаетъ: однако твердо такому скажу, что ежели въ немъ не будетъ мудрствоватися то, что во Христѣ Іисусѣ, то его вѣчная мука ожидаетъ. Все то такъ неложно, какъ не сумнѣнно извѣстно, что Духъ Святый лгать неумѣетъ и не можетъ. А ежели кому о томъ больше доказательствъ слышать захочется: я такому по силѣ моей въ слѣдующей рѣчи послужить не отрекусь. Только бы онъ, во первыхъ, не для курьозы какой, но для неложнаго истины познанія, того требовалъ; другое: мнѣнія, которыми онъ отъ младыхъ лѣтъ напоенъ былъ, и которіи истину сію помрачали, отбросили бы. Третье: не съ небреженіемъ, но съ глубокимъ вниманіемъ, не одни только слова, не одни мины и удачи сказующаго проповѣдника, но силу доказательствъ разсуждалъ бы».

...«Не надобно намъ, слышатели, говорить, что безбожники, въ Бога вовсе невѣрующіи, что натуралисты, Христа отвергающіи, и идолопоклонники, многихъ боговъ почитающіи, спастись невозмогутъ. О томъ, надѣюсь, никто отъ насъ не сумнится, да я и думать не могу, чтобъ между нами Бога, въ Троицѣ святой славимаго, почитающими и православно исповѣдаю-

щими, и одинъ таковъ безбожникъ, или натуралистъ или идолопоклонникъ, сыскался. А понеже довольно знаю, или, паче, явно вижу, что *многіе, и далъ бы Богъ, чтобъ не всѣ отъ насъ, такое мнѣніе имѣютъ, что хотя обманывать, плутовать, воровать, не праведно судить, пьянствовать, въ блудодѣяніяхъ валяться, другъ друга ненавидѣть, осуждать, и прочія богопротивныя беззаконія обезбоязненно дѣлать не престаютъ: однако, ежели только, напримѣръ, церковь на имя Богоматери или иныхъ святыхъ соорУжатъ, ежели иконы ихъ серебромъ, златомъ и дорогими каменьями украсятъ, ежели ризы, стихари, чашу или что-нибудь другое въ церковь дадутъ, ежели акаѳистъ или молебенъ Богородицѣ или иному святому какъ нибудь отпоютъ, то твердо о себѣ думаютъ, что они на прямомъ пути спасительномъ находятся; и такое ихъ мнѣніе, какъ богопротивное, такъ и святымъ, а наипаче Богородицѣ Сына своего и Бога несказанно любящей весьма досадное*, а слѣдовательно и самымъ тѣмъ, которіи то мнѣніе имѣютъ, погибельное: затѣмъ, во славу Божію, въ честь Богоматере и всѣхъ святыхъ о томъ только говорить я запотребно разсудилъ, что ни иконы святыхъ, ни святіи, ни самая мати Божія намъ къ полученію спасенія не помогутъ ни мало, ежели въ насъ не будетъ тоже мудрствоватись, что во Христѣ Іисусѣ; что, ежели съ помощію Божіею, какъ несумнѣнно надѣюсь, докажу, то уже и безбожники, и натуралисты, и идолопоклонники, буде паче чаянія и тутъ между нами находятся, явно познаютъ, что имъ много паче милости Божіей получить никакъ не можно. А дабы намъ предложенія нашего истину совершеннѣе познать, надлежитъ прежде разсмотрѣть, что то

во Христѣ Іисусѣ мудрствовалось. Описуетъ намъ то живо апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ на нынѣшней обѣдни читанныхъ словахъ: иже во образѣ Божіи Сый... крестныя. Которую апостольскую рѣчь яснѣе такъ сказать можно: хотя Христосъ, поелику Богочеловѣкъ, силу, могущество, премудрость и всевѣдѣніе, равное съ Богомъ, имѣлъ, однако онъ тѣмъ равенствомъ не хвасталъ, какъ побѣдители похищенными отъ непріятелей вещами хвастать обыкли. Да что онъ дѣлалъ? Себе умалилъ, и такъ уничтожилъ, что и рабомъ, и бѣдному смертному человѣку во всемъ, кромѣ грѣха, подобнымъ быть не возгнушался. А наконецъ такъ себе смирилъ, такъ послушливъ Богу и Отцу былъ, что и смерть, да еще не простую, не обыкновенную, но горчайшую и самую безчестнѣйшую крестную смерть, за спасеніе рода человѣческаго претерпѣть не отказался. Се то во Христѣ Іисусѣ мудрствовалось...»

Въ этомъ мудрованіи Христовомъ проповѣдникъ находитъ три знатныя добродѣтели: 1) неописанную, несказанную и непостижимую Христову къ Богу Отцу и къ человѣку любовь; 2) оттуду происходящее глубочайшее смиреніе, 3) отъ сего рождающееся безроптательное послушаніе. «Три сіи добродѣтели, а наппаче любовь такъ велика, что отъ нея и прочіи добродѣтели неразрывнымъ союзомъ производятся. *Правда, отъ любви часто происходятъ беззаконія. Напримѣръ: любитъ ли кто пьяницу, смиряетъ себѣ ему и послушаніе въ равномъ ему пьянствѣ охотно исполняетъ. Любитъ-ли кто обманщика,—тотъ во угожденіе ему обманывать, плутовать и всякимъ образомъ человѣка провесть старается. Любитъ-ли деньги—куды какія тутъ*

старательства! Иной неправедно судитъ за деньги, другой противо своей чести, противо пристойности кланяется, ласкательствуетъ, похлѣбствуетъ тому, высокими похвалами, которыхъ онъ крайне недостоинъ, возноситъ того, у котораго надѣется безчестнымъ обманомъ копейку вытянуть. Любитъ ли кто блудницу, или политичнѣе сказать беззаконную полюбовницу: Боже мой! Какое тутъ смиреніе, какое глубокое подобострастіе и послушаніе! Любитъ ли кто, напослѣдокъ воровъ, грабителей немилосердныхъ и прочихъ беззаконниковъ: такожъ дерзновенно воруетъ, грабитъ, жестоко немилосердствуетъ, и прочія богоненавистныя беззаконія съ радостію исполняетъ. А отсюду можетъ кто сказать, что отъ любви добродѣтели не происходятъ. Только я не о такой любви говорю,— не о беззаконной любви здѣсь рѣчь. Не можетъ древо зло плоды творити добры. Отъ совы не родятся соколы. На вербѣ не растутъ груши. Но о такой любви (говорю), которая отъ несумнѣнныя вѣры въ Бога происходитъ и въ сердцахъ тѣхъ зажигается, которіи непостижимую Божію доброту, красоту, премудрость, всемогущество и прочія его безконечныя свойства умомъ понимаютъ, и понимая, сердечною вѣрою и крѣпкимъ упованіемъ на благость его полагаются: отъ такой, сказую, любви вси добродѣтели не могутъ не происходить. Отъ свѣтлосіяющаго солнца не бываютъ мрачные лучи. Отъ чистѣйшаго золота не дѣлается олово или подлый свинецъ. Такова-то любовь оная, отъ которой всѣ добродѣтели рождаются, и въ которой спасительное Христово мудрованіе состоитъ».

«Теперича, слышатели, когда мы разумѣемъ, что

то во Христѣ мудрствовалось, не трудно намъ познать будетъ предложенія нашего правду: никто и ничто. намъ не поможетъ милость Божію получить, ежели, сколько по человѣчеству можемъ, стараться не будемъ, чтобъ и въ насъ тоже мудрствовалось, что во Христѣ Іисусѣ, т. е. ежели въ насъ не будетъ нелицемѣрная, отъ вѣры происходящая со всѣми своими добродѣтельными плодами къ Богу и ближнему, любовь оная, которая была во Христѣ Іисусѣ. Нѣтъ ни одного иного средства, кромѣ сего, которымъ бы намъ милосердіе Божіе получить возможно было. Да праведно-ль все то, разсудимъ. Ежели бы рабъ волю господина своего исполнять никакъ не старался, а за то наказанію подпалъ бы, однако онъ не думалъ бы свои погрѣшенія исправить и повелѣнія господскія наблюдать; но просилъ бы, не говорю другихъ господина своего рабовъ, но самыхъ ближайшихъ его друговъ, чтобы они ему у господина милости испросили, ежели бы, сказую, оный родъ въ преступленіи своемъ такъ поступилъ, скажи пожалуй всякъ, получилъ ли бы онъ какую-нибудь помощь? Не думаю, чтобы и одинъ таковъ дуракъ сыскался, который бы то утверждать не усумнился. Ежели бы какой государственный подданный въ измѣнѣ изобличенъ былъ, да такъ, что онъ не только о измѣнѣ своей ни мало не жалѣетъ, но и сверхъ того измѣнническое свое намѣреніе совершить и желаетъ и старается, какую пользу онъ имѣлъ бы, буде бы только у главныхъ министровъ и придворныхъ знатнѣйшихъ господъ или у самой матери государевой милости просилъ, я думаю, что суетно было бъ его прошеніе. Для чего? Понеже ежели министры и прочіе господа доброcо-

вѣстные люди, то они, а наипаче мати государева, любя нелицемѣрно сына и государя своего объ ономъ измѣнникѣ не кающемся любимаго ими государя трудить не похотятъ, но паче о истребленіи такого врага всѣми силами постараются. А хотя бы, паче чаянія, или за взятки, или за дружбу, или за сродство, или по иной какой причинѣ дерзнули просить, однако государь прошеніе ихъ о непримирительномъ врагѣ своемъ представляемое, отбросилъ бы. Да и за подлинно, какъ такому простить, когда оное прощеніе не иное что будетъ, какъ на измѣну его дать позволеніе. Тожъ то самое есть, не мудрствовать то, что во Христѣ Іисусѣ мудрствовалось, Бога и ближняго не любить, вси добродѣтели презирать, а тѣмъ самымъ измѣнникомъ предъ Богомъ не преставать быть, а на святыхъ, на Богоматерь и на иконы ихъ уповать, и отъ нихъ помощи просить. Нѣтъ, нѣтъ! Не прельщай себя никто, будто такимъ образомъ помиловану быть можно. Святіи вси, а наипаче Богоматерь и къ Сыну Своему и къ Богу Создателю и Искупителю своему серафимскою любовію пылаютъ; неріятно имъ всякое противу Создателя учиненное преступленіе, досадно имъ и самая малѣйшая противу Искупителя сдѣланная погрѣшность. Да какъ же имъ не будетъ ненавистно не кающагося и мудрованія Христова имѣть не хотящаго грѣшника прошеніе? Принеси, кто хочетъ, и тысячу свѣчъ или сто пудовъ ладону святому Николаю, святому Георгію, или другимъ угодникамъ Божіимъ, а любви къ Богу и ближнему имѣть не хоти: то имъ оное твое приношеніе такъ будетъ пріятно, какъ тебѣ самому отъ явнаго непріятеля твоего учиненное въ какомъ-нибудь случаѣ по-

здравленіе. Украси, какъ хочешъ, икону Богоматерню, кричи, сколько у тебя мочи: радуйся, благодатная Маріе, Господь съ тобою; а самъ о той Божіей благодати не старайся, и отъ Господа грѣхами далече отступай; повторяй, хоть тысячу разъ: радуйся, чистоты сокровище, а самъ во всякихъ нечистотахъ грѣховныхъ валяйся, какъ свинья; вопли, сколько силъ имѣешь: радуйся, свѣтъ неизреченно родившая, а самъ глубоко различныхъ грѣховъ тьмою и сердце и душу помрачай; кратко сказать: промели на всякъ день по десять или по двадцать кратъ акаѳистъ Богородицѣ; говори ей сколько тебѣ угодно: радуйся, яко зачала еси плотію Сына Божія; кричи: о всепѣтая Мати, рождшая всѣхъ святыхъ Святѣйшее Слово, и прочее, а самъ Сына Ея грѣхами твоими второе распинай, кровь завѣтную, за спасеніе наше изліянную, ногами попирай,—то столько пользы получишь, сколько будетъ тебѣ помощи матери государевой безпрестанно говорить: радуйся, радуйся, а государя самого, сына ея любезнѣйшаго, по щекамъ бить. Да какъ же такъ, скажетъ кто: развѣ святіи никакъ не милосерди? Развѣ Мати Божія не мати милосердія, чтобы имъ нашего прошенія не услышать? Только вмѣсто отвѣта и я такого вопросителя вопрошу: развѣ Богъ не милосердный? А когда милосердый, то для чего весь міръ вдругъ потопомъ истребилъ? Для чего Содомъ и Гоморру огнемъ сожегъ?... Для чего весь родъ еврейскій и многія иныя государства различнымъ образомъ смущалъ, утѣснялъ и въ конецъ разорилъ? Для чего Іуду предателя и иныхъ ему подобныхъ не помиловалъ?... Нечего тебѣ, какъ хочешь умствуй, нечего отвѣтствовать, развѣ скажешь: за

то они всѣ погибли, что за грѣхи свои каяться, а тѣмъ самымъ то мудрствовать, что во Христѣ Іисусѣ, и слѣдовательно къ Богу и ближнему любовь имѣть, и происходящія отъ любви добродѣтели исполнять не хотѣли. Изрядный твой отвѣтъ, и самый истиннѣйшій, да тотъ же самый отвѣтъ пріими и на твой запросъ. Ежели Богъ, въ которомъ, какъ безконечномъ, безконечное милосердіе, въ которомъ неисчерпаемый всякія благости источникъ, грѣшниковъ не кающихся и не мудрствующихъ то, что во Христѣ Іисусѣ, недостойными помилованія судитъ: то какъ помиловать таковыхъ восхотятъ святіи или Богоматерь, которіи, хотя и много больше имѣютъ доброты, нежели живущіи на земли; однако, поелику они не боги, но созданніи человѣки, милосердія безконечнаго, съ Божіимъ равняго, имѣть никакъ не могутъ. Знаемъ, что Богъ безъ всякой Своей нужды насъ, да еще разумныхъ, для насъ весь свѣтъ создалъ. Вѣдаемъ, что Онъ о насъ съ такимъ попеченіемъ промышляетъ, что и одному маленькому волоску съ головы нашей безъ воли Его погибнуть не попускаетъ; извѣстно намъ и то, что Богъ насъ, заповѣди Его преступившихъ, и за то вѣчныя муки достойныхъ враговъ своихъ помиловалъ, да помиловалъ не простымъ, но страннымъ и не слышаннымъ образомъ, то есть посланіемъ Сына Своего Единороднаго, который страшныя мученія, ужасныя страданія и самую горчайшую крестную смерть за спасеніе и искупленіе наше претерпѣлъ. О, милосердія непостижимаго! Кто отъ человѣкъ такую благость кому либо показалъ или и показать возмогъ? Мати ли Божія насъ создала, святіи ли такъ прилежно и неусыпно о насъ промышля-

ютъ, Богоматерь ли, или святой который кровь свою за насъ проливалъ, мучился и умиралъ? Никакъ. А хотя многіе изъ святыхъ мученія до самой смерти претерпѣли, однако они не за наше, но за свое собственное спасеніе страдали. Одинъ только Сынъ Божій за наше избавленіе то сдѣлалъ, а кромѣ Его—никто. Откуду слѣдуетъ, что одинъ только Богъ есть безконечно милосердъ, а кромѣ Его—никто, одинъ только Онъ, ежели грѣшника, мудрованія Христова не пріемлющаго, простить не хочетъ, то ни вси святіи, ни самая Богоматерь прошенія отъ устъ его скверныхъ происходящаго, принять не восхотятъ, да и противъ воли Божіей, не возмогутъ. Сами святіи не инымъ образомъ сдѣлались святыми, только мудрованіемъ тѣмъ, которое во Христѣ было. Вѣдаемъ, что праведный Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей, Давидъ и прочіи были во время свое угодниками Божіими, и теперича вѣчно на небеси царствуютъ. Да для чего они святыми? Для того ли, что они все упованіе на святыхъ или на Богоматерь только полагали? Нельзя того сказать: прежде нихъ ни святыхъ, ни Богоматери еще и на свѣтѣ не было; они то сами первіи святіи, во священномъ писаніи намъ объявленнін. Что-жъ ихъ святыми сдѣлало (Евр. XI, 33)? Павелъ апостолъ намъ явно показуетъ, когда говоритъ: святіи вси вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду... Въ когожъ они вѣровали? Во Христа, имѣвшаго за спасеніе наше пострадать, какъ той же апостолъ о Моисеи, что̀ несумнѣнно и о прочихъ разумѣть должно, объявляетъ сказуя: вѣрою Моисей великъ бывъ... Для чего? Большее богатство вмѣнивъ египетскихъ сокровищъ поношенія Христова, или яс-

нѣе, лучше онъ старался обогатитися поношеніемъ Христовымъ, нежели египетскими сокровищи. А понеже поношеніе Христово не иное что есть, какъ только странное его во плоти человѣческой явленіе, несказанное смиреніе, жесточайшія за спасеніе наше мученія и горчайшая смерть. А въ сихъ дѣйствіяхъ содержится и мудрованія Христова: то уже явно, что оніи святіи, когда старались обогатитись поношеніями Христовыми, вдругъ прилежнѣйшее имѣли попеченіе о мудрованіи Христовомъ. Симъ то поношеніемъ или мудрованіемъ Христовымъ, какъ Моисей, такъ и вси ветхозавѣтніи святіи великими и святыми сдѣлались, а не инымъ какимъ-нибудь образомъ. Да и въ новой благодати другимъ какимъ средствомъ, кромѣ мудрованія Христова, никто святымъ быть не могъ. Богъ, какъ одинъ и тойжде, въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ непремѣнный, такъ не иной ветхозаконнымъ, а другой новоблагодатнымъ святымъ, но одинъ и тойжде путь ко спасенію опредѣлилъ. Сами апостоли, первѣйшіи въ новой благодати святіи, чимъ Богу угодили? Однимъ ли призываніемъ святыхъ, котораго тогда и въ обычаѣ не было? Да чимъ же? Мнѣ, сказуетъ апостолъ Павелъ, да не будетъ хвалитися, точію о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа... Подобни мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу. Аще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко оживемъ съ нимъ. Аще сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенію будемъ. Въ которыхъ словахъ апостола ясно видимъ, почему онъ святымъ сдѣлался: то есть, понеже хвалился не о чемъ иномъ, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, подобенъ былъ Христу, умиралъ со Христомъ, сообразовался подоб-

по смерти Христовой, а всѣмъ тѣмъ не иное что дѣлалъ, только мудрствовалъ тое, еже о Христѣ Іисусѣ. Подобнымъ образомъ и Петръ: Христосъ, говоритъ, пострада за насъ, намъ оставль образъ... Нѣсть ни единаго имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися. Времени, воистину не станетъ, ежели захочемъ всѣ слова апостольскія приводить, въ которыхъ явно показуется, что буде о мудрованіи Христовомъ старатися не будемъ, ежели въ насъ не будетъ истинная къ Богу и ближнему любовь отъ несумнѣнныя во Христа вѣры, то ни святіи, ни Богоматерь ничего намъ помогать не возмогутъ и не похотятъ. Прочти только одно первое посланіе Іоанна Богослова: увидишь, что цѣлое оное посланіе на одной къ Богу и ближнему любви основано, любовію продолжено, любовію и окончено».

«Слышали мы учениковъ Христовыхъ; а ежели услышимъ и самого учителя, Христа, Спасителя нашего, то еще яснѣе правду нашего предложенія увидимъ. Что иное повелѣваетъ намъ Христосъ сими словами: о семъ познаютъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате другъ къ другу? Чего иного насъ научаетъ, когда въ первой своей къ народу проповѣди сказуетъ: блажени нищіи духомъ, блажени плачущіи.... изгнаніи правды ради?.., ежели не того, что тотъ только Христовъ ученикъ и царствія небеснаго сонаслѣдникъ быть можетъ, кто любитъ ближняго своего; что тѣ только блаженни, тѣхъ только есть царство небесное, и прочія премилостивыя обѣщанія Божіи получить удостоятся, которіи признаютъ предъ Богомъ свое окаянство, предъ Богомъ и человѣки себе смиряютъ, а тѣмъ самымъ Бога всѣмъ сердцемъ любятъ,

къ тому бываютъ милостивіи, чистіи сердцемъ и прочее, а потому и ближняго, какъ себе, любятъ, и слѣдовательно мудрствуется въ нихъ то, что во Христѣ Іисусѣ. Наконецъ, кромѣ прочихъ премногихъ подобныхъ ученій, что говоритъ намъ Спаситель нашъ и въ премилостивомъ ономъ призываніи: пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и пр., ежели не то: вси, вси грѣхами отягощени, да какъ бы отъ нихъ свободитися, суетно труждающіися, пріидите ко мнѣ... Да что, сладчайшій Христе, велишь говорить пришедшимъ къ тебѣ? Возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Что ты, премилосердный, намъ обѣщаешь? Азъ упокою вы, и обрящете покой душамъ вашимъ, то есть, вси грѣхи вамъ будутъ прощены... И можетъ ли что намъ яснѣе путь показать къ спасенію, какъ это Христово ученіе? Можетъ ли еще кто сумнитися, что безъ кротости и смиренія, безъ мудрованія Христова, покой душамъ, милосердіе Божіе и вѣчное спасеніе получить никакъ не можно. Да и какъ бы тутъ сумнитися, когда и сама Мати Божія, на которую множайшіи отъ насъ различными грѣхами скверниться не престающе, надежду полагать не стыдятся, не инымъ образомъ удостоилась быть матерью Божіею, не однимъ только призываніемъ святыхъ, не одною надеждою на нихъ, или на иконы ихъ, честію выше херувимовъ и серафимовъ превознеслась, ибо призываніе святыхъ и поклоненіе иконамъ тогда еще и въ обычаѣ не было. Да чимъ же она къ толикому достоинству пріити могла? Златоустъ объявляетъ, что она не была бъ въ матерь Сыну Божію избрана, ежелибы словамъ ангела, рожденіе Христово ей бла-

говѣствующаго, не увѣрила; а когдабъ не увѣрила, тобъ и любви и мудрованія Христова не имѣла-бъ. Златословесному сему учителю последуя, св. Θеофилактъ, когда пришло ему толковать слова оныя Христовы: мати моя и братія моя сіи суть слышащіи слово Божіе,—сказуетъ, что и самой Матери Божіей никакой пользы не сдѣлало бы одно плотское материнство, ежели бы она не слушала словесъ Божіихъ и не творила ихъ и такъ мудрованія Христова не имѣла бы. И что много говорить? Сама пречистая Дѣва Марія, когда сказала ангелу: се раба Господня...., когда по зачатіи Сына Божія всерадостную оную пѣснь воспѣвши — величитъ душа моя Господа,—сказуетъ: яко призрѣ на смиреніе рабы своея,—явно намъ показуетъ, что она къ толикому таинству не инымъ образомъ достойна явилась, только глубочайшимъ смиреніемъ,—а смиреніе оное не отъ иного источника, только отъ несумнѣнныя въ Сына Божія вѣры, отъ нелицемѣрныя къ Богу и ближнему любви происходило. Такое же смиреніе что иное есть, какъ не мудрованіе Христово? Симъ то мудрованіемъ она къ воспріятію необъятаго Сына Божія себе приуготовила; симъ она все житіе свое благочестно украсила, симъ она царства небеснаго сподобилась, симъ она честнѣйшею херувимъ во всемъ родѣ христіанскомъ возвеличилась, а слѣдовательно и намъ не инымъ образомъ, не инымъ путемъ милость Божію получить возможно, только мудрованіемъ во Христѣ Іисусѣ, то есть несумнѣнною въ Бога вѣрою, непритворною къ Богу и ближнему любовію и богоугоднѣйшимъ оттуду происходящимъ смиреніемъ, послушаніемъ и прочими добродѣтелями».

«Кажется, слышатели, что я по обѣщанію моему

должность свою, сколько краткость времени допустила, исполнилъ. Показано въ нынѣшней рѣчи, какъ то самый природный разумъ намъ знать даетъ, что одно только прошеніе, безъ исполненія воли того, кого просимъ, есть неполезно: видѣли мы, что Богъ безконечное имѣетъ милосердіе, а святіи, и самая Богоматерь, хотя и очень добры, однако доброта ихъ не безконечна; уразумѣли, что и ветхозаконніи, и новоблагодатніи святіи, не инымъ образомъ сдѣлались святыми, только мудрованіемъ Христовымъ, научились, что и самая пречистая Дѣва Марія не только не была бы избрана въ матерь Сыну Божію, не только честнѣйшею херувимъ и серафимъ быть, но и между простыми святыми счисляться не могла бы, ежели-бъ въ ней не тожъ мудрствовалось, что во Христѣ Іисусѣ; слышали, наконецъ, ученіе апостольское, слышали проповѣдь Христову, слышали и сладчайшій гласъ премилосердно зовущаго насъ сладчайшаго Іисуса: пріидите ко мнѣ... И ктожъ бы сумнѣватися могъ, что преблаженни и преблагополучни всѣ тѣ, въ которыхъ то мудрствуется, что во Христѣ Іисусѣ, которіи несумнѣнно въ Бога и во Христа Спасителя нашего вѣруя, горячую къ Богу и ближнему любовь со всѣми добродѣтельными ея плодами имѣютъ... И хотя бы кому такому по человѣческой слабости случилось въ какое погрѣшеніе попасть, однако вси святіи единодушно, а наипаче милосердствующая о грѣшникахъ кающихся мати Божія, падутъ предъ престоломъ Божіимъ прощенія ему просяще, и дотолѣ благость его молить не престанутъ, поколѣ совершеннаго грѣховъ его отпущенія не упросятъ».

«Противнымъ образомъ кто спорить станетъ, что

пребѣдніи и преокаянніи вси оніи, которые о мудрованіи Христовомъ не только ни мало не стараются, не только слышать, но и подумать о томъ не хотятъ, однако надеждою, да и то не истинною, но притворною, на Богоматерь, на святыхъ, на иконы ихъ положенное хвастаютъ, лаская себя, будто они въ царства небеснаго руки попали. Увидятъ они когда, что царство оное отъ нихъ много далѣе отстояло, нежели небо отъ земли, востокъ отъ западъ. Познаютъ, что ихъ упованіе было суетно, когда никакой помощи ни отъ святыхъ, ни отъ Богоматери, а о иконахъ и говорить нечего, получить не возмогутъ, кромѣ оной пользы, которую получили ложніи оніи вааловы пророки отъ святаго пророка Иліи ножемъ закланніи. Закричатъ всѣ оніи святіи ко Богу, какъ о томъ пророчествуетъ святый Іоаннъ: доколѣ Владыка святый, не судиши и не мстиши крове нашея отъ живущихъ на земли? Время мертвымъ судъ пріяти и дати мзду рабомъ твоимъ. . Возвеселится о паденіи таковыхъ грѣшниковъ небо и святіи апостолы и пророцы, яко суди Богъ беззаконія ихъ. Наконецъ ежели св. пророкъ Іона даже до смерти оскорбился за то, что Богъ по неизреченной своей благости ниневитскихъ обывателей покаявшихся помиловалъ, то какого милосердія надѣяться можно отъ святыхъ всѣмъ тѣмъ, которіи Бога создателя беззаконми своими разгнѣвлять не престаютъ, а святыхъ на помощь призываютъ и на нихъ надежду полагать не срамятся? Я, какъ началъ, такъ и не престану говорить, что они не только отъ святыхъ, отъ Богоматере или отъ иконъ ихъ никакой помощи получить не возмогутъ, но паче къ тому святыхъ приведутъ,

что они Бога на скорѣйшее и лютѣйшее отомщеніе противъ таковыхъ беззаконниковъ возбудятъ, отчего ты самъ, Христе, мудрованіе твое намъ въ себѣ имѣть даровавъ, милостиво избави. Аминь».

Выше, излагая доношеніе Св. Синоду преосвященнаго Арсенія, мы замѣтили, что осуждая проповѣдь архимандрита Владиміра, онъ представилъ и анализъ ея съ своей точки зрѣнія, опроверженіе тѣхъ мѣстъ ея, которыя, по выраженію преосвященнаго, «люторствомъ, кальвинствомъ и жидовствомъ смердятъ». Послѣ того, какъ мы познакомились съ самою проповѣдію, находимъ умѣстнымъ передать содержаніе и опроверженій преосвященнаго Арсенія.

«Можетъ быть кто возмнитъ обо мнѣ», говоритъ преосвященный Арсеній, «что я на оваго архимандрита по посягательсвву доношу; но я на его же конклюзію въ другомъ его поученіи ссылаюсь, гдѣ онъ прежнее свое поученіе, какъ люторствомъ и кальвинствомъ, такъ и жидовствомъ смердящее, не токмо ни чимъ не опорочиваетъ, но еще выправляетъ всячески, будто оно въ ту силу говорилося, какую онъ тамъ вытолковалъ, которая сила для вида прикрывательства плевелъ хотя отчасти тамо и изыщется, однако всякому, разумъ имущему, видѣть чувствительно, что въ ономъ поученіи (содержится) съ лютеранами и кальвинами одинаковое отверженіе призыванія святыхъ,—будто призываніе святыхъ не отъ мудрствованія и наученія Христова взято, и будто-бы оно къ богоугожденію и спасенію не нужное, того ради-де, яко Ное, Авраамъ и другіе святые были во время свое угодниками Божіими, и теперича вѣчно на небеси царствуютъ—не потому, что они все упованіе

на святыхъ или на Богоматерь только полагали,— такъ какъ прежде нихъ ни святыхъ, ни Богоматере на свѣтѣ не было... и тако по многимъ своимъ тамо злоковарнымъ реченіямъ не дерзая того явственно сказать, что и намъ не надобно также призывать святыхъ, заключилъ свою злоковарную рѣчь таковымъ образомъ: что-де какъ Богъ одинъ и тотъ же въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и путь спасенія не иной ветхозаконнымъ, а другой новоблагодатнымъ опредѣлилъ. Которую пропозицію ежели намъ принять, то непремѣнно надлежитъ не токмо призываніе святыхъ отринуть, но и оное православное исповѣданіе, въ церкви всегда поемое: прейде сѣнь законная, благодати пришедшей,—оставить,—все же то, что въ ветхомъ завѣтѣ было, не оставлять, но принимать и исполнять, какъ-то: обрѣзаніе, жертвы и проч. И не токмо призыванія святыхъ, но и самаго крещенія, якоже богоугожденію и спасенію не нужнаго, уже будетъ не должно принимать,—о чемъ намъ невозможно и подумать. Того ради таковая пропозиція, что̀, аще не крайнее жидовства утвержденіе? Исповѣдуемъ бо мы, православніи, твердо, что Богъ единъ въ ветхомъ завѣтѣ и новомъ, однако какъ вѣрѣ, безъ нея же невозможно угодити Богу, такъ и закону, не едино засвидѣтельствовалъ свое откровеніе; понеже въ ветхомъ завѣтѣ не было откровенія вѣровати въ Бога, въ Троицѣ единаго, и въ воплотившагося насъ ради и пострадавшаго Христа, Сына Божія, который въ ту пору еще не воплотился, но былъ ожидаемъ пріити, не совсѣмъ обстоятельствомъ извѣстенъ—кто онъ будетъ таковъ. А нынѣ въ новомъ завѣтѣ не въ иномъ чомъ первѣйшее хри-

стіанство состоитъ, какъ вѣровать въ Бога, въ Троицѣ славимаго, и въ Христа, Сына Божія вочеловѣчшася и за насъ пострадавшаго. И не надлежитъ о томъ много рѣчи простирать, но справиться съ посланіемъ Павла апостола къ Евреямъ, гдѣ, въ главѣ 8-й, утверждаетъ: аще бы первый законъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣста. И въ посланіи къ Галатомъ тоже представляется чрезъ все посланіе, а наипаче въ главѣ 5-й сими словесы: се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ вамъ ничтоже пользуетъ».

«Да онъ же, архим. Владиміръ, въ томъ своемъ поученіи дерзнулъ и сіе написать, будто и сами апостоли обычая не имѣли призывать святыхъ, аки къ богоугожденію отнюдь не нужнаго. Слѣдовательно преданіе апостольское о призываніи святыхъ всей Церкви преданное, надлежитъ признавать, что оно не апостольское и не отъ апостоловъ взятое, и что пишется въ псалтиряхъ слѣдованныхъ о возвышеніи панагіи, надлежитъ вмѣнять, аки баснословное,— идѣже точно пишется, яко въ третій день послѣ успенія своего, апостоламъ по молитвѣ на обѣдѣ возлежащимъ, пресвятая Богородица, мертвая, аки жива, со облакомъ и свѣтотворными ангелы на воздусѣ является, радуйтеся, глаголющи, яко съ вами есмь во вся дни. Сіе отъ Сына радостотворная Богородица имъ подавши; ученицы же чудеси удивишася,—вмѣсто: Господи Іисусе, - пресвятая Богородица, помогай намъ, воззваша.... Сказывалъ-же я оному архимандриту, что въ показанномъ его поученіи такожъ сія рѣчь отнюдь не сходна съ писаніемъ, а наипаче съ словами Павла апостола къ Колоссаемъ

гл. I: нынѣ радуюся въ страданіихъ моихъ по васъ, яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей, за тѣло его, еже есть Церковь, ей-же быхъ азъ служитель, по смотрѣнію Божію, данному мнѣ, въ васъ исполнити слово Божіе. Понеже онъ, архимандритъ, тако точно написалъ: хотя-де многіе изъ святыхъ мученія претерпѣли, однако они не за наша, но за свое спасеніе страдали,—одинъ только Сынъ Божій за наше избавленіе то сдѣлалъ, а кромѣ Его—никто. Аще и не спорное, и отъ всея Церкви сіе исповѣданіе пріятое и утвержденное, что единаго Христа плотію и смертію вси спасаемся, однако по разсмотрѣнію показанныхъ словъ апостола, и святіи не за едино свое спасеніе, но какъ за Христа, такъ и за Церковь, слѣдовательно и за наше спасеніе страдали, однако по тому съ Христомъ не могутъ верстаться, понеже—кто Христосъ, и кто святіи всѣмъ извѣстно. И какъ земнаго царя смерть и кровь съ рабскою смертію и кровію отнюдь не сверстается, такъ кольми паче кровь и смерть Христа со святыми его угодниками сверстаться не можетъ. Къ сему—вси святіи, благодатію укрѣпляеми страдали. Христосъ же самъ собою, сирѣчь силою своею, какъ пострадалъ, такъ и воскресъ. Таковой же разницы между святыми и Христомъ оный архимандритъ отнюдь не показалъ и нижѐ мало воспомянулъ, но по большей части о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, какъ о простомъ человѣкѣ говоритъ, Его страданія за насъ воспоминая, съ страданіями святыхъ верстаетъ....»

Читатели сами взвѣсятъ и оцѣнятъ силу возраженій преосвященнаго Арсенія. Святѣйшій Синодъ, какъ мы видѣли, не призналъ ихъ достаточно уважи-

тельными, и не нашелъ въ проповѣди Каллиграфа ни жидовства, ни кальвинства или люторства.

Вторая проповѣдь Каллиграфа, произнесенная въ день Введенія во храмъ пресв. Богородицы, отличается полною сдержанностію и вполнѣ безупречна какъ по тону, такъ и по содержанію. Догматъ о почитаніи Божіей Матери, святыхъ и иконъ раскрытъ въ ней проповѣдникомъ съ такою обстоятельностію и полнотою, что, намъ кажется, не оставляетъ желать большаго и для настоящаго времени.

Слово о призываніи святыхъ и о почитаніи иконъ, въ праздникъ введенія во храмъ пресв. Богородицы. (¹)

Се отнынѣ ублажатъ мя вси роди. Лук. I, 18.

«И кто же, слышатели пресвятую Дѣву не ублажитъ, кто пречистую Матерь Божію, блаженнѣйшею, кто ее благополучнѣйшею паче всѣхъ человѣкъ не наречетъ? Когда только подумаемъ о ея рожденіи, то нельзя не ублажать чудное и ангельскимъ благовѣстіемъ случившееся ея зачатіе; когда представляемъ торжественное ея во храмъ Божій введеніе, то не можно преблагополучнымъ не назвать всего свѣта дражайшее ея съ Богомъ соединеніе. Когда воспоминаемъ всего ея житія теченіе, то кто бы высокими похвалами не возвеличилъ безпрерывное ея въ добродѣтеляхъ упражненіе? Что-жъ скажемъ о томъ Ея состояніи, въ которомъ ангелъ Ей сказалъ: радуйся благодатная, Господь съ Тобою!, въ которомъ Она, Духомъ Святымъ исполнена и силою Вышняго осѣнена, превѣчнаго Сына Божія, Спасителя міру, плотію зачала, въ которомъ отъ Елизаветы всерадостнѣйшій гласъ услышала:

(¹) 1757 г. ноябр. 21.

благословенна Ты въ женахъ... въ которомъ Сына Божія во плоти родивши, отъ волхвовъ Сыну Ея и Богу на поклоненіе пришедшихъ, дражайшіе дары получила, въ которомъ Сына своего, двападесятилѣтняго, въ церкви сѣдяща по средѣ учителей и послушающа и вопрошающа увидѣла: какое то было ей величіе! Правда, было преблагословенной Дѣвѣ не мало и печалей: наипаче когда Сынъ Ея, нашъ Спаситель, началъ путь спасенія показывать, волю Божію открывать, а за то Его ругали бѣснымъ, ядцею, пійцею, другомъ мытарей и грѣшниковъ называли, а наконецъ различнымъ мученіямъ и на крестѣ безчестнѣйшимъ распятіемъ умертвили, однако когда и прежде смерти непостижимыми чудесами о божествѣ Его увѣрена была, то какое то благополучіе, и когда по трехъ днехъ отъ мертвыхъ воскресша увидѣла, когда по четыредесятихъ днехъ взыде на небеса Сынъ Ея и Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубнѣ, когда въ день пятьдесятный Духа Святаго Сыномъ Ея отъ Отца посланнаго, въ огненныхъ языцѣхъ приняла; то какое блаженство, какое достоинство, какое величіе Богъ Ей сотворилъ! Да все-ли пренепорочныя Богоматере блаженство мы здѣсь уже описали? Никакъ. Блаженна Она въ безсмертномъ своемъ успеніи, блаженна ангеловъ удивившe своимъ отъ земли на небо съ плотію восхожденіемъ. Благословенна Она, яко съ Сыномъ своимъ и Богомъ вѣчно царствовать возвеличена, яко Она одна только близь пресвятыя Троицы сѣсти сподобилась, вознесена, яко честнѣйшая херувимъ... и святою большею всѣхъ святыхъ отъ Бога прославилась, возвышена паче всѣхъ, рожденныхъ женами, когда Ея прошенія прежде того

Богу пріятныя, моленія человѣковъ хадатайственны, преславныя чудеса Ея, бѣднымъ помощны, когда Она обидимыхъ заступница, алчущихъ питательница, странныхъ утѣшеніе, словомъ — всѣхъ скорбящихъ радость, христіанъ веселіе быть удостоилась. Таковыми то и толь высокими достоинствы пречистую Дѣву Марію Богъ почтилъ, таковыми честьми прославилъ, таковымъ блаженствомъ возвеличилъ, и кто бы отъ насъ пресвятую Богоматерь ублажать, высокими похвалами и похвальными пѣснями возвеличить не восхотѣлъ? Только то опасно, чтобы, хотя ее похвалить, скуднымъ умомъ нашимъ похвалы ся не умалить. Не нашего ума то дѣло; ангельскимъ очамъ глубина та неудобозрима, а человѣческимъ помысламъ высота оная много паче неудобовосходима, такъ потому и я ктоль неудобному дѣлу приниматься не дерзаю, вмѣсто похвалы разсудивъ въ слѣдующей моей рѣчи, прежде о должности призыванія на помощь во первыхъ пречистыя Богоматере, а притомъ и прочихъ угодниковъ Божіихъ, потомъ о почитаніи святыхъ иконъ съ вашимъ христолюбіемъ поговорить».

«И что до перваго касается, то-есть, что святыхъ, а наипаче Богоматерь на помощь призывать должно, то оное намѣренъ я утвердить однимъ только доказательствомъ, да такъ, по мнѣнію моему, сильнымъ, что и тіи преисподвіи силы противу стать не возмогутъ. Доказательство овое въ слѣдующихъ словахъ весьма ясно представить можно. Кто знаетъ наши нужды, хощетъ и можетъ намъ или самъ своею силою, или прошеніемъ своимъ помоществовать, того на помощь призывать должно; а понеже святіи, а выше всѣхъ Богоматерь, знаютъ наши нужды, хотятъ и могутъ

намъ молитвами своими помоществовать, то уже явно, что какъ святыхъ, такъ наипаче Богородицу на помощь призывать должно. А что тѣхъ только на помощь призывать надлежитъ, которіи и знаютъ и хотятъ и могутъ помогать, всякому не трудно разсудить. Пускай только въ нищетѣ, въ крайней своей скудости, проситъ себѣ помощи или отъ того, который убожества его отнюдь не знаетъ, или хотя и знаетъ, да и самъ отъ голоду и холоду умираетъ; пускай впадши въ разбойники или между непріятели призываетъ на помощь или ружьемъ поворотить вовсе незнающаго, или довольныхъ къ тому силъ неимѣющаго, или врага своего, никакого добра, а потому и помощи ему не желающаго; пускай, наконецъ, въ болѣзни какой-нибудь призоветъ лекаря, или неискуснаго, или недобросовѣстнаго; пускай, говорю, кто въ помянутыхъ обстоятельствахъ помощи проситъ отъ тѣхъ, которіи или не знаютъ его нужды, или не хотятъ, или не могутъ ему помощи подать, какую бы тутъ онъ пользу получилъ? Подлинно никакую. Для чего? Понеже кто нужды его не знаетъ, тотъ никакого объ немъ сожалѣнія не можетъ, а хотя бы и зналъ, да буде не хочетъ помочь, то какая на него надежда? Буде же и знаетъ, и радъ бы помоществовать, да только не можетъ, то также отъ него ничего получить нельзя, а отсюду явно, что противнымъ образомъ кто знаетъ нужды наши, хочетъ и можетъ помоществовать того только на помощь призывать должно. Тая то причина, для которой Богъ не велитъ на князи и на сыны человѣческія уповать. Тая то причина, что царственный пророкъ Давидъ спасеніе человѣческое суетнымъ, а Бога крѣпостію, утвержденіемъ и

прибѣжищемъ своимъ называетъ. Позналъ онъ, что между людьми иные не знаютъ, иные по злобѣ своей не хотятъ, а другіе по слабости не могутъ никакой помощи подать, а хотя бы и сыскался одинъ или другой таковъ, который бы и зналъ и хотѣлъ и могъ пособить, однако не на долго оное пособіе пребываетъ, изыдетъ бо духъ его и возвратится въ землю свою, въ той день погибнутъ вси помышленія его. А потому и помощь, отъ него ожиданная, никакого успѣха не сдѣлаетъ. Видѣлъ онъ, напротивъ того, что тотъ только блаженъ, ему же Богъ Іаковль помощникъ его. Для чего? Понеже Богъ можетъ: велій Господь нашъ и велія крѣпость его. Понеже Богъ знаетъ: и разума его нѣсть числа. Понеже Богъ хощетъ намъ помоществовать: благъ Господь всяческимъ, и щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его. А тѣмъ самымъ и намъ даетъ знать, что тѣхъ только на помощь призывать должно, которые и нужды наши знаютъ, и хотятъ и могутъ насъ защищать».

«Теперича надобно намъ разсудить: знаютъ-ли святые требованія наша? Могутъ-ли и хотятъ-ли намъ пособлять? Читаемъ какъ въ житіяхъ святыхъ отецъ, такъ и въ священномъ Писаніи, какъ пророки, апостолы, мученики и прочіе вѣрные рабы Божіи не только прошедшая и далеко отъ нихъ собывшаяся знали, но и будущая безъ всякой ошибки по откровенію Божію предвѣщали. Тутъ услышимъ осмаго (1) Ноя, правды проповѣдника, о будущемъ всемірномъ потопѣ всѣмъ тогда бывшимъ людямъ представляющаго; тутъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ,—сѣмя благословенное

---

(1) Осьмаго—т. е., вѣроятно, въ ряду праотцевъ ветхозавѣтныхъ?

Христосъ предвозвѣщается. Тутъ Моисей, исторію о началѣ міра Духомъ Святымъ открывающій. Тутъ онъ предвидѣлъ пророка того, котораго Богъ въ послѣдняя времена отъ братіи его воздвигнути имѣлъ для искупленія рода человѣческаго. Тутъ Давидъ, тутъ Исаія, Іеремія и прочіе, то о будущемъ плѣненіи вавилонскомъ, то объ освобожденіи отъ того плѣненія, то о имѣвшемъ быть Спасителя нашего пришествіи, то о конечномъ разореніи іерусалимскомъ, то о прочихъ весьма нескоро по смерти ихъ собывшихся дѣлахъ, такъ обстоятельно пророчествовали, что лучше никто и настоящихъ вещей описать не можетъ. И се все въ ветхомъ завѣтѣ. А когда посмотримъ въ новую благодать, тутъ увидимъ, какъ та самая первѣйшая тайна о воплощеніи Сына Божія, первѣйшей всѣхъ преблагословенной Дѣвѣ Маріи открывается, какъ святый Іоаннъ еще во чревѣ матернемъ будучи Спасителя своего познавъ, радощами взыграся; какъ Богъ тайну спасенія нашего младенцемъ, т. е. неученымъ святымъ апостоламъ, открыть благоволилъ; какъ иной отъ апостоловъ, восхищенъ бывъ даже до третіяго небесе, слыша неизрѣченны глаголы; иной въ Патмосѣ за слово Божіе изгнанъ, въ восторгѣ слышалъ и видѣлъ премногія бывшія и будущія тайны, какъ иной отъ прочихъ святыхъ, что еще не было, ясно предвидѣлъ; другой—что въ очень далекомъ разстояніи дѣлалось, какъ предъ глазами видѣлъ. Предъ инымъ и помышленія человѣческія откровенны были, тысячу или паче безъ числа такихъ примѣровъ сыскать всякому возможно, буди только священная ветхаго и новаго завѣта писанія, буди книгу житій святыхъ— почитать не облѣнимся. Ежели-жъ во временномъ жи

тіи, гдѣ Бога, якоже зерцаломъ въ гаданіи видѣли гдѣ только отчасти Его разумѣли, ежели, сказую, въ семъ житіи святые толь многія тайны видѣли, толь много о будущихъ предвидѣли такъ ясно и помышленія другихъ познавали, то подумай, сколь много больше теперича знать могутъ, когда Бога, источника всякаго знанія и премудрости, лицемъ къ лицу видятъ, когда познаемъ Его такъ, какъ сами познаны были. Сколь несравненно больше наипаче пречистой Матери Божіей, сподобившейся сѣсти близъ Пресвятой Троицы, а тѣмъ самымъ свѣта Божественнаго паче всѣхъ исполнены, дѣла, обхожденія и нужды наши откровенны, прошенія и требованія наши извѣстны. Тутъ я дерзновенно скажу, что на своей душѣ хулятъ святыхъ, ругаютъ пренепорочную дѣву Марію, а тѣмъ самымъ Бога безчестятъ всѣ тѣ, которые говорить не стыдятся, будто святые ничего не знаютъ, нуждъ нашихъ не вѣдаютъ, прошеній нашихъ не слышатъ; увидятъ они когда свою ложь и горестно воздохнутъ, и только безъ пользы».

«И то мы, православные церкви сынове, довольно разумѣвше, высокое святыхъ, а больше всѣхъ Пресвятыя Богоматере знаніе и о томъ сумнѣтися не станемъ, что святые, зная наши скудости, хотятъ и всякимъ образомъ желаютъ намъ помоществовать, да кто бы столь безсовѣстенъ былъ, который бы о томъ сумнѣтися вздумалъ? Знаемъ, что святіи вси, а паче всѣхъ Богоматерь Бога Создателя и Искупителя одною только вѣрою видя, любили Его всѣмъ сердцемъ, всею душею и всею крѣпостію, а любя Его, любили еще въ смертномъ тѣлѣ будучи, и ближняго своего или лучше сказать всякаго человѣка, — такъ кто-бы

сказалъ, что они теперича къ намъ любви не имѣютъ, когда того-жъ Создателя уже лицомъ къ лицу видя, несравненно больше любятъ, а когда насъ любятъ, то какъ бы намъ добра не желали? Вѣдаемъ, что иной отъ святыхъ, не смотря ни на жаръ, ни на зной солнечный, подъ дубомъ сидя страннымъ, мимоходящихъ въ домъ свой любезно призывалъ, иной бывъ нагохромымъ, окослѣпымъ, отецъ сиротамъ, и дверей своихъ ни предъ кѣмъ не запиралъ, иной всего имѣнія своего для нищихъ не щадилъ, иной молился бы быть анаѳема отъ Христа по братіи своей, а то все, тогда еще было, когда плоть имѣли подобострастную намъ, и какъ бы теперича всѣхъ страстей, любви препятствующей свободитися и надъ любовію много ревностнѣйшее помощи желаніе не имѣли. Какъ бы самая мати Божія, источника милосердія родившая и высочайшихъ щедротъ Божіихъ паче всѣхъ наслаждающаяся, насъ въ различныхъ бѣдахъ и напастяхъ находящихся заступленія своего лишить восхотѣла? Никакъ. Но сколько о нуждахъ извѣстны, столько непремѣнно и помощи намъ желаютъ».

«Посмотримъ же еще, могутъ-ли намъ оной испросить: и тутъ-то сказуетъ намъ святый Давидъ: волю боящихся его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ; свидѣтельствуетъ приточникъ: далече отстоитъ Богъ отъ нечестивыхъ, молитвы же праведныхъ послушаетъ. Проповѣдуетъ святый апостолъ Іаковъ: много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема. Святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ: даде имъ власть чадомъ Божіимъ быти вѣрующимъ во имя Его: и чего-жъ чада у отца испросить не могутъ? Можно было Аврааму прошеніемъ своимъ Содому и Гомору отъ паденія сво-

бодити, ежели бы въ нихъ по крайней мѣрѣ десять праведниковъ сыскалось. Можно Моисею моленіемъ своимъ многократно народъ еврейскій отъ гнѣва Божія избавить, не трудно было праведному Іонѣ другомъ своимъ прощеніе у Бога испросить, легко было святому пророку Иліи молитвою огнь съ неба свести, небо да не дастъ дождя, затворить и паки отворить. Въ состояніи были святые апостолы, мученики и прочіе угодники Божіи молитвами своими мертвыхъ воскрешать, хромыхъ, слѣпыхъ, глухихъ, разслабленныхъ исцѣлять. А все то могли они еще въ смертномъ тѣлѣ будучи, гдѣ еще страстямъ человѣческимъ подвержены были, а потому и согрѣшить и Бога разгнѣвать могли. Что-жъ скажемъ о блаженномъ ихъ нынѣшнемъ состояніи, когда уже день и нощь предъ Богомъ предстоятъ? Когда уже ни согрѣшить, ни Бога раздражить не могутъ? Когда уже несказанно Бога любятъ, а потомъ въ высочайшей его милости находятся. Въ такомъ, говорю, состояніи молитвы не сильны, прошенія недѣйствительны-ли намъ будутъ? А наипаче не услышитъ-ли свою дражайшую матерь тотъ, который накрѣпко велитъ почитать отца и матерь? Кто то сказать дерзнетъ? А ежели бы паче чаянія, кто и не постыдился то утверждать, то дерзновенно скажу, что такому и Бога нетрудно отвергать. Но мы совершенно познавъ, что святые, а наипаче Богоматерь, и знаютъ нужды наши, и хотятъ сердечно намъ помогать и могутъ намъ помощи у Бога испросить, не станемъ ни мало сумнѣтися, что святыхъ угодниковъ Божіихъ, а выше всѣхъ Матерь Божію, на помощь призывать должно. Не станемъ опасаться, чтобы ихъ, какъ нѣкіи безумно говорятъ, не обезпокоить, понеже

знаемъ, что они въ такомъ покоѣ находятся, котораго не только никакимъ призываніемъ, но и ни какимъ образомъ помѣшать никакъ не можно. Не станемъ бояться, чтобы тѣмъ призываніемъ не умалить чести заслугамъ Христовымъ, понеже знаемъ, что хотя Павелъ и другіе святые, во временномъ житіи будучи, просили другъ друга о молитвѣ, однако тѣмъ важности заслугъ Христовыхъ ни мало не отняли, одного только намъ беречься надобно: чтобы святыхъ или Матерь Божію не какъ самого Бога на помощь призывать, не просить у нихъ помощи такъ, будто они сами своею силою, своею волею и могуществомъ безъ воли Божіей намъ пособлять могутъ; нѣтъ, такое призываніе сдѣлаетъ святыхъ богами, и такъ сколько святыхъ, столько и боговъ у насъ будетъ, а потому богопротивное и соборами святыхъ отецъ отверженное многобожіе введется. Но понеже, хотя святіи знаютъ, да не сами отъ себя, но откровеніемъ Божіимъ, хотя желаютъ и могутъ намъ помоществовать, да не своею собственною властію, но только прошеніемъ своимъ у Бога, того ради всякъ разсудить можетъ, да и церковь наша научаетъ, что святыхъ угодниковъ должно призывать, да только такъ, чтобъ они съ нами и о насъ Бога всемогущаго молили и моленіемъ своимъ помощи намъ отъ него испросили. Такое призываніе святыхъ есть богоугодное, а когда богоугодное, то и должное, буде же должное, то кто противиться станетъ, что иконы ихъ почитать есть дѣло православное? Ежели портретъ государевъ за то почитаемъ, что онъ отъ Бога помазанъ, что о всемъ государствѣ промышляетъ, праведные суды уставляетъ, отъ непріятеля защищаетъ, о всякомъ довольствѣ,

мирѣ и благоденствіи нашемъ старается, ежели изображенія друговъ нашихъ въ особливой чести содержимъ, то кольми паче любить, лобызать, почитать должно образы угодниковъ Божіихъ, Богоматери и самого Христа, Спасителя... Ежели славныхъ воиновъ статуи поставляются, для того, чтобы всякъ, видя изображенія, позналъ каковъ и кто тотъ герой былъ, то кольми паче надобны образы Спасителя, Богоматери и святыхъ, дабы всякъ и неграмотный научиться могъ, каковымъ образомъ Христосъ насъ отъ вѣчныя смерти избавилъ... Намъ надлежитъ не веществу, во иконахъ бываемому, не древу, не мѣди, не сребру не злату, не камнямъ дорогимъ, ниже рукописному искуству честь воздавать, таковымъ бо образомъ иконы какъ Бога почитали бы, но самому представляемому иконою, т. е. тому, кого икона являетъ, и на икону взирающе, умъ на невидимая и божественная возводить должно. Такое иконъ святыхъ почитанье есть православное, а противное тому есть идолослуженіе». '

«И такъ довольно кажется я показалъ, что призываніе на помощь святыхъ, а наипаче Богоматере и святыхъ иконъ почитаніе есть дѣло должное, а потому и спасительное. Можетъ кто меня спроситъ, для чего жь ты прежде въ день праздника Владимірской Богородицы на проповѣди сказывалъ, что ни святые, ни Богоматерь, ни иконы ихъ ничего намъ не помогутъ. Такому я коротко отвѣщаю: правда, говорилъ я, что не помогутъ, и помогать не восхотятъ, да вспомни только, какъ тамъ говорено; тамъ не просто, но съ прилогомъ сказано,—ежели не будетъ въ насъ то мудрствоватися, что во Христѣ Іису-

сѣ, т. е. ежели въ насъ не будетъ нелицемѣрная отъ вѣры во Христа происходящая любовь къ Богу и ближнему, ежели о покаяніи за грѣхи наши и думать не станемъ, то непремѣнно и святіи нашего прошенія не пріимутъ; и подлинно такъ есть, ибо какъ самъ Богъ, такъ и святіи ему во всемъ послѣдующе, грѣшниковъ не послушаютъ, но аще кто богочтецъ есть, и волю его творитъ, того послушаетъ; противнымъ же образомъ, ежели несумнѣнную въ Бога вѣру, ежели непритворную къ Богу и ближнему любовь имѣть стараться будемъ, то какъ тогда я говорилъ, такъ и теперича сказую, что хотя бы по человѣческой слабости и согрѣшить намъ случилось, однако буде только съ истиннымъ покаяніемъ къ Богу обратимся, а притомъ святыхъ, наипаче же пресвятую Богородицу просить станемъ, чтобы они съ нами и за насъ милостиво Бога молили, то они прошенія наши услышатъ, и вся единодушно падутъ предъ величествомъ Божіимъ, оставленія грѣховъ нашихъ просяще, и дотолѣ не престанутъ, покель прошеніемъ своимъ совершеннаго намъ прощенія не исходатайствуютъ, поколѣ оправданія намъ не испросятъ, и насъ съ сынами Божіими и вѣчнаго блаженства наслѣдниками не сотворятъ. Еже буди всѣмъ намъ получити. Аминь».

II) *Игуменъ Патрикій.* (¹).

Но не въ однихъ только центрахъ русской образованности, каковы были въ то время Петербургъ, Москва и Кіевъ, а и въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, какова была Казань, слышалось въ это время не только по времени весьма искусное въ гомилетическомъ отношеніи, но и смѣлое-публицистическое слово.

Съ 1738 года по 1752-й въ Казани епископствовалъ преосвященный Лука Канашевичъ. По условіямъ мѣстной жизни, главная потребность церкви состояла здѣсь въ обращеніи инородческаго, языческаго и магометанскаго населенія епархіи, въ православіе. Рядомъ настойчивыхъ представленій въ Св. Синодъ преосвященному Лукѣ удалось заинтересовать въ пользу этого дѣла высшее церковное и гражданское правительство и исходатайствовать значительныя льготы новокрещеннымъ, также значительную денежную ежегодную ассигновку на устройство церквей и школъ въ инородческихъ приходахъ, на матеріальную поддержку новокрещенныхъ, которые терпѣли утѣсненія отъ некрещенныхъ своихъ односельцевъ и помѣщиковъ—мурзъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, а также личной энергіи преосвященнаго Луки и его помощниковъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстный Дмитрій Сѣченовъ, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій, завѣдывавшій въ это время, въ санѣ архимандрита конторой новокрещенскихъ дѣлъ въ Казани, дѣло христіанскаго просвѣщенія поволжскаго края пошло такъ успѣшно, что цифра

(¹) Архива Св. Синода, дѣло № 223, 1751 года.

крестившихся инородцевъ, около 1725 года не превышавшая въ казанскомъ краѣ 13,322 человѣкъ, въ въ 1747 году достигла до 100,000 человѣкъ. Но конечно успѣхъ христіанской проповѣди въ казанской епархіи былъ бы еще болѣе блестящій, если бы миссіонерская дѣятельность мѣстной епархіальной власти не парализовалась съ одной стороны тѣми колебаніями, какія происходили во внутренней политикѣ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго, и какія, какъ извѣстно, всего больше отражались на церковныхъ дѣлахъ вообще и въ частности въ отношеніи къ вопросу о вѣротерпимости,—а съ другой—тѣми отношеніями, въ какія, соотвѣтственно этимъ колебаніямъ высшаго правительства, становились къ миссіонерамъ мѣстныя гражданскія власти, находившія нужнымъ, по временамъ, изъ побужденій вѣротерпимости, сдерживать просвѣтительные порывы казанской іерархіи. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, указомъ 11 сентября 1740 года опредѣлено было крестившихся татаръ выселять изъ среды не крестившихся и поселять между православными,—что́, во первыхъ, неизбѣжно вело къ матеріальному обѣднѣнію новокрещенныхъ и, во вторыхъ, возбуждало въ некрестившихся чувство гордости и киченія, такъ какъ это выселеніе новокрещенныхъ съ отцовскихъ пепелищъ выставлялось магометанами какъ слѣдствіе царской опалы. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, принимавшей какъ извѣстно, самое живое и сочувственное участіе въ дѣлахъ церкви вообще, и въ частности въ дѣлѣ распространенія христіанства между инородцами въ

Россіи, указомъ 28 сентября 1743 года предписано было: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ христіане, въ особенности новообращенные, живутъ вмѣстѣ съ магометанами, сломать мечети, а на мѣсто ихъ построить церкви, — не принуждая, впрочемъ, никого силою принимать христіанскую вѣру. Но татары подняли такую борьбу за свои мечети, что правительство нашлось вынужденнымъ, въ продолженіе двухъ послѣдующихъ годовъ, издать новые указы, съ разными измѣненіями и ограниченіями въ пользу татаръ. Въ 1744 году Св. Синодъ и Правительствующій Сенатъ, совмѣстно обсудивъ положеніе миссіонерскаго дѣла въ новолжскомъ краѣ, постановили: тамъ, гдѣ новокрещенные жили вмѣстѣ съ магометанами, сломать мечети и магометанъ выселить въ другія мѣста, а гдѣ живутъ одни магометане, мечети оставить и даже дозволить построить новыя, если прежде существовавшія были сломаны по силѣ предыдущихъ указовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, чтобы на каждую мечеть приходилось не менѣе 200—300 магометанъ...

Подъ вліяніемъ такихъ измѣненій въ законодательствѣ относительно миссіонерскаго дѣла, какъ мы сказали, весьма часто возникалъ антагонизмъ между властію церковною въ Казани, которая настойчиво преслѣдовала свою цѣль, мало соображаясь съ тѣмъ настроеніемъ, какое господствовало относительно религіознаго вопроса, въ данный моментъ, въ правительственныхъ сферахъ въ Петербургѣ, или—лучше сказать—вовсе не зная о нихъ и не дѣлая никакого различія между временемъ императрицы Анны и императрицы Елизаветы,—и властію гражданскою, кото-

рая, какъ увидимъ, изъ побужденій не всегда безкорыстныхъ, приспособляясь къ обстоятельствамъ времени, находила возможнымъ иногда открыто мирволить татарамъ и издавала распоряженія, діаметрально противоположныя усиліямъ власти епархіальной, которая не чужда была наклонности къ мѣрамъ репрессивнымъ. Такой именно характеръ отношеній между двумя властями обнаружился изъ дѣла о проповѣди въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, произнесенной 29 іюня 1750 года въ казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ игуменомъ Седмиезерной пустыни іеромонахомъ Патрикіемъ. Проповѣдь эта представляетъ фактъ весьма любопытный въ исторіи не только мѣстной, епархіальной, но можно сказать въ исторіи русской церкви вообще: церковная власть рѣшается перенести борьбу съ оппозиціей власти гражданской на церковную каѳедру, и путемъ церковнаго слова влiять на мѣстное общественное мнѣніе, а чрезъ него и на исходъ самой борьбы.

Генваря 16-го, 1751 года, Правительствующій Сенатъ, вслѣдствіе рапорта казанской губернской канцеляріи, по донесенію оберъ-коммисара казанской адмиралтейской конторы, Баранчеева, да статскаго совѣтника Бахметева, вошелъ въ Святѣйшій Синодъ промеморіей, въ которой излагалъ, что въ Казани 29 іюня, въ праздникъ первоверховныхъ апостоловъ и въ день тезоименитства его императорскаго высочества наслѣдника престола, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, на литургіи, при многихъ знатныхъ персонахъ и при многонародномъ собраніи, седмиезерныя пустыни игуменъ, іеромонахъ Патрикій, сказывалъ казанье, въ которомъ между прочими словами употребилъ нѣ-

которыя непристойныя и противныя указамъ слова: якобы христіане не токмо помогаютъ магометанамъ въ законѣ ихъ, но и крестившихся паки стараются развратить въ магометанство, да и мечети ихъ магометанскія, которыя были разорены, паки возобновлены и построены якобы изъ бездѣльной корысти; а понеже помянутыя магометанскія мечети, какъ въ Казани, такъ и въ разныхъ уѣздахъ казанской губерніи, по челобитью ихъ, магометанъ, велѣно построить, по присланнымъ въ 1744 и 1749 годахъ указамъ Правительствующаго Сената, то упомянутыя употребленныя въ томъ казаньи слова непристойныя слѣдуютъ весьма въ противность онымъ Правительствующаго Сената указамъ и духовному регламенту, чего для, по присяжной должности, имъ, доносителямъ, о таковыхъ непристойныхъ словахъ умолчать опасно.

Святѣйшій Синодъ потребовалъ соотвѣтственныхъ свѣдѣній по дѣлу отъ мѣстнаго преосвященнаго. Преосвященный Лука, еще въ бытность свою іеромонахомъ, извѣдавшій нѣкоторыя неудобства близкаго соприкосновенія съ тогдашнею свѣтскою администраціей ([1]), счелъ своею обязанностію защитить своего

([1]) Преосвященный Лука, изъ воспитанниковъ кіевской академіи, былъ нѣкоторое время учителемъ въ московской славяно-греко-латинской академіи, а оттуда перемѣщенъ въ 1732 году на должность законоучителя шляхетнаго кадетскаго корпуса. Состоя въ этомъ послѣднемъ званіи, іеромонахъ Лука писалъ между прочимъ въ Святѣйшій Синодъ, что онъ «находится при корпусѣ безъ основательнаго опредѣленія, понеже, чтобы кадеты по должности христіанской въ посты исповѣдывались и божественныхъ таинъ пріобщались, и во всякомъ духовномъ дѣлѣ были ему послушны, сего имъ ни откуда не приказано, и мнѣ по званію своему катехизацію исправлять и службу въ церкви совершать въ какіе дни и часы — инструкціи не дано». Въ качествѣ

проповѣдника и обнаружилъ по настоящему дѣлу такую горячность, какъ будто бы оно было - его личное дѣло ([1]). По дознанію преосвященнаго оказалось, что Баранчеевъ имѣлъ «прилежное съ татары содружество и рачительство о нечестивой ихъ сектѣ,—о чемъ, какъ и о прочихъ противо должности христіанской чинимыхъ имъ дѣйствахъ и худыхъ намѣреніяхъ, каковыя къ немалому крещаемыхъ народовъ соблазну служатъ», онъ считаетъ долгомъ донести при настоящемъ удобномъ случаѣ Святѣйшему Синоду. Сотникъ татарской слободы Бахметъ Кутлинъ, принявъ святое крещеніе (переименованный при этомъ въ Корнилія), умыслилъ снова перейти въ басурманство, и увлекъ за собою нѣсколько другихъ новокрещенныхъ. Баранчеевъ, пособствуя его намѣренію, вопреки закону снабдилъ его и его товарищей отъ себя пашпортомъ, съ тѣмъ, чтобы они ѣхали въ Петербургъ и тамъ подали челобитье въ Правительствующій Сенатъ. Другой случай. Въ казанской губернской канцеляріи, вслѣдствіе донесенія преосвященнаго Луки и конторы но-

---

учителя въ Москвѣ, живя въ монастырѣ, онъ получалъ жалованья 150 рублей; теперь же «при публичномъ мѣстѣ обрѣтаяся, гдѣ всякій харчъ цѣною противу московскаго вдвое, а по времени и втрое, дражайше покупается, — а жалованья положено всего 250 рублей, — что и въ единому пропитанію не довлѣетъ. О семъ Ваше Святѣйшество милостивое прошу учинить обо мнѣ разсмотрѣніе, чтобы мнѣ отъ глада и хлада не погибнути», — заключаетъ свое доношеніе іеромонахъ Лука. (См. Архивъ Св. Синода, дѣло № 736, 1832 года).

([1]) На близкое отношеніе къ настоящему дѣлу преосвященнаго Луки есть указаніе и въ самой проповѣди: «и у насъ много случаются, которые святымъ апостоламъ въ трудахъ ихъ не подражаютъ да и подражающихъ имъ богоугодныхъ мужей зѣльно ненавидятъ, пречестную ихъ славу, которая благоразумному мужу толь любима и пріятна, что лучше ему умрети, нежели оную погубити, кажется по подобію лютѣйшихъ звѣрей, пардовъ, не милостивно терзаютъ и съ блатомъ мѣшаютъ». См. ниже.

вокрещенскихъ дѣлъ, производилось дѣло о татаринѣ Сулейманѣ Нуркинѣ, который совратилъ въ магометанство крещенныхъ уже калмыковъ и совершилъ надъ ними обрѣзаніе. Изъ губернской канцеляріи и изъ консисторіи, а равно и изъ конторы новокрещенскихъ дѣлъ, Баранчееву дано было знать промеморіями, чтобы сихъ татаръ, какъ находящихся подъ слѣдствіемъ, никуда не отпускать, и паспортовъ имъ не давать. Не смотря на то, Баранчеевъ, самопроизвольно прекратя слѣдствіе, далъ подсудимымъ пашпорты для отъѣзда въ Петербургъ,—«чѣмъ явно обнаружилъ себя не только содружникомъ татаръ, но и прилежнѣйшимъ нечестія рачителемъ, пренебрегая указы и являя крайнюю противу должности христіанской противность». Былъ и третій подобный случай. Указали Сената въ казанскую губернскую канцелярію и Святѣйшаго Синода къ преосвященному Лукѣ повелѣно было, въ замѣнъ земли, взятой у татаръ, жившихъ въ татарской слободѣ, подъ церковь для принявшихъ изъ нихъ крещеніе, дать имъ соотвѣтствующее количество удобной земли въ другомъ мѣстѣ, что́ и сдѣлано преосвященнымъ совмѣстно съ губернскою канцеляріею и о чемъ рапортовано въ Святѣйшій Синодъ и Сенатъ. «Оный Баранчеевъ, по крайней своей злости, не хотя видѣть добра и покоя, изъ тѣхъ татаръ ябедниковъ съ пашпортами въ С.-Петербургъ отправилъ, тщася каковымъ-либо способомъ дѣло Божіе, ростящее къ созданію вѣры, испровергнуть,—почему оный Баранчеевъ не токмо общимъ враждебникомъ, но и въ христіанствѣ сумнительнымъ быть видится». Изъ всѣхъ этихъ фактовъ преосвященный заключаетъ, что «экспликуя ту проповѣдь указамъ

противною, Баранчеевъ хотѣлъ тѣмъ озлобить не токмо того проповѣдника, но и всему чину духовному нанести укоризну и воспрепятствовать дѣйству проповѣди слова Божія, вознегодовавъ на нее за то, что она обличала нечистую его совѣсть. Въ самой же проповѣди ни каковыхъ противныхъ указу словъ не находится».

О личности проповѣдника мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ документальныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ кіевской или московской академіи, которыхъ выписалъ въ Казань преосвященный Лука въ качествѣ учителей для своей семинаріи, устроенной имъ совершенно на образецъ академіи, съ тѣмъ же почти составомъ классовъ и съ тѣмъ же курсомъ наукъ. Точное выполненіе отцемъ Патрикіемъ въ своей проповѣди всѣхъ предписаній тогдашней риторики, господствовавшей въ кіевской и московской академіяхъ, относительно построенія проповѣди, ея раздѣленія на части и пр., чисто латинская, ломоносовски-правильная конструкція рѣчи въ ней—совершенно такая, какая свойственна была людямъ, проходившимъ весь курсъ наукъ на латинскомъ языкѣ, убѣждаютъ насъ въ этомъ предположеніи. Самое «слово» любопытно съ точки зрѣнія гомилетической—какъ доказательство того, какъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе въ русской проповѣди того времени слабѣетъ схоластическій элементъ: относительно построенія проповѣди и языка оставаясь вѣрнымъ школьной традиціи, провинціальный проповѣдникъ въ содержаніе проповѣди смѣло привноситъ новый, жизненный публицистическій элементъ,—рядъ удачныхъ намековъ на лица, на поря-

докъ теченія общественныхъ дѣлъ въ мѣстномъ обществѣ,—отнюдь не хуже, чѣмъ какъ это дѣлали современныя ему ораторскія знаменитости Москвы и Петербурга—Сѣченовъ, Флоринскій, Юшкевичъ.

Обратимся къ самой проповѣди отца Патрикія.

Исходнымъ пунктомъ своей проповѣди проповѣдникъ беретъ слова апостола (1 Кор. гл. 3): *кійждо пріемлетъ мзду по своему труду*. Экзордіумъ или вступленіе составляетъ «интерпретація» этихъ словъ, состоящая, согласно предписанію риторики, въ исчисленіи видовъ общихъ понятій *кійждо* и *мзда*. «Добрымъ истиннаго и нелицемѣрнаго труда заслугамъ всегда достойное послѣдовати обыче возмездіе, слушатели благочестивые. Трудолюбивый *земледѣлецъ* зѣло великіе полагаетъ труды, егда въ веселое теплаго лѣта время на широкое со острымъ раломъ своимъ выѣхавши поле, ужемъ жребодаянія себѣ опредѣленную оретъ землю и различныя во овую полагаетъ сѣмяна, но послѣжде обильнѣйшіе сѣянія и горанія своего собираетъ плоды, ими же чрезъ годищное паки время бѣдное свое безъ нужды опровождаетъ житіе. Великою одаренный храбростію *воинъ*, коль довольные съ чела своего изливаетъ слезнаго пота токи, коль неудобосносные подъемлетъ тяжести противу лютаго за сладчайшее отечество непріятеля кровавой брани совершая подвигъ, обаче за сіе реченное себѣ отъ государя своего получаетъ награжденіе, похвальнымъ знаменитыя славы вѣнцемъ вѣнчается и златую на выю свою пріемлетъ гривну. Прилежный *виноградодѣлатель* не въ зѣльномъ ли пребываетъ трудѣ, виноградъ свой насаждая и напаяя и крѣпкимъ его ограждая оплотомъ, однако и той конечно мзды своея не

липается: убо созрѣвшимъ винограда того плодомъ до сытости онаго насыщается. Кто же на послѣдокъ изобрѣстися можетъ, иже бы неусыпное о стадѣ своемъ имѣлъ попеченіе и отъ сладкаго тѣхъ не вкушалъ бы млека, ниже бы теплою ихъ тѣло свое одѣвалъ волною? Во истину, яко же мрачная сѣнь солнечнаго во слѣдъ ходитъ свѣта, сице добрымъ искренняго труда заслугамъ достойное всегда послѣдуетъ возмездіе... *Кійждо свою мзду пріиметъ по своему труду*... Въ достовѣрнѣйшій сея вещи примѣръ умыслилъ я предложить нынѣ празднественно почитаемыхъ святыхъ апостолъ, которые достойную мзду себѣ пріяти сподобилися, яко искреннія и нелицемѣрныя подняли труды и подвиги».

Согласно выраженной въ послѣднихъ словахъ *θемѣ*, «наррація» проповѣди и состоитъ въ рѣшеніи двухъ вопросовъ: 1) какіе св. апостоловъ были труды, и 2) кая имъ по трудѣхъ тѣхъ мзда воспослѣдовала. Раскрытіе этихъ предметовъ не лишено, по видимому, заднихъ мыслей и намековъ, предназначавшихся, конечно, не столько «для многонароднаго собранія», сколько для «многихъ знатныхъ персонъ» Казани, присутствовавшихъ при произнесеніи проповѣди. Хотя всѣ апостолы понесли великіе труды въ дѣлѣ проповѣди Христова ученія, но св. Петръ и Павелъ паче всѣхъ потрудились; о нихъ преимущественно можно сказать: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концѣ вселенныя глаголы ихъ. Они, преимущественно, отгнали эллинскую прелесть и сокрушили немощныя демоновъ дерзости. «И что всего дивнѣйше есть, продолжаетъ проповѣдникъ, яко сіи простяки немощни и худородни суще, единъ рыболовъ, другій шатродѣла-

тель, самымъ сильнѣйшимъ царемъ и владыкамъ дерзновенно сопротивилися, и въ Римъ пришедше, самого императора римскаго Нерона свободнымъ гласомъ обличить не убоялись, о его же лютости звѣрообразной Тацитъ историкъ изрядно повѣствуетъ, яко онъ безбожный мучитель, недовольствуяся общею на христіанъ ненавистію, приложилъ еще самую тягчайшую клевету: самъ велѣлъ Римъ зажещи, а въ народъ слухъ пустилъ, что христіане то сдѣлали... Онъ же звѣрообразный мучитель велѣлъ христіанъ звѣриными шкурами обшивать и такъ на псы ловчіе выводить. То едина его потѣха была, а съ другими другая: многихъ повелѣлъ сѣрчатою лучиною обвязать и обмазывать воскомъ и къ сваямъ привязанныхъ въ саду зажигать для свѣта въ нощныхъ своихъ потѣхахъ. До здѣ Тацитъ. Мы же на прежняя возвратимся. Не сія ли апостоли были всего міра предстатели? Не сія ли богопротивныхъ еретиковъ посрамивше, церковь святую на незыблемомъ камени Христѣ утвердили?»...

Изложивши, затѣмъ, со всею подробностію словами книги Дѣяній апостольскихъ и посланій Павловыхъ всѣ частные факты проповѣдническихъ подвиговъ св. Петра и Павла, проповѣдникъ обращается ко второму, поставленному имъ вопросу: «какая имъ по трудамъ мзда воспослѣдовала? Несомнѣнно утверждаю, что трудившіеся имени ради Христова празднуеміи нынѣ святіи апостоли не иную мзду по трудахъ своихъ получили, точію славу присносущную, блаженство безконечное и царство небесное». Въ подтвержденіе своей мысли проповѣдникъ разсматриваетъ притчу о дѣлателяхъ въ виноградникѣ, нанятыхъ

виноградаремъ въ третій, шестый, девятый и единонадесятый часъ, приводитъ объясненіе ея св. Григоріемъ Двоесловомъ и другими отцами и наконецъ переходитъ къ правоучительной части проповѣди. «И нынѣ трудящіеся имени ради Христова и Господу искренно работающіи неравную о себѣ мзду на небѣ получити имѣютъ, но за большій трудъ большая мзда будетъ, за меньшій же меньшая, звѣзда бо отъ звѣзды разнествуетъ во славѣ... Всякъ бо отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится... И никто же чрезъ чуждую добродѣтель, то есть чрезъ заслуги предковъ и родителей, сродниковъ и знаемыхъ, можетъ себѣ стяжати благодать у Бога и святъ быти, развѣ точію чрезъ собственные труды. Якоже добродѣтель родительская развѣ добродѣтельнымъ наслѣдникомъ бываетъ полезна, злымъ же никакоже помоществуетъ: такожде и сопротивнѣ—добродѣтель внуковъ и правнуковъ, Богу угодившихъ, не можетъ праотцемъ, во грѣсѣхъ умершимъ, полезна быти. Яко же ни Христосъ таковыхъ праотецъ своихъ восхотѣлъ избавити. Кто святѣйшій Христа, а праотцамъ своимъ, ихъ же праведный судъ Божій за премногая и безмѣрная беззаконія въ геенну осуди, тѣмъ помощи никакоже изволилъ есть».

Затѣмъ слѣдуетъ заключительная часть слова, содержащая въ себѣ тѣ «непристойныя и противныя указамъ слова», которыя такъ оскорбили Баранчеева и Бахметева. «...Слышавше о трудѣхъ нынѣ праздпуемыхъ святыхъ апостоловъ, въ обращеніи къ Вѣрѣ Христовой обратимъ убо на себе слово, и разсмотримъ прилежно, какъ то мы, христіане именуемы, въ таковыхъ же трудахъ подражаемъ апостоламъ?

Якоже въ прежнія времена многи бывали таковіи, которіи апостоламъ не согласуя, о скверныхъ кумирахъ поборали, тако и у насъ многи случаются, которіи не только въ такихъ же трудахъ нынѣ празднуемымъ апостоламъ не подражаютъ, но еще противная онымъ по истинѣ содѣваютъ. Апостоли Христовы по всему міру странствовали, слово Божіе проповѣдающе, а у насъ многи случаются, которые столько какъ до татарскія слободы подлѣ самаго нашего города имѣющіяся, ради добраго увѣщанія, еже бы язычникамъ злочестивое суевѣріе оставити, въ вѣру же Христову обратитися, никогда же поити не желаютъ. Апостоли Христовы множайшихъ еллиновъ, отнюдь увѣрить не хотящихъ, премудрымъ ученіемъ своимъ въ познаніе Бога и въ вѣру привлекали Христову; а у насъ многи случаются, которые самоизвольно приходящихъ иновѣрцевъ нечестивымъ совѣтомъ своимъ отвращаютъ и отъ вѣры отгоняютъ. Апостоли Христовы, грады и веси проходяще, ложныхъ языческихъ боговъ капища небоязненно разоряли и мерзкихъ идоло̀въ, въ нихъ же нечистіи духи бѣсовстіи гнѣздишася, вовсе сокрушали; а у насъ многи случаются, которіи богомерзкая капища или, паче рещи, магометанскія мечети разоренныя уже не только возобновить, но, ежели-бъ христіаномъ не зазорно-бъ было, и вновь руками своими сооружать скверныхъ ради прибытковъ, не отреклися-бъ. А что всего худше есть, яко у насъ многи случаются, которіи святымъ апостоламъ Петру и Павлу въ таковыхъ же трудахъ отнюдь не подражаютъ, да и подражающихъ имъ богоугодныхъ мужей лукавымъ наущеніемъ діаволимъ зѣльно ненавидятъ, сатанинскою

на нихъ злобою безстуднѣ дышутъ, пречестную ихъ славу, которая благоразумному мужу толь любима и пріятна есть, что лучше ему умрети, нежели оную погубити, кажется по подобію лютѣйшихъ звѣрей, пардовъ, немилостивно терзаютъ, и съ блатомъ мѣшаютъ. Оле крайняго сицевыхъ безумія! Оле тяжкаго ослѣпленія! Не вси же, повторяя глаголю, но только нѣкоторіи толь развращеннаго случаются состоянія: убо вопреки множайшіи у насъ таковіи обрѣтаются, которые по всему нынѣ празднуемымъ апостоламъ въ трудахъ подражаютъ. Изряднѣе же подражаетъ въ трудахъ нынѣ празднуемымъ апостоламъ Петру и Павлу матерь отечества всероссійскаго благочестивѣйшая государыня наша Елизаветъ Петровна, императрица августѣйшая, такожде нынѣшній имянинникъ благовѣрный государь и великій князь Петръ Ѳедоровичъ, въ чемъ и любезнѣйшая его супруга Екатерина Алексѣевна не несогласна быти видится. Сихъ бо всеусерднымъ стараніемъ столько уже языческаго народу въ вѣру Христову обратилось, сколько въ полунощное наипаче зимы время свѣтло на тверди небесной звѣздъ исчислити возможно есть. Сихъ-то стараніемъ уже православные тамо съ пречестными иконами созерцаемъ церкви, гдѣ прежде магометанскіе съ гнусными идолами были мечети. Сихъ стараніемъ уже имя Божіе тамо отъ христіанъ прославляется, гдѣ прежде магометанскій кумиръ почитался. Сихъ стараніемъ уже христіанское тамо процвѣтаетъ благочестіе, гдѣ прежде магометанское суевѣрное возрастало нечестіе,—за которое ихъ всеусердное и апостолоревностное стараніе въ обращеніи языческаго народа къ вѣрѣ Христовой уже и мзда имъ

равноапостольная отъ Христа Господа готовится въ царствіи небесномъ. Еже буди имъ получити, купно же и всѣмъ имени ради Христова труждающимся, молитвами св. апостолъ Петра и Павла. Аминь».

Неизвѣстно, чѣмъ окончилось настоящее дѣло. Изъ дѣла, впрочемъ, видно, что Св. Синодъ склонился на сторону игумена Патрикія и преосв. Луки: въ концѣ дѣла, на послѣднемъ листѣ на справку выписано изъ «докладныхъ Святѣйшаго Синода блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государю императору Петру Великому пунктовъ» слѣдующее: «когда кто за проповѣдь на священника вознегодуетъ, за то, что проповѣдію иногда въ чемъ о совѣсти своей можетъ обличено быть и начнетъ чинить священнику отмщеніе или обиду,—на оной пунктъ собственною его величества рукою написано тако: «противъ прочихъ воровствовъ по важности вины».

Н. Барсовъ.

ДЕСЯТЬ ПОУЧЕНІЙ

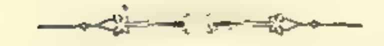
ПЕРВАГО РУССКАГО ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ,

ИГУМЕНА

ПАЛЛАДІЯ РОГОВСКАГО,

съ предисловіемъ

Протоіерея С. Смирнова.



МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°, Леонтьев. пер., собств. домъ.
1883.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.

Академіи Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

Десять поученій перваго русскаго доктора Богословія, игумена Палладія Роговскаго.

Личность Палладія Роговскаго весьма замѣчательна. Сообщаемъ свѣдѣнія о немъ на основаніи его собственныхъ показаній [1]). Онъ родился въ 1655 году въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ одной изъ вотчинъ Колязинскаго Макаріева монастыря. Фамилія его была Роговъ. Достигнувъ юношескаго возраста, онъ отправился въ Новгородъ и принялъ монашество въ Саввинѣ Вишерскомъ монастырѣ (въ 7 верстахъ отъ Новгорода); чрезъ нѣсколько времени прибылъ въ Москву и тамъ Тамбовскимъ епископомъ Леонтіемъ (1682—1685), бывшимъ на Московскомъ соборѣ 1682 года, рукоположенъ во іеродіакона въ его епархію, куда и отправился. Когда Леонтій въ 1685 году назначенъ викаріемъ Новгородскаго митрополита Корнилія и переименованъ епископомъ Корельскимъ и Ладожскимъ, Палладій явился опять въ Москвѣ и подалъ патріарху Іоакиму челобитную, въ которой просилъ принять его для изученія греческаго и латинскаго языковъ въ школу Московскаго Богоявленскаго монастыря, въ которой открыли первоначально ученіе извѣстные братья Лихуды.

---

[1]) См. челобитную его къ Патріарху, Адріану въ древн. Росс. Вивліоѳикѣ т. XVIII.

Получивъ разрѣшеніе, онъ учился у Лихудовъ полтора года вмѣстѣ съ Барсовымъ, Поликарповымъ, Головинымъ и монахомъ Іовомъ и состоялъ іеродіакономъ при Богоявленскомъ монастырѣ. Но, „желая совершеннаго ученія“, онъ удалился изъ Москвы въ Польшу, гдѣ снялъ иноческое платье и измѣнилъ свою фамилію,—изъ Рогова сдѣлался Роговскимъ [1]). Въ Вильнѣ онъ учился въ іезуитской школѣ, откуда отправился въ Силезію и въ городѣ Нейссе провелъ еще годъ, „учася піитическому разуму“ и продолжая содержать православную вѣру. Изъ Силезіи онъ переправился въ Моравію, желая вступить въ Ольмюцѣ въ іезуитскую школу. Но Ольмюцкіе іезуиты не соглашались допустить его въ школу, если онъ не приметъ уніи, и Палладій рѣшился изъ любви къ наукѣ на временное, впрочемъ только кажущееся, отступленіе отъ православія. Это открыло ему дорогу въ Римъ, куда онъ прибылъ съ аттестатомъ и рекомендаціями отъ Ольмюцкихъ іезуитовъ, „ради лучшаго ученія философіи и Богословіи“. Здѣсь онъ поступилъ въ Грекоуніатскій коллегіумъ и прожилъ семь лѣтъ, занимаясь науками. Въ тоже время въ санѣ діакона онъ служилъ въ церкви св. Аѳанасія Александрійскаго, находящейся при Коллегіи, въ которой настоятельствовалъ Онуфрій, митрополитъ Македонскій. Вскорѣ онъ рукоположилъ Палладія въ іеромонаха. По окончаніи полнаго курса ученія въ Коллегіумѣ, Палладій получилъ дипломъ доктора богословія и философіи, причемъ возложенъ былъ на голову его вѣнокъ, а на палецъ надѣтъ перстень.

---

1) Съ фамиліею: Роговъ Палладій учился у Лихудовъ, какъ свидѣтельствуетъ товарищъ его Поликарповъ, въ исторіи Академіи. См. Древн. Росс. Вивліоѳ. т. XVI.

Теперь пришло время подумать ему о возвращеніи на родину, и онъ подалъ прошеніе на имя папы Иннокентія XII, чтобы отпустили его въ уніатскіе Малороссійскіе монастыри, состоявшіе подъ властію короля Польскаго. Просьба его была уважена, и онъ отпущенъ былъ изъ Рима. Но его совѣсть страшно тяготилась отступничествомъ отъ православія, и онъ желалъ очистить ее, не оставляя еще Италіи. Въ Венеціи была колонія православныхъ Грековъ, имѣвшихъ своего архипастыря, носившаго титулъ митрополита Филадельфійскаго и состоявшаго подъ властію патріарха Константинопольскаго. Митрополитомъ въ то время былъ Мелетій, котораго Палладій называетъ намѣстникомъ Цареградскаго патріарха Каллиника. Палладій обратился къ нему съ раскаяніемъ и мольбою о принятіи его, какъ заблудшей овцы, въ недра православной церкви, отъ которой состоялъ онъ въ отступничествѣ семь лѣтъ. Митрополитъ, видя его искреннее раскаяніе, выслушалъ отъ него православное исповѣданіе вѣры и исправилъ его по правиламъ св. отецъ, и разрѣшивъ ему грѣхъ отступничества, присоединилъ къ православной церкви и дозволилъ вмѣстѣ съ нимъ священнодѣйствовать.

Оставалось Палладію, успокоенному въ совѣсти, отправиться въ Россію, но его безпокоила мысль, какъ тамъ примутъ бывшаго отступника отъ православія, простятъ ли ему ученіе въ еретическихъ школахъ и рукоположеніе отъ архіерея схизматика. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, какъ бы не задержали его во враждебной намъ Польшѣ. Къ счастію Палладія въ это время въ Венеціи былъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, вскорѣ послѣ того бывшій посланникъ въ Вѣнѣ (1700—1705). Онъ принялъ участіе въ Палладіѣ и взялъ его съ собою въ Москву,

куда онъ прибылъ въ 1699 году. Здѣсь Палладій подалъ патріарху Адріану челобитную, въ которой просилъ простить ему грѣхъ отступничества и принять его въ православную церковь. Февраля 10, 1699 г. патріархъ приказалъ, чтобы Палладій представилъ исповѣданіе вѣры, описалъ исторію своего пребыванія за границей и своего отступленія отъ православія, изрекъ самъ собѣ приговоръ, какъ подобный грѣхъ судится по богословскому ученію, и наконецъ, чтобъ изложилъ всѣ заблужденія Римской Церкви и проклялъ ихъ торжественно предъ соборомъ и народомъ, подвергая себя наказанію по правиламъ церковнымъ [1]). Все это было сдѣлано Палладіемъ. Послѣ исповѣданія вѣры и описанія своего заграничнаго странствованія, онъ перечислилъ заблужденія Римской церкви, въ числѣ двадцати пяти, съ присовокупленіемъ доказательствъ, приводимыхъ римскими католиками въ подтвержденіе ихъ ученія. Въ заключеніе онъ написалъ, что всѣ эти Римскіе догматы, противные ученію православной церкви, онъ осуждаетъ, отметаетъ, проклинаетъ и предаетъ анаѳемѣ. Исповѣдь подписана Палладіемъ 9 апрѣля 1699 года. Прежде чѣмъ принять Палладія въ общеніе съ церковью, патріархъ наложилъ на него епитимію и послалъ его подъ началъ въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь онъ пробылъ не долго и 2 іюня по указу патріарха принятъ въ церковное общеніе. Но оставался еще одинъ вопросъ, можетъ ли Палладій, получившій священство отъ архіерея схизматика, быть признанъ въ санѣ священника. Для рѣшенія этого вопроса въ руководство взята была грамота Макарія, патріарха Антіохійскаго къ патріарху Никону, писанная въ 1657 году; въ ней было сказано, что хиро-

---

[1]) Все это въ древн. Росс. Вивліоѳ. т. XVIII.

тописанныхъ латинами не должно рукополагать вторично, а православный архіерей только облачитъ ихъ съ произнесеніемъ стиховъ, какіе употребляются при облаченіи священнослужителей, потомъ вручитъ имъ служебникъ и затѣмъ причащаетъ ихъ вмѣстѣ съ другими.

Въ слѣдующемъ 1700 году Палладій опредѣленъ учителемъ Славяно-греко-латинской Академіи, помѣщавшейся въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и поставленъ игуменомъ этого монастыря. Онъ оставилъ по себѣ память въ монастырѣ тѣмъ, что устроилъ галлерею вокругъ церкви. Но онъ недолго управлялъ монастыремъ и училъ въ Академіи. Изнуренный трудами продолжительнаго изученія наукъ на Западѣ, онъ скончался въ январѣ 1703 года и погребенъ въ трапезѣ Заиконоспасскаго монастыря, гдѣ сохранилась слѣдующая надпись:

„Лѣта 1703 іаннуарія мѣсяца 23 дня въ 15 часъ подъ утро преставися сея обители игуменъ Палладій и положенъ здѣ тѣлеснѣ, правилъ обитель сію лѣта 3, пекійся о созданіи трапезы сія, живъ лѣтъ отъ рожденія своего 48, его же душѣ милостивъ буде Творче, въ Троицѣ славимый. Аминь.“

Изъ трудовъ Палладія Роговскаго извѣстны были до сего времени его исповѣданіе вѣры, напечатанное въ древней Россійской Вивліоѳикѣ (т. XVIII), и еще переводъ церковной исторіи Никифора Каллиста [1]); но ему принадлежитъ еще нѣсколько поученій, которыя сохранились въ одномъ рукописномъ сборникѣ in 4to, принадлежащемъ Ярославскому Спасскому монастырю и значущемся подъ № 170. Сборникъ

[1]) Филарета Черниговъ. Обзоръ Русской дух. литтер. 1,249.

писанъ въ началѣ XVIII столѣтія и заключаетъ въ себѣ: 1) десять поученій на слѣдующіе праздники: Рождество Богородицы, Воздвиженіе честнаго креста, Введеніе Богородицы, Рождество Христово, Крещеніе Господне, Благовѣщеніе Богородицы, Преображеніе Господне, Успеніе Богородицы и въ недѣлю 28 по Пятдесятницѣ; 2) Проскинитарій Святыя горы Аѳона, доктора Іоанна Комнина, съ напечатаннаго на греческомъ языкѣ въ Бухарестѣ въ 1701 году переведенный на славянскій языкъ; 3) Исторію церковную Никифора Каллиста Ксанѳопула „съ греко-латинскаго языка переведена грѣшнымъ и недостойнымъ Палладіемъ, игуменомъ Спасскаго монастыря, что за иконнымъ рядомъ, рожденіемъ отъ Кашина града."

На поученіяхъ не обозначено имя проповѣдника; но и по содержанію и по указанію, встрѣчающемуся въ одномъ изъ поученій, поученія несомнѣнно принадлежатъ Палладію Роговскому. Содержаніе поученій ясно показываетъ въ авторѣ православнаго русскаго, получившаго образованіе заграницею, отлично знавшаго церковные порядки у римскихъ католиковъ, ихъ ученіе и писателей. Въ поученіи на Введеніе есть такое указаніе на время жизни автора: «сей убо праздникъ не въ давныя лѣта, *едва лѣтъ со двѣсти* уставилъ праздновати Павелъ вторый, Папежь». Папа Павелъ II управлялъ Римскою церковію съ 1464 по 1471. Время свое проповѣдникъ обозначилъ, конечно, не съ совершенною точностію, но неточность заключается въ немногихъ годахъ. Замѣтимъ еще, что поученія писаны тѣмъ же почеркомъ, какимъ писана исторія Никифора Каллиста.

Поученія были произнесены въ церкви и, безъ сомнѣнія, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, всего вѣроятнѣе въ 1701, или 1702 году. Въ поученіи на Преображеніе проповѣдникъ обращается къ слуша-

телямъ: „возлюбленніи братія, возлюбленніи слышателіе“. Главная задача поученій—объяснить слушателямъ происхожденіе того или другаго праздника, причемъ проповѣдникъ пользуется почти исключительно одними указаніями римскихъ католиковъ и потому впадаетъ въ ошибки. Онъ приводитъ мѣста изъ сочиненій многихъ католическихъ писателей и, замѣтно, любитъ щеголять своими познаніями въ литературѣ западной. Очевидно, онъ имѣлъ при этомъ въ виду своихъ учениковъ, студентовъ Заиконоспаской Академіи. Читая поученія Палладія можно бы подумать, что ихъ писалъ римскій католикъ, или уніатъ, но проповѣдникъ держитъ себя на сторонѣ православной восточной церкви и выдѣляетъ себя изъ числа послѣдователей римско-католическаго ученія, которыхъ называетъ „западными христіанами“ и мѣстопребываніе ихъ „западными странами“, противупоставляя ихъ религіознымъ учрежденіямъ учрежденія церкви православной. (Поучен. на Воздвиженіе). Страннымъ послѣ этого можетъ показаться, какъ Палладій могъ рѣшиться въ публично произносимыхъ церковныхъ поученіяхъ ссылаться на авторитетъ писателей католическихъ, особенно послѣ того какъ въ своемъ исповѣданіи вѣры онъ такъ рѣшительно и рѣзко отнесся къ ученію и мнѣніямъ католиковъ. Можетъ быть, если бы живъ былъ патріархъ Адріанъ, Палладій не рѣшился бы писать и говорить такія поученія. Но по смерти Адріана († 15 окт. 1700 г.), когда мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола сдѣланъ Стефанъ Яворскій, Палладію открылась полная возможность публично блеснуть своимъ знаніемъ римскаго ученія. Самъ Яворскій, также воспитанникъ іезуитскихъ школъ, любилъ украшать свои поученія цитатами изъ писателей римскокатолическихъ, которыхъ онъ приводитъ болѣе двадцати и

чаще всѣхъ Дрекселія, Віейру, Мартанція и Фабра [1]). Понятно, что Палладій при Яворскомъ могъ чувствовать себя совершенно свободно и приводить въ своихъ поученіяхъ какихъ угодно писателей западныхъ: такъ мы у него встрѣчаемъ ссылки на мнѣнія и свидѣтельства Анзельма Кентербурійскаго, Наталиса, Лонгобарда, Беллярмина и многихъ другихъ. Однако же надобно сказать и то, что Палладій не увлекался ихъ мнѣніями до такой степени, чтобы слѣдовать имъ безъ разбора: такъ напр. въ поученіи на Рождество Богородицы онъ отвергаетъ ученіе римскихъ католиковъ о непорочномъ зачатіи Богоматери. Тоже видимъ и въ другихъ его поученіяхъ.

Прот. С. Смирновъ.

---

[1]) См. Христіан. Чтен. 1867 I. стр. 264.

Поученія на праздники господскіе и богородичны, избранны отъ словъ Божественнаго Писанія.

Поученіе на Рождество Пресвятыя Богородицы.

Возсія день радостенъ и праздникъ пречестенъ, днесь бо родися Мати живота.

Нынѣшняго убо дне церковь святая празднуетъ праздникъ Рождество Пресвятыя Богородицы Дѣвы Маріи изъ утробы матери ея Анны святыя. О семъ убо праздницѣ церковь христіанская изъ давныхъ лѣтъ не вѣдала: такоже и зачатіе ея прежде многихъ лѣтъ не праздновано было, но зачатія праздникъ повелѣлъ праздновати недавно Ансельмъ, архіепископъ Кантуарійскій [1]), яко о томъ пишетъ Петръ Денаталибъ [2]); той Ансельмъ архіепископъ тако рекъ: той есть немилостивый, и неблагочестивый, иже не хощетъ праздновати праздника зачатія Пресвятыя Богородицы

---

[1]) Ансельмъ, архіепископъ Кентербурійскій († 1109 г.), извѣстенъ многими учеными трактатами. Здѣсь имѣется въ виду его трактатъ de conceptu virginali et originali peccato.

[2]) Petrus de Natalibus, епископъ Изолійскій, въ Венеціанской республикѣ, жившій въ XIV вѣкѣ, извѣстенъ, какъ авторъ книги: Catalogus Martyrum et sanctorum.

А Лонгобарда гисторикъ [3]) тако пишетъ, иже той праздникъ зачатія Пресвятыя Богородицы уставилъ праздновати Гелсинъ, Опатъ (строитель) Ртеменскій. Обаче не всюду его церковь праздновала, не отъ всѣхъ былъ сей праздникъ пріятъ, якоже тако пишетъ Белларіушъ [4]): былъ тогда великій споръ между христіаны; овіи рекли: подобаетъ сей праздникъ церкви предати; а иніи тако рекли: аще всякому святому праздновати зачатіе и рождество, или кому похочешь, тако бы тому и конца не было, и праздникомъ не было бы и числа. Аще зачатіе ея свято и отъ святыхъ родителей, но обаче не отъ Духа Святаго. Но въ таковомъ спорѣ, того ради тогда не вездѣ празднована зачатіе ея. А нынѣшній убо праздникъ, Рождество Пресвятыя Богородицы, такожде его прежде не было, якоже и выше речеся. Но уставилъ сей праздникъ праздновати, Рождество Пресвятыя Богородицы, и святити его повелѣлъ Сергій Папежъ [5]) таковыя ради вины: былъ нѣкій благочестивый мужъ, слышалъ на небеси ангеловъ веселящихся, а егда онъ вопросилъ вины онаго веселія, и тогда ему возвѣщено тако: иже благословенная Дѣва Марія родилася тоя нощи. Съ того времене уставился сей праздникъ праздновати. Послѣди же къ тому празднику Иннокентій четвертый [6]), егда

---

[3]) Павелъ Лонгобардъ, діаковъ Аквилейскій, иначе называвшійся Винфридъ, писатель VIII вѣка. Изъ его сочиненій всего болѣе извѣстна его Historia Longobardorum. Здѣсь же приводится мѣсто, изъ его postillae на всѣ годовые праздники

[4]) Ученый кардиналъ Беллярминъ жилъ во второй половинѣ XVI и въ первой XVII вѣка. Здѣсь приводится выписка изъ его сочиненія: disputationes de controversiis fidei adversus huius temporis haereticos.

[5]) Разумѣется папа Сергій 1. (687—701). Но въ западной церкви праздникъ упоминается ранѣе, именно въ сакраментаріѣ папы Геласія (492—496) и Григорія Двоеслова (590—604). Въ восточной же церкви праздникъ этотъ былъ извѣстенъ еще въ IV вѣкѣ.

[6]) Иннокентій IV управлялъ римскою церковію 1243—1254 г.

учинился папежемъ, отданіе положилъ тоя ради вины: былъ тогда споръ и несогласіе о избраніи папежа, и тогда народъ и духовенство обѣщаніе творили о согласіи въ избраніи папежа: и тогда согласяся, избрали и поставили папежа Иннокентія. Того ради той Иннокентій четвертый отданіе сему празднику Рождеству Богородицы положилъ: а иніи убо пишутъ, иже послѣди того Григорій первый надесять папежъ [7]) къ сему празднику всенощное приложилъ. И тако сей праздникъ уставися праздновати. Здѣ убо прежде речемъ о зачатіи Пресвятыя Дѣвы Маріи, каковымъ убо обычаемъ зачалася Дѣва Марія во утробѣ матери своея Анны. Нѣцыи убо разумѣютъ, иже не чрезъ дѣйство супружеское, но токмо чрезъ едино тамо между ими цѣлованіе. Таковое разумѣніе отмещетъ Дисцыпулъ мнихъ [8]), аще и доминиканъ суть: тако, рече, зачала святая, но не отъ цѣлованія, яко нѣціи неискусніи и простіи глаголютъ. Но зачалася убо Дѣва Марія во утробѣ Анны святыя прирожденнымъ обычаемъ, общимъ человѣческимъ, то есть дѣйствомъ супружескимъ, слученіемъ Іоакима со Анною, обаче не съ похотѣнія разженныя человѣческія плоти: но съ любовію и со желаніемъ ради плода, дабы въ немъ было благословенно имя Господне, якоже тако и Товія рече. Еще и того ради, дабы поношеніе и укореніе отъ нихъ отъято было, якоже убо пишетъ Лонгобарда гисторикъ: сосѣди ругалися имъ и поносили безчадія ихъ

---

7) Григорій XI управлялъ 1370—1378 г.

8) Дисципулъ, Доминиканскій монахъ, извѣстный въ свое время богословъ и проповѣдникъ, жившій въ XV вѣкѣ. Его фамилія была собственно Herolt (Iohannes), но онъ издавалъ свои сочиненія подъ именемъ: discipulus. Мѣсто, здѣсь приводимое, взято изъ его сочиненія: explicatio angelicae salutationis.

ради. Iереи отъ нихъ приношенія не пріимали. Того ради оба сѣтовали, и печальны были, у Господа Бога дѣторожденія просили. Еще гисторики и тако описуютъ, иже въ пустыни Iоакиму ангелъ возвѣстилъ тако: иже жена твоя зачала. Обаче не имамы того разумѣти, иже бы тако сотворилося безъ супружества и безъ сѣмени мужескаго, но ангелъ возвѣстилъ Iоакиму будущее, иже родитъ Анна. Не подобное убо дѣло еже бы кто имѣлъ родитися на земли выше прирожденія человѣческаго, но токмо единому то Сыну Божію таковое рожденіе належало. Тому единому естество уступило. Той убо сотворитель, всѣхъ дѣлъ Господь себе самого изъ Дѣвы, яко бы изъ земли вообразилъ, Той съ небесе сошелъ и плотію одѣяся Богъ Слово изъ Дѣвы святыя. Обаче и Дѣвы Маріи не было со грѣхомъ зачатіе ея: понеже тамо не было похотѣнія тѣлеснаго, услажденія ради, но токмо было желаніе дѣтородія, якоже и выше речеся. Да не меня убо того никто, иже зачалася святая дѣва Марія отъ Духа Святаго, а не отъ сѣмени мужескаго, но такое дѣло неслыханное, кромѣ зачатія Сына Божія: обаче прежде зачатія святая Дѣва Марія никакимъ обычаемъ не была освященна, ибо еще не зачалася. Но ни въ самомъ зачатіи, ради грѣха первороднаго, иже въ сродичахъ ея былъ, но по зачатіи во чревѣ матерни пріяла освященіе. Тое убо освященіе, отъявъ грѣхъ, сотворило свято рождество ея: обаче не со зачатія, но по зачатіи тако бысть. Како убо зачалася святая Дѣва Марія, во грѣсѣ ли первородномъ, или кромѣ грѣха? Разное убо мнѣніе о томъ у церковныхъ учителей: едини убо глаголютъ, иже зачалася святая Дѣва кромѣ грѣха первороднаго, а иніи глаголютъ иже во грѣсѣ первородномъ зачата есть. Здѣ убо

потреба воспомянути, что есть грѣхъ убо первородный. Грѣхъ убо первородный не иное что, иже вси есмы безъ первородныя справедливости (правды) родимся; вмѣсто всякаго блага, въ похотѣніи зломъ родимся: то есть растлѣніе, прирожденное во всякомъ человѣкѣ. И то растлѣнное прирожденіе наше велми таково склонно до злаго, иже не мыслить, ни рещи и ни творить ничесого добраго человѣкъ изъ себе не можетъ. А той грѣхъ первородный, злое растлѣнное наше похотѣніе на весь родъ человѣческій изъ Адама праотца нашего влечется не наслѣдованіемъ, яко учили древніе геретики Пелагіяне, но рожденіемъ и онаго привлащеніемъ (привлеченіемъ), всѣмъ убо сыновомъ Адамовымъ, иже изъ него родятся. Бываетъ привлащенъ; понеже вси есмы, будучи въ бедрахъ Адамовыхъ, чрезъ него согрѣшили, егда онъ согрѣшилъ, и таковыми родимся и бываемъ, каковый Адамъ по преступленіи былъ: изъ болѣзненнаго отца болѣзненныи суть и дѣти раждаются. Глаголетъ убо Златоустый тако: муринъ черный мурина чернаго и родитъ; кто изъ согрѣшившаго родича изыдетъ, вредомъ грѣха его врежденъ быти можетъ (имать), иже истинно показуется со оныхъ словъ Моисеовыхъ, иже тако рече: роди Адамъ сыны по образу своему и по подобію (1 Моис. 5). На каковый убо образъ и подобіе? Не на оное первое, на которое самъ былъ сотворенъ отъ Бога, его же погубилъ, и растлѣнна въ себѣ преступленіемъ и непослушаніемъ сотворилъ, но на свое подобіе и образъ, иже имѣлъ по преступленіи, то есть: неправедный неправедныхъ родилъ, виновный виновныхъ, нечистый нечистыхъ, смертный смертныхъ. О томъ первородномъ грѣхѣ свидѣтельствуетъ святое Писаніе; самъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ, спа-

ситель нашъ, тако рече: чувства и мысли сердца человѣческаго склонны суть до злаго отъ младости его (Быт. 8.): и Давидъ царь и пророкъ тако рече: въ беззаконіи зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя. И Павелъ святый тако написалъ: вси бо согрѣшиша и лишени суть славы Божія (Рим. 3.). Той же святый Павелъ такоже рече Давидовы словеса: нѣсть праведникъ никтоже, нѣсть разумѣвая и нѣсть взыскаяй Бога: вси уклонишася и вкупѣ непотребни быша. Нѣсть творяй благое, нѣсть ни единаго, и нѣсть страха Божія предъ очима ихъ (Псал. 13.). Той же еще рече: единѣмъ человѣкомъ грѣхъ вниде въ міръ; и грѣхомъ смерть, и тако на весь родъ человѣческій смерть пришла, о немъ же вси согрѣшили. Тойже еще рече: вси есмы жихомъ нѣкогда въ похотѣхъ плоти нашея, творяще волю плоти и помышленій и бѣхомъ со прирожденія сыны гнѣва, якоже и прочіи (Ефес. 2). Тойже еще рече тако: грѣха бо не познахъ, точію закономъ и похоти же не вѣдѣхъ, аще бы не законъ глагола (возвѣсти): не пожелай (Рим. 7.). Вину убо пріемъ грѣхъ заповѣдію, содѣла въ насъ во всѣхъ всяку похоть. Отъ сего убо первороднаго грѣха, нѣцыи глаголютъ, иже святая Дѣва Марія свободна была, безъ грѣха первороднаго зачалася; нѣцыи не токмо тако глаголютъ, иже безъ грѣха первороднаго зачалася, но и отъ всякаго повсядневнаго грѣха свободна; но нетокмо тако глаголютъ, но и писанію предаютъ, яко бы никогда и ничимъ предъ Богомъ не согрѣшила. Кто же тако и гдѣ глаголетъ? Соборъ Базилійскій [9]) рекъ тако, о зачатіи тоя святыя Дѣвы полагая; тако рече: святая Дѣва Марія зачалася

Базельскій соборъ издалъ это опредѣленіе 17 сентября 1433 года.

кромѣ грѣха первороднаго; но нетокмо кромѣ первороднаго, но и всегда была отъ всякаго свободна, была свята, и непорочна; инако убо всякому подостоитъ глаголати и учити. Мнихи убо францушкане велій споръ о томъ имѣютъ: едини глаголютъ, иже зачалася святая Дѣва безъ грѣха первороднаго, а другіе глаголютъ, иже зачалася во грѣсѣ первородномъ, и до днесь о томъ прѣпіе межъ себя веліе имѣютъ. Но писаніе святое свидѣтельствуетъ, иже вси человѣцы во грѣсѣ первородномъ зачинаются и родятся тако, яко есмы о томъ выше слышали; нѣсть свободенъ отъ того грѣха ни единъ человѣкъ, кромѣ самого Іисуса Христа. Той убо отъ Духа Святаго зачался; тако убо рече святый Петръ: Христосъ грѣха не сотвори, и ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его (1 Петр. 2). И Павелъ святый тако рече: не имамы іерея, иже бы не могъ пострадати немощемъ нашимъ: но искушеннаго во всѣхъ, кромѣ грѣха (Евр. 4). А о нынѣшномъ празднацѣ сходно учители церковные пишутъ: и прѣнія о томъ нигдѣ ни у кого нѣсть. Вси тако глаголютъ, иже Анна святая, мати Пресвятыя Дѣвы Маріи, неплодна была съ мужемъ своимъ Іоакимомъ чрезъ многое время. И часто у Господа Бога просили, дабы имъ далъ плодъ дѣтородія, и порожденное обѣщали въ даръ Господу Богу отдати. И тако услышалъ Господь Богъ молитву ихъ; и тогда Іоакимъ позналъ жену свою Анну, и зачатъ Анна отъ Іоакима и роди дщерь: и нарекоша ея Марія, и потомъ третіяго лѣта отдана бысть въ даръ Господу Богу и тамо пребывала единонадесяте лѣто, и потомъ зачала во чревѣ своемъ отъ Духа Свята Сына Божія, и родила нетлѣнно и несказанно Господа Іисуса Христа, Спасителя нашего. И тако къ намъ приближился Богъ плотію, и пришедши избавилъ насъ отъ области са-

танины и превелъ насъ отъ смерти въ животъ, и отъ тмы во свѣтъ, и отъ земли на небо, до царства своего, егоже и всѣхъ насъ сподоби Христе Боже нашъ молитвами Пречистыя Твоея Матере и приснодѣвы Маріи. Яко Тебѣ подобаетъ всяка слава, честь и поклоненіе купно со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Поученіе на Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста. Евангеліе отъ Іоанна, зачало 60.

Поемше Іисуса воини и ведоша Его на пропятіе. Іисусъ же нося крестъ свой изыде въ глаголемое лобное мѣсто, еже глаголется еврейски Голгоөа, идѣже пропяша Его.

Два праздника празднуютъ кресту Христову нѣцыи Христіане въ годъ: единъ праздникъ нарицаютъ его Воздвиженіе честнаго креста, егоже нынѣ церковь святая празднуетъ сентября въ 14 день, другій праздникъ нѣцыи христіане празднуютъ въ западныхъ странахъ: Обрѣтеніе честнаго креста царицею Еленою въ Іерусалимѣ. А той праздникъ празднуютъ западные христіане маія въ 3 день. Здѣ речемъ прежде о крестѣ Христовѣ: отъ чего былъ сотворенъ крестъ Христовъ и на какое подобіе. Сотворенъ былъ той крестъ не отъ желѣза, или мѣди, а ни отъ злата, ни отъ сребра, но отъ древа. Тако бо рече святый апостолъ Петръ: Христосъ грѣхи наша вознесе въ тѣлѣ своемъ на древо (1 Петр. 2). А тое древо называетъ Павелъ святый крестомъ; тако рече: Христосъ совокупилъ (соединилъ) обоихъ единѣмъ тѣломъ Богови крестомъ. О томъ древѣ издавна пророчествовала поганская пророчица Сивилла, — тако рече: о треблаженное древо, на немъ же самъ Богъ

будетъ плотію висѣти; о томъ древѣ крестномъ люди легкомысленные много разныхъ вещей написали, а удобѣе рещи, набаяли, откуду суть то древо взялося, и что имъ творилося, дондеже на немъ Христосъ не распятъ былъ. Пишутъ въ исторіяхъ своихъ, яко суть Белларій написалъ въ гисторіи своей зовомой схоластика, [10]) о древѣ крестнѣмъ, иже оно суть извлеченно изъ купели силуамскія. Но о томъ нѣсть свидѣтельства древнихъ историковъ и никакихъ истинныхъ доводовъ. А той крестъ, на немъ же Господь Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ распятъ былъ, на какое подобіе сотворенъ, — о томъ не согласуются учители и гисторики христіанстіи. Едини глаголютъ, иже той крестъ сотворенъ былъ на подобіе письмене *тверда*: яко глаголетъ Іеронимъ святый и Беда учитель [11]), а друзіи глаголютъ, иже той крестъ сотворенъ былъ съ трехъ древъ,—яко глаголютъ Ириней и Августинъ святый: едино было древо долгое, на немже лежало тѣло Іисусово, другое поперечное положено было чрезъ долгое древо; на томъ были прибиты гвоздми руцѣ Господни; третіе было внизу у оного перваго долгаго древа прямо стоящаго: до того древа были ноги Господни прибиты. А конецъ того перваго долгаго дерева былъ вышшя мало поперечнаго древа, до того конца прибито было надписаніе Пилатово: Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій. А истиннаго совершеннаго вѣдѣнія о томъ крестѣ Христовѣ нѣсть, того ради его разно пишутъ: едини полагаютъ выше долгаго другое малое преко [12]) со выставленіемъ перваго долгаго древа, а яніи безъ выставленія, а въ подножіе полагаютъ малоежь преко, а иніи и того не полагаютъ.

---

[10]) См. примѣч. 4.

[11]) Beda veneralibis, знаменитый ученый и писатель второй половины VII и первой VIII вѣка.

[12]) Преко—поперечина, поперечное дерево.

2*

Чтоже убо тому святому кресту Христову учинилося послѣди распятія Христова? Пишутъ о томъ историки Созомонтъ, Руфинъ и Сократъ тако: иже той крестъ былъ близъ гроба Господня въ землю глубоко закопанъ и со овыми двѣма разбойничими, и на томъ мѣстѣ поставлено было капище Венеры богини, дабы то мѣсто съ памяти у людей вышло, и былъ той крестъ тамо загребенъ, яко пишутъ историки, триста двадесятъ пятъ лѣтъ, и потомъ обрѣтенъ бысть, а каковымъ обычаемъ обрѣтенъ, слыши здѣ. Константинъ великій и славный цесарь и первый во царѣхъ христіанскихъ, первѣе, егда еще не пріялъ святаго крещенія, восхотѣлъ битву сотворити съ Максентіемъ тираномъ и народъ римскій восхотѣлъ свободити отъ тяжкія работы и неволи, а егда мыслилъ о томъ, кого бы ему себѣ отъ боговъ взывати на помощь, и въ таковомъ своемъ помышленіи узрѣлъ со всѣмъ своимъ войскомъ въ полудне знаменіе креста святаго на небеси, велми сіяюще, и писаніе около его златыми литерами написано тако: въ семъ знаменіи побѣдиши. А егда въ себѣ цесарь размышлялъ, что то оно видѣніе значило, и тогда явился ему въ нощи Господь Іисусъ Христосъ съ тѣмже знаменіемъ креста святаго, и повелѣлъ ему, дабы на первѣйшую и большую хоругвь римскую повелѣлъ такое знаменіе сотворити, и предъ войскомъ своимъ дабы повелѣлъ ея носити, обѣщая ему, иже тѣмъ непріятеля своего побѣдитъ, и тако сотворилъ Константинъ. Тогда нетокмо Максентія побѣдилъ, но и всѣхъ враговъ своихъ поразилъ, и все римское царство успокоилъ. Послѣди же и самъ христіаниномъ сотворися. Пишутъ убо церковные историки тако: егда оную хоругвь на войнѣ предъ полками носили, и отвсюду ея стрѣлы окрывали, а вредите ея не могли, а иные, иже кія тоя хоругви носити не хотѣли, аще и хра-

нилися, обаче погибли; а кія ея носили, тіи невреждени были ничимъ. По той убо славной побѣдѣ на Максентія, Елена царица, мати Константина цесаря, жена святая и благочестивая, отъ Бога возбужденная Духомъ Святымъ, собрався пойде во Іерусалимъ, на взысканіе святаго креста, и тамо съ великимъ трудомъ взысканіе ея того святаго креста было: Понеже велми былъ глубоко въ землю загребенъ и велми давно, яко о томъ выше реченно. И тогда Елена царица довѣдався истинно того мѣста и повелѣла его раскопати, и тамо купно три кресты обрѣте, и надписаніе особно обрѣте таможе креста Іисусъ Христова, и тамо не познала, кій той былъ крестъ Христовъ; и тогда тамо Господь Богъ чюдо сотворилъ. Макарій убо, тогда патріархомъ будучи во Іерусалимѣ, молитву Богу сотвори и нача по единому возлагати на болящую жену, а егда возложилъ крестъ разбойническій, тогда ничтоже бысть болящей, тогда такожде и другій полагаше, — ничтоже суть ей; а егда возложилъ крестъ Христовъ, тогда скоро стала жена болящая здрава. Тойже крестъ послѣди возложилъ тойже патріархъ на мертвую дѣвицу, и абіе дѣвица оживе. Тако убо пишутъ историки Созомонтъ, Руфинъ и Сократъ. А Евсевій историкъ древній во исторіи своей того чюда не воспоминаетъ; аще бы то чюдо истинно было, онъ бы того не умолчалъ, еще ему тогда живу сущу; и всѣ дѣла царицы Елены во исторіяхъ своихъ истинно онъ описалъ, воспоминая ея путешествіе во Іерусалимъ, и созиданіе церквей Господу Богу, и убогимъ поможеніе, и взысканіе Креста Христова, а таковаго чюда не воспоминаетъ. А Златоустый и Амвросій пишутъ, иже той крестъ въ земли закопанный, и со прочими двѣма разбойничьи обрѣтенъ былъ, и познанъ не съ таковаго чудесе, но съ надписанія Пилатова, иже на немъ Пилатъ прибилъ

верху его: Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій, а на разбойничіихъ крестахъ никакова написанія не было. Могль убо быти тогда той крестъ Христовъ познанъ и по язвамъ (дирамъ) гвоздинымъ: во крестахъ убо разбойничихъ язвъ гвоздинныхъ не было, но вервми были разбойники ко крестамъ привязаны, а гвоздми разбойниковъ тогда не прибивали. А егда Елена обрѣте крестъ Христовъ, тогда на томъ мѣстѣ воздвигнула велій и прекрасный храмъ, и въ томъ храмѣ большую часть креста святаго въ серебряномъ ковчегѣ велми украшенномъ поставила, а часть сыну своему Константину принесла. О томъ обрѣтеніи креста святаго многіе историки разно всѣ пишутъ. Волатеранъ историкъ [13]) написалъ, иже при Евсевіи, папежѣ римстѣмъ, Елена обрѣте крестъ Христовъ, а Маріанъ историкъ, по знаванію Скотусъ [14]), и Зонарасъ пишутъ тако,—иже тогда царица Елена невѣрная была и отводила сына своего Константина отъ вѣры христіанскія и приводила съ собою сто и двадесять ученыхъ жидовъ на испытаніе и потомъ Селивестръ папежъ по коликихъ лѣтехъ Елену до вѣры христіанскіе привелъ, яко о томъ пишетъ Никифоръ историкъ [15]). А иже того святаго креста и нынѣ обрѣтаются малыя части въ разныхъ царствахъ и княжествахъ, аще бы ихъ на едино мѣсто собрати, то было бы тѣхъ частей колико волъ великихъ; но истинно убо вѣмы, иже той крестъ Христовъ не велми убо великъ былъ, ибо его Самъ Господь долго несъ на себѣ и потомъ Симонъ несъ его на себѣ же за Христомъ, яко глаголютъ евангелисты

---

[13]) Volaterranus, жившій во второй половинѣ XV вѣка, извѣстенъ сочиненіемъ: commentarii historici.

[14]) Маріанъ Скотусъ жилъ въ XI вѣкѣ; написалъ historiam a Christo nato ad 1083 ann.

[15]) Никифоръ Каллистъ Ксанѳопулъ

тако. Не вѣмы убо, како отвѣщати Августину святому иже онъ тако рече: той крестъ, на немже Христосъ былъ распятъ, до неба взятъ. Слова его суть таковіи: ибо Христосъ не оставилъ здѣ на земли креста своего, но его на небеса вознесе, и оттуда паки купно съ нимъ пріидетъ во время славнаго своего втораго пришествія. Такожде и о гвоздяхъ, имиже Христосъ пригвожденъ былъ, разно историки пишутъ: едини три гвозди воспоминаютъ, а тако глаголютъ, иже нозѣ обѣ Христовы единѣмъ гвоздемъ прибиты были, а другія повѣдаютъ, иже каяждо нога особно своимъ гвоздемъ прибита была; того ради иконописцы разно пишутъ. А егда обрѣте Елена царица крестъ Христовъ, и тогда царь Константинъ заповѣдалъ злодѣевъ не распинати на немъ, и отъ того времене нача быти крестъ Христовъ въ велицей чести у христіанъ, и отъ того времене уставися таковый сей праздникъ праздновати: обрѣтеніе честнаго и животворящаго креста Господня. мѣсяца маія въ 3 день, егоже празднуютъ въ западныхъ странахъ христіане. А нынѣшній убо сей праздникъ, яко историки повѣдаютъ тако: при послѣднихъ лѣтѣхъ царства злочестиваго царя Ѳоки, попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради человѣческихъ, пріиде Хоздрой царь Перскій на Іерусалимскую страну воевати, и поплѣнилъ Египетъ, и Африку въ державство себѣ пріялъ, и святый градъ Іерусалимъ взялъ, много тамо тогда христіанъ во плѣнъ взялъ, а иныхъ мечемъ посѣче, и церкви вcѣ опустошилъ, и оно преблагое сокровище многоцѣнное — крестъ Христовъ взялъ, иже прежде Еленою царицею обрѣтенъ былъ на лысей горѣ, и во церквѣ Воскресенія Христова съ великимъ украшеніемъ надъ гробомъ Господнимъ поставленъ былъ, и по взысканіи того святаго креста Еленою царицею стоялъ той

крестъ святый надъ гробомъ Господнимъ во церкве Воскресеніе Христова двѣсте и девятьдесятъ девять лѣтъ; и тогда Хоздрой царь Персскій взялъ той святый крестъ Господень во плѣнъ, и свезе его въ Персиду въ свое царство, и поставилъ его въ божницѣ у бога своего Посидопа, и тогда послалъ Богъ казнь великую на Персы: умре же убо тогда Ѳока царь злочестивый, и по немъ пріялъ царство Гераклій, благочестивый царь; той велми сжалился о крестѣ Христовѣ, и нача молитися Господу Богу со слезами и постомъ, и прилѣжно просити, и тогда отъ Господа Бога укрѣпленъ былъ, собралъ вои свои и сотворилъ битву съ Хоздроемъ царемъ Персскимъ, и тогда тріехъ воеводъ Хоздроевыхъ безъ остатка поразилъ, а Хоздрой съ невеликимъ войскомъ ушелъ, а Гераклій тогда взя градъ, и иде во царскія палаты, и пріялъ богатества много и плѣнныхъ возвратилъ. Тамо и крестъ Господень обрѣте, съ радостію его взялъ, и пойде съ великою побѣдою во Іерусалимъ, несяше крестъ Господень. А той убо крестъ Христовъ былъ тамо у Персовъ во плѣненіи чрезъ четыренадесять лѣтъ. Егдаже Гераклій царь приближился ко вратомъ града Іерусалима, имиже Господь идяше на гору Голгоѳу и несяше крестъ свой, тогда Гераклій съ радостію великою идяше во Іерусалимъ. И тамо Господь Богъ тогда чюдо сотворилъ: крестъ Господень во вратѣхъ града ста, воини не возмогоша его двигнути. Тогда Гераклій съ воины своими нача дивитися. Тогда Захарій, патріархъ Іерусалимскій рекъ до Цесаря: зри убо, милостивый цесарю, не того ли ради Господь Богъ тако творитъ, иже ты въ таковой побѣдѣ и строѣ непослѣдуеши Господа Іисуса Христа убожеству и покоренію въ ношеніи его креста святаго. Услыша убо сіе цесарь Гераклій скоро съ себе всю свою

брань ратную и ризы царскія своя съ себе сложилъ, въ простыхъ ризахъ и босъ пріялъ святый крестъ, и несе его на плещахъ (на рамехъ) своихъ въ ту же церковь Воскресенія Христова, и поставивши его таможе надъ гробомъ Господнимъ, идеже его Персы взяли, и отъ того убо времене уставленъ сей праздникъ праздновати Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня, мѣсяца септемврія въ 14 день, на всякое лѣто неотложно даже и до днешнаго дне, въ память вѣчную благодѣянія Божія, нетокмо ради того, иже днесь принесенъ былъ Геракліемъ царемъ во Іерусалимъ и на томже мѣстѣ поставленъ, но и того ради, да воспоминаемъ великое чюдо креста Господня и смерть вольную Господа нашего Іисуса Христа и многое его благодѣяніе о спасеніи нашемъ. Тогда убо царь Константинъ повелѣлъ на хоругвяхъ писати честные кресты и на пѣнязяхъ начертавати; свидѣтельствуютъ о томъ Евсевій и Созоменъ. Тойже цесарь Константинъ повелѣлъ поставити крестъ предъ полатою своею царскою, и посредѣ града, и отъ того убо времене начаша христіане крестъ писати на стѣнахъ, на домѣхъ, на сосудахъ, на книгахъ и на вѣнцахъ, и на церквахъ ставити, но самого Христа плотію на нихъ не писали, ни рѣзали, ни выбивали, ни вышивали, но токмо просто кресты творили, зане Константинъ на тѣхъ тогда крестахъ плотію Христа писати не повелѣлъ: о томъ свидѣтельствуютъ Златоустый и Аѳанасій, учители христіанстіи. Отъ того времене началося поклоненіе честнаго креста Господня. Сего ради и мы днесь празднуемъ кресту Христову, и величаемъ и поклоняемся на немъ распятому Господу Іисусу Христу. Тѣмъ бо намъ вся благая даровашася, примиреніе съ Богомъ и наслѣдіе царства небеснаго, его же буди и всѣмъ намъ получити, бла-

годатію Господа нашего Іисуса Христа, емуже подобаетъ всяка слава со Отцемъ и Святымъ Его Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Поученіе на Введеніе во храмъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи. Евангеліе отъ Луки зачало 4.

Воставши Маріамъ во дни тыя иде въ горняя со тщаніемъ во градъ Іудовъ.

Нынѣшняго дня церковь святая празднуетъ входъ Богоматере во храмъ. О семъ праздницѣ во святомъ Писаніи воспомяновенія мало обрѣтается. Сей убо праздникъ не въ давныя лѣта, едва лѣтъ со двѣсти, уставилъ его праздновати Павелъ вторый папежъ[16]), по прошенію нѣкіихъ Тургенскихъ Архіереевъ на честь Пресвятѣй Богородицы. Но обаче учители церковные, яко суть, Григорій Ниссійскій, Германъ Патріархъ Константинопольскій и Златоустый сходно о семъ пишутъ тако, иже Анна святая, мати Пресвятыя Дѣвы Маріи, неплодна бысть съ мужемъ своимъ Іоакимомъ, чрезъ многое время и часто Господа Бога просила, дабы ей далъ плодъ чрева, и пороженное обѣщала въ даръ Господу Богу отдати, то есть во церковь Его святую привести невозвратно. Что же потомъ сотворилося? Самъ убо Господь Богъ рекъ тако: призови мя въ день печали твоея, и услышу молитву твою. И тогда Іоакимъ позналъ жену свою Анну, и зачатъ Анна отъ Іоакима во чревѣ, и родила дщерь, и нарекоша имя ей Марія. И послѣди того, въ третіе лѣто возраста ея, приведена бысть Іоакимомъ и Анною во Іеру-

---

16) Павелъ II управлялъ Римскою церковію 1464 – 1471 г.

салимъ, во церковь Соломонову нареченная святая святыхъ, въ даръ Господу Богу, и тамо іереемъ по обѣщанію своему отдана. Они убо пріяли ея, яко избранный и святый даръ, дабы, яко и Самуилъ пророкъ, въ дому Божіи воспитанна была; не якобы Пресвятая Дѣва Марія во церковь святая святыхъ неисходно пребывала, идѣже служба Божія была; ни, но пребывала святая Дѣва Марія въ жилищахъ при храмѣ Соломоновомъ; много убо тамо было при храмѣ томъ жилищь, ихъже Соломонъ созидалъ на жилище при храмѣ. Свидѣтельствуетъ убо о томъ Іосифъ историкъ: а тіи звани быша домомъ Божіимъ ради блискости, а насозидалъ ихъ истинно Соломонъ ради іереовъ, иже совершали службу Божію по чредѣ своей, по повелѣнію и чину Давидову; служащіе тамо въ нихъ пребывали и потомъ до домовъ своихъ отходили, а на ихъ мѣсто инные приходили, понеже іереи со чреды своея отъ храма, дондеже не совершатъ ея, не отходили до домовъ своихъ, а инныя тамо жилища были ради сохраненія храма со всею его утварію, а инныя были ради убогихъ людей и ради прихожденія во знаменитые праздники и инныхъ ради людей, всякихъ чиновъ приходящихъ, богатыхъ, и среднихъ, и вдовъ, и дѣвицъ: того ради много такихъ жилищъ было при храмѣ тамо; но по совершеніи своихъ тамо молитвъ въ домы инные отходили, а инные тамо уреченныя лѣта жили потомъ, аще юноши или дѣвы по исполненіи лѣтъ и посягали отходя въ домы своя. Въ тѣхъ убо жилищахъ тамо пребывала Пресвятая Дѣва Марія единонадесять лѣто, и потомъ отдана бысть Іосифу въ соблюденіе, мужу праведну и святу, боящуся Бога. Законъ убо возбраняше въ возрастѣ дѣвицамъ при храмѣ быти, и тако святая Дѣва Марія у Іосифа пребысть четыре мѣсяца, и въ пятый-

надесять годъ возраста своего зачала Сына Божія во утробѣ своей отъ Духа Свята архангеловымъ благовѣстіемъ, послѣ зачатія Іоанна Предтечи въ шестый мѣсяцъ, якоже свидѣтельствуетъ евангелистъ Лука тако: въ мѣсяцъ же шестый посланъ бысть Архангелъ Гавріилъ отъ Бога во градъ галилейскій Назаретъ къ Дѣвѣ, и имя Дѣвѣ Марія. И по томъ своемъ зачатіи святая Дѣва Марія нѣсколько дней пребысть, воставши пошла въ горнія краины. Евангелистъ убо того не воспоминаетъ, колико дней Пресвятая Дѣва, пребывъ по зачатіи Сына Божія, иде въ горняя но токмо рече: воставши же Марія во оныхъ дняхъ иде въ горняя со тщаніемъ. А учители церковные въ томъ не согласуются, разно пишутъ; Дамаскинъ убо глаголетъ тако, иже по четыренадесятихъ днехъ зачатія Сына Божія пошла въ горняя; а инніи глаголютъ, иже по единомъ мѣсяцѣ зачатія своего пошла въ горняя, а инніи разумѣютъ, по двою мѣсяцахъ пойде. Истинно убо сего разумѣти невозможно, понеже евангелистъ о томъ рекъ кратко, но токмо рече: во дни тыя; обаче послѣди евангелистъ рече: пребысть же Марія съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой. Симъ словомъ евангелистъ явилъ, иже по зачатіи скоро пойде, а иже евангелистъ воспоминаетъ мѣсто, идѣже пойде святая Дѣва, нарицаетъ его горняя краина страна, тако рече: воставши Марія, во дни тѣ, иде въ горняя со тщаніемъ. Что же убо за горняя страна была? Того ради названа горняя страна, иже тамо былъ путь велми трудный и прискорбный; трудный былъ ради горъ высокихъ, чрезъ кія имѣла святая Дѣва ити. Тамо была гора Гельвуи, на той горѣ Саулъ мечемъ самъ себя убилъ. Таможе гора Гаразинъ, идѣже Моисей людемъ израилтескимъ благословеніе возвѣстилъ; таможе гора Гевалъ, тамо возвѣстилъ тѣмъже израильтяномъ

проклятіе (5 Моис. 27). Таможе гора Еөраимъ, на нейже Еліудъ, царь моавскій, убитъ. Чрезъ таковыя горы путь лежалъ святѣй Дѣвѣ Маріи до града Іудова; того ради ей той путь былъ вельми тяжкій, и печаль ей великая тамо была, ибо тамо гора; того времени воини арабскіе, египецкіе и сирійскіе пребывали: обаче ея Господь Богъ чрезъ такія страшныя и трудныя мѣста перевелъ чрезъ ангелы свои святыя безъ всякаго порока, яко и власъ со главы ея не погибе. Сіе убо памятуйте всѣ путешествующіе и Господа Бога о помощи просите; Той пути ваши тяжкія безпечалны и тихи можетъ сотворити. А мѣсто, до котораго шла Пресвятая Дѣва Маріа, во святомъ Евангеліи кратко и неявственно о немъ положено. Того ради о немъ учители церковные несходно разумѣютъ: едини глаголютъ, иже то мѣсто Іерусалимъ; обаче то не можетъ тако быти; Іерусалимъ былъ не Іудино мѣсто, но Виніаминово; а читаемъ убо въ Писаніи, иже іереомъ старозаконнымъ со всякаго колѣна были даны имъ мѣста, идѣже они жили. Того ради отъ колѣна Іудова дано было имъ мѣсто Хевронъ, иже лежало на горѣ. Сіе убо есть истиннѣйшее тѣхъ разумѣніе еже глаголютъ: мѣсто Іудово Хевронъ (Іисусъ 12), но истинно лежало то мѣсто, его же евангелистъ градомъ нарицаетъ, во Іудинѣ колѣнѣ, іереи тамо жили. Не туне до того мѣста Господь Богъ пресвятую Дѣву обратилъ и шествовати ей тако повелѣлъ: въ томъ убо мѣстѣ Сарра, будучи неплодна девятьдесятъ лѣтъ, породила Ісаака, иже то было подобіе или образъ. Потомъ въ томъ же мѣстѣ по многихъ лѣтѣхъ Елисаветь неплодна же была и во престарѣлыхъ лѣтѣхъ зачала и породила Іоанна Крестителя. О его убо рожденіи мнози возвеселишася. Домъ, до негоже прійде святая Дѣва, былъ той домъ Захаріинъ, а той

Захарія былъ іерей іерусалимскій. Той имѣлъ у себе жену Елисаветь, тетку (южику) пресвятѣй Дѣвѣ Маріи; до того убо Дѣва пойде. Здѣ убо слышиши, идѣже Дѣва Маріа пошла, въ горняя, во градъ Іудовъ, до дому Захаріина, мужа праведна и благочестива, и жены его, а своя тетки (южики), Елисавети. Пошла убо благочестивая до благочестивыхъ, святая до святыхъ, добродѣтельная до добродѣтельныхъ. О святое таковое сродство! Слыши убо еще, како пресвятая Дѣва въ путешествіи пребывала. Пойде убо, яко евангелистъ глаголетъ, въ горняя со тщаніемъ, то есть съ великимъ опасеніемъ; стыдѣніе убо дѣвическое ей возбраняло таковаго пути, обаче съ хотѣніемъ иде, никаковаго претыканія не бояшеся, ни въ потребныхъ витаніяхъ бяше. Иніи убо древніи тако повѣдають, иже пресвятая Дѣва Марія взяла съ собою пять дружинъ благочестивыхъ и духовныхъ и съ ними путешествовала. А егда убо пресвятая Дѣва пришла въ домъ Захаріинъ, что тамо пришедши творила? Прежде всего поздравляла Елисаветь, тетку свою. О смиренное и покорное поздравленіе! Зри убо здѣ, не ожидала убо благословенная Дѣва, дабы ея Елисаветь прежде поздравляла, но она прежде пріиде, и цѣлова Елисаветь и поздравляла ей, младая убо сущи, старѣйшей честь воздавала; а то суть истинная дѣвическая добродѣтель и покореніе. Здѣ убо научаетъ насъ святая Дѣва Марія таковому благому обычаю, дабы и мы другъ друга поздравляли. Обрѣтаются убо нѣцыи, иже со высокоумія и гордости ради своея никого не поздравляютъ, яко былъ гордый и высокоумный Неронъ царь Римскій; о немъ убо тако написано, иже онъ никого не поздравлялъ и поздравляющему его ничесого не отвѣщевалъ; а то убо есть діавольская гордость; ибо діаволъ, пришедши въ рай до Евы, не

поздравлялъ ей. Пресвятая убо Дѣва не тако, по пришедши въ домъ Захаріинъ со цѣлованіемъ поздравляла ей. Тако убо Господь нашъ Іисусъ Христосъ учениковъ своихъ научилъ, тако рече: егда внидете гдѣ нѣкогда въ домъ и глаголите: миръ дому. Еще убо здѣ уразумѣемъ, что убо по томъ цѣлованіи и поздравленіи сотворилося. Три дѣла евангелистъ воспоминаетъ тамо; первое: иже взыгрался младенецъ во чревѣ Елисаветинѣ; второе: Елисаветь нача пророчествовати о Дѣвѣ Маріи, нача ея исповѣдывати матерію Божіею; третіе, иже тамо Дѣва Марія воспѣла пѣснь, восхваляющую съ величаніемъ Бога за благодѣяніе Его. Еще и сего послѣдняго слушай: колико у Елисавети пресвятая Дѣва Марія была, кратко о томъ святый Лука евангелистъ описалъ, тако рече: пребывала у Елисавети Марія около тріехъ мѣсяцей, итого будетъ четверть года, и чрезъ то все время что тамо Дѣва Марія творила и чимъ забавлялася, того евангелистъ не воспоминаетъ. Обаче удобно домыслитися можемъ, иже она тамо служила Елисавети, зане младая старѣйшей не иматъ быти въ стыдъ, еже то и ово творити; вѣдала убо Маріа добрѣ, иже ея чимъ Богъ почтилъ, обаче не возносилася, но со смиреніемъ овыхъ даровъ Божіихъ пріимала, и оттуду паки возвратися въ домъ свой, яко евангелистъ глаголетъ. Маріи Дѣвѣ добре убо было у Елисавети, обаче дома ей лучши и радостнѣе, того ради возвратилася до дому своего. Учители церковные о томъ ея возвращеніи двояко разумѣютъ: едини повѣдаютъ, иже Дѣва Марія скоро по рожденіи Елизаветы пріяла младенца на руцѣ свои и поцѣловавъ его, скоро пойде до дому своего; а друзіи разумѣютъ: егда Маріа узрѣла Елисаветь въ порожденіи страждущу, и отыде въ домъ свой,—вѣдала, иже дѣвамъ при таковомъ дѣлѣ быти нелѣпо, ибо

сіе обое быти можетъ, благочестіе и стыдливость Дѣвы Маріи обое творити могло. О всемилостивый Боже Отче, Творче всего! Припадая просимъ у Тебе, сподоби насъ послѣдовати дѣломъ тоя пресвятыя Дѣвы Маріи, родительницы возлюбленнаго твоего Сына Господа нашего Іисуса Христа, и получити царьство небесное молитвами пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, яко тебѣ подобаетъ всякая честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вовѣки вѣковъ. Аминь.

Поученіе на Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Евангеліе отъ Матѳеа, зачало 3.

Іисусу же родшуся во Виѳлеемъ Іудейстѣмъ во дни Ирода царя.

Родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, якоже днешнее Евангеліе глаголетъ. Въ земли жидовстѣй два были Виѳлеема, единъ былъ Виѳлеемъ въ Заулони, названъ былъ Виѳлеемомъ Заулонскимъ, зане во предѣлахъ Заулонихъ лежалъ. А другій былъ Виѳлеемъ Іудейскій во предѣлахъ Іудейскихъ, того ради и евангелистъ рече: *Іисусу родшуся въ Виѳлеемъ Іудейстѣмъ*, дабы вѣдомо было, иже Христосъ родился въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ. А иже евангелистъ рече: *во дни Ирода царя*,—три было Ирода: первый—Асколонитъ, другій—Антипа, третій—Агриппа. Христосъ убо родился пріИродѣ Асколонитѣ, а той Иродъ Асколонитъ былъ сынъ Антипатровъ, былъ тетрархомъ учиненъ, то есть четверовластникъ, четвертою частію Царства жидовскаго владѣлъ, по повелѣнію Августа, цесаря римскаго, послѣди же и царемъ у жидовъ былъ по повелѣнію

цесаря римскаго Августа жъ и всего народа; но былъ той Иродъ иннаго народа поганскаго, то есть Идумеанинъ, а то себѣ онъ царство купилъ великою цѣною и царствовалъ тогда во Іудеи. Того убо времени родился Христосъ, и тогда пришли волсви отъ восточныхъ странъ, якоже глаголетъ евангелистъ Матѳей: *се волсви отъ востока пріидоша во Іерусалимъ.* Кіи суть людіе, иже отъ востокъ приходили до Господа Іисуса Христа, кто суть и какова чина были? Нѣцыи невѣдущіе и упорницы глаголютъ, иже были царіе; на томъ вельми омыляются, ибо ихъ евангелистъ Матѳей и учители христіанстіи царями не нарицаютъ. Аще бы они были царіе, то звали бы ихъ тако; иже царіе ради истинныя вѣдомости новорожденнаго младенца, и царь бы Иродъ не тако бы съ ними поступилъ, и отъ себе бы ихъ не отослалъ, и прехожденіе бы съ ними въ царствѣ своемъ творилъ. Мантуанъ мнихъ [17]) тако написалъ: не мни того, иже то были царіе: не замолчали бы учители церковные и историки того таковаго ради великаго, и славнаго, и честнаго рода, егоже нѣсть высшии и честнѣе на земли въ человѣцѣхъ, и царь бы Иродъ, яко того честность царьская требуетъ, почтилъ бы ихъ, и до полатъ своихъ съ собою ввелъ бы ихъ. То суть слова того Мантуана. Не были убо тіи людіе чаровники, ни обаятели, ни волхвы; ихъ убо называютъ Василій Великій и Златоустый и инные учители церковные мудрецами. Тако бо ихъ зоветъ святый Матѳей, а нѣцыи и неискусніи называютъ и пишутъ ихъ волхвами, яко бы нѣкіе чаровники и обаятели они были; въ томъ вельми погрѣшаютъ таковые, иже мудрыхъ людей называютъ волхвами. Вси

---

17) Маркъ Мантуанскій, иначе Benavidius, ученый Іезуитъ XVI вѣка.

убо учители и историки церковные, яко суть: Златоустый, Кириллъ, Августинъ, Амвросій, Епифаній, Кипріанъ, нарицаютъ ихъ мудрецами отъ мудрости, чесо ради тіи названи. Отъ какія мудрости? Въ Персидѣ убо кія люди забавлялися бѣговъ небесныхъ, иже умѣли и знали звѣздную науку; ибо таковые люди всѣ были тамо у царей въ чести велицѣй, безъ нихъ убо царіе ничесо не творили; ибо таковые люди всякой вѣдомости Божіи людей учили, того ради мудрецами ихъ звали. Тако убо рече Кипріанъ учитель; были во оныхъ странахъ мужіе, иже извыкли смотрѣти на звѣзды, наукою математическою силы и бѣги планитъ знали, тіи со пророчества Валаамова нѣкогда слышали, иже возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и человѣкъ возстанетъ отъ Израиля. Многое время таковіи людіе исполненія того пророчества ожидали, а егда пріиде исполненіе временъ, внезапу взошла новая звѣзда. Тогда они идоша до старыхъ книгъ, и искали въ нихъ свидѣтельства истиннаго о той звѣздѣ, и тамо старыхъ книгъ свидѣтельствомъ возбужденіи, пришли до земли Іудейскія, водими звѣздою. Златоустый тако о той звѣздѣ пишетъ: былъ нѣкій народъ на восточныхъ странахъ солнца близъ великаго моря, и у того народа было писаніе подъ именемъ Сиѳа, а въ немъ написано, иже та звѣзда явитися будетъ; а кто тогда родится, принесутъ ему дары, и у того народа таковое писаніе чрезъ роды родовъ было отъ ученыхъ людей и прилѣжныхъ въ наукѣ, по повѣсти отцевъ ихъ сыномъ было сохранено. И было тамо дванадесять человѣкъ вельми ученыхъ паче иныхъ, и вѣдатели таинъ небесныхъ, то есть, окружныя премудрости, и начаша тіи ожидати таковыя звѣзды, и аще ли кто изъ нихъ умретъ, тогда вмѣсто того, умершаго сына его или кого отъ сродичевъ, иже бы умѣлъ таковую науку, взимали,

а звали ихъ языкомъ мудрецы того ради, иже съ молчаніемъ и тихостію Бога славили; и тіи убо на всякій годъ, по собраніи плодовъ земныхъ, сходилися на нѣкую гору въ тамошнихъ странахъ, яже ихъ языкомъ звана гора Викторіалисъ, имяше въ себѣ нѣкія разсѣлины въ каменныхъ мѣстѣхъ, и весела источниковъ ради и прекрасныхъ древъ; на ту гору возшедше и омывшеся, приносили приношенія и молилися Богу съ молчаніемъ чрезъ три дни, и тако творили во вся годы своя всегда, ожидая, дабы удобно въ родѣ своемъ узрѣли таковую звѣзду, о нейже въ писаніи своемъ вѣдали. По нѣкоемъ убо времени явилася имъ та звѣзда, и сниде къ нимъ на гору, имуще въ себѣ подобіе, яко бы младенецъ младый, а надъ нимъ подобіе креста, и глагола до нихъ, и учила ихъ, и повелѣвала имъ, дабы ѣхали до жидовскія земли. А егда они были въ пути, и та звѣзда предъ ними шла, яденія и питія у нихъ не умалялося въ томъ пути; а о ихъ дѣлѣхъ, что они тамо творили и что принесли, то описали евангелисты. Обаче возвратяся хвалили и величали Бога паче прежняго, и все возвѣстили пришедши во странахъ своихъ народу своему, и многихъ научили; послѣди же убо, по востаніи Христовомъ изъ мертвыхъ, Ѳома апостолъ шелъ во страну тамошнюю, и тамо тіи мудрецы содружилися съ нимъ и пріяли отъ него святое крещеніе и сотворилися тому апостолу Ѳомѣ великіе помощники и проповѣдники святаго Евангелія. А иніи о явленіи тоя звѣзды тако пишутъ, а особно святый Геронимъ тако рече: иже та звѣзда тоя нощи и того часа, егда Господь нашъ Іисусъ Христосъ родился, явилася на востоцѣ, а такова свѣтла, яко солнце, а посредѣ тоя звѣзды младенецъ стояше, а на главѣ его крестъ сіяющъ и гласъ былъ отъ тоя звѣзды таковый: днесь родился

царь іудейскій желаемый отъ всего народа; а та звѣзда, яко глаголетъ святый Златоустъ, въ нощи и во дни свѣтила. Что же она значила? Ничто же иное, токмо день Христова рожденія. О ней же Валаамъ пророчествовалъ тако: *возсіяетъ звъзда отъ Іакова и востанетъ человѣкъ отъ Израиля.* И тогда скоро поидоша тіи мудрецы во Іерусалимъ, и пріидоша третіягонадесятъ дня по Божіемъ рожденіи поклонитися Христу. Здѣсь убо истинно сіе разумѣй, иже тіи мудрецы не были царіе, аки владѣтели всего свѣта; аще ихъ тако невѣдущіи называютъ и пишутъ, но то не истинно суть. Еще слыши и сего: колико таковыхъ мудрецевъ было. Евангелистъ убо того не воспоминаетъ, а учители церковные и историки о томъ домышляяся пишутъ тако, иже ихъ было трое, а домыслъ ихъ со приношенія троихъ даровъ, еже суть, злато, ливанъ и фиміамъ; и того ради особно нѣкоего именемъ нарицаютъ: единаго Каспомъ, а другаго Мелхіоромъ, третіаго Валтасаромъ; а иніи учители инако разумѣютъ, а паче же святый Златоустъ глаголетъ тако, иже евангелистъ не того ради воспоминаетъ трои дары, дабы явилъ троихъ мудрецевъ, но того ради, дабы показалъ, что̀ принесли Господу Іисусу. А нѣцыи о мудрецахъ повѣдаютъ тако, а пачеже Златоустый, иже ихъ было дванадесять. Здѣ еще разумѣй, что убо то за звѣзда была, иже мудрецевъ до Господа Іисуса Христа новорожденнаго привела. О сей звѣздѣ учители церковніи разно повѣдуютъ. Августинъ святый тако рече: о той звѣздѣ сомнително есть истинно вѣдати, естьли та звѣзда простая была, или ангелъ, или Духъ святый. Еще тойже Августинъ рече о той звѣздѣ тако, что то была оная звѣзда, еяже никогда между прочими звѣздами видѣлъ кто и никогда не являлася прежде; она была не инное что, но токмо велможный

языкъ небесный, иже возвѣщалъ славу Божію. А Златоустый тако рече; не была та звѣзда простая, яко нѣцыи мнятъ, но была нѣкая невидимая сила, премѣненна во образъ звѣзды, иже съ ея шествія показуется; а на иномъ мѣстѣ рече, яко и выше есть писано, иже та звѣзда имѣла въ себѣ подобіе яко бы младенецъ, а надъ нимъ подобіе креста, и глагола къ нимъ, и учила ихъ, и повелѣла имъ, дабы ѣхали до земли жидовскія. Тако рече, яко пишетъ нѣкій историкъ: идите не мѣшкая до земли Іудейскія; и тамо царя, егоже ищете, обрящете. А Кириллъ святый тако пишетъ, иже звѣзда была новая на время отъ Бога сотворена ради чести Сына Божія, кратко же рещи: та была звѣзда, о ней же оный Валаамъ пророчествовалъ тако глаголя: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, востанетъ человѣкъ отъ Израиля.* И тогда тіи мудрецы въ домъ пришедше обрѣтоша отроча съ матерію. Тако бо святый евангелистъ глаголетъ: вшедше въ домъ обрѣтоша отроча съ Маріею матерію его, и падше поклонилися ему, и возвратилися во своя страны, славя новорожденнаго царя, Господа Іисуса Христа. Мы убо, братіе, поревнуемъ онымъ мудрецемъ. Пріидемъ и поклонимся новорожденному царю, благодаримъ его и славимъ и проповѣдуемъ, иже истинно днесь родился Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, Спасъ міра. Тому убо подобаетъ всякая слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Поученіе на Богоявленіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Евангеліе отъ Матөея зачало 6.

Пріиде Іисусъ отъ Галилеи на Іорданъ ко Іоанну креститися отъ него.

День сей преславный, веселый и знаменитый ради тріехъ преславныхъ чюдесъ, иже нынѣшняго дня сотворишася; того ради церковь святая празднуетъ со древняго преданія и ученія святыхъ отецъ. Нынѣшняго убо дня Господь нашъ Іисусъ Христосъ невѣрнымъ и поганскимъ мудрецемъ звѣздою божество свое во плоти явилъ, и отъ нихъ дары съ поклоненіемъ пріялъ, и послѣди того въ тридесяти лѣтѣхъ въ тойже день крестился Господь Іисусъ Христосъ во Іорданѣ рѣцѣ отъ Іоанна, и гласомъ Отеческимъ съ небесе и сошествіемъ Духа Святаго во образѣ голубинѣ свидѣтельствованъ былъ; послѣди же того во тридесять первое лѣто по человѣчеству его на бракѣ въ Канѣ галилейстей въ тойже день воду въ вино претворилъ, истинно тогда явилъ славу свою. На восточныхъ убо странахъ христіане, яко суть: Греки, Египтяне, единаго дня праздновали праздникъ по плоти Христово Рождество и Крещеніе Его. Тако убо глаголетъ Кассіанъ, и отъ того историки христіанстіи. А того ради сіи оба праздники праздновали во единъ день, и разумѣли тако: ибо коего дня Господь Іисусъ Христосъ родился, того же дня и крестился, а кія были христіане въ западныхъ странахъ, тіи не тако праздновали, но разно, не во единъ день; ибо аще и разно и несходно тіи праздники праздновали христіане: обаче въ томъ никаковаго поврежденія въ вѣрѣ святой не было, убо была едина вѣра въ Бога въ Троицѣ единаго. Тако убо святый

Златоустый рече: братія возлюбленная! О праздницѣ дня нынѣшняго, аще и разное отъ древнихъ, но едина есть вѣра благочестія; мы убо нынѣшняго дня учитися будемъ ученія о крещеніи Господни. Отъ сего убо крещенія святаго зачалъ Господь Іисусъ Христосъ чинъ свой, егоже ради съ небесе пріиде творити и исполнити. Здѣ убо рещи будемъ: чесо ради Господь нашъ Іисусъ Христотъ крестился, будучи безъ грѣха? Крещеніе убо належитъ людемъ грѣшнымъ ко омытію грѣховъ ихъ, яко свидѣтельствуетъ святое писаніе. Того ради дабы далъ вѣдати, иже вмѣсто обрѣзанія пріиде святое крещеніе, и того ради обрѣзався Христосъ зачалъ новый чинъ новаго завѣта, крещеніе святое, дабы мы не обрѣзывалися, но крестилися. Тако убо глаголютъ учители христіанстіи, якоже убо пишетъ святый Златоустый: Христосъ крестился того ради, дабы никто тайною святаго крещенія не гнушался. Амвросій святый тако рече: Христосъ убо крестился того ради, дабы постановилъ тайну омытія; тако бо и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ рече: *аще кто не родится отъ воды и Духа, не внидетъ въ царство небесное.* Еще и того ради Господь крестился, дабы крещеніе Іоанново подтвердилъ. Тако убо глаголетъ святый Іеронимъ, учитель церковный: Христосъ Спаситель нашъ отъ Іоанна крещеніе пріялъ, дабы крещеніемъ своимъ крещеніе Іоанново утвердилъ. Іоаннъ убо святый крестилъ во Іорданѣ рѣцѣ людей благочестно. Послѣди же и Христа Господа крестилъ. Іоанново убо крещеніе таковожде было, яко и Христово, такову же силу имѣло, и нѣсть разни между ими; того ради самъ Христосъ его подкрѣпилъ своимъ крещеніемъ. Іоаннъ убо егда отрицался Христа крестити, и тогда самъ Господь ему тако рече: *оставли сіе нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити*

всяку правду; Героиимъ учитель церковный тако глаголетъ: трехъ убо ради винъ Христосъ Спаситель нашъ отъ Іоанна крестился: первое, дабы всяку правду и покореніе закона исполнилъ; второе, дабы крещеніемъ своимъ Іоанново крещеніе утвердилъ; третіе, дабы воды Іорданскія посвятилъ. Крещеніе Іоанново, имъ же онъ людей крестилъ, не его суть и не онъ его уставилъ, но самъ Господь Богъ; того ради зовется Іоанново крещеніе съ небесе самаго Бога, а егда фарисейстіи учители гнушалися отъ Іоанна креститися, и ни во что его крещеніе вмѣняли, и самого Христа вопрошали: *коею областію сіе твориши,* тогда Христосъ ихъ самъ вопрошалъ о Іоанновѣ крещеніи тако: *крещеніе Іоанново откуда бѣ?* И тогда тіи учители фарисейстіи не смѣли того рещи, иже то крещеніе Іоанново; вѣдали убо истинно, иже то было крещеніе съ небесе, а не Іоанново. Того ради и самъ Іоаннъ о себѣ самомъ рече тако: не познахъ Сына Божія, но той мене послалъ, дабы крестилъ такожде, яко и святіи апостоли, на отпущеніе грѣховъ; и посему крещеніе Іоанново, яко и Христово. Тако бо святіи евангелисти глаголютъ: *пріиде Іоаннъ на Іорданъ проповѣдая крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ.* Такожде убо и апостоли, таковымъ же обычаемъ крестили, якоже свидѣтельствуетъ Писаніе святое. Сего ради крещеніе Іоанново таково же было, яко и апостольское, но токмо тѣмъ разно, иже Іоаннъ крестилъ во грядущаго Христа, иже по немъ будетъ; того ради Іоаннъ тако рече: *азъ крещаю васъ водою въ покаяніе. Грядый же по мнѣ крѣплъши мене есть.* Апостоли крестили въ тогоже Христа, но послѣди его, то есть, иже уже былъ Христосъ и на небеса вознесеся. Тако убо нынѣ и вси мы христіане тако крестимся во Христа: истинно вѣруемъ, иже во плоти былъ Христосъ Спаси-

тель нашъ, а не тако вѣруемъ, иже будетъ, яко Іоаннъ въ будущаго крестилъ, якоже выше речеся. Сего ради вси тіи, ихже Іоаннъ крестилъ, не были паки во вторыя крещени; и апостоли нѣкіе и той премудрый мужъ Аполлосъ былъ окрещенъ крещеніемъ Іоанновымъ (Дѣян. 18. Дѣян. 19.), обаче того Іоаннова крещенія не поправливано, или во вторыя ихъ не крещено; вѣдали убо апостоли, иже крещеніе Іоанново и Христово едино есть. Ибо Іоаннъ святый не былъ крещенъ отъ Христа водою, но токмо Духомъ святымъ; и самъ убо Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестился Іоанновымъ крещеніемъ, и послѣди того крещенія инымъ никакимъ не крестился Христосъ; симъ далъ намъ вѣдати, иже крещеніе его и Іоанново едино есть. Христосъ убо крестился крещеніемъ Іоанновымъ, а мы Христовымъ. Христосъ убо прикосновеніемъ своея пречистыя плоти водъ освятилъ ихъ намъ на крещеніе; Христосъ убо крестился того ради, дабы своимъ крещеніемъ омылъ грѣхи наша и загладилъ, дабы вездѣ воды освятилъ ради омытія нашего. Глаголютъ убо церковніи учители тако: Христосъ крестился, не яко бы самъ очищенія требуя, но дабы намъ воды освятилъ. Глаголетъ убо святый Лука евангелистъ тако: иже Христосъ крестился возраста своего по плоти яко тридесятимъ лѣтомъ. Чесо ради Христосъ крестился въ тридесять лѣтъ? Не того ради, иже бы и мы таковыхъ же лѣтъ ожидали, яко нѣкіе еретики разумѣютъ, и малымъ дѣтемъ крещенія возбраняютъ и повелѣваютъ ожидати прикладомъ Христовымъ тридесяти лѣтъ. Аще ли тако, чесо ради апостоли не послѣдовали своему учителю Іисусу Христу и не ожидали тридесяти лѣтъ, а крестили, яко свидѣтельствуетъ Лука святый, иже Павелъ святый крестилъ въ Ѳіатирѣ жену Лидію со всѣмъ домомъ ея,

а тамо въ томъ домѣ были и маліи и недорослыхъ лѣтъ. Отъ сего убо явѣ, иже апостоли не токмо дорослыхъ, но и недорослыхъ и малыхъ крестили. Сему убо уставу и повелѣнію апостольскому и нынѣ церковь святая послѣдуетъ и преданіе ихъ соблюдаетъ, и малыхъ дѣтей крещаетъ. Того ради святый великій Василій тако рече: церковь святая отъ апостоловъ преданное пріяла, иже малые дѣти крестити. Августинъ святый тако рече: подобаетъ дѣти крестити не ожидая и осмаго дне, но не токмо тогоже дня, егда родится, но и тогожь часа, аще того потреба, и егда болѣзненно. Соборъ убо Милевитанскій [18]) таковыхъ проклиналъ, иже возбраняютъ малыхъ дѣтей крестити. Не того ради Христосъ крестился въ тридесятъ лѣтъ, дабы мы ко крещенію тѣхъ же лѣтъ ожидали, но ради того, дабы скоро при крещеніи и по крещеніи ученіе свое чюдное во весь міръ объявилъ и ему научилъ. Послѣди же тако и бысть, понеже Христосъ скоро по крещеніи училъ и чюдеса творилъ. Еще и того ради, дабы то показалъ, иже Онъ былъ господиномъ крещенія, того ради вольно Ему было и отложити, донелѣже хотѣлъ. Крестился убо Господь нашъ Іисусъ Христосъ во Іорданѣ рѣцѣ; тако убо евангелистъ глаголетъ: *пріиде Іисусъ отъ Галилеи на Іорданъ ко Іоанну креститися отъ него.* Въ томъ убо Іорданѣ, въ немъ же Христосъ крестился, великія чюдеса творилися и прежде Христова крещенія: егда сынове израилтескіе изъ Египта шли, тогда Іорданъ рѣка стала, воды возвратилися назадъ, и тамо тогда людіе прешли Іорданъ рѣку по суху. Илія пророкъ ударилъ ризою своею во Іорданъ,

---

[18]) Разумѣется второй Милевитанскій соборъ, бывшій въ 416 году въ Милѣ (Milevis) въ Африкѣ. Здѣсь имѣется въ виду второе правило собора.

и раздѣлилися воды на обѣ стороны, и пройде Иліа и Елисей по суху. Неемань князь измылся во Іорданѣ, и отъ проказженія очищенъ былъ. Чего ради Христосъ крестился во Іорданѣ, а не во иной водѣ? Не того ради, дабы мы въ томъ же Іорданѣ крестилися; мало бы убо было людей крещеныхъ таковымъ обычаемъ, аще бы ожидали воды Іорданскія. Того ради учитель Амвросій тако рече: имамы убо, братія, крещенія быти вездѣ всякою водою. Много убо тамо въ той рѣцѣ чюдесъ было, якоже святое Писаніе воспоминаетъ, якоже Іорданскія воды назадъ возвращалися. Но здѣ и болѣ сотворилося чюдо, егда Господь въ немъ былъ. Тогда бо воды Іорданскія возвратилися вспять, а нынѣ убо Христовымъ крещеніемъ грѣхи наши возвратилися вспять; и егда Господь крестился во Іорданѣ, тогда отверзошася ему небеса и Духъ Божій сходящь нань: и нынѣ убо во крещеніи всякаго человѣка Духъ Божій невидимо сходитъ, и пришествіемъ своимъ освящаетъ. Тогда убо на крещеніи явился во Троицѣ единый Богъ Отецъ съ небесе во гласѣ, Сынъ плотію во Іорданѣ, Духъ Святый въ видѣніи голубя сходящь нань. Тако убо вѣруемъ и исповѣдуемъ въ Троицѣ единаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа. И тако вѣрующе истинно получимъ животъ вѣчный о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Емуже подобаетъ всяка слава честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

Поученіе на Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа. Евангеліе отъ Луки зачало 7.

Егда исполнишася дніе очищенію его по закону Моисеову, вознесоста его во Іерусалимъ поставити его предъ Господемъ.

Нынѣшнаго убо дня церковь святая праздуетъ праздникъ Стрѣтеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Ибо нынѣшняго дня пречистая Дѣва Маріа со Іосифомъ принесли Христа во церковь, и тогда Симеонъ возбужденъ былъ Духомъ Святымъ, пріиде во церковь и стрѣтилъ Христа, и пріялъ его на руцѣ свои. Тако убо евангелистъ Лука глаголетъ: *пріиде Духомъ во церковь, и егда введоста родителя отроча Іисуса сотворити има по обычаю законному о немъ. и той пріемъ его на руку свою.* Того ради нынѣшній день Стрѣтеніемъ зовется; а иніи сей праздникъ называютъ очищеніе Дѣвы Маріи, а иніи христіане же называютъ его громничный праздникъ. Сей убо праздникъ всегда непремѣнно бываетъ по Рождествѣ Христовѣ въ четыредесятный день: тако бо самъ Богъ повелѣлъ въ законѣ Моисею, дабы аще кая жена зачнетъ и родитъ мужескъ полъ и нечиста будетъ седмь дній, то есть, толико дней пребываетъ во естественной своей болѣзни, и потомъ да пребываетъ тридесятъ и три дни въ крови очищенія своего, и не прикасается никакой вещи святѣй, и во святилище да не входитъ, дондеже скончаются дніе очищенія ея: а егда женескъ полъ родитъ, нечиста да будетъ четыредесятъ дней по естественной сквернѣ ея, и потомъ да пребываетъ шестьдесятъ и шесть дней въ крови нечистоты своея: а егда исполнятся дніе очищенія ея, о сынѣ или о дщери

да принесетъ агнецъ непороченъ единолѣтенъ во всесожженіе, и голубичища, или горличища, грѣха ради предъ дверьми храма свидѣнія, къ жрецу, и егоже онъ принесетъ предъ Господа, и помолится о ней жрецъ, да очиститъ ея отъ теченія крове ея: аще кто не возможетъ агнца принести скудости ради, да принесетъ таковый два горличища, или два голубя, единъ на всесожженіе, а другій грѣха ради, и помолится о ней жрецъ, и очистится. Того ради пречистая Дѣва Марія со Іосифомъ принесоста отроча Іисуса во церковь по закону. Сей бо праздникъ нынѣшній повелѣлъ праздновати всѣмъ христіанамъ по всѣму свѣту Іустиніанъ цесарь ко чести и славѣ Господу Іисусу Христу, а звано се не очищеніемъ пречистыя Дѣвы Марія, но принесеніемъ Господа Іисуса Христа во церковь и пріятіемъ на руку Симеоню. Свидѣтельствуетъ о томъ Никифоръ историкъ. А чесого убо ради Іустиніанъ цесарь уставилъ сей прздникъ праздновати? Того ради: надѣяся тѣмъ утолити гнѣвъ Божій. Пишутъ убо историки Павелъ діаконъ [19]) и Сигебертъ [20]) тако, иже въ Константинополи при Іустиніанѣ цесарѣ, попущеніемъ Божіимъ грѣховъ ради человѣческихъ, земля тряслася, многія мѣста и веси тамо запали; къ тому еще и моровое повѣтріе на люди было, и много ихъ померло, и кровь съ небеси, яко дождь, ліялася; того ради Іустиніанъ повелѣлъ сей празникъ праздновати, дабы тѣмъ утолити гнѣвъ Божій, якоже и выше речеся. Послѣди же того тое повелѣніе Іустиніаново отмѣнилъ папежъ Сергій, и повелѣлъ его праздновати ко чести пресвятѣй Дѣвѣ Маріи, и о томъ сви-

---

19) См. примѣч. 3.
20) Сигебертъ, Бенедиктинецъ, писатель XI вѣка.

дѣтельствуетъ Дурандусъ историкъ [21]). А егда нынѣшняго дня Христосъ принесенъ былъ матерію во церковь, кто его тамо первѣе позналъ? Пріялъ Симеонъ старецъ, человѣкъ мірскій; ибо не былъ той Симеонъ іереомъ, яко пишетъ Θеофилактъ, но обаче праведенъ и благочестивъ, той ожидалъ пришествія Христова; той Симеонъ пріялъ на руцѣ свои Сына Божія Іисуса Христа и благословилъ Іосифа и Марію Дѣву. Что же убо и како Симеонъ благословилъ Іосифа и Марію? Не огражденіемъ креста, понеже не былъ той Симеонъ іереомъ; но аще бы Симеонъ и іереомъ былъ, но тогда огражденія крестнаго не было. Но Симеонъ благословилъ, то есть благодарилъ Іосифа и Марію Дѣву, дабы оное отроча соблюли ко хвалѣ Божіи и ко утѣшенію своему, и ко благопотребству церкви святыя христіанскія, и по таковомъ благодареніи своемъ Симеонъ сотворилъ поученіе о Сынѣ Божіемъ, тако рече: се Той есть положенъ на паденіе и на востаніе многихъ во израили, и во знаменіе противящимся будетъ и обратяся къ Дѣвѣ Маріи рекъ: *и тебѣ самой душу пройдетъ оружіе.* Таковыми словесы Симеонъ далъ знать, иже Іисусъ Христосъ родился единымъ людемъ на осужденіе а другимъ на спасеніе, а третіимъ во знаменіе супротивленія. Сія словеса Симеоновы издавна проповѣданны были усты пророческими; ибо самъ Богъ и раби его пророцы о томъ знати давали, пророчествуя, иже Сынъ Божій пріидетъ на землю единымъ на спасеніе, другимъ на осужденіе, третіимъ на супротивленіе. Самъ Господь Богъ рекъ до людей израильтескихъ, яко читаемъ у пророка Исаіи тако: Господа силъ того освящайте, а той будетъ вамъ въ боязнь и страхъ, и будетъ

---

21) Писатель XIV вѣка.

вамъ во освященіе. Но будетъ и каменемъ претыканія, и каменемъ паденія двума домамъ израильтескимъ, и сѣтію и сѣчивомъ живущимъ во Іерусалимѣ (Исаи 8). И Давидъ святый тако рече: камень, егоже отринули дѣлатели, поставленъ есть на верху угла, а тако сотворилося отъ Господа и есть то во удивленіе очесемъ нашимъ (Псал. 117.). Въ сихъ словесѣхъ имать двѣ вещи: едина, иже Господь Іисусъ Христосъ есть Богъ, несотворенный, не новый, не данный, но Богъ Израильтескій, иже небо и землю сотворилъ. Тѣ пророчества Симеоновы Павелъ святый и Петрь апостолъ глаголютъ о Христѣ истинно имѣли быти. Сего ради Господь Іисусъ Христосъ, егоже Симеонъ пріялъ на руку свою, не токмо былъ человѣкъ совершенный, но Богъ истинный израильтескій; Той убо всѣмъ геретикомъ паденіе и сопротивленіе, а нашей христіанской истинной вѣрѣ утвержденіе, и всѣмъ вѣрующимъ въ Него истинное есть спасеніе. Аще бы кто вопросилъ: Сынъ Божій, по пророчеству Симеона старца, которымъ людемъ есть ко спасенію, и которымъ ко паденію и осужденію? Здѣ убо разумѣй: здѣ убо вѣрующимъ въ Него востаніе и спасеніе, а невѣрующимъ въ Него — на паденіе и на осужденіе. Тако убо святый Петръ рече: Христосъ есть честь вѣрующимъ въ Него, а невѣрующимъ камень претыканія, зане отъ Его слова удалятся и не вѣруютъ въ Него (Пет. 2). Тоже и Θеофилактъ рече: Христосъ есть паденіе тѣхъ, иже не вѣруютъ въ Него, Ктоже суть таковіи? Яко суть жиды, турки, татаровѣ и иные поганые; тіи бо не хотятъ въ Сына Божія вѣровати, и Его за Христа и Спасителя не пріемлютъ и ученія Его не слушаютъ, и Его не проповѣдаютъ. Мы убо, якоже Павелъ святый глаголетъ: проповѣдуемъ Христа распята (Кор. 1.). Той убо Іудеомъ соблазнъ, а Еллиномъ

безумiе, а паче же духовнымъ, яко суть епископомъ жидовскимъ, и фарисейскимъ; тѣмъ убо всѣмъ Той камень иже отверженный отъ тѣхъ дѣлателей: Той сотворился глава угла, и претыканiе невѣрующимъ, вѣрующимъ же всѣмъ спасенiе истинное и архiерей вѣчный и ходатай Богу Отцу; на Него всѣ уповаемъ и спасенiе свое полагаемъ. Аще бы кто вопросилъ: чесо ради Господь Богъ повелѣлъ израильтяномъ въ законѣ первородныхъ приносити себѣ во приношенiе? Первое, того ради, на воспоминанiе свобожденiя ихъ изъ Египта. Тогда убо ради ихъ Богъ единыя нощи всѣхъ первородныхъ въ земли Египетстѣй отъ человѣковъ и даже до скота побилъ; того ради повелѣлъ Господь Богъ жидомъ приносити первородныхъ себѣ; и того ради святая Дѣва Марiя со Iосифомъ принесли отроча Iисуса въ церковь Господню, яко первороднаго сына, и поставили его предъ Богомъ и посвятили его Господу Богу. Второе, и того ради, дабы отъ того iереи имѣли пищу себѣ и всякiй доволъ домовный; зане первородныя дѣтя у iереовъ приношенiемъ искуплени были, а то приношенiе iереи брали себѣ; не хотѣлъ того Господь, дабы слуги Его гладъ и всякiй недостатокъ во церкви имѣли. Еще и того ради повелѣлъ Господь Богъ приносити первородныхъ, дабы то ихъ приношенiе первородныхъ было знаменiемъ, иже жидовѣ были истинные люди Божiи, ибо кто кому первородное принесетъ, той тому подданный есть. Таковыхъ убо ради винъ Господь Богъ повелѣлъ жидомъ первородныхъ себѣ приносити. Того ради святая Дѣва Марiя со Iосифомъ принесли отроча Iисуса во церковь. А иже Лука евангелистъ агнца не воспоминаетъ во приношенiи святыя Дѣвы и со Iосифомъ, по приношенiе ихъ было токмо два горличища, или два птенца голубина, симъ убо являетъ намъ еванге-

листъ убожество Дѣвы Маріи со Іосифомъ. Яко убо Симеонъ былъ человѣкъ праведенъ предъ людьми: тако и мы будемъ праведными, отдаемъ то, кому чѣмъ повинни. Тако убо намъ глаголетъ Павелъ святый: явися намъ благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ. Та насъ святая благодать Божія научаетъ праведно и благочестно жити въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія, и преславнаго явленія славы Бога избавителя нашего Іисуса Христа. А яко Симеонъ былъ человѣкъ богобоязливый: тако и мы будемъ богобоязными. Тако убо насъ паучаетъ ангелъ, глаголя: бойтеся Бога, и хвалу Ему воздавайте, пріиде бо время суда Его. И яко Симеонъ съ радостію и терпѣніемъ ожидалъ пришествія Господа Іисуса Христа во плоти: тако и мы съ радостію и терпѣніемъ ожидаемъ пришествія Его на судъ, и тамо да сподобимся отъ Него слышати пресладкаго Его гласа: *пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*, егоже буди и всѣмъ получити о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ аминь.

Поученіе на Благовѣщеніе пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Евангеліе отъ Луки, зачало 3.

Въ мѣсяцъ же шестый посланъ бысть ангелъ Гавріилъ отъ Бога во градъ галилейскій, емуже имя Назаревъ къ Дѣвѣ, обрученнѣй мужеви, ему же имя Іосифъ, отъ дому Давидова, и имя Дѣвѣй Маріамъ. И вшедъ къ ней ангелъ рече: радуйся благодатная, Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ.

Нынѣшнаго дне праздникъ Благовѣщенія пресвя-

тыя Богородицы и приснодѣвы Маріи не ново, но древле, пріяла есть церковь праздновати. Воспоминаетъ его святый Афанасій, иже жилъ въ триста четыредесятъ лѣтъ по рождествѣ Христовѣ, и нарицаетъ его главизною всѣхъ праздниковъ, зане въ него схожденіе Сына Божія съ небесе, еже есть начало нашего спасенія, зане отъ него всѣ инные праздники чрезъ весь годъ идутъ и начало пріемлютъ. А инные нарицаютъ его благовѣстіе Божіе роду человѣческому; ибо ангелъ благовѣстилъ радость: не единѣй пресвятѣй Дѣвѣ то належитъ, но и всему роду человѣческому; и бываетъ той праздникъ непремѣнно въ весненное время марта, въ двадесятъ пятый день. Той день изначала суть знаменитый и всѣмъ памятный: дня того Адама и Еву Господь Богъ сотворилъ въ лѣпоту; можется назвати день сей началородный рода человѣческаго. — Дня того о полудни Адамъ прельщенъ бысть отъ діавола чрезъ змію, коснулся заповѣдна древа (1 Быт. 3) и всему роду человѣческому смерть наведе, и предъ захожденіемъ солнца изъ рая изгнанъ бысть; и того ради день той учители церковные называютъ паденіемъ и погибелію рода человѣческаго. Дня того Адамъ, будучи девяти сотъ и тридесяти лѣтъ, умеръ (1 Быт. 5). Дня того Авель праведный отъ брата своего Каина убіенъ бысть: дня того при Ноѣ потопныя воды убывати начаша; тогда Ной голубицу изъ ковчега выпустилъ яже ему сучецъ принесла: дня того Лотъ плѣненъ бысть и Авраамомъ освобожденъ (Быт. 14): дня того Мелхиседекъ царь Салимскій, іерей Бога вышняго, Авраама по побѣдѣ съ хлѣбомъ и виномъ срѣтилъ и честь ему велію воздалъ (Быт. 14): дня того Лотъ изъ Содома ангелами повелѣніемъ Божіимъ изведенъ (Быт. 19): дня того патріархъ Авраамъ сына своего Исаака на

жертву принесъ (Быт. 22): дня того Іосифъ прекрасный отъ братій своихъ во Египетъ проданъ: дня того люди израилтескіе изъ Египта отъ работы Фараоновы изведени (Исходъ 12): дня того царь Давидъ на царство помазанъ (1 Царствъ 16): дня того жидове, возратяся изъ плѣненія вавилонскаго начаша во Іерусалимѣ храмъ созидати: дня того ангелъ до пророка Даніила посланъ, дабы ему возвѣстилъ о пришествіи Христовѣ (Даніилъ 9): дня того во Іерусалимѣ Антіохомъ разоренный храмъ посвященъ бысть. Послѣдиже, егда пріиде исполненіе временъ, дня того посланъ бысть ангелъ Гавріилъ отъ Бога къ Дѣвѣ Маріи возвѣстити ей зачатіе и рождество Сына Божія (Лук. 3). О великій той есть день и преславный, егоже святый Златоустый воспоминаетъ иже того дня Іисусъ Христосъ Сынъ Божій плотію распятъ бысть. Святый Іеронимъ и Иларій повѣдаютъ, иже въ той день будетъ судный день. Мы же оставимъ вся сія дѣла, иже дня сего творилися: пріидемъ на евангельская словеса, ихъ же святый Лука евангелистъ глаголетъ: *Посланъ бысть ангелъ Гавріилъ къ Дѣвѣ Маріи.* Пятерообразно святый Лука описуетъ: первое—когда, второе—кто есть посланъ, третіе—отъ кого, четвертое—гдѣ, пятое—до кого. *Прежде* указуетъ намъ время, когда то творилося: глаголетъ убо въ мѣсяцъ шестый, то есть по зачатіи Іоанна Крестителя. Іоаннъ убо Креститель по еврейскому и латинскому щету и иныхъ, зачался двадесятъ третіаго дня сентября; по немъ въ шестый мѣсяцъ двадесятъ пятаго дня марта послалъ Богъ съ возвѣщеніемъ ангела Гавріила къ Дѣвѣ Маріи. Никифоръ пишетъ: и того времене была Дѣва Маріа пятинадесяти лѣтъ. *Второе* слышите: не человѣкъ посланъ, но ангелъ. Что же за ангелъ? Не отъ оныхъ херувимовъ, иже Богъ поставилъ на

востоцѣ у едемскихъ вратъ съ пламеннымъ оружіемъ къ сохраненію пути до древа жизненнаго, но ангела Гавріила. О неизглаголанная премудрость Бога вышняго, въ таковомъ преславномъ посланіи! Истинно тогоже ангела посылаетъ, имъ же прежде пяти сотъ тридесяти и осми лѣтъ пророку Даніилу о страданіи тайны своея возвѣстилъ (Даніилъ 9); тогоже ангела посылалъ и до Захаріи іерея Божія дабы ему возвѣстилъ зачатіе Іоанна Крестителя. *Третіе*: откуду той ангелъ посланъ есть? Истинно съ небесъ отъ вышняго Царя, яко евангелистъ глаголетъ отъ Бога посланъ бысть, иже Царь царей и Господь господей. О Боже дивенъ еси въ дѣлѣхъ! Діаволъ изъ ада посылалъ посла своего въ рай до Адама, и той его посолъ привелъ Адама и весь родъ его до паденія, и всему роду человѣческому смерть наведе: а ты, Господи Боже, съ небесе посылаеши, и хощеши таковое жалостное паденіе направити, и падшаго человѣка воставити. Поистинѣ Давидъ рече: *праведенъ Господь Богъ, и нѣсть неправды въ Немъ. Четвертое*: до каковаго мѣста или града той ангелъ посланъ? Не до Рима, идѣже былъ народъ сильный, не до Аѳинъ, идѣже были ученые, не до Іерусалима, идѣже были святѣй (sic), не до Тира и Сидона, идѣже купцы богатые были, но до мѣста галилейскаго, иже нареченъ Назаретъ. О дивно дѣло Божіе, неизреченны судьбы Его! Презрѣлъ Богъ цезаря римскаго Августа посланіемъ своимъ, аще и единовластенъ былъ; такожде и Ирода, но послалъ до мѣста Назаретъ. Было мѣсто вельми худое и недостаточное всѣмъ, три дни ходу отъ Іерусалима, въ предѣлѣхъ заулоновихъ, на пригорсѣ стояше, близъ горы Ѳаворскія. Жители назаретскіе были у жидовъ въ великомъ поношеніи и въ гнусности: о томъ свидѣтельствуетъ Филиппъ, егда Наѳанаилъ до него рекъ: *можетъ ли*

что добро быти отъ Назарета? Пятое. Зри, до кого въ Назаретъ посланъ. Евангелистъ святый пишетъ, иже *посланъ къ Дѣвѣ обрученнѣй мужеви, ему же имя* было *Іосифъ* а *имя дѣвѣ Маріа.* Того ради посылаетъ къ Дѣвѣ, дабы исполнилося пророчество Исаіи пророка: се *Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына и наречеши имя ему Еммануилъ* (Исаіи 7). Изъ Дѣвы убо родился Христосъ Господь. Тако Господу Богу было годе, тако Его святая воля восхотѣла, и тако того была потреба. О томъ убо между инными Тертуліанъ учитель пишетъ тако: еще во Еву дѣву вкралося было слово нанести смерть: тако и къ Дѣвѣ Маріи всѣянно было Слово Божіе, приносящее животъ; отъ дѣвы Еввы проклятіе и смерть: такожде отъ Дѣвы Маріи и животъ и благословеніе. О пришествіи ангела къ Дѣвѣй Маріи пишетъ святый Лука евангелистъ тако: *и вшедъ къ ней ангелъ.* О предивнаго словеси! Поистиннѣ вшедъ къ ней ангелъ, —съ кихъ словесъ явственно зрится, иже ея не нашелъ у тонцей, а ни на бесѣдѣ, а ни на прехожденіи, а ни во дверехъ стоящія, или во окнѣ присѣдящія, яко нынѣ дѣвы имѣютъ во обычаи, но въ затворенной храминѣ, на единѣ въ тишинѣ. Древніи учители тако повѣдаютъ, иже въ то время Маріа дѣвица читала книгу Исаіи пророка, онѣ слова имѣла предъ собою: *се Дѣва зачнетъ во чревѣ и родитъ сына,* и разбирая тѣ слова, нача сердечнѣ къ Богу воздыхати, моля Его, дабы того дѣвича сына послати изволилъ. Егда она о томъ помышляше, абіе ангелъ вшелъ къ ней истинно о томъ же часѣ, егда Господь Богъ по преступленіи Адама возвалъ, и обѣщаніе учинилъ, иже главу зміеву сотретъ. Вшедши убо ангелъ и рекъ Дѣвѣ, яко святый Лука повѣдаетъ: *радуйся благодатная Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ: онаже смутися о сло-*

веси его и помышляше, каково будетъ цѣлованіе се. И рече Марія ко ангелу: како будетъ се, понеже мужа не знаю? Зри убо здѣ, иже Дѣва во словесѣхъ ангельскихъ ни въ чемъ не сомняшеся, и знака никакова не желала, яко Захарій, но токмо о томъ вопрошала, каковымъ то обычаемъ будетъ, безъ нарушенія дѣвства. Того ради и ангелъ ей вопреки не глаголалъ, но тако ей отвѣщалъ: Духъ святый истинно внидетъ въ тебе; и отвѣща Дѣва: Духъ Святый Богъ есть, а о Бозѣ написано, иже Богъ есть огнь, все попаляяй. Отвѣща ей ангелъ, иже сила вышняго осѣнитъ тя, закрыетъ оную свѣтлость, и можность (sic) Божества своего, юже имѣетъ отъ вѣка, осѣненіемъ тѣлесе твоего святаго, дабы еси его зрѣла, якоже древле видѣ Моисей купину горящую небеснымъ огнемъ а незгараему; но токмо небойся и о нарушеніи дѣвства своего не сомняйся. Понеже не мужъ, ни инный человѣкъ, а ни всякое сотвореніе, но Духъ Святый внидетъ въ тебе и все то сотворитъ таковымъ обычаемъ, яко самъ Господь Богъ вѣсть. Токмо азъ то вѣмъ, иже сіе дѣло будетъ не мужа, но Духа Святаго; сего ради и то, еже родится изъ тебе дѣйствіемъ Духа Святаго, свято надъ святыми будетъ, отъ негоже всюду вся свѣтлость течетъ, истинно будетъ Сыномъ Божіимъ. Услыша сія словеса преблагословенная Дѣва отъ ангела, увѣрилася истинно о дѣйствѣ своея чистоты, уже къ кому не вопрошала ангела, но предадеся на волю Господа Бога своего, во смиреніи и покореніи своемъ обыкломъ пребываше и рече: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему* Въ той часъ Слово оное вѣчное, Господь Іисусъ, Сынъ Божій, по словеси ангельскомъ, зачался въ чистой и святой утробѣ Маріи дѣвицы. Того ради ангелъ услыша тіи словеса, скоро отыде отъ нея, сотворя свое пове-

лѣнное дѣло, возвратился къ Богу. Мы убо днесь слышавше таковое преславное дѣло, будемъ благодарніи о таковыхъ великихъ добродѣтелехъ и милости Бога вышняго, возлюбимъ смиреніе, покореніе, послушаніе и инныя добродѣтели тоя пресвятыя Дѣвы. А ты отъ Дѣвыя Сыну Божій всемогущій, изъ Отца прежде вѣкъ подъ лѣты рожденный, Своимъ преславнымъ зачатіемъ и рождествомъ изволи насъ помиловати, дай намъ всегда въ Тебѣ веселитися. Ты бо еси наше спасеніе, и искупленіе, и ходатай о насъ Богу Отцу своему, и твоимъ святымъ ходатайствомъ даруй намъ улучити въ будущемъ вѣцѣ не кончаемое блаженство. Аминь.

Поученіе на Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа. Евангеліе отъ Матѳ. зачало 70.

Поятъ Іисусъ Петра, и Іакова, и Іоанна брата его, и веде ихъ на гору высоку едины, и преобразися предъ ними.

Нынѣшняго дня, возлюбленніи братія, празднуетъ церковь Божія праздникъ Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа. Дивное убо суть дѣло, возлюбленніи слышатели, сей убо знаменитый праздникъ самого Господа нашего Іисуса Христа, егоже евангелисты возвѣщаютъ, обаче въ папежствѣ не празднуютъ его, а сей праздникъ Сына Божія чистымъ дѣломъ и свободнымъ праздникомъ нарицаютъ его. Аще той праздникъ Каликстъ третій папежъ [22]) и повелѣлъ имъ праздновати, обаче не празднуютъ. Слышимъ убо, како намъ той дивный праздникъ Сына Божія евангелисты святіи описали; тако глаго-

---

[22]) Разумѣется папа Калистъ III (1455—1458).

лютъ: *по днехъ шестихъ поятъ Іисусъ Петра, и Іакова и Іоанна, брата его и возведе ихъ на гору высоку едины, и преобразися предъ ними.* Аще бы кто вопросилъ: по коихъ шестихъ днехъ сіе преображеніе Господне было? По тѣхъ убо шестихъ днехъ, егда пришелъ Іисусъ въ Галилейскіе предѣлы, въ мѣсто названное Виѳсаида на мѣсто пустое, и тамо тогда слѣпаго исцѣлилъ, таможе тогда пятію хлѣбы въ тойже въ пустыни пять тысящь народовъ накормилъ, и послѣди того пришелъ со ученики своими въ веси Кесаріи Филипповы (Лук. 2), и тамо на пути вопрошалъ Христосъ учениковъ своихъ: кого мя глаголютъ человѣцы суща сына человѣческаго (Марк. 8)? Тамо тогда Петръ рече тако: *Ты еси Христосъ сынъ Бога живаго*: тогда Христосъ Симона Петромъ назвалъ и ключи ему царства небеснаго поручилъ. Отголѣ начатъ Іисусъ возвѣщати имъ страданіе свое во Іерусалимѣ, и тамо Христосъ Петра назвалъ сатаною за прекословіе его. И тамо же учениковъ своихъ Христосъ училъ терпѣнію, и возвѣщалъ имъ будущее свое второе пришествіе, и тамо же рекъ Петру, и Іакову, и Іоанну, *иже не вкусятъ смерти, дондеже видятъ сына человѣческаго грядущаго* во царствіи своемъ. Вся сія бысть во преждереченныхъ шести днехъ. Потомъ Христосъ преобразился: того ради евангелисты глаголютъ: *по днехъ шести*: Гора Ѳаворская въ предѣлехъ галилейскихъ, а Галилеи суть двѣ: едина высокая, а другая нижная; обѣ суть Галилеи у моря Тиверіатскаго, а езеро Генисаретское тоже нарицается; въ широту его пять поприщь, а въ длину его тринадесять. Предѣлы суть галилейскіе: Назаретъ, Капернаумъ, Кана, Кесарія. Тамо близъ и гора Ѳаворская, на нейже Христосъ преобразился, а не во Іерусалимѣ, яко суть невѣдующіе глаголютъ и прутся, иже Христосъ во Іерусалимѣ, въ

среду на страстной недѣли преобразился. О томъ свидѣтельствуютъ евангелисты, иже Христосъ не во Іерусалимѣ, а не въ среду страстную преобразился, но истинно въ шестый день августа, за седмь мѣсяцей прежде своея волныя страсти, преобразился. Послѣди своего преображенія, Христосъ, егда сошелъ съ горы, тамо бѣсноватаго исцѣли, и оттуда пошелъ въ Капернаумъ, и тамо Петръ за Христа и за себе дань платилъ (Матѳ. 17, 27). И оттуду пришелъ въ Самарійскую весь, и тамо его не пріяли (Лук. 9), и оттуду пріиде Христосъ въ предѣлы Іудейскіе за Іорданъ, во Іерихонъ; тамо при пути слѣпца исцѣлилъ (Лук. 18) и Закхея на покаяніе привелъ, и изходящу ему отъ Іерихона со множествомъ народа (Матѳ. 19), тамо тогда дву слѣпцевъ исцѣлилъ; и оттуду пройде Христосъ за Іорданъ, идѣже первѣе Іоаннъ крестилъ (Іоан. 10), и пребылъ тамо. И того времене тогда въ Виѳаніи Лазарь умеръ, и тогда оттуду пріиде Христосъ въ Виѳанію, и воскресилъ Лазаря (Іоан. 11); и оттуду паки пойде Христосъ во Ефремъ градъ и тамо пребылъ, и оттуду паки пріиде въ Виѳанію, и изъ Виѳаніи на утріи пойде во Іерусалимъ на жребяти, на волную страсть. Вся сія вышеписанная творилъ Христосъ послѣ своего преображенія, въ седьми мѣсецахъ. А въ осмый мѣсецъ послѣ своего преображенія распятъ Христосъ. Тако суть истинно. По духовному убо разуму учители церковные разумѣютъ чрезъ шесть дней шесть вѣковъ сего свѣта, то есть шесть тысящь лѣтъ; и по тѣхъ лѣтахъ чаютъ скончанія сего свѣта, и умершихъ востанія и Христова втораго пришествія на судъ: ибо въ шести днехъ сотворилъ Господь Богъ небо и землю и весь свѣтъ, и потомъ дня седьмаго почилъ Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Тако разумѣютъ, иже по шести тысящахъ лѣтъ будетъ и скон-

чаніе свѣта, и пріидетъ покой вѣчный. Аще ли суть тако, то убо истино день судный близъ есть [23]). Аще бы кто вопросилъ: чесо ради Христосъ преобразился? Того ради; дабы таковымъ чюдомъ крѣпко утвердилъ оное апостольское исповѣданіе, егда исповѣдывали Его быти Сына Божія и Бога истиннаго, указуя имъ тѣмъ своимъ преображеніемъ Божіимъ, иже Онъ есть единородный, истинный Сынъ Божій и истинный всемогущій Богъ. Съ того убо преображенія Петръ святый доводитъ Божество его, тако рече: не сказахомъ вамъ силы и пришествія Господа нашего Іисуса Христа, ухищреніемъ и баснями, но самовидцы быша величествію Его. *Пріялъ бо отъ Бога Отца честь и славу, гласу пришедшу къ нему таковому отъ велелѣпныя славы* Его: *Сей есть Сынъ мой возлюбленный*, о *немъ же азъ благоволихъ. Сей гласъ мы слышахомъ съ небесе сходящъ, съ нимъ суще на горѣ святѣй.* И учители святые съ того преображенія Господня показовали Божество Сына Божія. Августинъ святый тако рече: не плоть убо сіяла, но Божество крылося во плоти. Еще и того ради Христосъ преобразился, дабы явилъ и открылъ тайну будущаго востанія тѣлесъ святыхъ праведныхъ; ибо по востаніи изъ мертвыхъ, праведныхъ тѣлеса будутъ сіяти, яко солнце. Тако бо самъ Сынъ Божій рече: праведніи просіяютъ, яко солнце, во царствіи небеснѣмъ (Матѳ. 13). Соломонъ убо написалъ: праведніи просвѣтятся яко искры (Премудр. 3); тоже глаголетъ и Павелъ святый: Христосъ премѣнитъ тѣлеса наша, дабы подобны были пресвѣтлому тѣлу его

---

[23]) Проповѣдникъ слѣдуетъ лѣтосчисленію, принятому въ Римской церкви, которая считаетъ отъ сотворенія міра до Р. Х. не 5508 лѣтъ, а 4156 лѣтъ (См. Histoire Ecclesiastique par Henrion tom. VII. p. 634. Paris. 1859.) По этому счисленію отъ временъ Палладія до истеченія 6000 лѣтъ оставалось 142 года.

(Филип. 3). Тамо убо вѣрніи будутъ веселитися за свое нынѣшное терпѣніе; ибо аще здѣ тѣлеса ихъ веліе терпѣніе пріяли, отъ болѣзни почернѣвали, отъ печалей блѣднѣли и въ прахъ обращалися, и во время изъ мертвыхъ востанія просвѣтятся, яко солнце: не токмо просвѣтятся, но вси себе узрятъ и познаются; но и тіи, аще здѣ на свѣтѣ и не зналися, между собою будутъ глаголати о вещехъ небесныхъ, и на лице Божіе будутъ зрѣти и беспрестани будутъ славити и хвалити имя Господне. Сего убо имамы подобіе во Адамѣ: той позналъ жену свою Евву, аще прежде ея и не вѣдалъ и рекъ: то есть *плоть отъ плоти моея, и кость отъ костей моихъ.* И богатый убо во ономъ животѣ позналъ Авраама и Лазаря. Познали убо и апостоли Моисеа и Илію, иже вельми давно прежде ихъ съ сего свѣта отыдоша, аще ихъ прежде никогда и не видали, но токмо о нихъ съ Писанія слыхали; а познали ихъ не съ писанія на образахъ, а ни со объявленія Господня, но со глаголанія между собою. Тако убо пишетъ Ѳеофилактъ: откуду познали апостоли, иже со Христомъ были Моисей и Илія? Не съ писанія на образахъ лицъ ихъ, ибо тогда образы писати было неподобное дѣло, но познали ихъ со глаголанія ихъ между собою. Но не токмо на ономъ свѣтѣ позна́ются праведніи между собою, но и тіи узрятъ ихъ, иже гоненіе творили имъ, и познаютъ ихъ, и убоятся. Тако яко Соломонъ рече: станутъ праведніи въ великой дерзости предъ тѣми, иже имъ здѣ поносили, и будутъ страхомъ великимъ грѣшные стиснени, и будутъ воздыхати, и рекутъ: сей есть, егоже мы гонили, поносили, и ругалися, и смѣялися ему, и гордилися имъ и мнѣли убо житіе его быти уродивое и срамное его скончаніе, а нынѣ убо здѣ причтенъ между сыны Божіими, и пріялъ честь со святыми:

заблудили есмы отъ пути истиннаго, а ни свѣтила намъ свѣтлость правды, по работалися есмы на пути неправды и погибели, и ходили есмы путемъ беззаконія, и истиннаго пути Божія не знали есмы. Нынѣ убо горе намъ, таковыя сладости и веселія лишенни суть. Тако убо грѣшные тамо воздыхати и рыдати будутъ горько: увы, увы, увы намъ, лишихомся таковыя славы и радости! Петръ убо на горѣ узрѣлъ славу Божества, и рекъ: *Господи, добро убо намъ здѣ быти.* Слыши убо что тогда сотворилося, егда Господь преобразился. Глаголютъ убо евангелисты тако: Моисей и Илія явилися тамо и со Господемъ Іисусомъ Христомъ глаголали о мукѣ его и о погребеніи во Іерусалимѣ. Чесо ради тіи два мужіе явилися? Ѳеофилактъ убо тако пишетъ, дабы ся то показало, иже Христосъ есть творецъ и владѣтель закона и пророковъ, живыхъ и мертвыхъ Илія суть пророкъ и живъ еще, а Моисей законодавецъ умеръ. Еще и того ради, да разрѣшитъ мнѣніе тѣхъ, иже его Иліею нарицали, или единаго отъ пророкъ. Что же еще тамо было, егда Христосъ преобразился. Тогда Отецъ съ небесе во гласѣ глаголетъ: *сей естъ Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ, того послушайте.* Здѣ убо Богъ Отецъ самъ повелѣваетъ намъ единороднаго своего Сына слушати. Того убо ради вси есмы, братіе, повинни Сына Божія Господа нашего Іисуса во всемъ слушати; но не токмо слушати, но и повелѣніе Его творити, и заповѣди Его святыя исполняти; заповѣди Его суть наше оправданіе. Того ради святая церковь поетъ: благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ, то есть, научи насъ заповѣдемъ твоимъ. Аще ли мы Сына Божія послушаемъ и заповѣди Его сохранимъ, то истинно животъ вѣчный получимъ, царствовати на небеси будемъ со всѣми святыми во вѣки вѣковъ, аминь.

Поученіе на Успеніе пресвятыя Богородицы. Евангеліе отъ Луки, зачало 4.

Воставши Маріамъ во дни тыя, иде въ горняя со тщаніемъ во градъ іюдовъ.

Нынѣ убо церковь Христова празднуетъ праздникъ Успенія по плоти Божіи матери пресвятѣй Богородицѣ Дѣвѣ Маріи. Сей праздникъ разно нарицаютъ людіе; едини тако глаголютъ: взятіе пресвятыя Богородицы въ небо; другіе нарицаютъ его Засненіе, или Успеніе Богородицы; третіи нарицаютъ его травный праздникъ: того ради, иже въ него травы святятъ. А Успеніемъ зовутъ того ради, иже нынѣшняго дня умре; а въ небо взятіе зовутъ, иже взята есть на небо. О семъ праздникѣ церковь Христова при апостолѣхъ и послѣ апостоловъ чрезъ осмь сотъ лѣтъ не вѣдала ничесого. Во исходѣ шестаго ста Маврикій, царь греческій, повелѣлъ той праздникъ праздновати, но на его повелѣніи не состоялося и не утвердилося. Послѣди же того въ началѣ десятаго ста въ Римѣ при Каруле, цезаре великомъ, былъ споръ между христіаны таковый: подобаетъ ли сей день праздновати, или не подобаетъ. Едини тако глаголали: подобаетъ сей праздникъ церквѣ предати, да будетъ празднованъ на честь пресвятѣй Богородицѣ; а иніи тако рекли: да не будетъ празднованъ. И тако велій споръ между ими былъ, и по многомъ таковомъ испытаніи оставиша тако безъ празднества. Тако убо написано въ книгахъ Карула великаго о Успеніи пресвятыя Богородицы. Потомъ же сынъ его Каруловъ, Людовикъ цезарь, на соборѣ Аквигранскомъ. [24]) повелѣлъ конечно праздновати,—и празд-

---

[24]) Соборъ Аквигранскій происходилъ въ 816 году при папѣ Стефанѣ IV, въ Ахенѣ [illegible]

новано тогда не великимъ празднествомъ, яко бы нынѣ рядовымъ святымъ. Потомъ же среди девятаго ста при цесарѣ Лотаріи, сынѣ Людовиковѣ, Леонъ, папежъ, четвертый, [25]), повелѣ той праздникъ со всенощнымъ праздновати, и къ тому еще придалъ октаву, то есть осмь дней повелѣлъ пѣти, и отданіе уставилъ. Съ того времене утвердилося сей праздникъ праздновати. До того убо сей праздникъ нынѣ пришелъ у христіянъ, иже всѣхъ праздниковъ церковныхъ превозшелъ. Той убо праздникъ имѣетъ и поста двѣ седмицы, чесого иные праздники Богородицыны неимѣютъ. Нынѣ убо у христіянъ сей праздникъ всѣхъ Богородицыныхъ праздниковъ болій и славнѣе. Учители христіанстіи несходно о смерти пресвятыя Богородицы пишутъ; едини глаголютъ тако: по прирожденію человѣческому истинно суть умерла, зане и Сынъ ея Іисусъ Христосъ по человѣчеству умеръ; а суть то самая правда, иже пресвятая Богородица истинно умерла. Во святомъ убо писаніи о пресвятѣй Богородицѣ поономъ, егда на крестѣ будучи Сынъ Божій матерь свою Іоанну поручилъ, ничесого не написано. Евангелисты о ней не воспомянули ничесого, како было житіе ея, но токмо святый Лука воспоминаетъ ея въ Дѣяніихъ апостольскихъ тако: вси бяху единодушно на молитвѣ со женами и Маріею, матерію Іисусовою, и братіею его. Мы убо вѣмы, яко истинно всякой плоти есть смерть; не боимся того рещи, иже умерла. Епифаній учитель о ея смерти сомнително глаголетъ; тако рече: „не смѣю азъ рещи, умерла ли пресвятая Богородица или не умерла, погребена ли, или не погребена, но о томъ молчу. Аще ли пресвятая Богородица умерла, и погребена есть: но обаче въ чести есть ея успеніе и

[25]) Левъ IV управлялъ Римскою церковію 847—855 г.

въ чистотѣ, и въ дѣвствѣ скончалася. А яко написано о ней, иже душу ея оружіе пройде: посему убо и мученическія хвалы достойна и во славѣ ея святое тѣло, изъ негоже свѣтлость свѣта изыде; аще ли не умерла и тако пребываетъ,—Господу Богу нѣсть ничесого невозможнаго, все творитъ, якоже хощетъ". Обаче скончаніе ея не всякому истинно вѣдомо, а житія ея святаго колико на свѣтѣ было, то во исторіяхъ обрѣтается нѣкіихъ учителей; а въ новомъ завѣтѣ ничесого не написано. Глаголютъ убо историки, иже она тріехъ лѣтъ приведена была во церковь и тамо во церковныхъ жилищахъ пребывала чрезъ единнадесятъ лѣтъ; потомъ отъ іереовъ отдана была Іосифу на соблюденіе, и будучи у него четыре мѣсяца пріяла благовѣстіе отъ архангела Гавріила и будучи пятинадесяти лѣтъ, породила намъ Спасителя Господа Іисуса Христа, и отъ того времене пребывала тридесятъ три лѣта со Іисусомъ Христомъ даже до распятія его, а послѣ распятія пребывала въ дому Іоанна Богослова единонадесять лѣтъ. Итако всѣхъ лѣтъ житія ея пятьдесятъ девять лѣтъ, а инніи и болѣ пишутъ. Нѣцыи убо пишутъ тако: егда приближилося время смерти ея, тогда ангелъ до нея пришелъ, и поздравилъ ей, и о смерти ей возвѣстилъ, и далъ ей вѣтвь, и рекъ: се тебѣ, Дѣво, принесъ вѣтвь пальманову изъ рая; а егда умреши, повели ея нести предъ одромъ своимъ: третіяго бо дне умреши, понеже Сынъ твой ожидаетъ тебе. Она же отвѣщала ему тако: аще обрѣла азъ благодать предъ тобою, молю тя, повѣждь имя твое мнѣ, но и о семъ паче молю тя, дабы собралися сынове и братія моя апостоли, дабы азъ ихъ видѣла тѣлесныма очима, дондеже не умерла, дабы погребли тѣло мое, и при нихъ бы духа моего Богу отдала. Еще убо и о семъ молю тя, дабы душа моя изъ тѣла вышедши не ви-

дѣла діаволовъ. И тогда ангелъ рекъ ей: чесо ради, госпоже моя, хощеши имя мое вѣдати, и чесо ради боишися діавола, егда ты главу его стерла? Апостоли убо всѣ до тебе днесь пріидутъ. Тогда вси апостоли по всему свѣту разсѣянны были, въ мгновеніи ока во облацѣхъ восхищенни, и предъ храминою тою поставлены были: первѣе Іоаннъ святый.—До него рекла Пресвятая Богородица: сыну Іоанне! Памятуй слово учителя своего, иже мнѣ тебе за сына, а мене тебѣ за матерь поручилъ; нынѣ убо азъ позванна есть отъ Господа долгъ прирожденный отдати, а тѣло мое я тебѣ во промышленіе поручаю. Слышала убо азъ, иже жидовѣ совѣтовали, егда тѣло мое понесутъ до гроба, хотятъ его отняти у васъ и сожещи его. Сего ради ты возми вѣтвь сію, а егда понесете тѣло мое на одрѣ до гроба, тогда напреди одра моего да понесеши ея. И тогда Іоаннъ вышедши возвѣстилъ апостоломъ, иже пресвятая Богородица имать умрети, а егда умретъ, тогда вы, братіе, не плачите по ней, дабы не рекли людіе тако: чесо ради и тіи боятся смерти, иже иннымъ возвѣщали изъ мертвыхъ востаніе? Пишетъ убо Лонгобардъ [26]) тако,—иже Господь Іисусъ Христосъ въ третій часъ нощи пришелъ ко пресвятой Богородицѣ со всѣми ангелы и съ патріархи, и мученики и сталъ у ложа ея, воспѣвая пресладкое пѣніе; и тогда Господь до нея рекъ: поиди избранная моя, посажду тебе на престолѣ моемъ; а она ему отвѣщала: се иду, въ началѣ убо книгъ написано суть о мнѣ, дабы сотворила волю твою, Боже; ибо радовался духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ. И тогда Господь Богъ душу ея пріялъ въ руцѣ свои, а апостоли убо тогда видѣли душу ея таковыя свѣтлости и красоты, иже человѣ-

---

26) См. прим. 3.

ческій языкъ изрещи не можетъ, и тѣло ея цѣловали. Пишетъ убо святый Никифоръ [27]), иже пресвятая Богородица двѣ ризы свои отдала вдовамъ двѣма, иже ей служили; а егда апостоли несли тѣло пресвятыя Богородицы, и воспѣвали псаломъ: *во исходѣ израилевѣ отъ Египта*, иніи плакали, глаголюще: не остави насъ о мати Божія! Нѣцыи повѣдаютъ убо тако, иже Іоаннъ святый несъ вѣтвь предъ одромъ пресвятыя Богородицы: давалъ убо Іоаннъ святый ту вѣтвь святому Петру, дабы ея предъ одромъ несъ, глаголя тако: Петре! понеси сію вѣтвь предъ одромъ Богоматери, ибо учитель нашъ Господь Іисусъ Христосъ сотворилъ тебя старѣйшиною надъ нами и пастыремъ надъ овцами словесными. Емуже тогда Петръ святый отвѣщалъ тако: тебѣ убо въ лѣпоту, Іоанне, нести ея, ты убо избранъ отъ Господа Бога; ты на персѣхъ Господнихъ возлеже и отъ Него тамо большую благодать и мудрость пріялъ еси паче иныхъ. Пишетъ убо Лонгобардъ историкъ, иже жидове тогда вышли изъ мѣста своего со оружіемъ, тако глаголюще: пойдемъ и побіемъ апостоловъ, а тѣло то, иже носило Христа, сожжемъ его; и возъярился гнѣвомъ единъ жрецъ, хотѣлъ тѣло со одромъ опровергнути на землю.—И тогда внезапу скоро рука у него суха стала, и прилѣпла ко одру тако крѣпко, иже никако ея отняти не возмогъ, и тогда онъ терпѣлъ злую муку. А иные пишутъ, иже ему ангелъ Господень невидимо обѣ руцѣ отсѣче, и осташася у одра, и тогда той жидовинъ завопилъ гласомъ веліимъ: святый Петре! не остави мене въ сей бѣдѣ, помолися за мя Богу; памятуй, иже азъ при тебѣ часто былъ, и съ тобою глаголалъ тогда, егда

---

[27]) Св. Никифоръ исповѣдникъ, патріархъ константинопольскій, жившій въ IX вѣкѣ.

тебя дверница вопрошала тако: *и ты бѣ со Іисусомъ галилейскимъ.* Тогда рекъ ему Петръ: вѣруй въ Господа нашего Іисуса Христа и пресвятѣй Богородицѣ матере его, и будеши здравъ. И жидовинъ той рекъ: вѣрую въ Господа Іисуса Христа, рожденнаго изъ Маріи. И тогда ему Петръ рече: цѣлуй одръ; онъ же цѣловалъ, и бысть здравъ. И тако тогда донесоша тѣло до Геѳсиманіи и погребоша его. А о взятіи на небо пресвятыя Богородицы пишетъ Лонгобардъ гисторикъ тако, иже взята суть съ душею и съ тѣломъ на небо таковымъ обычаемъ: Господь Іисусъ Христосъ третіяго дня по погребеніи пришелъ съ небеси со множествомъ ангельскимъ и рекъ апостоломъ: миръ вамъ! Они ему отвѣщали: слава тебѣ Боже, яко ты единъ твориши чудеса. О томъ Христовѣ пришествіи по тѣло пресвятыя своея матери такожде пишетъ и Дисципулъ мнихъ: [28]) и тогда тако до неба взята бысть; все сіе тогда Господне пришествіе апостоли видѣли. Адамъ и Евва тако до нея рекли: иди до насъ радосте, и спасеніе наше; а инные святіи рекли тако: пребывай съ нами, утѣшеніе наше, не оставляй насъ сирыхъ. Ѳома апостолъ того времене не былъ при погребеніи и при взятіи тѣлесе Богородицына на небеса и не вѣрилъ тому. Егда пришелъ и повелѣлъ апостоломъ гробъ открыти, апостоли убо не хотѣша того сотворити, тако ему рекли: доволно убо и на семъ, иже мы видѣли и тебѣ возвѣщаемъ. Онъ же печаленъ бысть, тако рече: чесо ради, братія моя, лишаете мене таковаго сокровища, и не хощете мнѣ явити тѣла Богоматере? И тогда открыша гробъ, и не обрѣтоша въ немъ тѣла ея, но токмо погребальныя ризы, благовонія исполнены. Тогда внезапу съ высоты воздухомъ

---

[28]) См. примѣч. 8.

спаде тамо поясъ пресвятыя Богородицы, дабы вѣдали, иже съ плотію на небо взята. Тако убо вѣруетъ и исповѣдуетъ церковь святая. Мы убо не имамы сомнятися о томъ, но крѣпко вѣруемъ безъ всякаго сомнѣнія, иже скоро по смерти ея взята суть до неба, кромѣ всякихъ мукъ. Аще Галарій учитель [29]) и написалъ тако, яко бы пресвятая Богородица имѣла преити чрезъ нѣкій огнь до неба, но мы сіе отмещемъ, но вѣруемъ, иже взята суть до неба кромѣ всякихъ мукъ. О ней убо истинно написано суть: *предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна, и преукрашена.* А ты, пресвятая Богородица, мати Христа Бога нашего, молися о насъ Сыну своему и Богу нашему, да подастъ намъ получити царствіе небесное и радость нескончаемую, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Поученіе въ недѣлю 28. Евангеніе отъ Луки, зачало 76.

Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велію и созва многи.

Сія притча, ея же Господь нашъ Іисусъ Христосъ повѣдалъ, прежде всѣхъ належитъ на жиды. Тіи убо прежде всѣхъ на вечерю Господню званіи были; понеже яко суть истинныя возлюбленніи сынове его изъ крове и сѣмене Авраамля. Но они тою вечерю Господнею возгордилися, начаша единъ по единому отрицатися. Первый рече: село купихъ, другій рече; купихъ десять (пять паръ) воловъ, а иный рече: жену пояхъ. И тако не единъ не восхотѣлъ пріити на вечерю Господню, возлюбиля честь и славу, и

29) Гальяръ, іезуитъ, писатель XVI вѣка.

красоту временную міра сего, а нежели святое Евангеліе и животъ вѣчный. Что же убо ихъ за то постигло, и что имъ Богъ сотворилъ за ихъ непослушаніе? Отъялъ отъ нихъ Господь Богъ царство Божіе и даде убо людемъ отверженнымъ: тіи да творятъ пожитки его. Послѣди же и земное ихъ превеликое и святое царство Господь Богъ разорилъ, и святаго своего града Іерусалима не пощадилъ. Пишутъ убо тако: между всѣми мѣстами, яже суть подъ солнцемъ были, не было таковаго мѣста сильнѣйшаго и преславнѣйшаго, любезнѣйшаго, пространнѣйшаго и богатѣйшаго, благочестивѣйшаго и святѣйшаго, яко Іерусалимъ. Пишетъ убо Плиній историкъ, иже то было мѣсто заложилъ прежде Мелхиседекъ, а о томъ свидѣтельствуетъ Іосифъ, жидовскій историкъ, треми стѣнами каменными превеликими былъ огражденъ, валами превысокими былъ окруженъ. Той же Іосифъ пишетъ тако: тамо Соломонъ сотворилъ было храмъ Богу, въ негоже жидове на всякій годъ по трижды сходилися на молитву: а творили они тако не отъ своего умыслу, но съ повелѣнія Божія, иже имъ повелѣлъ тако: трижды на всякій годъ приходя во храмъ Соломоновъ, да празднуйте на мѣстѣ, егоже избрахъ, тамо приношеніе приносите. Того ради тамо жидове приношенія приносили, зане индѣ имъ не повелѣно было того творити. Моисей убо повелѣлъ былъ израильтяномъ тако: стрегитеся, дабы вы приношеній не приносили на всякомъ мѣстѣ, но на томъ, егоже избралъ Богъ. То мѣсто Іеросалимское звано суть. Было Сирійское царство во Азіи лежащее, истинно посредѣ всея земли, или всего свѣта есть; тамо Господь нашъ Іисусъ Христосъ родился и училъ; тамо отъ жидовъ распятъ и восталъ изъ мертвыхъ, а оттуду на небеса вознесеся; тамо оная земля святая древле жи-

домъ отъ Господа Бога обѣщанна, названа Ханаанъ, или Палестина; тамо мѣсто (градъ) Дамаскъ отъ слугъ Авраамовыхъ заложенъ, возвращеніемъ до Христа святаго апостола Павла велми славно; тамо Адамъ сотворенъ, то мѣсто оздоба и красота всей Азіи: тамо кедры высокія, и гора Ливанъ, изъ нея двѣ рѣки выходятъ: Оръ и Данъ, и потомъ, гдѣ совокупилися во едино, названа Іорданъ; въ той рецѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестился отъ Іоанна дѣйствомъ Святаго Духа. Дѣлится то мѣсто на сія повѣты: Дамаскъ, Келемъ, Комагенъ, Іудея, Идумея, Самарія, Галилея, Виѳлеемъ, Гелвой, Гарисимъ, и Кава, идѣже Господь Іисусъ Христосъ на бракѣ былъ; тамо оно мѣсто есть Назаретъ; тамо гора Ѳаворъ, на нейже Христосъ преобразился; тамо Тиръ и Сидонъ, о нихъ же Писаніе свидѣтельствуетъ; тамо были прошенія Авелевы: тамо святый градъ Іерусалимъ преславный и гробъ Божій, и храмъ Соломоновъ, о немъже и выше речеся, на негоже разоренія было десять временъ. Въ томъ Іеросалимѣ была столица царская и престолъ великаго архіерея, иже прообразовалъ Господа Іисуса Христа; а то мѣсто велми любилъ Господь Богъ, иже его соблюдалъ часто отъ многихъ непріятелей, яко тако самъ Господь Богъ рече: азъ защищу градъ сей, и сохраню его мене ради и Давида раба моего (I цар. 19.). Въ томъ святомъ градѣ Іерусалимѣ самъ Господь Богъ жилище себѣ имѣлъ, яко самъ Господь Богъ чрезъ Давида рече: *избра Господь Сіона, и изволилъ его въ жилище себѣ и рекъ: се покой мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся.* Обаче аще и вельми тое мѣсто Господь Богъ любилъ и сохранялъ его, а послѣди самъ Богъ рекъ чрезъ пророка Іеремію, тако рече: аще ли добре речете пути ваша, и помышленія ваша: аще ли будете твори-

ти суды ваша ближнимъ и пришелцемъ, и сиротамъ и вдовицамъ, не сотворите лестно, и крови неповинныя не излейте на мѣстѣ семъ, и за чужими богами не ходите, и лукавно межь себя не пребывайте, буду пребывати съ вами на мѣстѣ семъ въ земли, юже дахъ отцемъ вашимъ, отъ вѣка, даже и до вѣка, (Iерем. 7); аще ли же будутъ пребывати не тако, иже заповѣдей моихъ не сохранятъ: и повелѣнія сего тако не сотворятъ: тогда напитаю люди сія пелынемъ, и питіе дамъ имъ воду желчную: и расточу ихъ въ языки, ихъ же не знаша отцы ихъ, и послю на нихъ мечь, дондеже до конца не погубятся (Iерем. 9). Послѣдиже вся сія Iерусалиму и людемъ жидовскимъ збыться: много тамо наполнено было всякого кровопролитія, и убійствъ, зависти, ненависти, татбы, блудодѣянія, и всякія неправды, кратко рещи: во Iерусалимѣ всякая злоба мѣсто имѣла; едина убо токмо правда утиспенна была. Что же ся ему за то учинило? Титъ, римскій цесарь, сынъ Веспасіана цесаря, до основанія разорилъ и церковь сожегъ, а жителей во плѣнъ побралъ, а иныхъ побилъ, и гладомъ выморилъ, а послѣднихъ всѣхъ бездомовныхъ сотворилъ. Многія были пророчества о разореніи Iеросалимскомъ: пророцы и самъ Господь Iисусъ Христосъ о томъ разореніи пророчествовалъ. Аще ли по единомъ писати, въ долготу слово распрострется; о семъ доволно здѣ. Были убо многія знаменія и чюдеса страшныя тогда предъ разореніемъ Iеросалимскимъ,—вѣдомость о разореніи града давали; воспоминаетъ ихъ Iосифъ и Евсевій: 1., комета на подобіе меча чрезъ цѣлый годъ надъ Iеросалимомъ стояла; та значила отмѣнность, яко глаголетъ Луканій [30]: комета отмѣну во царствѣ значитъ.

---

[30]) Луканъ въ своей Фарсаліи 1,529: et terris mutantem regna cometen.

2., Свѣтлость великая на Пасху въ нощи во царствѣ сотворилася, и пребывала полчаса: а такова была уже люди чаяли день. Таковую свѣтлость люди незнающіе и простые добро себѣ разумѣли, а ученые за зло себѣ то признавали. 3., Тогоже дня корова, приведенная на приношеніе, среди церкви барана родила. 4, Врата церковные мѣдяные великіе, ихъже едва двадесятъ человѣкъ могли затворяти ихъ въ вечеръ, замкненіи со засовами въ нощи о часѣ шестомъ сами отворилися; стражіе шедше возвѣстили старѣйшинамъ: тогда пришедши едва затворили ихъ. Таковое чюдо невѣдущіе и неученые люди за добро себѣ разумѣли: а мудрые и ученые тако разумѣли и глаголали, иже то отверстіе вратъ значило входъ непріятелемъ во градъ и разореніе его. 5., Привидѣнія великія въ маѣ во дни являлися. 6) Было на небѣ войско великое, вельми вооруженно, якобы до битвы готово. 7) Въ день пятьдесятный, егда людіе собралися на молитву, тогда слышанъ былъ стукъ и трескъ, и глаголъ таковый: идемъ отсюду. Послѣди же нѣкій человѣкъ рабъ, именемъ Іисусъ, пришелъ въ Іерусалимъ на кущный праздникъ, то есть въ октябрѣ мѣсяцѣ, и вопилъ гласомъ веліимъ тако: гласъ отъ четырехъ вѣтровъ, гласъ надъ Іеросалимомъ и надъ церковію, гласъ надъ супружницами новыми, гласъ надо всѣмъ тамо народомъ. А тако вопилъ по вся дни и по вся нощи, ходя по улицамъ Іерусалимскимъ. И таковаго его вопля никтоже не видалъ и слышати не могъ; и его многажды за таковый вопль били разными біеніи; а егда его біютъ, тогда онъ ничесого не глаголалъ, а послѣди по біеніи, егда его оставятъ, паки начнетъ тоже вопити, и нѣкогда привели его до старосты Альбина: и предъ старостою его вельми били, даже до крове, онъ же не молился, ни плакалъ, но жалост-

но вопилъ: бѣда, бѣда Іерусалиму! Его же тогда вопрошалъ староста Альбинъ: кто еси, и откуду и чесо ради тако вопиши? Онъ же ничесого не отвѣщалъ: и тогда его оставили, разумѣли быти шаленнымъ; а вопилъ тако чрезъ седмь лѣтъ и пять мѣсяцей даже до самаго облеженія Іеросалимскаго; а въ то время облеженія, хотя по стѣнамъ, вопилъ тако: бѣда, бѣда Іеросалиму! Бѣда церкви, бѣда народу! И изглаголавъ рекъ: бѣда и мнѣ! И тогда его каменіемъ убили Всѣ тѣ чудеса и знаменія прообразовали разореніе и погибель Іеросалиму, а христіянѣ, кія тогда во Іерусалимѣ были, видя такія чюдеса убоялися, вышли изъ Іеросалима за Іорданъ рѣку до мѣста названнаго Пелла, и тамо пребывали чрезъ все разореніе Іеросалимское А егда былъ Титъ съ войскомъ своимъ подъ Іерусалимомъ, тогда велій гладъ былъ въ Іерусалимѣ, всякую мертвечину и гной ѣли, а нѣкія жены и дѣтей своихъ ѣли, и тогда ихъ велми много померло гладомъ, а иныхъ побито. А егда Титъ градъ ихъ взялъ, велми много ихъ побилъ, и многихъ воиномъ своимъ раздавалъ; и тогда воини продавали ихъ по тридесяти человѣкъ за грошъ. А стѣны градскія и весь градъ до основанія разорилъ, и со землею сровнялъ, тако сотворилъ, якоже бы и града не бывало на томъ мѣстѣ. Мы убо возлюбленніи, слыша таковый гнѣвъ Божій на не послушающихъ его, и на вечерю святую не шедшихъ, убоимся сего, будемъ готови, не отрицаемся, яко жидове, но благодарно заповѣди его святыя соблюдаемъ, дабы и насъ таковое разореніе Божіе не постигло. Аще ли Господь Богъ таковому избранному своему роду не потерпѣлъ, якоже святый Петръ апостолъ о нихъ рече: вы есть родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, корень благочестивый и святый (1 Петр. 2);—кольми же паче намъ претер-

питъ, аще не лишимся всякаго зла. Опи убо суть корень, мы же вѣтви; аще ли корене Господь Богъ не пощадилъ, какоже вѣтви пощадитъ? Сего ради мы приходимъ на вечерю Господню, т. е. на слышаніе слова Божія и богатно тамо на той вечери Господни напитаемся, и тѣмъ получимъ жизнь вѣчную о Христѣ Іисусѣ Господѣ пашемъ, Емуже слава и держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

... и глубокопочитаемому
Василію Феодоровичу Кипарисову
отъ товарища, автора.
12 апр. 1886.

Петербургскій періодъ проповѣдническoй дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

Вызванный въ концѣ 1808 года въ Петербургъ, учитель и проповѣдникъ Троицкой-Лаврской семинаріи, іеродіаконъ Филаретъ Дроздовъ пріѣхалъ туда въ началѣ слѣдующаго 1809 г. „Въ день Богоявленія, на зарѣ,—описываетъ прибытіе Филарета въ Петербургъ біографъ его *В. Н. Сушковъ*,—въѣзжаетъ въ заставу рогожная кибитка; изъ нея съ любопытствомъ оглядываетъ по пути молодой, въ цвѣтѣ лѣтъ, іеродіаконъ высокія, нерѣдко сплошныя зданія, по обѣ стороны длинныхъ, широкихъ, стройныхъ улицъ, любуется красотой сѣверной Пальмиры, дивится малочисленности храмовъ Божіихъ, и въ раздумьи достигаетъ Александро-Невской лавры" [1]). Да! 26-лѣтнему іеродіакону, пріѣхавшему въ незнакомый доселѣ городъ, далеко не блиставшій, какъ благочестивая Москва, многочисленностію „храмовъ Божіихъ", было о чемъ позадуматься и пораздумать. Въ Сергіевской лаврѣ, Московской епархіи онъ чувствовалъ себя какъ дома. Тамъ всѣ, начиная съ его духовнаго отца, учителя и благодѣтеля—Платона, знали и цѣнили его, а въ сѣверной Пальмирѣ онъ еще не зналъ, что ожидало его. Онъ ѣхалъ туда изъ послушанія волѣ начальства. „Ты радъ, — сказалъ Филарету м. Платонъ предъ отправленіемъ его въ Петербургъ, — что тебя вызываютъ въ столицу?—Нисколько, отвѣтилъ инокъ.—Такъ тебѣ не хочется туда?—Не хотѣлось бы.—А коли такъ, я отстою тебя.—

[1]) Записки о жизни и времени Филарета, стр. 38. Москва, 1868.

Благодарю.—Подай же мнѣ прошеніе, что ты желаешь остаться въ Московской епархіи.—Желалъ бы, да сказать этого не имѣю права.—Какъ? — Я уже подалъ одно прошеніе: о постриженіи меня въ монашество. Произнося тогда обѣтъ послушанія, отрекся я отъ своей воли, и теперь другаго прошенія подать не могу" [1]). Дѣйствительно, въ Петербургъ Филарета, можетъ быть, и кромѣ послушанія влекло любопытство, жажда знанія, въ самомъ центрѣ тогдашняго просвѣщенія, отчасти—надежда выдвинуться на видъ, подобно Платону, Анастасію и др.; но и предчувствіе чего-то недобраго не обманывало его. Въ Петербургѣ, предъ прибытіемъ туда Филарета, обстоятельства сложились далеко не вполнѣ соотвѣтственно его способностямъ, стремленіямъ и ожиданіямъ. Тамъ была своя, такъ сказать, и при томъ далеко не благочестивая политика, совершенно отличная отъ семейнаго, патріархальнаго характера политики московской и лаврской, по началу непостижимая молодому иноку. „Ходъ здѣшнихъ дѣлъ весьма для меня непонятенъ",—писалъ изъ Петербурга родителю своему Филаретъ, отъ 14 февраля 1809 года [2]), описывая неопредѣленность своего положенія тамъ и первыя неудачи по службѣ, а вмѣстѣ и невольно характеризуя петербургскую политику даже такихъ людей, на откровенность которыхъ онъ съ полнымъ правомъ могъ бы разсчитывать, какъ напримѣръ—ректора академіи, нашего и его стараго знакомца, Евграфа Музалевскаго - Платонова, у котораго онъ, между прочимъ, и пріютился на первое время. „Два мѣсяца почти жилъ у отца ректора, какъ дома,—пишетъ Филаретъ о себѣ въ томъ же письмѣ,—и о своемъ дѣлѣ ничего почти не зналъ. О моемъ расположеніи спрашивали не иначе, какъ мимоходомъ; а потому я не могъ отвѣчать рѣшительно" [3]). А между тѣмъ эта политика, этотъ „ходъ дѣлъ" весьма будутъ понятны, если мы примемъ въ соображеніе слѣдующія обстоятельства того времени.

При Высочайше утвержденномъ въ 1808 году преобразо-

---

1) Тамъ же стр. 277.

2) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116. Москва, 1882.

3) Тамъ же, стр. 115—116.

ванія духовно-учебныхъ заведеній вообще и въ частности Петербургской духовной академіи, въ которую вызванъ былъ Филаретъ, главныя роли принадлежали лицамъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли большое значеніе во всей почти дальнѣйшей судьбѣ Филарета въ Петербургѣ и которыя всѣ имѣли то или другое, болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нему. Такими лицами были: Амвросій (Подобѣдовъ), митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій и Ѳеофилактъ (Русановъ), архіепископъ Калужскій (а съ 5 марта 1809 года Рязанскій) — изъ духовныхъ, и оберъ-прокуроръ Св. Синода князь А. Н. Голицынъ и государственный секретарь (въ послѣдствіи графъ) М. М. Сперанскій—изъ свѣтскихъ. Эти лица между прочимъ были также и главными членами учрежденной въ 1808 году коммиссіи духовныхъ училищъ, къ которой Филаретъ, какъ лицо духовно-учебной службы, имѣлъ ближайшее отношеніе по своей службѣ въ Петербургѣ. При томъ и между самими означенными лицами роли распредѣлялись не совсѣмъ равномѣрно. Первенствующія роли принадлежали за первое время отнюдь не митрополиту и оберъ-прокурору, какъ бы слѣдовало ожидать, а Ѳеофилакту и Сперанскому, какъ составителямъ самаго послѣдняго изъ многихъ и именно Высочайше утвержденнаго проекта преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Эти же лица приняли на себя заботу и по образованію различныхъ классовъ наукъ въ преобразованной академіи, въ качествѣ и съ титуломъ протекторовъ того или другаго класса. Такъ именно м. Амвросій озаботился богословскимъ классомъ; Сперанскій—классами философскимъ и древнихъ языковъ; князь Голицынъ — классами наукъ математическихъ и новыхъ языковъ. „По важности класса словесныхъ наукъ и по обширности свѣдѣній и изящному вкусу, кои для преподаванія ихъ имѣть нужно, коммиссія просила члена ея Ѳеофилакта, архіепископа Калужскаго, принять на себя образованіе онаго, такимъ образомъ, чтобы баккалавръ, котораго выборъ коммиссія предоставила въ полную волю его преосвященства, читалъ уроки по предварительнымъ его наставленіямъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ. Преосвященный Ѳеофилактъ изъявилъ на это свое согласіе и представилъ

конспектъ по сему классу, что было принято коммиссіею съ истинною признательностію" [1]). Ѳеофилактъ даже принялъ на себя на первый разъ званіе и должность профессора словесныхъ наукъ въ академіи. „Что касается до баккалавровъ, то коммиссія по сему предмету приняла предположеніе преосвященныхъ митрополита Амвросія и архіепископа Ѳеофилакта объ истребованіи изъ другихъ семинарій нѣкоторыхъ учителей, извѣстныхъ со стороны способности" [2]). Такимъ образомъ, по предложенію и рекомендаціи Амвросія, вызванъ былъ изъ Троицкой семинаріи Филаретъ, а по предложенію и рекомендаціи Ѳеофилакта, изъ Калужской семинаріи—учитель философіи и префектъ, іеромонахъ Леонидъ Зарѣцкій. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается, если можно такъ выразиться, завязка всей драмы жизненныхъ отношеній и борьбы для Филарета въ теченіи первыхъ лѣтъ пребыванія его въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, пока въ 1813 году не умеръ Леонидъ, и Ѳеофилактъ не вынужденъ былъ удалиться въ свою епархію. Ѳеофилактъ, въ началѣ разсматриваемаго періода, имѣлъ большое значеніе въ Петербургѣ и академіи не только потому, что уже извѣстно намъ изъ вышесказаннаго, то-есть, по участію въ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній и въ направленіи класса словесныхъ наукъ въ академіи, но и по своей славѣ церковнаго витіи, а равно и по сильнымъ связямъ своимъ при дворѣ и въ кругу лицъ знатныхъ и могущественныхъ. Не далѣе какъ въ 1809 году вышло собраніе его поученій; но онъ проповѣдывалъ и послѣ того въ Петербургѣ по просьбѣ вліятельныхъ лицъ. Славился онъ также и какъ ученый богословъ-апологетъ. Труды его въ этомъ отношеніи, болѣе впрочемъ переводные, нежели оригинальные, можно видѣть во 2-й части „Обзора русской духовной литературы" преосвященнаго Филарета Черниговскаго (стр. 209). Такого значенія не имѣлъ митрополитъ Амвросій, многолѣтній другъ митрополита Платона и благодаря этой дружбѣ, конечно, намѣтившій и вызвавшій Филарета въ Петербургъ. Къ тому же, между тѣмъ какъ Ѳеофилактъ шелъ

[1]) *П. А. Чистовичъ.* Исторія С.-ПБ. духовн. академ., стр. 183—182. С.-ПБ. 1857.

[2]) Тамъ же, стр. 183.

какъ разъ въ тактъ съ либеральными стремленіями тогдашнихъ государственныхъ мужей Россіи, Амвросій считался не только консерваторомъ, но и ретроградомъ. Что удивительнаго поэтому, что и самъ Ѳеофилактъ ожидалъ для себя, какъ непремѣнную дань, и вліятельные почитатели его талантовъ—для него въ недалекомъ будущемъ,—кресла первенствующаго члена Сѵнода? Что удивительно, что и самому Ѳеофилакту и его пріятелямъ хотѣлось даже, по возможности, ускорить это желанное событіе? Удивительно ли поэтому, что Ѳеофилактъ всюду старался ослабить значеніе Амвросія, даже унизить послѣдняго, подставить ему, какъ говорится, ногу? Какъ всюду, такъ и въ настоящемъ случаѣ. Вызывая Леонида въ баккалавры академіи, Ѳеофилактъ хотѣлъ подготовить въ немъ для себя хорошаго пособника въ своихъ честолюбивыхъ планахъ, въ своей политикѣ, устроивъ по времени назначенія его въ ректоры академіи. А такую подготовку любимца своего, бывшаго доселѣ учителемъ философіи, Ѳеофилактъ могъ сдѣлать только подъ условіемъ назначенія его въ баккалавры именно словесныхъ наукъ, класса которыхъ онъ былъ протекторомъ, профессоромъ и руководителемъ. Но что же? Амвросій вызываетъ, одновременно съ его вызовомъ, изъ Троицкой семинаріи учителя высшаго краснорѣчія и риторики, да при томъ проповѣдника Филарета. Понятно, какъ долженъ былъ отнестись Ѳеофилактъ къ такому вызову, равно какъ и къ самому неповинному предъ нимъ, вызванному иноку. Этимъ только можно объяснить странный пріемъ, сдѣланный имъ Филарету при самой первой встрѣчѣ съ нимъ. По долгу и предстоящей службы и вѣжливости гражданской, Филаретъ долженъ былъ представиться всѣмъ членамъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Представлялъ его членамъ ректоръ академіи Евграфъ. Были, конечно и у Ѳеофилакта. „Когда юный инокъ явился къ нему, то онъ, принявъ его сухо и свысока, сталъ испытывать, какія свѣдѣнія вынесены имъ изъ семинаріи и въ заключеніе своихъ напрасныхъ стараній смутить и сбить его, какъ бы новичка на экзаменѣ, съ важностію вопросилъ: что есть истина? Прослушавъ опредѣленіе слова *истина* въ смыслѣ логическомъ, физическомъ, математическомъ и т. д., онъ съ доса-

дой сказалъ: „не то: всего этого мало; вообще, что есть истина?“—Строго испытываемый, словно ученикъ учителемъ, могъ бы отвѣтить ему: *Спаситель*,—словомъ Іисуса Христа: *Я есть истина*; но ректоръ Евграфъ, который ввелъ его къ вопросителю, молвилъ: „вопросъ Пилатовъ въ Евангеліи остался безъ отвѣта“.—Тѣмъ и кончился неожиданный экзаменъ“ [1]). Затѣмъ, какъ бывшій учитель высшаго краснорѣчія и риторики, Филаретъ естественно долженъ былъ занять въ Петербургской академіи должность баккалавра наукъ словесныхъ. Можетъ быть, въ этихъ видахъ, а также въ тѣхъ видахъ, чтобы, по возможности, парализовать вліяніе Ѳеофилакта, Амвросій и вызывалъ Филарета. Съ другой стороны, Леонидъ, какъ бывшій учитель философіи, естественно долженъ былъ занять каѳедру наукъ философскихъ. По всей вѣроятности, въ этомъ смыслѣ Амвросій дѣлалъ настойчивое представленіе и въ коммиссіи духовныхъ училищъ; ибо, по требованію послѣдней, Филаретъ представилъ въ оную конспектъ словесности, а Леонидъ—теоретической философіи [2]). Мало того, пока это дѣло обсуждалось въ коммиссіи училищъ, Филарету временно даже и порученъ былъ классъ риторики въ мѣстной семинаріи [3]). Но въ дальнѣйшемъ вышло совершенно наоборотъ, потому что это совершенно несогласно было съ планами Ѳеофилакта, къ тому же хотѣвшаго дать Амвросію почувствовать силу своего вліянія на дѣла церковнаго управленія. Леонидъ былъ назначенъ баккалавромъ словесныхъ наукъ, а Филаретъ даже совсѣмъ оттѣсненъ былъ отъ академіи назначеніемъ въ инспекторы мѣстной семинаріи и профессоры наукъ философскихъ въ ней, хотя и съ званіемъ академическаго баккалавра [4]). Не успѣвъ въ этомъ, Амвросій и самъ въ комиссіи училищъ и чрезъ ректора академіи Евграфа, дѣлалъ представленія о томъ, чтобы Филарету предоставлена была въ академіи хотя бы какая-нибудь изъ каѳедръ наукъ богословскихъ, которыхъ протекторомъ онъ, Амвросій, состоялъ,—напримѣръ—каѳедра богословія собесѣдовательнаго или гоми-

[1]) *Сушкова*, цитов. соч., стр. 94.
[2]) *Чистовича*, цитов. соч. стр. 184.
[3]) Письма Филарета къ роднымъ, стр 116
[4]) Тамъ же; срав. также *Чистовича*, цит. соч. стр. 184.

летики, на которой имѣлъ бы приложеніе проповѣдническій талантъ Филарета, имъ, Амвросіемъ, вызваннаго,—или богословіе истолковательное (герменевтика), или другая какая-либо наука, что согласно было бы и съ желаніемъ самого вызваннаго инока, которое не безъизвѣстно было Амвросію. Напрасно. Вліяніе Θеофилакта превозмогло,—и Филаретъ оставленъ былъ при семинаріи, снабженный въ утѣшеніе однимъ лишь пустымъ званіемъ академическаго баккалавра. „Отецъ ректоръ, по требованію коммиссіи,—писалъ, все еще не понимавшій петербургской политики, Филаретъ родителю своему отъ 14 февраля 1809 г.,—рекомендовалъ меня въ баккалавры богословія въ академію и надѣялся, и обнадеживалъ въ исполненіи сего представленія. Сверхъ всякаго чаянія сдѣланъ я, какъ уже писалъ къ вамъ баккалавромъ философіи и инспекторомъ въ семинаріи, хотя представлены были его высокопреосвященствомъ другіе. Вы знаете, думаю, что я люблю богословіе, ибо нахожу въ немъ утѣшеніе: но теперь долженъ заниматься холодною философіею. Имѣвъ къ ней прежде мало вниманія, теперь чувствую свои недостатки: однако это не такъ безпокоитъ, какъ обязанность наблюдать поведеніе двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ я до вступленія въ должность ни одного не зналъ. Засѣданіе въ семинарскомъ правленіи также для меня ново, и тѣмъ паче затруднительно, что всѣ члены (о. ректоръ, я и экономъ) вновоназначенные. Какъ должно быть расположено начальство къ подчиненнымъ, которыхъ не оно избрало, можно догадываться. Теперь вы видите мое положеніе, котораго я и самъ еще не осмотрѣлъ совершенно. Ходъ здѣшнихъ дѣлъ весьма для меня непонятенъ“ [1]). Но промыслъ Божій, бодрствовавшій надъ юнымъ питомцемъ лавры преподобнаго Сергія, все велъ къ лучшему концу. Покровительство первенствующаго члена Св. Сунода, м. Амвросія, къ вызванному имъ молодому, неопытному въ петербургской политикѣ, іеродіакону Филарету, духовному сыну друга его, м. Платона, также было неизмѣнно. Съ первой-же встрѣчи съ Филаретомъ, понявъ и оцѣнивъ его, какъ человѣка, который несравненно болѣе принесетъ истинной пользы Церкви и отечеству, нежели человѣкъ интриги,

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 116.

гордаго искательства, Амвросій рѣшилъ во чтобы то ни стало вывести его на настоящій путь служебный, не смотря ни на какія интриги Ѳеофилакта. Для этой цѣли онъ прежде всего сблизилъ его съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, а равно и съ другими вліятельными лицами, когда Филаретъ былъ еще іеродіакономъ [1]; затѣмъ, для уравненія его съ Леонидомъ, поспѣшилъ возведеніемъ его въ санъ іеромонаха, самъ совершивъ рукоположеніе его въ первый день Пасхи того-же 1809 года. „Въ великій день Пасхи я удостоился—пишетъ Филаретъ своему родителю,—принять благодать священства рукоположеніемъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита [2]). Не оставлялъ Филарета Амвросій своимъ милостивымъ вниманіемъ и на самой должности его, дабы и коммиссіи училищъ и Ѳеофилакту явить его, какъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго стать на ряду съ Леонидомъ, если не выше его. „Мы имѣли экзаменъ,—пишетъ простодушно, все еще не разумѣя петербургской политики, Филаретъ своему родителю въ іюлѣ 1809 года,—и получили вакацію. Мнѣ первый опытъ удался не такъ худо, какъ я, по новости, опасался. Мнѣ одному въ семинаріи досталась благодарность и одобреніе исключительное отъ ихъ высокопреосвященствъ—Новгородскаго и Рязанскаго, присутствовавшихъ при испытаніи" [3]). Филаретъ и не понималъ, что, вторя м. Амвросію въ похвалахъ молодому наставнику философіи въ семинаріи, покровительствуемому митрополитомъ, Ѳеофилактъ наблюдалъ свою политику: такое казовое согласіе съ первенствующимъ членомъ Синода необходимымъ представлялось ему теперь въ видахъ совокупнаго-же съ митрополитомъ одобренія любимца своего—Леонида, о чемъ также простодушно и въ томъ-же письмѣ сообщаетъ Филаретъ: „экзаменъ былъ и въ академіи. Тамъ особенное одобреніе заслужилъ баккалавръ эстетики, вызванный сюда изъ Калуги и обучающій подъ руководствомъ преосвященнѣйшаго Рязанскаго" [4]). Воспользовавшись этимъ успѣхомъ Филарета, Амвросій устрояетъ теперь

---

[1]) *Сушкова*, цит. соч. стр. 45.

[2]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 118

[3]) Тамъ-же, стр. 121.

[4]) Тамъ-же, стр. 121—122.

дальнѣйшее движеніе его по службѣ. 9-го августа того-же 1809 года, по его представленію, коммиссія училищъ назначила Филарета, съ удержаніемъ за нимъ и прежнихъ должностей, еще ректоромъ учрежденнаго при той-же семинаріи Александро-Невскаго училища [1]). А въ концѣ октября того-же 1809 года м. Амвросій снова поднимаетъ въ коммиссіи училищъ вопросъ о переходѣ Филарета въ академію на какую-либо каѳедру наукъ богословскихъ. Но опять, благодаря Ѳеофилакту и, поддерживавшему болѣе его виды, нежели внушенія митрополита, ректору Евграфу, рѣшеніе этого вопроса затормозилось. И только уже 8 февраля слѣдующаго 1810 года, то-есть послѣ смерти Евграфа, послѣдовавшей неожиданно 11 ноября 1809 года, состоялось утвержденіе Филарета въ должности баккалавра наукъ богословскихъ въ академіи, когда ректоромъ академіи былъ уже Сергій (въ мірѣ Стефанъ Крыловъ-Платоновъ), не менѣе Евграфа знакомый Филарету по Троицкой семинаріи, но болѣе искренно, нежели Евграфъ, расположенный къ Филарету,—при томъ послѣ новаго полугодичнаго экзамена, который также счелъ нужнымъ посѣтить самъ м. Амвросій. Вотъ какъ разсказываетъ обо всемъ этомъ самъ Филаретъ въ письмахъ къ родителю своему отъ 23 декабря 1809 и отъ 24 февраля 1810 года. „Изъ записочки въ письмо мое къ дѣдушкѣ вложенной,—пишетъ онъ въ первомъ письмѣ,—вы, думаю, знаете о смерти о. ректора Евграфа. Теперь узнайте ея обстоятельства“. И затѣмъ подробно разсказавъ объ обстоятельствахъ скоропостижной смерти Евграфа, Филаретъ прямо и непосредственно добавляетъ: „чтобы вы не много скучали о сей потерѣ для меня, скажу вамъ, что Богъ и начальство щедрятъ меня. Дѣло о переведеніи меня въ академію приходитъ къ окончанію: если оное состоится, то я буду имѣть очень хорошаго руководителя въ о. ректорѣ Сергіѣ, который коммиссіею духовныхъ училищъ назначенъ на мѣсто покойнаго; если-же я и останусь на прежнемъ положеніи, то имѣю въ трудностяхъ по должностямъ очень хорошее облегченіе со стороны о. ректора семинаріи, коего со мною обхожденіемъ могу хвалиться.

[1]) См. послужной списокъ Филарета, приложенный къ I тому его сочиненій изд. 1873—1882. Срав. письма его къ роднымъ, стр. 123.

ся. Не смѣю о высшихъ: по крайней мѣрѣ могу сказать, что утѣшенъ и ихъ вниманіемъ. 21 дня сего мѣсяца далъ я второй по философскому классу экзаменъ, вмѣстѣ съ богословскимъ: сіе собраніе, хотя не формально, посѣтилъ преосвященнѣйшій митрополитъ. Теперь наслаждаюсь отдыхомъ, и на досугѣ готовлюсь слушать московскія новости отъ о. Сергія, котораго со дня на день ожидаемъ. Нынѣ говорятъ, что онъ уже пріѣхалъ". „Я опредѣленъ въ здѣшней академіи,—пишетъ Филаретъ во второмъ письмѣ,—баккалавромъ богословскихъ наукъ. Для преподаванія отдѣлена мнѣ часть богословія и церковная исторія: по каждому изъ сихъ предметовъ я долженъ дать одну лекцію въ недѣлю. По первому есть классическая книга; а по второму я долженъ писать сокращеніе, держась нѣсколькихъ лучшихъ въ семъ родѣ писателей. Трудовъ не мало: только сіи труды, если не по моимъ силамъ, по крайней мѣрѣ по моему вкусу. Штатнаго по сему мѣсту жалованья 700 рублей; но мнѣ, по соображенію съ прежнимъ моимъ по двумъ мѣстамъ жалованьемъ и по уваженію предметовъ (такъ сказано въ опредѣленіи коммиссіи духовныхъ училищъ), экстраординарно прибавлено 400 руб. Отецъ ректоръ новый, очень добрый для меня руководитель и помощникъ. Онъ одолжаетъ меня своими наставленіями, своими книгами; онъ оставилъ меня въ ближнихъ къ нему комнатахъ, когда мнѣ слѣдовало перейти въ другія; и теперь живетъ со мною, такъ сказать, однимъ домомъ, потому что я съ нимъ и обѣдаю. Богъ упокоилъ меня отъ многихъ заботъ, изъ коихъ тягостнѣйшія приносила мнѣ должность инспектора, къ которой я совсѣмъ не родился. Теперь я не вижу безпорядковъ, не слышу ссоръ, не безпокоюсь доносами: около меня тишина и книги. Молю Бога, помолитесь и вы, чтобы Онъ далъ мнѣ ходить не недостойно моего званія" [1]). Итакъ, пока живъ былъ Евграфъ, о собственномъ расположеніи Филарета „спрашивали не иначе какъ мимоходомъ", хотя онъ жилъ и вмѣстѣ съ Евграфомъ; его „обнадеживали" въ томъ, что исходатайствуютъ ему каѳедру наукъ богословскихъ въ академіи, а между тѣмъ, „сверхъ всякаго чаянія", назначаютъ его наставникомъ „холодной фило-

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 129—132.

софіи", да въ добавокъ инспекторомъ въ семинаріи; м. Платонъ проситъ Св. Сунодъ отпустить Филарета въ ректоры Троицко-лаврской семинаріи, а „тѣ, въ чьихъ рукахъ находилось это дѣло, даже никогда" ему „о семъ не говорили" [1]). Теперь не то. Безъ Евграфа, при одномъ только, но достаточно сильномъ предстательствѣ м. Амвросія, дѣло пошло скорѣе и успѣшнѣе. Благодаря рекомендаціи и предстательству Амвросія, Филаретъ не только избавляется отъ преподаванія „холодной философіи" и тягостной должности инспекторской, съ поступленіемъ на давно желанную, любимую каѳедру наукъ богословскихъ въ высшемъ святилищѣ сихъ наукъ—академіи, гдѣ его окружаютъ только „тишина и книги" но и получаетъ окладъ, далеко высшій въ сравненіи съ другими баккалаврами, въ тоже время и въ новомъ ректорѣ академіи находя болѣе искренняго, чѣмъ Евграфъ, „руководителя и помощника". Но и этого мало. Теперь м. Амвросій нашелъ благовременнымъ дать просторъ раскрытію и проповѣдническаго таланта Филарета, о которомъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ и отъ Платона, и отъ Евграфа, и отъ Сергія. Для пробы онъ поручилъ ему составить и произнести проповѣдь на день Благовѣщенія въ томъ же 1810 году. Какъ не новичекъ въ дѣлѣ, Филаретъ не задумался: написалъ и произнесъ проповѣдь въ назначенный день въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Проповѣдь оказалась такъ хороша, что „по волѣ преосвященнѣйшаго митрополита", какъ говоритъ самъ проповѣдникъ, „была напечатана" [2]) отдѣльною брошюрою на иждивеніе Св. Сунода, и обратила на себя общее вниманіе въ Петербургѣ. Впечатлѣніе однакоже, какъ и нужно было ожидать, она произвела на слушателей и читателей ея весьма не одинаковое. Многіе, и при томъ изъ дворянъ, съ восторгомъ радости и удивленія къ таланту новопоявившагося проповѣдника, встрѣтили его проповѣдь, съ увлеченіемъ читали ее, выпрашивали у него для себя экземпляры ея, такъ что изъ большаго числа печатныхъ экземпляровъ ея, подаренныхъ митрополитомъ проповѣднику, много разошлось по рукамъ въ ко-

---

1) Тамъ-же, стр. 131.

2) Тамъ же, стр. 134.

роткое время" [1]). Но нашлись также „нѣкоторые умные люди",—очевидно изъ партіи Ѳеофилакта, „которые вздумали увѣрять глупыхъ, будто бы" онъ, Филаретъ, „обокралъ Массильона". Это обстоятельство побудило его предлагать желающимъ и остальные экземпляры своей проповѣди на день Благовѣщенія и въ тоже время „рекомендовать слово Массильона на тотъ же день" [2]). Какъ очевидно, Филаретъ теперь, особенно же при большей, чѣмъ то было прежде, искренности и откровенности ректора академіи, началъ немного понимать характеръ петербургской политики, началъ яснѣе различать лагери лицъ ему благопріятствующихъ и враждебныхъ. По крайней мѣрѣ вотъ что пишетъ онъ своему родителю въ іюлѣ тогоже 1810 года: „5-е число праздновалъ я нынѣшній годъ также, какъ прежде въ Сергіевой лаврѣ: преосвященный митрополитъ былъ въ этотъ день въ Сергіевой пустыни, отстоящей отселѣ на 6 верстъ, гдѣ и я служилъ съ нимъ и провелъ два дни". И тотчасъ же вслѣдъ за симъ: „Вы желали знать объ о. Леонидѣ. Онъ учился со мною нѣсколько мѣсяцевъ въ Троицкой лаврѣ, а окончилъ ученіе въ Калугѣ; тамъ же былъ учителемъ и префектомъ: а по вступленіи въ монашество, предъ открытіемъ здѣшней академіи, по предложенію преосвященнаго Ѳеофилакта, вызванъ сюда, и опредѣленъ баккалавромъ класса словесныхъ наукъ, котораго образованіе принялъ преосвященный на себя. Онъ проходитъ эстетику по Бутервеку, и изъясняетъ, какимъ образомъ *идея изящнаго и высокаго проницая изъ глубины сознанія, производитъ чувство или гармоническаго развитія человѣческихъ силъ, или свободной игры, или идеальнаго паренія выспрь человѣческаго духа*, и пр. и пр. [3]). Ясно, что насколько при упоминаніи объ отношеніяхъ къ митрополиту Амвросію въ словахъ письма Филарета звучитъ тонъ сообщеній о давнихъ, беззавѣтно искреннихъ, семейныхъ отношеніяхъ къ митрополиту Платону [4]), на столько же въ характеристикѣ любимца Ѳео-

1) Тамъ же, стр. 136.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 137—138. Послѣднія слова письма и въ подлинникѣ отмѣчены курсивомъ.

4) Можетъ быть даже митрополиту Амвросію и хотѣлось оживить въ юномъ

филактова Леонида слышится совершенно иной тонъ,—тонъ холоднаго сообщенія, а въ концѣ даже — проніи, хотя и чрезвычайно сдержанной, осторожной: осторожности въ письменныхъ сообщеніяхъ своихъ Филаретъ научился еще въ бытность въ Троицко-лаврской семинаріи [1]). Между тѣмъ, благодаря проповѣди на день Благовѣщенія, взоры всѣхъ безпристрастныхъ людей, какъ мы замѣчали и выше, обратились на молодаго инока. Изъ сличенія этой проповѣди съ проповѣдію Массильона они ясно видѣли, какъ несправедливы были упреки завистниковъ и недоброжелателей его въ хищеніи будто бы имъ мыслей у Массильона. Возрастаніе славы Филарета, какъ выдающагося проповѣдника, равно какъ и дальнѣйшее движеніе его по службѣ сразу были обезпечены. И значительное время спустя послѣ произнесенія проповѣди экземпляровъ ея ищутъ, выпрашиваютъ у него; ищутъ знакомства съ нимъ и т. д. „Экземпляровъ (проповѣди),—пишетъ Филаретъ своему родителю отъ 29 августа 1810 года,—и у меня осталось мало, хотя и въ С. Л. [2]) не посылалъ. Доселѣ находятся такіе, которые просятъ. Одинъ свѣтскій человѣкъ, имѣвъ и читавъ, пріѣзжалъ сюда нѣсколько разъ, чтобъ найти меня: съ своей любовію къ христіанству убѣдилъ меня сдѣ-

инокѣ, заброшенномъ на дальній сѣверъ, удаленномъ отъ родины и Платона, воспоминаніе объ этихъ отношеніяхъ своимъ сердечнымъ участіемъ, отеческимъ вниманіемъ къ нему. Ему, Амвросію, конечно, памятны были нареченія старца митрополита Платона, не разъ высказанныя какъ въ письмахъ его къ Амвросію, такъ и въ донесеніи Св. Синоду отъ 28 декабря 1808 года: „особливо о іеродіаконѣ Филаретѣ прошу Св. Правительствующій Синодъ обратить его паки въ Троицкую семинарію, гдѣ онъ, яко сходственно съ его желаніемъ, можетъ лучшій успѣхъ оказать для общей пользы; и какъ я объ немъ особливое прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое стараніе: то сіе много послужитъ къ утѣшенію моей старости; а его единаго отбытіе удобно можетъ вознаграждено быть изъ другихъ училищъ“. (См. у *Чистовича* въ цит. соч. стр. 163, примѣч.) Срав. раньше приведенныя выдержки изъ писемъ митрополита Платона къ Амвросію и Августину о томъ же. Срав. также вышеприведенное сообщеніе *Сушкова* о разговорѣ, бывшемъ между Платономъ и Филаретомъ предъ отбытіемъ послѣдняго въ Петербургъ.

1) Срав. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 73, 77, 124, 163 и др.

2) Въ Сергіеву Лавру. А между тѣмъ мы, конечно, не забыли изъ предшествующаго, что экземпляровъ проповѣди Филарету, по его собственному же сообщенію, было дано много.

латься ему знакомымъ" [1]). О комъ именно говоритъ въ послѣднихъ словахъ письма Филаретъ, угадать навѣрное довольно трудно, хотя по дальнѣйшимъ отношеніямъ, а равно и по тону сообщенія, таинственно важному, мы и могли бы предположить здѣсь сближеніе Филарета съ кн. Голицынымъ. Припомнимъ, что митрополитъ Амвросій, вскорѣ же по прибытіи Филарета въ Петербургъ, познакомилъ его съ княземъ, оберъ-прокуроромъ, познакомилъ и съ другими лицами изъ высшаго круга. Въ первый день Пасхи 1809 года Филаретъ, только что посвященный въ іеромонаха, вмѣстѣ съ другими лицами духовно учебнаго вѣдомства, по его-же собственному сообщенію [2]), былъ даже съ оффиціальнымъ визитомъ у князя. Но тогда молодой, почти неизвѣстный инокъ-пришелецъ, къ тому-же рекомендованный не пользовавшимся хорошею въ Петербургѣ репутаціею м. Амвросіемъ, былъ мало замѣченъ имъ. Теперь, другое дѣло. Послѣ такой проповѣди, какъ проповѣдь Филарета на день Благовѣщенія, на которую всѣ обратили вниманіе, онъ самъ ищетъ знакомства съ инокомъ. Въ чемъ-же тутъ сущность дѣла? Почему проповѣдь Филарета могла обратить на себя такое вниманіе большинства лицъ высшаго круга тогдашняго петербургскаго общества вообще и въ частности князя, оберъ-прокурора А. Н. Голицына? Проповѣдь трактуетъ о царствѣ Христовомъ и при этомъ въ ней проводится мысль, что царство Христово *нѣсть отъ міра сего*, что *царствіе Божіе внутрь насъ есть* [3]). Вотъ въ этомъ-то и вся сущность дѣла. Проповѣдь Филарета, стало быть, какъ разъ соотвѣтствовала тому мистическому настроенію, которымъ уже и въ то время, не говоря о времени, послѣдовавшемъ за событіями 1812 года, была объята значительная и притомъ самая, говоря по нынѣшнему, интеллигентная часть петербургскаго общества. Въ такомъ-же настроеніи уже въ ту пору былъ и князь оберъ-прокуроръ. Въ свое время мы скажемъ обстоятельнѣе какъ объ этомъ настроеніи духа современниковъ петербургскаго періода проповѣднической дѣятельности Филарета, такъ равно и

---

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 139.

2) См. тамъ-же, стр. 118—119.

3) См. эту проповѣдь въ I томѣ сочиненій Филарета изд. 1873 г. на стр. 134—139.

о томъ, въ какой степени шла въ тактъ этому настроенію проповѣдь Филарета; а теперь продолжимъ исторію отношеній, положенія и службы Филарета въ означенный періодъ. Во вниманіи къ проповѣдническому таланту Филарета, князь Голицынъ теперь самъ уже предлагаетъ м. Амвросію поручать молодому іеромонаху возможно чаще произносить проповѣди. И мы видимъ, что въ слѣдующемъ 1811 году Филаретъ произноситъ уже не одну, а цѣлыхъ семь проповѣдей, вполнѣ упрочившихъ его проповѣдническую славу и служебное положеніе. Но, конечно, въ тоже время и зависть съ недоброжелательствомъ не дремали. Мы не забыли, конечно, что Ѳеофилактъ самъ желалъ славиться и дѣйствительно славился, какъ проповѣдникъ. Понятно, какими глазами могъ онъ смотрѣть на начинавшуюся славу нашего молодаго проповѣдника, покровительствуемаго теперь къ тому же не только Амвросіемъ, но и оберъ прокуроромъ Св. Сунода, и еще болѣе теперь, нежели прежде, представлявшаго въ себѣ поводовъ къ опасеніямъ за осуществленіе его завѣтной мечты—имѣть при себѣ ректоромъ Леонида на время предсѣдательства своего въ Св. Сунодѣ. Не даромъ уже отъ 6 ноября 1810 года Филаретъ пишетъ своему родителю: „что до меня принадлежитъ, я никому не завидую. Жаль только, что здѣшнія дѣла не всегда идутъ прямою дорогою; а потому на что ни положишь руку, всегда должно опасаться, чтобъ не подтолкнули. Это иногда безпокоитъ; однако и противъ сего есть средство. Надобно все принимать не отъ людей, а отъ Бога, и все сдѣлается хорошимъ“ [1]). А въ 1811 году недоброжелатели Филарета сдѣлали даже и открытое нападеніе на него и именно по поводу первыхъ двухъ проповѣдей его въ семъ году: на Пасху (2 апрѣля) и Пятьдесятницу (21 мая). Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ послѣ, по воспоминанію, самъ Филаретъ: Леонидъ „позавидовалъ мнѣ, и первую мою проповѣдь на Пасху назвалъ одою. Но митрополиту Амвросію она понравилась, и онъ, припомнивъ, что я часто говорилъ проповѣди въ лаврѣ, совѣтовалъ мнѣ заниматься этимъ болѣе здѣсь Для этого самъ назначилъ мнѣ и день (Троицынъ) и

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140.

тему (о дѣйствіяхъ или дарахъ Св. Духа). Я отказывался по трудности предмета, но митрополитъ сказалъ: напиши, какъ можешь. Я приготовилъ, представилъ ректору Сергію; тотъ прочиталъ, послалъ меня съ нею къ митрополиту, который выслушалъ и приказалъ произнести въ церкви. Когда явился я въ соборъ лаврскій и вошелъ въ олтарь, Ѳеофилактъ подозвалъ меня къ себѣ и, спросивъ, не я-ли проповѣдникъ нынѣ, попросилъ прочитать проповѣдь и тутъ-же прочиталъ ее. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ обѣдни жившіе въ лаврѣ и служащіе и нѣкоторые изъ свѣтскихъ пришли къ митрополиту. А. Ѳ. Лабзинъ [1]) между разговоромъ почему-то привелъ въ подтвержденіе слова изъ слышанной имъ въ тотъ день проповѣди. При этомъ Ѳеофилактъ возразилъ: а что вы думаете? Нынѣшняя проповѣдь отзывается духомъ пантеизма. Какъ пантеизма? спросилъ митрополитъ. Ѳеофилактъ не отступился отъ своего отзыва, и только по усильному убѣжденію митрополита замолчалъ. Послѣ обѣда однакоже, когда гости пошли въ садъ, и ректоръ Сергій назвалъ меня пантеистомъ, я приступилъ къ нему и объяснилъ, что легко ему налагать крестъ на молодаго человѣка, безъ поддержки, безъ связей. Но прошу замѣтить, прибавилъ я, что если пантеистъ я, то не одинъ. Читалъ эту проповѣдь митрополитъ, читали и вы. Итакъ всѣ мы трое будемъ пантеисты. Ректоръ Сергій передалъ объ этомъ разговорѣ митрополиту. Тотъ вытребовалъ проповѣдь къ себѣ и послалъ ее со мною къ Меѳодію Тверскому, тогда славившемуся и ученостію и твердостію въ догматахъ церковныхъ. Тотъ письменно отозвался митрополиту, что проповѣдь *достойна сановитаго наставника и ничего противнаго православію не содержитъ.* Послѣ того начали толковать въ Сунодѣ, чтобы проповѣдь напечатать; брали ее на разсмотрѣніе и Голицынъ и Сперанскій. И какъ всѣми она была одобрена, то и была напечатана. Послѣ этой исторіи митрополитъ предложилъ мнѣ

[1]) А. Ѳ. Лабзинъ, дѣйст. ст. сов., конференцъ-секретарь академіи художествъ и директоръ департамента морскаго министерства, извѣстный мистикъ того времени, издававшій въ 1806 и 1817—1818 годахъ мистическій журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.

еще приготовить на какой-нибудь день проповѣдь, которую могли бы слушать и Голицынъ и Сперанскій. Я написалъ: это была проповѣдь, помнится, на 4-е воскресенье по Пятидесятницѣ изъ текста: *оброцы грѣха смерть*" [1]). И вскорѣ послѣ этого я былъ Высочайше награжденъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями" [2]). Къ этому у Сушкова добавляется о послѣдствіяхъ проповѣди Филарета на Троицынъ день, что „князь А. Н. Голицынъ, прочитавъ ее, пожелалъ чаще слушать новаго проповѣдника, попросилъ митрополита поручить ему говорить въ каждый праздникъ, и постоянно посѣщалъ по праздникамъ лавру, вмѣстѣ съ Лабзинымъ и другими лицами, къ которымъ постепенно присоединялись А. Н. Оленинъ [3]), А. И. Тургеневъ [4]), А. С. Стурдза [5]), и т. д." [6]). Такимъ образомъ, въ итогѣ выигрышъ оказался на сторонѣ Филарета, а не Ѳеофилакта. Благодаря милостивому вниманію къ молодому проповѣднику со стороны такихъ особъ, какъ м. Амвросій, Голицынъ и Сперанскій, онъ дѣлается лично извѣстнымъ самому Государю Императору. Награжденіе Филарета наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями изъ кабинета Его Величества отъ 30 іюня 1811 года послѣдовало именно „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія", какъ сказано въ послужномъ спискѣ его. А вотъ что самъ Филаретъ сообщаетъ по поводу этой награды въ письмѣ къ своему родителю отъ 4-го

1) Всѣ три проповѣди напечатаны потомъ въ I томѣ сочиненій Филарета изданія 1873—1882 г.

2) См. статью: „Изъ воспоминаній покойнаго митрополита Филарета" въ „Правосл. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 512 — 514. Награда послѣдовала 30 іюня 1811 года (о чемъ см. послужной списокъ Филарета), слѣдовательно чрезъ 12 дней послѣ проповѣди на 4-ю недѣлю по Пятидесятницѣ (бывшую въ 1811 году 18 іюня).

3) А. Н. Оленинъ, тайный совѣтникъ, директоръ Императорской публичной библіотеки, „незабвенный другъ просвѣщенія и пламенный патріотъ" („Рус. Арх." 1868 г. стр 1983) сблизился съ Филаретомъ не позже 1812 года.

4) А. И. Тургеневъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ и друзей князя А. Н. Голицына, а слѣдовательно и Филарета. См. о немъ въ „Москов. Вѣдомост." за 1845 годъ (годъ кончины его). № 148.

5) А. С. Стурдза въ 1816 году даже издалъ нѣкоторыя проповѣди Филарета на французскомъ языкѣ, самъ потрудившись въ переводѣ ихъ съ русскаго яз. См. Чтенія въ общ. люб. дух. просв. за 1869 г. кн. VI. стр. 72 Матеріаловъ для біографіи Филарета.

6) *Сушкова*, цит. соч. стр. 95. Срав. стр. 94.

юля того-же 1811 года: „случай къ сему подали нѣкоторыя проповѣди, о которыхъ Его Императорское Величество узналъ, какъ сказано въ отношеніи князя оберъ-прокурора къ преосвященнѣйшему“ митрополиту, который самъ возложилъ на молодаго іеромонаха „пожалованный ему наперсный крестъ“ [1]). Черезъ 8 дней послѣ этой награды Филаретъ возводится и въ санъ архимандрита, будучи не болѣе какъ 28 съ половиною лѣтъ отъ роду [2]). Все это совершилось въ отсутствіе Θеофилакта, посѣщавшаго въ то время свою епархію [3]). Впрочемъ, въ утѣшеніе послѣднему, и Леонидъ былъ произведенъ въ архимандриты на другой день послѣ Филарета [4]), хотя онъ былъ старше послѣдняго и лѣтами возраста и службою въ священномъ санѣ, по духовно-училищному вѣдомству и при Петербургской академіи. Такое быстрое повышеніе Филарета было именно знакомъ того вниманія къ нему начальства, о которомъ говорено было выше. Тоже вниманіе выразилось и въ порученіи ему ревизіи петербургскихъ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, совершенной имъ въ іюлѣ того-же 1811 года [5]). И всему этому главною виною было проповѣдничество Филарета Благодаря вышеупомянутымъ проповѣдямъ своимъ Филаретъ дѣлается, такъ сказать, моднымъ проповѣдникомъ. Предполагается освященіе знаменитаго Казанскаго собора,— Филарету поручаютъ произнести при этомъ торжествѣ проповѣдь, и онъ произноситъ ее, хотя и не на день освященія главнаго престола (15 сентября), а при освященіи придѣльнаго храма (17 сентября). Умираетъ знаменитый екатерининскій вельможа и богачъ, графъ А. С Строгановъ,—Филарета проситъ сынъ покойнаго произнести надгробное по немъ слово, которое и произносится нашимъ проповѣдникомъ 3 октября того же 1811 года. Слово это такъ понравилось и семейству покойнаго и всѣмъ, присутствовавшимъ при погребеніи, что

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140—150 Крестъ былъ стоимостію въ 1198 рублей, о чемъ см. въ томъ-же письмѣ Филарета.

2) См. послужной списокъ Филарета. Срав. также письма его къ роднымъ, стр. 150—151.

3) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 147–148, 151.

4) Тамъ-же стр. 150—151.

5) Тамъ-же. стр. 151. Срав. послужной списокъ Филарета.

это слово втеченіи короткаго времени двукратно было напечатано отдѣльною брошюрою. Филарета просятъ сказать снова проповѣдь при 40-дневномъ поминовеніи покойнаго графа: Филаретъ произноситъ (5 ноября) по этому случаю еще болѣе блестящую проповѣдь, напоминавшую собой знаменитое слово Анастасія Братановскаго на погребеніе И. И. Бецкаго. Въ половинѣ января слѣдующаго 1812 года умираетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей Александрова царствованія, не задолго передъ тѣмъ (до 1810 года) бывшій министромъ народнаго просвѣщенія, графъ П. В. Завадовскій, и Филаретъ, по просьбѣ семейства покойнаго графа, произноситъ (17 января) блестящее поучительно-похвальное слово, за которое, какъ и за проповѣди на память о графѣ Строгановѣ, получаетъ отъ семейства Завадовскихъ въ благодарность значительное денежное вознагражденіе [1]). Наконецъ, въ Великій Пятокъ того-же 1812 года (апрѣля 19) Филаретъ, по примѣру своихъ учителей въ проповѣдничествѣ,—м. Платона и арх. Анастасія (Братановскаго), произноситъ слово даже въ придворной церкви, въ присутствіи Императрицъ: Елисаветы Алексіевны и Маріи Θеодоровны [2]). Въ тоже время и въ связи съ тѣмъ кругъ знакомствъ проповѣдника съ лицами высшаго петербургскаго общества все болѣе и болѣе расширяется. О князѣ А. Н. Голицынѣ за это время самъ Филаретъ говоритъ, напримѣръ, въ письмѣ къ родителю своему отъ 28 ноября 1811 года: „въ продолженіе осени я нѣсколько разъ былъ у князя Александра Николаевича, и въ его иногда экипажѣ. Онъ подарилъ еще мнѣ духовныя творенія Фенелона на французскомъ. Теперь онъ нездоровъ: помолитесь о немъ: онъ истинный ревнитель вѣры и церкви“ [3]). А у князя Голицына нерѣдко собиралось тогда высшее петербургское общество, съ которымъ онъ, въ свою очередь, знакомилъ молодаго архимандрита. Затѣмъ подобное же было и со стороны графа Строгонова—сына, послѣ двухъ проповѣдей, произнесенныхъ

[1]) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 153; 157.

[2]) Всѣ исчисленныя проповѣди Филарета, печатанныя отдѣльными брошюрами вслѣдъ за ихъ произнесеніемъ, собраны и помѣщены въ I томѣ сочиненій его изд. 1873 года.

[3]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 154.

Филаретомъ въ память его родителя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ проповѣдникъ въ томъ же письмѣ къ родителю отъ 28 ноября: „въ четыредесятый день по кончинѣ покойнаго графа Александра Сергѣевича Строгонова говорилъ я другую проповѣдь. Послѣ сего сынъ его Павелъ Александровичъ нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ, и наконецъ я былъ у него. Онъ, графиня и нѣсколько еще человѣкъ, составлявшихъ общество, почти весь вечеръ говорили—о духовныхъ матеріяхъ! Какая проповѣдь за проповѣдь"! [1]) А въ домѣ этого богача, вельможи и высоко образованнаго человѣка собиралось даже и изъ высшаго-то общества самое избранное. Его домъ весьма часто посѣщалъ за-просто самъ Государь Императоръ и другіе члены Царской фамиліи [2]). Но и этого мало. Въ послѣдней половинѣ того же 1811 года Государыня Императрица Елисавета Алексіевна выразила князю А. Н. Голицыну желаніе ближе познакомиться съ главнѣйшими пунктами разности между вѣроисповѣданіями православнымъ и римско-католическимъ. И что же? Въ исполненіе желанія Императрицы князь оберъ прокуроръ поручаетъ составить это „Изложеніе разности" тремъ богословамъ одновременно, болѣе или менѣе извѣстнымъ намъ: Меѳодію, архіепископу Тверскому, Ѳеофилакту, архіепископу Рязанскому и—Филарету, архимандриту и баккалавру академіи [3]). Вотъ съ кѣмъ на ряду, уже въ 1811 году, поставленъ былъ Филаретъ. Чрезъ это онъ еще болѣе сталъ извѣстнымъ и при дворѣ. Знаменательно, благодаря этимъ отношеніямъ и этой извѣстности Филарета, совершившееся въ самомъ концѣ 1811 г., а опубликованное въ началѣ слѣдующаго 1812 года событіе: отецъ Филарета получаетъ небывалую въ его положеніи награду, именно сразу два отличія: камилавку,—по представле-

---

1) Тамъ же.

2) См. *Богдановичъ*. „Исторія царствованія Императора Александра I и Россія въ его время". Томъ I, стр. 80. Спб. 1869.

3) Это „Изложеніе разности между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры" всѣхъ трехъ поименованныхъ авторовъ, до 1870 года остававшееся въ рукописи, въ этомъ году напечатано было въ I кн. „Чтеній въ обществ. исторіи и древностей". Сравн. нашу статью по поводу этого трактата Филарета въ 1-й кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. просв." за 1881 г. стр. 19—40.

нію Св. Сунода, и наперсный крестъ,—по представленію оберъ-прокурора и по „особенному благоволенію Монарха къ сыну награждаемаго, толико ознаменовавшему себя на поприщѣ проповѣданія слова Божія“, какъ сказано въ оффиціальной бумагѣ по этому случаю [1]). Понятно, какъ ко всему этому долженъ былъ относиться, если не наружно, то въ душѣ Ѳеофилактъ, еще къ началу осени 1811 года вернувшійся снова въ Петербургъ изъ своей епархіи. Если уже въ 1810 году Филаретъ, на ряду съ ласками, „примѣчалъ и косые взгляды бросамые изъ-подъ тиха“ [2]), то тѣмъ болѣе теперь. Теперь Филаретъ представлялъ въ себѣ еще болѣе препонъ къ осуществленію плановъ Ѳеофилакта на счетъ Леонида. Поэтому Ѳеофилактъ спѣшитъ, такъ сказать, осуществленіемъ этихъ плановъ. Съ этою цѣлію онъ прежде всего осенью же 1811 года слагаетъ съ себя званіе профессора словесныхъ наукъ въ академіи, для предоставленія этого званія Леониду, который, благодаря его ходатайству, опредѣленіемъ коммиссіи духовныхъ училищъ отъ 18 октября сего года, и назначается исправляющимъ должность профессора [3]), тогда какъ Филаретъ остается все еще по прежнему баккалавромъ. Съ тою же цѣлію Ѳеофилактъ все въ томъ же еще 1811 году начинаетъ производить весьма чувствительное давленіе на знакомаго намъ добраго, искренно расположеннаго къ Филарету, ректора архимандрита Сергія, въ видахъ вытѣсненія его изъ должности ректора и замѣщенія ея Леонидомъ. Давленіе вліятельнаго въ Сунодѣ, и при томъ весьма близкое имѣвшаго отношеніе къ академіи и по званію члена Сунода, и коммиссіи духовныхъ училищъ, и по званію протектора класса словесныхъ наукъ архіепископа было такъ сильно, что Сергій дѣйствительно сталъ проситься о перемѣщеніи его куда-бы то ни было, лишь бы избавиться отъ ближайшаго гнета этого Бріэна, какъ онъ называлъ Ѳеофилакта, сравнивая его съ извѣстнымъ въ то время французскимъ епископомъ этого имени. [4]) Въ февралѣ 1812

1) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 155 -156 и 158 -159 примѣч.

2) Тамъ же, стр. 138.

3) См. *Чистовича* цит. соч. стр. 251.

4) См. Воспоминанія Филарета въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1868 г. т. 26 стр. 516; срав. стр. 515 и *Чистовича*, цит. соч. стр. 206—207.

года и состоялось нареченіе Сергія во епископа Костромскаго [1]). На его мѣсто въ ректорской должности Θеофилактъ и въ Сунодѣ и въ коммиссіи духовныхъ училищъ предложилъ, какъ и слѣдовало ожидать, Леонида; но митрополитъ Амвросій предложилъ съ своей стороны другаго кандидата—Филарета. И что-же? Богу угодно было, чтобы баккалавръ былъ предпочтенъ профессору. Выборъ палъ на Филарета, съ возведеніемъ его въ званіе профессора богословскихъ наукъ, а Леонидъ остался лишь профессоромъ, теперь утвержденный въ этомъ званіи. Назначеніе Филарета въ ректоры состоялось 11 марта 1812 года, когда, слѣдовательно, ему было только 29 лѣтъ съ небольшимъ отъ роду. Такъ гремѣла слава Филарета уже за то время въ Петербургѣ, и при томъ стяжанная по преимуществу проповѣдничествомъ его. Къ чести Филарета должно сказать, что онъ отнюдь не кичился своею новой должностію и званіемъ: онъ даже не радовался ей, а, напротивъ, считалъ ее бременемъ, особенно въ виду продолжавшихся отношеній Θеофилакта съ его партіею въ академіи, хотя и съ обычною покорностію волѣ начальства принялъ ее. Вотъ какъ самъ онъ сообщаетъ о своемъ новомъ назначеніи въ письмѣ къ родителю отъ 22 марта 1812 года: „отецъ ректоръ Сергій—уже преосвященный Сергій. Его прежнее бремя упало на меня. Попросите мнѣ у Бога силъ, или помощи въ немощахъ, и терпѣнія. Есть люди, которые много меня утѣшаютъ; есть и такіе, которые озабочиваютъ. Да будетъ то, что угодно Богу“ [2]). Послѣ вышесказаннаго, смыслъ выраженія „есть и такіе, которые озабочиваютъ“ весьма понятенъ. Зная по опыту съ Сергіемъ характеръ отношеній Θеофилакта съ его партіей къ академіи, Филаретъ, особенно теперь, когда не сбылись планы этого Бріэна на счетъ любимца его Леонида, предвидѣлъ еще большія осложненія и затрудненія для себя въ отношеніяхъ его къ завѣдуемой имъ, Филаретомъ, академіи. Не даромъ, когда Сергій, по рукоположеніи во епископа, утѣшая Филарета, говоритъ ему: „увѣряю тебя, ты сбудешь этого Бріэна“, Филаретъ отвѣчалъ тоскливо: „гдѣ мнѣ сбыть; хотя-бы само-

1) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 157; срав. *Чистовича*, цит. стр. 245
2) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 159.

го куда не заслали" [1]). Однако увѣренія Сергія сбылись, хотя и послѣ долгой борьбы съ интригою. Филарету выпалъ неприятный жребій играть дѣйствующую роль въ драмѣ, окончившейся, какъ мы замѣтили раньше, смертію Леонида и безславнымъ удаленіемъ Ѳеофилакта изъ Петербурга. Мало того, онъ былъ даже невольнымъ орудіемъ такого печальнаго конца этой драмы. Мы говорили выше о томъ, какіе затаенные планы питалъ въ душѣ своей Ѳеофилактъ и какъ подготовлялъ онъ осуществленіе этихъ плановъ, какъ, потому, „изъ-подъ тиха", но косо смотрѣлъ на возвышавшагося мало-по-малу Филарета, котораго онъ считалъ наперсникомъ м. Амвросія, и т. д. Между прочимъ, чтобы подготовить и умы лицъ, стоявшихъ во власти, и общественное мнѣніе къ признанію нетерпимости дальнѣйшаго служенія м. Амвросія, онъ не пренебрегалъ и средствами, весьма неблаговидными. Такъ, не говоря уже о томъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался унизить м. Амвросія безпощадною критикою его мнѣній, даже оффиціально высказываемыхъ, онъ не устыдился и на церковной каѳедрѣ касаться репутаціи почтеннаго старца. „Разъ ввелъ онъ въ свою проповѣдь,—повѣствуетъ по воспоминанію самъ Филаретъ, изображеніе человѣка престарѣлаго, обремененнаго службою, изъ-за котораго управляетъ дѣлами молодой человѣкъ: это намекалъ онъ на митрополита Амвросія и на меня. Слухи объ этомъ ходили повсюду, такъ что я рѣшился донести объ этомъ митрополиту и указалъ ему способъ къ прекращенію такихъ проповѣдей на будущее время, именно напомнилъ ему 20-е правило VI вселенскаго собора, которымъ воспрещается проповѣдывать въ чужой епархіи. Тотъ предложилъ это указаніе самому Ѳеофилакту въ Св. Сунодѣ, и Ѳеофилактъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать" [2]). Другой случай. „Въ академіи Ѳеофилактъ замышлялъ господствовать,—говоритъ тамъ-же Филаретъ,—чрезъ проектъ. Первая часть его о внутреннемъ управленіи была уже написана; во второй, составленной подъ вліяніемъ Ѳеофилакта, было сказано, что внѣшнее академическое правленіе состоитъ изъ членовъ внутрення-

[1] Воспомин. Филарета въ „Прав. Обозр." 1868 г. т. 26, стр. 517.

[2]) „Правосл. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 516.

го и изъ членовъ конференціи. Митрополиту не дали никакого вліянія на внѣшнее академическое правленіе, тогда какъ подчинили ему семинарскія правленія, которыя должны были входить съ представленіями къ своимъ архіереямъ, въ томъ числѣ и С.-Петербургское—къ митрополиту, а эти представленія (съ резолюціями митрополита пересматривались и могли быть отвергаемы въ академическомъ правленіи. Леониду, моему товарищу, который занимался эстетикой, состоялъ подъ руководствомъ Феофилакта и былъ къ нему близокъ, я говорилъ объ этой несообразности, и старался показать нелѣпость такого порядка. Но онъ увѣрялъ, что это сдѣлано только на время: „вотъ будетъ Феофилактъ митрополитомъ, все перемѣнится“. Однакоже я настоялъ, чтобы внѣшнее академическое правленіе было поставлено въ должныя отношенія къ епархіальному преосвященному“ [1]). Ясно, что всѣми такими и подобными дѣйствіями Феофилактъ хотѣлъ и старался „раздражить“ м. Амвросія „и довести до того, чтобы онъ хотя слово сказалъ о желаніи удалиться на покой. Но онъ стоялъ непреклонно, и оказалъ услугу Церкви тѣмъ, что не сдвинулся съ своего мѣста, потому что Церкви угрожало очень вредное направленіе, если бы водворился на митрополію Феофилактъ. Не самъ я поставилъ себя, говорилъ Амвросій, не могу самъ себя и снять съ своего поста“. Однако „крѣпко онъ задумывался самъ съ собою“ [2]), видя все еще продолжавшіяся интриги Феофилакта не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи, и не имѣя силъ и средствъ къ окончательному разрушенію плановъ и сокрушенію несправедливыхъ притязаній своего врага, бывшаго въ то время еще въ полномъ разцвѣтѣ силъ мужества, считавшагося передовымъ человѣкомъ въ противоположность ему, отсталому старцу, и въ добавокъ имѣвшаго большія связи при дворѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Къ окончательному разрушенію плановъ и сокрушенію притязаній и силы Феофилакта послужила печальная во многихъ отношеніяхъ

---

1) Стр. 511—512. Хотя при этомъ или въ воспоминаніи самого Филарета, или въ рѣчи передатчика его „Воспоминаній“ перепутываются, очевидно, нѣкоторыя хронологическія данныя, однако сущность факта остается непоколебимо вѣрною.

2) Тамъ-же, стр. 518.

исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильона",—и опять благодаря Филарету. Начало этой исторіи восходитъ къ 1811 г., а печальный конецъ — къ концу 1813 года. Подробности ея можно читать у Сушкова [1]), въ „Воспоминаніяхъ Филарета" [2]) и др. Мы ограничимся здѣсь, конечно, лишь самыми существенными чертами этихъ подробностей. Еще въ 1811 году Ѳеофилактъ, чрезъ посредство Леонида, рѣшилъ воспользоваться услугами студентовъ духовной академіи для перевода „Эстетическихъ разсужденій Ансильона", при участіи и Леонида въ переводѣ. Переводъ оконченъ былъ къ началу времени ректорства Филарета и помѣченъ въ рукописи цензурнымъ дозволеніемъ отъ 30 апрѣля 1812 года. Ѳеофилакту хотѣлось непремѣнно, чтобы при выпускѣ книги изъ типографіи на заглавномъ листѣ ея красовалось имя студентовъ академіи, переводившихъ сочиненіе Ансильона подъ его руководствомъ. Этимъ онъ желалъ связать свое имя съ именемъ академіи, въ которой былъ профессоромъ. А новому ректору не хотѣлось, „чтобы въ заглавіи книги стояло имя студентовъ. Это была-бы первая книга, первый плодъ академіи, преобразованной,—основательно думалъ онъ,—и заключала бы въ себѣ такъ много несогласнаго съ направленіемъ, приличнымъ духовной академіи". На это указывали ректору „многіе даже свѣтскіе люди". „Я, говоритъ онъ самъ, — объяснялъ это митрополиту: тотъ говорилъ Ѳеофилакту. Ѳеофилактъ не соглашался оставить дѣло, не соглашался и выпустить книгу въ свѣтъ безъ имени студентовъ академіи" [3]). Такимъ образомъ дѣло изданія книги затянулось до 1813 года, когда она, по настоянію Ѳеофилакта, и выпущена была таки въ свѣтъ подъ такимъ заглавіемъ: „Естетическія разсужденія г. Ансильона, члена королевской академіи наукъ въ Пруссіи. Переведены съ французскаго языка гг. студентами С.-Петербургской духовной академіи, въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ синодальнаго члена, преосвященнаго Ѳеофилакта, архіепископа Рязанскаго. Спб. 1813". Тогда Филаретъ, „по письменному

---

1) Стр. 91—94.

2) „Прав. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 514-515. 530—540

3) „Прав. Обозр." цит. статья тома 26-го, стр. 514—515.

предложенію его высокопреосвященства", м. Амвросія, написалъ по осени 1813 года „примѣчанія" на эту книгу, въ которыхъ выставлялъ на видъ недостатки ея, чтобы показать, „что академія не безъ разбора пріемлетъ мудрованія сего писателя". Въ октябрѣ эти „примѣчанія" были напечатаны, „приняты коммиссіей духовныхъ училищъ, и книга, согласно съ мнѣніемъ писателя ихъ, для академіи запрещена" [1]). Ѳеофилактъ, конечно, оскорбился этимъ и написалъ „возраженія" на „примѣчанія" Филарета, при чемъ „унизился до личныхъ оскорбленій". Но „г. министръ просвѣщенія [2]) запретилъ печатаніе возраженій на оныя примѣчанія". Этого мало. Въ самомъ началѣ декабря того-же 1813 года „издатель Ансильона, преосвященнѣйшій Ѳеофилактъ, архіепископъ Рязанскій, получилъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ свою епархію, гдѣ его присутствіе Высочайше усмотрѣно нужнымъ". А между тѣмъ 23 ноября того-же года „представился и профессоръ о. архимандритъ Леонидъ" [3]). Такъ кончилась эта печальная исторія „Эстетическихъ разсужденій Ансильона", а съ нею вмѣстѣ и многолѣтняя интрига, вождемъ которой былъ Ѳеофилактъ и въ которую невольно вовлеченъ былъ, совершенно незнакомый доселѣ съ петербургскою политикою, Филаретъ. Кончилась она, какъ и должно было ожидать, торжествомъ добродѣтели. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она оставила по себѣ неизгладимые слѣды на характерѣ Филарета вообще и въ частности на характеръ его проповѣднической дѣятельности. Она не только познакомила его съ тономъ и направленіемъ петербургской политики,—это было-бы еще не важное пріобрѣтеніе,—но и научила крайней осторожности и отчетливости въ словахъ и дѣйствіяхъ, въ служебныхъ и какихъ-бы то ни было отношеніяхъ, настойчиво учила его житейской мудрости, столь необходимой ему въ его положеніи вообще и въ его проповѣднической дѣятельности въ частности, и т. д. Въ отношеніи къ проповѣднической дѣятельности собственно она учила его принимать во внима-

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 180—181.

2) Министромъ просвѣщенія въ то время былъ графъ А. К. Разумовскій

3) Письма Ф. къ роднымъ, стр. 181—182. Срав. *Сушкова*, стр. 94; „Прав. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 515; *Иконникова*, Графъ Мордвиновъ, стр 405—406. Спб. 1873; *Чистовича*, цит. соч. стр. 251 и друг.

ніе не однѣ только теоретическія (догматическія и нравственныя) истины,—правда вѣчно живыя и жизненныя,—но и современныя потребности общества, современныя событія и пр. Эту новую черту проповѣди Филарета мы видимъ уже отчасти въ словѣ, говоренномъ по освященіи въ Казанскомъ соборѣ придѣльнаго храма 17 сентября 1811 года. Еще болѣе замѣчается она въ словахъ Филарета по случаю кончины графа А. С. Строганова и графа Завадовскаго, произнесенныхъ въ 1811—1812 годахъ. Произнесенное въ Великій Пятокъ 1813 года слово Филарета служитъ доселѣ блестящимъ образцомъ краснорѣчія и съ 1815 года помѣщается въ качествѣ такого образца во всѣхъ почти христоматіяхъ русскаго языка и учебникахъ словесности, отвѣчая такимъ образомъ самымъ свѣжимъ, если можно такъ выразиться, по новости требованіямъ литературнымъ, вызваннымъ къ жизни геніемъ Карамзина и его сподвижниковъ на полѣ русскаго слова. А другое, въ томъ же 1813 году сказанное (іюня 13) слово, предъ погребеніемъ тѣла князя М. И. Кутузова—Смоленскаго, можетъ служить наилучшимъ образцомъ историческаго похвальнаго слова въ религіозно-церковномъ духѣ (какъ-то и приличествуетъ проповѣди). Но при всемъ томъ выше охарактеризованная интрига своею тлетворностію отнюдь не коснулась нравственнаго тайника души Филарета. Душа его осталась неприкосновенно чистою. И когда, въ годъ окончанія этой интриги, именно 29 іюня 1813 года, Филаретъ удостоёнъ былъ и тогда и теперь рѣдкостной для архимандрита награды—ордена св. Владиміра 2-й степени большаго креста (со звѣздою) при Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ значилось, что онъ сопричисляется къ этому ордену за „неусыпные труды по званію ректора и профессора богословскихъ наукъ въ Санктпетербургской духовной академіи, дѣятельность въ образованіи достойныхъ служителей олтаря Господня [1]),

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ рескрипта разумѣется успѣшное выполненіе Филаретомъ даннаго ему еще въ началѣ 1812 года коммиссіею духовныхъ училищъ порученія—„образовать для окончившихъ курсъ учениковъ С.-Петербургской семинаріи классъ чтенія Св. Писанія и св. Отцевъ и руководства къ прохожденію священнослужительскихъ должностей“, какъ значится въ послужномъ спискѣ Филарета.

назидательныя и красноръчивыя поученія о истинахъ въры, коею одушевляется слово и житіе" его: [1]) то эти слова рескрипта не были одними лишь громкими фразами, а выраженіемъ полной и всесторонней правды. Рескриптъ писали или редактировали люди, близко знавшіе Филарета [2]). Сами недоброжелатели, завистники и враги его никогда не осмѣливались упрекнуть его ни въ чемъ такомъ, что̀ служило бы къ омраченію чистоты души его [3]), равно какъ и въ нечестномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей и возлагаемыхъ на него порученій.

Съ утвержденіемъ Филарета въ должности ректора академіи, особливо же съ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ для него торжества въ борьбѣ съ окружавшею его интригою, въ немъ замѣчается все большій и большій подъемъ самочувствія, безъ всякаго однако же чрезъ то ущерба нравственной чистотѣ души его. Если прежде онъ выражалъ не разъ опасеніе за благополучіе самаго существованія своего въ Петербургѣ, боялся, какъ бы „не подтолкнули“ его [4]); говорилъ, что онъ „не имѣетъ здѣсь пребывающаго града“, прямо разумѣя при этомъ Петербургъ; [5]) если даже въ самомъ началѣ ректорства своего, именно отъ 22 марта 1812 г., въ виду уже рѣшеннаго тогда удаленія отъ дѣлъ правленія могущественнаго дотолѣ Сперанскаго, [6]) Филаретъ писалъ родителю своему не безъ опасенія и за свою будущность: „мы живемъ въ вѣкъ превращеній и нечаянностей“: [7]) то послѣ, а

---

[1]) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 176—177: срав. послужной списокъ его.

[2]) Обстоятельства награжденія Филарета орденомъ св. Владиміра 2 степени см. въ письмахъ его къ роднымъ, стр. 176—177.

[3]) Почему не безъ скорби мы встрѣтили мимоходомъ высказанную замѣтку одного молодаго писателя о томъ, что Филаретъ будто бы, между прочимъ, „во многомъ уступалъ Иннокентію (Смирнову) въ нравственныхъ качествахъ“ (Христ. Чт. за 1884 №№ 3—4, стр. 420). Постигъ ли писатель тайникъ души Филарета чтобы говорить такъ о его нравственныхъ качествахъ?

[4]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140. Письмо отъ 6 ноября 1810 года.

[5]) Тамъ же, стр. 152 и 158. Письма отъ 14 октября 1811 и 26 февраля 1812 г.

[6]) Самая катастрофа паденія Сперанскаго совершилась 29 марта, но уже болѣе мѣсяца до того времени его не требовали къ Государю съ докладомъ. (Ист. царств. Александра I. Т. 3, стр. 196), что̀, конечно, не безъизвѣстно было Филарету по близости его къ высшимъ сферамъ, особенно же къ князю Голицыну, который продолжалъ непрерывно свои доклады Государю.

[7]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 160.

особливо съ конца 1812 года мы вовсе не замѣчаемъ этого. Тонъ рѣчи Филарета съ тѣхъ поръ становится все выше и выше. И это какъ въ письмахъ, такъ и во всей вообще устной и письменной рѣчи его, не исключая, конечно, и проповѣди. Филаретъ чувствуетъ теперь въ себѣ не простаго лишь ученаго баккалавра, а и лицо начальствующее,—человѣка, который имѣетъ извѣстную, но несомнѣнную долю силы и вліянія на дѣла, голосъ котораго теперь болѣе прежняго слышенъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни раздавался по праву, ему принадлежащему, наконецъ—человѣка, на котораго взоры однихъ обращены какъ на главу, представителя и руководителя управляемаго имъ заведенія, а взоры другихъ,—какъ на начальника, верховнаго учителя и образецъ для подражанія (учащееся поколѣніе). Кромѣ того, съ вступленіемъ Филарета въ должность ректора высшаго духовно-учебнаго заведенія, кругъ его дѣятельности и отношеній, какъ само собою понятно, дѣлается несравненно болѣе прежняго обширнымъ и разнообразнымъ. Отсюда—поразительная многообъемлемость и изумительное разнообразіе содержанія его устной и письменной рѣчи,—со включеніемъ опять, конечно, и проповѣди,—за все время ректорства его, начиная съ 1812 г. и кончая первою половиною 1819 года. Къ тому же и время ректорства Филарета совпало съ періодомъ жизни нашей Церкви и отечества, наиболѣе чреватымъ событіями, имѣвшими значеніе не для одной только Россіи, но и для цѣлой Европы. И внутри и внѣ Россіи совершались въ то время событія, которыя не могли и не должны были быть чуждыми для ума и сердца всякаго истиннаго сына Церкви и отечества, не говоря уже о представителѣ и руководителѣ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, — о воспитателѣ самыхъ сыновъ Церкви и отечества, какимъ былъ Филаретъ, самъ отъ дней дѣтства своего воспріявшій въ сердцѣ горячую любовь къ Церкви и отечеству и на 24 году возраста своего громогласно, съ церковной каѳедры, во всеуслышаніе, взывавшій: „о, да не осуществится вѣчно начертаніе сіе [1]) въ тебѣ, любезное

[1]) О разрушеніи, погибели общества и государства въ слѣдствіе утраты вѣры, религіозныхъ началъ.

Отечество! Да царствуетъ въ тебѣ всегда вѣра: сіе едино есть на потребу для продолженія того благоденствія, которымъ ты наслаждаешься подъ скипетромъ Благочестивѣйшаго Монарха" [1]). Все это также опять и невольно и преднамѣренно, такъ или иначе, выражалось въ устной и письменной рѣчи Филарета за разсматриваемый періодъ вообще и въ частности — въ проповѣди его.

Уже съ поворотомъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, совершавшимся съ конца 1811 г. и завершившимся великимъ подъемомъ народнаго духа и другими предварявшими войну 1812 года событіями въ Россіи, мало-по-малу тускнѣло и исчезало обаяніе лицъ высшаго гражданскаго и церковнаго управленія, считавшихся дотолѣ, благодаря либеральному образу мыслей и направленію дѣятельности своей, передовыми. 29 марта 1812 года палъ знаменитый государственный дѣятель и могущественный дотолѣ распорядитель судебъ Россіи, государственный секретарь М. М. Сперанскій, съ именемъ котораго связывалось переустройство Россіи на ненавистный теперь французскій ладъ. А вліяніе Сперанскаго, какъ намъ уже извѣстно, простиралось на область не только гражданскаго, но и церковнаго устройства Россіи въ то время. Онъ, вмѣстѣ съ Ѳеофилактомъ, составилъ проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, утвержденный Государемъ въ 1808г. онъ былъ вліятельнѣйшимъ членомъ имъ же организованной коммисіи духовныхъ училищъ и т. д. Съ паденіемъ Сперанскаго рухнула главная опора одинаково съ нимъ настроеннаго и покровительствуемаго имъ Ѳеофилакта [2]). А отъ этого; понятно, много легче стало на душѣ и у митрополита Амвросія и у Филарета. Вмѣстѣ съ подъемомъ патріотическаго духа воспрянулъ и ихъ духъ. Иначе первый не рѣшился бы ни слѣдовать указанію Филарета на 20-е правило VI вселенскаго собора для прекращенія либеральныхъ проповѣдей Ѳеофилакта въ Петербургѣ, ни поощрять Филарета къ борьбѣ съ Ѳеофилактомъ по дѣлу объ „Эстетическихъ разсужденіяхъ

---

[1]) Слово на 12 января 1806 года. Стр. 121 т. I сочиненій Филарета. изд. 1873 г.

[2]) О покровительствѣ Сперанскаго Ѳеофилакту см. „Воспоминанія Филарета" въ „Правосл. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 512—515.

Ансильона". Да и тонъ рѣчи Филарета о Ѳеофилактѣ теперь перемѣнился. Въ 1811 году онъ съ заботливостію и любезною предупредительностію отзывается на покровительственное заявленіе Ѳеофилакта, что онъ, Ѳеофилактъ, „въ проѣздъ чрезъ Коломну для посѣщенія своей епархіи, *назовется*" къ отцу Филарета *„въ гости"*; пишетъ по этому случаю къ отцу своему: „я прошу Васъ предварить сей вызовъ просьбою. Думаю, что къ сему представится Вамъ хорошій случай, когда сей гость будетъ въ соборѣ, гдѣ, какъ мнѣ кажется, не неприлично будетъ встрѣтить его въ облаченіи съ крестомъ" и пр.; или: „поспѣшите предстать сему знаменитому святителю и благодѣтелю (!) Вашего сына" [1]) и т. д. Онъ заботливо спрашиваетъ родителя о послѣдствіяхъ этого посѣщенія, пиша къ нему отъ 11 іюля того же 1811 года: „давно жду отъ Васъ увѣдомленія, какъ посѣтилъ Васъ преосвященнѣйшій Рязанскій. Покорнѣйше прошу не умедлить" [2]). Онъ „благодаритъ преосвященнѣйшаго Ѳеофилакта за благоволеніе, которое оказалъ онъ" его отцу „своимъ посѣщеніемъ" послѣдняго [3]). Другой тонъ звучитъ въ рѣчи Филарета о Ѳеофилактѣ за послѣднюю половину 1812 и за 1813 годъ. Даже когда еще не кончено было дѣло объ „Эстетическихъ разсужденіяхъ Ансильона", но когда всѣмъ понятно было, что въ отношеніи къ Ѳеофилакту вѣтеръ подулъ, какъ говорится, уже съ другой стороны, Филаретъ не безъ ироніи пишетъ родителю: „преосвященнѣйшій Рязанскій, по Высочайшей волѣ, отправляется для возстановленія устройства въ разоренныхъ злодѣемъ [4]) епархіяхъ, кромѣ Московской". И это пишетъ онъ черезъ нѣсколько строкъ (того же письма) послѣ сообщенія о себѣ, что онъ не задолго передъ тѣмъ, бывъ у князя А. Н. Голицына, совершивъ литургію въ его домовой церкви и повторивъ при семъ, по желанію Высочайшей особы, тамъ

---

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 147—149. Письма писаны въ маѣ и іюнѣ 1811 года.

[2]) Тамъ же, стр. 151.

[3]) Тамъ же, стр. 152. Письмо отъ 14 окт. 1811 г.

[4]) Разумѣется Наполеонъ. Письмо писано отъ 2 декабря 1812 года, по безславномъ удаленіи французовъ изъ Москвы.

присутствовавшей, свою „бесѣду о молитвѣ Господней“ [1]), „слышалъ такія слова кротости, которыя растопляли его, какъ воскъ; такія слова благочестія, которыя воспламеняли“ его. Но я боюсь,—добавляетъ онъ при этомъ,—чтобы не впасть въ тщеславіе тогда, какъ желаю изъяснить мое удивленіе и благоговѣніе. Не знаю, что хочетъ Богъ сдѣлать со мною моимъ излишнимъ счастіемъ. Чувствую только, что вмѣстѣ съ нимъ болѣе и болѣе тяготѣетъ на мнѣ бремя обязанностей. Но да будетъ не по моей волѣ!“ [2]). А сообщеніе свое объ извѣстныхъ уже намъ послѣдствіяхъ дѣла объ „эстетическихъ разсужденіяхъ Ансильона“ Филаретъ уже безъ обиняковъ заключаетъ словами: „желательно, чтобы разность мнѣній, открывшаяся въ духовенствѣ, во всякомъ случаѣ соблазнительная, сокрылась изъ виду множества. Что принадлежитъ до насъ обитателей Лавры, мы единымъ сердцемъ и едиными устами, елико можемъ, проповѣдуемъ Христа распята, лже-естетикамъ соблазнъ и лже-философамъ безуміе. Да будетъ онъ намъ недостойнымъ Божія сила и Божія премудрость!“ [3]). И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія этого дѣла, именно въ мартѣ 1814 года, Филаретъ съ нѣкоторою долей самодовольства замѣчаетъ въ письмѣ къ родителю, что за свои „Примѣчанія“ на „Эстетическія разсужденія Ансильона“ онъ „получилъ благословенія отъ такихъ преосвященныхъ, которыхъ едва зналъ имя, и которымъ еще менѣе былъ извѣстенъ“ [4]). Затѣмъ, если прежде Филаретъ представлялъ себѣ коммисію духовныхъ училищъ учрежденіемъ недосягаемымъ для себя, безусловною распорядительницею судьбы такихъ маленькихъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, какимъ былъ доселѣ Филаретъ: то теперь онъ самъ приглашается къ участію въ ея засѣданіяхъ, а съ 30 августа 1814 года „по Именному Высочайшему указу назначается и постояннымъ членомъ“ ея [5]). Такъ уже отъ 29 апрѣля 1814 года онъ пишетъ родителю своему: „дѣла истинно полны руки: особенно нынѣ, когда курсъ нашъ окан-

[1]) См. ее на стр. 21 и дал. I тома сочиненій Филарета, изд. 1873 года.

[2]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 167.

[3]) Тамъ же, стр. 181—182.

[4]) Тамъ же, стр. 184.

[5]) См. послужной списокъ Филарета.

чивается, и пересматриваются прежнія распоряженія [1]). Пишу предположенія о исправленіяхъ. Одна такая записка на десяти листахъ вчера слушана уже въ коммисіи Д. У. въ экстраординарномъ собраніи, къ которому, кромѣ преосвященнѣйшаго Минскаго [2]), и я приглашенъ временно. Она принята благосклонно. А сіе обязываетъ меня не терять случая, и болѣе и болѣе писать, что разумѣю и нахожу полезнымъ. Не забывайте испрашивать мнѣ отъ Господа благодать разумѣнія и служенія ближнимъ во благое" [3]). Отъ 31 августа того же года ему же: „поблагодарите Бога, Который длитъ Ваше благословеніе на Вашемъ недостойномъ сынѣ. Въ то же время, какъ данъ рескриптъ, по представленію К. Д. У. назначенъ пенсіонъ 1,500 р., то-есть, обращенъ въ пенсіонъ окладъ профессорскій. Осчастливленный сими событіями не столько радуется, сколько удивляется, вспоминая, съ какою опасностію и ненадежностію вступилъ въ дѣло, толь благополучно нынѣ оконченное. Онъ успокоивается также отъ заботливости о слабомъ своемъ здоровьѣ, видя, что, на случай утомленія, приготовленъ уже кусокъ хлѣба. Слава Богу о всемъ: Да дастъ Онъ заслужить сверхъ заслуги полученное, и оправдать желанія и милости Благословеннаго изъ благословенныхъ!—Участіе въ дѣлахъ К. Д. У. едва ли не продолжится" [4]).

Знаменателенъ также, въ видахъ характеристики Филарета съ разсматриваемой стороны, и самый Высочайшій рескриптъ, о которомъ упомянулъ онъ въ своемъ письмѣ къ родителю. Вотъ текстъ этого рескрипта: „Отецъ архимандритъ Филаретъ, Санктпетербургской духовной академіи ректоръ! Донесеніе объ успѣшномъ окончаніи перваго академическаго курса обратило Мое вниманіе на отличные труды ваши и способность къ образованію юношества. Начальство отдаетъ вамъ справедливость, ввѣряя опытности вашей успѣхъ вто-

[1]) Разумѣется сокращеніе академическаго курса съ 6-лѣтняго до 4-лѣтняго. Не забудемъ при этомъ, что прежнія распоряженія сдѣланы были согласно планамъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, составленнымъ Сперанскимъ и Ѳеофилактомъ.

[2]) Серафима Глаголевскаго.

[3]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 186.

[4]) Тамъ же, стр. 189.

раго курса. Богъ да подкрѣпитъ силы ваши къ перенесенію трудовъ на новомъ поприщѣ! По благимъ расположеніямъ души вашей, надѣюсь, что питомцы, призванные на служеніе Церкви, научатся отъ васъ ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ, и просвѣтятся внутренно истиннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія. Пребываю вамъ благосклонный" [1]). Подобный же рескриптъ Филаретъ получаетъ въ 1816 году при награжденіи панагіею [2]), и еще болѣе лестный—въ 1818 году, когда Филаретъ былъ уже въ санѣ епископа (съ 5 августа 1817 года), при награжденіи орденомъ св. Анны 1-й степени [3]). Но что же и при этихъ наградахъ и выраженіяхъ монаршаго благоволенія Филаретъ? При пожалованіи первой награды онъ пишетъ своей родительницѣ (по смерти родителя): „изъ прилагаемаго списка съ рескрипта видите, что еще Богъ меня милуетъ и Государь жалуетъ. Помолитесь со мною, чтобы Богъ воздалъ всемилостивому Государю своими небесными милостями, а меня сподобилъ бы достойно носить милости, вѣрностію и успѣшностію моего служенія" [4]). По полученіи второй награды ей же пишетъ: „за сорадованіе о царской ко мнѣ милости приношу сыновнюю благодарность. Въ какомъ смыслѣ награда, скажетъ прилагаемый при семъ списокъ съ грамоты. Имѣвъ случай, я говорилъ предварительно, что доволенъ выше мѣры и прежними наградами: но, можетъ быть, думали, что сей знакъ отличія имѣютъ большая часть епископовъ, а другія возможныя по моему состоянію награды я уже имѣю" [5]). Такъ скроменъ онъ былъ и при такомъ возвышеніи, при такихъ милостяхъ царскихъ, которыхъ никто изъ его современниковъ и въ его лѣта не удостоивался. Онъ съ увѣренностію говоритъ, что его голоса, его ходатайства послушаютъ не только завѣдующіе другими учебными заведеніями въ равномъ ему санѣ архимандритовъ, но и архіереи. Такъ напримѣръ пишетъ онъ относительно ректора Московской, то есть Перервинской семинаріи, архимандрита Евгенія

[1]) Тамъ же, стр. 190.
[2]) Тамъ же, стр. 209.
[3]) Тамъ же, стр. 230.
[4]) Тамъ же, стр. 208.
[5]) Тамъ же, стр. 229.

(Казанцева) въ 1814 году [1]), относительно ректора Московской духовной академіи, архимандрита Филарета (Амфитеатрова) въ 1815 году [2]), относительно архіепископа Московскаго Августина (Виноградскаго) [3]), викарія Московской митрополіи епископа Лаврентія [4]), митрополита Московскаго Серафима [5]) и друг. Но въ то же время вотъ, напримѣръ, его выраженія о себѣ самомъ, относящіяся къ началу 1815 г., когда его слава была уже слишкомъ хорошо упрочена: „не изъ тщеславія какимъ-нибудь гнилымъ орудіемъ, каковъ ректоръ академіи, но съ благодареніемъ одному Богу, сказать могу, что имя нашего мѣста не хулится нынѣ, и нашею дорогою идти не стыдно. Такъ Богъ расположилъ и сердца многихъ высшихъ“ [6]). Да и изъ предшествующаго не менѣе сего можно видѣть, что при всемъ невольномъ признаніи высоты своего положенія, у Филарета всюду проглядываетъ по отношенію собственно къ личности своей глубочайшее смиреніе, вполнѣ свойственное строгому иноку, какимъ онъ былъ по истинѣ. Какъ выражался соотвѣтствующій положенію Филарета тонъ рѣчи его за разсматриваемый періодъ именно въ проповѣди, это лучше всего будетъ видно послѣ, при разсмотрѣніи самыхъ проповѣдей Филарета. Теперь же мы сдѣлаемъ общую характеристику этого тона словами человѣка, который былъ въ то время (въ 1814—1815 гг.) ученикомъ и слушателемъ Филарета въ качествѣ студента академіи, чтобы перейти къ дальнѣйшему въ своей исторической характеристикѣ. Мы имѣемъ въ виду слова извѣстнаго архимандрита Фотія (въ мірѣ Петра Спасскаго), который въ своей автобіографіи о Филаретѣ именно говоритъ между прочимъ, что его „рѣчь“ была „важная“ [7]), что онъ „говорилъ остро, вы-

---

1) Тамъ же, стр. 190.

2) Тамъ же, стр. 197; срав. также 205, 228 и др.

3) Тамъ же. стр. 188; 203 и др.

4) Тамъ же, стр. 233.

5) Тамъ же.

6) Тамъ же, стр. 194. Слова эти сказаны по поводу нѣкотораго пренебреженія къ духовной академіи и ректору ея—Филарету, обнаруженнаго однимъ знакомымъ его родныхъ.

7) Такъ въ печатномъ изданіи записокъ (автобіографіи) Фотія (см. Чтенія въ Общ. люб. дух. просв. за 1868 г. кн. IV, стр. 106 матеріаловъ для біографіи Филарета). Въ двухъ же экземплярахъ рукописныхъ, хранящихся въ библіотекѣ

соко, премудро, но все болѣе къ уму, менѣе же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненіе священнаго писанія, какъ бы все лилось изъ устъ его; привлекалъ такъ учениковъ къ слушанію себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе, безъ ястія и питія: оставлялъ онъ сильныя впечатлѣнія въ умы отъ ученій своихъ. Всѣмъ казалось истинно, пріятно, совершенно его ученіе" [1]). И еще: „сила, красота, достоинство и слава духовной академіи былъ одинъ Филаретъ" [2]).

Кругъ дѣятельности и отношеній Филарета за время его ректорства былъ такъ обширенъ, разнообразіе этой дѣятельности и этихъ отношеній такъ изумительно, что недоумѣваешь, какъ на все это хватало такого тщедушнаго физически человѣка, какимъ былъ Филаретъ. По истинѣ *сила* Божія *въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Чтобы яснѣе разсмотрѣть эту дѣятельность и эти отношенія, мы расположимъ ихъ на извѣстныя группы, и прежде всего разсмотримъ его дѣятельность по академіи, ввѣренной его управленію. Эта дѣятельность его была ученая, учебная, воспитательная, административная и хозяйственная. Мы помнимъ, что первоначальными предметами ученыхъ занятій Филарета въ академіи были: истолковательное богословіе (герменевтика) и церковная исторія съ церковными древностями. И между тѣмъ какъ первымъ предметомъ онъ занимался и читалъ его студентамъ во все время своего ректорства, другой предметъ онъ закончилъ чтеніемъ въ 1811—1812 учебномъ году, а съ 1812 года предметъ этотъ продолжилъ чтеніемъ въ академіи другъ и сотрудникъ Филарета Иннокентій (Смирновъ), вызванный въ началѣ 1812 года также изъ Троицкой Лаврской семинаріи [3]). Въ 1812—1813 учебномъ году мы видимъ ректо-

Моск. дух. академіи, вмѣсто того читаемъ: „рѣчь внятная". Впрочемъ въ одномъ изъ этихъ экземпляровъ очевидною является поправка слова: „важная", на слово: „внятная". При этомъ считаемъ нужнымъ отмѣтить, что рукописные экземпляры эти, правленные рукою самого Фотія, поступили въ библіотеку академическую по смерти извѣстной почитательницы Фотія, графини А. А. Орловой-Чесменской.

[1]) Чтенія въ Общ. люб. дух. просв. цитов. мѣсто: рукоп. л. 48; другіе экземпляры л. 61.

[2]) Чтенія, цит. см. стр. 107. Срав. 1 экз. рукоп. л. 54 и 2 экз. л. 71.

[3]) Срав. письма Филарета къ роднымъ, стр. 157 и 163; также *Чистовича* цит. соч. стр. 211.

ра Филарета преподающимъ, кромѣ истолковательнаго богословія, еще каноническое право [1]); но въ слѣдующіе годы, за множествомъ учебныхъ, административныхъ и другихъ заботъ, Филаретъ остался лишь при занятіяхъ богословіемъ истолковательнымъ. И такъ какъ Филаретъ не умѣлъ и не могъ, какъ всегда, относиться къ дѣлу слегка, относился къ нему серьезно: то занятія его означенными предметами не могли быть и не были безплодны. Плодами этихъ учебныхъ занятій Филарета были слѣдующіе ученые труды его, доставившіе ему, не учившемуся въ высшемъ учебномъ заведеніи, въ 1814 году ученую степень доктора богословія, и доселѣ не теряющіе своего научнаго значенія: 1) Introductiones, in singulos libros Veteris Testamenti, in supplementum libri classici conscriptae [2]), впервые напечатанныя въ русскомъ переводѣ въ Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1871—1872 гг.; 2) „Записки на книгу Бытія", изданныя отдѣльною книгою въ 1816, 1819, 1835 и 1867 гг., преподанныя же въ 1811 и слѣдующихъ годахъ, какъ практическое приложеніе теоріи истолковательнаго богословія или герменевтики [3]); 3) „Опытъ истолкованія псалма LXVII", какъ труднѣйшаго изъ псалмовъ, въ тѣхъ же цѣляхъ, какъ и записки на кн. Бытія, преподанный студентамъ академіи [4]) и напечатанный сначала въ 1814, а затѣмъ въ 1869 г. въ „Православномъ" Обозрѣніи; 4) „Начертаніе церковно-библейской исторіи", изданное съ 1816 г. не разъ отдѣльною книгою, и оканчивающееся временами библейскими, тогда какъ времена послѣбиблейскія обнимаетъ собою трудъ друга Филаретова,—Иннокентія (Смирнова), и т. д. Но кромѣ учебныхъ трудовъ, по занимаемымъ въ академіи каѳедрамъ, Филаретъ совершалъ и другія ученыя и литературныя работы, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Учебная дѣятельность Филарета по академіи не ограничивалась однимъ лишь непосредственнымъ наблюденіемъ за ходомъ преподаванія и усвоенія студентами наукъ, но и направлені-

---

[1]) *Чистовича*, стр. 191.

[2]) *Чистовича*, стр. 191.

[3]) Тамъ же, стр. 190.

[4]) Тамъ же, стр. 191

смъ этого преподаванія, энергическимъ стремленіемъ къ возможному усовершенствованію его. Чтобы видѣть всю широту взгляда его на это дѣло, достаточно прочитать составленное имъ въ 1814 году „Обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ", — напечатанное въ томъ же году по опредѣленію Коммисіи духовныхъ училищъ [1]) и затѣмъ перепечатанное въ 1872 году въ Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Еще раньше того, именно въ началѣ 1814 года, какъ мы уже знаемъ, Филаретъ составилъ и другія предположенія по учебной части въ измѣненіе и усовершеніе прежнихъ распоряженій по той-же части [2]).

Воспитательная дѣятельность Филарета по академіи была такъ же неусыпна, какъ и другія стороны той же дѣятельности его, тѣмъ болѣе, что и здѣсь Филаретъ относился къ дѣлу искренно, серьезно, а не формально только. Съ этой стороны характеристиченъ отзывъ о Филаретѣ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ его, извѣстнаго намъ архимандрита Фотія Спасскаго, который въ своихъ автобіографическихъ запискахъ говоритъ о себѣ, между прочимъ, что онъ „неизвѣстно отъ кого слышалъ, что Филаретъ сострадателенъ, милостивъ весьма, и его знаетъ; помыслъ ему и пришелъ тогда: пойду я и буду его просить, дабы въ домъ отца отпустилъ меня лечиться. По сему случаю пришедъ, видѣлъ наединѣ Филарета къ себѣ сострадательность и милость. Идя же къ Филарету, призвалъ Господа въ помощь, сталъ у дверей въ прихожей комнатѣ его. По докладу вскорѣ, какъ вышелъ къ нему Филаретъ, вотъ видъ лица его былъ яко Ангела Божія; онъ сожалѣлъ о его болѣзни, взялъ на себя попеченіе искать средство къ его облегченію". И далѣе, разсказавъ подробно о сострадательности къ нему Филарета въ его болѣзни и объ обстоятельствахъ облегченія своего отъ нея, „вину" котораго онъ видѣлъ въ Филаретѣ, Фотій (въ мірѣ Петръ Спасскій) дѣлаетъ общее, отчасти выше приведенное, заключеніе о воспитательной

---

[1]) См. *Чистовича*, стр 271—272. Срав. письма Филарета къ роднымъ, стр. 191.

[2]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 186; срав. *Чистовича*, цит. соч. стр. 226 и дал

дѣятельности Филарета въ академіи: „сила, красота, достоинства и слава духовной академіи былъ одинъ Филаретъ. Петръ—студентъ его любилъ и думалъ, что во всю жизнь свою не обрящетъ себѣ другаго по сердцу болѣе. Ученики академіи, особенно же поступившие изъ С. Петербургской семинаріи, самые скаредные слухи разсѣевали о немъ. Больно было даже слушать ихъ. Скорбѣлъ Петръ, а пособить не могъ. Строгое его смотрѣніе, взысканіе обращали въ злое намѣреніе, приписывали его злобѣ, и любовь къ нему не многіе имѣли..... Ученики были достойные въ академіи; клевета ученическая не была дѣйствительна предъ лицемъ начальниковъ и учителей; успѣхи достойно были награждаемы похвалами; распоряженіе по отдѣленіямъ учениковъ было справедливо. Тщаніе учителей въ преподаваніи было примѣрное; всѣ были съ достаточными свѣдѣніями, и всякъ по своей части особенно. Зло все происходило въ порчѣ нравовъ у многихъ учениковъ: 1) что дозволено было ходить въ театръ и частно въ городъ преподавать ученіе въ домахъ другимъ дѣтямъ. Нѣкоторые, побывъ въ театрѣ, съ восхищеніемъ разсказывали видѣнное все на прелесть. Отъ имяни Филарета позволеніе сказывали иные ходить въ театръ для навыка свободному произношенію и дѣйствію. Все усильно иные влекли Петра въ театръ, но онъ говорилъ: не вѣрю, что Филаретъ благоволитъ кому-либо быть въ театрѣ, и совѣтуетъ отъ демоновъ театральныхъ во плоти имѣть пользованіе, не вѣрю. 2) Въ академіи было позволяемо читать вновь вышедшія сочиненія, какъ-то: Штиллинга, Эккартсгаузена и прочія романическія и вольномысленныя сочиненія. А посему нѣкоторые, будучи нещію растлѣнные во нравахъ, читая повѣствовали такія скаредности по вечерамъ, что внушаемое ядовитое свѣдѣніе мерзостей скорбно было слышать... Пороки великіе были такъ, что иные въ скаредныя болѣзни впадали. За что Филаретъ, хотя по ученію лучшихъ бывшихъ, но изгналъ изъ академіи на всегда. 3) Въ ученикахъ академіи не было единаго духа Христова, единаго ума, единаго ученія и единыя вѣры. При случаяхъ было явно все оказываемо. Выходили споры о тысящелѣтнемъ царствованіи на земли Христа, о вѣчности мученія и о другихъ вещахъ духовныхъ; нѣкоторые любили уклоненіе отъ Св. Писанія, а другіе

таинственность вездѣ находить. Святыхъ Отцевъ не давали читать изъ академической библіотеки, ибо никто совѣта не подавалъ и примѣра. Толковники на Св. Писаніе были рекомендованы и выдаваемы нѣмецкіе и прочіе иновѣрные, болѣе ко вреду, нежели на все полезные. Все-ли извѣстно было Филарету, не вѣдаю. Во все время слушанія его чтеній, ученій, никогда не замѣтилъ Петръ—студентъ, а послѣ учитель бывый [1]) и не могъ замѣтить даже единой тѣни противу ученія Церкви, ни въ классахъ въ академіи, ни частно. Не слыхалъ отъ устъ его даже частно внушенія противу церковнаго ученія и Св. Отецъ". Вообще періодъ воспитанія своего въ академіи (1814—1815) Фотій называетъ временемъ пребыванія или „житія подъ тонкимъ взоромъ архимандрита Филарета". [2]) Изъ этихъ, по мѣстамъ, уродливыхъ, иногда грубо-противорѣчивыхъ, но въ общемъ довольно искреннихъ сообщеній о характерѣ воспитательной дѣятельности и отношеній Филарета по академіи ясно однакоже можно видѣть, что эта дѣятельность и эти отношенія были благостны, зорки, строги, но всегда направлены къ доброй цѣли и вмѣстѣ непринужденны: Филаретъ имѣлъ дѣло не съ 10—14 лѣтними мальчиками, а съ 20—40 лѣтними [3]). Дай Богъ, чтобы по больше было такихъ начальниковъ!

Административная дѣятельность Филарета по академіи была не менѣе неусыпна. Не говоря уже о сношеніяхъ съ лицами и учрежденіями, высшими и низшими, о редакціи бумагъ по этимъ сношеніямъ и другихъ подобныхъ, самая распорядительность его въ отношеніи къ внутреннему быту академіи была всегда и неусыпно-дѣятельна и высоко-разумна. Такъ напримѣръ, въ самый первый годъ его ректорства, въ годъ знаменательный для Россіи войною съ непріятелемъ сильнымъ и до нашествія на Россію побѣдоноснымъ, когда вся Россія трепетала отъ его нашествія, и въ Петербургѣ сильно безпокоились за безопасность жизни, имущества гражданъ и пр., вотъ какъ

[1]) По выходѣ изъ академіи въ 1815 году по случаю болѣзни, Петръ Спасскій 1815—1817 годы провелъ въ должности учителя Александро-Невскаго училища.

[2]) См. питов. экземпляръ рукописныхъ записокъ Фотія, хранящихся въ библіотекѣ Моск. дух. академіи, ч. I, л. 54—56.

[3]) См. тамъ-же, л. 47.

поступлено было въ духовной академіи по его распоряженію: „малодушествовали нѣсколько и наши воспитанники, пишетъ самъ ректоръ академіи своему родителю отъ 2 декабря 1812 года, — однако мы, взявъ нѣкоторыя на случай несчастія предосторожности, остались на мѣстѣ. Ни одна книга наша не была въ походѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторые архивы странствовали, поѣдали деньги и сами погибали“ [1]). А что касается до упомянутыхъ выше сношеній съ лицами и учрежденіями и пр., то вотъ слова письма самого-же Филарета къ дѣду отъ 13 февраля 1815 года: „простите, что рѣдко къ вамъ пишу, и даже поздно отвѣтствую. Разныя суеты такъ обременяютъ, и между прочимъ самая переписка такъ обширна, что иногда лежитъ вдругъ до 50 писемъ безъ отвѣта, изъ коихъ многія заключаютъ въ себѣ нужды и дѣла“ [2]). Или, отъ 6 апрѣля того-же года—родителю: „признаюсь, что пишу къ вамъ рѣдко: но что дѣлать? Никакъ не успѣваю исполнять столько, сколько бы нужно и желательно было. Надѣялся хотя въ первую треть сего года быть свободнѣе (свободою я называю то, когда имѣю одно дѣло, а не три или пять вдругъ): но и въ томъ обманулся и пр.“ [3]). Вообще у него всегда было „дѣла много и домашняго и чужаго“ [4]), по административной части. По хозяйственной части, кромѣ постояннаго надзора за академическою экономіею, участія въ дѣлахъ правленія по этой части и пр., на Филарета возлагались и особые труды. Такъ въ 1817 году „особенную заботу“ для Филарета составляло „строеніе для академіи большаго дома“ [5]). А чтобы видѣть, какъ относился и къ этому, чуждому, повидимому, для ученаго монаха и проповѣдника дѣлу Филаретъ, достаточно прочитать слѣдующія строки письма его къ родительницѣ отъ 24 сентября 1817 года, когда онъ былъ уже епископомъ-викаріемъ, чрезъ что заботы его еще умножились: „слава Богу, что наше строенье, зданіе въ четыре этажа, на 45 саженяхъ по прямой линіи, съ поворотами и дворовымъ строеніемъ, съ небольшимъ

[1]) Письма Филарета къ роднымъ. стр. 166.

[2]) Тамъ-же, стр. 194—195.

[3]) Тамъ-же, стр. 196.

[4]) Тамъ-же, стр. 189. Письма отъ 31 августа 1814 г.

[5]) Тамъ-же, стр. 217.

въ три мѣсяца отъ закладки, почти уже и покрыто. Большое бремя съ плечъ, хотя еще много будетъ дѣла со счетами и отдѣлкою. Слава Богу, что и здоровье мое отъ сего рабочаго лѣта не хуже прежняго, или можетъ быть и лучше, потому что строенье заставило меня много быть на воздухѣ и въ движеніи" [1]).

Но кромѣ дѣятельности и отношеній по академіи, Филаретъ обнаруживалъ изумительную дѣятельность, входилъ въ разнообразнѣйшія отношенія съ лицами и учрежденіями внѣ академіи, по порученію-ли то и по просьбѣ лицъ власть имѣющихъ и въ какомъ-бы то ни было отношеніи почтенныхъ, или по собственному побужденію и по сознанію нравственнаго долга своего. Изъ чертъ этого рода дѣятельности и отношеній Филарета мы возьмемъ лишь болѣе выдающіяся и болѣе важныя для характеристики его дѣятельности проповѣдническої собственно, и будемъ разсматривать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. На первомъ планѣ при этомъ разсмотрѣніи должны быть поставлены отношенія Филарета къ его роднымъ и дѣятельная его переписка съ ними, не прекращавшаяся во весь петербургскій періодъ его дѣятельности, не смотря на то, что онъ еще до прибытія въ Петербургъ, какъ мы знаемъ, отрекся отъ міра. Это отреченіе отъ міра однако-же не уничтожало въ немъ сознанія своего нравственнаго долга передъ тѣми, которые дали ему жизнь и первоначальное воспитаніе. „Батюшка!—писалъ онъ, какъ мы уже отчасти знаемъ, къ своему отцу предъ постриженіемъ въ монашество,—Василья скоро не будетъ; но вы не лишитесь сына,—сына, который понимаетъ, что вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнію, чувствуетъ важность воспитанія и знаетъ цѣну вашего сердца" [2]). Въ перепискѣ съ родителями и родными видится вся чистая, какъ зеркало, жизнь Филарета, всѣ движенія души его, и пр. Въ письмахъ-же къ роднымъ онъ откровенно сообщаетъ о всѣхъ бывшихъ съ нимъ перемѣнахъ по службѣ, о своихъ неудачахъ и успѣхахъ, объ отношеніяхъ къ начальству и разнымъ лицамъ, о современныхъ событіяхъ и т. д. Не упускаетъ онъ случая при этомъ упомя-

---

1) Тамъ-же стр. 218—219.

2) Тамъ-же стр. 106.

нуть и о каждой проповѣди, произнесенной имъ гдѣ-бы то ни было, о впечатлѣніи, произведенномъ ею на слушателей, о послѣдствіяхъ этого впечатлѣнія и пр.,—какъ-то отчасти мы уже и видѣли изъ предшествующаго. Онъ съ горячею любовію заботится объ устройствѣ положенія родныхъ, переписываясь по этому случаю и съ викаріемъ, а затѣмъ архіепископомъ Московскимъ Августиномъ, и съ начальствомъ Троицкой Лаврской, Виѳанской и Московской Перервинской семинаріи, а также—Московской духовной академіи, пользуясь покровительствомъ митрополита Амвросія и князя А. Н. Голицына для этой-же цѣли и т. д., Особенно-же заботливо относится онъ къ этому послѣ смерти родителя, послѣдовавшей въ началѣ 1816 года. Онъ старается замѣнить для сиротствующаго семейства покойнаго родителя. И здѣсь-то въ особенности видѣнъ въ немъ человѣкъ, стоявшій на высотѣ своего призванія въ должности ректора академіи и въ исполненіи соединенныхъ съ этою должностію обязанностей. То, что одушевляло его самого въ его жизни и многообразной дѣятельности, изливается въ его письмахъ къ матери, брату и др. Вотъ для примѣра письмо его къ младшему брату Никитѣ Михайловичу, обучавшемуся въ Виѳанской семинаріи, писанное вскорѣ послѣ смерти родителя, именно отъ 28 марта 1816 года: „Что ты начинаешь чувствовать утѣшеніе въ общей нашей печали, тѣмъ и я утѣшаюсь. Нельзя быть безъ печали: но предаваться ей не должно. Богъ есть Отецъ всѣхъ, имѣетъ-ли кто, или не имѣетъ отца на земли. У него всѣ живы. Чего недостаетъ тому для утѣшенія, кто имѣетъ Отцемъ Бога? Надобно только, чтобы мы старались быть истинными Его дѣтьми, чрезъ вѣру въ Него, чрезъ упованіе на Него, чрезъ молитву къ Нему, и чрезъ исполненіе заповѣдей Его. Вотъ неисчерпаемый источникъ утѣшеній“ [1]). Или вотъ еще письмо къ нему-же отъ 6 марта 1818 года: „Любезный братъ! нѣкоторыя прискорбныя вѣсти изъ вашего края, о которыхъ нѣтъ нужды распространяться, побуждаютъ меня сказать въ остереженіе твое нѣсколько словъ. Берегись, сколько можно, знакомства и сообщенія съ людьми, коихъ нравы сомнительны. Когда видишь худой примѣръ, не соблазняйся

[1]) Тамъ-же, стр. 207.

мыслію, что люди ненаказанно дѣлаютъ зло; зло ненаказанное вскорѣ готовитъ большую бѣду тому, кто сдѣлалъ оное. Старайся исполнять свое дѣло тщательно и вѣрно, сколько можешь, и затѣмъ мѣру успѣха и благосостояніе свое поручай Богу, прибѣгая къ Нему часто тайною сердечною молитвою, и Онъ сохранитъ тебя... *Храни незлобіе, и виждь правоту, яко есть останокъ человѣку мирну*" (Псал. 36, 37) [1]).

При характеристикѣ дѣятельности Филарета по хозяйственной части въ академіи мы упомянули о дѣятельномъ участіи его въ построеніи новаго громаднаго зданія для академіи. Постройка была такъ велика, что по смѣтѣ на одно лѣто 1817 года для сего требовалась сумма въ 500,000 рублей [2]). Корыстолюбивый руководитель дѣла постройки извлекъ-бы хорошія матеріальныя для себя выгоды изъ него. Но что-же Филаретъ? Уже въ началѣ апрѣля 1816 года, когда онъ далеко не былъ новичкомъ въ ректорской должности вообще и въ частности по дѣлу хозяйственному, онъ пишетъ своей матери, выражавшей безпокойство за его матеріальное благосостояніе въ виду значительныхъ тратъ на родныхъ: „О мнѣ вы безпокоитесь напрасно. По долгу сыновнему я желаю служить вамъ и служу, чѣмъ могу. Меня сіе не разстроиваетъ: а беречь моему состоянію не прилично" [3]). Филаретъ дѣятельно исполнялъ иноческій обѣтъ нестяжанія. Такъ, вскорѣ послѣ вышеозначенной постройки, именно 12 ноября 1817 года, онъ пишетъ родительницѣ своей: „Удивитесь, когда скажу, что я становясь богатѣе [4]), становлюсь и беднѣе. Въ сентябрѣ я имѣлъ на себѣ тысячу рублей долгу, чего прежде и въ опасеніи не имѣлъ. Теперь, благодареніе Богу, опять не нуждаюсь" [5]). И отъ 1 апрѣля 1818 года ей-же: „Посылаю вамъ триста рублей... Изъ нихъ сберегите, что нужно, на дорогу, есть ли по лѣту вздумаете въ Москву: ибо не вслухъ скажу вамъ, что и я, можетъ быть, побываю въ Москвѣ; но тогда отъ моихъ дорожныхъ издержекъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 221—222.

[2]) Тамъ-же, стр. 217.

[3]) Тамъ-же, стр. 207.

[4]) Съ марта 1816 года Филаретъ изъ настоятелей бѣднаго Юрьевскаго монастыря переименованъ былъ въ настоятеля болѣе богатаго Новоспасскаго монастыря.

[5]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 220.

едва-ли останется, что для васъ; потому что, какъ вамъ извѣстно, я беречь не умѣю" [1]). Такимъ образомъ вообще то, что проповѣдывалъ Филаретъ, не было лишь однимъ словомъ, а и вытекало изъ живаго и жизненнаго убѣжденія въ проповѣдуемой истинѣ, изъ самой жизни проповѣдника.

Изъ прежнихъ личныхъ отношеній Филарета, какъ мы помнимъ, ранѣе всѣхъ установились у него добрыя отношенія къ митрополиту Амвросію. Чрезъ Амвросія-же онъ познакомился и съ другими лицами, такое или иное имѣвшими отношеніе къ его проповѣднической дѣятельности, такъ или иначе вліявшими на развитіе и усовершенствованіе его проповѣдническаго таланта. Отношенія самого Амвросія къ Филарету, послѣ окончанія борьбы съ Ѳеофилактомъ, какъ само собою понятно, могли быть только лучше, а никакъ не хуже. И это дѣйствительно такъ было. Амвросій еще болѣе прежняго приблизилъ къ себѣ Филарета, какъ мудраго совѣтника, какъ человѣка, на котораго можно было ему положиться, которому можно было довѣрить какое угодно серьезное и трудное дѣло. Такъ скончался 11 ноября 1812 года митрополитъ Платонъ, - митрополитъ Амвросій приглашаетъ Филарета для чтенія и обсужденія духовнаго завѣщанія Платона [2]). Въ половинѣ іюля 1814 года, когда торжествующій Императоръ Александръ, по возвращеніи изъ-за границы въ Петербургъ, вознамѣрился передать митрополиту Амвросію, при рескриптѣ, св сосуды, митрополитъ, не зная того, что и этотъ рескриптъ писанъ былъ Филаретомъ, его же, Филарета, „потомъ просилъ написать благодарственную рѣчь Императору по этому случаю" [3]). Ему-же онъ дѣлалъ и другія болѣе или менѣе важныя порученія [4]). За то онъ-же, Амвросій, и былъ самымъ горячимъ ходатаемъ за Филарета въ награжденіи его. Такъ, по его именно настоянію въ 1813 году Филаретъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й, а не

---

[1]) Тамъ-же, стр. 223.

[2]) Тамъ-же, стр. 167.

[3]) Воспоминанія Филарета, въ „Прав. Обозр." за 1868 г. т. 26. стр 519.

[4]) См. напр. письма Филарета къ роднымъ, стр. 184. Также Зап. Фотія въ Чт. въ об. л. д. просв за 1868 г. кн. IV, стр. 108 и дал. матеріаловъ для біографіи Филарета и др.

3-й степени [1]). По его-же представленію въ 1817 году Филаретъ, не имѣя еще и 35-ти лѣтъ отъ роду, возведенъ былъ въ санъ епископскій [2]), и т. д. Объ Амвросіѣ Филаретъ и послѣ всегда говорилъ не иначе, какъ о благодѣтелѣ своемъ [3]), подобно какъ о Платонѣ. Установившіяся, при помощи Амвросія, еще въ 1810 году отношенія Филарета къ князю А. Н. Голицыну продолжались въ своемъ добромъ направленіи и во время ректорства Филарета, какъ то мы отчасти видѣли уже изъ предшествующаго. Въ 1812 году осенью, во время нашествія французовъ на Россію, князь Голицынъ устроилъ въ своемъ домѣ церковь, которую освятилъ Филаретъ и въ которой онъ съ тѣхъ поръ многократно проповѣдывалъ, и при томъ иногда въ присутствіи Высочайшихъ особъ и по большей части въ присутствіи лицъ высшаго круга обоего пола, чрезъ что еще болѣе расширялся кругъ знакомства и отношеній Филарета. Въ теченіи 1812 и 1814 годовъ Филаретъ произнесъ въ этой церкви 6 проповѣдей и одну изъ нихъ повторилъ въ присутствіи Высочайшей особы, по просьбѣ храмоздателя и по желанію этой особы [4]). Въ память освященія храма въ домѣ князя Голицына Филаретъ получилъ „красивый золотой крестъ наперсный отъ усерднаго храмоздателя" [5]). Но не только проповѣдничествомъ, а и другими разнообразными трудами осложнялись для Филарета отношенія его къ князю Голицыну. Такъ, едва лишь изгнанъ былъ неприятель изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году и по сему случаю возникла мысль объ устроеніи въ Москвѣ храма Христу Спасителю, какъ князь Голицынъ неоднократно требуетъ отъ Филарета „мыслей о внутреннемъ устроеніи предполагаемаго храма". И Филаретъ, „между прочимъ, открылъ ему свои мысли о несовершенствѣ иконостасовъ по новѣйшему образу строенія, которые, будучи малы и скудны, противорѣчатъ мысли величія, которую долженъ бы пода-

---

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 176

2) Тамъ же, стр. 218. Срав. воспом. Филарета въ „Прав. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 519; *Сушкова*, цит. соч. стр. 45 и др.

3) *Сушкова* цит. соч. стр. 45.

4) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 166—167.

5) Тамъ же, стр. 166.

вать олтарь" [1]). Равнымъ образомъ, едва лишь, съ изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи, возникла въ Петербургѣ мысль объ учрежденіи „Библейскаго Общества", на подобіе Великобританскаго, какъ главный дѣятель и президентъ новоучрежденнаго общества, князь А. Н. Голицынъ привлекаетъ къ дѣятельнѣйшему участію въ томъ же обществѣ и Филарета [2]). И Филаретъ много положилъ труда на пользу этого общества. Такъ именно онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ изданіи славянской Библіи [3]); онъ редактировалъ многія брошюры, издаваемыя Библейскимъ Обществомъ; принималъ дѣятельное руководительное участіе въ редакціи отчетовъ общества, рѣчей президента общества и т. п. [4]); наконецъ, особенно много послужилъ дѣлу перевода Библіи на русскій языкъ [5]). Потомъ, рядомъ съ этими трудами, князь Голицынъ привлекалъ Филарета и къ другимъ, стороннимъ для должности Филарета по академіи, трудамъ. Такъ въ концѣ 1814 года іезуиты „обратили къ католической церкви" племянника князя Голицына. Послѣдній просилъ Филарета посодѣйствовать возвращенію молодаго человѣка въ лоно православной Церкви. Филаретъ исполнилъ это святое дѣло съ обычною ревностію и честностію; а въ утвержденіе возвращеннаго православной Церкви сына ея, по предложенію того же князя Голицына, рѣшилъ написать свое извѣстное сочиненіе, выдержавшее не одно изданіе, подъ заглавіемъ: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной Церкви" [6]). „Сталъ писать,—говоритъ самъ Филаретъ въ письмѣ къ родителю отъ 6 апрѣля 1815 года,—не зная, что выйдетъ; перерылъ не мало историческихъ, каноническихъ и отеческихъ книгъ для вѣрныхъ справокъ; иногда уставалъ до того, что заставлялъ вмѣсто себя читать и писать, а самъ только слушалъ и дикто-

[1]) Тамъ же, стр. 172.

[2]) Тамъ же, стр. 171.

[3]) Тамъ же, стр. 191. Срав. наше изслѣдованіе о подвигахъ Филарета въ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ во 2 т. Филаретовскаго „Юбилейнаго Сборника", стр. 231, примѣчаніе 1.

[4]) Срав. тоже изслѣдованіе наше и тоже мѣсто въ немъ, срав. также письма Филарета къ роднымъ, стр. 191; 223 и др.

[5]) См. тоже изслѣдованіе наше, помѣщенное во 2 томѣ Филаретовскаго „Юбилейнаго Сборника".

[6]) Спб. 1815. Срав. *Сушкова*, цит. соч. стр. 82—83.

валъ; и не знаю, когда бы кончилъ сіе, если бы не ограничился нужнѣйшимъ, оставя многое, чего, можетъ быть, нѣкоторые также бы желали. Но и такъ выходитъ около десяти листовъ печатныхъ" [1]). За то князь, въ свою очередь, не оставался въ долгу предъ Филаретомъ. Онъ всячески способствовалъ его возвышенію во мнѣніи высшаго начальства и особъ царствующаго дома и расширенію круга его дѣятельности и вліянія; не менѣе митрополита Амвросія ходатайствовалъ о наградахъ и повышеніяхъ для него; наконецъ, когда преемникъ митрополита Амвросія Михаилъ (Десницкій), неблагосклонно относясь къ князю Голицыну, недовѣрчиво относился и къ покровительствуемому имъ Филарету, князь Голицынъ устроилъ перемѣщеніе послѣдняго на второклассную каѳедру въ Тверь, съ повышеніемъ въ архіепископы и члены Св. Сунода [2]).

Еще въ 1811 году въ Петербургѣ открылось литературное общество, подъ названіемъ: „Бесѣда любителей русскаго слова". Основателемъ общества былъ вице-адмиралъ А. С. Шишковъ. „Цѣль *Бесѣды* состояла въ томъ, чтобы, противодѣйствуя вліянію и нововведеніямъ Карамзина, сохранить первобытную чистоту отечественнаго языка и изгнать вкравшіяся въ него иностранныя слова и обороты". Старикъ „Державинъ, соревнуя успѣху *Бесѣды*, отдалъ для засѣданій общества большую залу великолѣпнаго дома своего на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста. Находившіеся въ составѣ общества 24 члена, изъ коихъ къ каждому было приписано по нѣскольку сотрудниковъ, раздѣлялись на четыре разряда, чередовавшіеся между собою для чтеній. Попечителями въ разрядахъ были: графъ Завадовскій, Мордвиновъ, министръ просвѣщенія графъ Разумовскій и министръ юстиціи Дмитріевъ; а предсѣдателями: Шишковъ, Державинъ и другіе. Въ почетные члены были

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 196; срав стр. 197.

[2]) Поэтому Филаретъ обыкновенно и въ письмахъ къ князю Голицыну и другимъ лицамъ и при воспоминаніи о немъ вообще называлъ его также благодѣтелемъ своимъ. См. напр. воспоминанія Филарета въ „Православномъ Обозрѣніи" за 1868 г. т. 26, стр. 520; письма его же, Филарета, къ Е. В. Новосильцевой, урожденной графинѣ Орловой, во 2 томѣ „Біографическаго очерка графа Вл. Гр. Орлова", составленнаго внукомъ его гр. *Вл. П. Орловымъ-Давыдовымъ*, стр. 277 Спб. 1878,—къ А. Н. Муравьеву, стр. 147—148. Кіевъ, 1869 и др.

избраны многіе вельможи и особы высшаго духовенства". Изъ числа первыхъ были графъ А. С. Строгановъ, князь А. Н. Голицынъ, М. М. Сперанскій и другіе. Изъ числа послѣднихъ епископы: Евгеній Болховитиновъ, Амвросій Протасовъ и другіе [1]). Это еще въ 1811 году. Въ слѣдующемъ же году избранъ былъ и Филаретъ за свои проповѣди. Въ томъ же 1811 году, въ Москвѣ, въ противовѣсъ этому петербургскому обществу, учреждено было свое литературное общество, подъ названіемъ: „общество любителей россійской словесности". Впрочемъ и то и другое Общество не чуждалось другъ друга. Такъ Карамзинъ избранъ былъ въ члены „Бесѣды любителей русскаго слова", равно какъ въ свою очередь Шишковъ, Державинъ, Дмитріевъ и другіе были членами „Общества любителей россійской словесности" [2]). Независимо отъ этихъ формально утвержденныхъ обществъ были въ Петербургѣ и частные литературные кружки, изъ коихъ ближайшее къ Филарету отношеніе имѣлъ кружокъ, собиравшійся у страстнаго любителя искусствъ и литературы А. Н. Оленина [3]), какъ намъ извѣстно, рано познакомившагося съ Филаретомъ. Этотъ кружокъ, впрочемъ, имѣлъ связь и съ Шишковскою „Бесѣдою", такъ какъ и А. Н. Оленинъ былъ членомъ „Бесѣды", и многіе изъ членовъ ея были посѣтителями Оленинскаго кружка. И едва только въ 1810—1811 годахъ стало извѣстнымъ въ Петербургѣ имя Филарета какъ проповѣдника, члены означенныхъ обществъ и кружковъ начали привлекать его къ участію въ нихъ, а съ назначеніемъ его на должность ректора академіи даже и избирать его въ почетные члены. Такъ уже въ началѣ мая 1812 года, когда одинъ изъ предсѣдателей „Бесѣды", основатель ея А. С. Шишковъ, по поводу своего сочиненія: „О любви къ отечеству", читаннаго въ „Бесѣдѣ," назначенъ былъ на мѣсто удаленнаго въ ссылку Сперанскаго государственнымъ секретаремъ [4]), Филаретъ пишетъ.

[1]) Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время Т. 3, стр. 62—63.

[2]) Тамъ же, стр. 63—64. 65 и дал.

[3]) Тамъ же, стр. 65.

[4]) См. тамъ же стр. 199 Срав. *Стоюнина*, „А. С. Шишковъ" въ „Вѣстникѣ Европы" за 1877 г., т. V, стр. 543 Впрочемъ, такъ какъ обязанности Сперанскаго

своему родителю: „не имѣя времени много писать, посылаю Вамъ, какія случились, печатныя новости. Одна есть рѣчь *о любви къ отечеству*, которой сочинитель недавно сдѣланъ государственнымъ секретаремъ, мнѣ пріятный знакомецъ [1]). Хотя этотъ „пріятный знакомецъ", какъ увидимъ послѣ, расходясь во многомъ съ Филаретомъ, наконецъ сдѣлалъ на него и жестокое нападеніе (въ 1824 г.), но въ разсматриваемое время онъ дорожилъ имъ, какъ церковнымъ витіею, чтобы поставить его на ряду съ другими витіями, въ противовѣсъ нововведеніямъ Карамзина. Онъ даже не только допустилъ его въ свою „Бесѣду", какъ простаго участника, а и предложилъ къ избранію въ почетные члены ея, вѣроятно впрочемъ не безъ содѣйствія такихъ лицъ, какъ кн. Голицынъ, Оленинъ и др. Говоря послѣ объ этомъ избраніи, другой хорошій знакомецъ Филарета А. С. Стурдза въ своей статьѣ: „Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ", говорилъ о немъ, „что еще въ 1812 г. онъ уже стоялъ высоко на духовной каѳедрѣ, уже плѣнялъ слушателей своихъ силою и глубиною слова", [2]) указывая тѣмъ на время его избранія въ члены „Бесѣды". По крайней мѣрѣ въ журналѣ: „Сынъ Отечества" за 1813 годъ мы находимъ ясныя и несомнѣнныя данныя на то, что въ семъ 1813 году Филаретъ уже былъ почетнымъ членомъ „Бесѣды". Здѣсь въ VI части, на стр. 122 мы читаемъ: „20 мая (1813 года) было чтеніе въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова". Изъ многихъ, читанныхъ въ сей день сочиненій и переводовъ замѣтимъ: 1) *Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ успѣховъ Россіи въ войнѣ 1812 года*, сочиненіе одной духовной особы, извѣстной уже мно-

---

по должности государственнаго секретаря раздѣлены были, по удаленіи его, между 5-ю лицами, то на долю Шишкова собственно при этомъ выпало только составленіе манифестовъ, воззваній и пр. И онъ блестящимъ образомъ выполнилъ эту задачу въ отечественную войну, какъ горячій патріотъ. Въ этомъ-то смыслѣ въ 1824 году, при назначеніи его въ министры народнаго просвѣщенія, Пушкинъ встрѣтилъ это назначеніе слѣдующими стихами:

„Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа.
„Священной памятью двѣнадцатаго года". („Вѣстн. Евр." 1877 г., т. VI, стр. 479).

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 161.

2) *Сушкова*, цит. соч. стр. 95.

гими изящными произведеніями въ духовномъ краснорѣчіи“ [1]); а въ VII и VIII части находимъ помѣщенными какъ письмо А. Н. Оленина къ Филарету отъ 5 января 1813 г., съ просьбою изложить письменно ранѣе того обдуманное и въ общихъ чертахъ уже до 5 января устно изложенное (въ Оленинскихъ бесѣдахъ) вышеупомянутое „Разсужденіе“, для прочтенія его въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, такъ и отвѣтъ Филарета на это письмо, содержаніемъ котораго служитъ то самое „Разсужденіе“ [2]). Печатая этотъ отвѣтъ или „Разсужденіе“ Филарета, издатель „Сына Отечества“ (Н. И. Гречъ) подъ строками замѣчаетъ: „Сочиненіе архимандрита и кавалера *Филарета*, Санктпетербургской духовной академіи ректора, богословскихъ наукъ профессора и *почетнаго члена „Бесѣды любителей русскаго слова“*, читанное въ собраніи оной „Бесѣды“ 20 мая сего года“ [3]). Да и самое содержаніе какъ письма Оленина, такъ и „Разсужденія“ Филарета имѣетъ весьма близкое отношеніе къ вышеупомянутой рѣчи Шишкова *о любви къ отечеству.*

Изъ лицъ, съ которыми довольно рано познакомился въ Петербургѣ Филаретъ, между прочими былъ, какъ мы отмѣтили выше, А. С. Стурдза, изъ молдаванъ, бессарабскій помѣщикъ, но жившій въ Петербургѣ по случаю близости его сестры ко двору, „за образованіе Бессарабіи пожалованный въ статскіе совѣтники“ въ 1818 году, когда ему всего было 27 лѣтъ [4]). Ревностный посѣтитель Шишковской „Бесѣды“ [5]), по примѣру многихъ глубокій почитатель проповѣдническаго таланта Филарета, онъ уже въ 1816 году перевелъ проповѣди его на французскій языкъ [6]), которымъ владѣлъ хорошо. Въ томъ-же году въ Веймарѣ онъ издалъ на французскомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Considerations sur la doctrine et l'esprit de

---

1) А между тѣмъ въ 1813 году до 20 мая Филаретъ произнесъ только одну проповѣдь въ великій пятокъ; очевидно рѣчь о „многихъ“ проповѣдяхъ относится къ 1810—1812 годамъ.

2) См. „Сынъ Отечества“ за 1813 г. ч. VII, стр. 219—235 и ч. VIII, стр. 3—1

3) „Сынъ Отечества“ за 1813 г. ч VII, стр. 223 примѣч.

4) Письма Карамзина къ Дмитріеву, изд. *Я. Гротомъ* и *Пекарскимъ*, стр. 239. Стурдза родился въ 1791 года. См. тамъ-же, стр. 0210.

5) *Иконниковъ*, Графъ Мордвиновъ, стр. 86. Спб. 1873.

6) *Сушковъ*, цит. соч., стр. 123.

l'église orthodoxe"[1]),—сочиненіе, наполненное „мистическою видорологіею", какъ выражался Карамзинъ [2]) и вообще болѣе унижавшее православную Церковь, нежели возвышавшее ее въ глазахъ неправославнаго запада [3]). На эту-то книгу Филаретъ написалъ замѣчанія, подъ заглавіемъ: „Мысли одного читателя книги: Considerations etc. въ простотѣ предлагаемыя писателю, по правилу: *даждь премудрому вину и премудрѣйй будетъ*" [4]).

Со второй половины 1813 года начинается переписка Филарета съ знаменитымъ проповѣдникомъ того времени, управлявшимъ Московскою митрополіею послѣ Платона, сперва епископомъ, а потомъ (съ августа 1814 года) архіепископомъ Августиномъ Виноградскимъ. Хотя главнымъ побужденіемъ къ перепискѣ Филарета съ Августиномъ служили различныя нужды родныхъ перваго, однако она нерѣдко касалась и проповѣднической дѣятельности обоихъ. Такъ уже въ сентябрѣ 1813 года Филаретъ, между прочимъ, пишетъ Августину: „исполнивъ пріятную обязанность быть *гласомъ* вашего *слова,* и по назначенію вашему, и въ удовлетвореніе любителей слова,—съ сыновнею признательностію" и пр. „P. S. Нѣсколько словъ, говоренныхъ послѣ тѣхъ, которыя имѣлъ я счастіе представить вашему преосвященству въ прошедшую осень, и нынѣ покорнѣйше представляю" [5]). Отъ 4 ноября того-же 1813 года: „Слово, которымъ ваше преосвященство изволили обновить древній храмъ древней столицы, исполненное духомъ древнихъ отцевъ, хотя нѣсколько уже разъ мною читанное, тѣмъ однако не съ меньшею радостію и благодарностію получилъ я отъ руки вашего преосвященства. Если позволительно мнѣ повторить предъ вами голосъ множества, слово сіе всегда пребудетъ важнымъ памятникомъ сего необыкновеннаго времени. Здѣшняя духовная академія въ особенности приноситъ вашему преосвященству, за сей образецъ духовнаго витійства, читанный въ на-

---

[1]) *Филаретъ* Черниг., Обзоръ руск. дух. литер. ч. 2, стр. 273—274. Черниговъ, 1863. Срав. Письма Карамзина къ Дмитріеву, цит. изд., стр. 092.

[2]) Письма къ Дмитріеву, стр. 212; срав. стр. 092.

[3]) *Филаретъ* Черниг., цит. соч. стр. 274.

[4]) См. VI кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. просв." за 1869 г. стр., 71 матеріаловъ для біографіи Филарета.

[5]) Тамъ-же, стр. 34.

ставленіе воспитанникамъ въ классѣ, благодарность, какъ своему наставнику“ [1]). Отъ 12 февраля 1814 года: „въ упованіи на благосклонное вашего преосвященства ко мнѣ вниманіе, пріемлю смѣлость представить недавно говоренное слово на гласъ вопіющаго въ пустыни“ [2]). И когда вскорѣ послѣ того Августинъ отписалъ Филарету по поводу этой посылки, послѣдній вновь обращается къ нему съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „одобренія вашего преосвященства, въ письмѣ отъ 26 февраля изъявленныя, подавляютъ мое недостоинство. Въ защитительномъ истолкованіи слова *крещеніе* не могъ я не узнать искусства прежняго моего наставника“ [3]) Въ томъ-же письмѣ Филаретъ, по поводу полученной имъ проповѣди Августина, произнесенной „по случаю побѣды, одержанной при Лейпцигѣ россійскими и союзными войсками надъ французскою арміею“ [4]), говоритъ: „не какъ возвѣщающій, произношу предъ вашимъ преосвященствомъ сію торжественную вѣсть: Христосъ воскресе; но, какъ одинъ изъ слышавшихъ отъ устъ вашихъ слово истины, со многими, отвѣщаю на то, что возвѣщаете вы нынѣ великой Церкви Московской, какъ ангелъ ея. Тотъ, Который возвелъ васъ на сію высокую гору, дабы благовѣствовать миръ во дни нестроенія [5]), и радость послѣ скорбей, часъ отъ часа далѣе творитъ слышанъ гласъ вашъ. Да утвердитъ Онъ и по сихъ освященный гласъ сей, и да послетъ въ сѣтующіе предѣлы миръ всѣмъ слышащимъ гласъ мира вмѣстѣ со духомъ возвѣщающаго! Да будетъ благоденствіе и долгоденствіе вашего преосвященства такъ вѣрно, какъ благовѣстіе воскресенія, вами возвѣщаемое!“ [6]) Подобнымъ образомъ и отъ 26 8декабря 115 года Филаретъ, въ виду проповѣдей Августина о мирѣ, говоренныхъ 21 іюня 1814, на Рождество Христово

[1]) Тамъ-же, стр. 34—35.

[2]) Тамъ-же, стр. 39.

[3]) Тамъ-же, стр. 39—40. Августинъ до 1802 года былъ ректоромъ Троицкой лаврской семинаріи.

[4]) См. сочиненія Августина, изд. Кораблева и Сирякова, стр. 96 и дал. Спб. 1856

[5]) Разумѣются проповѣди Августина по случаю событій 1812—1813 годовъ.

[6]) Цитов. кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. пр.“ стр. 39. Въ послѣднихъ словахъ письма Филарета, вѣроятно, дѣлается намекъ на слова проповѣди Августина, обращенныя къ Москвѣ: *востани, востани, сіоне* и пр. (соч. Августина, стр. 99 цит. изд.).

того-же года и др., пишетъ ему: „если даръ, принесенный на землю воплощеніемъ, есть миръ, Воплотившійся — Начальникъ мира, посланники Его—служители примиренія, вѣрующіе въ Него—сыны мира, причастники блаженства Его —миротворцы: то ваше высокопреосвященство имѣете особенный въ христіанствѣ жребій, благовѣствовать и *миръ* собственно *Божій*—Церкви, коея свѣтильникъ подвигнулся было гнѣвомъ Божіимъ, и *миръ* собственно *на земли*—сынамъ несчастія и жертвамъ страшной брани. Каждый, и не видя, можетъ разумѣть, какъ много нужно вамъ было ущерблять вашъ собственный миръ, для раздаянія его требующимъ, оною сугубою мѣрою. Уже время желать, чтобы Начальникъ мира даровалъ вамъ утѣшеніе видѣть подъ жезломъ вашего архипастырства сыновъ мира совершеннаго, ихъ миромъ исполнилъ-бы вашъ миръ собственный, и по днямъ прошедшихъ золъ даровалъ будущія лѣта веселія“ [1]). Наконецъ, отъ 28 апрѣля 1816 года: „вниманіе къ ученику, съ которымъ угодно было вашему высокопреосвященству изъявить желаніе видѣть, чему случится быть издану изъ малыхъ моихъ упражненій, даетъ мнѣ право представить при семъ не давно напечатанную проповѣдь въ Великій Пятокъ. А при томъ,—не какъ требованіе воздаянія, котораго мое приношеніе совсѣмъ не стоитъ, но какъ воспоминаніе, приведенное случаемъ,—позвольте открыть вашему высокопреосвященству, что у меня не осталось отъ усердныхъ вашихъ читателей *Слова на освященіе Успенскаго собора* [2]): отъ чего въ малой моей библіотекѣ, которой выборомъ я тщеславлюсь, есть пустое мѣсто, котораго я не могу отъ себя закрыть. Не можетъ-ли вашъ библіотекарь найти избыточествующаго экземпляра, и вставить такимъ образомъ красное перо въ крыло моего тщеславія?“ [3])

Наконецъ, мы не можемъ опустить вниманіемъ отношеній Филарета къ его многолѣтнему другу и сотруднику, отчасти уже извѣстному намъ Иннокентію Смирнову, съ 1812 года и по 1818 годъ имѣвшему ближайшее отношеніе къ дѣятельности Филарета вообще и въ частности—проповѣднической. Бу-

[1]) Стр. 43 цитов. кн. „Чтеній“.

[2]) См. соч. Августина, стр. 73 и дал. цит. изд. Слово говорено 30 августа 1813 г.

[3]) Стр. 47 цитов. книжки „Чтеній въ общ. люб. дух. просв.“ за 1869 г.

дучи человѣкомъ глубокаго, искреннѣйшаго благочестія, глубоко и всесторонне знакомый съ свято-отеческою и вообще церковною литературою благодаря самому предмету своей каѳедры въ академіи (церковной исторіи временъ послѣ-библейскихъ), Иннокентій усвоилъ себѣ и проводилъ особый взглядъ на проповѣдничество, не совсѣмъ похожій на тѣ взгляды, какими руководилась большая часть современныхъ ему проповѣдниковъ, и, какъ другъ Филарета, тѣмъ въ нѣкоторой степени вліялъ на характеръ проповѣдничества послѣдняго. Вотъ его воззрѣніе на проповѣдничество вообще въ связи съ сужденіемъ о современномъ ему проповѣдничествѣ. „О какіе мы,— говорилъ онъ,—недостойные учители и проповѣдники слова истины! Любодѣй любодѣйствуетъ не ради дѣторожденія, но для насыщенія нечистой своей похоти: такъ и проповѣдникъ слова Божія, когда проповѣдуетъ не ради рожденія чадъ духовныхъ по закону, но чтобы, сказавъ слово, токмо движеніемъ рукъ, эхомъ голоса и произношенія слыть за проповѣдника или почесать сердце свое щекотаніемъ, слухомъ чести, мзды и отличія, тоже онъ дѣетъ, что и любодѣй; тотъ любодѣйствуетъ тѣлесно, а сей духовно. А когда въ проповѣди есть еще примѣсь неправаго ученія и духа; тогда какъ матерь во чревѣ своемъ убиваетъ домъ младенца, такъ и проповѣдникъ ядомъ заблужденія паче убиваетъ, нежели воспитываетъ, во утробѣ матери Церкви чадъ духовныхъ. Видитъ Богъ, какъ во многихъ настоящихъ витіяхъ и проповѣдникахъ бываетъ нечисто, нерадиво, суетно проповѣдническое слово! Многіе-ли нынѣ своими словами, рѣчами и поученіями, витіеватыми, высокими и таинственными [1]) дѣлаютъ то назиданіе, какое св. отцы наши древле производили своими простыми, немногими, краткими словами и бесѣдами?... Чаютъ многіе навыкнуть проповѣди слова Божія не отъ дѣлъ, но изъ школьнаго наученія и покушаются проповѣдывать слово о царствіи Божіи не отъ вышняго разума, а отъ земнаго мудрованія и явленія плоти и крови; между тѣмъ гласъ Божій гремитъ во уши ихъ: *плоть и кровь царствія Бо-*

[1]) Иначе: мистическими, въ духѣ того времени. Самъ Иннокентій былъ врагъ мистицизма, за что и пострадалъ, какъ извѣстно.

жія насладити не могутъ. Но всего суетнѣе и пагубнѣе то, что нѣкоторые изъ вѣрныхъ сыновъ царствія почиваютъ на западныхъ и новѣйшихъ словесникахъ и витіяхъ, а водъ благодатнаго ученія въ св. Златоустѣ Іоаннѣ, Василіѣ великомъ, Григоріѣ богословѣ и прочихъ св. отцахъ и учителяхъ Церкви не хотятъ и видѣть, будто они не нужны для людей нынѣшнихъ. Ужели Массильонъ, Боссюетъ, Бурдалу, Флешье болѣе и лучше заключаютъ въ себѣ живыхъ водъ, чѣмъ студенецъ, истекшій изъ устъ св. Златоуста и иныхъ отцевъ Церкви и богомудрыхъ учителей?“ [1]) О значеніи этого воззрѣнія для проповѣдничества Филарета мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Что-же касается до постоянной дружественности отношеній между Филаретомъ и Иннокентіемъ, условливавшей это значеніе, то въ пользу ея достаточно будетъ указать на письма Филарета къ роднымъ своимъ [2]), къ епископу Лаврентію, викарію Московскому [3]), къ А. Н. Муравьеву [4]) и др., на воспоминанія его [5]), на сообщенія имѣвшаго близкое отношеніе къ Филарету біографа его Н. В. Сушкова [6]) и др. Свѣдѣнія, здѣсь заключающіяся, относятся впрочемъ или къ 1812—1814 или-же къ 1818—1819 годамъ, оставляя пробѣлъ за годы 1815—1817, весьма важные для характеристики отношеній двухъ близкихъ другъ къ другу ректоровъ академіи (Филарета) и семинаріи (Иннокентія), съ 1813 г. и вмѣстѣ сослуживцевъ и сотрудниковъ за все время 1812—1819 гг., какъ профессора (Филарета) и баккалавра (Иннокентія) богословскихъ наукъ въ академіи. Тѣмъ болѣе важно наполнить означенный пробѣлъ, что долгое время существовало во многихъ, весьма близкихъ къ обоимъ свѣтильникамъ русской Церкви, лицахъ убѣжденіе о серьезной размолвкѣ между ними за разсматриваемый нами періодъ. Намъ

---

1) См. у *Филарета* Черниг. во 2 ч. Обзора рус. дух. литер., стр. 203—204.

2) Стр. 157, 163, 186—187, 191. Письма 1812—1814 гг.

3) „Чт. въ об. люб. дух. просв.“ за 1869 г. кн. VI, стр. 52—53 матеріаловъ для біографіи Филарета. Письма 1819 г.

4) Письма къ А. Н. Муравьеву относятся къ позднѣйшему времени. Въ нихъ вспоминаются отношенія 1818—1819 гг.

5) „Прав. Обозр.“ за 1868 г. т. 26, стр. 515—523. Отношенія 1812, 1813 и 1818—1819 годовъ.

6) Стр. 108—111. Отношенія 1818—1819 гг., при чемъ или по опечаткѣ или по ошибкѣ вмѣсто года 1818 поставленъ 1815 годъ.

нѣтъ нужды, да и не мѣсто здѣсь подробно доказывать несправедливость такого убѣжденія, которую сознавалъ всегда и самъ великій святитель Московскій и которая ясно доказывается вышеприведенными документальными данными. Въ видахъ дальнѣйшей критической оцѣнки проповѣднической дѣятельности Филарета, намъ хотѣлось бы однакоже установить непрерывность добрыхъ отношеній между имъ и Иннокентіемъ, а отсюда—ихъ взаимовліянія и за 1815—1817 годы. Для пополненія этого пробѣла могло-бы служить на пользу уже то одно обстоятельство, что церковная исторія Иннокентія, служащая, какъ извѣстно, продолженіемъ церковно-библейской исторіи Филарета, какъ общій ихъ ученый трудъ по академіи, вышла изъ печати подъ общимъ-же ихъ наблюденіемъ въ 1817 году, тогда какъ начало ихъ общей-же редакціонной работы надъ этимъ трудомъ восходитъ къ 1815 году. Такъ напримѣръ уже въ концѣ этого 1815 года Филаретъ не даромъ пишетъ своему родителю: „къ библейской корректурѣ мною держимой присоединилась корректура церковной исторіи, которую, какова ни есть, я долженъ былъ представить въ печать“ [1]). Но мы для той же цѣли имѣемъ и болѣе ясныя данныя за тоже время, именно въ рукописныхъ и печатныхъ автобіографическихъ запискахъ уже извѣстнаго намъ Фотія (Петра) Спасскаго, который за все время 1814—1819 гг. былъ въ Петербургѣ и былъ близокъ къ тому и другому: къ Филарету и Иннокентію. Петръ Спасскій, при первомъ-же прибытіи своемъ въ Петербургъ, для обученія въ академіи, въ августѣ 1814 года, встрѣтилъ Филарета у Иннокентія въ келліяхъ и засталъ „Иннокентія, угощающаго Филарета“. Затѣмъ, когда, предъ концемъ учебнаго 1814—1815 года Спасскій по болѣзни уѣхалъ на родину и по возвратѣ оттуда, въ августѣ 1815 года, снова въ Петербургъ рѣшилъ не учиться болѣе въ академіи, то „по его-же (Филарета) благоволенію [2]) благоволилъ ректоръ семинаріи Иннокентій принять его въ учителя къ училищу при семинаріи въ лаврѣ

---

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 201.

[2]) Такъ въ обоихъ рукописныхъ экземплярахъ „Записокъ“, хранящихся въ библіотекѣ Московской духовной академіи и изъ коихъ одинъ правленъ рукою самого Фотія. Въ печатномъ-же изданіи очевидно неправильно: „по его-же благословенію“.

Невской“. Въ 1816 году Петръ Спасскій въ качествѣ учителя училища составлялъ проповѣди и представлялъ ихъ къ Иннокентію, какъ цензору и покровителю своему. Иннокентій же показывалъ эти проповѣди м. Амвросію и Филарету, читалъ имъ обоимъ „въ слухъ самъ, и особенное благоволеніе за то принесъ ему отъ владыки и Филарета“. Въ 1817 г. Петръ Спасскій поступаетъ въ монашество съ именемъ Фотія. При постриженіи участвуютъ вмѣстѣ Филаретъ и Иннокентій, также какъ вмѣстѣ они совѣщаются у м. Амвросія и соглашаются о назначеніи Фотія въ законоучители кадетскаго корпуса. Въ 1818 г. продолжалось тоже единодушіе между Филаретомъ и Иннокентіемъ. Филаретъ заботливо предостерегалъ друга своего отъ общенія съ людьми, которые могли сдѣлать на него доносъ за его непреклонно-строгій образъ мыслей о направленіи умовъ лицъ, стоявшихъ во власти, которыя, наконецъ, и уловили таки его въ то время, когда Филарета не было въ Петербургѣ (онъ былъ на ревизіи академіи Московской и нѣкоторыхъ провинціальныхъ семинарій). Вообще Филаретъ и Иннокентій, по словамъ близко знавшаго ихъ обоихъ Фотія, какъ „сотоварищи и сослуживцы“, были очень дружны между собою. „Въ иное время,—говоритъ онъ,—былъ союзъ любви, повидимому, между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были, ближніе, искренніе, свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо Церкви. Всѣ такъ о нихъ думали“ [1]). Эти сообщенія Фотія тѣмъ болѣе важны, что онъ самъ-же допускалъ мысль, что въ 1818—1819 годахъ Филаретъ, изъ угожденія лицамъ власть имѣющимъ, содѣйствовалъ извѣстной опалѣ Иннокентія [2]), что, конечно, не справедливо, въ виду позднѣйшихъ разъясненій дѣла и современныхъ дѣлу отношеній самого Филарета къ Иннокентію.

Объ отношеніяхъ Филарета къ другимъ лицамъ за разсматриваемый періодъ мы не будемъ говорить какъ потому, что

[1]) См. рукопись, правленную самимъ Фотіемъ, часть I, л. 46; 54; 57; ч. II, л. 2; 6; 23; 25; срав. въ „Чтен. въ общ. люб. дух. просв.“ за 1868 г. кн. IV, стр. 105; 107; 109 и 111 матеріаловъ для біографіи Филарета. Срав. также *С. И. Миропольскаго*, біографію Фотія въ „Вѣстн. Европы“ за 1878 г. т. VI, стр. 38, 47 и друг.

[2]) См. цит. рукоп. ч. II, л. 37.

это безъ мѣры расширило-бы предѣлы настоящаго нашего обозрѣнія, такъ и потому, что эти отношенія менѣе важны для главной и ближайшей нашей цѣли. Теперь, въ заключеніе своего обозрѣнія круга дѣятельности и отношеній Филарета, мы кратко изложимъ внѣшнюю, такъ сказать, исторію его проповѣднической дѣятельности за время его ректорства. Мы уже упоминали такъ или иначе, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ о его проповѣдничествѣ за 1812—1813 годы. Переходимъ къ дальнѣйшей дѣятельности его, какъ проповѣдника. Въ 1814 году Филаретъ достигъ вершины своей славы проповѣднической. Препонъ его проповѣднической дѣятельности и славѣ не было: Ѳеофилакта въ Петербургѣ уже съ декабря 1813 года не было; положеніе Филарета, какъ ректора, было упрочено; его сила и вліяніе въ кругу разнообразныхъ отношеній должностныхъ и личныхъ были непреоборимы и т. д. и т. д. За одинъ этотъ 1814 годъ онъ произноситъ въ разныхъ храмахъ семь различныхъ проповѣдей, и именно: три проповѣди (о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ, 18 января; въ день сошествія св. Духа и на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы) въ Троицкой домовой церкви кн. Голицына; одну проповѣдь (въ день вѣнчанія на царство и св. мѵропомазанія Императора Александра Павловича, 15 сентября)—вѣроятно въ какомъ-либо соборѣ [1]); одну бесѣду изъ псалма 83 по освященіи храма Казанской иконы Божіей матери, устроеннаго въ домѣ графа В. П. Кочубея, 13 ноября; одну проповѣдь въ недѣлю XXIV по 50-ницѣ въ Александроневской лаврѣ и одну проповѣдь во второй день праздника Рождества Христова—въ придворной церкви, въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Но эта-то послѣдняя проповѣдь была нѣкоторымъ образомъ и причиною поворота славы Филарета, какъ проповѣдника, въ Петербургѣ, съ того времени,—была причиною того, что голосъ проповѣди Филарета съ тѣхъ поръ уже не слышался въ дворцовыхъ церквахъ, да и вообще сталъ менѣе слышенъ. Вотъ какъ разсказываетъ о впечатлѣніи этой проповѣди и ея послѣдствіяхъ

[1]) Ни въ изданіяхъ проповѣдей Филарета, ни въ письмахъ его мы не находимъ обозначенія мѣста произнесенія этой проповѣди.

біографъ Филарета Н. В. Сушковъ: „въ 1814 г. сказалъ онъ, въ присутствіи Императрицы Маріи Θеодоровны и членовъ изъ царской семьи. сильное и строгое слово о любви къ міру. Въ немъ проведена во всѣхъ примѣненіяхъ къ жизни мысль Екклесіаста и его возглашеніе: *суета суетствій, всяческая суета* легло клеймомъ на все, даже и добрыя, повидимому, дѣла въ мірѣ... Кто изъ придворныхъ слушателей новаго Екклесіаста (проповѣдника) рѣшился-бы сказать въ глубинѣ своей совѣсти, что онъ исполненъ мудрости Соломоновой и нѣтъ въ немъ любви къ міру?... *Жестоко есть слово сіе! кто можетъ его послушати* (Іоан. VI, 60). Императрица смутилась жестокостію проповѣди, достойной древнихъ аскетовъ-учителей,—и съ той поры не слышался болѣе голосъ молодаго обличителя любви къ міру въ дворцовомъ храмѣ. Да онъ и не способенъ быть придворнымъ проповѣдникомъ. Недоброжелатели и завистники его радовались; друзья и почитатели печалились" [1]). Самъ Филаретъ какъ-бы несколько упалъ духомъ. Въ слѣдующемъ 1815 году онъ уже произноситъ только одну проповѣдь, именно въ Великій Пятокъ, и при томъ въ скромномъ убѣжищѣ своемъ, въ Александро-Невской лаврѣ; въ 1816 г.—двѣ; въ 1817 г.—три; въ 1818 г.—одну; а въ 1819 г.—ни одной. Кромѣ того съ 1814 года ни у князя Голицына, ни у графа Кочубея—у вельможей и близкихъ другъ къ другу за то время и весьма близкихъ ко двору, въ ихъ домовыхъ церквахъ, Филаретъ не произноситъ уже ни одной проповѣди. Наконецъ, и въ самыхъ наградахъ Филарету съ 1814 года мы замѣчаемъ значительную перемѣну. Между тѣмъ какъ въ 1811 и 1813 году онъ награждается, между прочимъ, „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія" или „за назидательныя и краснорѣчивыя поученія", а въ началѣ 1812 года даже и его отецъ награждается необычайно „въ знакъ особеннаго монаршаго благоволенія къ его сыну, толико ознаменовавшему себя на поприщѣ проповѣданія слова Божія", съ 1814 года награды Филарету идутъ при рескриптахъ весьма лестныхъ, но ни слова не говорящихъ о проповѣднической дѣятельности награждаемаго. Такъ было, напримѣръ, въ 1816

[1]) Стр. 106—107.

году, при награжденіи Филарета панагіею и въ 1818 году, при награжденіи орденомъ св. Анны 1-й степени [1]). Впрочемъ самыя эти награды и повышенія Филарета показывали, что значеніе его вообще отнюдь не умалялось, а наоборотъ усиливалось. Князь Голицынъ, пріобрѣтавшій въ то время все болѣе и болѣе силы при дворѣ, въ сущности не только не уменьшалъ своего расположенія къ Филарету и уваженія къ его талантамъ и дѣятельности, а напротивъ все большимъ и большимъ расположеніемъ и уваженіемъ исполнялся къ нему, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Филаретъ (съ 1814 года) сталъ обнаруживать все болѣе и болѣе усиленную дѣятельность по библейскому обществу, котораго президентомъ и главнѣйшимъ покровителемъ былъ Голицынъ. Сдѣлавшись въ 1817 году изъ простаго оберъ-прокурора Св. Сунода могущественнымъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ прежде всего Филарета поспѣшилъ сдѣлать членомъ главнаго правленія училищъ, и т. д. Да и въ проповѣдничествѣ собственно не такъ уже упало значеніе Филарета, какъ могло-бы казаться съ перваго раза. Если такіе царедворцы, какъ князь Голицынъ и графъ Кочубей, съ 1815 года не рѣшались приглашать Филарета въ свои домовыя церкви для проповѣдыванія, то другіе вельможи не находили нужнымъ опасаться голоса его проповѣди. Такъ, напримѣръ, іюня 30 дня 1816 года Филаретъ произноситъ проповѣдь на освященіе храма Воскресенія Христова при домѣ графа А. К. Разумовскаго; въ 1817 году, кромѣ рѣчи по освященіи храма св. праведной Елисаветы, устроеннаго при сиротскомъ училищѣ женскаго патріотическаго общества, покровительницею котораго была Императрица Марія Θеодоровна, произноситъ слово при погребеніи графа П. А Строганова, давняго своего знакомца; въ 1818 г. говоритъ въ Казанскомъ соборѣ слово предъ приведеніемъ къ присягѣ с.-петербургскаго дворянства и гражданъ для избранія судей. Затѣмъ, если въ дворцовыхъ церквахъ съ конца 1814 г. не раздавался голосъ проповѣди Филарета, то не лишала однакоже вниманія его проповѣди и царская фамилія. Такъ, при

[1]) См. послужной списокъ Филарета; текстъ рескриптовъ можно читать въ письмахъ его къ роднымъ (стр. 209; 230 и др.).

погребеніи графа Строганова въ 1817 году проповѣдь Филарета удостоили слушать: самъ Государь Императоръ и Великіе князья: цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ. Равнымъ образомъ и благоволеніе Государя къ Филарету оставалось неизмѣннымъ и даже все болѣе и болѣе увеличивалось, какъ то и выражаемо было въ лестныхъ рескриптахъ Государя неустанному дѣятелю на пользу Церкви и отечества, за время 1814—1819 годовъ. „Да и сама Императрица Марія Θеодоровна не утратила своего къ нему уваженія и продолжала по временамъ бесѣдовать съ нимъ искренно“ [1]). Самая сравнительно меньшая численность проповѣдей Филарета за 1815—1819 годы по отношенію къ 1814 и предшествующимъ годамъ отчасти объясняется осложненіемъ заботъ и круга дѣятельности Филарета съ 1815 года. Мы помнимъ, конечно, что главные его ученые труды начали появляться именно съ этого года въ печати: *Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной Церкви* въ 1815; *Начертаніе Церковно-библейской исторіи* и *Записки на книгу бытія* въ 1816 году; кромѣ того послѣдній трудъ—вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ въ 1819 году. За то-же время осложнились труды Филарета и по библейскому обществу, особенно съ 1816 года, когда, по волѣ Государя Императора, предпринятъ былъ переводъ Библіи на русскій языкъ, каковое дѣло ввѣрено было именно Филарету, какъ главному руководителю его. „Теперь большую заботу,—пишетъ самъ Филаретъ дѣду своему отъ 20 мая 1816 года,—дѣлаетъ предпринятое по Высочайшей волѣ изъяснительное преложеніе Новаго Завѣта на Россійское нарѣчіе“ [2]). Еще больше прибавилось Филарету хлопотъ и заботъ съ возведеніемъ его въ 1817 году въ санъ епископа-викарія, съ оставленіемъ при немъ всѣхъ прежнихъ должностей, какъ онъ и самъ это изъясняетъ въ письмѣ своемъ къ матери отъ 24 сентября 1817 года [3]). Самъ же онъ объясняетъ этимъ осложненіемъ заботъ и хлопотъ или, какъ онъ называетъ, „суетъ“ и малочисленность своихъ про-

[1]) *Сушковъ*, цит. соч., стр. 107.

[2]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 211.

[3]) Тамъ-же, стр. 218.

повѣдей за это время. Указывая, въ вышеприведенномъ письмѣ своемъ къ дѣду, на умноженіе заботъ, какъ на препятствіе къ частной перепискѣ съ нимъ, и посылая ему недавно напечатанную проповѣдь на Великій Пятокъ 1816 года, онъ добавляетъ: „видите, что и она уже одна въ годъ" [1]), также какъ и при посылкѣ родителю проповѣди на Великій Пятокъ 1815 г. не упускаетъ случая отмѣтить, что „сустамъ конца нѣтъ" [2]). Если-же и при этихъ сустахъ и заботахъ Филаретъ находилъ возможнымъ произносить въ иной годъ даже и не по одной проповѣди, то честь его, какъ проповѣдника, отнюдь не должна быть омрачаема въ виду мимолетнаго событія конца 1814 года. Какъ добрый пастырь, онъ помнилъ наставленіе св. Апостола: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 1—2). Но какъ пастырь подначальный въ епархіи, онъ могъ проповѣдывать только съ вѣдома и разрѣшенія епархіальнаго начальства. Пока митрополитомъ былъ Амвросій, голосъ проповѣди Филарета не умолкалъ, даже и съ 1815 года, и при всемъ осложненіи его хлопотъ и заботъ. Но когда на мѣсто Амвросія, благодѣтеля Филарета и некраснорѣчиваго витіи, въ 1818 году вступилъ въ управленіе Петербургскою митрополіею Михаилъ (Десницкій), великій проповѣдникъ своего времени и къ тому-же недовѣрчиво взиравшій на покровительствуемаго кн. Голицынымъ викарія своего Филарета, тогда удобно-ли было-бы послѣднему проповѣдывать въ Петербургѣ?— Проповѣдь, сказанная 20 января 1818 года въ Казанскомъ соборѣ въ то время, когда надъ старцемъ Амвросіемъ уже стряслась бѣда, низведшая его съ каѳедры митрополіи С.-Петербургской [3]), но когда еще не прибылъ въ Петербургъ преемникъ Амвросія—Михаилъ, была послѣднею проповѣдью Филарета въ Петербургѣ, хотя онъ прожилъ здѣсь не только весь 1818 и начало 1819 года, когда еще состоялъ викаріемъ Петербургскимъ, но и всю остальную часть 1819 и большую часть 1820 года, когда перемѣщенъ былъ на епархію Тверскую.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 211.

[2]) Тамъ-же, стр. 201.

[3]) См. объ этомъ въ Воспом. Филарета въ „Прав. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 519; въ „Рус. Вѣстн." за 1868 г. т. 74, стр. 512—513 и др.

Соответственно обширности и разнообразію круга дѣятельности и отношеній, въ который вступилъ Филаретъ со времени своего ректорства, и проповѣди его за это время, по предметамъ и содержанію своему, являются многообъемлющими и разнообразными. Между ними мы встрѣчаемъ проповѣди и истолковательнаго характера, и догматическаго, и правоучительнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, и церковно-обрядоваго, и церковно-гражданскаго, и историческаго и, наконецъ, смѣшаннаго характера. Такую многообъемлемость, такое разнообразіе содержанія и предметовъ проповѣди Филарета обусловливали, кромѣ должностныхъ и личныхъ отношеній и дѣятельности его, еще и особенныя событія того времени. „Къ постояннымъ случаямъ, всегда вызывающимъ проповѣдника на бесѣду, именно церковнымъ и отечественнымъ праздникамъ, въ началѣ текущаго столѣтія, присоединялись особливыя обстоятельства,—возбужденіе народнаго духа борьбою съ врагомъ сильнымъ и, до нашествія на Россію, побѣдоноснымъ, скорби и опасности этой борьбы и радость побѣды, за нею послѣдовавшей. Всѣ эти обстоятельства представляли нашему знаменитому витіи поводъ ко многимъ поученіямъ, сохраняющимъ свое высокое значеніе и послѣ того, когда миновались сіи обстоятельства“ [1]). А за всѣми этими обстоятельствами и событіями зорко слѣдилъ нашъ проповѣдникъ. Уже отъ 8 апрѣля 1811 года писалъ онъ родителю своему на запросъ его о Наполеонѣ: „De bellicoso мало можно сказать, а еще менѣе написать. Furit, lacessit, et dum audit querelas, tacet: ipsum autem silentium minax plerisque videtur. Belli jam parati et prope instantis rumores ad vos etiam pervenisse crediderim: quos tamen publica pacis species premit ac cohibet. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, по нѣкоторому распространившемуся слуху, стали было здѣсь дешевле нѣкоторые товары, какъ-то сахаръ и сукна: но слухъ опроверженъ чрезъ газеты, и дороговизна возобновилась“ [2]). И отъ 28 ноября того-же года: „здѣсь носятся съ одной стороны надежды мира, а съ другой слышанія браней“ [3]). Но

---

[1]) *Чистовича*, цит. соч. стр. 313.

[2]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 146—147.

[3]) Тамъ-же, стр. 155.

мѣрѣ приближенія грозныхъ событій отечественной войны 1812 года вниманіе Филарета къ этимъ событіямъ становится напряженнѣе, сознаніе долга истиннаго сына и служителя Церкви и отечества, равно какъ и долга воспитателя сыновъ Церкви и отечества — глубже и живѣе, слово объ этихъ событіяхъ и по поводу ихъ—опредѣленнѣе, энергичнѣе и возвышеннѣе. „О мирѣ съ Турціею,—пишетъ онъ родителю своему отъ 4 іюля 1812 года, - здѣсь знаютъ по письму Государя: только неизвѣстно еще о ратификаціи трактата.—Англійскіе купцы на сихъ дняхъ обнимались на биржѣ съ русскими.— Посылаю вамъ листокъ *приглашенія къ молитвѣ*. Хотя о семъ новыхъ распоряженій со стороны начальства нѣтъ: однако здѣсь, по примѣру преосвященнѣйшаго митрополита, во время литургіи бываетъ колѣнопреклоненіе.—Извѣстія о происходящемъ на нашихъ границахъ здѣсь печатаются очень часто. Въ послѣднемъ сказано, что наши войска находятся въ крѣпкомъ лагерѣ при Дриссѣ, по сю сторону Двины. Теперь ожидаютъ извѣстія о долженствующемъ быть сраженіи" [1]). Наконецъ, когда обрушились полчища Наполеона на Россію, когда онѣ наконецъ заняли и Москву—сердце Россіи, тогда многихъ и весьма многихъ изъ сыновъ Россіи объялъ ужасъ, страхъ за свою личную безопасность отъ нашествія многочисленнаго и непобѣдимаго доселѣ непріятеля. Безпокойство этого рода распространилось и на болѣе или менѣе отдаленные отъ Москвы пункты Россіи. Не свободенъ былъ отъ него и Петербургъ. „Въ сентябрѣ и здѣсь,—пишетъ Филаретъ своему родителю по открытіи почтоваго сообщенія Петербурга съ Москвою, отъ 12 ноября 1812 года,—принимаемы были нѣкоторыя мѣры осторожности; робкіе и праздные люди оставляли городъ" [2]). „Воспитанники одного изъ здѣшнихъ училищъ,—пишетъ онъ въ дополненіе къ тому отъ 2 декабря того-же года,—вывезены были водою, и, не достигнувъ мѣста своего назначенія, обмерзли въ судахъ" [3]). Но, конечно, не такъ относились къ исполненію своего священнаго долга, сре-

[1]) Тамъ-же, стр. 162—163.

[2]) Тамъ-же, стр. 164. Срав. „Исторію царствованія Александра I", т. 3, стр. 347

[3]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 166.

ди этихъ событій, истинные сыны Церкви и отечества, къ числу которыхъ въ полномъ смыслѣ слова принадлежалъ и Филаретъ. „Церкви и духовенство,—говоритъ о Петербургѣ за тоже время ректоръ мѣстной академіи,—были всѣхъ спокойнѣе“ [1]). „Малодушествовали,—продолжаетъ онъ, въ другомъ письмѣ къ родителю,—нѣсколько и наши воспитанники, однако мы, взявъ нѣкоторыя на случай несчастія предосторожности, остались на мѣстѣ. Ни одна книга наша не была въ походѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторые архивы странствовали, поѣдали деньги и сами погибали. Среди общаго безпокойства одинъ человѣкъ удивилъ меня своимъ великодушіемъ. Тогда какъ многіе оставляли свои домы, князь Александръ Николаевичъ [2]) устроилъ въ своемъ домѣ церковь. Она освящена мною въ первый день октября, въ присутствіи Святѣйшаго Сѵнода и блистательнаго собранія дворянства. Говоренную при семъ проповѣдь доставлю вамъ послѣ при случаѣ, Въ память сего случая имѣю я красивый золотой крестъ наперсный отъ усерднаго храмоздателя.—Храмъ Святаго Духа не великъ, но благолѣпенъ, и посѣщается не многими, но такими людьми, въ которыхъ съ почтеніемъ видѣть можно примѣры благочестія [3]). Я имѣлъ утѣшеніе нѣсколько разъ въ немъ священнодѣйствовать. Въ одинъ изъ таковыхъ случаевъ. когда меня убѣждали повторить проповѣдь, говоренную при освященіи храма, но я не могъ себя принудить къ тому, говорилъ я вмѣсто того бесѣду, которую при семъ прилагаю. Она щастлива тѣмъ, что въ 30 день прошедшаго мѣсяца [4]) я заставленъ былъ служить въ томъ же храмѣ и повторить ее предъ такимъ лицемъ, котораго никогда не могъ представлять моимъ слушателемъ“. И далѣе Филаретъ описываетъ выше изложенное впечатлѣніе своей проповѣди на это лице - Высочайшую особу [5]). Въ такомъ возвышенномъ настроеніи духа

---

[1]) Тамъ-же, стр. 164.

[2]) Голицынъ.

[3]) Одинъ изъ посѣтителей этого храма, уже знакомый намъ старецъ-поэтъ Г. Р. Державинъ воспѣлъ его особыми стихами, которые можно читать на стр. 125 1 части его сочиненій, изд. Штукина. Спб. 1845.

[4]) Письмо писано отъ 2 декабря 1812 года.

[5]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 166—167.

были, такъ дѣйствовали истинные сыны Церкви и отечества въ страшную для него годину испытанія.

Тѣ-же истинные сыны и представители Церкви и отечества, — едва только прошла первая гроза, — едва лишь удалился непріятель изъ разоренной имъ первопрестольной столицы Россійскаго государства — Москвы и разрушенныхъ имъ на пути шествія своего городовъ и селъ отечества, — первые протянули руку помощи пострадавшимъ. „Коммиссія духовныхъ училищъ, — пишетъ отъ 2 декабря 1812 года своему родителю Филаретъ,—поднесла Государю изъ суммъ, находящихся въ ея вѣдѣніи 3,500,000 на возстановленіе церквей и вспоможеніе духовенству. Для вспоможенія разореннымъ жителямъ составленъ здѣсь комитетъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ двора, подъ покровительствомъ Высокой особы [1]). Одинъ изъ членовъ—князь Александръ Николаевичъ. Я примѣтилъ. что у него сборъ идетъ успѣшно. П. М. [2]) подписалъ 2000, нѣкоторые архимандриты по 100“ [3]). Затѣмъ дальнѣйшія сообщенія Филарета о событіяхъ, служившихъ продолженіемъ и слѣдствіемъ отечественной войны 1812 года: „Новый годъ, —пишетъ онъ къ родителю отъ 4 января слѣдующаго 1813 года,—благополучно начали мы торжествомъ объ очищеніи предѣловъ отечества отъ враговъ. Литургія и молебенъ въ присутствіи Государынь Императрицъ и Высочайшей Фамиліи совершены въ Казанскомъ соборѣ. Я тамъ-же, бывши въ священнодѣйствіи, имѣлъ особенное удовольствіе видѣть, какъ общественная радость въ Высочайшихъ Особахъ преодолѣвала скорбь домашнюю [4]). Князь Смоленскій прислалъ въ здѣшній Казанскій соборъ сорокъ пудъ серебра для изваянія четырехъ Евангелистовъ, пріемля также на себя издержки работы, вмѣстѣ съ графомъ Платовымъ и донскимъ войскомъ. Вы говорите, что военныя обстоятельства теперь глухи: это потому, что вѣтеръ дуетъ нынѣ отъ насъ,

---

[1]) Именно подъ покровительствомъ вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны.

[2]) Т. е., преосвященный митрополитъ.

[3]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 167—168.

[4]) Въ декабрѣ 1812 года скончался супругъ одной изъ великихъ княженъ, любимой сестры Государя, Екатерины Павловны,—принцъ Георгій Ольденбургскій.

а не на насъ.—Сегодня отъ достовѣрнаго человѣка слышалъ я, что нашъ посланникъ въѣхалъ въ Лондонъ въ тотъ день, когда тамъ торжествовали наши побѣды подъ Краснымъ, и осыпанъ былъ ласками народа; что Витгенштейнъ принятъ въ Кенигсбергѣ также торжествомъ, столомъ, спектаклемъ, иллюминаціею и радостными криками народа *избавителямъ;* что вѣнскій театръ апплодировалъ и кричалъ *виватъ* императору Франциску, за отказъ во вспомогательныхъ новыхъ войскахъ, который онъ сдѣлалъ любезному своему зятю" [1]). И къ тому же письму своему Филаретъ приписываетъ отъ 5 января: „не смотря на праздники, я отдыхалъ мало: почему и къ вамъ не писалъ ранѣе. Можетъ быть скоро получите слово на Р. Хр., говоренное въ третій день сего праздника въ извѣстной вамъ домовой церкви [2]). Говорено въ третій день потому, что въ первый и второй писано" [3]). Спрашивается: могъ-ли человѣкъ, такъ живо относившійся къ событіямъ еще не законченной, но уже торжествовавшей свои побѣды отечественной войны, не коснуться ея тѣмъ или инымъ способомъ въ своихъ проповѣдяхъ, говоренныхъ въ продолженіе ея? Конечно нѣтъ. Этого мало. Мы помнимъ, конечно, что незадолго предъ тѣмъ, какъ онъ писалъ приведенныя сейчасъ строки своего патріотическаго письма, у него была не менѣе патріотическая бесѣда, въ домѣ также патріота А. Н. Оленина, *о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ французами 1812 года,* и что именно 5 января 1813 года Оленинъ писалъ къ нему извѣстное намъ письмо, упоминавшее объ этой (устной) бесѣдѣ, съ просьбою подвергнуть содержаніе ея письменному изложенію, для прочтенія въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова". Помнимъ, что Филаретъ, въ видѣ скромнаго отвѣтнаго письма на письмо Оленина, изложилъ цѣлое глубоко-патріотическое, достойное ученаго и вмѣстѣ краснорѣчиваго пастыря Церкви и любвеобильнаго сына отечества, „Разсужденіе" о томъ, о чемъ говорилъ въ бесѣдѣ съ Оленинымъ устно. Въ свое время (20 мая 1813 года) разсуж-

[1]) Т. е. Наполеону. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 169—170.

[2]) Т. е. кн. А. Н. Голицына.

[3]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 170.

деніе это и было-таки читано въ помянутой „Бесѣдѣ“. Не забыли мы также и того участія, какое Филаретъ принялъ въ осуществленіи великой мысли великаго государя—„создать въ Москвѣ храмъ Христу Спасителю въ память спасенія отечества отъ нечестиваго врага“ [1]). Эта мысль, которой вполнѣ осуществиться суждено было лишь въ наше время, и при томъ весьма недавно, заключающеюся въ ней идеею „величія“ храма обязана была Филарету и еще въ февралѣ 1813 года высказана была имъ, въ виду несовершенства тогдашнихъ плановъ для сего зданія [2]). 16 апрѣля того-же 1813 года скончался славнѣйшій герой отечественной войны, главнокомандующій россійскихъ войскъ, князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, успѣвъ совершить освобожденіе отечества отъ нечестиваго врага и покинувъ свѣтъ на пути побѣдоноснаго шествія съ побѣдоносными войсками къ освобожденію цѣлой Европы отъ того-же врага. Въ началѣ іюня бренные останки князя привезены были изъ-за-границы, а 13-го іюня, спустя годъ по вторженіи Наполеона въ Россію, въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ совершалось погребеніе знаменитаго вождя, сдѣлавшагося народнымъ героемъ. „Народъ, за двѣ версты отъ заставы, выпрягъ лошадей и повезъ на себѣ погребальную колесницу. Надъ гробомъ, во время отпѣванія, вмѣсто балдахина, развивались знамена двадцати народовъ, которыхъ полчища сокрушились о грудь Россіи. Великія князья [3]), вельможи, знатнѣйшіе сановники, тысячи гражданъ, не могшихъ помѣститься въ обширномъ храмѣ, присутствовали при отданіи послѣднихъ почестей защитнику отечества“ [4]). При этомъ торжественно-печальномъ обрядѣ проповѣдь была произнесена ректоромъ Петербургской духовной академіи Филаретомъ. Могла-ли она не коснуться заслугъ почившаго отечеству, почтить которыя собрались тысячи сыновъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 172.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Самъ государь былъ въ это время съ войсками за-границей. Онъ могъ удостоить (и удостоилъ) вдову покойнаго князя лишить рескриптомъ. При погребеніи-же его присутствовали великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ.

[4]) „Исторія царствованія Александра I“. т. 4, стр. 31.

отечества? И она дѣйствительно полна глубокихъ, истинно-патріотическихъ воспоминаній объ этихъ заслугахъ: вообще она — историческаго характера; она поднимаетъ завѣсу съ тайны многихъ событій отечественной войны; уясняетъ многія частныя, мало замѣтныя обстоятельства этой послѣдней, раскрывая ихъ истинное значеніе съ богословской точки зрѣнія и т. д. Да и могъ-ли быть равнодушнымъ къ событіямъ отечественной войны и связаннымъ съ нею тѣсно обстоятельствамъ начальникъ одного изъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній — архимандритъ, когда самъ Св. Сvнодъ и словомъ и дѣломъ (воззваніями, приношеніями и т. п.) принималъ въ нихъ живое участіе, — когда по всему широкому пространству земли Русской всѣ члены духовенства, начиная съ архіереевъ до церковно-служителей и сами были одушевлены и другихъ одушевляли тѣми-же патріотическими чувствами, какими полны были сердца всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи, начиная съ самого государя?— Конечно не могъ быть, и не былъ, какъ мы уже видили на вышеизложенномъ. Но и этого мало. Незабвеннымъ, вѣковѣчнымъ памятникомъ истинной, возвышенной любви Филарета къ своему отечеству за время отечественной войны, — памятникомъ возвышеннаго его понятія значенія ея служитъ составленное имъ въ 1814 году, по порученію Св. Сvнода и доселѣ совершаемое въ храмахъ въ день Рождества Христова послѣ литургіи, „молебное пѣніе объ избавленіи Церкви и державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ“ [1]). Нельзя безъ умиленія слышать особыхъ прошеній, присоединяемыхъ при этомъ къ великой и сугубой эктеніи, а особенно—молитвы въ концѣ молебнаго пѣнія. Нельзя безъ глубокаго удивленія къ духовной мудрости составителя „молебнаго пѣнія“ внимать избранной на этотъ случай пареміи изъ книги прор. Исаіи (гл. XIV), такъ полно и всестороние соотвѣтствующей обстоятельствамъ 1812 года и дальнѣйшихъ, по дивному, Богомъ предъуставленному преобразовательному соотношенію между предметомъ содержанія ея (На-

[1]) Срав. списокъ сочиненій Филарета въ VI кн. „Чтеній въ общ. люб. духовн просвѣщ“ за 1869 г. стр. 70 матеріаловъ для біографіи святителя.

вуходоносоромъ) и главнымъ виновникомъ событій отечественной войны 1812 и дальн. (Наполеономъ). Наконецъ, когда послѣ окончательнаго пораженія Наполеона союзными державами въ 1815 году, „благословенный изъ благословенныхъ", какъ назвалъ императора Александра I Филаретъ [1]), вторя голосу всего народа русскаго [2]), въ Парижѣ заключилъ съ государями Европы такъ называемый „Священный союзъ" [3]), Филаретъ писалъ своему родителю отъ 9 ноября этого 1815 года: „теперь здѣсь мысли наиболѣе заняты ожиданіемъ вожделѣннаго прибытія Государя. Думаю, не писалъ еще я къ вамъ, что онъ съ императоромъ Австрійскимъ и королемъ Прусскимъ заключили союзъ, которымъ они признаютъ Царемъ царей—Христа; самымъ спасительнымъ закономъ — законъ христіанскій; себя—приставниками Царя Христа у своихъ народовъ: свои народы—тремя отраслями одного христіанства и братьями, и къ сему приглашаютъ и прочихъ государей. Итакъ, наконецъ, *стали принадлежать царства міра Господу нашему и Христу Его,* какъ говоритъ оригинальный текстъ Апокалипсиса" [4]). Такъ завершался въ своихъ чертахъ величественный образъ отечественной войны, съ ея послѣдствіями не только для Россіи, но и для Европы, въ представленіи глубокаго мыслителя-архимандрита. Могъ-ли онъ, невольно ли то или преднамѣренно, не выражаться такъ или иначе и въ его проповѣди?

Но и не одна отечественная война, съ ея событіями, обстоятельствами и послѣдствіями обращала на себя зоркое вниманіе нашего проповѣдника. Во внутренней жизни Россіи того времени также совершались событія, происходили явленія, которыя не могли укрыться отъ этого вниманія, не могли быть чужды духу нашего проповѣдника и не могли не быть затро-

---

[1]) См. вышеприведенное письмо его къ родителю отъ 31 августа 1814 года когда Сѵнодомъ, Сенатомъ и пр. уже поднесенъ былъ титулъ „благословеннаго" императору Александру I.

[2]) См. о семъ въ 4 томѣ „Исторіи Царствов. Александра I", стр. 559.

[3]) См. тамъ-же, т 5, стр. 94—95.

[4]) Письма Филарета къ роднымъ. стр. 200. Филаретъ имѣетъ въ виду, конечно, слова Апок. 12, 10: *нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего, и область Христа Его.*

гиваемы такъ или иначе въ его проповѣдяхъ. Изъ нихъ въ своей настоящей исторической характеристикѣ мы обратимъ вниманіе лишь на главнѣйшія, именно на реформы Александрова царствованія и на мистическое движеніе за тоже царствованіе.

Съ самаго перваго момента вступленія своего на прародительскій престолъ великодушный императоръ Александръ Павловичъ задумалъ и предпринялъ осуществленіе многихъ благодѣтельныхъ преобразованій, отчасти или даже и въ большей своей части, хотя и не во всемъ соотвѣтственно его великодушнымъ намѣреніямъ, и совершившихся ко времени прибытія Филарета въ Петербургъ. Эти преобразованія коснулись различныхъ частей государственнаго и народнаго устройства и быта, именно: административной (учрежденіе министерствъ, государственнаго совѣта и проч.), законодательной (проектъ новаго уложенія и другія законодательныя реформы), народнаго просвѣщенія (коммиссія училищъ, главное училищъ правленіе и пр.) и т. д. Преобразованія касались, какъ мы видѣли выше, и духовнаго вѣдомства. Въ числѣ дѣятелей и сотрудниковъ государя при осуществленіи этихъ преобразованій были между прочими лица, болѣе или менѣе уже знакомыя намъ изъ предшествующаго, каковы: графы — Кочубей, Строгановъ, Завадовскій; М. М. Сперанскій и другіе. Подробную исторію этихъ преобразованій и участія въ нихъ сейчасъ помянутыхъ и другихъ дѣятелей можно читать у историковъ царствованія Александра I [1]). Мы только скажемъ, что Филаретъ далеко не былъ безучастенъ къ этимъ преобразованіямъ не только умомъ и чувствомъ своимъ, но также словомъ и дѣломъ. Мы помнимъ, конечно, его участіе въ дѣлахъ коммиссіи духовныхъ училищъ и главнаго училищъ правленія. А рѣчь его въ первомъ торжественномъ собраніи конференціи С.-Петербургской духовной академіи 13 августа 1814 года [2]), его различныя предположенія по учебно-административной, учебно-ученой и

---

[1]) См. напр. много разъ цитованную шеститомную „Исторію“ этого царствованія, составленную *М. Богдановичемъ.* Спб. 1869—1871.

[2]) Текстъ этой рѣчи можно читать въ цитов. соч. *И. А. Чистовича,* стран. 230—233.

другимъ частямъ, его конспекты наукъ [1]) и пр.—показываютъ ясно, какъ глубоко и широко самъ онъ понималъ задачи просвѣщенія не только духовнаго, но и вообще народнаго. Это-же глубокое и широкое пониманіе задачъ и дѣла истиннаго просвѣщенія отразилось и въ проповѣдяхъ Филарета, особенно-же въ словѣ „при отпѣваніи тѣла дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа П. В. Завадовскаго", до 1810 года бывшаго министромъ народнаго просвѣщенія. Глубокое и широкое пониманіе духа законовъ выразилось особенно въ проповѣди Филарета „предъ приведеніемъ къ присягѣ с.-петербургскаго дворянства и гражданъ для избранія судей", произнесенной 20 января 1818 года. Пониманіе другихъ сторонъ государственнаго устройства и реформъ того времени выразилось въ другихъ проповѣдяхъ нашего витіи, каковы, напримѣръ, проповѣди при отпѣваніи графовъ А. С. и П. А. Строгановыхъ, слово въ день торжественнаго вѣнчанія на царство и священнаго мѵропомазанія государя императора Александра Павловича, сказанное въ 1814 году и др.

Мистическое движеніе, получившее особенную силу во вторую половину царствованія Александра, именно въ періодъ ректорства Филарета и наибольшей силы его вліянія, настолько важно для характеристики проповѣднической дѣятельности послѣдняго, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько долѣе, нежели на реформахъ тогдашняго царствованія. Въ сущности движеніе это было не ново. Оно имѣло свой прецедентъ въ мистическомъ направленіи умовъ послѣдней половины XVIII вѣка. Масоны, мартинисты, Новиковъ съ его компаніею (Дружеское общество) и пр. уже были предвѣстниками этого движенія. Въ лучшемъ своемъ направленіи оно являлось, какъ сильная реакція французскому вольномыслію, породившему собой революцію 1789 года и проникшему въ образованные слои русскаго общества, благодаря тому сочувствію, которое сама Екатерина оказывала Вольтеру и философамъ-энциклопедистамъ, идеи которыхъ легли въ основу революціонныхъ началъ. Сторонниками этого движенія,—говоримъ опять, въ лучшемъ его направленіи,—были даже такія

[1]) См. тамъ-же, стр. 190—192; 222—224 и др.

личности, какъ митрополитъ Платонъ, митрополитъ Михаилъ и другіе. Характеристическою чертою его въ этомъ направленіи была благочестивая настроенность (піэтизмъ), вытекавшая изъ стремленія всю жизнь человѣка утвердить на началахъ, положенныхъ въ *откровеніи*, болѣе или менѣе независимо отъ установившихся благодаря *преданію* формъ жизни. Въ тѣсной связи съ этимъ стремленіемъ стояло другое,—стремленіе къ возможно большему *одухотворенію* того, что слишкомъ грубо матеріализировалось отрицательнымъ направленіемъ умовъ людей XVIII вѣка. Отсюда религія понималась какъ *внутреннее* взаимоотношеніе между Богомъ и человѣкомъ и болѣе именно только какъ внутреннее, а не внѣшнее, условливаемое и тѣлесною природою человѣка и исторіею самой религіи. Само собою понятно, что менѣе разумныя головы или же люди съ задними цѣлями придавали мистическому движенію другой видъ, нерѣдко непривлекательный съ точки зрѣнія общественной нравственности и безопасности. Правительство уже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, поэтому, стало относиться къ мистическому движенію не только не благосклонно, а и враждебно. Извѣстно, что Новиковъ, Радищевъ и другіе были въ опалѣ, не говоря о масонскихъ ложахъ и т. п. Время Павла, въ этомъ отношеніи, было продолженіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины. Административныя же и другія репрессіи царствованія Павла, стѣсняя свободу вообще, тѣмъ менѣе, конечно, способствовали свободному развитію мистическаго движенія, особенно въ виду ужасовъ французской революціи. И при всемъ томъ однакоже какъ духъ, породившій собою французскую революцію, не умиралъ въ Россіи отъ этихъ репрессій, такъ и мистическое движеніе не прекращалось. Библіотеки лучшихъ, образованнѣйшихъ людей того времени, занимавшихъ нерѣдко болѣе или менѣе важныя государственныя должности, были полны книгами французскихъ писателей XVIII вѣка, съ ничтожнымъ въ сравненіи съ ними процентомъ книгъ нѣмецкихъ, англійскихъ, а тѣмъ паче русскихъ [1]). Масонскія ложи и другія тайныя общества

[1]) См. напр. Воспоминанія Бутенева о Салтыковской библіотекѣ, въ „Русс. Архивѣ“ за 1881 г. кн. III, стр. 33.

продолжали существовать и при Павлѣ [1]). Что же сказать о времени, послѣдовавшемъ за кончиною Павла?—Александръ Павловичъ вступилъ на престолъ съ твердымъ, ясно выраженнымъ намѣреніемъ воскресить въ своемъ правленіи духъ Екатерины, разумѣя, конечно, не духъ послѣднихъ годовъ ея царствованія, а тотъ духъ, который оживлялъ ея правленіе въ лучшіе, блестящіе годы ея царствованія. Воспитанный Лагарпомъ въ чувствѣ полнаго уваженія къ свободѣ, благородный и великодушный, онъ не могъ выносить стѣсненія ея въ какомъ бы то ни было видѣ. И масонамъ, и мартинистамъ, и вообще мистическому движенію дана была полная свобода. Въ числѣ братьевъ-масоновъ находились: цесаревичъ Константинъ Павловичъ и много почетныхъ и извѣстныхъ лицъ, какъ напримѣръ графъ Ланжеронъ, генералъ-адъютанты: Бенкендорфъ, Бороздинъ и многіе другіе [2]). Новиковъ и Радищевъ пользовались теперь полною свободою и если сами, благодаря прежней ссылкѣ и пребыванію въ крѣпости [3]), не могли уже съ прежнею энергіею работать въ пользу мистическаго движенія, то ученики ихъ продолжали ихъ дѣло. Знакомый уже намъ А. Ѳ. Лабзинъ въ 1806 году предпринялъ даже изданіе мистическаго журнала „Сіонскій Вѣстникъ". на этомъ впрочемъ годѣ и покончившаго на время свое существованіе, по независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ [4]). Но и кромѣ того Лабзинымъ много сдѣлано было въ пользу мистицизма. Онъ перевелъ многія сочиненія Эккартсгаузена, Штиллинга и другихъ. Не мало работалъ въ пользу мистицизма и другой дѣятель времени царствованія Александра Павловича, И. В. Лопухинъ. И это мистическое движеніе, въ своемъ лучшемъ направленіи, главнымъ представителемъ котораго является теперь помянутый сейчасъ Лабзинъ, не только не презиралось или обѣгалось лучшею частію русскаго обще-

---

[1]) См. „Ист. царств. Александра I", т. VI, стр. 404.

[2]) Тамъ же, стр. 404—405.

[3]) См. Письма Карамзина къ Дмитріеву съ примѣчаніями Я. Грота и Пекарскаго, стр. 035. Спб. 1866.

[4]) Такъ объясняетъ причину прекращенія журнала самъ издатель. Предполагаютъ, что препятствіемъ къ продолженію изданія была цензура.

ства, а и наоборотъ съ живымъ сочувствіемъ принималось, и при томъ не среди одного дворянства, но и среди духовенства. Такъ изъ 93 экземпляровъ „Сіонскаго Вѣстника“ за первые мѣсяцы 1806 года цѣлыхъ 33 разобраны были духовенствомъ и въ числѣ лицъ послѣдняго сіяли имена, знакомыя намъ: митрополита Амвросія, архіепископа Михаила, епископа Θеофилакта (Русанова) и другихъ [1]). Но время царствованія Александра вплоть до 1811 года было временемъ кипучей дѣятельности по осуществленію предначертанныхъ въ началѣ царствованія реформъ, за каковымъ осуществленіемъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдили всѣ болѣе или менѣе образованные слои общества, а многіе, весьма многіе изъ лицъ этихъ слоевъ даже и дѣятельно участвовали въ самомъ осуществленіи преобразованій. Таковымъ слоямъ и лицамъ было, какъ говорится, не до мистическаго движенія, равно также какъ, разумѣется, и императору, и сферамъ прямо правительственнымъ. Къ тому же и на западѣ совершались вплоть до 1812 года событія, которыя волей-неволей привлекали къ участію въ себѣ и Россію, заинтересовали такъ или иначе, въ большей или меньшей мѣрѣ, всѣ означенные слои, сферы и лица, начиная съ благороднаго, великодушнаго и преданнаго истиннымъ пользамъ Россіи монарха ея. „Войнолюбивый“ (bellicosus, какъ выражался Филаретъ) [2]) Наполеонъ не по днямъ, а по часамъ усиливался, утверждалъ свое могущество, сокрушалъ противниковъ этого могущества, неудержимо стремился ко всемірному преобладанію, тѣмъ или инымъ способомъ давая понять о таковомъ стремленіи и Россіи. Если до 1807 года, т.-е. до Тильзитскаго мира, Россія еще не была чувствительно унижаема Наполеономъ, имѣла смѣлость даже не признавать присвоеннаго имъ себѣ съ 1805 года титула императорскаго, то съ 1807 года и она дипломатически унизилась до раболѣпства Наполеону, съ того времени признанному ею императоромъ, и до самаго 1812 года, т. е. до формальнаго разрыва съ нимъ, была въ этомъ жалостномъ и вмѣстѣ крайне напряженномъ положеніи:

[1]) См. *Безсонова*, А. Θ. Лабзинъ. Въ „Рус. Архивѣ“ за 1866 г., стр. 833.

[2]) Мы уже приводили это выраженіе раньше изъ письма его къ родителю, въ 811 году писаннаго.

ибо народная гордость не могла выносить такого положенія [1]). До мистическаго-ли движенія было тутъ, хотя оно и продолжалось свободно, хотя главный представитель его А. Ѳ. Лабзинъ,—въ то время конференцъ-секретарь академіи художествъ, былъ чтимъ и орденами и чинами? [2]) Но вотъ, наконецъ, наступила и война 1812 года, съ послѣдовавшими за ней съ политическою необходимостію войнами 1813 — 1815 годовъ. Однимъ изъ многихъ и важнѣйшихъ послѣдствій ея было, если угодно, возрожденіе, а лучше сказать, непомѣрное усиленіе существовавшаго уже прежде мистическаго движенія. Самъ императоръ Александръ явился теперь первымъ и сильнѣйшимъ покровителемъ этого движенія. Ему, конечно, или вполнѣ искренно, какъ князь А. Н. Голицынъ, или только наружно вторили царедворцы и высшее общество. Войны 1812 — 1815 годовъ съ разныхъ сторонъ условливали собою возбужденіе и усиленіе мистическаго движенія въ Россіи среди высшаго общества и болѣе или менѣе образованныхъ и развитыхъ людей вообще (народная масса чужда была этого движенія: нѣсколько иначе смотрѣла она и на событія войнъ 1812 — 1815 годовъ). Во-первыхъ, онѣ ясно являли всѣмъ пути Промысла Божія, бодрствующаго надъ оскорбляемою невинностію и карающаго нечестиваго оскорбителя, насильно вторгшагося въ землю, ему не принадлежащую, для того, чтобы безжалостною рукою пролить столько крови, нанести столько бѣдствій мирнымъ обитателямъ ея и по трупамъ ихъ пройти до престола добраго, любимаго царя русскаго единственно лишь въ удовлетвореніе своему ненасытному властолюбію, своей гордынѣ, послѣ (многихъ) уже подобныхъ опытовъ въ Европѣ. Не представлялся-ли Наполеонъ чѣмъ-то въ родѣ упоминаемаго въ Библіи „антихриста“, и наоборотъ Александръ не являлся-ли, предназначеннымъ отъ самого Бога къ сокрушенію силы этого „антихриста“, избавителемъ? Такъ и дѣйствительно

---

[1]) Срав. для сего выше цитованныя „Воспоминанія Бутенева“ въ „Русск. Архивѣ“; „Исторію царствованія Александра I“, т. I—III и др.

[2]) Въ 1804 г. Лабзинъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1811 году орденъ св. Владиміра 3 степени и т. д. См. цит. статью *Безсонова* и 128. ,хсъ в ,усьР,Ѣ,А.р за 1866 г. стр. 823 и 835.

смотрѣли на Александра его современники, какъ и онъ самъ, нагляднымъ доказательствомъ чего служитъ упомянутый нами выше завершительный актъ войнъ 1812—1815 годовъ, извѣстный подъ именемъ „Священнаго союза". Сближеніе-же Александра съ извѣстною восторженно-благочестивою баронессою Крюденеръ еще болѣе развивало, усиливало и утверждало въ немъ этотъ взглядъ [1]). Во-вторыхъ тѣ-же войны, чрезъ сближеніе посредствомъ ихъ съ много болѣе образованными сосѣдними народами западной Европы, показали для Александра и Россіи, какъ несовершенны и нерѣдко даже въ сущности вредны, если не по цѣли (всегда благой), то по возможнымъ послѣдствіямъ своимъ, тѣ начинанія преобразовательныя, которыми наполнена была вся первая половина его царствованія,— какъ мало было подготовки и въ прежнемъ внутреннемъ строѣ Россіи и въ государственныхъ людяхъ новаго царствованія къ настоящимъ, серьезнымъ, по истинѣ благодѣтельнымъ реформамъ. Въ душѣ великаго, мудраго и благодушнѣйшаго монарха могло оставаться одно лишь горькое и глубокое разочарованіе въ прежнихъ начинаніяхъ, а отсюда, — при стараніяхъ поддержать лишь существующій государственный строй, безъ всякаго движенія впередъ, — сознаніе ничтожества силъ человѣческихъ для совершенія чего-бы то ни было истинно великаго, глубокое смиреніе и стремленіе къ самоуглубленію, къ сосредоточенію себя въ области морали и религіи, какъ области самой сродной пробудившемуся духу смиренія. Чтеніе-же такихъ книгъ, какъ книги, изданныя Лабзинымъ, еще болѣе усиливало такое настроеніе въ императорѣ. Тонъ настроенія императора передавался, какъ само собою понятно, и окружавшимъ его. А уже этого одного, не говоря о другихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ событій 1812—1815 годовъ, было достаточно для подъема силы мистическаго движенія. *Внутреннее* единеніе человѣка съ Богомъ, *внутреннее* возрожденіе человѣка, *внутреннее* хожденіе его путями религіи

---

[1]) Срав. объ этомъ въ не разъ цитованной „Исторіи царствованія Александра I и Россіи въ его время", т. V, стр. 59, особенно-же стр. 94, гдѣ самая мысль о заключеніи „Священнаго союза" не безъ основанія приписывается вліянію г-жи Крюденеръ.

и нравственности и т. п. являются теперь, какъ оффиціально признанные за лучшіе пути спасенія: самые термины эти дѣлаются ходячими въ высшемъ обществѣ. Мы помнимъ, что съ 1814 года Филаретъ получаетъ Высочайшіе рескрипты съ такимъ уже тономъ, выраженіе какого прежде не замѣчалось. Мы здѣсь встрѣчаемъ, напримѣръ, такія выраженія, какъ: „надѣюсь, что питомцы, призванные на служеніе Церкви, научатся отъ васъ ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ, и просвѣтятся *внутренно* истиннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія" [1]); или: „повелѣваю носить панагію, присовокупляя къ тому мои желанія, да силою Христа Спасителя, преуспѣваете утверждать въ сердцахъ учениковъ вашихъ любовь къ Нему практическимъ исполненіемъ ученія Евангельскаго" [2]). А рескрипты эти, конечно, не самъ-же императоръ составлялъ. Мистическая литература повсюду не только читается съ увлеченіемъ, но и предпочитается всякой другой литературѣ. Въ самой духовной академіи, ректоромъ которой былъ Филаретъ, студенты съ восторгомъ и увлеченіемъ и безъ всякаго препятствія со стороны начальства и инспекціи читаютъ сочиненія Эккартсгаузена, „Шиллинга треклятаго", по выраженію нашего знакомца Фотія (Спасскаго) [3]), и др. Плодовитѣйшій писатель и издатель мистической литературы А. Ѳ. Лабзинъ въ концѣ 1816 года награждается орденомъ св. Владиміра 2 степени (со звѣздою) именно „за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ." [4]). Ему съ 1817 года вновь разрѣшается, съ пособіемъ отъ правительства, издавать „Сіонскій Вѣстникъ"; и теперь подписчиковъ на этотъ журналъ является изумительно великое число, да не только въ Петербургѣ, но и во всѣхъ концахъ Россіи. Въ числѣ подписчиковъ являются и члены императорской фамиліи, и высшіе сановники, и высшее духовенство (ме-

---

[1]) Рескриптъ отъ 27 августа 1814 года. См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 190.

[2]) Рескриптъ отъ 8 апрѣля 1816 года. См. тамъ-же, стр. 209.

[3]) См. правленную имъ самимъ рукопись его автобіографическихъ „Записокъ", хран. въ библіот. Московской духов. акад. ч. 1, л. 48—50; 55 об : 59 и др. Срав. цит. статью *С. И. Миропольскаго* въ „Вѣстн. Европы" за 1878 г. т. VI, стр. 35 и дал. 98 и дал.

[4]) См. цит. статью *Бессонова* въ „Русск. Архивѣ" за 1866 г. стр. 833.

жду прочими и Филаретъ) и т. д. [1]). Одинъ изъ крѣпкихъ, особенно съ 1812 года, приверженцевъ мистицизма между сановниками, извѣстный намъ князь А. Н. Голицынъ въ 1817 году назначается на торжественную, но вмѣстѣ и странную для нашего времени должность министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, каковою двойною должностію имѣлось въ виду провести шире и глубже въ жизнь народа начала мистическаго движенія [2]). Въ то-же время это движеніе, не только въ благовидныхъ, но и въ рѣзкихъ, крайне странныхъ и неблаговидныхъ формахъ своихъ открыто поощряется. Радѣнія Татариновой безпрепятственно совершаются въ Михайловскомъ дворцѣ; такія-же или подобныя другія собранія посѣщаются лицами не только высшаго круга, но и царской фамиліи, и т. д. Все это остается въ полной силѣ до самаго конца петербургскаго періода проповѣднической дѣятельности Филарета. Спрашивается: какое было отношеніе нашего проповѣдника къ разсматриваемому теперь нами движенію, т. е. мистическому? Мы изъ предшествующаго знаемъ уже, какъ близокъ былъ Филаретъ къ кн. Голицыну и ко всѣмъ тѣмъ, которые близки были къ послѣднему по одинаковости образа мыслей, между прочимъ и къ Лабзину. Но мы знаемъ также, какъ близокъ онъ былъ и съ человѣкомъ, который прослылъ мученикомъ за свое мужественное противоборство мистицизму во всѣхъ его формахъ, именно съ знакомымъ уже намъ Иннокентіемъ (Смирновымъ), который съ 1813 и до 1819 года былъ цензоромъ духовныхъ книгъ и почти все это время съ глубокою скорбію взиралъ на ложное направленіе духа петербургскаго общества, не рѣдко скрѣпя сердце подписывалъ къ выпуску въ печать книги мистическаго содержанія, пока наконецъ не вытерпѣлъ и не вы-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 833—834. Срав. письма Карамзина къ Дмитріеву, цит. изд. стр. 212.

[2]) Чтобы видѣть и образъ мыслей кн. Голицына и задачу его дѣятельности въ этой двойной должности (или даже тройной, ибо онъ завѣдывалъ также и почтовымъ вѣдомствомъ), для сего достаточно прочитать уже давно опубликованное „предложеніе" его коммиссіи духовныхъ училищъ отъ 6 января 1819 года по поводу пропущенной цензурою (вышеупомянутымъ Иннокентіемъ) извѣстной книги *Станевича:* „Бесѣда на гробѣ младенца". См. въ „Прав. Обозр." за 1868 г., т 26 стр. 540—541.

пустилъ въ свѣтъ книги (Станевича), совершенно ниспровергавшей основныя воззрѣнія мистицизма и не поплатился за это почетнымъ изгнаніемъ изъ Петербурга въ 1819 году. Если о послѣднемъ, т. е. Иннокентіи, по всей справедливости говорили, какъ и должно было говорить, что это былъ человѣкъ истинно благочестивый, истинный, горячій ревнитель вѣры и Церкви: то не безъ основанія-же и о кн. Голицынѣ Филаретъ говорилъ: „онъ истинный ревнитель вѣры и Церкви“ [1]) Вся сущность дѣла въ томъ, что мистическое движеніе того времени, особенно въ лучшемъ его направленіи и въ лучшихъ болѣе глубоко просвѣщенныхъ представителяхъ и сторонникахъ его, каковыми были Лабзинъ, Сперанскій, Голицынъ и др., далеко не представляло въ себѣ столько дурныхъ, сколько хорошихъ сторонъ. Это внутреннее самоуглубленіе и затѣмъ самоиспытаніе, какъ предуготовленіе къ возрожденію благодатію Христа, къ воспріятію и ношенію въ себѣ Христа, къ „внутреннему просвѣщенію себя истиннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія“, самое поученіе въ законѣ Господнемъ и въ Евангеліи, по возможности независимо отъ установленныхъ человѣческимъ преданіемъ правилъ вѣры и жизни и пр.—вовсе не было и не является чѣмъ-либо непохвальнымъ. Тогдашніе болѣе развитые умственно и нравственно люди тѣмъ болѣе считали себя вправѣ находить для себя въ этомъ исходъ, что въ господствующей церкви того времени преобладалъ „холодный формализмъ“ [2]). И такое живое и жизненное отношеніе къ вопросамъ религіи и нравственности, какое встрѣчалось въ лучшихъ представителяхъ и сторонникахъ мистицизма, по истинѣ нужно было поощрять, а отнюдь не подавлять: оно могло быть и было дѣйствительно сильнымъ противовѣсомъ съ одной стороны отрицательно-матеріалистическому направленію умовъ, порожденному французскимъ вольномысліемъ XVIII вѣка, а съ другой—помянутому формализму. Но съ другой стороны оно

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 154. Не забудемъ, что черезъ нѣсколько строкъ послѣ этихъ словъ о лицахъ, составлявшихъ общество графини Строгановой, тотъ-же Филаретъ съ ироніей говоритъ: „почти весь вечеръ говорили—о духовныхъ матеріяхъ! Какая проповѣдь за проповѣдь!“

[2]) См. цит. статью *С. И. Миропольскаго* въ „Вѣст. Европы“, стр. 16.

имѣло и положительные, благіе плоды. „Сосредоточиваясь на внутреннемъ возрожденіи человѣка, мистическое направленіе выдвинуло на первый планъ въ общественномъ сознаніи *интересы религіозно-нравственные.* Обращая сознаніе общества къ нравственно-практическимъ интересамъ жизни, оно содѣйствовало пробужденію въ обществѣ *филантропической и просвѣтительной иниціативы*, послѣдствіемъ чего явилось учрежденіе школъ и благотворительныхъ учрежденій. Опираясь въ своихъ началахъ на Библію, мистическое направленіе, посредствомъ библейскихъ обществъ, содѣйствовало *распространенію* Св. Писанія въ народныхъ массахъ, возбудило мысль о *переводѣ св. книгъ* на современный языкъ и даже сдѣлало первый опытъ такого перевода. Возводя всѣ религіи христіанскія къ единству общей ихъ нравственной основы, мистицизмъ содѣйствовалъ усвоенію нашимъ обществомъ идеи *вѣротерпимости* и вообще болѣе снисходительному взгляду на христіанскія вѣроисповѣданія и секты“. Правда, тоже мистическое движеніе породило и другіе плоды, противоположные тѣмъ благимъ плодамъ или, по крайней мѣрѣ, худшіе ихъ. „Субъективно-религіозное воодушевленіе, не сдерживаемое ничѣмъ, часто переходило въ экзальтацію, въ ханжество, въ лицемѣріе, породило грубый тѣлесный экстазъ и выродилось въ сектантское изувѣрство (хлыстовщина и т. п.) Опираясь на чувство и усвоивая главную роль въ религіозномъ возрожденіи созерцанію, мистицизмъ ослаблялъ значеніе и роль сознанія и разума въ дѣлѣ вѣры и нравственности. Сосредоточивая интересы общества на благочестивыхъ упражненіяхъ и мистическихъ созерцаніяхъ, мистицизмъ отвлекалъ сознаніе общества отъ насущныхъ интересовъ жизни, отъ правильнаго ея благоустройства“ [1]). Наконецъ, возводя основы религіи и нравственности къ одному источнику—Библіи, мистическое движеніе значительно ослабляло силу и важность другаго источника—церковнаго преданія. Впрочемъ, къ чести лучшихъ представителей и сторонниковъ этого движенія за разсматриваемое время должно сказать, что сами они не только не страдали этими недостатками и крайностями мистическаго направленія, а и всемѣрно ста-

[1]) Тамъ-же, стр. 20—21

рались другимъ показать и словомъ и примѣромъ необходимость избѣгать этихъ недостатковъ и крайностей и быть въ союзѣ съ Церковію православною, греко-россійскою. Такъ поступали: Сперанскій [1]), Голицынъ [2]), Лабзинъ [3]) и другіе. Такъ дѣйствовалъ и самъ императоръ [4]). Зачѣмъ же было чуждаться этихъ людей и охуждать направленіе ихъ образа мыслей и дѣйствій Филарету? Сами противники мистицизма и, между прочими, Иннокентій только позднѣе, именно съ 1816—1817 года, начали сознавать дурныя стороны мистическаго движенія своего времени; но къ сожалѣнію, возставая противъ крайностей этого движенія, они клеймили позоромъ и все это движеніе въ цѣломъ его направленіи, безъ строгаго разбора. Не такъ считалъ нужнымъ, по зрѣломъ обсужденіи дѣла и глубокомъ усмотрѣніи и разсмотрѣніи его, поступать и дѣйствительно поступалъ Филаретъ. Пока онъ былъ въ Петербургѣ, онъ даже всевозможно удерживалъ друга своего Иннокентія отъ слишкомъ рѣзкихъ нападокъ на тогдашній мистицизмъ, иначе—отъ „ревности не по разуму". Самъ обладая зоркимъ, орлинымъ взглядомъ, „тонкимъ взоромъ", какъ выражался о немъ Фотій, ученикъ его, потомъ на него же сильно возставшій, и именно за мистицизмъ и проч.,—Филаретъ отъ всего сердца желалъ удержать благочестиваго, далеко не глупаго, пожалуй ученаго, но отнюдь не дальновиднаго и еще менѣе опытнаго друга своего отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ мистическаго направленія, еще не успѣвшаго достаточно принести тѣхъ благихъ плодовъ, какихъ отъ него можно было ожидать и какіе оно дѣйствительно могло принести, а отчасти и принесло уже. Такіе противники мистицизма, какъ „малоумный", по собственному признанію, Фотій [5]),

---

[1]) См. Тамъ-же, стр. 19—20.

[2]) Срав. вышеприведенныя строки писемъ Филарета о кн. Голицынѣ

[3]) См. Воспоминанія М. А. Дмитріева о Лабзинѣ, въ „Русск. Архивѣ" за 1866 г. стр. 841, 845 и дал.

[4]) Срав. въ особенности именной указъ его о духоборцахъ Херсонской губерніи, отъ 9 декабря 1816 года, въ полномъ собр. закон. т. XXXIII; срав стр 323—324 тома V цит. выше „Исторіи царств. Александра I".

[5]) См. цит. рукопись „Записокъ" Фотія, ч. II, л. 16 об. Срав. цит. статью *С. П. Миропольскаго,* въ „Вѣст. Евр." за 1878 г. т. VI, стр. 43

*

не заслуживали вниманія Филарета съ этой стороны. Но едва только Филаретъ выѣхалъ изъ Петербурга (въ 1818 году), какъ Иннокентій и попалъ въ извѣстную намъ бѣду съ своею ревностію. Какая была дальнѣйшая судьба мистицизма, объ этомъ рѣчь впереди. А теперь спрашиваемъ: неужели Филаретъ лучше бы поступилъ, еслибъ примкнулъ къ партіи противниковъ мистическаго, движенія,--движенія, повторяемъ, въ лучшемъ его направленіи? Но съ другой стороны, вполнѣ-ли Филаретъ былъ солидаренъ и съ представителями мистическаго движенія? Что онъ былъ сторонникомъ этого движенія въ лучшемъ его направленіи, въ томъ мы не желаемъ болѣе оставлять въ сомнѣніи нашихъ читателей. Посмотримъ однакоже, какъ онъ выражается по этому случаю тамъ, гдѣ допускать неискренность или быть двуличнымъ ему рѣшительно было не нужно и, по сознанію нравственнаго долга, не слѣдовало. Мы разумѣемъ его письма къ роднымъ.

Мы помнимъ, какъ онъ утѣшалъ младшаго брата своего вскорѣ послѣ смерти отца, именно въ письмѣ отъ 28 марта 1816 года. Не забыли мы, конечно, и письмо къ тому-же брату отъ 6 марта 1818 года. Но всего болѣе въ настоящемъ случаѣ важно письмо Филарета, писанное вскорѣ послѣ сего къ одному изъ зятьевъ, именно отъ 12 апрѣля того-же 1818 года: „на вопросъ о книгахъ скажу апостольское слово: *имамы извѣстнѣйшее пророческое—и Апостольское—слово, ему-же внимающе добрѣ творите... дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ* (2 Петр. I, 19): а когда сіе послѣдуетъ, тогда при семъ свѣтѣ будетъ видно и то, какая книга писана Христовымъ духомъ, и какая антихристовымъ. Совѣтую болѣе и болѣе читать и познавать Св. Писаніе, а по немъ св. Отцевъ, а изъ нашихъ особенно могу одобрить для васъ Тихона Воронежскаго: въ этой, хотя не глубокой, рѣкѣ есть золотой песокъ“ [1]). Вотъ какъ думалъ и училъ другихъ думать о разсматриваемомъ предметѣ Филаретъ. Не иныя мысли возвѣщаетъ намъ и проповѣдь его. То, въ недостаткѣ

---

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 225. Сравн. также письмо его къ N N отъ 24 ноября 1852 года на стр. 100–101 матеріаловъ для біографіи его въ IV кн. „Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1868 г.

чего обвинялъ современную проповѣдь и чего желалъ отъ истинной проповѣди другъ Филарета и сотрудникъ его Иннокентій, по нашему крайнему разумѣнію, въ полной и потребной мѣрѣ является въ проповѣди Филарета, само собою разумѣется тамъ, гдѣ это было нужно. Даже въ проповѣди, произнесенной въ 1814 году, слѣдовательно когда усиленіе мистическаго движенія было въ Петербургѣ уже въ большомъ ходу,—притомъ въ проповѣди, произнесенной въ домовой церкви горячаго приверженца мистицизма, кн. А. Н. Голицына,—наконецъ въ проповѣди, произнесенной въ день сошествія Св. Духа, слѣдовательно въ проповѣди, которая ближе всего могла-бы обнаруживать собственное пристрастіе проповѣдника къ мистицизму,—даже въ этой, говоримъ, проповѣди Филаретъ вполнѣ твердо стоитъ на высотѣ долга истиннаго пастыря и истиннаго проповѣдника. Въ этой проповѣди, которая самою темою своею (о томъ, при какихъ условіяхъ возможно для насъ исполненіе Духомъ, въ виду взятаго въ основаніе ея текста: *исполняйтеся Духомъ,* Еф. V, 18) должна была-бы вызывать симпатіи проповѣдника къ мистическому движенію его времени, онъ не только остается вполнѣ православнымъ при раскрытіи темы, но и не упускаетъ случая воззвать къ источнику, который такъ нерѣдко забывали даже такіе представители и сторонники мистическаго движенія, какъ Платонъ, не говоря о Лабзинѣ и др. Онъ смѣло взываетъ къ ученію св. Церкви вообще (пѣсни церковныя) и въ частности къ ученію св. Іоанна Златоустаго. И тѣмъ болѣе цѣнна эта смѣлость, что примѣчаніе, въ которомъ цитуются и пѣснь церковная и слова св. Іоанна Златоустаго въ разсматриваемой проповѣди, является именно въ самомъ первомъ (1814 г.) изданіи этой проповѣди, тогда какъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ (1820, 1821, 1844, 1848) оно выброшено самимъ-же проповѣдникомъ [1]). Еще болѣе тотъ-же (въ числѣ другихъ основной) элементъ проповѣди, въ недостаткѣ котораго упрекалъ Иннокентій современную ему проповѣдь, т. е., свято-отеческій и церковный, является въ другихъ проповѣдяхъ Филарета, какъ напримѣръ, въ словѣ на Рождество Христово, произнесенномъ

[1]) Сравн. сочиненія Филарета изд. 1873—1882 гг. т. I, стр. 71, примѣч. 11.

въ 1812 году и опять въ домовой церкви кн. А. Н. Голицына, гдѣ онъ дѣлаетъ выдержку изъ сочиненія Тертуліана противъ Маркіона [1]); въ словѣ на Великій Пятокъ, сказанномъ въ 1816 году, гдѣ Филаретъ приводитъ слово св. Игнатія Богоносца [2]) и др.

Мы указали на историческую подкладку, которая условливала собою проповѣдническую дѣятельность Филарета въ десятилѣтней (1809—1819) періодъ служенія его Церкви и отечеству въ Петербургѣ, и которая такъ или иначе, въ большей или меньшей степени и мѣрѣ, вліяла на характеръ его проповѣди. Но это—болѣе внѣшняя, такъ сказать, основа проповѣдничества Филарета, внѣшняя исторія его проповѣднической дѣятельности и проповѣди. А мы должны коснуться и внутренняго саморазвитія его проповѣдническаго таланта, показать условія этого саморазвитія, самый ростъ этого таланта подъ вліяніемъ таковыхъ условій, наконецъ объемъ и способъ его обнаруженія,—все это въ большей или меньшей степени на основаніи, добытыхъ уже доселѣ нами, историческихъ данныхъ. И прежде всего, мы называемъ раскрытіе проповѣдническаго таланта Филарета въ петербургскій періодъ его дѣятельности *саморазвитіемъ* потому, что въ Петербургѣ этому таланту приходилось развиваться именно и главнымъ образомъ самому,—не столько съ помощію учителей и учебныхъ книгъ, сколько силою собственнаго генія проповѣдника. Въ Троице-Сергіевской лаврѣ для Филарета (тогда Василія Михайловича Дроздова) въ его проповѣдничествѣ былъ живой великій учитель—митрополитъ Платонъ, отеческія наставленія котораго всегда могли быть и дѣйствительно были къ услугамъ юнаго, только что начинавшаго проповѣдника. Въ Петербургѣ—иное дѣло. Не говоря о томъ, что Сѣверная Пальмира—не то, что скромное убѣжище тишины и смиренія—Сергіева лавра,—тамъ предъявлялись проповѣднику несравнимо болѣе строгія требованія, нежели здѣсь, —не говоря объ этомъ, повторяемъ,—въ Петербургѣ для Филарета уже не было Платона. Болѣе или менѣе искренно-отечески относившійся къ нему митрополитъ Амвросій далеко не

[1]) Тамъ-же, стр. 187.
[2]) Тамъ-же, стр. 94.

былъ Платономъ, хотя и былъ другомъ послѣдняго. Онъ самъ былъ далеко не блистательный проповѣдникъ [1]). Другіе, старѣйшіе Филарета и ближайшее къ нему имѣвшіе отношеніе, современные ему проповѣдники, по разнымъ причинамъ, также мало могли имѣть для него значенія и уже во всякомъ случаѣ не были для него тѣмъ, чѣмъ былъ Платонъ. Таковы изъ живщихъ съ 1809 по 1819 годъ въ Петербургѣ: а) Ириней (Клементьевскій), архіепископъ Псковскій, жившій въ Петербургѣ по званію члена Св. Сѵнода и даже скончавшійся въ Александро-Невской лаврѣ въ 1818 году. Не говоря о томъ, что онъ былъ вообще болѣе ученый богословъ, нежели проповѣдникъ, что какъ проповѣдникъ собственно онъ былъ уже для Филарета устарѣлый (послѣ 1794 года неизвѣстно, говорилъ ли онъ даже и проповѣди-то), что въ Петербургѣ онъ даже и совсѣмъ отсталъ отъ проповѣди [2]), — не говоря обо всемъ этомъ, онъ не былъ даже и близокъ къ Филарету. б) Другой членъ Св. Сѵнода, со времени введенія новаго устава 1808 г. въ дѣйствіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, большею частію пребывавшій здѣсь, именно Меѳодій (Смирновъ), архіепископъ Тверскій, а съ 1814 года Псковскій, скончавшійся въ 1815 году, съ одной стороны, подобно Иринею, былъ болѣе ученый богословъ, нежели блестящій проповѣдникъ, а съ другой стороны и въ проповѣдничествѣ отличался такими особенностями, такою своеобразностію, что далеко не во всемъ могъ быть и дѣйствительно не былъ не только учителемъ, а и примѣромъ проповѣди для Филарета [3]). Для петербургскаго, собственно, общества слушателей проповѣди Филарета, своеобразный, иногда угловатый тонъ проповѣди Меѳодія не годился. Больше, повидимому, могъ имѣть значенія для Филарета, какъ учитель въ дѣлѣ проповѣдничества—в) съ 1808 года почти безвыѣздно жившій въ Петербургѣ и славившійся, какъ отвѣчавшій живой современности, проповѣдникъ, третій членъ Сѵнода, такъ хорошо знакомый намъ, архіепи-

---

[1]) Отзывъ о немъ, какъ проповѣдникѣ. см. у *Филарета* Черниг. во 2 части его „Обзора русск. дух. литературы", стр. 198—199. Черниговъ. 1863.

[2]) См. о немъ тамъ-же, стр. 199—200.

[3]) См. о немъ тамъ-же, стр. 190—193.

скопъ Рязанскій Өеофилактъ (Русановъ). Мы знаемъ, какое близкое онъ имѣлъ отношеніе къ петербургской духовной академіи въ то время, когда Филаретъ былъ въ ней бакалавромъ и только что началъ проявлять здѣсь свой проповѣднический талантъ, и затѣмъ когда тотъ-же Филаретъ сдѣланъ былъ ректоромъ, до самаго конца 1813 года. Мы знаемъ, что кромѣ пріобрѣтенной уже и ранѣе славы проповѣдника [1]), Өеофилактъ не прекращалъ проповѣдывать и въ Петербургѣ довольно долгое время. Извѣстно также и то, какое живое участіе принималъ онъ, и какъ профессоръ академіи, въ образованіи проповѣдническихъ дарованій среди студентовъ ея. Въ 1811 г. 9 сентября онъ сдѣлалъ такое предложеніе коммиссіи духовныхъ училищъ: „поелику по классу словесныхъ наукъ пройдены уже всѣ теоретическія отдѣленія и студенты, при изученіи правилъ ораторскихъ, преимущественно занимаемы будутъ сочиненіемъ проповѣдей: то не благоугодно-ли будетъ коммиссіи духовныхъ учрежденій, кромѣ Александро-Невской лавры, назначить нѣсколько здѣшнихъ градскихъ церквей, въ коихъ бываетъ большое стеченіе слушателей, дабы студенты въ воскресные и праздничные дни могли показать опыты своего знанія. Назначеніе церквей полезно-бы распредѣлить такъ, чтобъ каждый студентъ, въ теченіе года, могъ сказать, по крайней мѣрѣ, три проповѣди". Коммиссія, утвердивъ это предположеніе, предоставила назначеніе церквей для сей цѣли усмотрѣнію члена ея, м. Амвросія, а цензуру проповѣдей, назначаемыхъ для произнесенія въ церкви, возложила на академическаго ректора. По окончаніи перваго курса, лучшія изъ этихъ проповѣдей, по предложенію м. Амвросія, были напечатаны [2]). Наконецъ, не безъ основанія и самъ Филаретъ въ томъ-же 1811 году писалъ о Өеофилактѣ своему родителю, какъ о „знаменитомъ святителѣ и благодѣтелѣ" своемъ [3]). Но увы!—все это главнымъ образомъ и въ большей своей части было именно только „повидимому", какъ мы сказали. Какимъ

---

[1]) Проповѣди Өеофилакта вышли первымъ изданіемъ въ 1806, а вторымъ, умноженнымъ—въ 1809 году.

[2]) См. *П. А. Чистовича.* „Ист. Петерб. дух. акад." стр. 206—207.

[3]) „Письма Филарета къ роднымъ", стр. 149. Письмо писано было 1 іюня.

онъ оказался благодѣтелемъ Филарету, мы хорошо о томъ знаемъ изъ раньше описаннаго. А какъ онъ самъ относился къ проповѣди и какъ ставилъ это дѣло въ академіи, облагодѣтельствованной его личнымъ участіемъ въ просвѣщеніи юношества, объ этомъ пусть говорятъ „Воспоминанія" самого Филарета. „Ѳеофилактъ старался привлекать къ себѣ публику въ Петербургѣ,—говорятъ эти Воспоминанія,—своими проповѣдями, которыя отличались странными особенностями: напримѣръ онъ въ проповѣди говоритъ о картинахъ, на которыхъ изображалась Божія Матерь, любилъ дѣлать намеки на современность. Въ проповѣди на миръ, помнится, съ Швеціею, приведши слова изъ Іереміи: *мудрый да не хвалится мудростію своею* (9, 23) и проч., дѣлалъ намеки на наши неудачи [1]), разсуждалъ въ проповѣдяхъ о политикѣ". Вотъ каковъ былъ характеръ проповѣдничества Ѳеофилакта и какъ смотрѣлъ на его проповѣдь Филаретъ. А вотъ какъ онъ велъ дѣло образованія проповѣдническихъ дарованій по своему классу въ академіи, по „Воспоминаніямъ" того-же Филарета. Когда ректоръ Сергій хотѣлъ было требовать отъ студентовъ, чтобы они по этому классу написали проповѣдь, то Леонидъ, по внушенію Ѳеофилакта, объявилъ ректору: пусть напередъ читаетъ ихъ онъ, ректоръ, потомъ будетъ читать Леонидъ, наконецъ—Ѳеофилактъ. Ректоръ объявилъ, что онъ этого не допуститъ; прежде всѣхъ долженъ читать ихъ наставникъ для цензированія съ литературной стороны, потомъ ректоръ—съ богословской стороны, а дальше, если хочетъ, Ѳеофилактъ. Но на это не согласились: и оттого цѣлые два года студенты не писали проповѣдей" [2]). Еще менѣе могъ ожидать Филаретъ совѣтовъ и наставленій отъ другихъ старѣйшихъ его и ближайшихъ къ нему по петербургской его дѣятельности духов-

---

[1]) Хотя миръ съ Швеціею былъ заключенъ въ 1809 году (въ сентябрѣ), однако эта проповѣдь не вошла въ извѣстное уже намъ собраніе проповѣдей Ѳеофилакта изд. 1809 г. О мирѣ съ Швеціею и о томъ, какъ встрѣченъ онъ былъ петербургскимъ обществомъ, см. на стр. 433 тома II цит. выше „Исторіи царствованія Александра I".

[2]) См. „Правосл. Обозр." за 1868 г. т. 26, стр. 515—516. Срав. слова отвѣтнаго письма Филарета на адресъ С.-Петербургской дух. академіи по случаю его юбилея въ 1867 г., приведенныя здѣсь-же (стр. 516) подъ строкою.

ныхъ лицъ, въ дѣлѣ развитіи своей проповѣднической дѣятельности. Временно засѣдавшіе въ Сѵнодѣ іерархи не могли имѣть для него такого значенія уже по самой кратковременности пребыванія ихъ въ Петербургѣ. Остальные постоянно присутствовавшіе въ Сѵнодѣ члены, каковы протопресвитеры: духовникъ Его Величества П. В. Криницкій и оберъ-священникъ П. С. Державинъ сами не были сильны въ проповѣдничествѣ. Ректоры академіи: Евграфъ Музалевскій и Сергій Крыловъ, отчасти по той-же причинѣ, какъ и сейчасъ упомянутыя лица, а отчасти по той причинѣ, что имъ самимъ, какъ говорится, было не до того, чтобы наставлять Филарета въ проповѣдничествѣ. Да къ тому-же они оба были изъ Троицкой семинаріи, а потому хорошо знали, каковъ былъ самъ Филаретъ, какъ проповѣдникъ, и во мнѣніи м. Платона, и въ дѣйствительности. Тоже самое отчасти должно сказать и объ извѣстномъ намъ сотрудникѣ Филарета съ 1812 года—Иннокентіи Смирновѣ, также бывшемъ и служившемъ раньше сего въ Троицкой Лаврской семинаріи. Но онъ, кромѣ того, былъ и нѣсколько моложе Филарета (на два года), и если имѣлъ нѣкоторое значеніе въ развитіи проповѣдническаго таланта Филарета, то болѣе косвенное, а не прямое, положительное, каковаго онъ не могъ имѣть уже потому одному, что поздно для сего пріѣхалъ въ Петербургъ. Проповѣдническій талантъ Филарета уже раскрылся къ этому времени здѣсь, и дальнѣйшее вліяніе Иннокентія на Филарета вообще и въ частности на его проповѣдь было болѣе нравственное, какъ друга, имѣвшаго свои взгляды на предметы и жизнь вообще, и на проповѣдь въ особенности. Въ этомъ отношеніи его проповѣди (конечно произнесенныя въ Петербургѣ) важны для сравненія съ проповѣдями Филарета, что̀ мы и сдѣлаемъ въ свое время. Изъ числа другихъ проповѣдниковъ того времени особенно славившіеся: Амвросій (Протасовъ), съ 1801 года епископъ Тульскій, а съ 1816 года архіепископъ Казанскій; извѣстный уже намъ Августинъ (Виноградскій), архіепископъ Московскій (скончался 1818 года); также отчасти извѣстный намъ Михаилъ (Десницкій), съ 1802 г. архіепископъ Черниговскій, а съ 1818 года митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, и другіе могли

имѣть значенія для развитія проповѣдническаго таланта Филарета столько-же, сколько и вообще не *живое* наставленіе, какимъ было наставленіе Платона, а научное изученіе по нихъ проповѣднической письменности, подобно тому, какъ въ Троицкой Лаврской семинаріи — изученіе проповѣдей Анастасія Братановскаго и какъ теперь—изученіе тѣхъ-же и другихъ проповѣдей (напр. Массильона, Бурдалу и проч.), равно какъ и изученіе теоріи проповѣди по учебнымъ и другимъ руководствамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ проповѣдей современныхъ Филарету проповѣдниковъ имѣли свои неотъемлемыя высокія достоинства, многія были даже образцовыя; но всѣ эти проповѣдники имѣли и свои особенности,— не говоря о нѣкоторыхъ недостаткахъ, которыя далеко не всѣ могъ усвоить себѣ духъ нашего проповѣдника Филарета и которыя тѣмъ менѣе подходили къ складу и характеру его собственнаго проповѣдническаго таланта [1]). Посмотримъ - же теперь, не больше-ли могли принести пользы развитію сего таланта тѣ учебныя книги, руководства и пособія по проповѣднической части, какія могли быть и дѣйствительно были въ рукахъ Филарета за разсматриваемое время. Первымъ и главнымъ руководствомъ для него въ этомъ отношеніи, кромѣ иностранныхъ руководствъ Буддея [2]), Теллера [3]) и др., было конечно изданное еще въ 1804 году отъ Св. Синода и затѣмъ долго бывшее классическою книгою въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ „Руководство къ церковному краснорѣчію, съ примѣрами изъ Священнаго Писанія, святыхъ Отецъ и славнѣйшихъ ораторовъ христіанскихъ". Но эта книга уже потому одному, что представляетъ собою „переводъ съ иностраннаго", немного могла принести пользы развитію проповѣдническаго таланта нашего отечественнаго проповѣдника.

---

[1]) Напримѣръ особенности проповѣдничества Августина мы могли отчасти видѣть изъ вышеприведенныхъ писемъ къ нему Филарета.

[2]) Buddei Institutiones theologiae homileticae. См. у *Чистовича*, цит. соч. стр. 190.

[3]) Telleri Institutions theologiae homileticae. См. у *Чистовича*, тамъ-же. См. также у самого *Филарета* въ его „Обозрѣніи богословскихъ наукъ" и пр. на стр. 69 матеріаловъ для исторіи русской Церкви въ „Чтеніяхъ общ. люб. д. пр." за 1872 годъ.

А если мы ближе всмотримся въ содержаніе ея, то увидимъ, что она далеко не исчерпываетъ того, что необходимо для полнаго образованія проповѣдника и для всесторонняго развитія таланта проповѣдническаго. Это скорѣе руководство для церковнаго оратора, витіи, ритора, нежели для проповѣдника въ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова. Еще менѣе могли принести истинной пользы Филарету въ разсматриваемомъ отношеніи рекомендуемыя въ томъ-же „Руководствѣ" многія другія, исключительно иностранныя или переведенныя съ иностраннаго пособія, которыя при томъ также почти всѣ имѣютъ въ виду именно ораторство, а не проповѣдничество [1]). Много болѣе могла принести ему пользы уже издавна, съ Троицкой Лаврской семинаріи, знакомая ему „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ" [2]), о которой онъ самъ съ большою похвалою отзывается и рекомендуетъ въ необходимое руководство для готовящихся къ пастырскому служенію въ своемъ „Обозрѣніи богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ" [3]). Но эта книга: а) не спеціально для проповѣдническаго образованія составлена и только между прочимъ заключаетъ въ себѣ наставленія и для проповѣдника и б) не для времени Филарета составлена, хотя въ общихъ, для проповѣдниковъ всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ, правилахъ является и превосходнымъ руководствомъ. Она не отвѣчала на многія изъ требованій отъ проповѣдника за время петербургскаго служенія Филарета О другихъ руководствахъ и пособіяхъ нечего и говорить. Такимъ образомъ, какъ мы выше замѣтили, проповѣдническому таланту Филарета въ Петербургѣ приходилось развиваться главнымъ образомъ самому, силою собственнаго генія проповѣдника, конечно съ помощію какъ всего выше изложеннаго, такъ и другихъ образовательныхъ средствъ, о которыхъ рѣчь дальше.

Итакъ какимъ-же путемъ шло это развитіе или, какъ мы на-

---

1) Это перечисленіе и рекомендація ихъ обнимаетъ собою стран. 382—387 помянутаго „Руководства" по изд. 1804 г.

2) См. 4-е кіевское изд. 1801 г. и таковое-же московское 1806 г. Срав. журн. „Вѣра и Разумъ" 1884 г., № 3 отд. церк.

3) См. стр. 67 въ цит. изд.

звали, саморазвитіе проповѣдническаго таланта Филарета въ Петербургѣ?

Самый проповѣдническій талантъ есть даръ Божій, не всякому въ равной мѣрѣ удѣляемый; но проповѣдничество есть уже священная обязанность всякаго пастыря Церкви, независимо отъ того, сколь богатый, обильный или менѣе богатый, менѣе обильный, даже, можетъ быть, скудный даръ удѣленъ ему отъ Бога: *аще благовѣствую, нѣсть ми похвала: нужда бо ми належитъ: горе-же мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16), долженъ мыслить, вмѣстѣ съ св. Апостоломъ, всякій пастырь Церкви. И такъ какъ нужно-же знать проповѣднику, что и какъ проповѣдывать, кому и когда что и какъ проповѣдывать и прочее, то ясно, что помянутое развитіе или саморазвитіе дара проповѣдническаго, каковъ-бы онъ ни былъ, необходимо. Что у Филарета именно былъ выдающійся талантъ проповѣдническій, это намъ хорошо извѣстно уже изъ раньше обслѣдованнаго періода его служебной и проповѣднической дѣятельности въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Но тамъ были требованія отъ него, какъ проповѣдника, одни, а здѣсь, въ Петербургѣ – другія. Тамъ онъ былъ Василій Михайловичъ Дроздовъ, свѣтскій учитель и проповѣдникъ, а здѣсь онъ священно-инокъ Филаретъ — бакалавръ, инспекторъ и ректоръ трехъ духовно-учебныхъ заведеній, сперва іеродіаконъ, вскорѣ іеромонахъ, затѣмъ архимандритъ и, наконецъ, епископъ. Тамъ была школа его проповѣдничества, а здѣсь уже скорѣе поле проповѣднической дѣятельности. Тамъ школа предуготовительная, а здѣсь высшая, совершительная. Тамъ были одни слушатели, здѣсь—другіе и т. д. Словомъ, Филарету въ Петербургѣ не мало предстояло работы надъ развитіемъ и образованіемъ своего проповѣдническаго таланта. Условія для этого развитія были съ одной стороны тѣ же, а съ другой и не тѣ-же; также и способы этого развитія. Вообще-же какъ условія, такъ и способы развитія проповѣдническаго таланта Филарета теперь были много сложнѣе и обильнѣе прежнихъ, отношеніе къ нимъ Филарета серьезнѣе, многостороннѣе; отсюда и результаты саморазвитія плодотворнѣе, выше и совершеннѣе. Въ Петербургѣ собственно выработался изъ Филарета образ-

цовый проповѣдникъ не только для того, но и для послѣдующаго и для нашего времени. Далеко не безъинтересно поэтому прослѣдить тѣ пути, какими онъ при этомъ шелъ и достигъ такого совершенства. На первомъ планѣ, при саморазвитіи Филарета въ дѣлѣ проповѣдничества, должно было у него быть, сообразно вышесказанному, сознаніе своего долга — проповѣдывать Слово Божіе. Не смотря на то, что во весь петербургскій періодъ своей дѣятельности онъ былъ человѣкъ подначальный болѣе или менѣе, что главная отвѣтственность пастырства лежала на архипастырѣ м. Амвросіи (а затѣмъ Михаилѣ), онъ однакоже хорошо сознавалъ, что онъ есть уже не міряninъ В. М. Дроздовъ, а тоже—пастырь, облеченный, вмѣстѣ съ священнымъ саномъ, и священнымъ правомъ, даже обязанностію проповѣдывать Слово Божіе *благовременнѣ и безвременнѣ.* Поэтому-то, при всей своей глубокой и всегдашней скромности, Филаретъ никогда не отказывается, и по назначенію начальства и по просьбамъ жаждущихъ слова истины, сказать это слово, въ видѣ-ли проповѣди, бесѣды и под., или въ видѣ разсужденія (каково напр. „Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ успѣховъ русскихъ въ войнѣ 1812 года“), или-же просто въ видѣ добраго слова, мнѣнія и под., въ храмѣ-ли то, или внѣ храма, при богослуженіи ли то, или во внѣбогослужебное время. Онъ глубоко сознавалъ, что хотя онъ есть и „гнилое“, какъ, по скромности, звалъ самъ себя [1]), однако все-таки-же—„орудіе“ Промысла Божія, предназначенное для служенія пользамъ Церкви и отечества. Онъ сознавалъ, что поставленъ быть учителемъ, каковъ-бы ни былъ онъ самъ по себѣ, какъ учитель, и потому долженъ учить требующихъ ученія и что долгъ учительства, по заповѣди Спасителя апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ* и пр. (Матѳ. 28, 19), стоялъ для него, какъ облеченнаго въ священный санъ, на первомъ планѣ [2]). Онъ сознавалъ, что, какъ отецъ духовный, отецъ Филаретъ, онъ не даромъ по-

[1]) См. цитов. выше письмо его къ родителю въ „Письмахъ къ роднымъ“, стр. 194. Нерѣдко онъ называетъ себя также „недостойнымъ“. См. напр. здѣсь-же во многихъ мѣстахъ.

[2]) Срав. „Книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, стр. 12 кіевскаго 4 изданія 1804 года.

ситъ это почтенное имя и что у него теперь есть уже духовныя чада, требующія его духовнаго наставленія и воспитанія. Сознавалъ, что не даромъ данъ ему жезлъ пастырскій, не даромъ ввѣрено его попеченію духовное стадо, не напрасно введенъ онъ въ самую обильную духовною снѣдію пажить религіи, что не самъ онъ только долженъ вкушать этой снѣди, питаться отъ этой пажити, а и стадо свое питать отъ той-же снѣди и пажити; да и мало того питать, а и вести его на болѣе злачныя мѣста пажити, отклонять отъ злаковъ не полезныхъ или даже вредныхъ, отгонять отъ него волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, разумѣется, духовныхъ и т. д. [1]). Онъ глубоко сознавалъ, что не даромъ онъ удостоился, вслѣдъ за апостолами, быть названнымъ отъ Господа *свѣтомъ міра* (Матѳ. 5, 14); что, въ виду этого, на сколько самъ онъ долженъ поддерживать въ себѣ всѣми мѣрами этотъ свѣтъ и болѣе и болѣе просвѣтляться имъ въ душѣ и жизни, настолько-же и вокругъ себя разливать тотъ-же свѣтъ, какъ свѣтъ ученія и добродѣтельной жизни для находящихся *во тьмѣ и сѣни смертнѣй*. Глубоко сознавалъ онъ, что не напрасно онъ, какъ пастырь, вслѣдъ за апостолами, названъ и *солію земли* (Матѳ. 5, 13); что его священная обязанность, поэтому, заботливо оберегать и предохранять ввѣренное ему духовное стадо отъ нравственной порчи и нравственнаго гніенія, чрезъ предложеніе ему осоленной снѣди здравыхъ словесъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко сознавалъ Филаретъ и то, что какъ учитель, отецъ, пастырь и пр., онъ прежде всего въ себѣ самомъ долженъ носить образъ и здравыхъ словесъ, и истинно христіанской жизни. Не даромъ онъ еще въ Троицкой Лаврской семинаріи изучалъ творенія св Іоанна Златоустаго. Въ бесѣдахъ сего св. отца на 1-е пастырское посланіе св. ап. Павла къ Тимоѳею, и именно на классическое для пастыря изреченіе: *образъ буди вѣрнымъ, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (4, 12) онъ могъ видѣть, какъ справедливо, но вмѣстѣ и строго-требовательно этотъ св. отецъ называетъ пастыря-проповѣдника *одушевленнымъ закономъ* (νόμος ἔμψυχος), *первообразомъ* (ἀρχέτυπον), *правиломъ* (κανών) и т. п. жизни и нравственности

[1]) См. Тамъ-же, стр. 15 и 16.

для пасомыхъ. Поэтому онъ прежде всего старался хранить въ чистотѣ свой собственный духъ и свою нравственную жизнь, чтобы тѣмъ смѣлѣе потомъ и другимъ, кому нужно, внушать эту чистоту. Чинъ ангельскій, принятый имъ на себя незадолго до прибытія его въ Петербургъ, на сколько самою благодатію своею способствовалъ ему въ этомъ храненіи, на столько-же и какъ чинъ, явѣ носимый, побуждалъ его къ таковому храненію. Но для Филарета не требовалась для такого храненія себя въ чистотѣ и слишкомъ большая борьба, или лучше сказать, уже до принятія чина ангельскаго Филаретъ укрѣпился въ этой борьбѣ, добровольно воспріявъ строго-иноческій подвигъ еще прежде иночества. Мы могли-бы нарисовать цѣлую картину со множествомъ мельчайшихъ подробностей, изображающую постепенное раскрытіе, развитіе и утвержденіе его сознанія, какъ аскета, подвижника, съ 1800 по 1819 годъ. Но удовольствуемся немногими изъ многихъ чертъ этого величественнаго, хотя и сокровеннаго образа души и жизни нашего проповѣдника, тѣмъ болѣе, что отчасти мы уже и прежде [1]), и въ настоящемъ нашемъ очеркѣ, касались чертъ этого образа. Не приводя отмѣтокъ по поведенію въ послужномъ спискѣ учителя Дроздова, часто не истинно соотвѣтствующихъ дѣйствительности, мы возьмемъ изъ до-иноческаго періода жизни Филарета лишь два—три случая въ доказательство сказаннаго. Въ 1804 году ректоръ Троицкой семинаріи, извѣстный намъ архимандритъ Евграфъ, писалъ отъ 15 октября письмо къ родителю В. М. Дроздова и въ этомъ письмѣ, чуждомъ всякой лести, неумѣстной въ то время ни по его положенію въ сравненіи съ положеніемъ родителя Дроздова, ни по обстоятельствамъ службы самого Дроздова, мы читаемъ между прочимъ: „вы подлинно имѣете драгоцѣнный залогъ и свидѣтельство Божьяго къ вамъ благоволенія въ талантахъ, а паче въ честномъ поведеніи сына вашего“ [2]). Вотъ каковъ былъ В. М. Дроздовъ, когда въ немъ не было еще и мысли объ иноческомъ чинѣ, его ожидавшемъ. Когда-же въ началѣ 1806 года двадцати-трехъ-лѣтнему учителю м. Платономъ

[2]) См. въ „Письмахъ Филарета къ роднымъ“, стр. 60.

предложено было вступить въ монашество и когда въ Дроздовѣ происходила естественная внутренняя борьба по поводу этого предложенія, когда онъ посему не разъ совѣтовался съ опытнымъ въ духовно-пастырской жизни родителемъ своимъ, тогда настало время молодому учителю раскрывать, если можно такъ выразиться, самый глубокій тайникъ души своей. Прежде нежели рѣшиться на важный шагъ въ жизни, къ поспѣшному вступленію въ которую, впрочемъ, его и не понуждали, онъ строго анализируетъ свое душевное состояніе по сравненію съ состояніемъ души людей его окружающихъ и выводитъ отсюда для себя важные нравственные уроки, утверждающіе его, наконецъ, въ мысли—принять санъ иноческій. Таково въ особенности писанное въ срединѣ 1806 года письмо его къ родителю [1]). И вотъ, когда въ концѣ 1806 года у него болѣе и болѣе созрѣвала рѣшимость вступить на путь иноческаго подвига, онъ пишетъ слѣдующія замѣчательныя строки къ своему родителю: „о себѣ скажу вамъ, что я встрѣчаю иногда непріятности, затрудненія; но болѣе нахожу удовольствій въ своемъ состояніи и полезныхъ занятій. Меня затрудняетъ нѣсколько будущее: но я, не могши прояснить его мрачности, успокоиваюсь, отвращая отъ него взоры, и ожидаю, доколѣ упадутъ нѣкоторые лучи, долженствующіе показать мнѣ дорогу. Можетъ быть это назовутъ легкомысліемъ: но я называю это довѣренностію къ Провидѣнію. Если я чего нибудь желаю, и мнѣ встрѣчаются препятствія въ достиженіи предмета желаній: я думаю, что не случай толкнулъ ихъ противъ меня, и потому безъ ропота медлю, и ожидаю, что будетъ далѣе.—Мнѣ кажется, что нѣсколько лѣтъ нерѣшимости простительнѣе, нежели минута опрометчивости тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цѣлой жизни. Пусть, кто хочетъ, бѣжитъ за блудящимъ огнемъ счастія: я иду спокойно, потому что я нигдѣ не вижу постояннаго свѣта“ [2]). Съ постепеннымъ утвержденіемъ въ помянутой рѣшимости, въ ожиданіи рѣшенія высшей духовной власти о принятіи его въ чинъ ангельскій, равно какъ и въ ожиданіи исполненія потребныхъ для сего лѣтъ тѣлеснаго возраста, Дроздовъ

[1]) Тамъ-же, стр. 76—77.

[2]) Тамъ-же, стр. 82. Письмо отъ 21 декабря 1806 года.

дѣятельно предуготовляетъ себя къ иноческому подвигу: подвизаясь строго иночески, еще не бывъ инокомъ. Онъ умерщвляетъ плоть свою, не давая вѣждамъ своимъ долгаго дреманія и членамъ тѣла своего—полнаго успокоенія. Отъ 26 декабря 1807 года онъ мимоходомъ признался въ этомъ, но признался именно только мимоходомъ и при томъ съ величайшею скромностію и глубокимъ смиреніемъ, — написавъ своему родителю между прочимъ: „есть случай писать къ вамъ: и можно ли не писать? Вставъ вчера очень рано, и довольно утомясь, какъ по большей части случается въ такіе дни, каковъ сей,—я бы не всталъ нынѣ къ утрени,—простите моему признанію,—но встаю въ сіе время, дабы утреннѣвать къ вамъ" [1]). Припомнимъ также давно приведенныя выраженія письма его къ тому-же лицу отъ 29 января 1808 года: „во мнѣ примѣчаютъ перемѣну здоровья: но Богъ поможетъ; или—дай Богъ ослабить здоровье лучше исполненіемъ должности, нежели какимъ нибудь порокомъ!" [2]) И когда, наконецъ, въ ноябрѣ 1808 года, „съ соизволенія" родителя и „по довольномъ" собственномъ „размышленіи", Дроздовъ перемѣнилъ свое мірское имя *Василія* [3]) на имя иноческое Филарета (любодобродѣтельнаго или любителя добродѣтели) [4]), тогда онъ смѣло могъ такъ писать о себѣ, какъ писалъ своему родителю отъ 14 декабря сего 1808 года: „вы желаете вѣдать обстоятельства моего новаго состоянія. Но я почти не вижу около себя новаго. Тотъ же образъ жизни, тѣ-же упражненія [5]), таже должность [6]), тоже спокойствіе, кромѣ того, что прежде съ нѣкотораго времени я иногда думалъ: *что-то будетъ? что-то выйдетъ?* А теперь и этого не думаю". И далѣе въ томъ-же письмѣ: „вы спраши-

[1]) Тамъ-же, стр. 94.

[2]) Тамъ-же, стр. 96. Срав. жур. „Вѣра и Разумъ" 1884 № 4, отд. церк. стр. 374.

[3]) См. тамъ-же, стр. 105—106.

[4]) Φιλάρετος.

[5]) Срав. греч. ἀσκήσεις (упражненія) одного корня съ ἀσκητής—аскетъ, подвижникъ.

[6]) Въ послѣднее время своего пребыванія въ міру В. М. Дроздовъ, кромѣ должностей по семинаріи исправлялъ еще при м. Платонѣ должность иподіакона, о чемъ см. „Письмо Филарета къ роднымъ" стр. 89 (письмо отъ 5 іюля 1807 года); также *Сушкова*, цит. соч. стр. 44—45.

васте, когда можемъ увидѣться. Теперь у меня нѣтъ вакацій. Я далъ обѣщаніе быть тамъ, гдѣ прикажутъ. Не скоро можно забыть его, чтобы просить куда-нибудь увольненія“ [1]). Это,— помимо другихъ иноческихъ добродѣтелей, — послушаніе, на которое указывали мы и раньше. Встрѣтился намъ раньше случай указать и на нестяжаніе Филарета, равно какъ и на другія, не менѣе высокія качества его души и черты изъ его людобродѣтельной жизни, частію при изображеніи дѣятельности и отношеній его въ Троицкой Лаврской семинаріи, а частію при описаніи того-же въ петербургской его жизни. А вотъ его мысли и чувствованія при возведеніи на степень священства. „Въ великій день Пасхи, — пишетъ онъ родителю своему отъ 15 апрѣля 1809 года изъ Петербурга,—я удостоился принять благодать Священства [2]) рукоположеніемъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита. Помолитесь, чтобъ я сохранилъ залогъ сей непостыдно“ [3]). Затѣмъ, получивъ въ 1811 г. наперсный крестъ, онъ не смотритъ на него, какъ на знакъ заслуженной награды, а какъ на священное знаменіе, и потому пишетъ своему родителю: „вознесите со мною ваши молитвы къ Богу о благоденствіи Всемилостивѣйшаго Монарха, равно какъ и о томъ, чтобы Богъ содѣлалъ меня достойнымъ носить священное знаменіе, которое я получилъ, недостойный“ [4]). Подобно тому и при полученіи „безпримѣрно милостивой“ награды,—ордена св. Владиміра 2-й степени въ 1813 году онъ проситъ родителя помолиться о Царѣ „и потомъ“ о немъ самомъ, „дабы наружныя почести не препятствовали ему сознавать свое недостоинство предъ Богомъ и человѣками, но служили-бы только средствомъ свободнѣе и безпрепятственнѣе служить благу общему“ [5]). Подобнымъ-же образомъ выражается Филаретъ и при полученіи другихъ наградъ [6]). Или вотъ какъ тотъ-же человѣкъ, уже несомнительно стоявшій выше

---

[1]) „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 106—107.

[2]) Слово это въ самомъ подлинникѣ письма Филарета начинается съ большой буквы, чѣмъ свидѣтельствовалось уваженіе къ сану священства со стороны принимавшаго этотъ санъ.

[3]) „Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 118.

[4]) Тамъ-же, стр. 150.

[5]) Тамъ-же, стр. 177.

[6]) См. напр. о томъ тамъ-же, стр. 189, 208 и др.

большинства своихъ современниковъ и достоинствами личными и многочисленными заслугами Церкви и отечеству, говоритъ при возведеніи его на высшую степень священства, въ санъ епископскій, и при томъ въ письмѣ къ родной матери, а не къ какому либо высшему по рангу земнаго величія лицу: „палъ и на меня жребій отъ Господа взойти на высшую степень служенія въ Церкви Его, о чемъ я и помыслить страшился, зная важность и трудность сана. Прошу родныхъ и знающихъ меня, которые услышать о семъ, вознести о мнѣ молитву къ Пастыреначальнику Іисусу Христу, да сподобитъ меня Благодати [1]) ради вѣрныхъ Его" [2]). Вотъ какъ смотрѣлъ на себя, какъ инока и пастыря, равно какъ и на соединенныя съ чиномъ инока и саномъ пастыря обязанности, не самовольно пріявшій на себя тотъ и другой (чинъ и санъ), по волею Божіею призванный къ тому и другому, Филаретъ. Вотъ какъ онъ и сознаніемъ и дѣятельно относился къ исполненію этихъ обязанностей. Не даромъ, повторяемъ, въ рескриптѣ, сопровождавшемъ награжденіе Филарета орденомъ св. Владиміра 2-й степени въ 1813 году, говорилось, что онъ награждается этимъ орденомъ не только за „неусыпные труды по званію ректора и профессора богословскихъ наукъ въ академіи, за дѣятельность въ образованіи достойныхъ служителей алтаря Господня", но и за „назидательныя и краснорѣчивыя поученія о истинахъ вѣры, *коею одушевляется слово и житіе*" его.

За сознаніемъ пастырскаго долга—учить, питать словесныхъ овецъ словомъ истины и примѣромъ добраго житія и т. д.,—вообще—проповѣдывать слово въ душѣ проповѣдника нашего должны были въ связи съ тѣмъ возникать и другіе вопросы: что проповѣдывать? какъ проповѣдывать? кому и когда что и какъ проповѣдывать? и т. д. На первый вопросъ отвѣтъ для нашего проповѣдника былъ, повидимому, не трудный:—онъ былъ призванъ проповѣдывать не иное что, какъ слово Божіе [3]). Но насколько легокъ былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ,

[1]) Опять съ большой буквы слово начинается въ подлинникѣ письма.

[2]) „Письма Филарета къ роднымъ", стр. 218. Срав. письмо Филарета по тому-же поводу къ Августину, архіеп. Московскому въ VI кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. просв." за 1869 г. стр. 50 матеріаловъ для біографіи Филарета.

[3]) „Опредѣленный предметъ богословія собесѣдовательнаго,—говоритъ самъ Фи-

настолько-же трудно и разрѣшеніе его въ примѣненіи къ дѣлу, для всякаго проповѣдника, а тѣмъ болѣе для человѣка, горѣвшаго желаніемъ хранить залогъ благодати священства „непостыдно". Онъ зналъ, сколь глубокій кладязь представляетъ собою слово Божіе. Не даромъ поэтому еще въ 1806 году онъ во всеуслышаніе возвѣщалъ, что „чтеніе великихъ книгъ (Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта) можетъ и должно занимать цѣлую жизнь" [1]). Это было еще тогда, когда онъ только началъ проповѣдывать и при томъ въ званіи мірянина. Могъ-ли онъ иное о томъ-же мыслить теперь, когда къ проповѣдыванію обязывалъ его, не говоря о чемъ-либо другомъ, самый санъ священства?—Конечно не могъ мыслить и не мыслилъ. „Слово Божіе,—училъ онъ теперь,—должно быть непрестанно во устахъ каждаго христіанина, кольми паче посвятившаго себя въ особенности въ служеніе вѣры и Церкви. Въономъ должно сосредоточиваться всякое человѣческое ученіе. Отъ него должны заимствовать духъ и свѣтъ всѣ науки" [2]). И онъ, такъ возвѣщавшій публично эту истину, болѣе всего и прежде всего самъ всемѣрно старался всесторонне изучать слово Божіе, чтобы „непостыдно" проповѣдывать его и другимъ. Мы знаемъ уже, какъ онъ занимался имъ въ скромномъ убѣжищѣ своемъ подъ сѣнію лавры преподобнаго Сергія. Еще пристальнѣе, еще глубже сталъ онъ заниматься чтеніемъ и изученіемъ его съ принятіемъ на себя чина ангельскаго и затѣмъ—сана священства. Въ самую академію Петербургскую влекло его не честолюбіе или властолюбіе, а любовь къ наукѣ богословской. „Вы знаете, думаю,—писалъ онъ отъ 14 февраля 1809 года къ своему родителю, по назначеніи своемъ на должность инспектора и учителя философіи въ семинаріи,—что я люблю богословіе, ибо нахожу въ немъ утѣшеніе: но теперь долженъ заниматься холодною философіею" [3]) и пр. Но вотъ

ларетъ, есть наставленіе употреблять слово Божіе въ поученіяхъ для назиданія Церкви". См. „Обзор. богосл. наукъ", стр. 62.

[1]) Слово въ Великій Пятокъ, стр. 122 тома I сочиненій Филарета, изд. 1873 года. См. также въ журн. „Вѣра и Разумъ" 1884 № 4 отд. церк. стр. 364.

[2]) „Обозрѣніе богословскихъ наукъ" и пр. стр. 40—41 цит. изд. Срав. также „Изложеніе разности между Восточною и Западною Церковію", тамъ-же стр. 20. Первое относится къ 1814, а послѣднее къ 1811 году.

[3]) „Письма Филарета къ роднымъ", стр. 116.

не прошло и года послѣ сего, какъ Филаретъ назначается и на желанную имъ каѳедру наукъ богословскихъ, и къ тому-же для преподаванія ему назначаютъ предметы самые желанные и притомъ весьма важные именно для пастырскаго его служенія: богословіе истолковательное (герминевтика) и церковную исторію, съ церковными древностями и каноническимъ правомъ. Здѣсь онъ прямо введенъ былъ въ самое, такъ сказать, святилище богословія, приведенъ къ самымъ первоисточникамъ проповѣди:—къ слову Божію и церковному преданію. На сколько глубоко онъ вошелъ въ это святилище и изучилъ эти источники, о томъ свидѣтельствуютъ какъ вышеприведенные академическіе труды его, такъ и его проповѣди. Въ словѣ Божіемъ и церковномъ преданіи, или ученіи Церкви онъ въ обиліи могъ находить предметы для своихъ проповѣдей, или, иначе сказать могъ находить то, что проповѣдывать. Предъ его духовнымъ взоромъ разстилалась неизмѣримо-широкая пажить съ самою разнообразною, пріятною и питательною снѣдію, которою онъ могъ питать словесныхъ овецъ стада Христова. Изъ обоихъ означенныхъ неистощимо-обильныхъ источниковъ истины онъ могъ извлекать и дѣйствительно извлекалъ самыя разнообразныя темы и истины для своихъ проповѣдей, какъ то отчасти мы и замѣчали выше при указаніи на разнообразіе характера содержанія проповѣдей Филарета. Еще болѣе увидимъ мы это въ свое время послѣ. Но этого мало сказать: „онъ могъ извлекать и дѣйствительно извлекалъ“. Нѣтъ! входя глубже и глубже въ сущность и подробности ученія слова Божія и св. Церкви, Филаретъ приходилъ къ сознанію даже необходимости извлекать изъ него возможно - разнообразные, если не всѣ возможные по существу дѣла предметы для проповѣди [1]). Онъ чувствовалъ, что не напрасно Богомъ вручены ему ключи отъ помянутаго святилища, не напрасно онъ призванъ быть съ одной стороны толкователемъ слова Божія (по преподаванію герминевтики), а съ другой — истолкователемъ ученія и преданія св. Церкви; сознавалъ, что не вотще онъ одаренъ отъ Бога и талантами разными духовными,—между

1) Внушала ему эту необходимость и „Книга о должностяхъ пресв. приходскихъ“ (см. стр. 20 и дал. цит. изд.).

прочими и проповѣдническимъ. Онъ сознавалъ, что ему нельзя, подобно многимъ современнымъ ему проповѣдникамъ, подобно напр. Августину Московскому, ограничиваться одною какою-либо сферою предметовъ проповѣднических, а идти шире, глубже и далѣе въ этомъ направленіи,—являть въ себѣ посильный примѣръ того, какъ проповѣднику должно быть многообъемлющимъ, если уже не всеобъемлющимъ, въ выборѣ предметовъ для проповѣди, при неистощимомъ обиліи помянутыхъ источниковъ послѣдней. Входя самъ глубже и глубже въ эти источники, погружаясь въ свѣтлыхъ водахъ ихъ, и открывая свой пытливый и острый взоръ на эти воды, Филаретъ уже тогда, въ Петербургѣ, духовно созерцалъ то дивное зрѣлище, которое открывало предъ нимъ всю область предметовъ проповѣди и которое такъ ясно раскрыто имъ и предъ нами, особенно послѣ, въ долгій періодъ самостоятельнаго служенія его слову проповѣди на святительскихъ каѳедрахъ: Тверской, Ярославской и, наконецъ, Московской. Эту область предметовъ проповѣди онъ созерцалъ какъ бы подъ образомъ лѣствицы, видѣнной праотцемъ Іаковомъ во снѣ и представлявшей на вершинѣ своей Бога въ Его неземномъ величіи и сіяніи, на срединѣ—ангеловъ, восходящихъ и нисходящихъ отъ земли на небо и обратно, а внизу, на землѣ, спящаго человѣка, съ его земными потребностями, чаяніями, стремленіями и проч. А взирая такъ на область предметовъ проповѣди, Филаретъ не могъ избирать для проповѣдыванія лишь какіе-либо особенно излюбленные предметы или особенно нравившіяся современникамъ темы, а считалъ необходимымъ всякій предметъ проповѣди изъ области ученія слова Божія и св. Церкви предлагать вниманію слушателей, когда то было возможно и, по его сознанію, нужно. Оттого-то между проповѣдями Филарета за петербургскій періодъ его дѣятельности мы и находимъ такъ много разнообразнаго по содержанію характера, хотя ихъ и всѣхъ то въ 8 лѣтъ (1810—1818) проповѣдыванія его въ Петербургѣ только 29. Но онѣ заключаютъ въ себѣ и догматическое ученіе (такихъ проповѣдей изъ разсматриваемаго періода у Филарета 13), и нравственное ученіе (15 проповѣдей), и церковнообрядовое (1 проповѣдь), и историческое (1 проповѣдь) и ес-

тественное (1 проповѣдь). Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы въ Петербургѣ Филаретъ больше имѣлъ самостоятельности и удобствъ со стороны должностей своихъ и отношеній въ дѣлѣ проповѣди слова Божія, то мы увидѣли-бы съ разсматриваемой стороны нѣчто и еще большее и величественнѣйшее, нежели что осталось до насъ отъ него за этотъ періодъ его проповѣднической дѣятельности.

Дальнѣйшій вопросъ, предлежавшій нашему проповѣднику при сознаніи долга—проповѣдывать, былъ слѣдующій: какъ проповѣдывать? Этотъ вопросъ былъ еще труднѣе, нежели вопросъ о томъ, что проповѣдывать. Этотъ новый вопросъ былъ равносиленъ вопросамъ: въ какомъ духѣ должно проповѣдывать (внутренній характеръ проповѣди) и какъ должнымъ образомъ обставить внѣшнюю сторону проповѣди,—ея форму, стиль и произношеніе (внѣшній характеръ проповѣди)? Такимъ образомъ вопросъ: какъ проповѣдывать? естественно разлагался въ сознаніи проповѣдника нашего на два частные вопроса, сейчасъ изложенные. На послѣдній изъ этихъ вопросовъ Филаретъ находилъ пространныя указанія и наставленія и въ „Руководствѣ къ церковному краснорѣчію", и въ другихъ тогдашнихъ учебникахъ по гомилетикѣ, и въ учебникахъ риторики и пр. Но мало былъ разработанъ въ то время первый и притомъ важнѣйшій вопросъ,—вопросъ о внутреннемъ характерѣ проповѣди. Объ этомъ въ то время были въ ходу самыя сбивчивыя понятія, какъ это отчасти можно видѣть уже и изъ вышеприведенныхъ случаевъ съ первою проповѣдію Филарета на день Благовѣщенія (въ 1810 году) съ одной—и съ проповѣдничествомъ Ѳеофилакта Русанова съ другой стороны. Въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ" также мало находится руководственныхъ указаній и наставленій въ отношеніи къ этой сторонѣ проповѣди. Стало быть, Филарету самому главнымъ образомъ приходилось выработывать внутренній характеръ своей проповѣди, съ слабою помощію помянутыхъ сейчасъ пособій и съ болѣе сильною помощію образцовъ проповѣдничества древне-отеческихъ и новѣйшихъ. А такъ какъ новѣйшіе проповѣдники далеко не во всемъ были надежными руководителями Филарета, то ему приходилось ихъ проповѣдничество

непрестанно повѣрять проповѣдничествомъ древне-отеческимъ. Онъ самъ говоритъ о необходимости этого въ извѣстномъ уже намъ „Обозрѣніи богословскихъ наукъ“ и пр., писанномъ въ 1814 году: „образцы поученій церковныхъ нѣтъ нужды указывать. Нужно замѣтить одно то, чтобъ искать оныхъ не въ однихъ новыхъ писателяхъ, но преимущественно въ писаніяхъ древнихъ отцевъ Церкви, по которымъ образовались знаменитѣйшіе проповѣдники новѣйшихъ временъ, и въ которыхъ лежатъ сокровища духа апостольскаго, потому только мало извѣстныя, что онѣ въ великомъ числѣ, и въ обширныхъ хранилищахъ“ [1]). Такимъ образомъ онъ въ этомъ отношеніи стоялъ на той-же почвѣ, на которой и извѣстный намъ другъ его, но горячій противникъ мистическаго движенія Иннокентій (Смирновъ). Само собою понятно, что, кромѣ сего, Филаретъ вырабатывалъ внутренній характеръ своей проповѣди главнымъ образомъ на основаніи раньше указанныхъ перво-источниковъ своей проповѣди, т. е. слова Божія и ученія св. Церкви, какъ и вообще—преданія ея. Именно, углубляясь все болѣе и болѣе въ эти обильные живою водою источники и пользуясь помянутыми пособіями, Филаретъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ успѣхомъ вырабатывалъ тѣ качества своей проповѣди со стороны внутренняго характера ея, которыми такъ отличаются всѣ проповѣди его въ разсматриваемый періодъ, которыми онъ плѣнялъ своихъ слушателей въ послушаніе вѣры, которыми онъ стяжалъ себѣ въ Петербургѣ славу знаменитаго проповѣдника и которыя необходимы во всякой настоящей хорошей проповѣди. Это именно: назидательность, убѣдительность и благодатность (помазаніе) или животворность, соотвѣтственно тремъ главнымъ силамъ души: уму, волѣ и сердцу, на которыя ему нужно было дѣйствовать въ своей проповѣди. Что его проповѣдь была назидательна, это уже въ 1813 году было засвидѣтельствовано самою высшею властію, какъ намъ извѣстно. Но какъ онъ достигъ этого и въ чемъ состоитъ эта назидательность его проповѣди? Назидательность всякой проповѣди тѣмъ выше, тѣмъ обильнѣе напояетъ умъ слушателей, чѣмъ ближе духъ проповѣди къ духу Библіи, къ духу ученія св.

1) Стр. 70 цит. изд.

Церкви и къ истиннымъ потребностямъ ума слушателей. А эта близость достигается глубокимъ, и не только глубокимъ, а и живымъ изученіемъ и усвоеніемъ духа ученія Библіи и св. Церкви, равно какъ и духа современниковъ—дѣйствительныхъ возможныхъ слушателей проповѣди. Въ этомъ отношеніи Филаретъ, какъ мы уже знаемъ изъ предшествующаго, состоялъ въ наилучшихъ условіяхъ. Ученіе слова Божія и св. Церкви онъ глубоко изучалъ не только теоретически, такъ сказать, и по собственному влеченію своему къ сему ученію, а и практически, преподавая то и другое съ академической, а также и съ церковной каѳедры. Отсюда проповѣди его всѣ дышатъ, если можно такъ выразиться, духомъ библейскимъ и духомъ церковности. Онъ не только наполняетъ свою проповѣдь текстами Св. Писанія, во множествѣ встрѣчающимися во всѣхъ его проповѣдяхъ, или изреченіями изъ твореній св. отцевъ и церковныхъ пѣснопѣній (гораздо рѣже, впрочемъ, нежели тексты Св. Писанія, встрѣчающимися въ проповѣдяхъ Филарета), но нерѣдко и говоритъ, такъ сказать, языкомъ Библіи и Церкви: такъ глубоко изучалъ и усвоялъ онъ духъ ученія слова Божія и Церкви по самымъ памятникамъ письменности библейской и церковной. И при томъ изученіе это, для большей вразумительности слова Божія и ученія Церкви для себя и слова проповѣди для слушателей, у Филарета соединялось съ сличеніемъ обычнаго въ употребленіи славянскаго текста Библіи или славяно-русскаго перевода памятниковъ письменности церковной съ текстами оригинальными. Въ этомъ отношеніи великую услугу оказали ему пріобрѣтенныя имъ еще въ Троицкой Лаврской семинаріи основательныя свѣдѣнія въ еврейскомъ и греческомъ языкахъ. И свидѣтельство этого мы не рѣдко встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ Филарета за разсматриваемый періодъ. Такъ напримѣръ въ словѣ на Рождество Христово, произнесенномъ въ 1811 году въ Александро-Невской лаврѣ, проповѣдникъ, упоминая о патріархахъ народа еврейскаго—пришельцахъ и странникахъ, и сравнивая ихъ съ Іосифомъ и Маріею—Матерію Господа, въ странствіи своемъ пришедшими въ Виѳлеемъ, обращаетъ вниманіе слушателей на значеніе именъ Веѳиля—мѣста пришествія Іакова, и Виѳлеема. „Безпокровные

токмо странники,—говоритъ онъ,—находятъ *Веѳиль* и *Виѳлеемъ—домъ Божій* и *домъ хлѣба* животнаго“ [1]). Равнымъ образомъ въ словѣ предъ погребеніемъ тѣла князя Кутузова-Смоленскаго (13 іюня 1813 года), сравнивая послѣдняго съ Маккавеемъ, нашъ ораторъ говоритъ: „кто повелѣлъ, чтобы даже имя сего мужа [2]) соотвѣщало имени Маккавея, и оба имена сіи, подобно какъ оба сіи мужи, возглашали единое славословіе: *кто, яко Богъ?*“,—къ чему самъ-же дѣлаетъ такое подстрочное примѣчаніе въ печатномъ экземплярѣ проповѣди: „имя *Маккавей* съ еврейскаго толкуется: *кто, яко Ты, Боже? Михаилъ* съ еврейскаго-же значитъ: *кто, яко Богъ?*“ и т. д. [3]). Въ отношеніи къ греческому языку, въ томъ-же словѣ на погребеніе Кутузова, упоминая о томъ, что покойный главнокомандующій россійскихъ войскъ, во время войны, самъ „шествовалъ подъ предводительствомъ священнаго изображенія благодатной *Путеводительницы*, нашъ проповѣдникъ снова дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе: „сіе наименованіе Богоматери заключается въ греческомъ: *одигитріа*, присвоенномъ Смоленской иконѣ Богоматери“ [4]) и т. д. [5]). Не менѣе глубоко и серьезно изучалъ Филаретъ также духъ и характеръ своихъ современниковъ, чтобы тѣмъ назидательнѣе было слово его проповѣди къ нимъ. Онъ изучаетъ его не только по современной ему письменности (періодическія и другія изданія того времени), но и благодаря разнообразнымъ жизненнымъ отношеніямъ своимъ къ этимъ современникамъ, по должности-ли или по личнымъ знакомствамъ, столкновеніямъ и пр. Что Филаретъ слѣдилъ за періодическою печатью и за другими, не періодическими произведеніями письменности своего времени, это мы отчасти уже знаемъ. Мы помнимъ его сообщенія о ходѣ отношеній Россіи къ Наполеону и о событіяхъ отечественной и европейской войны 1812—1815 годовъ. Не забыли

---

[1]) См. стр. 17 тома 1 сочиненій Филарета изд. 1873 г. Срав. также слово на Рожд. Хр. въ 1812 г. произнесенное. Тамъ-же, стр. 184.

[2]) Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.

[3]) См. стр. 46 и примѣч. 7 того-же тома сочиненій Филарета.

[4]) Тамъ-же, стр. 53 и примѣч. 20.

[5]) См. напр. проповѣдь въ день сошествія Св. Духа на Апостоловъ, произнесенную въ 1814 г. стр. 71, примѣч. 11 и др.

мы мимоходомъ сдѣланное замѣчаніе и о томъ, что Филаретъ былъ подписчикомъ мистическаго журнала: „Сіонскій Вѣстникъ“. Помнимъ также, конечно, и его сообщеніе о только что появившейся въ 1811 году рѣчи Шишкова „о любви къ отечеству“. Могли-бы мы много и еще привести доказательствъ знакомства Филарета съ жизнью современнаго ему общества по памятникамъ письменности того времени; но не хотимъ увеличивать безъ нужды объемъ настоящаго нашего изслѣдованія указаніемъ большаго, сверхъ приведеннаго, числа свидѣтельствъ въ пользу того-же знакомства. Мы укажемъ теперь, какъ на доказательство таковаго знакомства, лишь на упомянутую недавно проповѣдь его въ день погребенія князя Кутузова, въ каковой проповѣди есть много указаній на такіе письменные документы, знаніе которыхъ сдѣлало бы честь любому историку отечественной войны 1812 — 1813 годовъ. Еще больше, разумѣется, давали Филарету возможность знакомиться съ духомъ и характеромъ его современниковъ его должностныя и личныя отношенія, разнообразіе которыхъ мы уже могли достаточно видѣть раньше. И что-же однако? Входя въ глубь жизни народа и различныхъ слоевъ его по состоянію и образованію, какое долженъ былъ нашъ проповѣдникъ находить разнообразіе понятій, мнѣній и убѣжденій относительно верховной власти, существа законовъ и ихъ примѣненія къ жизни, разныхъ научныхъ вопросовъ и пр.! Были въ то время, какъ извѣстно, и тайныя общества, не рѣдко прикрывавшіяся именемъ религіозности (масонскія ложи, съ разнообразнѣйшими наименованіями, каковы: *Владиміра къ порядку*, *Палестины*, *Трехъ добродѣтелей* и пр. [1]), но подъ этимъ покровомъ таившія какія-либо политическія цѣли, не рѣдко направленныя къ разрушенію существующаго порядка государственнаго управленія, къ ниспроверженію верховной власти и т. п. Равнымъ образомъ и относительно законовъ существовало тоже разнообразіе мнѣній и убѣжденій. Однимъ хотѣлось устроить законодательную часть въ Россіи на французскій ладъ (Сперанскій съ 1807 по 1811 годъ и его единомышленники, поплатившіеся опалою въ 1812 г. предъ наступленіемъ войны

[1]) См. стр. 404 и дальн. тома VI „Исторіи царствованія Александра I“.

съ французами), другимъ—на англійскій (Новосильцовъ), третьимъ—на польскій (Чарторыжскій) и т. д. Но были конечно и такіе, которые,—всегда-ли во всемъ разумно или иногда и неразумно,—не о томъ вопросъ,—стремились удержать старый русскій порядокъ законодательства и съ недовѣріемъ взирали на сыпавшіяся щедрою рукою, въ первую половину царствованія Александра, нововведенія по законодательной части (Шишковская партія). Затѣмъ, что касается научныхъ, практическихъ и другихъ вопросовъ жизни тогдашняго русскаго общества, то въ нихъ, съ легкой руки дѣятелей Екатерининскаго времени, такая была въ то время, съ позволенія сказать, неразбериха, что даже такому великому уму, какъ умъ Филарета, разобраться и осмотрѣться въ нихъ было не легко, не говоря уже о какомъ-либо „малоумномъ" Фотіи, вздумавшемъ такъ сильно ратовать противъ тогдашняго направленія умовъ въ концѣ царствованія Александра. Какой-либо иностранецъ, попавшій, благодаря рекомендаціи Сперанскаго, въ профессоры духовной академіи, Фесслеръ является проводникомъ анти-православной философіи, не только съ вѣдома, но и при содѣйствіи и покровительствѣ начальства, въ образцовомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія; а православный русскій архіерей, украшенный честію и орденами (Ѳеофилактъ Русановъ) занимается въ той-же академіи, опять не только съ вѣдома, но и съ глубоко-признательнаго согласія и одобренія того же начальства, преподаваніемъ анти-христіанской эстетики. Конференцъ-секретарь академіи художествъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Ѳ. Лабзинъ, занимается со всею ревностію и съ величайшимъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ отвлеченнѣйшими, глубочайшими вопросами религіи и нравственности, переводитъ и (на свой нерѣдко счетъ) издаетъ множество книгъ въ этомъ родѣ; не довольствуясь этимъ, издаетъ, при пособіи отъ правительства журналъ, полный разрѣшенія такихъ-же вопросовъ и даже посвященный „Господу Іисусу Христу, бывшему, сущему и грядущему, вѣчному Возродителю и Обновителю всяческихъ" и проч. [1]) и за изданіе

[1]) См. „Сіонскій Вѣстникъ" 1817 года, кн. IV, какъ прямое продолженіе 3-й книги 1806 года.

такихъ и подобныхъ книгъ награждается нарочито орденомъ св. Владиміра 2-й степени: а русскій православный архипастырь (Евгеній Болховитиновъ) роется въ архивахъ временъ давно минувшихъ, да еще и не безъ самохвальства этимъ [1]), но за то нерѣдко упускаетъ изъ виду важную для архипастырскаго взора современность и т. п. Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи, сумятица умовъ тогдашняго времени были такъ велики и запутаны, что даже много спустя послѣ, когда многое изъ прежняго поулеглось, когда и умъ-то Филарета сталъ крѣпче, благодаря пріобрѣтенной цѣлыми десятилѣтіями опыта мудрости, именно отъ 24 ноября 1852 года, этотъ самый Филаретъ говоритъ, критикуя только что появившіяся въ печати сужденія одного изъ ученыхъ о состояніи умовъ времени 1809—1819 годовъ: „удивительно, что сочинитель ставитъ рядомъ встрѣчу съ ученіемъ Фесслера съ другимъ ложнымъ ученіемъ—мистицизмомъ. Какъ это рядомъ съ Фесслеромъ: то неужели сочинитель думаетъ, что въ академіи учили ложному ученію мистицизма? Или онъ это находитъ въ тогдашнемъ духовенствѣ внѣ академіи? Чѣмъ онъ это докажетъ? И понимаетъ ли онъ дѣло? Были недоразумѣнія: но ихъ трудно было разобрать и видящему вблизи, а тѣмъ болѣе издали. Напримѣръ случилось, что когда одинъ предлагалъ напечатать „Добротолюбіе“ [2]) и книгу Исаака Сирина, другой возразилъ: не скажутъ-ли, что это мистическое направленіе? Но „Добротолюбіе“ доселѣ пока печатается, писанія Исаака Сирина печатаны были въ „Христіанскомъ Чтеніи“ по частямъ а теперь хотятъ напечатать оныя вполнѣ. Не скажетъ-ли сочинитель, что все это мистицизмъ?“ [3]) И между тѣмъ изъ этого хаоса понятій, мнѣній и пр., какъ небесный свѣтъ, какъ кристаллъ является намъ чистымъ и свѣтлымъ слово проповѣди нашего церковнаго витіи. Строгое правосла-

1) Срав. письма Евгенія къ Г. И. Городчанинову въ Журн. мин. нар. просв. за 1857 г. ч. 94, стр. 17 новостей и смѣси.

2) „Добротолюбіе“ между прочимъ было любимѣйшею и многочитаемою книгою напр. уже знакомаго намъ *А. О. Лабзина*, о чемъ см. въ цит. статьѣ Русскаго Архива за 1866 г. стр. 845.

3) См. IV кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. просв.“ за 1868 г. стр. 100—101 матеріаловъ для біографіи Филарета.

віе и истинная народность является неотъемлемыми чертами проповѣди Филарета и за разсматриваемое время (не говоря о позднѣйшемъ) со стороны ея внутренняго характера и именно назидательности. Никто, можетъ быть, не былъ такъ строгъ къ себѣ въ дѣлѣ проповѣдничества, какъ Филаретъ; и мы знаемъ, что многія изъ проповѣдей своихъ, произнесенныхъ за время съ 1810 по 1818 годъ, онъ не допустилъ ко внесенію въ собранія своихъ проповѣдей, изд. 1844—1845 и 1848 годовъ. Такъ напримѣръ не попали сюда знакомыя намъ по предшествующему историческому очерку проповѣди: на день Благовѣщенія (1810 года), на день Пасхи (1811 года), на погребеніе графовъ А. С. и П. А. Строгановыхъ, П. В. Завадовскаго и др. Но за то, наоборотъ, святитель-проповѣдникъ не усумнился внести сюда изъ произнесенныхъ въ то-же время 1810—1818 гг., не говоря о многихъ другихъ, и такія проповѣди, какъ напримѣръ извѣстное намъ, по обвиненію его въ пантеизмѣ, слово на день Пятидесятницы 1811 года, нѣсколько изъ проповѣдей, произнесенныхъ въ домовой церкви извѣстнаго приверженца мистическаго направленія, князя А. Н. Голицына (сконч. въ 1844 году) и др. Да и вышеупомянутыя-то проповѣди не внесены имъ были въ означенныя изданія не столько по причинѣ недостатка въ нихъ духа православія, духа библейскаго или духа народности (напечатаны-же многія изъ нихъ въ собраніяхъ 1820 и 1821 гг.), сколько по излишней строгости Филарета къ требованіямъ логической послѣдовательности, стиля и т. п. Если вѣрить сообщенію біографа его Н. В. Сушкова или, лучше сказать, если этотъ біографъ вѣрно понялъ и передалъ объясненіе Филарета относительно одного случая такого невнесенія, то пожалуй причиною этою отчасти иногда былъ и недостатокъ полной и всесторонней строгости православія въ проповѣдяхъ прежняго времени. „Такъ не вошло (въ послѣднія собранія) слово, сказанное при освященіи домовой церкви у князя А. Н. Голицына, прослушанное съ глубокимъ вниманіемъ и много тогда хвалимое.—Почему-же оно предано забвенію?—Поясняя,—отвѣчено мнѣ на мой вопросъ,—значеніе разныхъ предметовъ и обрядовъ, усвоенныхъ чину освященія храмовъ, я тогда объяс-

нялъ иное по собственнымъ соображеніямъ, произвольно, пожалуй гадательно. А тутъ требуется вообще догматическое и историческое основаніе каждому толкованію. Не должно опираться на личныя умозрѣнія тамъ, гдѣ нѣтъ такого основанія, ни даже преданія... Великодушное сознаніе старца въ увлеченіяхъ молодости!" [1]) Уже это восклицаніе старца-біографа, пережившаго лишь нѣсколькими годами старца-проповѣдника, показываетъ, что онъ привелъ этотъ разсказъ безъ строгой критической провѣрки дѣла. Филаретъ обнаружилъ обычную, всегда свойственную ему скромность въ объясненіи причины невнесенія проповѣди въ собранія 1844—1845 и 1848 гг., а Сушковъ уже и хвалитъ его за „великодушное сознаніе въ увлеченіяхъ молодости!" Какія тутъ увлеченія молодости? Въ концѣ 1812 года, когда произнесена была эта проповѣдь, ректоръ академіи Филаретъ былъ уже не мальчикъ, а 30-лѣтній мужъ, съ самыми свѣжими, могучими силами духа, уже умудренный и наукою, притомъ не только библейскою, но и церковною (уже два года съ половиною, какъ онъ съ честію преподавалъ въ академіи истолковательное богословскіе и церковную исторію съ древностями),—и опытомъ какъ событій отечественныхъ, такъ и домашней, такъ сказать, борьбы съ Өеофилактомъ Русановымъ и т. д. Уже онъ достаточно въ то время навыкъ быть осторожнымъ въ выраженіи своихъ мыслей, особенно въ проповѣди, когда еще въ 1811 году одну изъ проповѣдей его назвали одою, а другую обвинили въ пантеизмѣ. Да, если серьезно всмотрѣться въ содержаніе и характеръ проповѣди на освященіе домовой церкви князя Голицына, то въ сущности и итогѣ окажется, что причина невнесенія ея въ собранія 1844 и дальн. заключается вовсе не въ недостаткѣ „полной и всесторонней", какъ мы не даромъ сказали, строгости духа православія, а въ той излишней строгости Филарета къ себѣ, о которой мы упоминали выше; а тогда и выйдетъ, что Филаретъ въ своемъ отзывѣ о ней былъ только излишне скроменъ, а Сушковъ эту скромность излишне раскрасилъ, по своему старческому соображенію. Впрочемъ, онъ и не разъ въ своей біографіи Филарета оказываетъ ему подобныя, такъ называемыя

1) *Сушковъ*, стр. 72—73.

„медвѣжьи“ услуги, при несомнѣнно искреннемъ расположеніи и глубочайшемъ благоговѣніи своемъ къ нему. Изъ дальнѣйшаго критическаго разсмотрѣнія проповѣдей Филарета мы увидимъ, какъ далекъ онъ былъ отъ того, что Сушковъ называетъ „увлеченіями молодости“ его. Духъ и ученіе нашей православной Церкви суть тѣже самые, какими проникнуто и слово Божіе, т. е. Св. Писаніе [1]); слѣдовательно тоже самое, что дѣлаетъ по истинѣ назидательнымъ слово Божіе, т. е., святость, истинность и спасительность, должно отличать собою и слово проповѣди, если оно выдерживаетъ духъ православія. А съ этой стороны слово проповѣди Филарета было вполнѣ обезпечено благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онъ состоялъ, какъ проповѣдникъ, при своемъ проповѣдническомъ саморазвитіи. Изъ этихъ условій большая часть уже извѣстны намъ. Это суть: глубокое изученіе слова Божія и ученія св. Церкви и ея преданія, проникновеніе духомъ ученія библейскаго и церковнаго и пр. Но мы доселѣ не довольно приняли во вниманіе главнѣйшее изъ таковыхъ условій: просвѣщеніе проповѣдника благодатію Св. Духа. Не даромъ нашъ проповѣдникъ принялъ на себя чинъ ангельскій; не вотще велъ по истинѣ аскетическую жизнь въ непрестанномъ бодрствованіи надъ собою, въ благочестивыхъ упражненіяхъ, въ частой, особенно уединенной бесѣдѣ съ Богомъ, молитвенномъ обращеніи къ Нему и т. д. Съ дѣтства и юности онъ посвятилъ себя Богу въ *жертву живую, святую, благоугодную* Ему (Рим. 12, 1) и такимъ-же хранилъ себя среди шума и разнообразія петербургской жизни. Кромѣ вышеприведенныхъ доказательствъ на это, мы укажемъ теперь на одно замѣчательное письмо Филарета къ своему родителю, уже страдавшему недугомъ, который свелъ его въ могилу. Письмо это писано было 1 февраля 1816 года и уже не застало въ живыхъ родителя Филарета. Вотъ слова его, насъ интересующія: „въ послѣднемъ письмѣ моемъ сказалъ я, что слабость вашего здоровья занимаетъ меня и на яву, и во снѣ. Въ семъ состояніи остаюсь я донынѣ. Стараюсь послѣдовать примѣру преданности въ волю Божію, каковый всегда видѣлъ въ васъ: и лучшее утѣшеніе въ настоящемъ положе-

1) „Посланіе восточн. патріарховъ“, чл. 2.

нія моемъ есть та мысль, что твердѣйшее основаніе спокойствія и надежды вы полагаете во Врачѣ душъ и тѣлесъ. Къ Нему и я прибѣгаю въ недостойныхъ моихъ молитвахъ и, не имѣя возможности ближе служить вамъ во время вашей немощи, молю Его всемогущимъ Своимъ промысломъ устроить все такъ, чтобы внѣшняя скорбь ваша растворена была внутреннимъ утѣшеніемъ вѣры и упованія, и чтобы обычныя-ли человѣческія средства, или единая Его невидимая сила, возвратили тѣлесному составу вашему крѣпость его, и вмѣстѣ съ вами всему роду нашему дано было съ новымъ утѣшеніемъ узрѣть въ семъ благая Господня на земли живыхъ" [1]). Мы помнимъ также письма Филарета къ младшему брату его, писанныя вскорѣ послѣ кончины ихъ общаго родителя, гдѣ онъ указываетъ ему пути приближенія къ Богу, какъ „неисчерпаемому источнику утѣшеній", также „въ вѣрѣ, упованіи, молитвѣ и исполненіи заповѣдей" [2]), особенно-же совѣтуетъ ему „прибѣгать къ Богу часто тайною сердечною молитвою"— „хранить незлобіе" [3]) и пр. Все это онъ переживалъ прежде всего и болѣе всего въ своей собственной душѣ,—и Богъ „хранилъ" [4]) его Своею „невидимою силою", которая и есть благодать Онъ бодрствовалъ надъ избраннымъ сосудомъ Своимъ, пожертвовавшимъ Ему всею своею жизнію, отказавшимся отъ міра, со всѣмъ тѣмъ, что въ мірѣ и отъ чего многимъ такъ тяжко бываетъ отказываться, чтобы всецѣло посвятить себя Богу. Благодать Св Духа вела избранника Божія вѣрною стезею святости, истинности и спасительности и въ словѣ проповѣди его. Она-же указывала ему истину и среди путаницы понятій, мнѣній и убѣжденій того времени, и вела по пути истины слово проповѣди его со стороны народности послѣдней. Потому-то въ проповѣди Филарета мы и находимъ духъ народности въ лучшемъ, чистѣйшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова. Горячая, беззавѣтная любовь къ Царю и отечеству всюду проглядываетъ въ этихъ проповѣдяхъ; но она свободна отъ тѣхъ

[1]) „Письма Филарета къ роднымъ", стр. 201—202.
[2]) Тамъ-же, стр. 207.
[3]) Тамъ-же, стр. 222.
[4]) Тамъ-же.

крайностей, отъ которыхъ несвободны были даже такіе, безспорно, патріоты, какъ А. С. Шишковъ и др. Она не мѣшаетъ нашему проповѣднику замѣчательно здраво судить и о законодательствѣ того времени (слово предъ избраніемъ судей) и о просвѣщеніи (слово на погребеніе графа Завадовскаго) и о прочемъ въ томъ-же родѣ. Оттого-то проповѣдь Филарета и была вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ назидательна.

Тѣ-же условія, которыя производили назидательность въ словѣ проповѣди нашего витіи, сообщали ей и убѣдительность для воли и животворность для сердца, равно какъ опредѣляли собою и другія качества его проповѣди со стороны ея внутренняго характера: умилительность, возвышенность, глубину и пр. Мы помнимъ, какое впечатлѣніе производили па слушателей даже самыя первыя проповѣди Филарета за петербургскій періодъ его дѣятельности, какъ плѣняли присутствующихъ проповѣди, которыя онъ произносилъ въ домовой церкви кн. Голицына: его просятъ повторять эти проповѣди, Высочайшія Особы выражаютъ самыя милостивыя слова одобренія этимъ проповѣдямъ и т. д. А какъ само собою понятно, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе на слушателей должны были производить эти проповѣди, какъ плодъ болѣе умудреннаго опытомъ ума проповѣдника, какъ это можно видѣть изъ отзыва знакомаго намъ Фотія (Спасскаго) о Филаретѣ, какъ проповѣдникѣ, въ сравненіи съ Иннокентіемъ (Смирновымъ), именно, что „когда слушали его проповѣдь и Иннокентія, то одни отдавали преимущество Филарету, а другіе Иннокентію въ духѣ и краснорѣчіи". И къ этому отзыву Фотій тотчасъ-же прибавляетъ: „Петръ-же (онъ-же Фотій) любилъ Филарета, какъ своего ректора, видѣлъ въ словахъ его умъ, глубину, таинственность смысла и знанія; а въ Иннокентіи замѣчалъ ревность и любовь по Бозѣ; Филарета почиталъ и Иннокентія любилъ" [1]). Не забудемъ, что это относится къ 1814—1816 годамъ, какъ не должны забывать о долѣ пристрастности сужденія Фотія о Филаретѣ, на котораго онъ въ 1824 году даже представилъ доносъ Императору. Но

[1]) См. цит. рукоп. Москов. дух. ак. ч. I, л. 54. См. стр. 108 кн. IV „Чтеній въ об. люб. дух. просв." за 1868 годъ матеріаловъ для біографіи Филарета.

и не этотъ одинъ изъ учениковъ-слушателей Филарета съ похвалою отзывался о проповѣдяхъ послѣдняго. Отзывались съ неменьшею похвалою и другіе [2]). На сколько и въ дѣйствительности заслуживаютъ похвалы проповѣди Филарета за петербургскій періодъ его служенія Церкви и отечеству, со стороны ихъ внутренняго характера или духа, это яснѣе увидимъ изъ дальнѣйшаго критическаго разсмотрѣнія ихъ.

Мы говорили уже, что на вопросъ о внѣшнемъ характерѣ проповѣди,—ея формѣ, стилѣ и произношеніи Филаретъ могъ находить пространныя указанія и наставленія въ разныхъ тогдашнихъ руководствахъ и пособіяхъ по краснорѣчію вообще и въ частности—церковному. Дѣйствительно, возьмите хотя для примѣра указанное уже нами „Руководство къ церковному краснорѣчію", и вы увидите, что тамъ пространно говорится и о родахъ рѣчи ораторской (стр. 3 и дал.), и о изобрѣтеніи (стр. 11 и дал.), и о расположеніи частей (стр. 58 и дал.), равно какъ и о всѣхъ частяхъ проповѣди (стр. 59—141), и объ ораторской благопристойности (стр. 141 и дал.), и о изображеніи (т. е. выраженіи мыслей въ словѣ, стр. 173 и дал.), о стилѣ (стр. 192 и дал.), о фигурахъ и тропахъ (стр. 227 и дал.), и объ ораторскомъ дѣйствованіи: памяти, голосѣ и тѣлодвиженіи (стр. 348—362) и т. д. При томъ всѣ эти наставленія сопровождаются множествомъ примѣровъ изъ поученій знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ древняго и новаго времени; изъ новыхъ преимущественно—Массильона, Бурдалу, Боссюэта и др. Но хотя Филаретъ естественно и не могъ пренебрегать всѣми этими указаніями, наставленіями и правилами, однако никогда не упускалъ изъ виду того, что поученіе есть проповѣдь слова Божія, что оно имѣетъ главною цѣлію „нази-

[2]) См. напр. отзывъ одного изъ учениковъ Филарета, Аѳанасія, въ послѣдствіи архіепископа Тобольскаго, въ „Русс. Архивѣ" за 1881 г. кн. II, стр. 399 примѣч. 16; срав. также не рѣдкіе отзывы о Филаретѣ, какъ извѣстномъ по духовному краснорѣчію ораторѣ, въ „Сынѣ Отечества", начиная съ 1813 года и особенно отзывъ по поводу надгробнаго слова Филарета по кончинѣ графа П. А. Строганова въ 1817 году: „въ семъ надгробномъ словѣ находятся многія глубокомысленныя христіанскія размышленія, которыми отличаются всѣ вообще поученія знаменитаго нашего богослова и проповѣдника" (стр. 185—186 части XXXIX „Сына Отечества" за 1817 годъ).

даніе Церкви" [1]), и что многія изъ этихъ правилъ идутъ болѣе къ произведеніямъ свѣтской словесности [2]). Для „духовнаго поученія", какъ проповѣди слова Божія, онъ существенными „понятіями" или пунктами изъ этихъ правилъ считалъ только слѣдующія: а) изобрѣтеніе предметовъ поученія; б) расположеніе частей онаго; в) подтвержденіе и г) изложеніе избранныхъ истинъ съ одной и внѣшнее приличіе поученія, или сообразность предлагаемаго ученія съ обстоятельствами: мѣста, времени, лицъ, какъ поучающаго, такъ и слушающихъ—съ другой стороны [3]). И самъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ строго слѣдуетъ этимъ правиламъ, хотя и безъ рабскаго усилія всегда и всѣ ихъ непремѣнно выдержать въ проповѣди. Да впрочемъ въ отношеніи къ формальной сторонѣ поученія Филаретъ былъ уже далеко не новичекъ. Мы помнимъ, что съ этой стороны онъ хорошую школу выдержалъ уже въ Троицкой лаврской семинаріи. Видѣли мы уже и примѣры такого отношенія его къ дѣлу на проповѣдяхъ, произнесенныхъ имъ въ 1806 году [4]). Теперь, какъ само собою понятно, проповѣди его съ этой стороны являются лишь болѣе совершенными и въ то же время замѣчается больше свободы въ употребленіи всѣхъ помянутыхъ выше формальностей, меньше опасенія опустить какое либо изъ указываемыхъ въ учебникахъ правилъ. Несравненно болѣе нужно было Филарету позаботиться объ усовершенствованіи другихъ внѣшнихъ качествъ своей проповѣди, въ особенности же о языкѣ или слогѣ (стилѣ) своей проповѣди и о томъ, что называлось и называется проповѣдническимъ дѣйствованіемъ, куда относятся не только произношеніе, но и тѣлодвиженіе. Въ Петербургѣ у нашего проповѣдника уже не то было общество слушателей, какое было въ Троицкой Сергіевской лаврѣ. Здѣсь требованія отъ проповѣди съ этой стороны были несравненно строже, нежели въ прежнемъ скромномъ убѣжищѣ его. Здѣсь былъ высшій центръ тогдашняго просвѣщенія, и то,

---

[1]) См. „Обозрѣніе богосл. наукъ" и пр. стр 69 цит. изд.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) См. ж. „Вѣра и Разумъ" 1884 г.

что сошло бы съ рукъ въ Сергіевской Лаврѣ, не могло пройти безнаказанно въ Петербургѣ. Къ тому же въ Сергіевской лаврѣ и всѣхъ-то проповѣдниковъ было немного, а хорошихъ и того меньше, также какъ и строгихъ судей проповѣдничества. Въ Петербургѣ—другое дѣло. Тамъ блисталъ своимъ краснорѣчіемъ Ѳеофилактъ, тамъ были другіе опытные въ проповѣдничествѣ люди, каковы: самъ м. Амвросій, только въ 1810 году выпустившій въ свѣтъ цѣлыхъ 3 тома своихъ проповѣдей,—архіеп. Меѳодій, Ириней и др. Тамъ же были и строгіе судіи проповѣдничества, каковы, кромѣ сейчасъ означенныхъ проповѣдниковъ и изъ свѣтскихъ лицъ: Сперанскій, во время оно даже составившій „Правила высшаго краснорѣчія", изданныя въ свѣтъ черезъ 52 года послѣ составленія ихъ, именно въ 1844г.;—Лабзинъ весьма опытный въ стилистикѣ и именно по части духовной письменности; болѣе или менѣе знаменитые литераторы того времени (Державинъ, Шишковъ, Гречъ и мн. др.) и т. д. И что же? Благодаря своимъ необыкновеннымъ духовнымъ дарованіямъ, постояннымъ упражненіямъ письменнымъ (лекціи, ученые труды и проповѣди) и устнымъ (лекціи, бесѣды съ разными лицами и проч.), чтенію и изученію произведеній письменности современной и другихъ временъ, знанію и постоянному употребленію классическихъ языковъ (чтеніе на латинскомъ языкѣ, переводы съ греческаго и латинскаго и под.), наконецъ благодаря разнообразнѣйшимъ сношеніямъ съ людьми того времени, Филаретъ усовершилъ свою проповѣдь съ этой стороны до высшей степени. Проповѣди Филарета и тогда считались и доселѣ остаются образцами краснорѣчія. Такъ уже въ 1813 году одинъ изъ помянутыхъ выше судей краснорѣчія, М. М. Сперанскій, по поводу вышедшей около того времени вторымъ изданіемъ книги Шишкова: *О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка*, высказалъ замѣчательное сужденіе: „а я не знаю ни того, ни другаго: я знаю только слогъ Карамзина и Филарета" [1]). Въ томъ-же году издатель „Сына Отечества" Н. И. Гречъ отзывается о Филаретѣ, какъ уже извѣстномъ „многими изящными произведеніями въ духовномъ краснорѣчіи" [2]).

[1]) *Корфъ*, Жизнь графа Сперанскаго. ч. 2, стр. 78 примѣч. Спб. 1861.

[2]) „Сынъ Отечества" за 1813 г. ч. VI, стр. 122.

Равнымъ образомъ еще въ началѣ этого года извѣстный намъ А. Н. Оленинъ, прося письмомъ (отъ 5 января) Филарета написать „Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года“, выражается въ этомъ письмѣ между прочимъ такъ: „безпрерывно въ слухѣ моемъ отдаются звуки прекрасныхъ выраженій изъ сочиненной будто-бы вами рѣчи или разсужденія *о нравственныхъ причинахъ*“ и пр; или: „не было еще доселѣ удобнѣйшаго случая краснорѣчивому перу духовной особы, смѣло вступить въ поприще свѣтской словесности“. И затѣмъ, изложивъ общія мысли на помянутую тему, Оленинъ говоритъ: „вотъ что, по мнѣнію моему, предлежитъ описать краснорѣчивому перу вашему“ [1]) Ясно, что уже къ 1813 году слава Филарета, какъ „краснорѣчиваго оратора и стилиста“, была упрочена Дальше тоже самое шло, конечно, не къ уменьшенію, а къ возвышенію совершенствъ внѣшняго характера слова Филарета Мы помнимъ, что напримѣръ въ 1814 году ему поручается высшая редакція литературнаго произведенія такого знаменитаго писателя, какъ Г. Р. Державинъ, и притомъ самимъ-же Державинымъ. Въ то же время, какъ мы помнимъ, его имя является въ числѣ именъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ русскихъ въ „Сборникѣ образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ“, изданномъ „Обществомъ любителей отечественной словесности“ въ Петербургѣ [2]). И при этомъ не безъ намѣренія, какъ мы отчасти и указали выше, отмѣчается въ одномъ изъ періодическихъ изданій того времени, что въ такомъ сборникѣ, какъ сборникъ „образцовыхъ“ именно проповѣдей, выборъ былъ тѣмъ затруднительнѣе, что „сія часть литературы у насъ обильнѣе всѣхъ прочихъ“ и что при всемъ томъ нельзя „не отдать совершенной справедливости выбору гг. издателей“ [3]). Между тѣмъ какъ въ 1 части этого сборника стоитъ имя Филарета, какъ крас-

---

[1]) См. тотъ-же журналъ и за тотъ-же годъ, ч VIII, стр. 219; 220 и 221.

[2]) 1-я часть Сборника вышла въ концѣ 1814 года (помѣта цензора отъ 4 декабря сего года), хотя на выходномъ листѣ значится по обычаю уже слѣдующій 1815 годъ.

[3]) „Сынъ Отечества“ за 1815 г. ч. XXIII, стр 161.

норѣчиваго проповѣдника, во 2-й части того-же сборника появляется извѣстное уже намъ его „Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ" и проч., какъ образецъ краснорѣчія свѣтскаго среди другихъ образцовыхъ въ томъ-же родѣ произведеній древнѣйшихъ, классическихъ и новѣйшихъ временъ. Въ 1816 году знакомый намъ Сперанскій о „Начертаніи церковно-библейской исторіи" Филарета также говоритъ, что въ немъ „и слогъ и мысли превосходные" [1]). Въ 1817 году издатель „Сына Отечества" Гречъ, обозрѣвая богословскую литературу 1815—1816 годовъ и по справедливости включая въ число произведеній ея также проповѣди, прямо говоритъ: „изо всѣхъ отличаются преимущественно труды почтеннаго ректора С.-Петербургской духовной академіи архимандрита Филарета", и, перечисливъ его труды (слова, рѣчи и ученыя работы), добавляетъ, что они „назначаютъ ему почетное мѣсто между писателями вообще и особенно богословами греко-россійской Церкви" [2]). Но все это отзывы объ общемъ внѣшнемъ характерѣ и достоинствахъ духовнаго писательства Филарета вообще и проповѣдничества въ частности. Разсмотримъ-же, въ чемъ именно состоятъ черты этого характера и этихъ достоинствъ, заслужившихъ столь лестные отзывы, и именно черты проповѣди Филарета съ этой стороны. Достоинства, внѣшнія качества характера проповѣди, какъ духовно-литературнаго произведенія, обнаруживаются въ языкѣ и слогѣ ея. Языкъ проповѣди, какъ *провозвѣщеніе ученія слова Божія и св. Церкви народу*, долженъ заключать въ себѣ естественно три основныя стихіи, именно свойства и особенности: языка библейскаго, языка церковнаго и языка народнаго. Проповѣдникъ слова Божія долженъ не только мыслить мыслію Библіи и Церкви, но и говорить языкомъ Библіи и Церкви. Чрезъ это слово его становится ближе къ своему идеалу: слову Божію и слову Церкви. Но въ то-же время, такъ какъ онъ говоритъ предъ слушателями изъ современнаго ему народа, и еще бли-

---

[1]) Письма къ дочери, въ „Русс. Архивѣ" за 1878 г. стр. 1113. Срав. отзывъ Греча въ „Сынѣ Отечества" за 1816 годъ. ч. XXXIII. стр. 28—29.

[2]) „Сынъ Отечества" за 1817 г. ч. XXXIV, стр. 13.

же,—предъ опредѣленными слушателями какого-либо круга или общества въ этомъ народѣ, то его языкъ долженъ быть и языкомъ не только того народа, среди котораго онъ проповѣдуетъ, а и того именно общества, среди котораго онъ проповѣдуетъ. И насколько первыя двѣ стихіи языка проповѣди являются общими для всякой проповѣди требованіями отъ ея языка, настолько-же въ послѣднемъ отношеніи языкъ проповѣди долженъ условливаться потребностями мѣста и лицъ слушающихъ, не говоря о поучающемъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ проповѣди Филарета являются образцовыми. Не даромъ онъ такъ ревностно, какъ мы говорили о томъ выше, изучалъ Библію и ученіе и преданіе св. Церкви. Не даромъ изучалъ и отечественныя произведенія литературныя. Не даромъ вращался въ кругу множества лицъ современнаго ему петербургскаго общества, предъ которымъ обыкновенно выступалъ на церковную каѳедру, въ своей проповѣди. Не даромъ изучалъ всевозможные изгибы мысли и выраженія и среди массы воспитывающагося молодаго поколѣнія то въ семинаріи, то въ училищахъ, то въ академіи петербургскихъ, „тонкимъ взоромъ“ наблюдая за этимъ всѣмъ и пропустивъ такимъ образомъ подъ своимъ взоромъ не одно поколѣніе въ теченіи 1809—1819 годовъ. Какъ именно отразились въ проповѣди Филарета три основныя стихіи ея языка: свойства и особенности языка библейскаго, церковно-славянскаго и языка современнаго ему русскаго образованнаго общества, это яснѣе будетъ видно изъ образцовъ его проповѣди, которые представлены будутъ нами въ свое время.

Что касается до слога проповѣди, то понятно, что она, какъ произведеніе словесное, должна обладать всѣми лучшими качествами слога грамматическими, логическими и эстетическими. Въ первомъ отношеніи слогъ ея долженъ отличаться чистотою, правильностію и стройностію; во-второмъ — точностію, опредѣлительностію, связностію и ясностію; въ третьемъ—живописностію (естественностію или изобразительностію, обнаруживающеюся въ употребленіи мыслей въ простомъ или переносномъ значеніи ихъ) и энергіею, обнаруживающеюся не столько въ фигуральности, сколько въ величественной простотѣ

и соразмѣрности тоновъ рѣчи, при возможномъ однако-же разнообразіи въ повышеніи и пониженіи ихъ съ помощію вопросовъ, восклицаній, плавности и пр., но въ тоже время безъ всякой принужденности. Какъ все это выразилось въ проповѣди Филарета, слогъ рѣчи котораго даже такіе стилисты, какъ Сперанскій, ставили на ряду съ слогомъ самаго образователя новаго слога—Карамзина, это мы также лучше всего увидимъ на примѣрахъ изъ его проповѣдей, которые мы приведемъ послѣ. А теперь дополнимъ недостающее въ предшествующемъ нашемъ обзорѣ касательно условій развитія такого образцоваго слога у Филарета. Какъ само собою понятно, слогъ грамматическій развитъ до совершенства у Филарета подъ условіемъ неустанныхъ грамматическихъ-же упражненій въ своей собственной письменной (духовно-литературной) дѣятельности,—въ чтеніи и изученіи литературныхъ произведеній своего времени,—въ чисто грамматическомъ изученіи правилъ образцоваго слога,—въ критическомъ разсмотрѣніи литературныхъ, ученическихъ и другихъ произведеній того-же времени и т. д. Что-же касается до слога логическаго, то образцовыя качества его въ проповѣдяхъ Филарета достигнуты неусыпною работою его отъ природы свѣтлаго и сильнаго ума надъ собственною и чужою мыслію. Въ этомъ отношеніи великимъ подспорьемъ для Филарета служили какъ его до-петербургскія умственныя работы, такъ и въ особенности философскія занятія въ семинаріи Петербургской въ 1809—1810 годахъ. Хотя съ неохотою Филаретъ принялъ свое назначеніе на „холодную философію“ вмѣсто желанной „богословіи“, однако и здѣсь, какъ во всемъ, покорный волѣ Божіей и волѣ начальства, онъ, по принятіи должности преподавателя философіи, съ обычнымъ усердіемъ и ревностію взялся за дѣло, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ оказалъ такой успѣхъ, какой другіе преподаватели не успѣли-бы, можетъ быть, оказать и въ нѣсколько лѣтъ, какъ то обнаружилось на экзаменахъ въ іюнѣ, іюлѣ и декабрѣ 1809 года. Можно пожалуй сказать: много-ли пользы было отъ этого успѣха для самого-то Филарета и въ настоящемъ случаѣ — для развитія качествъ его логическаго стиля или слога? Но у Филарета при занятіяхъ какимъ-бы то ни

было предметомъ, научнымъ или литературнымъ, было прекрасное правило, которому стоитъ слѣдовать и въ наше многоученное время. Онъ самъ всегда слѣдовалъ этому правилу, хотя высказалъ его довольно поздно, именно въ письмѣ къ младшему брату своему отъ 6 марта 1818 года: „писано мнѣ о книгахъ тебѣ потребныхъ. Но ученіе.. не многими книгами, а размышленіемъ о читанномъ и слышанномъ. Теперь можешь читать философскія сочиненія Цицерона, что и для знанія и для языка полезно" [1]) и т. д. Помимо того, къ той-же выработкѣ логическаго стиля Филарета служила его постоянная умственная работа надъ своею и чужою мыслію, какъ мы сказали. Эта работа была такъ многоразлична и разнообразна, да притомъ въ бо́льшей своей части и настолько извѣстна уже намъ изъ предшествующаго, что указывать на нее въ подробностяхъ было-бы и излишне и потребовало-бы много времени и мѣста Въ дополненіе къ прежде сказанному и исчисленному мы укажемъ еще лишь на работы Филарета по рецензіи студенческихъ упражненій въ сочиненіи разсужденій и проповѣдей. Въ библіотекѣ Московской духовной академіи хранится рукописный экземпляръ таковыхъ упражненій окончившаго курсъ со степенью магистра, роспитанника II курса (выпуска 1817 года) Петербургской духовной академіи Михаила (въ монашествѣ Макарія) Глухарева, извѣстнаго послѣ миссіонера, переданный въ библіотеку въ 1853 году, любившимъ его какъ сына, бывшимъ учителемъ его и ректоромъ академіи—Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ. Разсужденія и проповѣди относятся къ 1815 — 1817 годамъ. Большая часть ихъ просмотрѣна Филаретомъ. На нѣкоторыхъ есть помѣтки послѣдняго, въ родѣ того, какъ: „есть мысли"; или: „немного, но съ довольнымъ размышленіемъ"; или: „основаніе мыслей очень хорошо"; или: „есть и порядокъ и сила въ мысляхъ, и точность въ выраженіяхъ" [2]) и т. д. Это показываетъ, что при чтеніи и разсмотрѣніи такихъ и подобныхъ сочиненій у Филарета на первомъ планѣ была мысль и ея выраженіе въ словѣ.

---

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 222.

[2]) № 16 допол. рукоп. библ. Моск. дух. акад. л. 4, 7 об., 11, 119.

Онъ самъ много работалъ умомъ, потому и въ сочиненіяхъ другихъ желалъ главнымъ образомъ работы мысли. Отъ того-то онъ и былъ такъ строгъ къ неточному выраженію мыслей словами, требователенъ до мелочности къ опредѣлительности и ясности выраженія мысли. И строже, требовательнѣе всего онъ былъ въ этомъ отношеніи самъ къ себѣ. Изъ образцовъ проповѣди Филарета мы увидимъ, какъ точенъ, опредѣлителенъ, связенъ и ясенъ былъ стиль ея. Но сказанное сейчасъ не значитъ однако-же, что Филаретъ уже исключительно работалъ умомъ, былъ лишь сухимъ мыслителемъ и не пользовался дарами Божіими, выдѣленными ему въ изобиліи для другихъ способностей души его и, между прочимъ, для воображенія, играющаго столь важную роль въ дѣлѣ выработки стиля эстетическаго. Нѣтъ! Мы хорошо знаемъ, что Филаретъ не чуждъ былъ даже поэтической настроенности, которой онъ платилъ дань еще въ Троицкой лаврской семинаріи и къ которой не оставался равнодушнымъ даже до старости Собственно отъ петербургскаго періода дѣятельности Филарета мы имѣемъ съ этой стороны нѣсколько живописныхъ изображеній окрестностей Петербурга, петербургскихъ собственно достопримѣчательностей и пр. въ письмахъ его къ роднымъ [1]); занятія его по временному преподаванію риторики въ семинаріи въ 1809 году; участіе въ редакціи Державинской оды „Христосъ" и нѣкоторыя другія. Благодаря этому и въ проповѣдяхъ его въ обиліи встрѣчаются тѣ качества рѣчи, которыя условливаются прямо воздѣйствіемъ воображенія, каковы: живописность, изобразительность и пр., и которыя характеризуютъ собою эстетическія черты стиля проповѣди. На примѣрахъ изъ проповѣдей Филарета мы увидимъ ясно подтвержденіе этого.

Наконецъ Филарету предстояло озаботиться еще, со стороны внѣшняго-же характера проповѣди, и о сообщеніи ея слушателямъ, причемъ должно было принять во вниманіе какъ дѣйствованіе при сообщеніи ея, такъ и самое произношеніе. „Наружность приличнѣйшая священному оратору,—говорится въ руководствѣ къ церковному краснорѣчію,— есть та, кото-

---

[1]) См. напр., стр. 122, 123, 125 и др.

рая даетъ другимъ чувствовать высокость евангельскаго служенія. Видъ простой и постоянный, позиція благопристойная, нѣкоторый благочестивый страхъ, изображающійся во всей его осанкѣ, напоминають важность его должности и привлекають къ нему слушателей" и т. д [1]). Вообще по этой части Филаретъ могъ находить много руководственныхъ указаній въ различныхъ книгахъ того времени, сюда относящихся. Да при томъ онъ такъ много видѣлъ и слышалъ современныхъ ему проповѣдниковъ, что наука эта, въ которой онъ искусился уже и въ Сергіевой лаврѣ на должности учителя и проповѣдника, не была для него трудна. Тоже и въ отношеніи къ произношенію проповѣди или дѣйствованію голосомъ. Въ томъ и другомъ отношеніи онъ, какъ проповѣдникъ, обладая натурою въ высшей степени подвижною, былъ чрезвычайно разнообразенъ, т. е. въ осанкѣ, поступи, во взорѣ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ голосѣ и пр. Вотъ какъ описываетъ его съ этой стороны извѣстный намъ Петръ (Фотій) Спасскій: „Филаретъ былъ. . росту средняго, смуглъ видомъ, власы средніе, темнорусые, браду долгую имѣлъ; лицемъ всегда свѣтлъ, веселъ быть казался; у него были глаза острые, проницательные; видъ постенъ, строгъ и пріятенъ [2]); поступь его была не скорая, важная. Голосъ тихъ, тонокъ, но ясенъ; рѣчь внятная; говорилъ остро, высоко, премудро, но все болѣе къ уму; менѣе-же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненіе священныхъ писаній: какъ-бы все лилось изъ устъ его... Казался онъ во время оно ораторъ мудрый, краснорѣчивый, писатель искусный. Все доказывало, что онъ много въ наукахъ занимался" [3]). Припомнимъ также выраженія письма А. Н. Оленина къ Филарету отъ 5 января 1813 года, характеризующія его краснорѣчіе устное, равно такъ и письменное. Но какъ въ отзывѣ Фотія исключается какъ-бы сердечность Филарета при живомъ устномъ сообщеніи мыслей, такъ и въ отзывѣ Оленина о ней,

---

[1]) Стр. 362. Спб. 1803.

[2]) Было написано: „но весьма пріятенъ"; при исправленіи-же, сдѣланномъ самимъ авторомъ записокъ въ 1834 году, первыя двѣ частицы зачеркнены и вмѣсто нихъ написанъ только союзъ *и*.

[3]) Цит. рукоп. акад. библ. ч. I, л. 47. Сравн. стр. 105—106 матеріаловъ для біографіи Филарета въ IV кн. Чтеній въ общ. люб. дух. просв.

повидимому, нѣтъ рѣчи. Однако-же Филаретъ былъ далеко не безсердеченъ, что, какъ само собою понятно, не могло-бы такъ или иначе не выражаться при сообщеніи имъ проповѣдей слушателямъ. Самъ-же Фотій въ слѣдующихъ за приведенными словахъ отзыва о Филаретѣ говоритъ: „изъ разныхъ повѣствованій объ немъ слышно было, и самому лично извѣстно, что былъ весьма сердоболѣнъ, милостивъ" [1]) и пр. Равнымъ образомъ и у Оленина, кромѣ выраженій: „безпрерывно въ слухѣ моемъ отдаются звуки прекрасныхъ выраженій изъ сочиненной вами рѣчи"; или: „краснорѣчивому перу вашему" и под., встрѣчается и выраженіе: „благочестивое перо ревностнаго служителя православной Церкви не токмо на каѳедрѣ" [2]) и пр. Короче сказать, полная гармонія силъ души, такъ счастливо сочетавшаяся въ Филаретѣ, естественно и даже необходимо выражалась и въ проповѣдническомъ дѣйствованіи его строгимъ и стройнымъ согласіемъ деталей съ цѣлымъ и обратнымъ воздѣйствіемъ общей настроенности на отдѣльные, нужные на извѣстный случай тоны этого настроенія. Отсюда-то и вытекала та цѣлостность высокаго и сильнаго впечатлѣнія проповѣди Филарета на слушателей, которая съ одной стороны влекла ихъ къ тому, чтобы болѣе и болѣе внимать слову проповѣди его, а съ другой вызывала такіе искренне похвальные и даже восторженные отзывы современниковъ о его проповѣди, какіе мы отчасти уже приводили выше.

Что-же именно и какъ проповѣдывалъ въ Петербургѣ Филаретъ, это должны повѣдать намъ самыя проповѣди его, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступимъ.

Мы помнимъ, конечно, ту первую проповѣдь іеромонаха Филарета на день Благовѣщенія 1810 года, которая вызвала столь разнорѣчивые толки въ Петербургѣ, что одни считали ее настоящею Массильоновскою проповѣдію, а другіе говорили, что составитель ея „обокралъ" только Массильона; одни, благодаря этой проповѣди, усердно искали знакомства съ вновь про-

---

[1]) См. цит. рукопись библіотеки Моск. дух. акад. и кн. Чтеній въ общ. люб. дух. просв.

[2]) „Сынъ Отечества" за 1813 г. ч. VII, стр. 220.

явившимся 27-лѣтнимъ проповѣдникомъ; другіе, напротивъ, въ тайнѣ завидовали ему и негодовали на него, какъ на выскочку, и которая въ концѣ концовъ была напечатана на иждивеніе Св. Сνнода, послуживъ началомъ славы Филарета, какъ проповѣдника, въ Петербургѣ. Эта проповѣдь, какъ мы замѣчали въ свое время, послужила также и началомъ, поводомъ къ сближенію оберъ-прокурора Св. Сνнода князя А. Н. Голицына съ Филаретомъ и главнымъ образомъ потому, что она отвѣчала духовному настроенію князя, уже въ то время, подъ вліяніемъ Лабзина, Сперанскаго и др. начинавшаго вдаваться въ мистицизмъ, котораго столь ревностнымъ поборникомъ онъ оказался послѣ. Интересно, поэтому, будетъ познакомиться съ самою проповѣдію, произведшею такое на многихъ впечатлѣніе. Проповѣдь сказана на текстъ: *и дастъ Ему Господъ Богъ престолъ Давида Отца Его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки* (Лук. 1, 32—33) и развиваетъ мысль о томъ, въ чемъ состоитъ *царство Христово.* Въ этомъ отношеніи проповѣдь Филарета дѣйствительно отчасти совпадаетъ съ проповѣдію Массильона, также на день Благовѣщенія произнесенною, потому что эта послѣдняя исходитъ изъ того-же текста, только взятаго въ начальныхъ его выраженіяхъ: *сей будетъ велій* (Лук. 1, 32) и раскрываетъ мысль объ истинномъ величіи Христа. Но затѣмъ какая великая разница и въ развитіи темы, и въ постановкѣ дѣла и въ пріемахъ обоснованія и раскрытія второстепенныхъ мыслей проповѣди! Для точнѣйшаго сличенія той и другой проповѣди, приводимъ ту и другую полностію. И прежде всего вотъ проповѣдь *Массильона* по русскому переводу *Ив. Ястребцова,* напечатанному въ Петербургѣ въ 1808 году, съ одобренія Св. Сνнода:

„*Сей будетъ велій.* Луки 1, 32.

„Государь! [1]) Когда люди предвѣщаютъ о юномъ царѣ, что онъ будетъ великъ и славенъ: сіе гаданіе возбуждаетъ въ нихъ мысль о побѣдахъ его и временномъ благоденствіи. Будущее величіе поставляютъ токмо въ бѣдствіи народовъ; и тѣ пред-

---

[1]) Проповѣдь говорена была Массильономъ въ присутствіи короля французскаго Людовика XV.

знаменованія, изъ которыхъ заключаютъ о славѣ царствованія, обращаются въ плачевныя предвѣстія погибели другихъ державъ.

„Но не сими печальными знаменіями величія благовѣствуетъ Ангелъ Дѣвѣ Маріи, яко Христосъ велій наречется. Языкъ истины далекъ отъ неправды и суетныхъ словесъ ласкателей. Не тако вѣщаетъ Богъ, яко-же человѣкъ! Іисусъ Христосъ будетъ велій, потому, что Отроча *свято, наречется Сынъ Божій* (Луки 1, 35); *Той спасетъ люди своя* (Матѳ. 1, 21); *и царствію Его не будетъ конца* (Луки 1, 33). Таковы суть свойства царя, нынѣ благовѣствуемаго: величіе святости, милосердія, некончаемости.

„Государь! не полагай величія въ знаменитости породы, въ пышныхъ титлахъ, въ блескѣ побѣдъ, или въ обширности твоей державы и силы. Буди благочестивъ, полезенъ людямъ; и жизнь, и царство содѣлай вѣчнымъ примѣромъ для грядущихъ временъ, и наречешися велій!

„Се знаменія истиннаго величія: побесѣдуемъ о нихъ кратко.

„Предвѣчное происхожденіе Іисуса Христа, титло Сына Божія, существенное святости Его, есть вкупѣ титло величія и превосходства. Не потому нареченъ велій, что считаетъ царей и патріарховъ между предками своими, и что августѣйшая кровь течетъ въ жилахъ Его. Велій, яко есть святъ, и Сынъ Вышняго. Величество сіе имѣетъ начало свое въ Богѣ, изъ нѣдръ Коего исходитъ; и велія тайна судебъ Его, благовѣствуемая нынѣ, почерпаетъ всю славу въ божественномъ рождествѣ Его.

„И въ насъ, слушатели, великое токмо то, что отъ Бога происходитъ. Пусть сильные земли гордятся тѣмъ, что имѣютъ, подобно Іисусу Христу, князей и царей между предками: но ежели все преимущество ихъ состоитъ въ славѣ предковъ, и все величіе—въ одномъ имени; ежели титла суть единственныя ихъ добродѣтели; ежели надобно восходить къ вѣкамъ прошедшимъ, чтобъ найти въ нихъ нѣчто, достойное нашего уваженія: то знаменитая порода унижаетъ токмо и безчеститъ ихъ, даже въ самомъ понятіи свѣта; имя ихъ непрестанно будутъ противополагать ихъ особѣ, память предковъ обратится въ посрамленіе потомковъ; бытописанія, въ которыхъ изобра-

жены великія дѣянія отцевъ и праотцевъ, суть непреложные свидѣтели, явно возстающіе на недостойныхъ преемниковъ рода... Всякой ищетъ въ наслѣдникѣ славы прародительской; взыскуетъ отъ имени его добродѣтелей, нѣкогда украшавшихъ отечество, и сія громада славы, имъ наслѣдуемая, есть не что иное, какъ тяжесть, которая гнететъ и подавляетъ.

„Со всѣмъ тѣмъ большая часть вельможъ выставляетъ на челѣ своемъ гордость породы. Обыкновенно считаютъ степени величія по вѣкамъ, которые уже не существуютъ,—по достоинствамъ, которыми не сами отличались,—по дѣяніямъ, которыя не имъ принадлежатъ,—по предкамъ, отъ коихъ остается токмо бренный прахъ,—по памятникамъ, которые время ниспровергло,—и мнятъ, что они выше прочихъ потому, что остается у нихъ болѣе домашнихъ доказательствъ быстротечности временъ, и что могутъ производить болѣе титлъ, нежели другіе, отъ суетности дѣлъ человѣческихъ!

„Конечно, высокая порода есть важное преимущество, съ которымъ, по общему всѣхъ согласію, искони соединяется право на отличія и уваженіе: но это одно преимущество, а не добродѣтель; это обязанность къ славѣ, а не награда ея; это домашній урокъ и благородное побужденіе къ великимъ дѣламъ; но не то, что дѣлаетъ великими; это наслѣдіе чести и достоинства, но оно исчезаетъ, какъ скоро наслѣдуетъ имя безъ добродѣтелей, содѣлавшихъ его славнымъ. Въ такомъ случаѣ мы начинаемъ съ себя, такъ сказать, новое племя. Имени нашему будетъ принадлежать благородство, а лицу—стыдъ и безчестіе.

„Итакъ, есть-ли въ понятіи самаго свѣта порода безъ добродѣтели—пустое титло, изобличающее насъ въ низкости духа, то что-же она предъ лицемъ Бога, поставляющаго въ насъ великимъ и существеннымъ токмо дары благодати Своея?

„Единое убо рожденіе по вѣрѣ составляетъ знаменитѣйшее изо всѣхъ титло. Велій, кто, подобно Іисусу Христу, нарицаяйся сыномъ Божіимъ, хранитъ превосходство отрожденія своего въ Богѣ. Имъ-то возносится христіанинъ паче царей и князей земныхъ; чрезъ него входитъ въ права своего Искупителя; чрезъ него—все въ свѣтѣ наше, весь міръ нашъ; па-

тріархи и всѣ святые мужи прошедшихъ вѣковъ—предки наши; мы наслѣдники вѣчнаго царствія; предопредѣленные судіи ангеловъ и человѣковъ; власти, яже узрятъ нѣкогда у ногъ своихъ царства и державы вѣка сего.

„Но не довольно, по словамъ св. Іоанна, имѣть одно имя; надлежитъ дѣйствительно быть таковыми. *Да чада Божія наречемся и будемъ* (1 Іоан. 3, 1). Есть-ли бы сыны царей вопреки священной породѣ, имѣли низкость духа, уподобиться жизнію простолюдинамъ; есть-ли бы они, потерявъ изъ виду престолъ, на который со временемъ должны вознестися, стали пресмыкаться во прахѣ, и за удовольствіе вмѣняли образомъ мыслей и занятій своихъ подходить къ черни: то какое поруганіе имени ихъ! какой позоръ для царства, которое ожидало-бы таковыхъ монарховъ!

„Но стократъ виновнѣе чада Божія, когда унижаются до того что живутъ подобно сынамъ человѣческимъ! Благодать крещенія вознесла тебя, государь, выше славы твоего рода. По праву крови, ты сынъ царевъ, и самъ царь земли; по праву отрожденія благодатнаго, ты сынъ Божій, наслѣдникъ вѣчнаго царствія.

„Итакъ по всему, чего требуетъ царская порода, суди, государь, о важности божественнаго отрожденія. Есть-ли сыны царевы должны быть превыше прочихъ человѣковъ; есть-ли малѣйшая въ нихъ слабость показываетъ степень униженія, малѣйшій недостатокъ служитъ укоризною и пятномъ, помрачающимъ блескъ породы; ежели даже неодинаковость нрава вмѣняется имъ въ преступленіе; словомъ, ежели свѣтъ требуетъ отъ нихъ вдругъ, чтобы они были могущественнѣе, прозорливѣе, снисходительнѣе, нѣжнѣе, благороднѣе всѣхъ: то чего не востребуетъ Богъ отъ сыновъ благодати? какой невинности! какой непорочности сердца! какого благородства въ мысляхъ! какого владычества надъ чувственностію! какого презрѣнія ко всему бренному и невѣчному! Сколь великимъ надобно быть тому, кто хочетъ сохранить превосходство толь высокаго происхожденія!

„Первое свойство величія Іисуса Христа есть величіе святыни. *Сей будетъ велій, и Сынъ Вышняго наречется.* Второе, величіе милосердія. *Той бо спасетъ люди своя.*

„Нисходитъ Іисусъ Христосъ на землю, да водворитъ въ человѣцѣхъ миръ и благоволеніе. Столько вѣковъ стонали мы подъ игомъ рабства и проклятія: Онъ приходитъ расторгнуть оковы плѣна и даровать свободу. Мы были врагами Бога, отчужденными Его обѣтованій: Онъ приходитъ примирить насъ съ Богомъ и содѣлать достойными чадами Новаго Завѣта. Мы жили въ мірѣ, не имуще закона, вѣры и Бога: Онъ приходитъ на землю, да будетъ нашимъ закономъ, нашею истиною, нашимъ спасеніемъ. Словомъ, пришествіе Іисуса Христа возобновляетъ всю природу, очищаетъ оскверненное, укрѣпляетъ немощное, спасаетъ погибшее, собираетъ расточенное.

„Въ томъ и заключается истинное величіе, чтобъ быть полезнымъ роду человѣческому. Цари и князи вѣка не могутъ назваться великими, развѣ устрояя счастіе подданныхъ, развѣ даруя имъ свободу, миръ и обиліе.

„Я сказалъ *свободу*—не ту, которая поблажаетъ страстямъ и своевольству; то новое иго и постыднѣйшее рабство: щитъ бо и огражденіе царствъ есть жизнь по вѣрѣ. Опять не ту свободу, которая или возстаетъ противъ законной власти, или старается раздѣлить единство оныя, или, подъ видомъ ограниченія, покушается уничтожить ее совсѣмъ. Блаженство народовъ заключается токмо въ покорности и благоустройствѣ. Какъ скоро уклоняются граждане отъ опредѣленной точки повиновенія, то и правительство теряетъ свою силу: всякій захочетъ быть самъ себѣ закономъ: крамолы, мятежи, коварства и ненаказанность зарождаются отъ независимости. Не можетъ государь править счастливо, развѣ содержа подданныхъ во власти своей, и вкупѣ содѣлывая подчиненность любезною и пріятною!

„Свобода, на которую вышняя власть должна уступить право послѣднему изъ рабовъ, есть свобода законовъ. Государь! ты властитель живота и имущества нашего, но не можешь иначе располагать ими, какъ посредствомъ законовъ. Положимъ, что единъ токмо Богъ выше тебя; но законы долженствуютъ имѣть болѣе власти, нежели ты самъ. Не надъ рабами поставленъ ты царемъ, но надъ свободнымъ и воинственнымъ народомъ; покорность наша тѣмъ благонадежнѣе, что основана на сердеч-

ной преданности и любви къ законнымъ государямъ. Они все могутъ надъ нами, поклику любовь сія не полагаетъ предѣловъ покорности; надобно же, чтобы и государь полагалъ самъ предѣлы власти своей. Неограниченная преданность не должна служить предлогомъ къ неограниченнымъ требованіямъ; въ противномъ случаѣ, государь не будетъ отецъ и покровитель своего народа, но первый врагъ и угѣснитель. Не царствуетъ онъ надъ подданными, но порабощаетъ ихъ.

„Изъ этого заключай, государь, что не самодержецъ, а законы должны управлять народомъ. Ты только первый служитель пользы общественной и главный блюститель цѣлости законовъ. Чрезъ нихъ токмо и власть твою не будемъ почитать игомъ тягостнымъ, но паче правиломъ, которымъ надлежитъ руководствоваться; прибѣжищемъ, въ которомъ ищутъ покрова и заступленія; отеческою любовію, которая по мѣрѣ любви подданныхъ, увѣряется въ собственной безопасности. Мы свободны, какъ скоро управляютъ нами законы; и тогда, безгласное повиновеніе есть наше блаженство: ибо оно составляетъ наше спокойствіе и ограду. Страсти, несправедливыя предпріятія, необузданныя желанія, прихоти, соединяемыя съ правами высшей власти, не только не распространяютъ, но паче обезсиливаютъ ее. Думаешь быть сильнѣе, когда хочешь быть выше законовъ; но это несправедливо. Мняйся стояти, падаеши! Все, что ни дѣлаетъ власть неправедною и ненавистною, разрушаетъ ее. Источникъ могущества царей находится въ сердцѣ народа. Самовластители, которые ничего не знаютъ выше себя, всегда теряютъ права своей власти, какъ скоро лишаются любви подданныхъ.

„Я сказалъ еще: *миръ и обиліе*, сіи блага, принесенныя Іисусомъ Христомъ на землю. Велій нареченъ Сынъ Божій и потому, что благодѣтельствуетъ роду человѣческому.

„Такъ, государь! надобно содѣлаться полезнымъ для человѣковъ, чтобъ быть великимъ во мнѣніи человѣческомъ. Одна благодарность могла нѣкогда боготворить благодѣтелей. Люди поклонялись землѣ, которая питала ихъ; солнцу, которое освѣщало ихъ; добрымъ государямъ, напримѣръ: Юпитеру Критскому, Озириду Египетскому, которые подавали мудрые за-

коны, были отцами отечества, устрояли счастіе подданныхъ. Любовь и почтеніе, отъ признательности происшедшее, толь было живо, что обратилось въ богослуженіе.

„Надлежитъ возбудить въ народѣ сердечное участіе въ нашихъ дѣлахъ, когда хотимъ содѣлать славу ихъ безсмертною; а сего, безъ благотворенія, ожидать не можно. Таланты наши и преимущества, есть-ли токмо возвышаютъ насъ передъ другими, и не поспѣшествуютъ ихъ счастію, паче ослѣпляютъ чуждые взоры, нежели привлекаютъ. Знатность, сама собою, возбуждаетъ одну зависть, а не любовь и уваженіе. Въ похвалахъ народныхъ замѣчаютъ что-то самолюбивое; всегда тщеславіе, или польза личная бываетъ настоящимъ ихъ источникомъ; рѣдкіе любятъ втунѣ расточать похвалы, отъ которыхъ нельзя не чувствовать, что сами унижаютъ себя!. Но благодарность побѣждаетъ и тщеславіе. Сама гордость охотно терпитъ, чтобы благотворный человѣкъ былъ вкупѣ начальникомъ

„Государь, имѣющій однѣ воинскія добродѣтели, никакъ не увѣренъ въ томъ, чтобы могъ сохранить имя великаго и въ потомствѣ: онъ трудился токмо для себя и ничего не сдѣлалъ для подчиненныхъ; а подпору и величіе государя составляетъ любовь подданныхъ! Можетъ онъ прослыть великимъ завоевателемъ, но никогда—великимъ государемъ. Выиграетъ много сраженій, но не пріобрѣтетъ сердецъ: покоритъ грады иноплеменныхъ, но истощитъ свои: словомъ, искуснымъ будетъ военачальникомъ и худымъ народоправителемъ.

„Но государь, поставляющій славу въ благополучіи подданныхъ, предпочитающій миръ и тишину, яко единственный источникъ всеобщаго благоденствія, громкимъ побѣдамъ, которыя служатъ его токмо видамъ; государь, поставляющій драгоцѣннѣйшее сокровище въ пріобрѣтеніи сердецъ, мудростію законовъ и примѣрами собственными изгоняющій своевольство и безчиніе изъ своихъ владѣній; государь, который силенъ исправить злоупотребленія, сохранить цѣломудріе нравовъ народныхъ, содержать каждаго изъ подчиненныхъ на мѣстѣ, ему приличномъ, ограничить роскошь, всегда пагубнѣйшую для государства, нежели брань и другія напасти; воздать вѣрѣ праотцевъ своихъ силу, славу, величество и единообразіе, под-

держать въ народѣ благоговѣніе къ оной; подданныхъ почитать дѣтьми, и власть самодержавія обращать въ пользу ввѣрившихъ ему оную: таковый государь всегда останется великимъ и любезнымъ по добродѣтелямъ своимъ, а не по сану. Отцы будутъ повѣствовать дѣтямъ о благополучіи, которымъ наслаждались при толь добромъ государѣ: дѣти будутъ повторять сіе правнукамъ, и въ каждомъ семействѣ память о немъ, соблюдаемая изъ рода въ родъ, содѣлается какъ-бы домашнимъ монументомъ, поставленнымъ внутрь отеческихъ стѣнъ, въ вѣчную славу любимаго государя.

„Такъ! не златые кумиры, не пышныя надписи даютъ право на безсмертіе. Рано, или поздно, время сокрушитъ ихъ, яко дѣло рукъ человѣческихъ. Тщетно Римъ и Греція размножали древле, въ безчисленныхъ лицеизображеніяхъ, своихъ государей и кесарей; тщетно истощали чудесную силу искусства на то, чтобы содѣлать ихъ драгоцѣнными для грядущихъ племенъ. Изо всѣхъ гордыхъ памятниковъ древности едва-ли одинъ дошелъ до насъ. Что пишется на мраморѣ и мѣди, скоро и легко изглаждается: но что пишется на сердцахъ, пребываетъ во вѣки.

„Послѣдняя печать величія Іисуса Христа есть нескончаемость славы Его: *и царствію Его не будетъ конца.* Іисусъ Христосъ вчера и днесь той-же и во вѣки. Благотворенія продлятъ Его царство и силу; во всѣ времена люди будутъ признавать Его своимъ Избавителемъ, Архіереемъ присно живымъ, и ходатайствующимъ о людехъ предъ Отцемъ небеснымъ. Онъ будетъ Царь самой вѣчности; торжествующая Церковь на небеси такъ же содѣлается Его царствіемъ и достояніемъ, какъ и воинствующая на земли. — Се, величіе вѣчности!

„И, конечно, суетна слава, долженствующая окончиться вмѣстѣ съ нами: таковую славу даютъ больше титламъ, а не добродѣтелямъ нашимъ. Это ложный блескъ, окружающій наше мѣстопребываніе, но не исходящій отъ насъ. Льстецы превозносятъ заслуги наши до небесъ; а совѣсть ни единой похвалы не оправдываетъ! Слава мірская не что иное, какъ обманъ, или слѣдствіе заблужденія людей: почему и не уди-

вительно, ежели она, вмѣстѣ съ нами, скончается. Еще курится ѳиміамъ народной хвалы надъ прахомъ умершаго Владыки; но пройдетъ одинъ день, и все исчезло! Тотъ, кто расточалъ похвалы усопшему, самъ послѣ стыдится оныхъ; языкъ лести обращается въ какое то неупотребительное, грубое для слуха нарѣчіе, которымъ за низкость почитаютъ говорить. Повидимому, стыдятся незаслуженныхъ похвалъ и самые памятники, на которыхъ онѣ существуютъ какъ-бы для того, чтобы торжественно напоминать потомству о суетности ихъ. Никакое убо ласкательство не переживаетъ своихъ героевъ: наемные пѣснопѣвцы во славу государей увѣковѣчиваютъ, но свою подлость и корыстолюбіе.

„Истиннаго величія царямъ надобно искать въ вѣкахъ послѣдующихъ; чѣмъ болѣе времена отдаляются, тѣмъ паче слава ихъ ростетъ и укрѣпляется, есть-ли токмо источникъ ея въ любви народной. Суетны и лживы похвалы, данныя государямъ при жизни, когда не повторяются онѣ по смерти ихъ. Здѣсь-то потомство, всегда справедливое въ сужденіяхъ, или низводитъ царей отъ славы, которою они обязаны были могуществу и сану своему; или сберегаетъ для нихъ то отличіе, которое пріобрѣли не властію, а добродѣтелію. Надобно, чтобы жизнь государя великаго могла служить правиломъ и для преемниковъ престола, и чтобы его царствованіе обратилось въ примѣръ для послѣдующихъ.

„Не однѣ побѣды царя Давида поставили его образцемъ для царей, преемниковъ его, — и Саулъ такъ-же одерживалъ побѣды надъ Филистимлянами и Амаликами,—но страхъ Господень, любовь къ подданнымъ, ревность къ закону и вѣрѣ отцевъ, смиреніе предъ Богомъ въ скорбѣхъ, умѣренность во счастіи и благоденствіи, почтеніе къ пророкамъ, приходившимъ къ нему отъ имени Вышняго, наставлять его въ обязанностяхъ царя, и обращать очи его на собственныя слабости; торжественныя слезы покаянія, ими-же окроплятъ престолъ свой; богатство, уготованное имъ на созданіе храма Господня; довѣренность къ первосвященнику и служителямъ алтаря; тщаніе внушить сыну своему Соломону правила добродѣтели и мудрости; словомъ, благоустройство и правосудіе законовъ,

изданныхъ въ пользу народа,— вотъ что дѣлало Давида примѣромъ, достойнымъ подражанія.

„Равно и ты, государь, не побѣды надъ врагами торжествуя, содѣлаешься великъ и препрославленъ: но любовію къ подданнымъ, благочестіемъ, ревностію въ вѣрѣ отцевъ твоихъ, радѣніемъ о благѣ общественномъ.

„О государь, Богомъ избранный! люби народъ свой; и сіи самыя слова, толь часто влагаемыя во ушеса твоя, нынѣ да обрящутъ свободный доступъ къ твоему сердцу. Буди человѣколюбивъ, кротокъ и снисходителенъ: состражди нашимъ бѣдствіямъ, входи въ нужды общественныя, и будешь государемъ великимъ; и вѣкъ царствованія твоего уравнится вѣкамъ славы монархіи. Тамъ, гдѣ люди почти родятся добрыми подданными, надобно, чтобы и государь былъ добрымъ государемъ!

„Другаго рода славы нѣтъ для сильныхъ земли. Величіе сана ихъ заключается въ любви народной, которая едина продолжаетъ изъ вѣка въ вѣкъ память добрыхъ царей. Коль славно и по смерти царствовать надъ преданными сердцами! быть увѣреннымъ при жизни, что во всѣ грядущія времена или будутъ сѣтовать народы, что не жили въ ихъ царствованіе; или радоваться о томъ, что нынѣ живутъ при царѣ добромъ, который во всемъ подобенъ благочестивымъ предшественникамъ! Коль почтенно заставить говорить о себѣ и въ потомствѣ, яко-же царица Савская рекла нѣкогда о Соломонѣ: блаженны тѣ, которые зрѣли его и жили подъ мирною сѣнію законовъ его! блаженъ вѣкъ, явившій землѣ толь мудраго и благаго самодержца! блаженны грады и веси, обильные миромъ, веселіемъ и незлобіемъ счастливѣйшихъ патріархальныхъ временъ!

„Великій Боже! Ты единъ даеши благихъ царей людемъ Твоимъ, и сей есть величайшій изъ даровъ Твоихъ на земли. Еще содержиши въ руцѣ Твоей августѣйшее отроча сіе, Тобою оправданное царствовати надъ нами. Еще не изшелъ онъ изъподъ руки, образующей юность его, и приводящей въ совершенство. Господи Боже! еще есть время: настави его и научи творити счастіе народовъ, для которыхъ блюдеши его, и да не отягчитъ Твоея благости моленіе наше, толикократно

здѣсь возобновляемое; сопряжено бо есть со спасеніемъ людей Твоихъ, выну покоящихся подъ кровомъ милосердія Твоего.

„Токмо при благихъ царяхъ и Твое, о Боже! царство утверждается; вѣра надъ заблужденіями торжествуетъ; гнусное невѣріе изгоняется, или принуждено таить свое безобразіе; строптивые умы познаютъ, что покорность и единомысліе могутъ доставить имъ безопасное прибѣжище и покровъ; служители алтаря святаго, мирные въ прехожденіи званія своего, и бодрственно пекущіеся о цѣлости ввѣренной имъ паствы, съ удовольствіемъ зрятъ согласіе царственной власти съ правами священства, и всѣ сердца, уже совокупленныя у подножія престола, приносятъ той-же союзъ и согласіе къ подножію алтаря.

„Умножи, Господи Боже, въ юномъ монархѣ нашемъ сіи благословенные дары, каковыхъ чаютъ народы отъ благихъ токмо царей. Не просимъ, да ополчиши руку его на враги, и побѣдитъ языки иноплеменные: молимъ, да будетъ отцемъ своего народа. Сей есть нашъ вторый Моисей, Тобою спасенный отъ смерти: да будетъ, подобно первому Моисею, избавителемъ и спасителемъ новаго Израиля. Аминь“ [1]).

Послушаемъ теперь слово русскаго Массильона—Филарета на тотъ-же день.

И дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида отца его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки. (Лук. 1, 32 и 33).

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа Аминь.

„Пріиди, воцарися, Царь блаженства и славы! безъ Тебя—*міръ во злѣ лежитъ* (1 Іоан. 5, 19); мракъ египетскій распространяется и угрожаетъ всей землѣ; Твои враги рыкаютъ, яко скимны, или безпечно засыпаютъ на трупахъ добычъ своихъ; остальныя капли елея догараютъ, кажется, въ лампадахъ бдящихъ рабовъ Твоихъ и своимъ мерцаніемъ освѣщаютъ повсемественную полночь. Поспѣшай, Женихъ чистыхъ душъ! взыди, Солнце правды! воцарися, Царь блаженства и славы!

„Давно уже бѣдствія человѣчества призывали такимъ образомъ Избавителя. Наконецъ ожиданный вѣками день прибли-

---

[1]) Стр. 113—133 избранныхъ словъ Массильона, ч. I цит. изд.

жается. Сокрушенный скипетръ Іуды, совершеніе седминъ Даніиловыхъ, молва о предопредѣленномъ судьбою новомъ царствѣ, имѣющемъ начаться отъ Іудеи, распространившаяся между самыми язычниками, предварительно возвѣщаютъ о Немъ; Ангелъ приноситъ непосредственное о грядущемъ Сѣмени обѣтованномъ предсказаніе; блаженная Дѣва готовится быть Его матеріею; чающіе избавленія во Іерусалимѣ исполняются нетерпѣливости.

„Но что послѣдуетъ за симъ ожиданіемъ! Великій преемникъ Давидовъ родится въ низкомъ семействѣ древодѣля; возрастетъ въ бѣдности; проведетъ чудесную жизнь свою въ бѣдахъ и напастяхъ; на минуту признаютъ Его Царемъ, и вскорѣ, вмѣсто престола, воздвигнутъ для Него крестъ. Онъ Самъ едва не отречется, повидимому, отъ короны Давида отца Своего: *царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. 18, 36).

„При семъ видѣ порокъ снова воздымаетъ чело; малодушіе падаетъ; вѣра и добродѣтель воздѣваютъ руки къ небу и призываютъ утѣшеніе.

„Свѣте тихій, святыя славы! посли лучъ Твой разсѣять мглу безпокойныхъ мыслей, да видимъ хотя зарю надежды, во тьмѣ сидящіе.

„Истина, слушатели, не должна быть ужасна любителямъ истины: поелику *совершенная любовь изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 18). Да внемлемъ любовію; тогда и грозный для слуха гласъ ея будетъ сладокъ для сердца нашего. *Царство мое*, говоритъ Истина, *нѣсть отъ міра сего*. Я не отвергаюсь царства, которое неотъемлемо принадлежитъ Мнѣ: только это не есть міръ. Оно въ мірѣ, но не отъ міра. Я имѣю малое стадо, но которое отъ востока разсѣяно до запада, отъ юга до сѣвера. Я имѣю обширнѣйшее владычество, но котораго средоточіе выше всѣхъ столицъ міра. Во храмѣ, въ чертогѣ, въ хижинѣ Я нахожу вѣрныхъ Себѣ; въ хижинѣ, въ чертогѣ, даже во храмѣ Я вижу враговъ Моихъ. Князь тьмы объемлетъ своею властію большую часть подсолнечной: *Азъ же поставленъ есмь Царь* отъ Отца свѣтовъ *надъ Сіономъ горою святою Его, возвѣщаяй повелѣніе Господне* (Псал. 2, 6 и 7). Повелѣніе Господне, Божіе слово есть Мой скипетръ, слышащіе и хранящіе оное—

слуги Моего царствія. До времени, которое Отецъ положилъ во Своей власти, слово сего царства сокрыто внутрь его, и оно не отдѣлено безопасными границами. Міръ, какъ царство тьмы, не видитъ его; но всегда противоборствуетъ ему, какъ царству свѣта. *Царство Мое нѣсть отъ міра сего.*

„Слышите, какъ единый глаголъ устрашаетъ и ободряетъ, поражаетъ и укрѣпляетъ; или, лучше, прежде ободряетъ и укрѣпляетъ, потомъ устрашаетъ и поражаетъ *Царство Мое*—вотъ надежда укрѣпляющая! *Нѣсть отъ міра сего*—вотъ страхъ поражающій. Какое прозорливое попеченіе о немощи нашей! Какое мудрое руководство къ великодушію! Прежде нежели открываетъ причину безпокойства, указуетъ на источникъ утѣшенія; представляетъ уже совершающуюся побѣду, и тогда поставляетъ въ сраженіи; подаетъ щитъ, и послѣ наноситъ ударъ. Что же медлимъ? Преодолѣемъ искушеніе даруемою намъ силою; изгонимъ страхъ любовію. Хрістосъ [1]) царствуетъ: что можетъ быть сего вожделѣннѣе! *Господь воцарися, да радуется земля* (Псал. 96, 1). Нѣтъ нужды, что еще *облакъ и мракъ окрестъ Его* (Псал. 96, 2); что Его царство не всегда имѣетъ довольно чувственнаго великолѣпія; что иногда какъ бы поглощается царствомъ тьмы. Довольно: *Господь воцарися, да гнѣваются людіе* (Псал. 98, 1), сколько хотятъ. Пусть нетерпѣливость негодуетъ, нечестіе издѣвается, злоба ярится. Пусть мятется міръ: это его несчастіе, что онъ не удостоивается имѣть толь великаго, толь благаго Владыку,—христіанамъ почто смущаться? *Любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 28).

„Такъ, хрістіане, сіи временныя противности царства Хрістова, и Его, такъ сказать, изгнаніе отъ міра, иногда явное и грубое, иногда тонкое и хитрое, суть такія событія, которыя предопредѣлилъ человѣколюбивый Богъ въ пользу любящихъ Его человѣковъ. Онъ искушаетъ ихъ, яко злато въ горнилѣ, дабы пріять ихъ наконецъ, яко всеплодіе жертвенное.

---

[1]) На основаніи конечно греческаго: χριστός (въ отличеніе отъ χρηστός—полезный)—Христосъ. Филаретъ это и другія отъ него происходящія въ русскомъ языкѣ слова (христіане, христіанство и пр.) всегда писалъ черезъ *і*, а не черезъ *и*, какъ мы привыкли писать ихъ.

Міръ есть то горнило, въ которомъ огонь искушеній, постепенно разрушая плоть, очищаетъ сокровище духовное и возвышаетъ цѣну его предъ очами неба Если небесный Царь требуетъ свободнаго и сердечнаго себѣ служенія, если Онъ созидаетъ царство чадъ и братій, то удивительно-ли, что не покупаетъ нашего повиновенія видимыми выгодами, что не порабощаетъ насъ опасеніемъ близкихъ уроновъ, а уноситъ отъ взоровъ нашихъ Свою награду, и даже выставляетъ иногда предъ нами нѣкоторыя непріятности, чтобы дать намъ непринужденнѣе и безкорыстнѣе избрать Его Владыкою нашего сердца? Если вѣрѣ даруется благодать и вѣчность упованію, то не нужно-ли отдалить видѣніе, чтобы дать мѣсто вѣрѣ и упованію? Если *кроткіе* должны *наслѣдовать землю* блаженства (Матѳ. 5, 5), то на землѣ испытанія нѣтъ-ли причины терпѣть окрестъ ихъ дерзкихъ и притѣснителей? Если любовь къ Богу, чтобы мы были Его достойны, должна взять въ насъ верхъ надъ всякою другою, то не обязаны-ли мы Ему тѣмъ, что Онъ облегчаетъ намъ исполненіе сея должности, дѣлая нашимъ врагомъ прелестный міръ, который такъ трудно перестать любить?

„Пріиди, отважный мудрецъ, который мнитъ судить судящаго всей земли: скажи намъ, какъ-бы ты поступилъ иначе? „Я отдалъ-бы и земныя блага тѣмъ, которые достойны небесныхъ“. Умолкни: ты человѣкъ, твои мысли, твои желанія тебя обличаютъ. Не такова воля Того, Кто творитъ избранныхъ Своихъ *причастниками Божественнаго естества* (2 Петр. 1. 4) Онъ желаетъ имъ божественнаго счастія,—счастія превращать зло во благо, препятствія въ средства, и не имѣть надобности въ землѣ на пути къ небу.—„По крайней мѣрѣ, самая любовь христіанская, не заставляетъ-ли желать, чтобы тѣ, которые не суть отъ міра, были отъ него восхищены, дабы не имѣть опасности прикасаться его нечистотѣ?“ О, сія любовь христіанская, однако еще не Христова. Ты любишь христіанъ; Христосъ—христіанъ и человѣковъ. Ты благопріятствуешь вѣрнымъ; Онъ печется о всѣхъ. Ты хощешь соблюсти сущихъ Его; а Онъ чрезъ Своихъ пріобрѣсть и тѣхъ, которые не суть Его. Онъ окружаетъ свѣтъ тьмою для того, чтобы мало-по-малу, сколько можно, просвѣтить и тьму; позволяетъ сынамъ свѣта смѣ-

шиваться съ сынами непріязненными, дабы и симъ подать случай *пріять любовь Божію, во еже спастися имъ* (2 Сол. 2, 10). Если-бы царство свѣта отдѣлилось такъ, чтобы ни одна искра не падала изъ него въ царство тьмы, то что былъ-бы міръ, какъ не адъ, и что сталось бы съ тѣми несчастными, коихъ Христосъ теперь и не числитъ Своими, такъ какъ еще не распявшихъ плоть со страстьми и похотьми, но и не отрѣваетъ въ надеждѣ ихъ исправленія?

„Предположимъ на минуту возможность таковаго совершеннаго раздѣленія сыновъ царствія отъ сыновъ вѣка сего. Вообразимъ, напримѣръ, что Христосъ внезапно явился-бы въ семъ храмѣ, подобно какъ нѣкогда въ Іерусалимскомъ, и нашедъ здѣсь, какъ тамъ, *продающихъ и купующихъ* (Матѳ. 21, 12), продающихъ фарисейское благочестіе и покупающихъ славу ревностныхъ служителей Божества, продающихъ свою пышность и покупающихъ удивленіе легкомысленныхъ, продающихъ обманчивую лѣпоту взорамъ и покупающихъ обольщеніе сердцу, приносящихъ въ жертву Богу нѣсколько торжественныхъ минутъ и хотящихъ заплатить ими за цѣлую жизнь порочную,—всѣхъ сихъ, немедленно, навсегда извергнулъ бы отселѣ, да не творятъ дома молитвы домомъ гнусной купли, и, какъ недостойныхъ, отсѣкъ бы отъ сообщества истинно вѣрующихъ... Какая надежда осталась бы тогда симъ изгнанникамъ? Покаяніе? Но кто бы научилъ ихъ ему? Кто бы увѣрилъ, что еще можетъ оно быть принято? Кто бы поддержалъ въ постоянномъ его совершеніи? Безъ наставленія, безъ возбужденій, среди соблазновъ, будучи непрестанно влекомы стремленіемъ житейскаго моря, они совсѣмъ были-бы потеряны для царствія Божія такъ, какъ и оно для нихъ. Нынѣ, если совѣсть ихъ усыплена, то пробуждаетъ ее наставленіе; когда наставленіе не дѣйствуетъ, примѣръ добродѣтели влечетъ за собою; стыдъ исправляетъ; самая благопристойность, принуждающая до нѣкоторой степени подражать дѣйствіямъ благочестія, есть уже родъ наставленія въ немъ. Посему-то Сѣятель небеснаго сѣмени повелѣлъ рабамъ Своимъ отсрочить разлученіе Своея пшеницы отъ плевелъ, доколѣ все созрѣетъ: *оставите расти обоя купно до жатвы* (Матѳ. 13, 30).

„Правда, плевелы, кажется, иногда слишкомъ тучнѣютъ и чрезмѣрно тѣснятъ пшеницу: но не будемъ обманываться пустою наружностію; не будемъ завидовать тучности, которая скоро будетъ тучною пищею огня. Сколь прискорбно для плоти слышать, что царство Хрістово не есть отъ міра сего, столь низко было бы ревновать лукавнующему міру сему. Онъ не царствуетъ, но рабствуетъ. Если исключить отъ него тѣхъ, которые всѣмъ его званіямъ предпочитаютъ званіе хрістіанина, то въ немъ останутся одни рабы,—рабы честолюбія, рабы злата, рабы чрева, рабы сладострастія, и всѣ вмѣстѣ, рабы самолюбія. Отъ чего иначе всѣ они такъ спѣшатъ переходить отъ пріобрѣтенія къ пріобрѣтенію, отъ удовольствія къ удовольствію, отъ чести къ чести, если не отъ того, что каждый въ настоящемъ его состояніи слишкомъ чувствуетъ свое рабство?

„Отврати, вѣрующая душа, очи твои, еже не видѣти суеты; обратися въ покой твой, и въ тайнѣ ищи тихаго безмятежнаго царствія Божія въ себѣ самой. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21). Въ живой вѣрѣ, и въ твердомъ уповаціи, въ чистой совѣсти, въ ангельской любви—здѣсь царствіе Божіе. Здѣсь Хрістосъ второе зачинается, рождается, обитаетъ, владычествуетъ. Въ семъ божественномъ царствѣ нѣтъ никакихъ бѣдъ, ни глада, ни жажды, ибо Царь нашъ питаетъ рабовъ своихъ *манною сокровенною* (Апок. 2, 17); ни скорбей и унынія,—Онъ есть радость; ни болѣзней и смерти,—Онъ есть жизнь; ни гоненій и угнетенія, *идѣ же бо Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Небесное дыханіе сего Духа, освѣжая воздухъ души, разливаетъ въ ней сладкую воню мира. Сердце—сіе море великое и пространное, которое такъ часто волнуютъ бури, наполняютъ гады безчисленные, и коему змій бездны ругается, сокрушаетъ волны свои о камень постоянства, и въ кроткомъ стремленіи своемъ изображаетъ единое вожделѣніе: *насыщуся, внегда явитимися славѣ Твоей* (Псал. 16, 15). Здѣсь всегда ясное небо: ни тучи сомнѣній не закрываютъ свѣта Божія, ни громъ гнѣва Его не потрясаетъ слуха внутренняго. Поле дѣятельности покрывается златыми класами, которые чѣмъ болѣе теплота любви наполняетъ и возращаетъ, тѣмъ болѣе преклоняетъ долу смиреніе.

Какое зрѣлище! Се новое небо, и земля новая! Се малый мiръ, сокращающiй въ себѣ высочайшiя красоты великаго!

„Все сiе—начало блаженства; скоро—безконечность! Теперь ово въ мѣру; скоро безъ мѣры! Сiе—заря утренняя, скоро—день невечернiй! Сiе—бдѣнiе полночное; скоро—торжество брачное!

„Да прiидетъ, *да прiидетъ царствiе Твое* (Мато. 6, 10), Царь славы, Женихъ безсмертiя: сперва царствiе Твое въ сердце наше, и потомъ сердце наше въ царствiе Твое. О семъ Духъ Твой ходатайствуетъ въ насъ воздыханiями неизглаголанными; о семъ взываетъ Церковь, невѣста Твоя; они возбуждаютъ и насъ приближаться къ Тебѣ, не смотря ни на какiя препоны. И *Духъ* и *Невѣста глаголютъ: прiиди и слышай да глаголетъ: прiиди!* (Апок. 22, 17). Аминь“ [1]).

И такъ предъ нами—обѣ проповѣди, на одинъ и тотъ же день, произнесенныя Массильономъ и Филаретомъ. Разность ихъ такова, что зависимости послѣдней отъ первой уже во всякомъ случаѣ нельзя предполагать, не смотря на нѣкоторое сходство въ чертахъ, которыя мы указали выше. По нашему крайнему разумѣнiю проповѣдь Филарета даже стоитъ выше проповѣди знаменитаго французскаго оратора. Проповѣдь Массильона, не смотря на то, что ораторъ обѣщалъ лишь „кратко побесѣдовать“ о предметѣ ея: „знаменiяхъ истиннаго величiя“ Христа, вышла длинна и даже до утомительности длинна,—отсюда также нѣсколько вяла; проповѣдь Филарета, напротивъ, при краткости своей, обильна содержанiемъ и въ высшей степени жива, энергична. Проповѣдь Массильона, по духу своему, не смотря на поучительность свою въ нравственномъ отношенiи, мало проникнута духомъ слова Божiя, духомъ библейскимъ; въ ней всего на всего, со включенiемъ и основнаго текста Луки 1, 32, пять изреченiй слова Божiя; въ остальномъ же или только нравоучительная рѣчь самого оратора или же разнаго рода теоретическiя, историко-археологическiя и подобныя соображенiя его, иногда даже гадательныя и безосновательныя (напр. о Юпитерѣ и Озирисѣ, какъ государяхъ); проповѣдь Филарета, напротивъ, вся дышетъ, такъ сказать, духомъ слова Божiя.

---

[1]) Сочиненiя Филарета, томъ I, стр. 134—139, изд. 1873 года

Не говоря уже о множествѣ прямо приведенныхъ изреченій Св. Писанія (18 мѣстъ послѣдняго), при сравнительной краткости проповѣди по объему, нашъ проповѣдникъ даже и свою рѣчь строитъ по идіому рѣчи библейской или даже прямо говоритъ языкомъ Библіи: „Твои враги рыкаютъ, яко скимны"; — „взыди, Солнце правды!" — „Я имѣю малое стадо" и т. д. Все это чисто библейскія изреченія. Равнымъ образомъ такія выраженія, какъ тоже: „Солнце правды", или: „Свѣте тихій святыя славы!" и под. суть вмѣстѣ и чисто церковныя и притомъ православно-церковныя изреченія [1]). Проповѣдь Массильона нѣсколько узка по примѣненію своему, именно къ молодому королю французскому и окружающимъ послѣдняго придворнымъ: проповѣдь Филарета шире по предмету и примѣненію его къ слушателямъ. Мы не говоримъ уже о языкѣ той и другой. Въ отношеніи къ рѣчи Массильона много теряется силы впечатлѣнія отъ нея благодаря переводу. Не говоримъ также и о томъ, что такихъ, напримѣръ, вещей, какъ: „не Самодержецъ, а законы должны управлять народомъ", или: „самовластители, которые ничего не знаютъ выше себя, всегда теряютъ права своей власти" и пр., возможныхъ для гражданина-оратора конституціонной Франціи, Филаретъ, какъ одинъ изъ подданныхъ монархіи Россійской, не могъ-бы даже и помыслить ввести въ свою проповѣдь. Такимъ образомъ Филарета ясно хотѣли оскорбить, когда говорили, что онъ обокралъ Массильона; и онъ былъ въ правѣ, когда предлагалъ желающимъ для сличенія свою проповѣдь и проповѣдь Массильона (конечно въ вышеприведенномъ русскомъ переводѣ ея) на день Благовѣщенія, чтобы можно было видѣть несправедливость обвиненія и оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, скорѣе можно было-бы установить внутреннее соотношеніе (но опять не зависимость) между приведенною проповѣдію Филарета и нѣкоторыми проповѣдями русскихъ церковныхъ витій на тотъ-же день Благовѣщенія. Разумѣемъ конечно витій, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ Филарету. Такъ напримѣръ изъ множества проповѣдей на день Благовѣщенія, произнесенныхъ въ

[1]) „Солнце правды Христосъ Богъ нашъ" — въ тропарѣ на Срѣтеніе Господне; — „Свѣте тихій" — извѣстная вечерняя пѣснь церковная.

50-лѣтній періодъ проповѣднической дѣятельности учителемъ Филарета—Платономъ, есть двѣ проповѣди, изъ которыхъ одна близко, а другая отчасти граничитъ по предмету и направленію съ проповѣдію Филарета. Это именно, во-первыхъ, проповѣдь, произнесенная въ 1787 году въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и во-вторыхъ слово, произнесенное въ Чудовомъ монастырѣ въ 1785 году. Первая изъ нихъ имѣетъ цѣлію своею, подобно проповѣди Филарета, установить истинное понятіе о царствѣ Божіемъ посредствомъ различенія между имъ и царствомъ земнымъ [1]). Вторая проповѣдь Платона говоритъ. правда, о *рожденіи духовномъ* [2]); но она близка къ проповѣди Филарета по основной своей, если можно такъ выразиться, тенденціи—поставить внутреннее возрожденіе христіанина необходимымъ условіемъ явленія въ насъ и среди насъ царствія Божія, царствія Христова. Съ этой-же стороны ближе къ проповѣди Филарета, нежели проповѣдь Массильона, стоитъ проповѣдь митрополита Амвросія (Подобѣдова) на тотъ-же день Благовѣщенія. Эта проповѣдь говоритъ собственно „о истинномъ блаженствѣ, проистекающемъ отъ соединенія съ Богомъ" [3]); но также, какъ и предшествующая проповѣдь Платона, послѣднею цѣлію своею полагаетъ желаніе проповѣдника, выраженное въ формѣ молитвы его къ Богу, *да дастъ* Онъ слушателямъ его *по богатству славы Своея силою утвердитися Духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца* ихъ (Еф. 3, 14—17) [4]),—что равносильно желанію нашего проповѣдника, *да пріидетъ царствіе* Христово, которое *внутрь* насъ есть. Но во всякомъ случаѣ и здѣсь, какъ мы замѣтили мимоходомъ, Филаретъ не былъ въ зависимости ни отъ Платона, ни отъ Амвросія. Нѣтъ! проповѣдь Филарета на Благовѣщеніе была самостоятельнымъ его первымъ проповѣдническимъ опытомъ въ Петербургѣ, даннымъ только съ испытательною цѣлію, но удивившимъ всѣхъ вни-

---

[1]) См. сочиненій митроп. *Платона*, т. XIII, стр 231. Москва, 1792.

[2]) См. тѣхъ-же сочиненій т. XII, стр. 210—211. Москва. 1786.

[3]) См. Поучит. словъ Амвросія ч. III, стр. II оглавленія. Москва, 1810; Срав. стр. 52 той-же части.

[4]) Тамъ-же, стр. 54.

мательныхъ слушателей и читателей ея своею зрѣлостію и высокими внутренними достоинствами. Не даромъ многіе съ такимъ усердіемъ искали ея и вскорѣ послѣ напечатанія ея и долго спустя послѣ того; не даромъ искали сближенія съ молодымъ проповѣдникомъ. Въ ней ревнители спасенія своего находили то, чего не было въ довольно холодныхъ по тону проповѣдяхъ Амвросія или въ малоцерковныхъ проповѣдяхъ Θеофилакта. Въ ней ключемъ била горячая ревность по Бозѣ самого проповѣдника. Изъ нея ясно было, что слово проповѣдника не было пустою формальностію исполняющаго тяжелую обязанность—проповѣдывать по приказанію начальства,—монаха, а живымъ выраженіемъ того, что пережито и переживается его собственною душею. А энергическая рѣчь проповѣди, чистый, современный языкъ ея довершали благопріятность впечатлѣнія ея. Но это—общее для всѣхъ слушателей-христіанъ значеніе проповѣди Филарета. А она, кромѣ того, затрогивала еще одну струнку въ современномъ проповѣднику петербургскомъ обществѣ, которая была самою живою у людей съ оттѣнкомъ того направленія, которое выше охарактеризовали мы, какъ мистическое. Это обращеніе къ вѣрующей душѣ, чтобы она „въ тайнѣ“ искала тихаго, безмятежнаго царствія Божія въ себѣ самой“, по слову Писанія: *царствіе Божіе внутрь васъ есть;* это живое изображеніе заключающагося въ семъ царства Божія, царства Христова; эти мысли о „небесномъ дыханіи Духа Господня, освѣжающемъ воздухъ души и разливающемъ въ ней сладкую воню мира“, при вступленіи ея въ область этого царства,—о предначатіи теперь столь блаженнаго состоянія въ предвѣстіе вѣчнаго наслажденія имъ на небѣ и пр.; эти ссылки на Апокалипсисъ, къ которому такъ любила обращаться мистика того времени [1]) и пр.,—все это и подобное представляло живой интересъ для лицъ, сочувствовавшихъ или прямо принадлежавшихъ мистическому направленію. Рѣчь о внутреннемъ царствѣ Божіемъ, о духовномъ, внутреннемъ возрожденіи человѣка и под. была

---

[1]) См. сочиненія Ю. Штиллинга, г-жи Гіонъ и др. съ прямымъ отношеніемъ къ Апокалипсису. Срав. также нѣкоторыя статьи въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ напримѣръ за 1806 г. ч. II, стр. 287 и др.;—ч. I, стр. 225 и дал. 229 и дал. и др.

ходячею въ обществѣ людей такого направленія; это было главнымъ предметомъ, которымъ занимались мистическіе писатели того времени [1]). Кромѣ того, съ другой стороны, проповѣдь Филарета была не безъинтересна для нѣкоторыхъ и въ томъ отношеніи, что не игнорировала, такъ сказать, и философіи, которою пользовались, иногда даже и злоупотребляли въ то время люди разнороднѣйшихъ направленій: и богословы, и политическіе дѣятели, и сторонники мистическаго движенія, и просто образованные люди, о которой много и говорили и писали въ то время [2]) и пр. Мы видѣли, что въ проповѣди Филарета дѣлается смѣлый вызовъ „отважному мудрецу“ и серьезно опровергаются мнѣнія этого мудреца. Но въ дѣйствительности-ли Филаретъ хотѣлъ въ своемъ первомъ проповѣдническомъ опытѣ подладиться подъ тонъ людей своего времени съ особымъ направленіемъ? Мы это рѣшительно отрицаемъ. Такое подлаживаніе было-бы несогласно ни съ характеромъ проповѣдника, ни даже съ обстоятельствами его тогдашняго положенія. Его честная душа, его прямая натура, особенно-же въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ проповѣдь, не могла-бы вынести такого ложнаго отношенія къ дѣлу проповѣди. Да къ тому-же въ началѣ 1810 года и связи Филарета, его знакомства имѣли для себя слишкомъ незначительный кругъ, ограничивались почти исключительно лицами духовно-учебнаго вѣдомства. Мы помнимъ, что въ это время Филаретъ не разумѣлъ даже еще и политики Ѳеофилакта. Чѣмъ-же, спрашивается, объяснить такой мистическій тонъ проповѣди его на день Благовѣщенія? Начитанностію въ мистическихъ сочиненіяхъ? Пожалуй, отчасти; потому что мы помнимъ, въ какомъ ходу всѣ такія сочиненія были вообще въ Петербургѣ и въ частности между лицами духовнаго вѣдомства, равно какъ и въ духовной академіи собственно. Но главная причи-

---

[1]) Кромѣ помянутаго „Сіонскаго Вѣстника“ *Лабзина*, см. напримѣръ „Мистическія Творенія“ *Александра Ковалькова*, ч. I—II, писанныя въ 1809—1813 годахъ, а напечатанныя въ 1815 году за цензурою И. Тимковскаго.

[2]) Не говоря о разнообразныхъ опроверженіяхъ Вольтеровой философіи, достаточно сказать, что была въ то время въ ходу даже и „Божественная Философія“ *Дютуа*, переведенная на русскій языкъ и под.

на такого тона проповѣди Филарета заключается въ его собственномъ созерцательно-аскетическомъ настроеніи.

Такъ живо рисовать картину внутренняго благодатнаго состоянія души вѣрующей, такъ ясно противопоставлять этому состоянію иное, приражающееся къ ней грѣховное настроеніе, такъ дерзостно взывать: *„да пріидетъ царствіе Твое* въ сердце наше, и потомъ сердце наше въ царствіе Твое",—или: *„пріиди!"* и под. могъ только такой строгій аскетъ созерцательнаго направленія духовной жизни, какимъ по истинѣ былъ Филаретъ. И не столько мистическія писанія такихъ восторженныхъ мечтателей, какъ Штиллинга, Эккартсгаузена и др., сколько такія духовныя творенія, какъ творенія прославившагося во святыхъ уже въ наше время святителя Тихона Воронежскаго и Задонскаго, о которыхъ, какъ намъ извѣстно, еще въ 1818 году писалъ Филаретъ, какъ рѣкѣ, въ которой есть „золотой песокъ" [1]), и которыя онъ рекомендовалъ въ то время читать своему зятю—священнику, конечно, послѣ того, какъ самъ хорошо изучилъ ихъ, читая зачастую. Здѣсь-то, конечно, Филаретъ могъ напитаться и той мудрости духовнаго опыта, котораго у него самого, по его молодости, еще не было много и который однако-же въ такомъ изобиліи является въ его проповѣдяхъ и между прочими—въ разсмотрѣнной проповѣди на день Благовѣщенія. И такое вліяніе св. Тихона на Филарета было тѣмъ естественнѣе, что творенія перваго а) бывъ глубоко основаны на всестороннемъ изученіи слова Божія и твореній свято-отеческихъ, въ то-же время по глубоко-созерцательному,—постоянно, впрочемъ, повѣряемому опытомъ жизненнымъ и отъ опыта снова возводимому къ духу ученія слова Божія и св. Церкви,—направленію своему ближе всего подходили и къ духовному настроенію самого Филарета, да и къ основнымъ воззрѣніямъ мистики; б) въ самой большей и важнѣйшей своей части появились въ печати уже до начала текущаго столѣтія [2]). А между тѣмъ какое разнообра-

---

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 225

[2]) Напримѣръ: „Наставленіе христіанское" напечатано въ первый разъ уже въ 1784 году, въ томъ-же году и „Разныя проповѣди", „Плоть и духъ", „Краткія нравоучительныя слова" и „Письма" (разныя и келейныя). Болѣе крупныя

зіе и какое обиліе духовной пищи представляютъ собою эти творенія вообще и въ частности представляли собою для Филарета! Не говоря уже о такихъ твореніяхъ, какъ „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ (въ 4-хъ частяхъ) и „О истинномъ христіанствѣ“ (въ 6-ти частяхъ), даже, наприм., „Письма келейныя“ св. Тихона какъ обильны и духомъ внутренняго опыта, котораго такъ усердно искали представители и сторонники мистическаго движенія, и вмѣстѣ глубокою назидательностію, какъ всюду твердо основанныя на ученіи слова Божія и св. Церкви! Въ частности какъ въ этихъ „Письмахъ“, такъ и въ „Сокровищѣ духовномъ“, можно находить много основаній для духовно-созерцательныхъ мыслей, выраженныхъ въ проповѣди Филарета на день Благовѣщенія. Затѣмъ, что касается до содержащихся въ ней-же намековъ на философію, то они естественно объясняются и общимъ знакомствомъ проповѣдника съ философіею и недавними занятіями ею въ семинаріи Петербургской, а отнюдь не желаніемъ его подладиться подъ тонъ настроенія тогдашняго образованнаго общества.

Итакъ вотъ какого достоинства самый первый проповѣдническій опытъ Филарета въ Петербургѣ. Очевидно, онъ удался какъ нельзя лучше и благодаря этому послужилъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшей славы Филарета, какъ проповѣдника, въ Петербургѣ. Въ слѣдующемъ 1811 году Филаретъ произносилъ уже, какъ мы отмѣчали въ свое время, цѣлыхъ семь проповѣдей и вслѣдъ за тремя первыми изъ этихъ семи получаетъ наперсный крестъ съ драгоцѣнными камнями изъ кабинета Его Величества, именно „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія“. Но и эти проповѣди отнюдь не являются подражаніемъ придворнымъ рѣчамъ и словамъ французскаго проповѣдника Массильона, за которыя-бы именно Филаретъ и получилъ крестъ изъ кабинета Его Величества, а все въ томъ-же духѣ, какъ и проповѣдь на день Благовѣщенія, произнесенныя глубоко-поучительныя слова—плодъ соб-

---

сочиненія, каковы: „О истинномъ христіанствѣ“ и „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“, изданы или также въ 1784 году, или въ слѣдующемъ 1785 г., и только „Остальныя сочиненія“ въ 1799 году.

ственнаго генія нашего проповѣдника. Слишкомъ было-бы утомительно разбирать подробно всѣ семь словъ Филарета за 1811 годъ точно также, какъ мы разбирали первый проповѣдническій его опытъ, хотя-бы онѣ, по своей глубокой поучительности и чрезвычайному разнообразію, по тону и языку,—вообще, по своимъ высокимъ достоинствамъ—внутреннимъ и внѣшнимъ, и заслуживали болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Первый проповѣдническій опытъ Филарета мы не могли не разсмотрѣть, во-первыхъ, потому, что это—первый опытъ, а во-вторыхъ и по обвиненію его въ заимствованіи изъ Массильона. Теперь мы не будемъ разсматривать даже, напримѣръ, „Слово на Пасху" 1811 года, которое Леонидъ Зарѣцкій называлъ безъ достаточнаго основанія „одою", какъ мы помнимъ; не будемъ разсматривать и большей части другихъ проповѣдей за 1811 годъ. Но не можемъ не остановиться критическимъ разсмотрѣніемъ на такихъ проповѣдяхъ, какъ „Слово въ день пятидесятницы", которое Ѳеофилактъ обвинялъ, что намъ уже извѣстно, — въ пантеизмѣ, и „Слово въ недѣлю 24-ю по пятидесятницѣ, по случаю поминовенія графа А. С. Строганова", которое, чрезъ семейство Строгановыхъ, еще болѣе приблизило Филарета ко двору, а по характеру содержанія своего соприкасается съ знаменитымъ словомъ Анастасія Братановскаго на погребеніе И. И. Бецкаго.

Слово въ день пятидесятницы самъ Филаретъ избиралъ для всѣхъ дальнѣйшихъ (1820, 1821, 1844 и 1848 гг.) собраній его словъ и рѣчей, а тѣмъ самымъ и Ѳеофилакту, скончавшемуся въ 1821 году, какъ-бы указывалъ ясно, и независимо отъ сего громко заявлялъ, что оно вполнѣ православно и отнюдь не заражено духомъ пантеизма. Мы помнимъ, что эта проповѣдь Филарета писана была имъ по назначенію митрополита Амвросія и даже на данную послѣднимъ тему — „о дарахъ Святаго Духа",—слѣдовательно, повидимому, проповѣдникъ былъ стѣсненъ не только въ выборѣ дня, но и въ избраніи темы для своей проповѣди. И однако что-же? Филаретъ отнесся къ дѣлу не менѣе честно, какъ и къ дѣлу составленія проповѣди на день Благовѣщенія, также назначенной митрополитомъ Амвросіемъ.

Такъ какъ текстъ этой проповѣди можно читать во всѣхъ почти (за исключеніемъ лишь 1835 года) собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета, начиная 1820 и кончая 1873 годами изданій ихъ, то мы не будемъ излагать этого текста ея, какъ то дѣлали относительно проповѣди на день Благовѣщенія, ни въ одномъ изъ этихъ собраній не напечатанной, а изложимъ только ходъ мыслей ея и обратимъ вниманіе лишь на болѣе важныя для нашей цѣли мѣста въ ней. Проповѣдь въ основаніи своемъ имѣетъ текстъ: *исполнишася вси Духа Свята* (Дѣян. 2, 4), а темою своею имѣетъ, какъ сказано было выше и какъ Филаретъ самъ опредѣляетъ ее въ своихъ „Воспоминаніяхъ" [1]), ученіе „о дарахъ Св. Духа" или, какъ точнѣе выражается эта тема въ самой проповѣди,—о томъ, „что такое *исполнишася Духа Свята* и колико даръ сей необходимъ для всѣхъ и каждаго". Подробнѣйшее раскрытіе этой темы представляется въ слѣдующемъ порядкѣ основныхъ мыслей проповѣдника. Искусно составленнымъ вступленіемъ проповѣдникъ уже приготовляетъ слушателей къ главному предмету проповѣди. Именно, окинувъ быстрымъ духовнымъ взоромъ всю исторію богоявленій человѣку, „послѣ того, какъ погрузившійся въ твари [2]), не могши сносить не созданнаго свѣта, человѣкъ *скрылся* (Быт. 3, 8) отъ Бога, и Богъ скрылся отъ человѣка", и дошедши въ ней до явленія Бога Духа св. Апостоламъ въ день пятидесятницы, проповѣдникъ во вступленіи говоритъ, что поэтому „мы должны взирать на сошествіе Святаго Духа не токмо какъ на чудо, прославившее Апостольскую Церковь, но и какъ на событіе, существенно сопряженное съ дѣломъ нашего спасенія. Настоящее торжество, говоритъ онъ, не есть простое воспоминаніе прошедшаго, но продолженіе Апостольскаго приготовленія къ принятію онаго *Духа*, непрестанно *дышащаго, идѣже хощетъ*". Ибо не только Апостолы и, „по изъясненію св. Златоуста, пребывавшіе съ ними ученики *исполнишася Духа Свята*", но „и насъ нынѣ Церковь, какъ и въ Іерусалимской *горницѣ* (Дѣян. 1, 13), во храмѣ семъ совокупляетъ, дабы признать Утѣшителя

[1]) „Православное Обозрѣніе" за 1868 г. т. 26, стр.

[2]) Въ отдѣльномъ печатномъ изданіи 1811 г.—„прилѣпившійся къ тварямъ".

Духа истины, да пріидетъ и вселится въ насъ". „Чтобы столь важное прошеніе, — приступаетъ теперь къ указанію темы своей проповѣди нашъ витія, — не срѣтилось съ древнимъ упрекомъ: *не вѣста, чесо просита*, вникнемъ, слушатели, предварительно, что такое *исполнитися Духа Свята*" и пр. Самое раскрытіе этой темы проповѣдникъ затѣмъ предваряетъ точнѣйшимъ опредѣленіемъ сторонъ предмета проповѣди. „Не осмѣлимся, скромно замѣчаетъ онъ, говорить здѣсь о Духѣ Святомъ, какъ о третіемъ лицѣ покланяемыя Троицы, исходящемъ отъ Отца и почивающемъ въ Сынѣ: Самъ только *Божій Духъ испытуетъ глубины Божія* (1 Кор. 2, 10. 11). Духъ, *посылаемый Сыномъ отъ Отца* (Іоан. 15, 26) въ спасительныхъ дарахъ, — Духъ, исполняющій человѣка, человѣкъ, исполненный Духа: — вотъ предметы, которые постигаетъ человѣкъ, но и то человѣкъ, Духомъ-же обитаемый; мы, едва-ли *начатокъ духа имуще* (Рим. 8, 23), только издалека, чрезъ зерцало слова Божія, приникать можемъ въ явленія сего великаго таинства". Ограничивъ такимъ образомъ для себя предметъ изслѣдованія темы, проповѣдникъ начинаетъ самое изслѣдованіе раскрытіемъ, а) значенія явленія Св. Духа въ видѣ *огненныхъ языковъ* въ смыслѣ дѣйствія свѣта вѣры и теплоты любви, согласно явленію двухъ силъ огня: свѣта и теплоты; б) способа исполненія человѣка благодатными дарами Св. Духа, — главнѣйшей части проповѣди. При этомъ проповѣдникъ невольно проникаетъ въ самую, такъ сказать, глубину тайны благодатнаго дѣйствія и вѣянія Св. Духа въ душѣ возрожденнаго въ жизнь духовную крещеніемъ человѣка, — и опять говоритъ, — прямо видно, — подъ вліяніемъ и впечатлѣніемъ живаго личнаго опыта, а отнюдь не по книгамъ восторженныхъ мечтателей мистицизма его времени. Рѣчь проповѣдника льется неудержимымъ потокомъ высшаго, священнаго краснорѣчія; обнаруженіе дѣйствій Св. Духа въ дарахъ Его человѣку рисуется самыми живыми красками; и въ заключеніе этой части проповѣдникъ дѣлаетъ краснорѣчивѣйшій и искуснѣйшій переходъ къ опроверженію существующихъ и возможныхъ возраженій противъ возвѣщаемой и пережитой имъ самимъ истины. „О, несравненное счастіе, — взываетъ онъ, — быть сосудомъ,

жилищемъ, орудіемъ Духа Божія! О, блаженство на земли небесное! О, таинство, въ которомъ сокрывается все, чего ищетъ духъ человѣческій, и о чемъ *вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ* (Рим. 8, 22)! Но *Господи, кто вѣрова слуху нашему и мышца Господня кому открыся* (Ис. 63, 1)? *Плоть и кровь не являютъ* (Матѳ. 16, 17) сего таинства: міръ думаетъ, что и на небесахъ дышатъ духомъ міра, и, столь многократно слыша глаголющихъ языкомъ Духа Твоего, доселѣ, такъ-же, какъ прежде, ругается: *виномъ исполнени сутъ*". И затѣмъ начинаетъ самое опровержение возраженій, употребляя при этомъ свое обычное діалектическое искусство въ дѣло, но такъ, что всюду твердо основывается на ученіи слова Божія и Св. Церкви. Наконецъ отъ возраженій и сомнѣній въ истинѣ проповѣдуемаго переходя къ вѣрѣ въ нее, Филаретъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Но доколѣ Богъ сохраняетъ бытіе наше, христіане, и благоденствіе Церкви Своей, дотолѣ мы не можемъ сомнѣваться, что Духъ Божій въ ней *пребываетъ*. Такъ же, какъ при созданіи міра, Онъ *ношашеся верху воды*, носится Онъ и нынѣ, при продолжающемся возсозданіи человѣка, надъ бездною разстроеннаго естества нашего и животворящимъ осѣненіемъ оплодотворяетъ его къ благодатному возрожденію [1]). Предадимъ себя Его всесильному дѣйствію; преведемъ къ Нему наши мысли и желанія отъ смѣшенія плоти и міра; воззовемъ изъ глубины отпаденія нашего, да снидетъ на насъ и Своею благодатію, ходатайствомъ Искупителя намъ пріобрѣтенною, очиститъ, просвѣтитъ, обновитъ, освятитъ и спасетъ, благій, души наша. Аминь" [2]). Итакъ, вотъ проповѣдь, которую Ѳеофилактъ находитъ проникнутою пантеизмомъ и возвѣщающею пантеизмъ. Гдѣ-же именно въ проповѣди Филарета нашелъ онъ пантеистическое воззрѣніе?—Вѣроятно въ слѣдующихъ словахъ главной части ея: „Способъ, каковымъ человѣкъ исполняется благодатныхъ даровъ, есть

[1]) Въ изд. 1811 года: „отрожденію", согласно тогдашней терминологіи. Срав. это прекрасное соотношеніе между созданіемъ и возсозданіемъ въ Филаретовыхъ же „Запискахъ на книгу Бытія", стр. 11 и 47—48 изд. 1816 г. Припомнимъ, что въ 1811 году уже почти закончены были эти „Записки" въ рукописи и преподаны въ академіи.

[2]) См. стр. 1—9 тома 1-го сочиненій Филарета, изд. 1873 года.

единое нераздѣльное дѣйствіе Св. Духа, которое, однако, въ человѣкѣ начинается и прекращается, уменьшается и возрастаетъ, длится и ускоряется, пріемлетъ различныя направленія и виды; всегда соотвѣтствуетъ готовности пріемлющаго, но никогда не зависитъ отъ его произвола; сопровождается ощутительными слѣдствіями, но убѣгаетъ отъ разсудка, желающаго взойти къ его началу. Простираясь изъ внутренняго во внѣшнее, оно уподобляется влагѣ, сходящей на руно Гедеоново (Суд. 6, 38), которая изъ воздуха открывается въ капляхъ воды и наполняетъ окринъ,—или вѣтру, въ тѣхъ движеніяхъ, которыя онъ производитъ, но не въ тѣхъ, которыя его составляютъ. *Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ и камо идетъ, тако есть всякъ человѣкъ, рожденный отъ Духа*" (Іоан. 3, 8) [1]. Полагаемъ, что собственно уподобленіе дѣйствія Св. Духа влагѣ и воздуху и послужило поводомъ къ обвиненію въ пантеизмѣ. Несправедливость обвиненія ясна уже изъ того, что оба предмета сравненія суть прямо библейскіе, а послѣдній—даже и съ подробнымъ раскрытіемъ его соотношенія съ дѣйствіемъ Св. Духа въ устахъ Самого Господа (Іоан. 3, 8). Да, впрочемъ, мы и не станемъ усиливаться защищать Филарета, котораго уже въ 1811 году защитили и архіепископъ Меѳодій (Смирновъ) и другіе, безъ предубѣжденія смотрѣвшіе на проповѣдь его. Мы позволимъ себѣ сдѣлать лишь небольшой домекъ: не потому-ли Ѳеофилактъ обвинилъ проповѣдь Филарета именно въ пантеизмѣ, что доселѣ ни самъ Ѳеофилактъ, ни другіе извѣстные проповѣдники въ своихъ поученіяхъ на день Пятидесятницы не достигали самой глубины постиженія способа дѣйствія Св. Духа и вѣянія Его въ душѣ возрожденнаго благодатію Св. Крещенія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ для примѣра проповѣди Платона, Амвросія и самого Ѳеофилакта на день Пятидесятницы,—и мы увидимъ справедливость нашего замѣчанія. У Платона есть много проповѣдей на этотъ день. Изъ нихъ нѣкоторыя и тему раскрываютъ „о дарахъ Св. Духа". Но что же? Произнесенная на эту тему въ 1775 году проповѣдь

---

[1]) Тамъ-же, стр. 3—4.

его раскрываетъ только понятіе именно объ отдѣльныхъ дарахъ Св. Духа, не касаясь самаго способа облагодатствованія человѣка сими дарами [1]). Произнесенныя на ту-же тему въ 1784 году проповѣдь Платонова раскрываетъ понятіе даже только объ одномъ дарѣ: дарѣ языковъ, или слова [2]). Произнесенная въ 1787 году проповѣдь того-же проповѣдника, повидимому, еще ближе къ проповѣди Филарета. Исходя отъ празднуемаго событія (сошествія Св. Духа на Апостоловъ), она также, какъ и проповѣдь Филарета, возвѣщаетъ, что „Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ: однако Онъ сошелъ не для нихъ однихъ, но и для всѣхъ вѣрующихъ; и не на одно то время, но на все время пребыванія Церкви воинствующія на земли". И далѣе предлагаетъ опровերженіе возраженій, исходя изъ того-же текста: *Сіи піяни суть*, хотя и проще дѣлая это, нежели какъ то сдѣлано у Филарета. Этого мало: даже въ разъясненіе главнаго предмета проповѣди предлагается вопросъ: „чѣмъ можемъ мы удостовѣрить себя, что Духъ Святый въ насъ присутствуетъ?" При чемъ въ отношеніи къ свв. Апостоламъ ссылается на видимыя дѣйствія, сопровождавшія сошествіе на нихъ Св. Духа и уже извѣстныя намъ. Но что-же дается въ отвѣтъ на предложенный вопросъ? Только описаніе плодовъ Св. Духа въ душѣ вѣрующаго: *радость, миръ, долготерпѣніе* и пр. [3]). Проповѣдь митрополита Амвросія на день Пятидесятницы, произнесенная въ 1806 году, говоритъ „о томъ, какимъ образомъ пріуготовить себя можемъ къ пріятію Святаго Духа". И въ этой проповѣди много чертъ общихъ съ проповѣдію Филарета. Кромѣ того, что она во вступленіи также указываетъ на соотношеніе явленія и дѣйствія Св. Духа среди Апостоловъ съ явленіемъ и дѣйствіемъ Его въ насъ и среди насъ, она въ самомъ началѣ изслѣдованія темы говоритъ о необходимости Св. Духа и намъ и при томъ именно для духовнаго возрожденія нашего, на основаніи словъ Спасителя (Іоан. 3, 5—6), затѣмъ довольно живо описываетъ способы пріуготовленія себя къ пріятію Св. Духа, между ко-

---

[1]) См. сочиненій Платона т. III, стр. 53 и дал. Москва, 1780.

[2]) См. тѣхъ-же сочиненій т. XII, стр. 78 и дал. Москва, 1786.

[3]) См. тѣхъ-же сочиненій т. XIII, стр. 250—257. Москва, 1792.

торыми особенно выдается послѣдній и важнѣйшій—вѣра. Наконецъ еще болѣе яркими красками живописуется состояніе пріявшаго въ себя Св. Духа. Здѣсь также, какъ у Филарета, читаемъ воззванія: „О колико лестны сіи обѣтованія! (о дарахъ Св. Духа) колико блаженна душа, исполненная сихъ даровъ Духа Святаго! Она едина только можетъ ощущать всю сладость таковаго причастія“ и пр. Въ заключеніе проповѣди, какъ и у Филарета, только въ полномъ видѣ, читается молитва Св. Духу: „Царю Небесный“ и пр [1]). Но все-же не видимъ здѣсь раскрытія самаго способа дѣйствія Св. Духа въ душѣ вѣрующаго. Ближе всего объ этомъ, повидимому, нужно было-бы говорить самому Ѳеофилакту, который для своей проповѣди въ день сошествія Святаго Духа избралъ слова той-же главы книги Дѣяній, которой изреченіе легло въ основаніе проповѣди Филарета, именно описывающія самое явленіе Св. Духа въ видѣ огненныхъ языковъ (Дѣян. 2, 2—3), а темою для своей проповѣди взялъ разсмотрѣніе „времени и образа сошествія Его на Апостолы“ [2]). Въ изслѣдованіи темы Ѳеофилактъ сперва излагаетъ мысль о томъ, почему Апостоламъ не при жизни Спасителя дарованъ былъ Духъ Святый, а далѣе описываетъ и самый образъ Его сошествія на нихъ въ двухъ основныхъ чертахъ этого явленія: въ явленіи *дыханія бурнаго* (Дѣян. 1, 1) и *огненныхъ языковъ* (ст. 3). Здѣсь-то, повидимому, и долженъ былъ Ѳеофилактъ, прилагая эти черты къ слушателямъ, говорить о способѣ или образѣ дѣйствія Св. Духа и въ насъ вѣрующихъ. Но не тутъ-то было. Изъ первой черты проповѣдникъ выводитъ лишь то нравоученіе, что наши слова, наше ученіе тогда только могутъ быть сильны, какъ буря, когда являются, какъ и та буря, небесными, что онѣ тогда только могутъ проникать въ сердца даже каменныя, когда горятъ огнемъ ревности къ Богу и любви. И послѣ всего этого заключеніе проповѣди читаемъ такое: „Душе истинный! Огню небесный Святый! всесильнымъ Божества Твоего пламенемъ распали и насъ, соборнѣ здѣсь ублажающихъ память Твоего сошествія на Апостолы. Отъ молеб-

[1]) Поучит. словъ митрополита Амвросія, ч. I, стр. 160—167. Москва, 1810.
[2]) Поучит. словъ Ѳеофилакта ч. I, стр. 18. Москва, 1809.

ныхъ пѣній и слезныхъ очей познай наше желаніе горѣть Тобою" и т. д. [1]). Ясно, что проповѣдь не глубоко вошла въ предметъ свой и болѣе содержитъ правилъ сухой морали и обличеній проповѣдникамъ (къ чему весьма часто прибѣгаетъ Ѳеофилактъ въ своихъ проповѣдяхъ), нежели серьезнаго разъясненія существа дѣла. Даже остальныя слова заключенія вовсе не звучатъ тономъ той пламенной ревности, о которой напоминалъ проповѣдникъ въ своемъ поученіи и о которой молитъ въ начальныхъ словахъ заключенія. „Мы всего боимся,—продолжаетъ это заключеніе Ѳеофилактъ,—отъ нашей слабости, отъ легкомыслія нашего разума, отъ непостоянства сердца; укрѣпи насъ, когда искушенія начнутъ колебать нашу слабость; свѣтомъ Твоего благоразумія озари очеса разума, когда онъ близокъ бываетъ къ заговору со страстьми; возстави насъ, когда спотыкнемся о камень соблазновъ; кратко рещи, со умноженіемъ времени умножай въ насъ и дары благодати Твоея, которая постепенно плотянаго человѣка не рѣдко прелагаетъ въ безплотнаго и свѣтлаго Ангела. Аминь" [2]). Какъ блѣдно это заключеніе въ сравненіи съ заключеніемъ проповѣди Филарета, не говоря уже о поверхностности раскрытія темы ея въ сравненіи съ раскрытіемъ темы въ проповѣди Филарета! Не говорила-ли, поэтому, въ Ѳеофилактѣ, при его сужденіи о проповѣди Филарета въ 1811 году, скорѣе зависть къ молодому, но вдохновенному по истинѣ проповѣднику, нежели пламенная ревность о православіи? А этотъ домекъ, если только онъ вѣренъ и основателенъ, говоритъ ясно о томъ, на сколько ниже была душа сановнаго проповѣдника, чѣмъ душа смиреннаго инока-проповѣдника и почему она, занятая мірскими интересами, не могла возвыситься до той степени духовнаго созерцанія, на которой стояла душа этого инока, выразившая это созерцаніе и въ разсматриваемой проповѣди. Да! проповѣдь Филарета на день Пятидесятницы, подобно проповѣди на день Благовѣщенія, есть дѣйствительно зрѣлый плодъ его собственнаго вдохновенія благодатію Св. Духа,

[1]) Тамъ-же, стр. 18—24.

[2]) Тамъ-же, стр. 24. Проповѣдь Ѳеофилакта произнесена была имъ въ 1800 году, когда онъ былъ уже епископомъ Калужскимъ.

привлеченною къ нему его непорочною жизнію, его частою и особенно тайною молитвою къ Богу, его любовію и внимательностію къ занятіямъ словомъ Божіимъ, чтеніемъ святоотеческихъ твореній и пр. Онъ не только зналъ, но и на дѣлѣ испытывалъ, что „Писаніе Пророческое и Апостольское особливую внутрь себе нѣкую силу имѣетъ, такъ что читающіи и разсуждающіи оное со вниманіемъ, духовное дѣйствіе внутрь себе чувствуютъ, и поощреніе къ благочестію познаютъ, къ презрѣнію міра и къ желанію небесныхъ благъ поощряются“ [1]) и пр. Зналъ онъ также и на себѣ испытывалъ, что „Богъ и познаніе Божіе есть свѣтъ душевный: но незнаніе Божіе есть тьма душевная;—вѣра есть свѣтъ душевный: но невѣріе и суевѣріе есть тьма душевная;—страхъ Божій есть свѣтъ душевный: но безстрашіе есть тьма душевная;—добродѣтель всякая есть свѣтъ душевный: но всякій грѣхъ есть тьма душевная; смиреніе, умаленіе и уничтоженіе себе самого есть свѣтъ душевный: но гордость, высокоуміе и величавіе есть тьма душевная;—любовь къ Богу и ближнему есть свѣтъ душевный: но самолюбіе неумѣренное есть тьма душевная;—надежда и упованіе на Бога есть свѣтъ душевный: но надежда на человѣка и прочее созданіе есть тьма душевная;—истинная и нелицемѣрная молитва, пѣніе и хваленіе имени Божіяго есть свѣтъ душевный: но небреженіе о томъ есть тьма душевная;—беззлобіе и непамятозлобіе есть свѣтъ душевный: но злоба и памятозлобіе есть тьма душевная;—постъ и умѣренность есть свѣтъ душевный: но объяденіе и піянство есть тьма душевная; любленіе и храненіе чистоты есть свѣтъ душевный: но блудъ, прелюбодѣяніе и всякая нечистота есть тьма душевная“ и пр. [2]) Этимъ-то свѣтомъ, равно какъ и чтеніемъ слова Божія просвѣщаемый самъ, нашъ проповѣдникъ достаточно пріуготовилъ себя къ просвѣщенію и другихъ словомъ проповѣди „о истинахъ вѣры, коею одушевлялись слово и житіе“ его. Этимъ то свѣтомъ просвѣщаемый и тѣмъ пріуготовивъ себя самого въ обиталище Духа Божія, онъ явился

[1]) Св. *Тихона* Воронежскаго, разныя проповѣди, стр. 35. Спб. 1784.

[2]) Св. *Тихона* Воронежскаго, Сокровище духовное, отъ міра собираемое, ч. IV, стр. 91—92. Спб. 1784.

способнымъ повѣдать и другимъ тайну способа или образа дѣйствованія Духа Божія въ духѣ человѣка, возрожденнаго благодатію Его. Этимъ-то свѣтомъ просвѣщенный и помянутое „духовное дѣйствіе внутрь себя чувствуя“, нашъ проповѣдникъ глубже входитъ въ изъясненіе оныхъ внѣшнихъ явленій сошествія Св. Духа на Апостоловъ въ своей проповѣди: *дыханія бурнаго* и явленія *огненныхъ языковъ,* нежели Ѳеофилактъ—въ своей. „Бываютъ минуты,—говоритъ онъ,—въ которыя и преданный міру и плоти человѣкъ пробуждается отъ очарованія, въ каковомъ они держатъ его; видитъ ясно, что прошедшая жизнь его есть цѣпь заблужденій, слабостей, преступленій, измѣнъ Богу,—что дѣла его естественно суть сѣмя будущихъ казней, и что самыя добродѣтели его не постоятъ предъ взоромъ вѣчнаго Судіи; осуждаетъ самъ себя, трепещетъ всѣмъ существомъ своимъ и, будучи отчаянъ въ самомъ себѣ, чрезъ сіе отчаяніе влечется къ упованію на Бога: сіе расположеніе къ покаянію, что есть иное, какъ не тотъ Духъ великъ и крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменіе (то есть низлагающій гордость и умягчающій жестокосердіе), который посылаетъ предъ Собою *мимоходящій Господь* (3 Цар. 19, 11)? Что, какъ не то *дыханіе бурно,* которое предвѣщаетъ сошествіе Святаго Духа (Дѣян. 2, 2)? Что, какъ не тотъ *страхъ Твой, Господи,* среди коего мы *во чревѣ пріемлемъ Духъ спасенія Твоего* (Ис. 26, 18)? Блаженъ, кто съ покорностію даетъ влещи себя сему стремленію Духа Божія! Оно поведетъ его *тѣснымъ путемъ* (Матѳ. 7, 14) самоотверженія; заставитъ его самого исторгать то, что прежде посѣялъ, и разрушать то, что созидалъ; научитъ его страдать и *радоваться во страданіяхъ* (Кол. 1, 24); *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), дабы совершенно предать духъ въ руцѣ Божіи. Мало-по-малу бурное дыханіе превратится въ тѣ кроткія, *неизглаголанныя воздыханія,* коими *Самъ Духъ о насъ ходатайствуетъ* (Рим. 8, 26),—въ тотъ живой гласъ, коимъ *вопіетъ Онъ въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче* (Гал. 4, 6); и тогда человѣкъ исполняетъ Христову заповѣдь о *непрестанной молитвѣ* (Лук. 18, 1), что при однѣхъ собственныхъ силахъ, было-бы для него невозможно и по его склонности къ

разсѣянію, и по невѣдѣнію предметовъ и образа истинной молитвы: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы.* Съ упражненіемъ въ непрестанной молитвѣ неразлучно соединяется духовное уединеніе, въ которомъ христіанинъ, *вшедъ въ клѣть свою и затворивъ двери* (Матѳ. 6, 6), пребываетъ, подобно какъ Апостолы, въ *ожиданіи обѣтованія Отча* (Дѣян. 1, 4).... Если человѣкъ твердо рѣшится, по возможности, удерживать себя въ семъ состояніи самоотчужденія, то скоро его *пустыня жаждущая процвѣтетъ, яко кринъ* (Иса. 35, 1); *зерно горушно, вверженное въ вертоградъ* души *его, возрастетъ въ древо веліе* (Лук, 13, 19); сквозь *тлѣющій* покровъ *ветхаго человѣка*, отчасу болѣе *совлекаемый*, будетъ просіявать *новый человѣкъ, созданный по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Кол. 3, 9; Еф. 4, 24); и духъ святыни дышать будетъ во всѣхъ его способностяхъ и дѣйствіяхъ" [1]). Что можетъ быть выше и ярче этой картины постепеннаго облагодатствованія, возрожденія ветхаго человѣка въ новаго! Не масонскіе обряды или Татариновскія радѣнія описываются здѣсь, не другія какія-либо мистическія бредни, а живыя, опытомъ извѣданныя черты духовнаго возрожденія. Не даромъ и самъ проповѣдникъ, желая предупредить даже возможность сопоставленія его мыслей объ этомъ съ бреднями неразумныхъ мечтателей и мечтательницъ, которыхъ въ его время было много, добавляетъ затѣмъ: „такъ исполненный Духа Свята человѣкъ не потемненному предразсудками оку представляетъ такой образъ совершенства, предъ которымъ, какъ тѣнь, исчезаетъ все, что міръ называетъ прекраснымъ и высокимъ. Его, слушатели, оцѣнилъ Апостолъ, когда о нѣкоторыхъ подвижникахъ вѣры сказалъ, что ихъ *не бѣ достоинъ весь міръ*" (Евр. 11, 38) [2]).

Не даромъ онъ, самъ извѣдавъ сладость этого уединеннаго съ Богомъ бесѣдованія подъ наитіемъ благодати Св. Духа, такъ настойчиво и учащемуся подъ его руководствомъ юношеству внушалъ идти тѣмъ-же путемъ спасенія, какимъ шелъ самъ: „любилъ монашескій санъ, ученыхъ, и желалъ, чтобы достойные всѣ поступали въ санъ монашескій", какъ говоритъ

[1]) Стр. 4—5 тома 1-го сочиненій Филарета изд. 1873.

[2]) Тамъ-же, стр. 5.

знакомый уже намъ Фотій [1]). Онъ по опыту зналъ, что при такомъ уединенномъ богомысліи, богосозерцаніи и собесѣдованіи съ Богомъ низпосылаемая Имъ „благодать превращаетъ въ безцѣнное сокровище все, къ чему ни коснется въ человѣкѣ ей преданномъ. Въ его умѣ сіяетъ духъ премудрости... Его волю движетъ духъ свободы... Во глубинѣ сердца его почиваетъ духъ утѣшенія и мира... Въ немъ обитаетъ духъ величія...“, какъ „истинная возвышенность мыслей..., духъ смиренія“ [2]) и пр. И какъ блѣдна предъ этою картиною, какъ даже мало естественна въ сравненіи съ нею картина явленія того-же *дыханія бурнаго*, нарисованная Ѳеофилактомъ. Вотъ эта картина: „*и бысть*, повѣствуетъ св. Лука, *шумъ, яко носиму дыханію бурну*. Подобное сему явленіе всегда сопровождало проповѣдь Апостольскую. Тьма пороковъ и заблужденій тогда облежала всю землю; люди помышляли токмо о настоящей жизни. Вдругъ, *буяя, немощная и уничиженная міра* въ обличеніе всѣхъ велегласно вопіютъ: престаньте любить то, что доселѣ любили; престаньте страшиться, чего страшились; престаньте желать, чего желали; отрините поклоненіе богамъ вашимъ; отрекитесь самихъ себя; словомъ живите въ тѣлѣ, подобно какъ безъ тѣла. Такимъ образомъ говоря ученики Христовы, удивительно-ли, что возбудили духъ роптанія, злорѣчія и гоненія въ плото-угодникахъ и невѣрцахъ? Удивительно-ли, что исполнилось сіе слово Господне къ нимъ: *се Азъ посылаю вы, яко овцы посредѣ волковъ?* Люди, чѣмъ только можно, украшаютъ неправды свои, и хотя признаютъ безобразіе порока, но струпы оваго токмо на другихъ кажутся имъ гнусными. Кто старался вывесть ихъ изъ сего пагубнаго заблужденія, съ тѣмъ они поступали свирѣпѣе лютѣйшихъ звѣрей“.

„Откуда-жъ *бысть шумъ? Съ небесе*, присоединяетъ той-же Апостолъ, дабы показать, что слова учениковъ Іисусовыхъ были слова не человѣческія, но Божія. Устнами ихъ бесѣдо-

---

[1]) См. рукописный экземпляръ „Записокъ“ Фотія, вышецитованный, ч. I, л. 47 на обор. Сравн. стр. 106 цитов. книги „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1868 г.

[2]) Стр. 5—6 тома I сочиненій Филарета, цит. изд.

валъ Духъ Святый. *Не вы есте*, сказывалъ имъ Учитель ихъ, *глаголющіи, но духъ, иже въ васъ* (Іоан. 16). Многіе тому, чему и свв. Апостолы, учатъ другихъ, но не имѣютъ тѣхъ успѣховъ. Почему-же? Потому что ученіе ихъ сопровождается шумомъ не съ небесъ, но отъ земли; потому что жизнь ихъ и цѣль рѣчей не таковы, чтобъ могли расположить слушателей къ принятію истины" и т. д. [1]). Теперь посмотримъ на изъясненіе другой стороны видимаго явленія сошествія Св. Духа на Апостоловъ. У Филарета читаемъ: „что такое Духъ Святый въ первоначальныхъ дарахъ Своихъ, сіе изъясняетъ Самъ Онъ Своими *огненными языками*. Онъ есть не вещественный *огнь*, который дѣйствуетъ двумя силами: свѣтомъ и теплотою,—свѣтомъ вѣры, теплотою любви. Сей небесный свѣтъ, по выраженію Соломона [2]), *предходитъ и просвѣщаетъ, дондеже исправится день* (Притч. 4, 18). Разгоняетъ мглу невѣдѣнія и сомнѣній; открываетъ обманъ призраковъ, которые погрязшій въ чувственности разумъ принимаетъ не рѣдко за истины; даетъ человѣку видѣть себя самого въ наготѣ растлѣнной природы, познать міръ въ отношеніи къ душѣ и ощутить присутствіе Бога, яко источника свѣта; сообщаетъ *уповаемыхъ извѣщеніе вещей, обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1). По той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ Солнца Правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце. Любовь божественная изгоняетъ изъ него самолюбіе, попаляетъ въ немъ терніе плотскихъ пожеланій, очищаетъ, упраздняетъ его и взаимно привлекаетъ въ душу новый свѣтъ. Сліяніе сихъ источныхъ даровъ духовныхъ образуетъ *огненный языкъ*, изрекающій *законъ Бога Слова въ сердцѣ* (Псал. 36, 31) человѣка, *воображающій въ немъ Христа* (Гал. 4, 19), совершающій возрожденіе [3]) въ жизнь духовную" [4]). А вотъ что читается у Ѳеофилакта: „Сверхъ великаго шума былъ еще другой видимый знакъ сошествія Св. Духа. *И явишася Апостоламъ*, по Писанію, *раздѣлени языцы, яко огненни: сѣде же на единомъ коемждо ихъ*

---

[1]) Поучит. словъ Ѳеофилакта, ч. 1, стр. 20—21 цит. изд.

[2]) Въ отд. изд. 1811 года: „того-же Духа".

[3]) Въ томъ-же изданіи „отрожденіе".

[4]) См. стр. 3, тома I, сочиненій Филарета, цит. изд.

(Дѣян. 2, 3). Они до сего тепліи бяху, а при семъ чудесномъ явленіи возгорѣшася ревностію къ Богу и закону, яко же мощи имъ съ Іереміемъ глаголати: *съ высоты своея испусти огнь въ кости наша; и научи ны* (Плачъ Іер. 1, 13) [1]). И дѣйствительно словеса ихъ, яко огнь, даже каменныя сердца проникали. Въ самый первый день проповѣди евангельской Св. Петръ ко Господу обратилъ три тысячи душъ, засимъ вскорѣ пять тысячъ, а наконецъ отъ множества обращаемыхъ, уже не означая числа, повѣствуетъ св. Лука: *паче-же прилагахуся вѣрующіи Господеви, множество мужей и женъ* (Дѣян. 5, 14). Сей божественный огнь, воспламенившій Апостоловъ, такъ сильно, такъ скоро дѣйствовалъ, что вселенная непримѣтнымъ для нея образомъ сама начала пылать онымъ, упразднивши идоловъ своихъ". А затѣмъ приложеніе къ слушателямъ такого изъясненія: „Да постыдится мудрость человѣческая отрицать сіе, что искусствомъ дѣлать людей добрыми она одолжена вѣрѣ! Одинъ годъ проповѣди Апостольской ввелъ въ міръ гораздо больше добродѣтелей, нежели всѣ тысячи лѣтъ протекшихъ. Сколько имѣли и имѣемъ нравоучителей! Но всѣ они говорятъ языкомъ не токмо не огненнымъ, но даже вовсе холоднымъ; стараются токмо удивлять другихъ, а не просвѣщать; блистать, а не согрѣвать. *Кійждо бо*, по Апостолу, *отъ своея похоти искушается влекомъ и прельщаемъ* (Іак. 1, 14): *учитъ, яже не видѣ, безъ ума дмяся отъ ума плоти своея* (Кол. 2, 18); и потому суть *яко мѣдь звенящая, или кимвалъ звяцающій*" (1 Кор. 13, 1), и т. д.—все въ томъ-же родѣ [2]). Воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ этого сличенія отрывковъ проповѣди Филарета, смиреннаго проповѣдника-инока и обличителя его, какъ таковаго,—архіерея Ѳеофилакта, блиставшаго проповѣдничествомъ даже въ Петербургѣ за разсматриваемое время: sapienti sat. Мы скажемъ лишь нѣсколько словъ въ заключеніе нашей характеристики проповѣди Филарета, чтобы затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію другой изъ его проповѣдей на 1811 годъ. Проповѣдь Филарета на

[1]) Положимъ и „Плачъ-то Іереміи" не Іереміею написанъ; но это еще не считаемъ особымъ недостаткомъ проповѣди Ѳеофилакта.

[2]) Поучит. словъ Ѳеофилакта. ч. 1, стр. 22—23. цит. изд.

день Пятидесятницы, произнесенная въ этомъ году, напоминаетъ собою его-же проповѣдь на тотъ-же день, произнесенную въ 1814 году въ Троицкой домовой церкви князя А. Н Голицына. на текстъ: *исполняйтеся Духомъ* (Еф. 5; 18). И въ этой послѣдней проповѣди таже глубина духовнаго созерцанія. таже глубина постиженія благодатнаго состоянія духа человѣческаго подъ воздѣйствіемъ Духа божественнаго, таже сила мысли и энергія слова; но только съ тою разницею, что это послѣднее въ ней является болѣе влаственнымъ соотвѣтственно большей духовной опытности проповѣдавшаго. соотвѣтственно болѣе глубокому сознанію имъ своей духовной власти надъ слушателями, нежели какъ то было въ 1811 году. Но что же? Слово, по предмету своему, затрогиваетъ, подобно слову 1811 года, самые живые вопросы мистики: о возрожденіи (отрожденіи) духовномъ, о дѣйствіяхъ Духа въ сердцахъ вѣрующихъ, о просвѣщеніи внутреннимъ свѣтомъ и под.; и однако, не смотря на то, что произнесено въ домовой церкви одного изъ стоявшихъ во власти и силѣ лицъ, приверженныхъ къ мистицизму, кн. Голицына,—произнесено предъ обществомъ лицъ, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ мистическому движенію, тогда бывшему въ большой уже силѣ,—это слово не менѣе слова 1811 года строго православно. Не даромъ оно, подобно слову 1811 года, внесено во всѣ собранія словъ и рѣчей Филарета, кромѣ конечно собранія 1835 года или 1822 года, какъ относящихся къ проповѣдямъ, произнесеннымъ лишь на Московской епархіи. Въ немъ даже еще болѣе, нежели въ словѣ 1811 года, обоснованія мыслей проповѣдника изъ ученія Св Церкви. Такъ напримѣръ во вступленіи въ проповѣдь, разсуждая о великости блага: *исполняться Духомъ*, проповѣдникъ говоритъ: „благо сіе такъ велико, что не знаю, можно-ли его и просить отъ *Сокровища благихъ* безъ внутренняго содраганія и нѣкоего удивленія собственному дерзновенію; хотя впрочемъ Церковь, и каждый день, и въ началѣ каждаго молитвословія, приглашаетъ насъ молить Святаго Духа, не токмо да *пріидетъ*, но и да *вселится въ насъ*“ [1]). Затѣмъ въ этой именно проповѣди

[1]) Стр. 66 тома I сочин. Филар. изд. 1873.

Филаретъ между прочимъ дѣлаетъ ссылку на изъясненіе св. Златоустомъ словъ Евангелія отъ Іоанна: *не у бѣ Духъ Святый* (7, 39) и на слова церковной пѣсни: „Духъ Святый бѣ присно, есть и будетъ“ [1]). Проповѣдникъ такимъ образомъ какъ-бы хотѣлъ показать, въ чемъ должно состоять истинное ученіе мистицизма о предметахъ, которыхъ касается онъ въ проповѣди, въ чемъ состоитъ истинная мистика, и гдѣ мистицизмъ долженъ искать вѣрной, непоколебимой основы своего ученія. Замѣчательно, что даже извѣстный противникъ мистицизма, Иннокентій Смирновъ,—человѣкъ, о которомъ кн. Голицынъ въ 1818 г. съ негодованіемъ писалъ въ коммиссію духовныхъ училищъ, что онъ, какъ цензоръ, пропустилъ такую книгу (Станевича), въ которой „защищается наружная церковь противъ внутренней“, въ которой обнаруживается „стремленіе истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго“ [2]) и под.,—даже такой человѣкъ, говоримъ, въ своей проповѣди на тотъ-же день Пятидесятницы, произнесенной въ 1815 году, обнаруживаетъ сильное тяготѣніе къ проповѣди Филарета, да еще и не столько къ проповѣди 1814-го, сколько къ проповѣди 1811 года. Особенно такое тяготѣніе замѣтно въ ученіи о возрожденіи, какъ возсозданіи въ соотвѣтствіе оживотворенію созданія силою и дѣйствіемъ того-же Духа въ виду изреченія Быт. 1, 2 (Духъ Божій *ношашеся* и пр.) [3]). Такъ глубоко-основательны, съ православной точки зрѣнія, проповѣди Филарета даже и за тотъ періодъ его дѣятельности, когда онъ ближе всего былъ склоненъ къ мистицизму того времени! Такъ, слѣдовательно, несправедливы позднѣйшія обвиненія его въ причастности мистицизму со стороны такихъ лицъ, какъ ревностный ученикъ Иннокентія и бывшій почитатель самого Филарета, извѣстный намъ Фотій! Не даромъ, затѣмъ, самъ-же Иннокентій въ 1816 году спокойно пропустилъ своею цензурою брошюру, составленную подъ сильнымъ вліяніемъ Филарета и имѣющую близкое отношеніе къ разсматриваемымъ проповѣ-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 71 примѣч.

[2]) См. въ „Правосл. Обозр.“ за 1868 г., т. 26, стр. 541.

[3]) См. Сочиненій Иннокентія ч. 1, стр. 207 и дал. изд. 1821 года и ч. 2, срт. 59 и дал. изд. 1845.

дамъ послѣдняго, изданную-же отъ Библейскаго общества, подъ заглавіемъ: „Духа не угашайте" [1]). Такъ твердо шелъ Филаретъ въ своей проповѣди, и сообразуясь съ требованіями того общества, среди котораго проповѣдывалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ впереди этого общества, какъ истинный пастырь духовнаго стада. равно какъ и стоя выше всѣхъ руководимыхъ какъ свѣтильникъ, освѣщающій всѣхъ, находящихся въ храминѣ для слушанія его проповѣди. Онъ такимъ образомъ былъ, если угодно, и мистикъ, но мистикъ въ лучшемъ, истинно христіанскомъ значеніи этого слова. Съ этой стороны онъ былъ лучшимъ и, если можно такъ выразиться, благотворнѣйшимъ дѣятелемъ всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя возникали въ то время подъ вліяніемъ мистическаго движенія и изъ которыхъ обширнѣйшее по кругу дѣятельности было Библейское общество. Въ тоже время и съ той-же стороны онъ оказывалъ самое сильное духовное и благотворное вліяніе на главнаго, во власти стоявшаго, сторонника мистическаго движенія и дѣятеля сейчасъ помянутыхъ учрежденій,—кн. А. Н Голицына, а чрезъ него, или даже и независимо отъ него, и на другихъ сторонниковъ того-же движенія и дѣятелей тѣхъ же учрежденій. За это Россія обязана была-бы ему бóльшую честь воздать, нежели какую воздала благодаря неразумной ревности такихъ лицъ, какъ Фотій, Шишковъ и другіе, какъ увидимъ далѣе.

Переходимъ къ проповѣди Филарета, по случаю поминовенія графа А. С. Строганова, т. е. къ слову въ недѣлю 24-ю по Пятидесятницѣ. Хотя эта проповѣдь и не внесена въ собранія словъ и рѣчей Филарета изданій 1844, 1848 и 1861 годовъ, тѣмъ не менѣе она имѣетъ большое значеніе въ исторіи проповѣднической дѣятельности Филарета. Не говоря уже о томъ, что она показываетъ, насколько даже ко второй половинѣ 1811 года поднялась слава Филарета, какъ проповѣдника, въ Петербургѣ, насколько расширился кругъ этой славы, не ограничивающійся теперь, какъ

---

[1]) См. объ этой брошюрѣ въ письмахъ Филарета къ роднымъ, стр. 223. У насъ было подъ руками 2-е изданіе этой брошюры. Спб. 1818.

прежде, узкими стѣнами церквей Александро-Невской лавры, она имѣетъ и особое отъ сего значеніе. Послѣ того, какъ 3 октября Филаретъ произнесъ въ Казанскомъ соборѣ надгробное слово при отпѣваніи тѣла графа Строганова, семейство покойнаго графа упросило проповѣдника сказать слово и въ 40-й день по кончинѣ отца семейства: такъ понравилось то надгробное слово. Заурядный проповѣдникъ, даже и не 29-лѣтній, какимъ былъ въ то время Филаретъ, можетъ быть, не нашелся бы, что говорить ему еще въ 40-й день, послѣ сказаннаго въ день отпѣванія. Но не таковъ былъ Филаретъ. 40-й день по кончинѣ графа приходился какъ-разъ въ 24-ю недѣлю по Пятидесятницѣ, въ которую положено читать Евангеліе изъ 8-й главы Луки, о воскрешеніи дочери Іаировой. Это рядовое чтеніе подало нашему проповѣднику блестящую мысль сдѣлать назиданіе слушателямъ такимъ образомъ, чтобы и общее рядовое чтеніе не было оставлено безъ вниманія, и просьба семейства покойнаго графа была уважена. Онъ избралъ текстъ для проповѣди такой: *не плачитеся: не умре бо, но спитъ* (Лук. 8, 52) и въ печатномъ изданіи проповѣди самъ подъ строкою нарочито отмѣтилъ: „слова сіи читаются въ Евангеліи недѣли двадесять четвертой. Четыредесятый день отъ кончины покойнаго случился точно въ сію недѣлю“ [1]. Такъ какъ проповѣдь Филарета напечатана была только отдѣльною брошюрою въ 1811 году и затѣмъ не помѣщалась ни въ одномъ изъ собраній словъ и рѣчей Филарета, кромѣ послѣдняго изданія 1873 года, также какъ и проповѣдь на Благовѣщеніе 1810 года, то мы приведемъ весь текстъ ея сполна.

„*Не плачитеся: не умре бо, но спитъ* (Лук. 8, 52).

„Можно пожелать себѣ несчастія, чтобъ имѣть такого Утѣшителя. Одно слово Его превращаетъ смерть въ легкій кратковременный сонъ: *не умре бо, но спитъ.* Чтобы доставить утѣшеніе сѣтующимъ, Онъ самъ подвергается осмѣянію: *ругахуся Ему* (53). Онъ прикасается мертвому тѣлу—и возвращаетъ ему душу *и воскресе абіе* (55).

---

[1]) Стр. 158 примѣч. 1-го тома сочиненій Филарета, изд. 1873.

„Но благословенъ Богъ, коего дары тѣмъ болѣе обильны и повсемственны, тѣмъ болѣе вожделѣнны и необходимы! *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр 13, 8). Онъ доселѣ и творитъ и глаголетъ,—и творитъ словомъ и глаголетъ дѣлами. Сынъ вдовы Наинской, дщерь князя сонмища, Лазарь, другъ Іисуса, воззванные отъ смерти къ жизни во дни Его пребыванія на земли, не суть единственные причастники Его благоволенія; но токмо ранніе предвѣстники нашего въ Немъ блаженства. Воскрешая ихъ, Онъ проповѣдуетъ намъ, что *вѣруяй, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. 11, 25) и тройственнымъ сего рода знаменіемъ внушаетъ ожиданіе тройственнаго воскресенія, да, по пророчественному желанію Апостола, *всесовершенъ* вашъ *духъ и душа и тѣло непорочно* въ Его славное пришествіе *сохранится* (1 Сол. 5, 23). Такъ, истощая владычество смерти до основаній, Онъ не оставляетъ ей ни же имени: *не умре, но спитъ*".

Такимъ образомъ уже здѣсь выясняется тема проповѣди, прямо и опредѣленно не выраженная; это—идея безсмертія. Далѣе именно и слѣдуетъ въ проповѣди подробное обоснованіе этой идеи:—главнѣйшая часть проповѣди.

„И естественный человѣкъ издревле имѣлъ гаданіе, что гробъ не есть послѣдній предѣлъ бытія его. Проникая въ открытую предъ нимъ книгу истины, перстомъ Божіимъ написанную внѣуду—въ твореніяхъ видимыхъ, и внутрь-уду—въ себѣ самомъ, онъ читалъ въ ней предсказаніе о своемъ безсмертіи. Подлинно, вся природа вопіетъ противъ ужасной мысли о уничтоженіи. Растенія увядаютъ, и прозябаютъ; зерно умираетъ, чтобы дать жизнь древу или злаку; засыпаетъ пресмыкающееся,—и пробуждается окриленнымъ; грубѣйшія сущности разрѣшаются въ тончайшія; свѣтъ удаляется и возвращается; времена оканчиваются и начинаются; исчезающіе гласы воскресаютъ въ отголоскахъ; все сораэрушается для возсозданія, умираетъ для жизни, погибаетъ для храненія: одинъ-ли человѣкъ,—толь громкое имя, издастъ минутный звукъ, и болѣе не отзовется? Напротивъ, если бы даже существованіе видимаго міра могло сократиться въ предѣлы земной жизни человѣческой, бытію духа человѣческаго не свойственно было-бы стѣсниться въ существованіи видимаго

міра. Бытія чувственныя совершенствуются поспѣшно, и достигаютъ своего назначенія: человѣкъ, возрастая непрестанно и всегда чувствуя внутреннее воззваніе къ высшему совершенству, дотолѣ старается приблизиться къ небу, доколѣ не снидетъ въ землю; и возможно-ли, чтобы сей сынъ неба родился токмо для младенчества и воспитанія? Животныя, водимыя чувственностію, находятъ свое счастіе и покой въ удовлетвореніи нуждъ, ограниченныхъ сохраненіемъ бытія. Человѣкъ, управляемый высшими побужденіями, живетъ болѣе въ будущемъ, нежели въ настоящемъ, и не можетъ насытить безконечнаго желанія. Неужели въ семъ случаѣ владыка міра долженъ быть несчастнѣе покоренныхъ подъ ноги его? Неужели никогда не постигнетъ сего будущаго, которое онъ столь неутомимо преслѣдуетъ? Неужели сіе безконечное желаніе могло быть насаждено въ конечной природѣ? Что будутъ сіи высокія побужденія любви къ Богу и ближнему, если одинъ изъ сихъ предметовъ никогда не достигается, а другой всегда исчезаетъ? Что будетъ кроткая добродѣтель, если дерзкое злодѣяніе, которое иногда упреждаетъ ее въ снисканіи благъ земныхъ, смѣшается съ нею въ прахѣ могилы и можетъ быть переживетъ ее въ памяти потомства? Живъ Господь порядка, правды и благости,—и въ Немъ жива по смерти душа наша“.

Покончивъ съ естественно-философскимъ доказательствомъ безсмертія, проповѣдникъ дѣлаетъ затѣмъ переходъ къ доказательству той-же истины изъ откровенія Божественнаго, сверхъестественнаго.

„Впрочемъ, — говоритъ онъ,—сколь ни естественно сіе умозаключеніе, признаемся, что естественный разумъ не можетъ содѣлаться побѣдителемъ смерти. Подобно малодушному воину, онъ гордится блестящимъ оружіемъ, доколѣ находится внѣ опасности, но при видѣ врага трепещетъ и опускаетъ оное изъ рукъ своихъ. Приближаясь къ вожделѣнному безсмертію, онъ встрѣчается съ неизвѣстностію, которая поражаетъ его столько-же, а иногда и болѣе, нежели самая смерть,—и влечется вспять пристрастіемъ къ жизни, которая наиболѣе ласкаетъ тогда, какъ должно ее оставить. По своей склонности кичать, онъ можетъ въ сіе время произвести въ человѣкѣ отчаянное хладнокровіе, но не

спокойствіе сердечное. Болѣе, повидимому, долженствовалъ обезпечивать противу смерти законъ, откровенный Богомъ избранному народу. Въ немъ вѣчный Законодатель, указуя на свои велѣнія и судьбы, увѣряетъ всемогуществомъ и величіемъ существа Своего, что жизнь будетъ неотъемлемымъ достояніемъ тѣхъ, которые исполняютъ оныя. *Сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ: Азъ Господь Богъ вашъ* (Лев. 18, 5). И дабы сіе высокое обѣтованіе низвести къ разумѣнію и ощущенію чувственныхъ даже человѣковъ, Онъ пролагаетъ имъ путь къ чаянію живота вѣчнаго чрезъ надежду возрожденія въ потомствѣ многочисленномъ. *Поживете и умножитеся*" (Втор. 4, 1).

Уже выраженіе „повидимому" показывало, что проповѣдникъ не намѣренъ былъ и увѣренію ветхозавѣтнаго откровенія въ безсмертіи придавать особенно доказательной силы. Полное ослабленіе этой силы, для перехода къ единственно сильному увѣренію и доказательству, проповѣдникъ выражаетъ дальнѣйшими словами своей проповѣди.

„Но что долженъ былъ чувствовать человѣкъ, — говоритъ онъ, — внимая благословенію жизни, возвѣщаемому закономъ, тогда какъ сей-же законъ гремѣлъ проклятіемъ на каждаго, кто хотя на единую черту отъ него уклонится; тогда какъ человѣкъ, взирая па дѣла свои, не могъ не сознавать, что не оправдится всякъ живый предъ судомъ Господнимъ? Онъ видѣлъ смерть одесную закона жизни, и принужденъ былъ или непрестанно трепетать предъ нею, или спасаться бѣгствомъ отъ самаго закона и искать инаго утѣшенія.—Единъ Іисусъ *избавляетъ сихъ, елицы страхомъ смерти повинни бѣша работѣ* (Евр. 2, 15), и разсѣваетъ ужасы, ее окружающіе. Онъ совокупляетъ всѣ наши смерти въ едину собственную смерть, возноситъ ихъ съ Собою на крестъ, повергаетъ въ Свой гробъ и, по воскресеніи Своемъ, оставляетъ въ немъ единыя ризы, дабы показать, что и въ нашемъ гробѣ останется только внѣшнее, изъ грубыхъ стихій сотканное облаченіе существа нашего, а человѣкъ воспаритъ къ высшей жизни небесной. Іисусъ во свѣтѣ показуетъ вѣрующимъ безсмертіе, въ которое разумъ прозрѣваетъ въ сумракѣ. Въ Іисусѣ отдаленное обѣтованіе закона о жизни представляется въ осязательной вещественности, такъ что Духъ Святый употребляетъ уже про-

стую человѣческую клятву, когда хочетъ увѣрить насъ, что смерть соединившихся со Христомъ не есть болѣе смерть, но блаженное успокоеніе отъ трудовъ жизни. *Блажени мертвіи умирающіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ: да почіютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 13)

„Замѣтимъ тщательнѣе, слушатели“,—дѣлаетъ теперь проповѣдникъ дальнѣйшія разъясненія главнаго предмета своей проповѣди и нравственное приложеніе догмата,—„въ глаголахъ Духа свойство сея блаженныя смерти. *Блажени мертвіи умирающіи*.... Кто суть сіи мертвые, которые умираютъ?—Тѣ, которые *спогреблися Хрісту крещеніемъ въ смерть* (Рим. 6, 4), ибо противу всеобщей и послѣ грѣха неизбѣжной болѣзни смертной единственное врачество есть то, чтобы привить себѣ спасительную смерть Хрістову;—тѣ, которые *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24); — тѣ, которые не *живутъ* болѣе, но *живетъ въ нихъ Хрістосъ* (Гал. 2, 20). По той мѣрѣ, какъ ихъ *внѣшній человѣкъ тлѣетъ, обновляется внутренній* (2 Кор. 4, 16): почему совершенное отложеніе мертвенныхъ останковъ перваго будетъ совершеннымъ торжествомъ послѣдняго. Съ радостною покорностію волѣ Господа, они совлекутся одеждѣ тѣла и почіютъ въ мирѣ, доколѣ Онъ, измывъ ее въ потокѣ тлѣнія, возвратитъ имъ нетлѣнну и свѣтлу. *Ей, глаголетъ Духъ: да почіютъ*.

„О, благословенная суббота [1]) для тѣхъ, которые не погубили дней дѣланія! Они понесли зной дня и хладъ ночи, трудились до пота, сражались до крови, бдѣли до изнеможенія: теперь уже не будутъ они носить никакихъ бременъ, налагаемыхъ міромъ и плотію; не изыдутъ собирать себѣ пищи, но будутъ ясти отъ манны, уготованной Господемъ; никакая страсть не возгнѣтетъ въ нихъ огня, кромѣ того, который пылаетъ предъ Господемъ, никакой врагъ не досягнетъ ихъ. *Да почіютъ отъ трудовъ своихъ*.

„Единственный спутникъ, который слѣдуетъ за ними въ покой ихъ, есть совѣсть умиренная заслугами Спасителя: *дѣла*

---

[1]) Еврейское слово: *суббота*, какъ извѣстно и какъ предполагалъ извѣстнымъ для своихъ образованныхъ слушателей нашъ проповѣдникъ, значитъ: *покой*.

бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними (Апок. 14, 13). Она развивает предъ ними свитокъ прошедшей жизни, указываетъ имъ свѣтлыя черты, положенныя въ немъ благодатію, и исполняетъ ихъ сладкимъ упованіемъ, доколѣ наконецъ явится Перворожденный въ братіи съ благословеніемъ Отца Своего и торжественно введетъ ихъ съ Собою въ наслѣдіе царствія.

„Не къ славѣ умершихъ о Господѣ", —начинаетъ проповѣдникъ самое нравственное приложеніе догмата къ слушателямъ, —„но къ утѣшенію нашему должно присовокупить, что, преходя къ ближайшему соединенію съ Богомъ, они не разлучаются и съ нами, если и мы живемъ Господеви. Ихъ души въ той же руцѣ Божіей, которая отверзаясь и насъ исполняетъ благости; яко члены единаго тѣла Христова, мы имѣемъ съ ними единую главу и сердце, единую жизнь и свѣтъ. Церковь каждый день возобновляетъ сей священный союзъ живыхъ и мертвыхъ, когда въ часъ всемірной жертвы, единожды принесенной на крестѣ и доселѣ продолжающейся таинственно на олтаряхъ нашихъ, погружаетъ и тѣхъ и другихъ совокупно въ животворящую кровь Христову; когда гласомъ благочестивой любви взываетъ о живущихъ, да скончаютъ въ мирѣ животъ свой, и о скончавшихся, да почіютъ.

„Почій, взываетъ она днесь и тебѣ, блаженная душа", —обращается теперь проповѣдникъ къ недавно почившему графу А. С. Строганову, —„которую недавно весь градъ сей сопровождалъ въ мирномъ твоемъ отшествіи! [1]) По нашему земному счисленію, ты совершила теперь во твоемъ *исходѣ* изъ *бытія* земнаго четыредесять временъ, чудесъ исполненнаго странствія. Я сказалъ: по земному; ибо намъ неизвѣстны дни небесные и мѣра вѣчности, всегда настоящей. Мы вѣруемъ, что исходя изъ міра, изъ сего мрачнаго *Египта*, изъ сей

[1]) Графъ Строгановъ, извѣстный богачъ, щедрый благотворитель, покровитель наукъ и художествъ, уважаемый всѣми и даже царскою фамиліею, —вельможа, умерши маститымъ старцемъ, сопровождаемъ былъ при погребеніи своемъ дѣйствительно едва не всѣми петербургскими жителями. Срав. слово Филарета, сказанное при отпѣваніи графа, въ 1-мъ томѣ сочиненій Филарета, изд. 1873 г., стр. 151—157, особенно же, стр. 154—157. Срав. также слѣдующія слова теперь разсматриваемой проповѣди. О графѣ см. еще въ 1 томѣ цит. „Исторіи царствованія Александра I".

тѣсноты духовной, ты готова внити въ обѣтованный покой. ибо мы видѣли, какъ ты преходила еще прежде духовный путь очищенія, чувственно нѣкогда образованный странствованіемъ Израиля. Ты крестилась не только наружно въ водѣ купѣли, но и въ облакѣ вѣры внутренно; ты съ благоговѣйнымъ страхомъ внимала гласу закона Божія на горѣ святѣй: ты еще изъ страны пришествія соглядала землю обѣтованія и, когда плоть и кровь страшились труднаго въ нее восхожденія, укротила мятежъ ихъ силою вѣры твоей, и ты подвизалась доблестно ко славѣ Бога и ближняго; и, взирая на вѣрнаго вождя Іисуса, тихими стопами прешла за предѣлы времени. Сей внутренній путь, предначертанный четыредесятилѣтіемъ странствовавшаго Израиля, мы начертали себѣ въ четыредесяти дняхъ воспоминаній и молитвъ по твоемъ видимомъ исходѣ и, будучи воскриляемы твоею и нашею вѣрою, не преставая тебѣ сопутствовать,—восходи, взываемъ съ упованіемъ, восходи въ мирѣ въ полную радость Господа твоего и нашего, а во свидѣтельство нашей любви и благодарности къ твоимъ подвигамъ, пріими еще наше духовное цѣлованіе, которое въ Немъ тебѣ преносылаемъ!

„А вы,—обращается въ заключеніе слова къ предстоящимъ проповѣдникъ,—которые въ семъ знаменитомъ мужѣ лишились нѣжнаго отца, вѣрнаго друга, кроткаго домувладыки, попечительнаго начальника, твердаго защитника,—ибо всѣмъ симъ онъ былъ, по природѣ, по долгу, по сердцу,—пріимите утѣшеніе, которое Церковь подаетъ вамъ изъ устъ Самого Господа: *не плачитеся: не умре.* Умѣряйте печаль о такой потерѣ, которая для оплакиваемаго вами есть пріобрѣтеніе. Ему же бо *жити Христосъ*, для того и *умрети пріобрѣтеніе есть* (Филип. 1, 21). Нѣтъ и для насъ инаго средства восполнять потерю умершихъ о Господѣ, какъ слѣдовать за ними путемъ истины въ животъ. Аминь“ [1]).

И такъ вотъ проповѣдь, которую,—при всѣхъ ея высокихъ достоинствахъ, благодаря которымъ Филаретъ упрошенъ былъ семействомъ покойнаго графа войти въ ихъ домъ и кругъ ихъ зна-

[1]) См. стр. 158—163 тома 1-го сочиненій Филарета цит. изданія.

комства, а чрезъ то болѣе приблизился и ко Двору царскому, — самъ проповѣдникъ не удостоилъ дальнѣйшаго распространенія въ кругу читателей посредствомъ внесенія въ позднѣйшія собранія словъ и рѣчей его. А между тѣмъ подобное же по направленію слово одного изъ учителей его въ проповѣдничествѣ, русскаго Массильона — Анастасія Братановскаго, именно слово на погребеніе И. И. Бецкаго пронеслось во славѣ по всей Россіи. Какъ образецъ краснорѣчія, это слово помѣщалось и помѣщается едва-ли не во всѣхъ сборникахъ (христоматіяхъ) по словесности, и это съ давнихъ поръ, именно съ 1814 года, сколько намъ извѣстно [1]. Указанія же на это слово, какъ образецъ церковнаго витійства, дѣлаютъ рѣшительно всѣ учебники церковной и свѣтской словесности, вышедшіе въ текущемъ столѣтіи. Не говоримъ уже о сборникахъ (христоматіяхъ), теоріяхъ и исторіяхъ проповѣдничества, именно русскаго, гдѣ слово Анастасія на погребеніе Бецкаго непремѣнно приводится или упоминается, какъ образецъ надгробныхъ словъ или поученій догматическаго характера (по ученію о безсмертіи души, развиваемому въ словѣ). Посмотримъ однакоже, уступаетъ-ли слово ученика слову учителя въ достоинствахъ своихъ. Слова Анастасія мы не будемъ приводить полностію въ виду самой его распространенности, сейчасъ упомянутой. Мы будемъ дѣлать изъ него лишь выдержки, необходимыя для сличенія его съ словомъ Филарета.

И то и другое слово произнесено въ Александро-Невской лаврѣ [2] и въ присутствіи лучшаго петербургскаго общества. То и другое слово произносится архимандритами, изъ которыхъ одному (Анастасію) не было еще 35-ти [3], а другому (Филарету) даже и 29 лѣтъ отъ роду [4]. То и другое слово

---

[1] См. составленное въ 1814, а вышедшее въ свѣтъ въ 1815 году „Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, изданное обществомъ любителей отечественной словесности“. Ч. I. Стр. 139—149.

[2] Слово Анастасія—въ церкви Благовѣщенія, а слово Филарета — въ Лазаревской кладбищенской церкви той-же Александро-Невской лавры.

[3] Анастасій родился 16 октября 1761 года, а произносилъ свое слово сентября 4 дня 1795 года.

[4] Филаретъ родился 26 декабря 1782 года, а произносилъ слово свое 5 ноября 1811 года.

развиваетъ мысль о безсмертіи души. У Анастасія эта тема выражена такъ: „самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательство безсмертія, и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности“ [1]). Развитіе той-же въ сущности темы у Филарета мы уже видѣли. Для болѣе полнаго сходства мы необходимо должны привлечь къ разсмотрѣнію и проповѣдь послѣдняго, произнесенную при самомъ отпѣваніи графа Строганова, подобно Бецкому умершаго маститымъ старцемъ [2]), подобно ему-же имѣвшаго ближайшее отношеніе къ развитію художествъ въ Россіи [3]), подобно ему мужа добродѣтельнаго, въ чемъ ему много способствовали огромныя богатства его, и т. д. Кстати и самая эта послѣдняя проповѣдь Филарета раскрываетъ тему сродную и той проповѣди его, которую мы уже разсмотрѣли, и проповѣди Анастасія, именно о томъ, что „Богъ живыхъ даетъ вѣрѣ и добродѣтели миръ и долгоденствіе въ залогъ безсмертія и блаженства“. Но за всѣмъ тѣмъ есть между проповѣдями обоихъ проповѣдниковъ и весьма значительная разница. Между тѣмъ какъ въ приведенной напримѣръ выше проповѣди Филарета въ 40-й день по кончинѣ графа Строганова, при разумныхъ соображеніяхъ въ пользу истины безсмертія души, предпочтительнымъ вниманіемъ пользуется такъ называемое физико-психологическое доказательство, у Анастасія на первомъ планѣ является такъ называемое этико-телеологическое доказательство. Между тѣмъ какъ проповѣдь Филарета, основываясь на словѣ Божіемъ, соображеніяхъ разума и воспоминаніи личныхъ качествъ покойнаго, въ тоже время не упускаетъ изъ виду и церковнаго ученія, — слово Ана-

---

[1]) См. поучит. словъ Анастасія т. I, стр. 223. Москва, 1803 года. Припомнимъ, въ отношеніи къ грамматической конструкціи, выраженіе темы въ первой печатной проповѣди Филарета (В. М. Дроздова) 12 января 1806 года.

[2]) П. И. Бецкій родился въ 1702 и скончался въ 1795 году; А. С. Строгановъ родился въ 1734 и скончался въ 1811 году.

[3]) Бецкій былъ президентомъ академіи художествъ; Строгановъ былъ директоромъ той-же академіи. О покровительствѣ его развитію художествъ и художническихъ талантовъ въ Россіи можно составить себѣ понятіе по сочиненной въ честь его Г. Р. Державинымъ одѣ: „Любителю художествъ“ (соч. *Державина* т. I, стр. 363 изд. Грота).

стасія, не противорѣча конечно послѣднему, ни однимъ почти словомъ не указываетъ на него. Даже со стороны внѣшняго характера, между тѣмъ какъ рѣчь Филарета является довольно спокойною по теченію строго обдуманныхъ мыслей и выраженій,—рѣчь Анастасія, по свойственной ему особенности, до изобилія полна оживленія, до излишества наполнена вопросами, восклицаніями и пр. Заключеніе проповѣди Анастасія, какъ и проповѣди Филарета, сказанной въ день погребенія графа Строганова, выражается въ формѣ молитвы къ Богу о упокоеніи усопшаго. Таковы главныя черты сходства и различія проповѣдей двухъ знаменитыхъ нашихъ витій. Нѣтъ сомнѣнія, что проповѣдь Анастасія является однимъ изъ блестящихъ образцовъ русскаго церковнаго краснорѣчія. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что Филаретъ, особенно въ школѣ своего проповѣдничества—Сергіевой лаврѣ, старался даже подражать Анастасію, если не по отношенію къ внутреннему характеру своей проповѣди, то въ отношеніи къ внѣшнему характеру ея (расположеніе мыслей, языкъ, конструкція рѣчи и под.), и въ частности настоящую проповѣдь его ставилъ для себя образцомъ при написаніи своихъ проповѣдей по случаю кончины и поминовенія графа Строганова, особенно—первой проповѣди. Поэтому-то въ письмѣ къ своему родителю отъ 14 октября 1811 г. Филаретъ, упоминая объ этой проповѣди и называя ее надгробною, замѣчаетъ въ скобахъ: „что́ здѣсь, казалось, вышло уже изъ употребленія“ [1]), чѣмъ явно намекается на надгробныя слова Анастасія и въ особенности на разсматриваемое слово. Но и въ этой проповѣди своей Филаретъ пошелъ независимымъ отъ Анастасіева путемъ. Между тѣмъ какъ у Анастасія главное вниманіе обращено на развитіе мысли о добродѣтели, какъ основаніи убѣжденія въ безсмертіи добродѣтельнаго человѣка по душѣ, у Филарета уже и въ первой проповѣди въ память о графѣ Строгановѣ глубже смотрится на тотъ-же въ сущности предметъ—безсмертіе. У Анастасія всѣ отправленія духовной дѣятельности человѣка окрашиваются колоритомъ добродѣтельности и подъ этою окраскою являются субстратами для образо-

---

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 151.

ванія посылокъ къ выводу одного общаго умозаключенія—о безсмертіи души, чрезъ что и понятіе о добродѣтели расширяется до неуловимости собственныхъ его признаковъ и въ понятіе о другихъ силахъ души вводятся такіе признаки, которые не свойственны обычному понятію о нихъ. Напримѣръ вотъ слова самого Анастасія: „Украшенъ-ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе“ и т. д. „Воодушевлено-ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая. человѣколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ; мирно, яко утренняя заря“ и т. д. Кто не видитъ, какое здѣсь смѣшеніе понятій, какая растяжимость выраженія: добродѣтель, въ приложеніи къ различнымъ силамъ души, въ числѣ которыхъ впрочемъ воля упущена изъ вниманія. Ясно, что витія, увлеченный потокомъ краснорѣчія, забываетъ одно изъ существеннѣйшихъ требованій отъ всякаго словеснаго, а тѣмъ болѣе духовно-словеснаго произведенія: строгое, по возможности, слѣдованіе правиламъ логики. Этимъ-же объясняется, конечно, и обычное въ проповѣдяхъ этого витіи обиліе вопросовъ, доходящее до излишества, совершенно ненужнаго. Вотъ для сего примѣръ изъ той-же проповѣди и именно изъ того мѣста ея, гдѣ проповѣдникъ, изобразивъ красоту добродѣтели, начинаетъ доказывать самую истину безсмертія на основаніи чертъ образа ея. „Такъ уже-ли,—говоритъ онъ,—мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра къ престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства Его, и на земли для служенія Ему сооружающая духовный алтарь,—мысль, обтекающая въ едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣка и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже-ли тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія. духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Уже-ли то сердце, украшенное благостію и правдою, истиною и святостію, кротостію и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерто будетъ тлѣніемъ? Тѣ желанія свя-

тыя, тѣ надежды небесныя исчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего-ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего-ли хвалимся носить образъ предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделѣннѣйшею добычею все чувственное поглощающія смерти?—Гдѣ-же тѣ обѣщанія Евангельскія: *вѣруяй въ Мя не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. 6, 47)? Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горестей несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность ни по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? Гдѣ вѣра? Гдѣ законъ? Гдѣ праведный Богъ?" [1]) и т. д. Итакъ вотъ уже 12 вопросовъ къ ряду, а мы еще не привели слѣдующихъ семи. Мы не будемъ такъ строги къ Анастасію чтобы вмѣстѣ съ преосвященнымъ Филаретомъ Черниговскимъ говорить о его проповѣдяхъ: „напыщенность ихъ докучлива: до 50 патетическихъ вопросовъ въ одномъ словѣ—дичь" [2]). Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не сказать, что въ этой длинной тирадѣ, состоящей изъ однихъ вопросовъ, много такого, что представляетъ въ себѣ помянутое выше смѣшеніе понятій,—много такого, что логически не вытекаетъ изъ предшествующаго и не стоитъ съ нимъ въ органической внутренней связи,—много лишняго, и т. д. Напротивъ того-же отнюдь нельзя сказать о проповѣдяхъ Филарета, гдѣ логическая стройность цѣлаго, точность, сжатость, при обиліи мыслей и живости изложенія, составляютъ существенныя достоинства. Въ частности въ одной изъ разсматриваемыхъ проповѣдей, сродныхъ съ проповѣдію Анастасія по предмету, мы уже могли это видѣть. Мы видѣли, какъ постепенно, но твердо идетъ мысль проповѣдника отъ доказательства къ доказательству, отъ менѣе сильнаго къ болѣе сильному, пока не сосредоточивается наконецъ на главномъ доказательствѣ — истинно христіанскомъ, основаніе котораго во Христѣ. Въ проповѣди на погребеніе графа Строганова глав-

---

[1]) Стр. 226—228 части I-й поучит. словъ Анастасія цит. изд.

[2]) Обзоръ русской духов. литературы, ч. 2, стр. 161 цит. изд.

ное вниманіе проповѣдника сосредоточивается, правда, повидимому на свѣтлой личности почившаго; но и здѣсь, въ мысляхъ общихъ, отвлеченныхъ отъ представленія о личности покойнаго, та-же стройность логическая и та-же постепенность, та-же точность и сжатость. И какъ та проповѣдь, кромѣ этого достоинства, которымъ оно преимуществуетъ предъ проповѣдію Анастасія, имѣетъ предъ нею то преимущество, что представляетъ большее разнообразіе въ доказательствѣ одного и того-же предмета, шире, при всей сжатости, и глубже объемлетъ самый этотъ предметъ, такъ и эта проповѣдь. Вотъ напримѣръ начало этихъ общихъ мыслей въ доказательство главной мысли, заключающейся въ темѣ: „Человѣкъ рождается подъ грознымъ небомъ. Зачатый въ беззаконіяхъ, осужденный на смерть прежде рожденія, поставленный въ противоборствѣ со всею природою, мстящею своему владыкѣ за покореніе себя суетѣ, имѣя въ разумѣ вождя, въ наибольшихъ опасностяхъ наиболѣе слѣпотствующаго, въ сердцѣ друга, часто измѣняющаго, въ совѣсти судію, коего бдительность ужасна для чувственности, а усыпленіе для духа. — что есть бѣдный пришлецъ земли, какъ не язвенный воинъ, принужденный въ одно время сражаться и съ внѣшними врагами и съ внутреннею немощію? Что суть подвиги безъ Бога предпріемлемые имъ для счастія, какъ не усилія разслабленнаго, желающаго воздвигнуться? Что его земныя удовольствія, какъ не обманчивыя врачевства, на краткое время заглушающія неисцѣльную болѣзнь, и которыя становятся тѣмъ менѣе дѣйствительными, чѣмъ чаще употребляются? Счастливъ, если среди сихъ бѣдственныхъ опытовъ, наконецъ онъ почувствуетъ, что нѣтъ безопасности на земли безъ примиренія съ небомъ.

„Вѣра изливаетъ цѣлебный бальзамъ на раны, открываемыя самопознаніемъ. Она увѣряетъ, что Богъ для того токмо предаетъ насъ заслуженнымъ страданіямъ, чтобы мы познали нужду помощи Его, и прилѣпились къ Его милосердію: она скрываетъ насъ отъ взоровъ Его правосудія подъ одеждою заслугъ Христовыхъ; облекаетъ нашу слабость и буйство въ Божію силу и Божію премудрость и, подвизая насъ къ высокой дѣятельности по намѣреніямъ любви Божіей, присовокупляетъ, что

иже Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ (Рим. 8, 32)? Та же вѣра, которая примиряетъ съ Богомъ, обращая лице свое къ человѣкамъ, становится добродѣтелію и служитъ вѣрнѣйшею ходатаицею мира съ ближними".

Развивши затѣмъ и эту мысль въ пояснительныхъ частныхъ мысляхъ и примѣрахъ, а затѣмъ и послѣднюю—о мирѣ человѣка вѣрующаго и добродѣтельнаго съ самимъ собою и заключивъ ее словами Писанія, сказанными какъ-бы отъ имени таковаго человѣка: *въ мирѣ вкупѣ усну и почію, яко ты Господи на упованіи вселилъ мя еси* (Псал. 4, 9),—проповѣдникъ на этомъ „упованіи" и утверждаетъ мысль о мирѣ (и долгоденствіи), какъ залогѣ безсмертія и блаженства. Весь этотъ рядъ мыслей потомъ прилагается и къ почившему, какъ человѣку, осуществившему въ себѣ изображенныя черты [1]), подобно тому, какъ у Анастасія—къ Бецкому. Какъ очевидно, и здѣсь у Филарета, при строгой послѣдовательности мыслей, нѣтъ мысли и даже слова, которыя были-бы лишни. И при этомъ какая глубина психологическаго анализа! Здѣсь нѣтъ блеска (или иногда треска) краснорѣчія, которымъ отличается рѣчь Анастасія; но за то нѣтъ и того многословія, отъ котораго, какъ извѣстно, не избѣжишь грѣха.

Проповѣди Филарета, произнесенныя въ память Графа Строганова, какъ мы замѣтили выше, еще болѣе прежняго подняли славу проповѣдническую Филарета,—сдѣлали его, такъ сказать, моднымъ проповѣдникомъ. Въ началѣ 1812 года Филарета приглашаютъ къ произнесенію проповѣди при отпѣваніи тѣла другаго умершаго государственнаго сановника, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, одного изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ осуществленіи реформъ царствованія Александра I, графа П. В. Завадовскаго (или Заводовскаго). Филаретъ произноситъ, при чемъ краснорѣчиво изображаетъ покойнаго, какъ *мужа, иже въ премудрости помышляетъ правая, и иже въ разумѣ своемъ поучается святыни* (Спр. 14, 21) [2]). Въ Великій Пятокъ Филаретъ произноситъ

[1]) Стр. 152 и дал. тома I-го сочиненій Филарета цит. изд.

[2]) Этотъ текстъ и лежитъ въ основаніи проповѣди; имъ же выражается и тема ея. См. стр. 164—165 цит. изд. соч. Филарета.

проповѣдь (конечно также не безъ приглашенія или назначенія) въ придворной соборной церкви въ присутствіи Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ на текстъ: *дщери іерусалимскія не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ* (Лук. 23, 28). Утѣшеніе о страждущемъ Іисусѣ и сокрушеніе о себѣ—вотъ тема проповѣди. Въ то время, какъ французы еще держались въ Москвѣ, Филаретъ произноситъ проповѣдь на освященіе домовой церкви покровителя своего, князя А. Н. Голицына и затѣмъ по выходѣ французовъ изъ Москвы произноситъ въ той же церкви еще двѣ проповѣди, изъ которыхъ одну, по желанію Высочайшей особы,—даже повторительно. Проповѣдь на освященіе сейчасъ упомянутой церкви произнесена на тему „объ освященіи нашего храма невидимаго" и произвела столь сильное впечатлѣніе на слушателей, что въ одинъ изъ слѣдующихъ случаевъ священнодѣйствія Филарета въ той же церкви его просили даже повторить эту проповѣдь, но онъ конечно не могъ этого сдѣлать и произнесъ другую проповѣдь. Въ чемъ же вся сила и причина такого впечатлѣнія проповѣди? Не смотря на событія отечественной войны, занимавшія въ то время вниманіе всѣхъ и бывшія живѣйшимъ предметомъ поученій другаго знаменитаго проповѣдника того времени, Августина, въ проповѣди Филарета нѣтъ ни малѣйшаго прямаго намека на эти событія. Но за то вся она состоитъ въ глубочайшемъ и возвышеннѣйшемъ истолкованіи предмета, который, благодаря помянутымъ событіямъ, еще сильнѣе, нежели прежде, становился близкимъ сознанію людей, уже преднастроенныхъ на тонъ мистицизма. *Внутреннее наше освященіе*—одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ мистицизма,—и Филаретъ по прежнему строго православно разрѣшаетъ этотъ вопросъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ до того глубоко входитъ въ самый предметъ проповѣди, до того самъ одушевляется имъ, уже подготовленный къ тому своею собственною духовною жизнію, что въ этой проповѣди вышло поистинѣ дивное сочетаніе глубокихъ и поучительныхъ мыслей проповѣдника, вытекающихъ изъ темы, съ мыслями и ощущеніями, которыя вызывались и событіями времени. Исходя изъ текста: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь*

славы (Иса. 23, 7),—проповѣдникъ естественно въ концѣ проповѣди, которою какъ-бы постепенно пріуготовляетъ слушателей къ мысли о необходимости такого освященія своего внутренняго храма, при коемъ онъ достоинъ былъ-бы видѣть входящимъ въ него *Царя славы*, указываетъ на необходимость всегдашней готовности къ такому принятію въ себя Царя славы. Но это-же невольно переносило мысль слушателей къ представленію о пришествіи Христа—Царя славы на послѣдній судъ. Событія-же времени: грозная, губительная война, оскверненіе французами, предводимыми Наполеономъ, святынь русскихъ и под., столь-же невольно вызывали представленіе и о наступленіи этого страшнаго суда, при чемъ Наполеонъ представлялся какъ-бы антихристомъ. Можно себѣ вообразить, поэтому, какое впечатлѣніе должны были произвести на слушателей Филарета слова конца проповѣди его: „И между тѣмъ Господь *при дверехъ*. О милость, о неблагодарность непостижимыя! Какой рабъ можетъ пренебрегать посѣщеніемъ владыки своего, и какой владыка можетъ снести такое пренебреженіе? Можетъ-ли богатый оставить нищаго толцать во врата свои отъ утра до вечера, и нищій не проклясть жестокосердаго? Но Ты, Господи, съ неизреченными сокровищами щедротъ Твоихъ, съ того времени, какъ возсіялъ надо мною свѣтъ Евангелія Твоего, стоитъ у вѣчныхъ вратъ души моей, а я не внемлю Твоимъ кроткимъ толцаніямъ, и вратами тлѣнія убѣгаю скитаться по міру, и просить у враговъ Твоихъ моей погибели. Пожелаемъ, слушатели, чтобъ у каждаго, кто будетъ отверзать врата освященнаго нынѣ храма и входить въ нихъ, въ тоже время отзывались въ душѣ, и отверзали-бы ее Богу, Божественныя слова освященія: *возмите, врата, главы ваша, и отверзитеся врата вѣчныя, и внидетъ Царь славы*. Аминь“ [1]).

7—10 октября 1812 года французы оставили Москву, но еще много хлопотъ было при дѣлахъ съ ними во время отступленія ихъ на Смоленскую дорогу. Была мысль даже, не пошелъ-бы Наполеонъ изъ Москвы на Петербургъ. И только

—

[1]) Стр. 182 тома 1-го соч. Филарета. цит. изд.

къ концу октября для Петербурга выяснилось дѣло о безславномъ отступленіи врага изъ предѣловъ Россіи за границу. Слѣдовательно 23 октября, когда Филаретъ произносилъ свою „Бесѣду о молитвѣ Господней", еще нельзя ему было говорить какимъ-бы то ни было образомъ о тѣхъ радостныхъ для всякаго истиннаго сына отечества знаменіяхъ, которыя уже тогда покрывали славою русское оружіе и русскую доблесть. События пока еще внушали нашему проповѣднику тѣже въ сущности мысли, которыя проповѣданы имъ были въ той же Троицкой домовой церкви князя Голицына 1 октября по освященіи этой церкви. Обильный источникъ для этихъ мыслей представляло собою самое содержаніе молитвы Господней, объяснять которую предпринялъ проповѣдникъ въ помянутой „Бесѣдѣ" о ней. А текстъ, послужившій исходною точкою для „Бесѣды", еще болѣе вызывалъ такія же мысли. *Что Мя зовете Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?* (Лук. 6, 46)—начинаетъ проповѣдникъ, и затѣмъ прямо говоритъ: „страшный гнѣвъ Господа открывается намъ, слушатели, въ семъ изреченіи Евангелія! Онъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулятъ или забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. *Что Мя зовете, Господи, Господи.* И такъ, неужели Бога оскорблять можно и молитвою?—Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, а сердечная не сопровождается творительною молитвою. *Что мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?*"—и т. д. Далѣе прошенія: *да святится имя Твое,—да пріидетъ царствіе Твое* и другія изреченія молитвы Господней представляли собою обильный матеріалъ проповѣднику для сосредоточенія мысли слушателей на истинахъ, столь и возвышенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же дорогихъ мистицизму, какъ и освященіе нашего внутренняго храма въ проповѣди на 1-е октября. При всемъ томъ сердце проповѣдника, какъ истиннаго сына отечества, не могло быть чуждо и ближайшихъ событій отечественной войны, что такъ или иначе прорывалось въ его „Бесѣдѣ". Такъ напримѣръ, въ объясненіи прошенія: *да святится имя Твое,* выраженіе: „языцы, взирая на нашу жизнь, въ удивленіи вопрошаютъ

другъ друга: *гдѣ есть Богъ ихъ?"* (Псал. 78, 10),—прямо указываетъ на вторгшихся въ Россію и хозяйничавшихъ въ ней галловъ и съ ними два десять языковъ, особенно въ связи съ предшествующимъ: „если гласы молебныхъ пѣній и славословій нашихъ возмущаетъ нами же *возносимый* къ небу *вопль нищихъ* (Іов. 34, 28), которымъ не благовѣствовали мы Бога, Отца сирыхъ; заглушаетъ *гласъ крове братій нашихъ* (Быт. 4, 10), въ которыхъ мы не прославили Бога, Судію обидящихъ?"—и т. д. Затѣмъ въ изъясненіи прошенія: *да пріидетъ царствіе Твое*, выраженія: „но не многіе-ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ начертать другимъ законъ страха и униженія; мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣній" и т. д.,—содержатъ въ себѣ прямое или косвенное указаніе на Наполеона, тогдашнюю политику и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Бесѣда о молитвѣ Господней" полна такого обильнаго утѣшенія, назиданія и другихъ достоинствъ со стороны внутренняго своего характера, что не удивительно желаніе Высочайшей особы, вызванное, безъ сомнѣнія, рекомендаціею слушателей ея въ 23-е октября,—повторить эту „Бесѣду". Не удивительно, что и послѣ повторенія ея 30 ноября Филаретъ слышалъ такія слова кротости, которыя растопляли его, какъ воскъ, такія слова благочестія, которыя „воспламеняли" его [1]). Къ тому же въ „Бесѣдѣ" и расположеніе мыслей такъ ясно и выраженіе ихъ въ словѣ такъ просто, что столь сильное впечатлѣніе отъ нея для слушателей достигалось безъ особеннаго напряженія вниманія и мыслительной силы, каковаго требовали другія проповѣди Филарета. Это—одна изъ проповѣдей Филарета, доказывающихъ несправедливость того ходячаго у насъ сужденія о нихъ, что онѣ мало понятны для слушателей и читателей, что Филаретъ не умѣлъ говорить просто при своемъ проповѣдываніи. Правда, большая часть проповѣдей Филарета, какъ человѣка, который самъ неустанно работалъ умомъ, требуютъ отъ читателей, какъ требовали въ свое время отъ слушателей, подобной же работы умственной,

---

[1]) Письма Ф. къ роднымъ, стр 167.

чтобы получить отъ нихъ истинное назиданіе. Но вѣдь, съ одной стороны, непреложна истина, что *царствіе Божіе нудится, и усильніи искателіе восхищаютъ е*, что къ глубоко назидательнымъ поученіямъ нашего великаго святителя вполнѣ заслуживаетъ быть отнесеннымъ, а съ другой—много-ли пользы истинной приносятъ нерѣдко говорящіе слово проповѣди просто, но не такъ глубоко-назидательно, а еще болѣе того—не такъ свято, какъ Филаретъ,—говорящіе съ тѣмъ, чтобы блеснуть краснымъ словцомъ или порисоваться современностію и под. „Бесѣда" же Филарета написана просто, и мы привели бы ее здѣсь, какъ образчикъ этой простоты, если бы, съ одной стороны, не боялись утомить читателей такою выпискою ея, а съ другой—не имѣли-бы въ виду того, что желающій можетъ легко прочитать ее во всѣхъ существующихъ въ печати собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета.

Третья проповѣдь, произнесенная Филаретомъ въ домовой церкви кн. Голицына и послѣдняя въ 1812 году, сказана была въ ней на третій день праздника Рождества Христова, хотя приготовлена была на тему изъ мыслей, относящихся къ воспоминанію священныхъ событій самаго праздника

Исходя изъ текста: *и се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ* (Лук. 2, 12), она развиваетъ мысль о томъ, „какое-бы знаменіе могло насъ удостовѣрить въ нашемъ приближеніи ко Христу, въ истинѣ нашего возрожденія?" [1]). Уже изъ этой темы ясно, какая обильная содержаніемъ матерія представлялась Филарету и въ настоящей проповѣди къ назиданію слушателей, событіями 1812 года еще болѣе прежняго воспламененныхъ ревностію въ пользу мистическаго движенія. И онъ здѣсь, также какъ прежде, осторожно, но весьма глубоко и прочно посѣваетъ сѣмена этого назиданія въ сердцахъ ихъ. Взывая во всеуслышаніе къ ученію св. Церкви [2]) и учителей ея [3]), онъ даетъ понять слушателямъ, что безъ материнскаго участія св. Церкви то „возрожденіе" было-бы не столько „истиннымъ", сколько мечта-

---

[1]) Стр. 184 тома 1-го сочин. Филарета цит. изд.

[2]) См. стр. 183 указаніе на слова 1-го ирмоса на Рождество Христово.

[3]) Стр. 187, цитата изъ Тертулліана „Противъ Маркіона". гл. IV.

тельнымъ, что только въ „простотѣ вѣрованія“ пастырей мы можемъ истинно найти и встрѣтить Христа въ возрожденномъ сердцѣ нашемъ, а не въ мистической мудрости или, какъ выражается Филаретъ, въ „своемудріи“ [1]) и т. д. „Между тѣмъ какъ очи наши теряются въ созерцаніи величественныхъ видовъ,—поучаетъ онъ,—намъ представляющихся, легко статься можетъ, что мы не примѣтимъ подъ ногами нашими камней, сѣтей и пропастей, или остановимся на пути нашемъ тогда, какъ надлежало-бы простираться въ предняя. И потому яркія озаренія ума не всегда можно принимать за непреложныя знаменія приближенія къ Христу и за вѣрныя указанія истиннаго пути возрожденія. Есть просвѣщенные духи подобные прозрачнымъ тѣламъ, которые пріемлютъ и передаютъ свѣтъ, но сами его не чувствуютъ, и даже производятъ въ другихъ пламя, но сами остаются хладны и мертвы. Самая высокая мудрость человѣческая есть такое свѣтило, которое поколику само идетъ неопредѣленнымъ еще путемъ, потолику и не можетъ быть надежнымъ путеводителемъ, и которое чѣмъ славнѣе въ своемъ сіяніи, тѣмъ страшнѣе въ своемъ затмѣніи. Какъ можно и желать лучшаго? Истинное и живое видѣніе собственно не есть удѣлъ настоящей жизни; самое блаженство ея состоитъ въ вѣрованіи: *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7): *блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. 20, 29). Снидемъ же по слѣдамъ пастырей виѳлеемскихъ, на сѣнпотаинственный путь вѣры; и чѣмъ болѣе онъ сокровенъ и невидимъ, тѣмъ болѣе потщимся его замѣтить осязательнымъ знаменіемъ ему свойственнымъ“. Не ясенъ-ли строгій урокъ людямъ, доходившимъ до крайностей въ увлеченіи мистицизмомъ? И хотя въ 1812 году еще не начинались въ Петербургѣ радѣнія Татариновой [2]), однако прецеденты подобныхъ духоборческихъ стремленій уже были въ скопчествѣ и въ масонскихъ ложахъ; да и упоеніе мнимо-духовною мудростію у представителей обыкновеннаго мистицизма нерѣдко доходило до крайностей. Поэтому тѣмъ болѣе по-

---

[1]) Стр. 188; срав. стр. 189.

[2]) Татаринова прибыла въ Петербургъ и начала тамъ свои радѣнія съ 1815 года, о чемъ см. *П. И. Бартенева*, 19-й вѣкъ, ч. 1, стр. 221. Москва 1872.

лезенъ былъ тотъ урокъ, чѣмъ опаснѣе были хотя бы то предварительные симптомы духовно-болѣзненнаго состоянія петербургскаго общества того времени.

Въ новый 1813 годъ въ Петербургѣ совершалось торжество освобожденія Россіи отъ нашествія иноплеменныхъ. Воспламененный огнемъ любви къ отечеству Филаретъ, какъ мы знаемъ, отозвался по этому поводу въ краснорѣчивомъ словѣ отвѣтнаго письма на пригласительное письмо А. Н. Оленина написать разсужденіе-рѣчь о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года, для прочтенія ея въ „Бесѣдѣ общества любителей россійской словесности“. И это разсужденіе-рѣчь читано въ собраніи сего общества 20 мая, когда Филаретъ числился уже почетнымъ членомъ „Бесѣды“. Съ церковной же каѳедры тѣ-же и еще сильнѣйшія патріотическія чувствованія свои онъ выразилъ въ проповѣди при погребеніи славнаго вождя отечественной войны, князя М. И. Голенищева-Кутузова—Смоленскаго [1]) Мы не будемъ приводить текста этой проповѣди, также какъ и другой, знаменитой по краснорѣчію, проповѣди Филарета за 1813 годъ, такъ какъ обѣ онѣ вошли во всѣ позднѣйшія собранія словъ и рѣчей Филарета, а послѣдняя—даже и въ хрестоматіи по словесности, начиная съ 1814 года. Мы обратимъ вниманіе лишь на отдѣльныя черты и особенности этихъ проповѣдей, въ цѣляхъ нашей настоящей историко-критической характеристики проповѣднической дѣятельности Филарета за разсматриваемый періодъ. Въ виду хронологической очереди обращаемся прежде всего къ проповѣди на Великій Пятокъ 1813 года. Во весь петербургскій періодъ своей проповѣднической дѣятельности Филаретъ произнесъ пять проповѣдей на Великій Пятокъ, именно: въ 1812 году въ придворной церкви, въ 1813, 1815, 1816 и 1817 годахъ—въ Александро-Невской лаврѣ. Мы помнимъ также, что и еще въ 1806 году онъ произносилъ проповѣдь на этотъ-же великій день. Говоря въ свое время объ этой послѣдней про-

---

[1]) Срав. по поводу этой проповѣди письмо князя А. Н. Голицына къ товар. мин. вн. дѣлъ Козодавлеву въ „Вѣстникѣ Запад. Россіи“ за 1868 г. кн. 12, отд. II, стр. 133—134.

повѣди, мы не даромъ отмѣтили о значеніи столь великаго дня для проповѣдниковъ вообще и значеніи его для Филарета по отношенію тогдашней его проповѣди на таковый день, назначенной ему прямо Платономъ въ видѣ пробнаго опыта. Самъ Платонъ, въ теченіе своей 50 лѣтней проповѣднической дѣятельности, произнесъ также нѣсколько проповѣдей на этотъ день [1]). Анастасій Братановскій—другой учитель Филарета, также не оставилъ безъ проповѣди этотъ-же день [2]). Другіе, болѣе или менѣе знаменитые проповѣдники того времени — тоже [3]). Великая тайна домостроительства спасенія во Христѣ, воспоминаемая въ этотъ день, въ соединеніи съ торжественно-печальною обрядностію церковною, не могла не возбуждать таланта проповѣдническаго, не могла не поднимать духа служителя Церкви, особенно такого, какъ Филаретъ. Но, какъ само собою понятно, не стать-же ему было повторять одну и ту-же проповѣдь едва не каждый годъ. Интересно, поэтому, сличить всѣ пять проповѣдей Филарета на Великій пятокъ за означенные выше годы, чтобы видѣть, сколь велика была находчивость у нашего проповѣдника въ избраніи темы для проповѣди. Мы не забыли конечно, какую тему для проповѣди на Великій Пятокъ избралъ Филаретъ въ 1806 году; помнимъ также, на какую тему говорилъ онъ проповѣдь на тотъ-же день и въ 1812 году въ придворной церкви. Въ 1813 году онъ произносилъ слово, безъ текста, о тайнѣ *слова крестнаго* (1 Кор. 1, 18); въ 1815 году — Бесѣду изъ текста: *видите, како праведный погибе, и никто-же пріемлетъ сердцемъ* (Иса. 57, 1), о необходимости для насъ принимать сердцемъ страданія нашего Спасителя; въ 1816 году — слово на текстъ: *тако возлюби Богъ міръ* (Іоан. 3, 16), о любви Божіей къ міру и человѣку, явленной въ распятіи Христовомъ; на-

---

[1]) См. напр. Сочиненій *Платона* т. I, стр. 150 и дал.; стр. 292 и дал.; т. 2, стр. 109 и дал.; т. 20, стр. 185 и дал.

[2]) См. напр. поучит. словъ *Анастасія* ч. I, стр. 132 и дал.; ч. II, стр. 45 и дал.: ч. IV, стр. 14 и дал. Срав. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 года, № 4, отд. церк., стр. 391 и дал.

[3]) См. напр. Поучит. словъ *Θеофилакта* Рязанскаго ч. II, стр. 245 и дал.;— м. *Амвросія* поучит. словъ ч. III, стр. 55 и дал.

конецъ въ 1817 году—слово на текстъ: *изыде же вонъ Іисусъ, нося терновенъ вѣнецъ и багряну ризу. И глагола имъ: се человѣкъ!* (Іоан. 19, 5), о богочеловѣчествѣ Іисуса Христа. Итакъ вотъ уже 6 проповѣдей на Великій Пятокъ,—и какое разнообразіе предметовъ содержанія ихъ! Но кромѣ этого разнообразія и самъ Филаретъ, и слушатели и цѣнители его проповѣди придавали всѣмъ этимъ проповѣдямъ не одинаковое значеніе. Такъ слово въ Великій Пятокъ 1813 года не только самимъ Филаретомъ удостоено внесенія во всѣ позднѣйшія собранія его словъ и рѣчей, но и современниками его отличаемо было особеннымъ вниманіемъ, какъ образецъ церковнаго краснорѣчія. Мы уже говорили о внесеніи его въ качествѣ такого образца въ 1-ю часть собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ изданія Общества любителей отечественной словесности (стр. 169—185. Спб. 1815). Вносилось оно въ сборники, христоматіи по словесности и пр. также и послѣ сего [1]). Во второмъ курсѣ чтеній о словесности *И. Давыдова* это слово разбирается, какъ образецъ церковнаго краснорѣчія, при чемъ проповѣди Филарета вообще поставляются „вѣнцомъ духовнаго современнаго витійства нашего“ [2]). Тоже говорятъ о немъ и другіе [3]) Слово въ Великій Пятокъ 1816 г. также не только допускается самимъ Филаретомъ ко внесенію во всѣ дальнѣйшія собранія его словъ и рѣчей, но и приводится или даже разбирается, какъ образецъ духовнаго витійства представителями словесной науки въ Россіи, при томъ такими, какъ напримѣръ Шевыревъ [4]). Но за то, съ другой стороны, проповѣди на Великій Пятокъ 1812, 1815 и 1817 гг. только и напечатаны были отдѣльными брошюрами прямо послѣ ихъ произнесенія, а затѣмъ какъ-бы преданы были забвенію при

---

[1]) См. напр. *Яковлева* „Русская христоматія“. Изд. 2-е Спб. 1874; см. также христоматію *Галахова* и др.

[2]) Стр. 191 и дал. Изд. 2-е. Москва, 1838.

[3]) См. напр. *Н. И. Греча* „Опытъ краткой исторіи русской литературы“, стр. 263 и 301. Спб. 1822; *А. Глаголева* „Умозрительныя и опытныя основанія словесности“, ч. IV, стр. 38. Спб. 1845 и др.

[4]) См. „Москвитянинъ“ за 1846 г. т. I, стр. 214—216, срав. также *М. А. Поторжинскаго* „Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка“, стр. 158 и дальн. Кіевъ, 1882 и др.

жизни самого проповѣдника и только послѣ его кончины, вмѣстѣ съ другими, такую-же участь имѣвшими, перепечатаны въ 1-мъ томѣ сочиненій Филарета изданія 1873 г. Спрашивается: что за причина такой неодинаковости? Неужели проповѣди 1812, 1815 и 1817 годовъ ниже другихъ проповѣдей того-же проповѣдника по внутреннимъ или внѣшнимъ достоинствамъ своимъ? Отнюдь нѣтъ! Въ нихъ таже глубина и строгая послѣдовательность мыслей, тоже сильное, ясное, живое слово; онѣ всѣ одушевлены тѣмъ же блестящимъ краснорѣчіемъ, какъ и проповѣди 1813 и 1816 годовъ. Мы не говоримъ уже о глубокой назидательности, отличающей и эти, какъ всѣ, проповѣди нашего витіи. Не думаемъ, чтобы причиною невнесенія ихъ въ собранія 1820—1861 годовъ было и то, что, какъ намъ уже извѣстно, было причиною прекращенія проповѣданія Филарета въ придворныхъ церквахъ съ 1814 года; потому что тогда-бы не внесена была и проповѣдь 1816 года. Предполагаемъ, что скорѣе всего причиною разсматриваемаго обстоятельства было то, что въ проповѣдяхъ 1812, 1815 и 1817 годовъ больше нежели въ проповѣдяхъ 1813 и 1816 года является изреченій обличительнаго характера. Въ проповѣди 1812 года обличительный тонъ предполагается уже второю половиною текста: *себе плачите и чадъ вашихъ*. Въ „Бесѣдѣ“ 1815 года заключается цѣлая тирада съ такимъ же характеромъ и при указаніи на „смутныя и темныя событія дней“ проповѣдника [1]). Въ словѣ 1817 года обличеніе соблюдено даже къ концу проповѣди противоположеніемъ между Распятымъ и распинателями [2]). И хотя обличеніе дѣлается „съ сожалѣніемъ, а не съ негодованіемъ“ [3]), какъ это было во всегдашнемъ правилѣ у Филарета, тѣмъ не менѣе и это обличеніе проповѣдникъ находилъ, вѣроятно, тягостнымъ для позднѣйшихъ читателей его проповѣдей и потому не допус-

---

[1]) См. сочиненій Филарета т. I изд. 1873 г., стр. 217 и дал.; срав. въ той же проповѣди стр. 215.

[2]) Тамъ-же, стр. 236.

[3]) Замѣчаніе на рукописномъ экземплярѣ одного изъ ученическихъ упражненій Макарія Глухарева. № 16 допол. рукоп. библ. Моск. дух. академіи.

тилъ помянутыя проповѣди до внесенія въ собранія 1820—1861 годовъ.

Проповѣдь, сказанная предъ погребеніемъ тѣла свѣтлѣйшаго князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова—Смоленскаго въ Казанскомъ соборѣ 13 іюня 1813 года была, остается и останется навсегда дивнымъ памятникомъ горячей любви Филарета къ отечеству, равно какъ и превосходнѣйшимъ образцомъ историческаго надгробнаго слова. Въ этомъ отношеніи къ нему имѣютъ ближайшее отношеніе, съ одной стороны, знаменитое слово самого-же Филарета „о гласѣ вопіющаго въ пустыни и на воспоминаніе происшествій 1812 года“ и затѣмъ слово на день коронаціи Александра I, — оба, сказанныя въ 1814 году, а съ другой — проповѣди Августина, архіепископа Московскаго, Амвросія (Протасова), епископа Тульскаго (а съ 1816 года архіепископа Казанскаго и затѣмъ Тверскаго) и др. Это заключительное воззваніе надгробнаго слова Филарета: „Россіяне! вы всѣ единодушно желаете, чтобы духъ, данный Смоленскому, не преставалъ ходить въ полкахъ нашихъ, и почивать на вождяхъ нашихъ. Нѣтъ лучшей сего похвалы для отшедшаго; нѣтъ лучшаго наставленія для оставшихся сыновъ отечества“ [1]) и другія подобныя патріотическія воззванія и выраженія въ нагробномъ словѣ о Кутузовѣ [2]), равно какъ и въ словахъ: о гласѣ вопіющаго въ пустыни и на день коронаціи Императора, сказанныхъ въ слѣдующемъ 1814 г. [3]),— ясно свидѣтельствуютъ, какою горячею любовію къ отечеству прежде всего пылало собственное сердце проповѣдника. А множество историческихъ примѣчаній, которыми самъ же проповѣдникъ усѣялъ страницы печатнаго экземпляра надгробнаго слова своего по Кутузовѣ, показывало, какъ глубоко зналъ онъ исторію отечественной войны, чтобы не ограничиваться въ проповѣди одними лишь патетическими выраженіями, не обоснованными исторически, а чтобы твердо стоять на исторической почвѣ. Мы жалѣемъ, что, за расширеніемъ объема настоящей статьи нашего изслѣдованія о проповѣднической

---

[1]) Сочин. Филарета т. I, стр. 54 цит. изд.

[2]) См. напр. выше на той-же страницѣ; срав. также стр. 52, 53 и др

[3]) Тамъ-же, стр. 63—64 и др.;—стр. 190 и дал ; 192 и дал. и др.

дѣятельности Филарета, не можемъ привести полностію текста всѣхъ трехъ превосходныхъ проповѣдей, теперь разсматриваемыхъ; но утѣшаемся тѣмъ, что всякій желающій можетъ прочитать ихъ или во всѣхъ существующихъ или по крайней мѣрѣ въ трехъ собраніяхъ словъ и рѣчей нашего проповѣдника. Мы-же сличимъ теперь эти проповѣди Филарета съ однородными проповѣдями другихъ витій того времени. Болѣе всѣхъ прославился этого рода проповѣдями архипастырь первопрестольнаго града, бывшаго главною цѣлію завоевательныхъ намѣреній Наполеона съ его полчищами,—Москвы. Разумѣемъ Августина Виноградскаго, въ качествѣ викарія Московской митрополіи, уже задолго до 1812 года и вмѣстѣ года кончины митрополита Платона, за болѣзнію послѣдняго, дѣйствовавшаго болѣе или менѣе самостоятельно по епархіи Московской, а съ кончиною Платона (11 ноября 1812 года), сперва управлявшаго только митрополіею, а съ 1814 года и прямо—архіепископа Московскаго. Онъ, можно сказать, встрѣчалъ, онъ-же и провожалъ враговъ отечества. И когда всѣ граждане московскіе, всѣ жители Московской епархіи, больше того—всѣ истинные сыны отечества нашего были воодушевлены горячею любовію къ отечеству и воспламенены огнемъ ревности въ отмщеніи оскорбителямъ за поруганіе отечества, его дорогой святыни, всего священнаго,- могъ-ли оставаться равнодушнымъ къ этимъ чувствамъ народа архипастырь Московскій?—Не могъ и не былъ равнодушенъ. Патріотическая настроенность его выразилась во многихъ проповѣдяхъ, главнымъ образомъ относящихся къ событіямъ отечественной войны 1812 и дальн. годовъ, такъ что всѣхъ другихъ проповѣдей, въ сравненіи съ этими послѣдними, осталось отъ него очень мало [1]).

Серія патріотическихъ проповѣдей Августина, начиная съ рѣчью при встрѣчѣ императора Александра I, говоренною 12 іюля 1812 года, кончается рѣчью при заложеніи храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, говоренною 12 октября 1817 года.

---

[1]) Именно 19 проповѣдей, не считая молитвъ, относящихся къ событіямъ означенной войны и только 10 проповѣдей другихъ, съ 1801 до 1816 г. произнесенныхъ. См. сочиненія Августина въ изданіи Кораблева и Сирякова. Спб. 1856.

Самыми лучшими изъ этихъ проповѣдей считаются: слово при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, за вѣру и отечество на брани Бородинской животъ свой положившихъ,—говоренное 26 августа 1813 года; слово въ день тезоименитства Государя Императора и по освященіи Московскаго Успенскаго собора,—говоренное 30 августа того-же года; слово по случаю взятія французской столицы россійскими и союзными войсками,—говоренное 23 апрѣля 1814 г. и слово по случаю заключенія мира съ Франціею и возстановленія спокойствія въ Европѣ,—говоренное 21 іюня того-же года [1]). Всѣ эти, какъ и другія проповѣди Августина „отличаются живостію и силою чувства, картинностію изображеній и чистотою выраженій, но иногда не свободны отъ нѣкоторой напыщенности и латинской конструкціи“ [2]). А если мы прибавимъ къ тому, что во всѣхъ проповѣдяхъ его „поэтическій элементъ преобладаетъ надъ требованіями логическаго ума“; что „ни одна мысль не развита у него по правиламъ строгаго логическаго мышленія, а излагается какъ у поэта“ [3]): то, уже въ виду раньше сказаннаго о проповѣдяхъ Филарета вообще и о его проповѣдяхъ патріотическихъ въ частности, мы должны будемъ согласиться, что не Филарету нужно было учиться у Августина, а послѣднему у Филарета, хотя Филаретъ, какъ мы помнимъ изъ его писемъ къ Августину, съ обычною ему скромностію и ставилъ себя съ ввѣренною ему академіею подъ учительское руководство Августина и особенно въ дѣлѣ проповѣди [4]).

Было бы слишкомъ утомительно проводить сличеніе проповѣдей Августина и Филарета въ подробностяхъ. Возьмемъ для примѣра проповѣди того и другаго лишь на одинъ и тотъ-же день коронаціи Государя Императора Александра Павловича, произнесенныя послѣ и, слѣдовательно, подъ впечатлѣніемъ событій 1812 года, именно: проповѣдь Августина 15 сентября

---

[1]) Срав. *Филарета* Черниг. „Обзоръ рус. дух. литер.“ ч. 2, стр. 202 цит. изд. Срав. вышеприведенное мнѣніе Филарета Московскаго о второмъ изъ этихъ словъ.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же, стр. 203.

[4]) См. Чт. въ об. люб. дух. просв. за 1869 г. кн. VI, стр. 34 и дал. 48 и др. матеріаловъ для біографіи Филарета.

1813, а проповѣдь Филарета—въ тотъ-же день 1814 года. Проповѣдь Августина безъ текста; разсуждаетъ-же, или лучше, прославляетъ вѣру и благочестіе царя русскаго, сравнивая его съ вѣрующимъ и благочестивымъ царемъ Давидомъ. Проповѣдь Филарета въ основаніи своемъ имѣетъ текстъ изъ псалмовъ Давида: *Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло* (20, 2), а темою—„проповѣдь Давида о силѣ Божіей и спасеніи Божіемъ, какъ твердѣйшемъ основаніи и чистѣйшемъ источникѣ царственной радости" [1]), исходя также, какъ и проповѣдь Августина, отъ сравненія царя русскаго съ царемъ Давидомъ. Но посмотримъ для образчика, какъ ведется у того и другаго проповѣдника хотя бы сравненіе царей. „Когда Давидъ помазанъ былъ на царство во Израили,—начинаетъ свое слово Августинъ,—*Духъ Господень ношашеся надъ нимъ отъ того дне и потомъ* (1 Цар. 16, 13). Когда великій во владыкахъ земныхъ Александръ пріялъ святое помазаніе, еже царствовати въ достояніи отецъ своихъ: тотъ-же Духъ изліялся на него, исполнилъ его премудрости и разума, совѣта и крѣпости; и, что паче всего, исполнилъ его страха Божія" [2]). Уже изъ этого видно, какъ не продумано глубоко сравненіе, въ сущности и доброе, какъ неравномѣрно распредѣлены черты сравненія въ обоихъ сравниваемыхъ предметахъ. Подобное-же тому и далѣе, при сравненіи тѣхъ-же царей въ другомъ отношеніи, да и еще менѣе удачно даже проведено сравненіе. Вотъ оно: „Царь Израилевъ *во всякомъ дѣлѣ своемъ даде исповѣданіе Вышнему: всѣмъ сердцемъ своимъ восхвали и возлюби Сотворшаго и* (Сир. 47, 9, 10). Царь Россовъ! вѣра твоя возвѣщается повсюду; строгое повиновеніе закону Господню руководствуетъ тебя во всѣхъ путехъ царствованія твоего; глубокое смиреніе предъ Вседержителемъ, при страшномъ могуществѣ, среди великія славы, содѣлало тебя кроткимъ Ангеломъ, нѣжнымъ другомъ и благодѣтелемъ человѣчества" и т. д. [3]).

---

[1]) Сочин. Филарета т. I, стр. 191 цит. изд.

[2]) Стран. 88 сочин. Августина цит. изд.

[3]) Тамъ-же, стр. 88—89. Далѣе идетъ сравненіе Давида, какъ побѣдителя Голіафа, съ Александромъ, какъ побѣдителемъ Наполеона, а потомъ въ примѣрѣ

Не такъ у Филарета. Онъ глубже смотритъ на предметъ, глубже входитъ въ область созерцанія чертъ сравниваемыхъ царей и логически-строже проводитъ черты сравненія. Приведши вышеупомянутый текстъ, нашъ проповѣдникъ такъ начинаетъ свое слово:

„Не будемъ нынѣ изслѣдовать, слушатели, чья наипаче радость исходитъ изъ устъ Давида въ семъ восклицаніи молитвенномъ: собственная-ли радость Давида, когда онъ, въ нѣкоторый, подобный настоящему, день съ торжественною благодарностію воспоминалъ, какою чудесною *силою* вознесенъ онъ былъ отъ стада на престолъ, и колико кратъ видѣлъ *спасеніе* Господне, явленное для себя и въ себѣ для цѣлаго народа; или предвкушаемая радость Мессіи, Котораго въ пророческомъ духѣ созерцалъ онъ вошедшаго на высоту, и сѣдящаго, яко Царя, одесную *силы* Божіей, да въ Немъ узритъ всяка плоть *спасеніе* Божіе. Будучи не только пророкъ Христа богодухновеннымъ словомъ, но и пророчественный образъ Его богоправимою жизнію, Давидъ могъ сліять сію сугубую радость во едину. Какъ бы то ни было, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что царь по сердцу Божію возвѣщаетъ намъ радость истинно царскую. — *Сынове Сіони!* Вы предстоите здѣсь для того, чтобы предъ Богомъ *возрадоваться о Царѣ своемъ* отъ Бога помазанномъ, вѣнчанномъ и превознесенномъ. Праведно; ибо истинная радость царя и царства едина есть. Итакъ, вслушаемся прилежнѣе въ священный гласъ радости сея, исходящій изъ устъ Царя-пророка; послѣдуемъ, сколько можемъ, его восхищенію или паче наставленію; онъ ведетъ насъ чрезъ радость Царя въ радость Господа; онъ проповѣдуетъ *силу Божію* и *спасеніе Божіе*, какъ твердѣйшее основаніе и чистѣйшій источникъ *царственной радости*. — *Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло*" [1]).

И затѣмъ съ замѣчательною постепенностію и съ обыч-

Александра показывается, какъ истинная слава слѣдуетъ за вѣрою и благочестіемъ, тогда какъ стремленіе къ славѣ не истинной (какъ Наполеонъ) приводитъ къ послѣдствіямъ всегда противоположнымъ: къ полному безславію.

[1]) Сочин. Филарета. Т. I, стр. 190—191 цит. изд.

ною послѣдовательностію проповѣдникъ раскрываетъ мысль, о какомъ именно могуществѣ *(силѣ)* здѣсь рѣчь и какая слава достойна истинной, Давидской радости Царя; а во второй половинѣ изложенія темы съ такою-же постепенностію и послѣдовательностію раскрываетъ и ту мысль, что только спасеніе Господне *(и о спасеніи Твоемъ)*, по приложенію къ народу, нераздѣльно съ Царемъ своимъ радующемуся, благо общественное и спасеніе бѣдствующаго человѣчества дѣлаетъ полною радость Царя. Раскрывши эти мысли, проповѣдникъ уже и восклицаетъ:

„Такова, слушатели, радость Давида и такова радость Александра,—такова наконецъ, поколику и мы можемъ раздѣлять ее,—такова должна быть всеобщая радость настоящаго дня. Не слышите-ли вы еще и нынѣ радостными сердцами, какъ Благочестивѣйшій Самодержецъ въ то самое время, когда желаетъ воздать достойную славу побѣдоносному воинству своему, возносясь духомъ къ Богу, воспѣваетъ Давидскую пѣснь: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу?* Или, какъ показуя намъ совершившіяся подъ его водительствомъ чудеса брани, паки восклицаетъ Давидски: *кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!* Или, какъ, управляя сердцами разнородныхъ воиновъ и правителей, плѣнивъ сердце враждебнаго царства силою оружія, и сердца враговъ правотою и благостію, на высотѣ своея славы вновь исповѣдуетъ, что *единъ Богъ всѣмъ управляетъ*. И что еще?—блаженная преданность воли предержащей волѣ всеуправляющей уже не токмо исповѣдуетъ сущее, но и предощущаетъ и предрекаетъ грядущее дѣйствіе Промысла надъ своими дѣяніями. *Единъ Богъ*, говоритъ, *всѣмъ управляетъ, Онъ-же и совершитъ сіе дѣло*, и великое дѣло спасенія сокрушенныхъ царствъ и стенящихъ народовъ и умиреніе міра совершается". Сравнивъ такимъ образомъ Александра съ Давидомъ, какъ не только царемъ, но и пророкомъ, онъ теперь обращается съ восклицаніемъ уже прямо къ сынамъ Россіи вмѣсто сыновъ сіонихъ: „Сынове Россіи! возрадуемся о Царѣ своемъ, и съ Царемъ своимъ, истинно царственною и божественною радостію, да пронесется по всѣмъ мѣстамъ и временамъ грядущимъ, паче-же да проникнетъ во

всѣ сердца и души животворящій *гласъ радости и спасенія*, слышанный Пророкомъ *въ селеніяхъ праведныхъ*, гласъ народной радости: *десница Господня сотвори силу;* гласъ веселія Царева: *десница Господня вознесе мя*" (Псал. 117, 15 и 16) [1]).

Дѣло, какъ говорятъ, концомъ красится. Вотъ конецъ проповѣди Августина: „Боже отецъ нашихъ! вознеси во славѣ рогъ Христа Твоего; покори подъ позѣ Его сопротивныя и потреби окрестъ; даждь Ему по сердцу Его, и весь совѣтъ Его исполни. Низпосли небесныя благословенія на супругу Его вѣнчанную и превознесенную Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Елисавету Алексіевну; удиви милости и щедроты Твоя на всемъ Августѣйшемъ домѣ!—Аминь!" [2])

А вотъ какъ оканчиваетъ свою проповѣдь, послѣ выше приведенныхъ словъ, Филаретъ: „Во истину, Господи, Ты самъ *вознесъ избраннаго отъ людей своихъ, и положилъ его первенца, высока паче царей земныхъ. Силою Твоею веселится* Россійскій *Царь*, и *о Твоемъ* токмо *спасеніи*, прежде надъ нами, потомъ чрезъ насъ и надъ всѣмъ родомъ христіанскимъ совершающемся, *радуется* благодареніемъ и упованіемъ. Въ сихъ чувствованіяхъ исходилъ онъ прежде изъ предѣловъ своея державы для защищенія и спасенія, и нынѣ исходитъ паки для умиренія и облагоденствованія народовъ. Воздаждь ему исполнену сію радость великаго Твоего спасенія. *Господи, спаси Царя и услыши* насъ, вмѣстѣ съ нимъ восписующихъ Тебѣ *славу и честь и силу*. Аминь" [3]).

Какъ все здѣсь строго выдержано, и какъ у Августина мало этой выдержки. Но не вдаемся въ дальнѣйшія подробности сличенія обѣихъ проповѣдей, будучи увѣрены, что всякій мыслящій видитъ превосходство проповѣди Филарета предъ проповѣдію Августина. Тоже должно сказать и о другихъ проповѣдяхъ Августина, относящихся къ событіямъ отечественной войны по сравненію ихъ съ проповѣдями Филарета. Выше проповѣдей Августина стоятъ проповѣди Амвросія Протасова, но и онѣ отчасти страдаютъ тѣмъ-же недостаткомъ строго-логическаго изложенія, при живости изображенія пред-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 196.

[2]) Сочин. Августина, стр. 95.

[3]) Сочин. Филарета. Т. I, стр. 196—197.

мета проповѣди, какимъ и проповѣди Августина [1]). Не говоримъ уже о другихъ современныхъ событіямъ отечественной войны проповѣдникахъ русскихъ, менѣе блиставшихъ краснорѣчіемъ, нежели Августинъ и Амвросій, или менѣе близкое имѣвшихъ отношеніе къ Филарету со стороны проповѣдничества. Впрочемъ, если угодно, можно привлечь къ сравненію съ разсматриваемыми проповѣдями Филарета напримѣръ слово *Евгенія (Болховитинова)*, тогда епископа Калужскаго, „на день торжественнаго воспоминанія и Господу Богу благодаренія о пораженіи враговъ отечества нашего и о прогнаніи ихъ изъ предѣловъ Калужскія губерніи",—произнесенное 12 октября 1813 года,—о томъ, „какъ побѣждать враговъ отечества" [2]), въ каковомъ словѣ много чертъ сходныхъ и съ разсмотрѣнною проповѣдію Филарета и съ его-же проповѣдію, сказанною при погребеніи тѣла князя Смоленскаго;—рѣчь Смоленской семинаріи префекта Игумна *Сильвестра*, говоренную „по принесеніи изъ Днѣпровской церкви иконы, посвященной купеческимъ сословіемъ города Смоленска покойному князю Кутузову-Смоленскому", изъ текста: *како паде сильный во Израили?* [3]) и др. Но это сравненіе покажетъ намъ не больше того, что показало сравненіе Филаретовыхъ проповѣдей съ Августиновыми. Поэтому мы оставляемъ дальнѣйшее изслѣдованіе по этому вопросу, чтобы перейти къ слѣдующимъ вопросамъ, пріурочивая ихъ къ хронологическому порядку всего нашего изслѣдованія.

Въ 1814 году, какъ мы замѣтили раньше, Филаретъ достигъ вершины своей проповѣднической славы въ Петербургѣ. Подобно тому, какъ въ 1811 году, но какъ ни въ одинъ ни изъ предшествующихъ, ни изъ послѣдующихъ годовъ, онъ произнесъ за этотъ годъ семь проповѣдей. А между тѣмъ какая разница и съ 1811 годомъ! Въ 1811 году, особенно по на-

---

[1]) Отзывъ о проповѣдяхъ Амвросія см. у Филарета Черниговскаго въ его „Обозрѣ рус. дух. литер." ч. 2, стр. 219—221 цит. изд.

[2]) См. собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ. Ч. 1. стр. 214—227. Срав. *В. Ѳ. Пѣвницкаго* статью о проповѣдническихъ трудахъ Евгенія въ Труд. Кіев. дух. акад. за 1867 г., ч. III, стр. 522 и дал.

[3]) Эта рѣчь удостоилась общей извѣстности чрезъ опубликованіе ея въ „Сынѣ Отечества" за 1813 годъ. Ч. VII, стр. 164—166.

чалу, онъ проповѣдуетъ еще съ опасеніемъ за свою проповѣдническую репутацію, какъ новичокъ въ дѣлѣ, какъ малоизвѣстный молодой инокъ, къ тому-же преслѣдуемый интригою славившагося быть проповѣдникомъ и тогда весьма вліятельнаго Ѳеофилакта Рязанскаго съ его компаніею: теперь, въ 1814 году—дѣло совсѣмъ иное. Не только репутація, но и слава Филарета, какъ проповѣдника, была вполнѣ упрочена рядомъ знаменитѣйшихъ проповѣдей предшествующихъ лѣтъ. Опытность его въ дѣлѣ проповѣди возрасла до необходимой степени совершенства и собственнымъ упражненіемъ въ проповѣдничествѣ и чтеніемъ и изученіемъ всего необходимаго для усовершенствованія себя въ этомъ дѣлѣ и наученіемъ другихъ (учащейся молодежи) тому-же дѣлу, по изреченію: „уча учимся". Теперь онъ былъ уже не малоизвѣстный инокъ, а почитаемый всѣми, заслуженный архимандритъ, ректоръ высшаго духовно-учебнаго заведенія, членъ самой коммиссіи духовныхъ училищъ, отъ которой въ 1811 году зависѣла его участь, — духовный сановникъ, украшенный звѣздою ордена св. Владиміра 2-й степени, пожалованнаго, между прочимъ, именно за „назидательныя и краснорѣчивыя поученія о истинахъ вѣры" и пр. пр. Въ 1814 году къ тому-же не было въ Петербургѣ и Ѳеофилакта, послѣ борьбы съ Филаретомъ безславно удаленнаго въ концѣ 1813 года на свою епархію. Въ самомъ проповѣдничествѣ Филарету не было равнаго въ Петербургѣ теперь. Болѣе другихъ проповѣдывавшій въ 1814 году здѣсь, извѣстный намъ архимандритъ Иннокентій (Смирновъ) не могъ равняться съ Филаретомъ уже по самому таланту проповѣдническому, не говоря о проповѣднической славѣ. „Сила, красота, достоинство и слава" не только „духовной академіи", какъ говоритъ Фотій, но и всего духовнаго сословія въ Петербургѣ за то время „былъ одинъ Филаретъ". У него ищутъ совѣта и мудрости не только ученики его и учители ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, но и представители власти духовной и гражданской; къ нему прибѣгаютъ за разрѣшеніемъ недоумѣній даже такіе люди, какъ Г. Р. Державинъ, и т. д. и т. д. За тоже время и мистическое движеніе среди лицъ во власти стоящихъ переживало лучшую свою пору. Это была,

можно сказать, весна его. Не было еще вмѣстѣ съ тѣмъ и того горькаго разочарованія во внутреннемъ благоустройствѣ и благосостояніи государства русскаго, которое наступило позже и наконецъ отравило послѣднее время царствованія великодушнѣйшаго изъ монарховъ. Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ говорилъ о настроеніи императора и народа русскаго Филаретъ на день коронаціи въ этомъ 1814 году съ церковной каѳедры. Тотъ-же тонъ звучитъ и въ публичной рѣчи Филарета, какъ ректора академіи, произнесенной 13 августа 1814 года въ первомъ торжественномъ собраніи конференціи академической. Въ этой рѣчи Филаретъ также называетъ Александра I „государемъ, котораго никто вѣрнѣе не оправдалъ присвоеннаго ему Церковію именованія благочестивѣйшаго, и котораго Провидѣніе избрало вселенскимъ проповѣдникомъ благочестія“ и под. [1]). Затѣмъ, такъ какъ не было пока существенныхъ перемѣнъ и во внутренней политикѣ государства, то и отношенія Филарета, какъ проповѣдника, къ дѣламъ и лицамъ съ этой стороны остаются прежними. Это можно видѣть отчасти изъ сличенія конца надгробнаго слова его въ память графа Завадовскаго (въ январѣ 1812 года) съ сейчасъ помянутой рѣчью 13 августа 1814 года и съ вышеупомянутой проповѣдью 1814 г. на день коронаціи. То-же должно сказать и объ отношеніяхъ къ лицамъ. Въ домовой церкви извѣстнаго сторонника мистицизма, друга юности императора Александра, теперь все болѣе и болѣе входившаго въ силу при дворѣ, князя А. Н. Голицына, Филаретъ произноситъ въ 1814 году три проповѣди, изъ которыхъ двѣ, именно: „о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ“ и „слово въ день Сошествія Св. Духа“ на текстъ: *исполняйтеся Духомъ*, болѣе или менѣе уже извѣстны намъ. Въ то-же время Филаретъ произноситъ проповѣдь—„бесѣду“ по освященіи домовой церкви еще одного изъ друзей юности императора, а вмѣстѣ и друзей князя Голицына,—графа В. П. Кочубея. Наконецъ, какъ мы помнимъ, онъ говоритъ слово опять и въ придворной церкви въ присутствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны и ихъ императорскихъ высочествъ,—слово,

[1]) *И. А. Чистовичъ.* Исторія Петербургской академіи, стр. 231 и дал.

имѣвшее не совсѣмъ благопріятныя для проповѣдника послѣдствія. О достоинствахъ, совершенствѣ проповѣдей Филарета за 1814 годъ свидѣтельствуетъ одно то, что изъ семи проповѣдей цѣлыхъ четыре,—и въ томъ числѣ послѣднее упомянутое слово,—Филаретъ допустилъ ко внесенію во всѣ позднѣйшія собранія словъ и рѣчей своихъ, а остальныя три — въ собранія 1820 и 1821 годовъ, тогда какъ изъ 7 проповѣдей 1811 года только три внесены во всѣ позднѣйшія собранія и ни одно сверхъ этихъ трехъ—въ собранія 1820—1821 годовъ, бывъ напечатаны лишь отдѣльными брошюрами и затѣмъ вмѣстѣ со всѣми,—послѣ кончины святителя,—въ собраніе сочиненій его изданія 1873 и дальн. Критическимъ, а особливо подробнымъ разсмотрѣніемъ нашимъ мы не будемъ касаться всѣхъ проповѣдей 1814 года, отчасти потому, что нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже касались такъ или иначе въ предшествующемъ разсмотрѣніи, а отчасти потому самому, что большая часть ихъ вошла во всѣ собранія проповѣдей Филарета. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ слово „о гласѣ вопіющаго въ пустыни“, кромѣ вышепоказаннаго значенія его по отношенію къ событіямъ отечественной войны, разсматриваются, какъ образцы, въ различныхъ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ по церковной и свѣтской словесности [1]). Мы обратимъ вниманіе лишь на четыре проповѣди изъ всѣхъ семи, къ разсмотрѣнію которыхъ привлечемъ нѣкоторыя отчасти раннѣйшія, а отчасти позднѣйшія, еще не разсмотрѣнныя, однородныя съ ними проповѣди.

Первою изъ означенныхъ четырехъ проповѣдей Филарета по времени произнесенія ихъ 1814 году, за исключеніемъ трехъ уже разсмотрѣнныхъ, является слово въ недѣлю 24-ю, говоренное въ Александро-Невской лаврѣ, на текстъ: *и рече Іисусъ: кто есть коснувыйся Мнѣ?* (Лук. 8, 45), о томъ, „подлинно ли Тотъ, который есть Божія сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что единымъ нѣкакимъ прикосновеніемъ они мо-

---

[1]) См. напр. *Я. К. Амфитеатрова*, „Чтеніе о церковной словесности или Гомилетика“. Ч. I, стр 101 Кіевъ; 1846;—*Поторжинскаго*, „Образцы русск. церк. проповѣди XIX в.“, стр. 627. Кіевъ, 1882 и др.

гутъ извлекать изъ Него для себя сію Божественную силу" [1]). Слово это читается во всѣхъ позднѣйшихъ собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета, что избавляетъ насъ отъ необходимости приводить полностію текстъ его. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ, изъяснивъ напередъ (во вступленіи) смыслъ текста, взятаго въ основаніе его, мыслію о соединеніи во Христѣ Божества съ человѣчествомъ, въ самомъ изслѣдованіи темы раскрываетъ сначала обширность и благотворность чудодѣйственной силы Богочеловѣка, явленной между прочимъ въ исцѣленіи кровоточивой, прикоснувшейся къ краю ризы Его, а затѣмъ останавливается на силѣ другаго рода,—силѣ, которая въ человѣкѣ привлекаетъ къ себѣ чудодѣйственную силу Божію,—на силѣ вѣры *(дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя)*. Достигши этого пункта въ своей проповѣди, витія самъ исполняется неземнымъ одушевленіемъ и такъ заключаетъ свое слово: „О, коль близъ есть насъ Хрістосъ повсюду, и наипаче въ Церкви Своей! Только твари, окружая насъ отвсюду, и, подобно какъ въономъ приключеніи евангельскомъ, тѣснясь между Имъ и нами, не допускаютъ насъ прикоснуться къ Нему. Но дерзай, ищущая своего спасенія душа! Не уступай сей смятенной толпѣ, которая сама не знаетъ, куда влечетъ тебя. Употребляй всѣ усилія проложить себѣ прямый путь къ вожделѣнному твоему Спасителю; простирай къ Нему то крѣпкіе вопли покаянія, то тихія воздыханія молитвы, то пламенныя желанія любви. Подвизайся, елико можешь, досягнуть хотя края Его ризъ: Онъ не умедлитъ и въ нихъ открыть для тебя токъ живоносной силы Своей. Приближайся къ Нему преимущественно въ семъ домѣ молитвы и таинствъ, гдѣ хотя Онъ также закрываетъ Свое присутствіе нѣкоторыми наружными видами, но вмѣстѣ и являетъ оное торжественнѣйшимъ образомъ. Здѣсь ежедневно слышатся глаголы Его, которые хотя для чувственныхъ человѣковъ суть чувственные звуки и письмена, но для вѣрующихъ *духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63). Здѣсь тайно дѣйствуется тѣло Его, коего святое пріоб-

[1]) Соч. Фил. т. I, стр. 75 пят. изд. Срав. на туже недѣлю и на тотъ же текстъ проповѣдь Анастасія Братановскаго во II части поучит. словъ его, стр. 160 и дал.

щеніе не токмо приближаетъ къ Нему вѣрующихъ, но и совершенно съ нимъ соединяетъ, по слову Его: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан 6, 56). Погружайся, вѣрующая душа, всею мыслію и сердцемъ во глубину сихъ таинствъ вѣры и въ нихъ наипаче обрѣтай твоего Спасителя, приступай къ Нему, прикасайся Ему, соединяйся съ Нимъ! *Дерзай, вѣра твоя спасетъ тя.* Аминь" [1]).

Что можетъ быть выше, глубже, сильнѣе, назидательнѣе этихъ заключительныхъ словъ? Какъ мудро, съ какою непреоборимою силою дается здѣсь истинно-христіанскій урокъ любвеобильнаго пастыря всѣмъ внимавшимъ его проповѣди, а особенно—тѣмъ, которые мнили приближаться ко Христу и соединяться съ Нимъ помимо св. Церкви съ ея таинствами и обрядовыми учрежденіями! Мы помнимъ, что уже и въ раннѣйшихъ проповѣдяхъ своихъ Филаретъ, еще тогда глубоко и не входившій въ духъ и особенности мистическаго движенія, настаивалъ на необходимости принимать во вниманіе ученіе не только слова Божія, но и св. Церкви. Теперь онъ ближе ознакомился съ разнохарактерными направленіями мистическаго движенія и, сознавая возможность говорить болѣе твердымъ голосомъ, нежели прежде, считалъ своею нравственною обязанностію говорить прямѣе и яснѣе о томъ, о чемъ прежде говорилъ какъ-бы косвенно и прикровенно. Онъ зналъ, что даже между воспитанниками ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, не говоря о множествѣ другихъ обитателей Петербурга, было не мало такихъ, которые съ увлеченіемъ читали сочиненія Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема и др., которыя отнюдь не привлекали читателей своихъ къ Церкви истинной съ ея таинствами и обрядами, а напротивъ отвлекали отъ нея и погружали не „во глубину сихъ таинствъ вѣры", а въ заманчивую, но не истинную область самоосвященія безъ Церкви. А зная это, онъ и въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ была академія, не счелъ себя въ правѣ лишить слушателей своихъ назиданія въ томъ, что наиболѣе потребно было душѣ ихъ за то время. Съ этой стороны къ разсмотрѣнной проповѣди примыкаютъ двѣ другія

[1]) Тамъ же стр. 79.

проповѣди, произнесенныя въ томъ-же году, именно: говоренная вскорѣ послѣ нея (13 ноября) „бесѣда изъ псалма 83 (ст. 2: *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ!*), по освященіи храма Казанской иконы Богородицы, устроеннаго въ домѣ графа В. П. Кочубея и „слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы“, говоренное въ домовой церкви кн. А. Н. Голицына, на текстъ: *слыши дщи и виждь* и пр. (Псал. 44, 11—12). Первая изъ этихъ проповѣдей самымъ уже текстомъ, избраннымъ для бесѣды, побуждалась, если можно такъ выразиться, ко внушенію необходимости получать освященіе, утѣшеніе въ храмѣ Божіемъ, въ богослуженіи церковномъ и потому еще шире, нежели проповѣдь на 24-ю недѣлю по 50-цѣ, раскрываетъ урокъ, предлагаемый въ этой послѣдней. „Нѣкоторые, – говоритъ проповѣдникъ въ бесѣдѣ,—въ темномъ ощущеніи познаютъ важность олтарей и, повидимому, не чуждаются дома Божія, но не разумѣютъ ни того, какъ должно въ него входить, ни того, какъ обращаться въ немъ. Поставивъ тѣло во храмѣ, увѣряютъ себя, что уже пребываютъ съ Богомъ, но находящіеся въ семъ положеніи не болѣе иногда принадлежатъ дому Божію, какъ — если позволено такъ изъясниться—истуканы, украшающіе только наружность его. Служатъ Богу, какъ рабы, не столько для того, чтобы совершить волю Его, сколько для того, чтобы токмо уклониться отъ гнѣва Его. Работаютъ Ему въ уреченное время, какъ наемники, дабы получить отъ Него плату земныхъ благословеній, и потомъ на враговъ Его,—на міръ и плоть,—иждивать дары Его. Какое несообразное съ величествомъ и благостію Божіею богослуженіе! Какое нестроеніе въ сравненіи съ благолѣпными славословіями вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, друговъ Его и присныхъ Его дома! Кто желаетъ истинно приближиться къ Богу, тотъ все существо свое долженъ устроить въ священный органъ, дабы воспѣвать сію пѣснь дома Божія: *коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! — Сердце мое и плоть моя възрадовастася къ Богу живу.* Не рабскій страхъ гонитъ меня къ служенію Твоему, Господи, но паче Твоя любовь, изгоняя страхъ мой, влечетъ во слѣдъ Тебѣ Не сокровищъ и даровъ Твоихъ алкаютъ мои желанія, — мнѣ вожделѣнны и возлюб-

лены Твои селенія, Твоя близость, Твое общеніе. Не мню я приближиться къ Тебѣ одними устами.—Твоя любовь обдержитъ всего меня и все бытіе мое восхищаетъ къ Богу живому" и т. д. [1]). Такъ и не посѣтителямъ только храма Александро-Невской лавры даетъ нашъ проповѣдникъ помянутый выше урокъ, а и вельможнымъ слушателямъ бесѣды своей. Если прежде, въ 1812 году, при освященіи храма въ домѣ кн. А. Н. Голицына, Филаретъ болѣе говорилъ объ освященіи внутренняго нашего храма, какъ мы видѣли, и даже какъ-бы нарочито отвлекалъ вниманіе слушателей отъ обрядовой стороны освященія храма къ этому мысленному освященію храма души нашей: то здѣсь и теперь, въ 1814 году, Филаретъ нашелъ нужнымъ, чтобы слушатели (въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, былъ и князь Голицынъ, другъ Кочубея) не пренебрегали и обрядовою стороною освященія храма и вообще храмоваго богослуженія, не только отвлекали свои мысли отъ внѣшняго, возводя ихъ на высоту внутренняго созерцанія таинъ, облеченныхъ этимъ внѣшнимъ покровомъ, а и смиреннѣе относились къ своимъ обязанностямъ самаго внѣшняго посѣщенія храмовъ Божіихъ и совершающагося въ нихъ богослуженія, *изволяли приметатися въ дому Бога паче, неже жити въ селеніихъ грѣшничихъ* [2]) и т. д. Весьма близко къ этой „бесѣдѣ" въ томъ же отношеніи, произнесенное 30 іюля 1816 г. „слово по освященіи храма Воскресенія Христова, устроеннаго при домѣ графа А. К. Разумовскаго". Оно произнесено на текстъ: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти красоту Господню, и посѣщати храмъ святый Его* (Псал. 26, 4), „о близости къ Богу". „Чего хочетъ онъ искать? скажутъ можетъ быть",—говоритъ напримѣръ въ этомъ словѣ нашъ проповѣдникъ. — „Если Богъ вездѣсущъ, то и домъ Его вездѣ. Долго-ли надобно искать того, чего потерять негдѣ? Тѣ, которые стали-бы говорить такимъ образомъ, чрезъ сіе самое признались-бы, что еще они, какъ должно, не

---

[1]) Тамъ-же стр. 199—200.

[2]) Тамъ-же, стр. 203.

искали жительства въ дому Господнемъ Иначе не думали-бы обладать онымъ такъ безпечно... Богъ вездѣсущъ, и наипаче здѣсь во храмѣ *есть имя Его, и очи Его, и сердце Его* (3 Цар. 9, 3): но да не будетъ сіе сказано въ оскорбленіе сего священнаго мѣста,—всѣ-ли точно и здѣсь приступаютъ къ престолу вездѣсущія? Умолчимъ, какъ о не сущихъ отъ двора сего, о тѣхъ, которыхъ можетъ приводить сюда лицемѣріе или нѣчто сему подобное. Нѣтъ-ли даже между искренними любителями дома Божія такихъ, которые во храмѣ рукотворенномъ, въ семъ чувственномъ и осязательномъ представленіи вездѣсущія, едва-едва обрѣтаютъ нерукотворенный храмъ Божія присутствія; удерживаются долу тѣмъ самымъ, что долженствовало-бы воскрилять ихъ горѣ; слышатъ *глаголы* Божіи, но не ощущаютъ въ нихъ *духа* и *живота* (Іоан. 6, 36); предстоятъ при славословіяхъ, но не могутъ еще съ Давидомъ сказать себѣ самимъ: *возстани слава моя, возстани псалтирю и гусли* (Псал. 107, 3); или, наконецъ, когда и обрѣтаютъ нѣчто здѣсь, не умѣютъ того износить отселѣ въ напутствіе себѣ?“ И въ заключеніе: „Близъ еси намъ, Господи, паче, нежели мы себѣ самимъ. Введи убо насъ во святое и страшное, но вкупѣ и вожделѣнное вездѣсущіе Твое, и даждь *еже жити* въ семъ *дому Твоемъ вся дни живота нашего. Отврати очи наши, еже не видѣти суеты* (Псал. 118, 37): но устрой ихъ *зрѣти* не созданную *красоту Твою*. Возбуди насъ отъ смертнаго сна грѣховнаго, и даруй намъ *утренневати* Тебѣ вѣрою и любовію какъ въ часы моленія въ видимомъ храмѣ святыни Твоея, такъ и выну, въ невидимомъ святилищѣ благодатнаго присутствія Твоего. Аминь“ [1]). Филаретъ потому теперь, т. е. въ 1816 году, еще болѣе прежняго строго настаиваетъ на необходимости прилѣпляться къ св. Церкви, въ ея храмовомъ богослуженіи находить для себя духовное освященіе, а не искать его, полагаясь на вездѣсущіе Божіе, гдѣ-бы то ни было, хотя напримѣръ въ какомъ-либо обыкновенномъ человѣческомъ жилищѣ,—что въ это время союзъ Татариновой былъ свѣжею новинкою для Петербурга. Уже съ 1815 года она поселилась,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 227—229.

съ Высочайшаго соизволенія, въ Михайловскомъ дворцѣ и съ того-же года начала свои радѣнія. Если и раньше того въ Петербургѣ, особенно подъ вліяніемъ восторженной мечтательницы, г-жи Крюденеръ, имѣвшей, какъ извѣстно, огромное вліяніе на императора Александра I, знакомые и незнакомые намъ мистики, масоны, обыкновенные піэтисты и пр. занимались усерднымъ „исканіемъ всемірной истины, долженствовавшимъ объединить всѣ религіозныя убѣжденія, обобщить всѣ обряды богослужебные“ [1]), то теперь еще болѣе. Если прежде подобныя напряженныя стремленія, такое усердное исканіе обнаруживалось оффиціально еще подъ благовидными формами, какъ напримѣръ при учрежденіи Библейскаго общества въ декабрѣ 1812 года: то теперь, съ 1815 года, оно стало обнаруживаться уже въ болѣе грубыхъ и неблаговидныхъ формахъ, и притомъ опять съ дозволенія и даже одобренія правительства. Въ такъ называемомъ духовномъ союзѣ Татариновой, во время радѣній, совершалась воочію всѣхъ то, въ чемъ прямо обнаруживалась попытка замѣнить таковыми радѣніями храмовое богослуженіе. Въ Михайловскомъ дворцѣ для этой цѣли обыкновенно собирались въ квартирѣ Татариновой соревнователи ея союза „по воскресеньямъ и притомъ съ шести часовъ утра“ [2]), слѣдовательно какъ разъ въ то время, когда св. Церковь наиболѣе всего призываетъ чадъ своихъ къ храмовому богослуженію. „Въ комнатѣ, гдѣ собираются, повѣшенъ на стѣнѣ большой образъ Тайной Вечери“ [3]), какъ разъ образъ обыкновенно видимый въ св. храмахъ надъ царскими вратами алтаря. „Когда соберутся всѣ, то садятся вокругъ комнаты, встаютъ, читаютъ въ слухъ „Отче нашъ“ и проч., потомъ изъ Евангелія св. Іоанна, а затѣмъ, ставъ на колѣни, поютъ всѣ на распѣвъ слѣдующіе стихи:

Дай намъ Господа!
Дай намъ Іисуса Христа,
Дай намъ сына Твоего!
Господь, помилуй грѣшныхъ насъ,

---

[1]) *Н. П. Барсуковъ.* XIX вѣкъ, ч. 1, стр. 221. Москва, 1872.
[2]) „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г. № 3 (мартъ), стр. 578.
[3]) Тамъ-же.

Изъ Твоея полноты,
Дай, Создатель, теплоты:
Народи изъ насъ пророка,
Чтобы силы подкрѣпить;
Засуди судомъ небеснымъ
И не дай врагу мѣшать.
Ниспосли живое слово
Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцемъ;
Ты Христосъ, Ты нашъ Спаситель—
Инаго Бога нѣтъ у насъ.
Твоей силой укрѣпимся;
За Тобой во слѣдъ идемъ.
Приміи слезы Твоей твари
И поставь всѣхъ на пути.

„Во время этой молитвы одинъ изъ присутствующихъ становится на средину и вертится кругомъ на востокъ; по окончаніи-же молитвы подходитъ къ каждому и пророчитъ, большею частію лестными предсказаніями, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ. Пророчествуютъ болѣе женщины и сама Татаринова" [1]). А изъ ревностныхъ посѣтителей Татариновой „отставной маіоръ Пилецкій и отставной придворный музыкантъ Ѳедоровъ во время собраній, послѣ чтенія св. Евангелія, говорятъ проповѣди по смыслу чтенія" [2]). Однимъ словомъ,—своего рода богослуженіе, только отнюдь конечно не истинное и тѣмъ болѣе не православное, хотя въ 1817 году Татаринова приняла даже и православіе [3]). И между посѣтителями Татариновскихъ радѣній были такія лица, какъ князь А. Н. Голицынъ, извѣстный проповѣдникъ священникъ Маловъ и др. Самъ императоръ благоволительно относился къ этимъ радѣніямъ и на представленіе о нихъ министра полиціи Вязмитинова, чрезъ князя А. Н. Голицына, въ 1817 году оффиціально „указать соизволилъ, что можно оставить оныя безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности" [4]). Такъ Филарету-ли, близко знавшему и глубоко уважавшему князя Голицына, къ тому-же покровительствовавшаго ему, воз-

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же, стр. 578—579.
[3]) *Бартеневъ.* XIX вѣкъ, ч. 1, стр. 221—222.
[4]) „Историч. Вѣстникъ" 1884 г. № 3, стр. 580.

можно было оставаться равнодушнымъ къ такимъ болѣзненнымъ симптомамъ религіозной ревности князя и другихъ присныхъ ему по духу? Уже прямо по открытіи Петербургскаго Библейскаго общества, президентомъ котораго, какъ намъ извѣстно, былъ избранъ князь Голицынъ и въ члены котораго между прочими лицами греко-россійскаго духовенства приглашенъ былъ и Филаретъ; этотъ послѣдній, усмотрѣвъ космополитическую подкладку задачъ и стремленій общества, открытаго и учрежденнаго по почину и образу Великобританскаго и иностраннаго Библейскаго общества [1]), не убоялся сказать твердое слово о томъ, *да не отъимется хлѣбъ чадамъ* [2]), т. е. чтобы общество имѣло въ виду ближайшія духовныя нужды кореннаго населенія русскаго и удовлетворяло ихъ съ помощію одобренныхъ и одобряемыхъ православною Церковію средствъ. Тѣмъ менѣе, конечно, такого опасенія нужно было ему имѣть въ 1814 году, когда на немъ опиралась главная дѣятельность по изданію славянской Библіи отъ имени и на иждивеніи переименованнаго теперь изъ Петербургскаго въ Россійское Библейское общество, и въ 1816 году, когда на него-же возложена была главная дѣятельность по переводу Библіи на русскій языкъ,—и все это преимущественно по довѣрію къ нему со стороны князя Голицына, президента общества [3]). Такіе члены Россійскаго Библейскаго общества, какъ римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ, протестантскій генералъ-суперъ-интендантъ Рейнботъ, пасторъ англиканской въ Петербургѣ церкви Питтъ, Сарептскаго евангелическаго братскаго общества пасторъ Шейерль, голландскій пасторъ Янсенъ, Патерсонъ, Пинкертонъ и под., конечно тянули каждый свою пѣсню и во всякомъ случаѣ врозь съ православными церковными пѣснями. А такіе члены представители православной Церкви, какъ президентъ князь А. Н. Голицынъ, вице-президенты графы В. П. Кочубей, А.

---

[1]) См. статью *Пыпина*, „Россійское Библ. общество", въ „Вѣстникѣ Европы" за 1868 годъ.

[2]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 171.

[3]) Срав. наше изслѣдованіе о подвигахъ Филарета въ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ, во 2-мъ томѣ Филаретовскаго юбилейнаго сборника.

К. Разумовскій и др., секретари В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ, такіе члены переводнаго комитета при Библейскомъ обществѣ, какъ А. Ѳ. Лабзинъ и помянутый Поповъ, преднастроенные уже на мистическій ладъ заранѣе, кромѣ услажденія „исканіемъ всемірной истины, долженствовавшимъ объединить всѣ религіозныя убѣжденія, обобщить всѣ обряды богослужебные“ и не находили никакого высшаго идеала въ такомъ грандіозномъ учрежденіи, какъ „Россійское Библейское общество“. А тутъ еще съ 1815 года подвернулся „духовный союзъ Татариновой“ и tanti quanti; услажденію въ такомъ морѣ блаженства для подобнымъ образомъ настроенныхъ душъ не было конца. Но и этого мало. Не только въ Библейскомъ обществѣ, но и въ Татариновскомъ союзѣ и подобныхъ учрежденіяхъ прямо или косвенно участвовали изъ самыхъ духовныхъ лицъ не только такія, какъ Маловъ, однако же магистръ 1-го курса Петербургской духовной академіи, слѣдовательно ученикъ Филарета, но и Михаилъ (Десницкій), архіепископъ Черниговскій, съ 1814 года присутствовавшій въ Св. Сунодѣ и по избранію въ вице-президенты Библейскаго общества дѣятельное участіе принимавшій въ дѣлахъ этого общества, а въ началѣ 1818 года назначенный на Петербургскую митрополію. Онъ не только по воспитанію своему принадлежалъ къ Новиковскому масонскому такъ называемому „Дружескому обществу“, но и по духу своему во многомъ примыкалъ къ нему [1]). Сдѣлавшись митрополитомъ (и при томъ главнымъ образомъ благодаря извѣстности о такомъ настроеніи его), онъ именно, говорятъ, и поручалъ священнику Малову присутствовать на радѣніяхъ Татариновой, такъ какъ самому ему, по его сану, это было не удобно. Но что-же Маловъ могъ сообщать митрополиту, кромѣ своего сочувствія этому союзу, когда и самъ онъ при этихъ радѣніяхъ „иногда плакалъ, слушая ихъ пѣсни“? [2]) И Филаретъ не могъ не знать обо всемъ этомъ и не скорбѣть. Отсюда-то уже въ 1814 году,

---

[1]) О Михаилѣ см. у *Филарета* Черниг. въ „Обзорѣ рус. дух. литер.“ ч. 2, стр. 206—208; у *С. К. Смирнова* въ „Исторіи Троицк. лавр. семинаріи“, стр. 529—530 и др.

[2]) *П. И. Бартеневъ.* XIX вѣкъ, ч. I, стр. 233. Статья Ю. В. Толстаго.

не говоря о 1816 и дальнѣйшихъ, столь настойчивое слово проповѣди его о необходимости освященія чрезъ храмовое богослуженіе православной Церкви. Отсюда-то такое строгое въ томъ же смыслѣ слово даже и къ самому князю Голицыну, конечно вмѣстѣ съ сторонниками его образа мыслей, произнесенное въ 1814 году и столь не похожее на прежнія проповѣди въ домовой церкви князя. Мы разумѣемъ вышеупомянутое слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Находя въ этомъ событіи съ „младенчествующею Богоневѣстою нѣкій начатокъ Ея обрученія Святому Духу и потому, нѣкоторымъ образомъ, первый залогъ обрученія всего человѣчества Божеству“ [1]) и „обращая къ душѣ“ христіанской „оное пророческое воззваніе: *слыши дщи и виждь* и пр. [2]), нашъ проповѣдникъ, едва не указуя на самого князя Голицына, истинно отечески взываетъ къ ней: „*слыши дщи и виждь и приклони ухо твое.* Внимай! Есть многіе и благолѣпные гласы, поражающіе внутренній слухъ; но не все есть *гласъ Господа Бога, ходяща въ раи,* — дано было въ раи глаголать и змію. Есть многіе и свѣтлые виды, встрѣчающіеся духовному оку, но не все есть истинный союзъ Христовъ, *и сатана преобразуется въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14). Познай-же, куда обращаться должно, чтобы не быть увлечену призраками: *приклони ухо твое,* или, яснѣе, *приклони,* съ Давидомъ, *сердце твое во свидѣнія* (Псал. 118, 36) Господни. — *Въ ученія странна и различна не прилагайся* (Евр. 13, 9). *Имамы извѣстнѣйшее пророческое* и апостольское *слово,* дабы *внимать ему, яко свѣтильнику* (2 Петр. 1, 19) чистѣйшаго свѣта“ [3]). Или, въ заключеніе проповѣди: „берегись, о дщерь благоволенія, да не преткнешися въ самомъ приближеніи къ Царю твоему. Взирай съ трепетомъ на славу, которую Онъ тебѣ обѣщаетъ, и помышляй, что ты ничѣмъ не можешь заслужить ее, но малѣйшею невѣрностію можешь лишиться ея на вѣки. Поминай

---

[1]) Сочин. Филарета, т. I, стр. 205 цит. изд.

[2]) Тамъ-же, стр. 206.

[3]) Тамъ-же, стр. 211. Припомнимъ подобное же наставленіе Филарета своему зятю въ „Письмахъ къ роднымъ“, стр. 225, письмо отъ 12 апрѣля 1818 года, когда Михаилъ уже былъ митрополитомъ Петербургскимъ.

послѣднее наставленіе невѣстоводителя Царева: *и поклонишися Ему.* Молися непрестанно *Исполняющему во благихъ желанія твоя*, и, когда Онъ *вѣнчаетъ тебя милостію и щедротами*, ты упадай къ стопамъ Его смиреніемъ. *Да покрыется*, по слову блаженнаго, *да покрыется любящее сердце твое страхомъ Господнимъ, смиренно-мудрствующее, да не вознесшееся отпадетъ отъ Всещедраго* [1]). Симъ вѣрнымъ путемъ и неуклоннымъ шествіемъ отъ міра къ Богу и отъ тьмы ко свѣту — да *приведутся Царю* небесному *дѣвы* души наши, христіане, *во слѣдъ приведенныя* нынѣ во храмъ преблагословенныя Дѣвы; и да *введутся* нѣкогда въ нерукотворенный и вѣчный *храмъ Царевъ*, Его благодатію, и щедротами, и человѣколюбіемъ. Аминь" [2]).

Что можетъ быть выше и сильнѣе этого слова по строгости истиннаго православія, по безпристрастію къ лицу князя Голицина, въ каковомъ безпристрастіи многіе заподозрѣвали и доселѣ еще заподозрѣваютъ Филарета? И хотя мы знаемъ за несомнѣнное, что князь Голицынъ оставался и послѣ этой проповѣди благорасположеннымъ къ Филарету и даже до конца своей жизни (въ 1844 году) сохранилъ къ нему неизмѣннымъ свое благорасположеніе [3]), однако не потому-ли отчасти онъ съ тѣхъ поръ не приглашалъ Филарета проповѣдывать въ свою домовую церковь? Равнымъ образомъ не въ связи-ли отчасти съ такимъ строго православнымъ настроеніемъ Филарета, вопреки господствовавшему въ Петербургѣ во весь остальной періодъ его дѣятельности здѣсь, стоитъ и самое ослабленіе энергіи его проповѣднической собственно дѣятельности съ 1815 г.? Не въ связи-ли отчасти съ этимъ стоятъ и возникшія между нимъ и митрополитомъ Михаиломъ недоразумѣнія, не прекратившіяся и тогда, когда Филаретъ уже и не былъ его викаріемъ, т. е. съ августа 1819 года?

---

[1]) Въ антифонахъ. Примѣч. автора. И такъ не къ пѣснямъ масонскимъ, Татариновскимъ и под., а къ церковнымъ отсылалъ слушателей проповѣдникъ.

[2]) Сочин. Филар. Т. I, стр. 212.

[3]) Доказательство — то, что проповѣдь на Введеніе внесена въ собранія словъ и рѣчей Филарета изд. 1820 и 1821 годовъ, когда князь Голицынъ еще продолжалъ быть сильнымъ при дворѣ.

Этотъ послѣдній домекъ побуждаетъ насъ обратиться къ сличенію характера проповѣднической дѣятельности Филарета съ характеромъ таковой-же дѣятельности Михаила.

Проповѣдническая дѣятельность Михаила началась еще въ предпослѣднемъ десятилѣтіи 18 столѣтія; но первое собраніе большей части его проповѣдей относится къ 1816—1820 годамъ. Подобно „Сіонскому Вѣстнику" Лабзина, его проповѣди изданія этихъ годовъ, изданныя „съ дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сунода", носятъ такой девизъ: „въ прославленіе сладчайшаго имени Богочеловѣка Іисуса Христа благоговѣйно, и во внутреннее назиданіе вѣрующихъ въ Него съ священнослужительскимъ усердіемъ посвящаются" [1]. Затѣмъ, нося скромное названіе „Бесѣдъ", эти проповѣди по большей части суть въ полномъ смыслѣ проповѣдническія поученія съ опредѣленными темами, обыкновенно духовно-нравственнаго характера. Самое раздѣленіе содержанія ихъ показываетъ этотъ характеръ ихъ, несомнѣнно мистическій, хотя и въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Вотъ это раздѣленіе. По началу идетъ основная для всѣхъ дальнѣйшихъ бесѣдъ „Бесѣда о томъ, что истинный Учитель, вѣрный Наставникъ, добрый Пастырь, непремѣняемый Первосвященникъ, вѣчный Архіерей есть Единый Господь Іисусъ Христосъ". Далѣе слѣдуютъ бесѣды: I—„О внутреннихъ состояніяхъ человѣка" (XIII Бесѣдъ); II—„о истинномъ покаяніи" (VI Бесѣдъ); III—„о разныхъ степеняхъ истиннаго покаянія" (VII Бесѣдъ); это въ I томѣ. Во II томѣ заключаются бесѣды: IV—„о воскресеніи мертвыхъ, основанныя на воскресеніи Христовомъ" (VI Бесѣдъ), къ которымъ присовокуплены двѣ бесѣды на день св. Троицы: V—„о внѣшнемъ человѣкѣ, или изображеніе ветхаго, внѣшняго, плотскаго человѣка" (XV Бесѣдъ). Въ III томѣ слѣдуютъ бесѣды: VI—„о внутреннемъ человѣкѣ, или изображеніе новаго, внутренняго, духовнаго человѣка" (XVII Бесѣдъ), къ чему присоединены Бесѣды: въ день Преполовенія

[1] См. напр. изданіе 1816 года перваго тома, только и бывшаго у насъ подъ руками, а въ полномъ, бывшемъ у насъ подъ руками изданіи 1817—1820 годовъ, на всѣхъ десяти томахъ.

(о дарѣ слова, данномъ отъ Бога человѣку) и о провидѣніи Божіемъ. Съ IV тома начинается рядъ „Бесѣдъ“, подъ заглавіемъ: „Трудъ, пища и покой духа человѣческаго“, въ первый разъ изданныя еще въ 1799—1801 годахъ въ VII томахъ, когда Михаилъ еще былъ придворнымъ пресвитеромъ Матѳеемъ Десницкимъ, а потомъ епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Петербургскимъ. Для образчика и въ видахъ сличенія съ только что разсмотрѣнными проповѣдями Филарета возьмемъ изъ III-й группы бесѣдъ послѣднюю: „о истинномъ Богослуженіи“.

Въ основаніи бесѣды поставлено изреченіе изъ литургіи вѣрныхъ: *станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ: вонмемъ! святое возношеніе въ мирѣ приносити.* „Какъ небесная Церковь чрезъ священно-начальника Михаила приглашала и побуждала служителей своихъ,—начинаетъ бесѣду Михаилъ,—къ истинному Богослуженію [1], къ тому, чтобы они не слушали искусителя ихъ, діавола, и не уклонялися ко лжи и злобѣ его, а твердо стояли во истинѣ, истинно служили Единому Богу, ежели хотятъ быть истинными чадами Его; какъ небесная Церковь приглашала ихъ сице взывая: *станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ!* Такъ точно и земная наша противъ тогоже искусителя воюющая Церковь, подражая небесной, приглашаетъ и побуждаетъ насъ, земныхъ жителей, къ истинному Богослуженію, къ служенію Единому Богу, приглашаетъ и побуждаетъ такожде чрезъ служителей своихъ, взывая: *станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ!*

„И по-истинѣ, ежели кто хощетъ быть въ чинѣ святыхъ Ангеловъ, въ числѣ истинныхъ чадъ Божіихъ, въ соборѣ существенно, а не ложно вѣрующихъ христіанъ: то таковый непремѣнно долженъ стоять на Божественной стражѣ, таковый непремѣнно долженъ служить Тріѵпостасному Богу. Самая благодарность за то, что мы нынѣ вмѣсто языческаго имени имѣемъ право называться христіанами, что небесный Отецъ, распростерши объятія свои, готовъ принять насъ во усыновленіе, что Сынъ Божій Іисусъ Христосъ ходатайствомъ своимъ

[1]) Бесѣды Михаила имѣютъ внутреннюю связь между собою. Предшествующая приводимой была „о истинномъ Богу благодареніи“.

возводитъ человѣковъ и насъ можетъ возвести не только туда, гдѣ разныхъ чиновъ Ангели пребываютъ, но и туда, куда Іисусъ Христосъ, яко Богочеловѣкъ, вознесся, можетъ возвести во святая святыхъ, можетъ поставить на высшемъ степени небесъ, — самая, говорю, благодарность за таковыя благодѣянія требуетъ того, чтобы мы Единому Богу служили.

„Но какъ мы должны служить Богу, въ чемъ должно состоять наше служеніе, какая сущность должна быть нашего истиннаго Богослуженія? Въ томъ-ли оно должно состоять, чтобы намъ только всегда ходить въ церковь или въ наружный храмъ Божій; въ томъ-ли, чтобы намъ въ ономъ класть по нѣскольку поклоновъ; въ томъ-ли, чтобы намъ прочитывать наизусть нѣкоторыя молитвы, воспѣвать благодарственныя пѣсни и совершать обряды къ воспоминанію таинствъ Христовыхъ служащіе? Въ томъ-ли только, чтобы приносить во храмъ какіе наружные дары, свѣщи, ѳиміамъ и другія къ украшенію храма служащія вещи?

„Таковое Богослуженіе есть Богослуженіе наружное; оно есть только знакъ, означеніе, знаменованіе истиннаго Богослуженія, а само собою не составляетъ онаго; слѣдовательно знакъ тогда только бываетъ истиненъ, вѣренъ, дѣйствителенъ, когда бываетъ соединенъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ послѣдствіемъ означаемую вещь; наружное Богослуженіе тогда только бываетъ Богу пріятно, когда соединено съ нимъ внутреннее Богослуженіе, а безъ сего соединенія оно ничто и пользы не имѣетъ.

„Что Богу въ нашемъ частомъ хожденіи во храмъ, ежели мы, приходя наружно, только предстоимъ, а ни страха, ни любви, ни благоговѣнія, ни сострадательнаго воспоминанія смерти Христовой не чувствуемъ и не имѣемъ? Что въ нашихъ Богу поклонахъ, ежели мы, кланяяся тѣломъ, высоки духомъ, надменны сердцемъ, величавы видомъ; ежели мы, творя поклоны, не смиряемся предъ Богомъ сердцемъ, не уничижаемся предъ людьми и не воспоминаемъ въ то время паденія своего? Что во многочисленномъ чтеніи молитвъ и пѣніи пѣсней, когда уста поютъ, а не сердце, языкъ читаетъ, а не духъ.

„Какая пріятность Богу въ томъ, что мы свѣщи предъ Боже-

ственнымъ образомъ Его поставляемъ и еиміамъ предъ олтаремъ куримъ, когда по примѣру свѣщъ не горитъ наше сердце любовію къ Богу, не благоухаетъ душа добродѣтельными благоуханьми и не возносится духъ нашъ горѣ, яко же еиміамъ? Какая пріятность Богу въ томъ, что мы приносимъ Ему злато, и сребро доставляемъ во храмъ, когда тутъ же не приносимъ Ему въ даръ чистоты и непорочности, не приносимъ благоукрашенной души? Какая пріятность Богу въ томъ, что мы нынѣ съ ваіями и вѣтвями, по примѣру іудейскихъ отроковъ, входъ Господень во Іерусалимъ воспоминаемъ, и, *благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. 12, 13), съ ними взываемъ, подобно и другіе обряды въ воспоминаніе преданія Его, страстей, смерти, и погребенія отправляемъ? Что въ семъ, когда мы сами упорствомъ своимъ, ожесточеніемъ своимъ, отступленіемъ своимъ отъ Него, великими грѣхами своими вторично со іудеями распинаемъ Его? Въ такихъ случаяхъ наружное наше Богослуженіе есть ничто, и пріятно Богу быть не можетъ" [1]).

Далѣе проповѣдникъ, въ доказательство этой мысли своей, приводитъ свидѣтельства изъ ветхозавѣтныхъ священныхъ Писаній, и, приведши ихъ, дѣлаетъ еще болѣе рѣзкое сужденіе о наружномъ Богослуженіи. „Изъ сего слѣдуетъ,— говоритъ онъ, — что наружные сіи знаки, видимое Богослуженіе само по себѣ ничто, и угодно Богу быть не можетъ" и т. д. [2]). Но въ чемъ же, естественно представлялся вопросъ состоитъ проповѣдуемое здѣсь внутреннее Богослуженіе? Какія жертвы Богу пріятны?—„*Вонмемъ!* Послушаемъ,—отвѣчаетъ на это проповѣдникъ,—какъ научаетъ насъ служити Церковь. *Вонмемъ!* Она чрезъ священноначальниковъ [3]) говоритъ: *станемъ добрѣ*, то есть, когда мы приходимъ во храмъ, должны стоять не въ разсѣяніи мыслей, не во обращеніи очесъ туда и сюда, но должны *стоять добрѣ*, должны стоять отвлекши мысли отъ суетъ мірскихъ" [4]) и пр. Далѣе подобнымъ-же об-

---

[1]) Бесѣды Михаила т. 1, стр. 414—419. Спб. 1817. Тоже самое и въ изданіи 1816 года.

[2]) Тамъ же, стр. 421.

[3]) Не „священнослужителей"-ли?

[4]) Бесѣд, т. 4. стр. 422.

разомъ объясняется выраженіе: *со страхомъ*, то есть. „со уваженіемъ таинствъ, съ почтеніемъ приличнымъ священнослуженію и съ благоговѣніемъ такимъ, каковое только должно имѣть въ присутствіи Самого Бога“ и т. д. Затѣмъ раскрываетъ. въ чемъ должны состоять жертвы наши. Они должны. по словамъ проповѣдника, состоять въ приношеніи „*милости мира и жертвы хваленія*. мира къ ближнимъ и хвалы Богу, любви къ подобнымъ себѣ и благодаренія Высочайшему Существу“. Мы „должны духи свои, вознеривъ къ Нему, посвятить Ему со всякимъ уничиженіемъ. *Жертва* бо истинная и пріятная Богу есть, по увѣренію Давидову, *духъ сокрушенъ*. Едино *сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19) и не презритъ“ [1]). Эту духовную жертву проповѣдникъ сравниваетъ съ агнцемъ, раздробляемымъ и раздѣляемымъ, хотя въ раскрытіи сторонъ этого сравненія у него нѣтъ необходимой гармоніи логической, много мыслей лишнихъ, не идущихъ къ дѣлу Цѣль такого богослуженія—соединеніе съ Богомъ соединеніемъ духовнымъ [2]). Но для дѣйствительнаго достиженія этой цѣли, по ученію проповѣдника, „мы съ духомъ сокрушеннымъ и сердцемъ смиреннымъ должны служить Богу не только тогда, когда во храмѣ находимся, когда молитвы дѣемъ, но должны тако служить всегда, во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ. Какъ Богъ нашъ всегда и вездѣ пребываетъ, на всякомъ мѣстѣ владычествіе Его, такъ и служить мы должны во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ. Внутренность наша должна быть походною церковію, а внутренній человѣкъ священникомъ, всегда въ ней предъ Богомъ служащимъ, всегда себя Ему въ жертву въ чистотѣ и святынѣ приносящимъ. О, когда бы намъ достигнуть до такого состоянія! Таковое расположеніе сердца, таковое положеніе духа, таковое служеніе внутренняго человѣка имѣетъ важныя послѣдствія; оно дѣйствительно можетъ участвовать въ соединеніи съ Богомъ, и слѣдовательно въ наслажденіи вѣчнымъ блаженствомъ Его“ [3]). Какъ же до-

---

1) Тамъ же, стр. 423—424.

2) Тамъ же стр. 427.

3) Тамъ же, стр. 427—428

стигнуть до сего? [1]) Достигнуть этого, по ученію проповѣдника, мы можемъ, если будемъ шествовать путемъ, указаннымъ въ 50-мъ же псалмѣ: „каемся истинно во грѣхахъ, и очистимся отъ нечистотъ ихъ, просимъ свѣта Христова, и просвѣтимся имъ; ищемъ обновленія сердца и духа, и освятимся Духомъ Святымъ; благодаримъ за все Бога, и угодны Ему будемъ; служимъ Ему внутренно и соединимся съ существомъ Его" [2]) и т. д. И большая часть бесѣдъ Михаила подобнаго же рода. Нельзя, конечно, не отдать справедливости обилію духа назиданія въ этихъ проповѣдяхъ и значенію ихъ не для того только времени, въ которое онѣ были произносимы, но и для нашего, матеріалистическаго въ особенности, поколѣнія. Но нельзя не замѣтить и о недостаткахъ ихъ. Какъ очевидно уже и изъ приведеннаго образца, настойчивое проведеніе мыслей, возвышающихъ одно лишь внутреннее богослуженіе и уничижающихъ внѣшнее, могло привести и не къ созиданію (назиданію) Церкви Божіей, а къ разрушенію ея, къ развитію и усиленію въ нѣкоторыхъ членахъ ея того болѣзненнаго явленія, которое мы называли мистицизмомъ. А такія выраженія, какъ послѣднее приведенное изъ бесѣды Михаила: „соединимся съ существомъ Его" [3]), если-бы не понимать его съ значительнымъ ограниченіемъ, прямо отзываются тѣмъ своего рода пантеизмомъ, къ которому дѣятельно тяготѣли духоборцы разныхъ порядковъ, а теоретически — ревностнѣйшіе сторонники мистицизма. Мы могли видѣть, какою, напротивъ, мудрою осторожностію, а въ нужныхъ случаяхъ и строгостію, отличается ученіе о томъ-же предметѣ въ проповѣдяхъ Филарета.

Убѣжденный въ необходимости внѣшняго богослуженія вмѣстѣ съ внутреннимъ, дабы „прославлять Бога въ тѣлѣ нашемъ и въ духѣ нашемъ, которые суть Божіи" [4]), онъ никакъ не рѣшился-бы уничижать первое для того только, чтобы возвысить одно послѣднее. Въ нужныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли,

---

[1]) Стр. 428.

[2]) Тамъ-же, стр. 432.

[3]) Срав. также конецъ бесѣды (стр. 433), гдѣ эта мысль повторяется.

[4]) См. ученіе о молитвѣ вообще въ катихизисѣ Филарета и притомъ 1-го изданія. Стр. 132—133 церк. печати. Спб. 1823 года.

онъ и прямо даже внушалъ уваженіе къ внѣшнему богослуженію. И со стороны внѣшняго характера нельзя за многое похвалить бесѣды Михаила. Какъ уже отчасти видно и изъ приведеннаго образца, „наставленія Михаила по изложенію не имѣютъ значенія высокихъ ораторскихъ сочиненій. Онѣ утомительны по растянутости слога, по множеству синонимическихъ выраженій и оборотовъ рѣчи, иногда вовсе не нужныхъ; періоды въ 20 и 30 строкъ печатныхъ — наказаніе чтецу“ [1]). Вообще бесѣды Михаила, не смотря на то, что онъ былъ нѣкогда придворнымъ проповѣдникомъ, да и послѣ того славился, какъ проповѣдникъ, не смотря на то, что за свои „назидательныя поученія“ онъ удостоенъ былъ въ 1814 году степени доктора богословія [2]), не могли быть и не были образцомъ для Филарета, хотя послѣдній несомнѣнно зналъ ихъ и даже имѣлъ подъ руками [3]), и лично не могъ не уважать достойнаго по высокой жизни архипастыря.

Намъ остается разсмотрѣть еще одну проповѣдь за 1814-й годъ, именно проповѣдь на второй день праздника Рождества Христова, произнесенную въ придворной церкви и имѣвшую извѣстныя намъ послѣдствія для Филарета. Это была третья проповѣдь на праздникъ Рождества Христова въ числѣ проповѣдей Филарета за Петербургскій періодъ. Первую проповѣдь на этотъ праздникъ онъ произнесъ въ 1811 году въ Александро-Невской лаврѣ изъ текста: *велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16), темою-же поставилъ раскрытіе нѣкоторыхъ чертъ образа рожденія Іисусова, съ тѣмъ чтобы положить ихъ въ сердцахъ слушателей. Эту проповѣдь можно читать во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей нашего проповѣдника. Вторую проповѣдь на тотъ-же праздникъ Филаретъ говорилъ въ 1812 году въ домовой церкви князя Голицына изъ текста: *и се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ* (Лук. 2, 12), о каковой проповѣди мы имѣемъ понятіе уже изъ раньше сказаннаго.

---

[1]) *Филарета* Черниговъ. „Обзоръ рус. дух. литер.“ ч. 2, стр. 208.

[2]) *И. А. Чистовичъ.* „Ист. Спб. дух. акад.“, стр. 234.

[3]) См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 226.

Наконецъ произнесенная въ 1814 году проповѣдь на тотъ же праздникъ, отличающаяся отъ обѣихъ предшествующихъ, исходитъ изъ текста: *Ангелъ Господенъ во снѣ явися Іосифу, глаголя: воставъ, пойми Отроча и Матерь Его, и бѣжи во Египетъ, и буди тамо, дондеже реку ти: хощетъ бо Иродъ искати Отрочате, да погубитъ Е* (Матѳ. 2. 13) и направляется противъ *любви къ міру*, явленной въ примѣрѣ Ирода, толико вредной и богопротивной [1]). Эта проповѣдь, подобно проповѣди 1811 г., читается во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета, и потому мы не будемъ, по прежнему, приводить полностію текста ея. По содержанію своему она служитъ какъ-бы продолженіемъ проповѣди 1812 года: она начинается тамъ, гдѣ та кончается, т. е. изреченіями вышеприведеннаго текста изъ Матѳ. 2, 13. Но между тѣмъ какъ проповѣдь 1812 года указываетъ пути приближенія нашего къ Господу нашему Іисусу Христу, знаменія, увѣряющія насъ въ истинѣ нашего возрожденія, проповѣдь 1814 года вся дышетъ ревностію пастырскою въ изображеніи пути, который, наоборотъ, удаляетъ насъ отъ Господа и царствія небеснаго. Прямо ссылаясь на св. Златоуста [2]), она дышетъ Златоустовою и ревностію обличенія любви къ міру, какъ *суеты суетствій* по Екклесіасту, т. е. проповѣднику царственному (Соломону) [3]),—любви къ міру во всѣхъ ея видахъ, при всѣхъ положеніяхъ людей, ею страдающихъ, начиная отъ престола до хижины бѣдняка. „Благословенно время и страна,—говоритъ напримѣръ нашъ ревнующій по Богѣ проповѣдникъ, — гдѣ примѣръ великихъ и сильныхъ земли служитъ свѣтильникомъ для народа и не позволяетъ сгуститься тьмѣ, распространяемой міродержителями тьмы вѣка сего! Но,—доколѣ не пріидетъ царствіе Отца небеснаго, призываемое нами въ молитвѣ,—и подъ видимымъ владычествомъ благочестія всегда есть тайные самовладыки, которымъ Христосъ Царь не угоденъ, поелику Онъ требуетъ совершеннаго повиновенія и отреченія отъ любимыхъ страстей

---

[1]) Сочин. Филарета. Т. I, стр. 81.

[2]) Тамъ-же, стр. 82 съ указаніемъ на слово противъ Евтропія.

[3]) Тамъ-же, выше.

и вожделѣній: и плѣнники примѣровъ міра послѣдуютъ за оными, не примѣчая, что находятся въ порабощеніи у возмутителей" [1]). Или: „къ сожалѣнію, многіе ближе знаютъ Соломона, подобно прочимъ, обращающагося въ вихрѣ земли, но теряютъ изъ вида Екклесіаста, стоящаго въ солнцѣ истины и проповѣдующаго суету земнородныхъ. Бѣдственное ослѣпленіе людей, прельщенныхъ міромъ, увеличивается тѣмъ, что слѣпые слѣпыхъ же избираютъ вождями себѣ, или даютъ влещи себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею мнятъ быть безопасны отъ паденія. На что же, христіане, дано намъ собственное око ума, на что возженъ предъ нами свѣтильникъ откровенной Богомъ [2]) истины, если-бы мы могли ходить по единому осязанію примѣровъ міра?" [3]) и т. д. По-истинѣ такъ могъ говорить лишь человѣкъ, самъ совершенно свободный отъ любви къ міру. По-истинѣ такъ могъ говорить русскій Златоустъ [4]). Но съ другой стороны, такое слово обличенія дѣйствительно могло смутить слушателей, которымъ не хотѣлось бы отрѣшиться отъ узъ любви къ міру. И не одна императрица Марія Θеодоровна могла придти въ смущеніе отъ такой проповѣди. Но значило-ли это, что такая проповѣдь не нужна?—Отнюдь нѣтъ. Филаретъ самъ подтверждаетъ это, допустивъ ее во всѣ позднѣйшія собранія своихъ словъ и рѣчей. Да и имѣлъ-ли онъ въ виду этою проповѣдію оскорбить лично императрицу, добродѣтельныя намѣренія которой были искренни и несомнительны и добродѣтели которой простирались широко и далеко не только на Петербургъ, но и на всю Россію? [5])—Отнюдь нѣтъ. Доказательство—въ рѣчи Филарета, произнесенной 27 мая 1817 года по освященію храма во имя праведныя Елисаветы, устроеннаго при сиротскомъ училищѣ 1812 года, находящемся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества, состоявшаго подъ непосред-

[1]) Тамъ же, стр. 85.

[2]) Въ отд. изд. и собр. 1820 и 1821 гг. слова: „Богомъ" нѣтъ.

[3]) См. т. 1 соч. Филарета, стр. 84.

[4]) Такъ и называли послѣ Филарета. И это названіе конечно лучше, нежели кличка: русскій Массильонъ.

[5]) См. относящееся къ 1815 году стихотвореніе въ честь императрицы Маріи Θеодоровны въ „Сынѣ Отечества" за 1815 годъ ч. XXIV, стр. 56.

ственнымъ покровительствомъ императрицы Маріи Өеодоровны. „Не будемъ здѣсь восхвалять,—говоритъ въ этой рѣчи нашъ проповѣдникъ,—сего благодѣтельнаго сословія, которое въ незабвенные дни общественныхъ бѣдствій, основавъ свой союзъ для того, чтобы тѣмъ внимательнѣе и дѣятельнѣе *разумѣвать на нища и убога* (Псал. 40, 2), съ щедрымъ человѣколюбіемъ, свойственнымъ любви къ отечеству, соединяетъ смиренное человѣколюбіе христіанское, не стыдясь исходить изъ чертоговъ для посѣщенія нищеты подъ ея нагбеннымъ ветхостію кровомъ; и, по внушенію того-же христіанскаго духа, и сію обитель человѣколюбія украшаетъ и возвеличиваетъ симъ святилищемъ благочестія [1]). Не будемъ возносить—вознесеннаго впрочемъ—имени порфироносной матери сиротъ, коея духъ живетъ въ составѣ сего сословія, и дѣйствуетъ въ его дѣяніяхъ. Благодѣтели христіанскіе конечно и не желаютъ, чтобы мы проповѣдывали ихъ *шуйцѣ*, что *творитъ* ихъ *десница* (Матө. 6, 3), и скудною мздою хвалы земныя ослабляли ихъ право на мзду многую нъ небеси“ [2]). Если въ аскетическомъ настроеніи, въ аскетическомъ взглядѣ на *любовь къ міру* Филаретъ и его слушатели въ придворной церкви, по всей вѣроятности, во многомъ значительно разнились, то въ общихъ нравственныхъ началахъ, особенно-же въ любви къ Богу, къ ближнимъ, къ отечеству между ними, безъ сомнѣнія, не существовало, да и не могло быть значительной разности. Любовь къ Богу выражается въ любви къ особымъ мѣстамъ Его таинственнаго присутствія—храмамъ и въ любви къ ближнимъ. *Не любяй бо брата, его-же видѣ, Бога, Его-же не видѣ, како-же можетъ любити?* А объ этомъ нравственномъ началѣ въ лицахъ, теперь сравниваемыхъ, можетъ-ли быть сомнѣніе послѣ того, что исторически о нихъ извѣстно и послѣ того даже, что сейчасъ сказано нами. Любовь къ отечеству въ нихъ также извѣстна. Съ своей стороны Филаретъ выражалъ эту любовь, гдѣ только было возможно, какъ то мы уже и видѣ-

---

[1]) Описаніе прекраснаго храма, въ которомъ произносилась настоящая рѣчь можно видѣть въ VI томѣ „Историко-статистическаго описанія С.-Петерб. епархіи“, стр. 319 и дал. Спб. 1878.

[2]) Сочин. Филарета, т. 1, стр. 238 цит. изд.

ли. Даже такая нравоучительная проповѣдь, какъ извѣстная намъ отчасти, сказанная Филаретомъ, еще іеромонахомъ, въ 1811 году на текстъ: *оброцы грѣха, смерть* и пр., помѣщенная во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей его, содержитъ въ себѣ выраженіе этой любви его. Размышляя о нравственныхъ причинахъ недолговѣчности многихъ гражданскихъ обществъ, проповѣдникъ говоритъ здѣсь: „оскуденіе любви къ отечеству и взаимной искренности между членами общества сопровождается слабостію и безпорядкомъ въ его дѣйствіяхъ [1]); роскошь, поглощая его истинное довольство, измучиваетъ его вымышленными нуждами; стремленіе къ преобладанію и неправосудіе возбуждаютъ противъ него внѣшнихъ и домашнихъ непріятелей; въ вѣрѣ и благочестіи оно хранитъ или теряетъ основаніе своихъ законовъ, побужденіе дѣятельности, страхъ злодѣйства, награду подвиговъ, залогъ безопасности,—словомъ жизнь и душу". Изобразивъ столь живыми красками причины разложенія государствъ, образчикъ котораго представлялся во Франціи, проповѣдникъ невольно обращается теперь къ своему отечеству. „Если ты, правовѣрное отечество, — говоритъ онъ,—не старѣясь, переживаешь твоихъ сосѣдовъ и враговъ, то благослови правду и вѣру, которыя Господь Саваоѳъ оставилъ тебѣ, какъ сѣмя долгоживотное! Безъ нихъ никакой народъ не можетъ ожидать себѣ лучшей участи, нежели возлюбленный, но невѣрный Богу Израиль" [2]). Тѣмъ не менѣе, повторяемъ давно высказанную мысль, впечатлѣніе строго-аскетической проповѣди Филарета въ придворной церкви въ 1814 году не могло не подѣйствовать на впечатлительную и его душу. Оно значительно ослабило его энергію къ проповѣдыванію не только въ придворныхъ сферахъ, но и вообще въ Петербургѣ — этой Сѣверной Пальмирѣ. Вмѣсто 22 проповѣдей, произнесенныхъ за 1810—1814 годы, въ теченіи 1815—1819 годовъ, мы встрѣчаемъ у Филарета только 7 проповѣдей:

---

[1]) Исходя изъ мысли о томъ, что *оброцы грѣха, смерть,* проповѣдникъ, при переходѣ отъ жизни частной къ жизни общественной, пользуется превосходнымъ сравненіемъ тѣла каждаго человѣка съ тѣломъ гражданскаго общества, изъ коихъ каждое можетъ приходить въ разстройство, разслабленіе и пр.

[2]) Сочин. Филарета, т. 1, стр. 12.

разница весьма значительная. Къ тому-же на мѣсто прекратившаго почти проповѣдническую дѣятельность свою, еще до прибытія Филарета въ Петербургъ, м. Амвросія, съ 26 марта 1818 года митрополитомъ Петербургскимъ сталъ, какъ мы замѣчали, издавна извѣстный своими поучительными „Бесѣдами“ и теперь не оставлявшій слова проповѣди Михаилъ Десницкій. Въ виду этого голосъ проповѣди Филарета въ Петербургѣ съ 20 января 1818 года и совсѣмъ замолкъ.

Что касается до немногихъ проповѣдей 1815—1818 годовъ митрополита Филарета, то нѣкоторыя изъ нихъ мы уже принимали во вниманіе такъ или иначе, въ бо́льшемъ или меньшемъ объемѣ, въ предшествующемъ изслѣдованіи. Таковы напримѣръ: проповѣди на Великій Пятокъ 1815, 1816 и 1817 годовъ, слово по освященіи домовой церкви графа А. К. Разумовскаго (1816 г.) и рѣчь въ церкви праведной Елисаветы при сиротскомъ училищѣ (1817 г.). Остаются неразсмотрѣнными, такимъ образомъ, только надгробное слово въ память графа П. А. Строганова (1817 г.) и слово предъ приведеніемъ къ присягѣ С.-Петербургскаго дворянства и гражданъ для избранія судей (20 января 1818 г.). Эти проповѣди даютъ намъ случай къ разсмотрѣнію оставшейся еще не разсмотрѣнною стороны въ проповѣднической дѣятельности Филарета за Петербургскій періодъ: отношенія его (въ словѣ проповѣди) къ внутренней части государственнаго устройства Россіи того времени, причемъ мы кстати и для полноты обозрѣнія пріимемъ во вниманіе и нѣкоторыя изъ проповѣдей 1811—1814 годовъ, еще не обслѣдованныя съ этой стороны.

Общій характеръ государственнаго устройства и преобразованій по этой части во времена Александра I рисуютъ проповѣди Филарета: слово по освященіи въ Казанскомъ соборѣ придѣльнаго храма во имя Рождества Богородицы (1811 г.) и слово па день коронаціи, произнесенное въ 1814 году. Отдѣльныя-же черты этого характера изображаютъ: надгробныя слова въ память графовъ Строгановыхъ и Завадовскаго и помянутое слово предъ приведеніемъ къ присягѣ избирателей судей. Но, какъ само собою понятно, по связи между различными отдѣльными частями государственнаго устройства

и преобразованій въ немъ, и въ этихъ послѣднихъ проповѣдяхъ затрогиваются многія стороны общаго государственнаго устройства. Затѣмъ, какъ тоже само собою понятно, все это разсматривается у Филарета, именно какъ у проповѣдника слова Божія, а не какъ у историка царствованія Александра I, хотя въ примѣчаніяхъ къ печатнымъ экземплярамъ проповѣдей онъ самъ допускаетъ и такія историческія сообщенія, которыя сдѣлали-бы честь любому даже историку или археологу, не исключая и современника его Евгенія Болховитинова [1]). Такъ какъ всѣ помянутыя сейчасъ проповѣди Филарета, если не вошли въ собранія 1844—1861 годовъ, такъ являются въ собраніяхъ 1820—1821 и 1873 годовъ, то мы опять будемъ лишь въ выдержкахъ пользоваться ими для своихъ цѣлей.

Въ проповѣди 1814 года, на день коронаціи, мы уже видѣли черты, относящіяся къ событіямъ отечественной войны. Теперь мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя черты, относящіяся до внутренняго государственнаго устройства въ ней. „Радость и счастіе царя и царства,—начинаетъ Филаретъ раскрытіе уже извѣстной намъ темы проповѣди, — начинается тогда, когда ощущается сила (*Господи, силою Твоею возвеселится Царь* и пр.—основной текстъ проповѣди, какъ мы помнимъ), отражающая страхъ коварствъ или насилій, въ которомъ каждое общество естественно находится. Если законъ гражданскій ручается за безопасность частную, то спокойствіе общественное и неприкосновенность самаго закона охраняются силою. Сердце государства слабаго потрясается отъ каждаго движенія, происходящаго близъ его предѣловъ, и легкій вѣтръ молвы кажется ему грозною бурею.—Но если слабыя царства принуждены быть въ непрестанномъ безпокойствѣ со стороны сильныхъ, то и сильныя не менѣе могутъ страшиться сильнѣйшихъ, и сильнѣйшія—союза многихъ или счастливой дерзости единаго. И гдѣ-же основаніе, на которомъ-бы могущество сильныхъ земли утверждалось незыблемо? И есть-ли не-

---

[1]) Кромѣ проповѣди надъ гробомъ кн. Кутузова, мы здѣсь разумѣемъ особенно надгробное слово въ память графа П. А. Строганова.

возмущаемая радость для царей и царствъ?—Человѣки проходятъ сушу и море, ища подпоръ для своего утвержденія и пристанища для своей безопасности. Въ искусствѣ градодержавства, принятомъ отъ міродержителей тьмы вѣка сего, сила и насиліе, мудрость и ухищреніе, мужество и дерзость, искренность и притворство, вѣрность и клятвопреступленіе, союзъ и распри, миръ и война, золото и желѣзо,—словомъ все безъ разбора пріемлется орудіемъ для созданія мечтательнаго величія и могущества. Но сіе обиліе въ средствахъ всегда-ли, по крайней мѣрѣ часто-ли, приводитъ къ желаемой цѣли, даетъ-ли преимущество предъ тѣми, которыхъ и предпріятія, и пособія къ ихъ совершенію заключаются въ предѣлахъ справедливости?"—„Дотолѣ все въ мірѣ какъ непонятно и сомнительно, такъ не надежно и опасно для насъ, доколѣ, не примѣчая въ немъ вышней премудрости всеучреждающей и силы всесозидающей, мы думаемъ устроить на земли свое блаженство собственнымъ только мудрованіемъ и усиліями" [1]). И за тѣмъ чрезъ нѣсколько строкъ проповѣдникъ прямо говоритъ о томъ именно государствѣ и государѣ, которыхъ онъ разумѣетъ, изображая вышеизложенныя черты началъ государственнаго устройства. Это—Франція, съ Наполеономъ во главѣ, котораго проповѣдникъ сравниваетъ съ Навуходоносоромъ и называетъ „новымъ царемъ Вавилонскимъ" [2]). А намъ извѣстно, что до разрыва съ Франціей въ 1812 году во внутреннемъ устройствѣ нашего отечества многое ненамѣренно и намѣренно дѣлалось на французскій ладъ, а за нѣкоторое время (со времени Тильзитскаго мира) и даже въ угоду Наполеону и его главнымъ совѣтникамъ. Извѣстно, какимъ почетомъ съ 1807 года пользовались въ Петербургѣ представители Франціи (Коленкуръ) сравнительно съ представителями другихъ державъ, не смотря на негодованіе людей, не входившихъ глубоко въ политическіе виды правительства русскаго и видѣвшихъ въ этомъ лишь жестокое оскорбленіе національнаго

---

[1]) Сочин. Филарета. Т. I, стр. 191, 192.

[2]) Тамъ-же, стр. 192—193; срав. стр. 195; срав. также паримію на молебствіи въ память освобожденія Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ, составленномъ Филаретомъ.

чувства. Извѣстно также, что Сперанскій,—главнѣйшій дѣятель по внутреннему устройству и переустройству до 1812 года,—потому именно и палъ въ началѣ этого года, что его (и не безъ основанія) считали приверженцемъ французскаго государственнаго устройства, сѣявшимъ щедрою рукою сѣмена этого устройства и на русской почвѣ. Эта пересадка чуждыхъ сѣмянъ на отечественную почву относилась къ разнымъ частямъ государственнаго устройства, изъ которыхъ мы укажемъ конечно лишь на важнѣйшія. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ часть законодательная, а изъ мѣръ законодательныхъ самая выдающаяся была—болѣе прежняго широкое примѣненіе къ дѣлу выборнаго начала. Послушаемъ же, какъ смотрѣлъ на эту часть нашъ проповѣдникъ и какіе уроки давалъ онъ въ этомъ отношеніи своимъ современникамъ. Вотъ что читаемъ мы на этотъ случай въ его „словѣ предъ избраніемъ судей“, сказанномъ въ 1818 году: „Общество, будучи единымъ многочленнымъ тѣломъ, отличается отъ тѣлъ естественныхъ тѣмъ, что его составъ образуется и сохраняется не столько силою необходимости естественной, сколько силою разума и свободы. И если тѣло человѣческое, управляемое необходимостію природы, для благосостоянія своего имѣетъ нужду въ судѣ, который-бы опредѣлялъ членамъ его родъ и мѣру дѣятельности и покоя, содержалъ общія и частныя его требованія въ предѣлахъ справедливости и пользы, наблюдалъ за его здравіемъ и, открывая болѣзни его, употреблялъ врачевства, или совсѣмъ отдѣлялъ чуждое для жизни цѣлаго: кольми паче искусственное тѣло общества человѣческаго для своего благоустройства и благосостоянія непрестанно требуетъ суда, который бы опредѣлялъ и содержалъ въ равновѣсіи опредѣленныя права и обязанности его членовъ, такъ чтобы обязанности не стѣсняли правъ, и права не разрушали обязанностей; способствовалъ-бы удовлетворенію потребностей общества, неразлучныхъ съ его бытіемъ, и пользамъ его членовъ, не нарушающимъ блага общественнаго; употреблялъ-бы награды и наказанія не какъ принадлежности токмо частнаго правосудія, но и какъ средства, предохранительныя для общественнаго здравія которое состоитъ въ господствующей любви къ порядку и

добродѣтели, и врачебныя для общественныхъ болѣзней, которыя суть господствующія склонности къ порокамъ. Изъ сего видно, что судья, какъ блюститель общественнаго порядка, долженъ объимать и проникать мыслію весь составъ общества; долженъ постигать единство сего многочленовнаго тѣла въ самомъ основаніи онаго, и потребности его во всемъ ихъ разнообразіи, дабы могъ быть надежнымъ охранителемъ его жизни и врачемъ его болѣзней... Орудіе благосостоянія для цѣлаго тѣла общества и членовъ его есть особеннымъ образомъ орудіе верховной власти, которая есть глава и сердце сего тѣла. И всѣ члены тѣла соединены со главою и покорены ей; но не важнѣйшіе-ли между прочими тѣ, которые, покорствуя ей, способствуютъ ея благотворному владычеству надъ прочими? Всѣ они почерпаютъ силу жизни отъ источника сердца; но не важнѣйшіе-ли тѣ, которые, будучи ближайшими пріемниками ея, должны распространять ее по всему составу? Судія есть око верховной власти, дабы назирать благосостояніе всего тѣла государства и каждаго изъ членовъ его; ея мышца, дабы приводить ихъ въ правильное движеніе; ея рука, дабы простирать ее для охраненія ихъ; онъ есть пріемникъ и сопроводитель животворной силы, текущей отъ сердца во все тѣло государства,—любви государя къ подданнымъ. Но какой будетъ союзъ главы или сердца съ цѣлымъ составомъ тѣла—верховной власти съ обществомъ, если тусклое или померкшее око не будетъ представлять главѣ ни состоянія, въ которомъ находятся члены, ни опасностей, которыя имъ угрожаютъ?—если разслабленная мышца не будетъ подымать тяжести членовъ, которые чрезъ нее должны быть приводимы въ движеніе, или будетъ производить только безпорядочныя содроганія?—если рука, по волѣ главы долженствующая покрывать и охранять члены, будетъ ихъ обнажать или терзать?—если орудія мудрости и благости государя будутъ преграждать ихъ благотворныя вліянія, а не распространять по всему составу государства? Вамъ, избиратели, предлежитъ, посредствомъ избранія, представить достойныя орудія верховной власти, представивъ ей таковыми еще прежде самихъ себя, въ самомъ избраніи; ваше дѣло долженствуетъ если не укрѣпить уже тѣснѣйшій

союзъ государя съ государствомъ, по крайней мѣрѣ способствовать къ сохраненію его совершеннымъ и ненарушимымъ,— союзъ, всегда вожделѣнный, но тѣмъ болѣе драгоцѣнный въ нашемъ отечествѣ, чѣмъ очевиднѣе основывается онъ на любви и украшается довѣренностію государя къ подданнымъ, какъ свидѣтельствуетъ самое право избранія, вамъ дарованное; ибо не любовь-ли побуждаетъ самодержавную власть оставлять подданнымъ столько свободы и, такъ сказать, независимости, что они могутъ сами себѣ давать управленіе? Не довѣренность ли изъявляется въ томъ, что самодержавная власть изъ рукъ подданныхъ пріемлетъ орудія своего дѣйствованія на подданныхъ? Вамъ, избиратели, предлежитъ оправдать сію высокую довѣренность, не огорчить сію державную любовь. *Видите, что вы творите*" (2 Пар. 19, 6) [1]). Этотъ превосходнѣйшій по глубокомыслію и основательности отрывокъ изъ слова Филарета достоинъ стать во главѣ не только всякихъ теорій судебныхъ и вообще законодательныхъ учрежденій, но и теорій соціально-государственныхъ установленій. Не смотря на то, что въ существѣ дѣла выборное начало не было нововведеніемъ Александрова царствованія, что оно было еще и въ счастливые годы Екатерининскаго царствованія, слово Филарета опередило даже и свое время. Оно ближе, понятнѣе нашему времени [2]). Потому-то, какъ мы предполагаемъ, это слово и заглохло, оставалось въ забвеніи какъ за послѣдніе годы царствованія Александра I, такъ и за все время царствованія Николая Павловича, и если-бы не любезная предупредительность нашего извѣстнаго археолога Е. В. Барсова, объ этомъ словѣ, быть можетъ, и наше время не знало [3]). Но что-же? Изложивъ вышепредставленныя глубокомысленныя соображенія свои, проповѣдникъ затѣмъ скромно замѣчаетъ: „доселѣ мы открыли нѣкоторые, человѣческіе только, виды суда и его только зем-

---

[1]) Сочин. Филар. Т. 1, стр. 252—254. Срав. „Государственное ученіе Филарета", стран. 62 и дал. Москва, 1883.

[2]) Срав. „Гражданинъ" 1883 г. кн. IX (прилож.), стр. 35 и дал.

[3]) *Е. В. Барсовъ* передалъ издателямъ сочиненій Филарета (1873 и дальн. годовъ) для напечатанія экземпляръ этого забытаго слова, о чемъ см. примѣч. къ 250 стран. 1-го тома сочин. Филар.

ное устроеніе" [1]). И далѣе раскрываетъ предъ нами высокую и по глубинѣ мысли, и по художественности исполненія, картину суда Божественнаго, продолжая изъясненіе слѣдующихъ словъ принятаго въ основаніе проповѣди текста: *не человѣческій вы судъ творите, но Господень, и Той съ вами въ словеси суда* (2 Пар. 19, 7) и такими словами заключая проповѣдь съ прежнимъ обращеніемъ къ избирателямъ: „со страхомъ (суда небеснаго) и вѣрою произнесите нынѣ обѣтъ вѣрности въ избраніи достойныхъ блюстителей частнаго и общественнаго блага. Богъ-же, *даяй цареви судъ свой и правду свою сыну цареву,* да не отъиметъ отъ сыновъ царствія Россійскаго правды своея и милости своея во вѣки, ибо *Господь правда наша* (Iер. 33, 16). Аминь" [2]).

Съ проповѣдью Филарета нельзя даже и сравнивать на подобный-же случай произнесенныя проповѣди его современниковъ: митрополита Амвросія (Подобѣдова) [3]), архіепископа Ѳеофилакта (Русанова) [4]), архимандрита Иннокентія (Смирнова) [5]) и др., не смотря на то, что одна изъ проповѣдей послѣдняго, близкаго къ Филарету человѣка, цензора проповѣдей Филарета съ 1813 года, произнесена лишь черезъ нѣсколько дней послѣ проповѣди Филарета (именно 25 января 1818 года) въ одной изъ придворныхъ церквей и напечатана въ собраніи сочиненій Иннокентія изданія не только 1845 года, но и 1821 года. Всѣ эти проповѣди много ниже разсмотрѣннаго слова Филарета.

Одну изъ самыхъ усиленныхъ заботъ царствованія Александра I представляла забота объ улучшеніи постановки дѣла народнаго просвѣщенія, какъ мы уже и замѣчали выше. Преобразованія по этой части также отчасти уже извѣстны намъ; извѣстно и участіе Филарета въ осуществленіи и измѣненіяхъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 254.

[2]) Тамъ-же, стр. 254—257.

[3]) Проповѣди Амвросія относятся: одна къ 1790, а другая къ 1802 году. См. Поучит. словъ его ч. III, стр 358 и дал. и 414 и дал. Москва, 1810 года.

[4]) Проповѣдь Ѳеофилакта произнесена въ 1801 г. См. поучит. словъ его ч. 1, стр. 66 и дал.

[5]) Одна изъ проповѣдей Иннокентія относится къ 1814, а другая къ 1818 г. См. сочин. его т. 2, стр. 175 и дал. и 185 и дал. изд. 1845 года.

плановъ этихъ преобразованій Знаемъ мы объ относящейся сюда рѣчи его въ первомъ торжественномъ собраніи конференціи С.-Петербургской духовной академіи. Посмотримъ теперь, какъ онъ говорилъ о томъ-же съ церковной каѳедры, а не въ академической конференцъ-залѣ, въ комиссіи училищъ, въ главномъ училищъ правленіи или въ кабинетахъ лицъ правительственныхъ. При этомъ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что относящееся сюда слово, при отпѣваніи тѣла бывшаго до 1810 года министромъ народнаго просвѣщенія графа П. В. Завадовскаго, произнесено было 17 января 1812 года, когда Филаретъ далеко еще не принималъ близкаго участія въ завѣдываніи дѣломъ просвѣщенія, когда онъ былъ еще только ученымъ баккалавромъ богословскихъ наукъ, и когда, напротивъ, онъ самъ еще говорилъ о себѣ, что въ Петербургѣ онъ „не имѣетъ пребывающаго града". Слово говорено было въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, гдѣ Филаретъ произнесъ первую свою проповѣдь на день Благовѣщенія. Въ основаніи слова поставленъ текстъ: *Блаженъ мужъ, иже въ премудрости помышляетъ правая: и иже въ разумѣ своемъ поучается святыни* (Спр. 14, 21). Мы не будемъ приводить пространныхъ и превосходныхъ размышленій проповѣдника о познаніи и мудрости вообще, исканіи того и другой, злоупотребленіи тѣмъ и другою и т. д. Мы приведемъ лишь мысли его о просвѣщеніи собственно въ Россіи, изложенныя почти въ концѣ надгробнаго слова Филарета, въ видахъ изображенія характера лица и дѣятельности покойнаго графа. „Почившаго въ Бозѣ болярина графа Петра, — говоритъ проповѣдникъ,— если-бы я хотѣлъ представить любомудрымъ для свѣта,—я могъ-бы сказать, что любомудріе составляло утѣшеніе жизни его, и что на послѣднемъ даже болѣзненномъ одрѣ его собесѣдникомъ и врачемъ была книга [1]). Но онъ жилъ не свѣту, а отечеству, и его истинное любомудріе было не занятіе празднаго времени, но подвигъ и польза. Первыя сѣмена сихъ здравыхъ правилъ онъ получилъ въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ разсад-

[1]) О высокомъ умѣ и просвѣщеніи, а также вообще о личности графа Завадовскаго можно читать у *Богдановича* въ 1 томѣ его „Исторіи царствованія Александра I", у *П. И. Бартенева* въ обоихъ томахъ его XIX вѣка и др.

никовъ просвѣщенія, которые, будучи насаждены для Церкви, принесли первые цвѣты опаго и для отечества [1])... Его способности обратили на него вниманіе Задунайскаго героя [2]) среди славныхъ его побѣдъ, а сіе вниманіе болѣе раскрыло его способности, и можно сказать, что тогда мечемъ побѣдителя изострено перо политика [3]). Сіе-то счастливое перо привело его потомъ къ подножію престола и толико кратъ освятилось начертаніями священной державной воли. Чѣмъ обширнѣе становилось поле его дѣятельности, тѣмъ болѣе возрастала его ревность къ благу общественному. Екатерина предпріемлетъ озарить сѣверъ благотворными лучами просвѣщенія,—и обрѣтаетъ въ немъ надежнѣйшаго споспѣшника въ дѣлѣ, требующемъ толикой прозорливости, духа и силы. Александръ хощетъ возсотворить свѣтъ наукъ во всемъ пространствѣ своего владычества,—и избираетъ его первымъ своимъ свѣтоносцемъ; и сей свѣтъ разливается повсюду, собирается въ средоточія, образуется въ сферы, созидается, такъ сказать, новый міръ просвѣщенія [4]). Наконецъ, на трудномъ поприщѣ законодательства, на которомъ онъ поставленъ былъ Екатериною, отличенъ Павломъ, превознесенъ Александромъ, полагаетъ онъ остатки своихъ силъ, не уклоняясь отъ служенія отечеству и тогда, когда преступилъ уже обыкновенный предѣлъ жизни человѣческой, указанный Пророкомъ (Псал. 89, 10) [5]). Съ науками, ученьемъ, въ общемъ составѣ просвѣщенія, тѣсно связаны и художества. Издавна поощряемыя въ Россіи, эти послѣднія и въ царствованіе Александра Павловича поощрялись и процвѣтали. Величественнѣйшимъ памятникомъ искусства за это царствованіе былъ между прочимъ Казанскій со-

---

[1]) Графъ Завадовскій получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи.

[2]) Графа Румянцева.

[3]) Завадовскому поручаемо было писать манифесты и другія государственныя бумаги. Срав. Сочин. Державина, т. VI, стр. 529 изд. *Я. К. Грота*.

[4]) О новыхъ совершенно или преобразованныхъ изъ прежнихъ учрежденіяхъ по вѣдомству просвѣщенія за это время см. у Богдановича тамъ-же и у Бартенева въ I т. цит. книги, стр. 431 и дал.

[5]) Сочин. Филар., т. I, стр. 168. По оставленіи въ 1810 году должности министра народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій назначенъ былъ и до конца жизни состоялъ членомъ государственнаго совѣта по законодательной части.

боръ въ Петербургѣ, начатый въ 1801, а оконченный въ 1811 году. Главнымъ исполнителемъ державной воли по созданію и украшенію собора былъ извѣстный уже намъ графъ А. С. Строгановъ, скончавшійся черезъ нѣсколько дней послѣ освященія собора. Всего этого Филаретъ касается въ своихъ проповѣдяхъ: на освященіе Казанскаго собора и на погребеніе графа Строганова, сказанныхъ въ 1811 году. „Христоименитые соотечественники,—взываетъ онъ въ первой проповѣди,—вотъ сердце царя по сердцу Божію! Оно не почиваетъ на великолѣпіи престола, не стремится за славою браней и, объемля благостію народы, не наполняется: его сокровище въ Богѣ, и оно въ дому Божіемъ... Вотъ сердце нашего Монарха, и вмѣстѣ единое сердце всего Августѣйшаго племени! Ты, велелѣпный храме, державное твореніе! Ты немолчный свидѣтель и видимый образъ благоговѣйной любви дома царева къ дому Божію. Твой чертежъ напоминаетъ нашего Давида, который, возжелавъ создать тебя, столь дорого цѣнилъ сіе благочестивое намѣреніе, что, какъ нѣкую часть наслѣдія, завѣщалъ оное своему сыну. Все зданіе возвѣщаетъ новаго Соломона, который началъ сей трудъ съ безкорыстіемъ и великодушіемъ; поелику, ища единственно Божіей и уклоняясь отъ собственной славы, поставилъ себя исполнителемъ назначеннаго уже предпріятія, и совершилъ оный съ такимъ неослабнымъ вниманіемъ, что здѣсь, можно сказать, все сдѣлано въ его присутствіи, подъ его мановеніями. Сіи драгоцѣнности, украшающія изображеніе Преблагословенныя въ женахъ, сіяютъ усердіемъ женъ порфироносныхъ. И если миръ, благопріятствовавшій строенію древняго храма Соломонова, былъ изъявленіемъ благословенія ниспосланнаго свыше на дѣло благочестія: равнымъ образомъ не есть-ли глаголющимъ знаменіемъ и благочестивой твердости Александра и небеснаго къ нему благоволенія то, что сей царственный памятникъ вѣры, среди непрерывныхъ почти браней съ мощными врагами [1]), воздвигнутъ не съ меньшимъ благопоспѣшествомъ, какъ-бы среди глу-

---

[1]) Съ 1805 года Россія, какъ извѣстно, благодаря властолюбивымъ притязаніямъ Наполеона, вынуждена была вести непрерывныя почти войны съ сосѣдями.

бокаго мира“ [1]). „Монархъ,—говоритъ нашъ проповѣдникъ въ другой изъ указанныхъ выше проповѣдей, — котораго сердце въ руцѣ Божіей, предпріявъ создать достойный своего царствованія храмъ Зиждителю міра, нашелъ его (графа А. С. Строганова) достойнымъ быть первымъ споспѣшникомъ своего благочестія. При семъ избраніи онъ (графъ) почувствовалъ, что Провидѣнію угодно запечатлѣть его дѣянія симъ священнымъ служеніемъ, и съ благоговѣйною покорностію началъ великій подвигъ въ такія лѣта, въ которыя не многіе имѣютъ счастіе оканчивать [2]). Его бодрый духъ напрягалъ оставшіяся силы изнемогающей природы и, истощая ихъ на сіе богоугодное дѣло, всѣ свои желанія ограничилъ онъ тѣмъ, чтобы увидѣть его совершеніе. Тогда-то собраны самые зрѣлые плоды въ вертоградѣ, имъ воздѣланномъ; совершеннѣйшія произведенія отечественныхъ художниковъ принесены виновнику всякаго совершенства, какъ богатые начатки народнаго изобилія и образованности; изящныя искусства, сіи нѣжныя исчадія роскоши, облагородствовались и освятились, работая благочестію; и такимъ образомъ дѣятельно проповѣдано любителямъ изящнаго, что истинно-здравый вкусъ долженъ быть направленъ не къ услажденію только воображенія, но къ пищѣ духа. Когда же десятилѣтній трудъ его увѣнчался, когда Церковь въ присутствіи помазанника Божія призывала Господа въ уготованное для Него селеніе, и Его слава таинственнымъ нашіемъ пріосѣнила сіе священное нынѣ мѣсто [3]), здѣсь стоялъ утѣшенный ревнитель сея славы и приносилъ жизнь свою въ благодарственную жертву за величественное служеніе, принесенное имъ въ одно время и небесному, и земному Царю. *Нынѣ* взывалъ онъ втайнѣ съ Симеономъ, и сіе чувствованіе неоднократно изливалось изъ души его, —*нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ.* Мои желанія, мои предчувствія исполнились; я готовъ предать въ руки Твои жизнь, которую желалъ имѣть токмо для ближнихъ и для Тебя, Жизнодавецъ!—

---

[1]) Сочин. Филар., т. I, стр. 145—146.

[2]) Графъ родился въ 1734 году.

[3]) Разумѣется освященіе собора, бывшее 15 сентября. Въ соборѣ-же было и отпѣваніе графа.

Богъ услышалъ его молитву—и удержалъ его здѣсь на нѣсколько дней токмо для того, чтобы показать намъ его на одрѣ смерти" [1]). Это главнѣйшій памятникъ художественныхъ произведеній Россіи въ царствованіе Александра I,—главнѣйшій или лучше,—важнѣйшій памятникъ художественной дѣятельности графа Строганова, котораго касался Филаретъ въ своей проповѣди. Но онъ касался и другихъ сторонъ художественной дѣятельности въ Россіи за то время. Изображая того-же графа Строганова, какъ „покровителя наукъ и художествъ", проповѣдникъ говоритъ: „но кому я сіе повѣдаю? Отечество знаетъ сына, который жилъ для отечества. Вы знаете, питомцы и любители свободныхъ художествъ, съ какою неутомимостію приводилъ онъ ваше общество въ сіе цвѣтущее состояніе, въ которомъ оставилъ оное; съ какимъ вниманіемъ одобрялъ ваши труды покровительствомъ и предстательствомъ у Престола; съ какимъ удовольствіемъ открывалъ онъ младенчествующій геній и съ какою отеческою попечительностію его воспитывалъ; сколь охотно жертвовалъ вашему образованію своею собственностію, такъ что шуйца не вѣдала, что творила десница; какъ на самомъ краю гроба онъ еще заботился объ исполненіи благодѣтельныхъ о васъ намѣреній" [2]). Другія отдѣльныя стороны внутренняго устройства Россійскаго государства Филаретъ затрогиваетъ частію здѣсь-же, а частію въ надгробныхъ словахъ въ память графовъ Завадовскаго и П. А. Строганова и князя Кутузова-Смоленскаго, каковыя слова можно читать въ различныхъ собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета.

Наконецъ говорить-ли намъ о характерѣ изложенія содержанія въ проповѣдяхъ Филарета?—Мы могли видѣть таковой характеръ въ сдѣланныхъ доселѣ выдержкахъ изъ этихъ проповѣдей. Мы могли видѣть, какъ нашъ проповѣдникъ всегда искусно пользуется избраннымъ для проповѣди текстомъ (если конечно таковый есть),—какъ искусно затрогиваетъ предметъ проповѣди, подходитъ къ указанію темы ея; затѣмъ,—какъ

---

[1]) Сочин. Филарета, т. I, стр. 156.

[2]) Сочин. Филарета, т. I, стр. 155; срав. проповѣдь въ 40-й день по кончинѣ графа, тамъ-же, стр. 162 и дал.

искусно, но вмѣстѣ чрезвычайно свободно раскрываетъ тему развиваетъ основную мысль ея и мысли второстепенныя,—вообще, какъ искусно и вмѣстѣ свободно пользуется установленными формами проповѣди. Далѣе, могли мы конечно видѣть, изъ тѣхъ-же выдержекъ, и достоинства слова проповѣди нашего витіи: языка его проповѣди, слога или стиля ея и проч. Вообще и короче говоря, какъ по внутреннему, такъ и по внѣшнему характеру своему проповѣди Филарета за Петербургскій періодъ его дѣятельности могутъ служить образцами церковнаго краснорѣчія. Само собою разумѣется, не всѣ-же 29 проповѣдей, произнесенныхъ Филаретомъ за 1810—1818 годы, совершенно одинаковы по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ. Не даромъ, конечно, не всѣ ихъ самъ Филаретъ допустилъ во всѣ позднѣйшія собранія своихъ словъ и рѣчей. Но съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что нѣкоторыя и превосходнѣйшія изъ проповѣдей Петербургскаго періода дѣятельности Филарета отнюдь не по причинѣ какихъ-либо недостатковъ ихъ не внесены въ эти собранія, а по какимъ-либо другимъ соображеніямъ или просто по забвенію. Таковы напримѣръ: слово въ день Святыя Пасхи 1811 года, которое, какъ намъ извѣстно, Леонидъ Зарѣцкій обозвалъ одою, но которое могло-бы не менѣе проповѣди въ Великій Пятокъ 1813 года быть поставлено образцомъ краснорѣчія въ сборникахъ по церковной словесности и которое можно читать въ I томѣ сочиненій Филарета,—надгробныя слова по графамъ А. С. Строганову и Завадовскому, вышеприведенное слово предъ избраніемъ судей въ 1818 году и др. Нечего говорить, разумѣется, о томъ, что проповѣди Филарета изъ разсматриваемаго періода, внесенныя въ собранія 1820 и 1821, а тѣмъ болѣе 1844—1845 и 1848 годовъ [1]), суть вполнѣ образцовыя. Къ сожалѣнію, такихъ проповѣдей не особенно много. Изъ числа всѣхъ 29-ти только 11 удостоились быть внесенными во всѣ означенныя собранія, именно: 1) слово въ день Пятидесятницы 1811 года; 2) слово въ недѣлю 4-ю по Пятидесятницѣ то-

---

[1]) Собраніе 1861 года служитъ дополненіемъ къ изданію 1848 года и содержитъ проповѣди, произнесенныя съ 1849 года.

то-же года; 3) слово на Рождество Христово за тотъ же годъ; 4) бесѣды о молитвѣ Господней изъ 1812 года; 5) слово въ Великій Пятокъ 1813 года; 6) слово предъ погребеніемъ тѣла князя Кутузова-Смоленскаго, произнесенное въ томъ-же году; 7) слово о гласѣ вопіющаго въ пустыни и на воспоминаніе происшествій 1812 года, произнесенное въ 1814 году; 8) слово въ день сошествія Св. Духа, говоренное въ томъ-же году; 9) слово въ недѣлю 24-ю по Пятидесятницѣ, того-же года; 10) слово на второй день праздника Рождества Христова, того-же года и 11) слово въ Великій Пятокъ 1816 года. Только въ собранія 1820 и 1821 годовъ, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ 11-ти, вошли слѣдующія проповѣди изъ того-же періода: 1) слово на освященіе храма во имя Св. Троицы въ домѣ князя А. Н. Голицына, 1812 года; 2) слово на Рождество Христово, того-же года; 3) слово на день коронаціи 1814 года; 4) бесѣды по освященіи домовой церкви графа Кочубея, того-же года; 5) слово на день Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, того-же года; 6) слово по освященіи домовой церкви графа Разумовскаго, произнесенное въ 1816 году и 7) слово предъ погребеніемъ тѣла графа П. А. Строганова, говоренное въ 1817 году. Итого 18 проповѣдей, внесенныхъ въ позднѣйшія собранія и 11 напечатанныхъ лишь отдѣльными брошюрами вслѣдъ за произнесеніемъ ихъ, внесенныхъ-же только въ посмертное изданіе сочиненій Филарета 1873 года. А между тѣмъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ сличенія проповѣдей Филарета, каковы: на день Благовѣщенія 1810 года, предъ приведеніемъ къ присягѣ судей 1818 года и др. съ проповѣдями другихъ и прежнихъ и современныхъ ему церковныхъ ораторовъ мы видѣли, что и эти даже, т. е. не удостоенныя внесенія въ позднѣйшія собранія проповѣди нашего витіи, не только не уступаютъ таковымъ проповѣдямъ, но и во многихъ отношеніяхъ превосходятъ ихъ. Что-же говорить о внесенныхъ въ позднѣйшія собранія проповѣдяхъ Филарета?— Онѣ прямо могутъ быть названы и дѣйствительно являются образцовыми.

А изъ всего доселѣ изложеннаго до очевидности явствуетъ, какъ скоро и высоко поставилъ себя Филаретъ въ Петербургѣ,

на поприщѣ проповѣднической дѣятельности своей. Пріѣхавъ въ Сѣверную Пальмиру, никому почти здѣсь неизвѣстный 26 лѣтній инокъ, не болѣе какъ черезъ годъ по прибытіи сразу становится извѣстнымъ проповѣдникомъ; обращаетъ на себя взоры всѣхъ, интересующихся дѣломъ проповѣди и даже возбуждаетъ зависть своею проповѣдническою славою, которая затѣмъ съ 1811 года все болѣе и болѣе растетъ до своего апогея въ 1814 году. Съ этого года, повидимому, ослабляется энергія проповѣднической дѣятельности Филарета. Онъ говоритъ много меньше прежняго проповѣдей; сосредоточивается главнымъ образомъ на учено-богословскихъ работахъ, а съ 1816 года и на трудахъ по переводу Библіи на русскій языкъ. Едва лишь выпустивъ въ свѣтъ свои ученые труды: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной Церкви“ (Спб. 1815); „Записки на книгу Бытія“ (Спб. 1816) и „Начертаніе Церковно-Библейской исторіи“ (Спб. 1816), онъ всею энергіею своею сильнаго дарованіями и богатаго эрудиціею духа предался святому и великому дѣлу перевода Библіи на русскій языкъ. А это дѣло не прекращалось до самаго конца Петербургскаго періода его дѣятельности. Но какъ само собою понятно, вмѣстѣ съ такимъ видимымъ ослабленіемъ энергіи проповѣднической дѣятельности Филарета съ 1815 года, отнюдь не ослаблялась сила его проповѣдническаго таланта, не умалялось и достоинство его проповѣдей какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Напротивъ, чѣмъ глубже Филаретъ входилъ въ предметы своихъ научныхъ богословскихъ работъ, а особенно въ изученіи главнѣйшаго источника проповѣди — слова Божія, къ чему болѣе прежняго пристальное вниманіе онъ долженъ былъ прилагать съ 1816 года, тѣмъ обильнѣе напоялъ себя отъ самыхъ первыхъ источниковъ слова проповѣди. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе онъ и самъ упражнялся въ дѣлѣ проповѣди и другихъ руководилъ упражняться въ составленіи ихъ, чѣмъ болѣе внималъ слову проповѣди своихъ современниковъ, читалъ ихъ и прежнихъ витій проповѣди, участвовалъ въ ихъ изданіи (напримѣръ проповѣдей митрополита Михаила) и проч., тѣмъ болѣе усовершалъ, какъ само собою понятно, и внѣшнія качества своихъ проповѣдей. Нужны

были только болѣе благопріятныя условія для проповѣднической дѣятельности Филарета, для обнаруженія его церковно-ораторскаго таланта, нежели какія представлялись для него съ 1815 года въ Петербургѣ, чтобы онъ снова и притомъ съ большею противъ прежняго силою воспарилъ духомъ на святое дѣло проповѣданія слова Божія. И такія условія представились для Филарета, когда онъ, съ второстепеннаго положенія викарія, 15 августа 1819 года, перешелъ на самостоятельную архіерейскую каѳедру, сперва въ Тверь, затѣмъ (съ 26 сентября 1820 года) въ Ярославль и наконецъ (съ іюля 3-го 1821 года) въ Москву, гдѣ и завершилъ свою болѣе чѣмъ 60-лѣтнюю проповѣдническую дѣятельность. Здѣсь-то по преимуществу сталъ доброю снѣдію для духовныхъ чадъ его зрѣлый плодъ всей его предшествовавшей проповѣднической дѣятельности какъ низшей предуготовительной — въ Троицкой лаврской семинаріи (1803—1808), такъ и высшей, но также во многомъ предуготовительной — въ Петербургѣ за разсмотрѣнный періодъ 1809—1819 годовъ. Ибо какъ въ Троицкой семинаріи Филаретъ только учился проповѣди, хотя, какъ мы видѣли, былъ и первымъ ученикомъ въ школѣ Платона, такъ и въ Петербургѣ онъ проходилъ не болѣе какъ высшую школу проповѣди; не столько училъ другихъ проповѣдывать, сколько самъ усовершался въ той-же наукѣ, хотя и здѣсь, въ этой высшей школѣ, какъ въ школѣ Платона, учился блестяще, былъ первымъ ученикомъ этой школы. Такъ подготовилъ онъ себя всесторонне къ самостоятельной архипастырской проповѣди, - къ тому, чтобы быть потомъ совершеннымъ, образцовымъ учителемъ въ дѣлѣ проповѣдничества не учащейся только молодежи, а и самихъ пастырей Церкви, изъ коихъ многіе потомъ и сами стали, при жизни-ли Филарета, или послѣ блаженной кончины его, архипастырями. Но объ этой проповѣднически - учительной архипастырской дѣятельности Филарета въ средѣ пастырей русской Церкви мы будемъ вести рѣчь особо.

И. Корсунскій.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Декабря 15 дня 1885 года.

Харьковъ. Типографія Окружнаго Штаба.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Вѣра и Разумъ“.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строк.*		*напечатано:*	*должны быть:*
6	13	снизу	благопослужливости	благопослушливости
15	17	—	достоинъ	достоитъ
25	17	—	не	ни
24	5	сверху	не даетъ ли	не дастъ ли
32	17	—	рекше	рекшу
—	21	—	благословенію	благоволенію
65	2	снизу	тебѣ	тебе
—	16	—	удотворилъ	удовлетворилъ
66	11	сверху	государствѣ	Государѣ
108	18	—	пиршественные	торжественные
115	13	—	ослина	ослица
123	12	—	этой	синодальной
131	2	снизу	освѣщеніе	освященіе
—	17	сверху	истинною	истиною
147	1	снизу	веѣте	вѣсте
151	16	—	мирской	мірской
176	15	сверху	не	на
180	3	снизу	Парфиріевъ	Порфиріевъ
—	12	—	безбожія	безбожіе
184	6	—	безстрашнаго	безстрастнаго
186	13	—	дѣвяти	девяти
228	17	—	чирниговскаго	черниговскаго.